

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,

П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 11.

Н о я б р ь.

1913.

Памяти Н. П. Огарева.

(1813 — 1913 гг.).

Когда въ 1868 г. послѣ двадцатилѣтняго перерыва, Огаревъ задумалъ продолжать «Юморъ», жалоко́къ показался ему пройденный путь, и, «полонъ внутреннимъ сомнѣніемъ», онъ спрашивалъ себя:

Я много ль истинѣ далъ ходу?
Свершилъ ли я хоть что-нибудь?
Одну принесъ ли жертву сроду?
Нѣ жизнь умѣлъ я повернуть
Страстишкамъ маленькимъ въ угоду?

На послѣдній скорбный вопросъ Огарева исторія русской общественности и литературы уже давно дала отрицательный отвѣтъ, и сила его непререкаема и въ наши дни.

Вспоминая годы юности, Герценъ говорилъ, что Огаревъ «былъ одаренъ особой магнитностью, женственной способностью притяженія. Безъ всякой видимой причины къ такимъ людямъ льнуть, пристають другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокаиваютъ ихъ; они открытый столъ, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣй, покойнѣе, и идетъ прочь — другомъ». На него можно сердиться, негодовать, удивляться, какъ уживаются въ немъ идеалистическіе порывы съ безцвѣтной жизнью русскаго помѣщика, — но все это только до тѣхъ поръ, пока его нѣтъ, а разъ онъ съ друзьями, или пришло письмо отъ него, — «симпатичная всему прекрасному и высокому душа все поправила, примирила, возстановила».

Богато одаренный, полный черезъ край бьющихъ силъ, Огаревъ щедрой рукой разсыпалъ передъ друзьями блески своего выдающагося ума, давалъ имъ сильныя умственные и нравственные импульсы. Дружбѣмъ удавалось сдѣлать много больше, чѣмъ самому Огареву, но въ сдѣланномъ ими всегда было нѣчто отъ Огарева и недаромъ Грецень спрашивалъ, знаютъ ли, насколько во всемъ имъ написанномъ отразились бесѣды, споры съ Огаревымъ, ночи, которыя они бродили по улицамъ и полямъ или проводили за бокаломъ вина...

Самъ Огаревъ оставался въ области широкихъ, неосуществленныхъ замысловъ, грандіозныхъ плановъ, находившихъ почву въ его прекрасномъ образованіи, большой начитанности, эстетическихъ и философскихъ вѣтвяхъ. Онъ занятъ планомъ созданія стройной философской системы, которая должна объяснить происхожденіе вселенной изъ сочетанія матеріи и идеи, должна дать руководящую нить для исторіи человѣчества съ момента его появленія на землѣ, — системы, по словамъ Анненкова, витавшей въ области «теозофическихъ и философскихъ сумерекъ». Онъ хочетъ ѣхать въ Берлинъ издавать журналъ съ Гегелемъ. Онъ изучаетъ теорію музыки, пробуетъ свои силы въ композиціи. Онъ задумываетъ біографію Рубенса, рядъ статей по искусству, философскую драму «Художникъ», четыре большихъ цикла лирическихъ стихотвореній... А въ то же время его неудержимо тянетъ къ автобіографіи, такъ какъ «мы прошли *Lehrjahre u Wanderjahre*, теперь пора *der selbstbewusstseynsjahren*», и не даетъ покоя мысль о русскихъ историческихъ драмахъ, въ которыхъ, «должна выразиться русская жизнь, русскіе люди со всѣмъ ихъ глубокимъ содержаніемъ или уродливой особенностью». А надъ всѣми этими безчисленными и разнообразными стремленіями, какъ духъ Божій надъ хаосомъ міроздавія, носился «соціальный вопросъ», къ которому «современный человѣкъ необходимо привязанъ»... Разумное, свободное общество, — писалъ Огаревъ въ 1841 г., — вотъ задача современная, которая разрѣшится въ будущемъ. Всѣ будутъ работать около этой задачи, и только всѣ рѣшатъ ее. Артистъ или мыслитель каждый будетъ тутъ архитекторомъ или поденщикомъ все равно. Соціализмъ, который представляетъ разумную волю человѣка, это одна сторона духа; наука, разумъ — другая; искусство, творчество, любовь — третья. Пусть каждый избираетъ одно и работаетъ. Блаженъ, кто заключить въ себѣ всѣ три стороны, — его жизнь будетъ самая полная».

Идеаль гармонически развитой личности и Николаевскій режимъ... Могла ли быть антитеза болѣе трагичная? Для Огарева она осложнялась его страстной любовью къ родинѣ. Пусть «разумно» онъ считалъ себя принадлежащимъ человѣчеству болѣе, чѣмъ родинѣ, — его естественная, не духовная (*natürliche, nicht geistige*) привязанность къ родной странѣ была ему дорога больше всего. «Благосло-

вляю мою Россію и не оторвусь отъ нея», писалъ онъ во время заграничнаго путешествія въ 1841 г.

Черезъ 15 лѣтъ Огаревъ оторвался отъ родины, переѣхалъ въ Лондонъ и въ 1857 г. вмѣстѣ съ Герценомъ «ударилъ въ вѣчевый колоколъ», ударилъ на чужбинѣ.

Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни,
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободомыслию привыкъ,
И не касался окова
До человѣческаго слова...

Съ тревогой и радостью слѣдилъ Огаревъ съ чужбины за жизнью родины въ первые годы царствованія Александра II. Въ дѣйствіяхъ правительства ему «ощутительно желаніе блага и прогресса», но ощутительно и другое: перѣшительность, стремленіе къ полумѣрамъ и неясность дѣйствій. Онъ боится, что у правительства не хватитъ людей, что оно «споткнется о чинъ», что «хитросплетенные дипломаты, полицейскіе чиновники и государственные воры» прошлаго царствованія, подъ прикрытіемъ революціоннаго призрака, будутъ и теперь продолжать свое дѣло. Между тѣмъ въ Россіи нѣтъ элементовъ для европейской «демократико-соціальной» революціи. Россія жаждетъ возрожденія, и «если правительство не встанетъ въ главѣ этого возрожденія, то натолкнется на революцію не европейскую, а дикую, враждебную образованію, крестьянскую». Пока не поздно, пусть правительство «мимо чина» вызоветъ новыхъ дѣловыхъ сподвижниковъ, «друзей благороднаго и разумнаго направленія».

Очень скоро систематическій обзоръ правительственныхъ дѣйствій прерывается. Подробности исчезаютъ передъ всякимъ событіемъ, и Огаревъ шлетъ издалека привѣтъ «свободныхъ людей русскихъ — царю, уничтожающему рабство». Онъ не хочетъ теперь скрываться подъ псевдонимомъ, ему больно прятаться отъ Александра II съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній, «сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла». Буквы Р. Ч., которыми Огаревъ до сихъ поръ подписывалъ статьи въ «Колоколѣ», смѣняются теперь его полнымъ именемъ.

Въ радостномъ возбужденіи Огаревъ иногда переоцѣниваетъ доходившіе до Лондона слухи. «Государь отпустилъ удѣльныхъ крестьянъ на волю и съ землею», пишетъ онъ 15 августа 1858 года, а ровно черезъ мѣсяцъ уже кается передъ читателемъ въ своей ошибкѣ, объясняя ее послѣдностью, съ которой хочется радостно принять все, что въ Россіи могло случиться хорошаго.

По мѣрѣ хода реформы, радости смѣнялись печалью, но среди этихъ лихорадочныхъ перебоевъ настроенія Огаревъ продолжалъ хранить вѣру въ «освобождающую волю» Александра II. III отдѣленіе

приказываетъ ему вернуться въ Россію. Онъ отвѣчаетъ письмомъ къ Государю: «Я возвращусь, когда въ Россіи будетъ властвовать Ваша освобождающая воля, а не произволъ сановниковъ, своекорыстныхъ, неправосудныхъ и бездарныхъ, застилающихъ отъ Васъ правду и живую жизнь русскаго народа. Я возвращусь, когда отсутствіе административнаго насилія, гласность суда и возможная свобода печати — обезпечать личность и слово. Я возвращусь — не по вызову III отдѣленія, а потому что Вы сами, Государь, признаете необходимость свободнаго вѣзда въ Россію всѣмъ истиннымъ сынамъ ея».

Еще до изданія «Колокола» у Герцена и Огарева была уже намѣчена въ общихъ чертахъ программа освобожденія крестьянъ. Главными пунктами ея были: освобожденіе съ землей посредствомъ выкупа и сохраненіе общины. Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ въ длинномъ рядѣ статей и замѣтокъ Огаревъ и Герценъ, по мѣрѣ хода реформы, развивали основныя положенія программы. Скажемъ, лишь, что на страницахъ «Колокола» защита общины и выясненіе ея значенія выпали, главнымъ образомъ, на долю Огарева, тогда какъ Герценъ сравнительно рѣдко касался здѣсь вопроса объ «естественномъ коммунизмѣ нашихъ» и объ отношеніи общины къ личной свободѣ отдѣльнаго общинника. Огареву же принадлежитъ и рѣзкая критика «Положенія» 19 февраля. «Положеніе» — плодъ бездарной, а главное, неискренней дѣятельности правительства, въ немъ больше «началь противныхъ освобожденію», чѣмъ ему способствующихъ. Для кого оно написано? Не для мужика, который его не пойметъ и для котораго суть дѣла надо было бы изложить на одномъ листѣ, даже не для помѣщика, — оно написано для чиновничества, которому поручено проводить его въ жизнь, написано «для грабящихъ, но не для грабимыхъ, для канцеляріи, а не для народа»... Первая статья, посвященная разбору «Положенія», заканчивается словами: «Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право *не отмѣнено. Народъ обманутъ!*» Последнія слова, какъ лейтмотивъ, повторяются въ послѣдующихъ статьяхъ, посвященныхъ разбору «Положенія» и носящихъ характерное заглавіе — «Разборъ новаго крѣпостного права». Единственное значеніе акта 19 февраля въ томъ, что «слово освобожденія сказано, и потребность дѣйствительнаго освобожденія будетъ съ каждымъ годомъ расти въ народѣ... И разъ проснувшееся освобожденіе Россіи совершится помимо и вопреки правительству»...

Примать социальнаго надъ политическимъ ясно чувствовался въ «Колоколѣ» въ первые годы его существованія. Герценъ писалъ въ 1858 году: «Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія, мы всѣ ихъ видимъ на дѣлѣ и видимъ, что всѣ онѣ никуда не годятся, если онѣ реакціонны, и всѣ хороши, если онѣ совершенны и прогрессивны». А Огаревъ въ первомъ же номерѣ «Колокола» привѣтствовалъ друга, готоваго «ужиться со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно стояло на высотѣ

экономическихъ измѣненій». Мы уже видѣли колебанія Герцена и Огарева въ отношеніи къ Александру II, но общей картины они не мѣняли: пѣлъ ли Герценъ свой гимнъ «побѣдителю Галлилеянину», говорилъ ли Огаревъ, что хочетъ померкнуть утро, проглянувшее послѣ долгой и ледяной ночи», — вопросъ политическій былъ заслоненъ вопросомъ социальнымъ.

Приблизительно съ конца 1861 г. картина начинаетъ измѣняться: политика начинаетъ выступать на авансцену, и въ 1865 г. къ старому девизу журнала — *Vivos voco!* присоединяется другой — Земля и Воля! Дѣло не обходится безъ крупныхъ недоразумѣній, какъ напри- мѣръ въ 1862 г., когда Огаревъ составилъ дворянскій адресъ, который давалъ возможность дворянству, въ видѣ своего рода компенсации за 19 февраля требовать «увѣнчанія зданія». Въ то же время политическій радикализмъ «Колокола» начинаетъ пугать въ Россіи близкихъ друзей журнала. Оказывается, до сихъ поръ, по словамъ Кавелина, они видѣли въ Герценѣ только «мыслителя и обличителя».

Переходъ отъ социальныхъ вопросовъ къ политикѣ, или вѣрнѣе политическая окраска социальныхъ вопросовъ особенно замѣтно сказались въ статьяхъ Огарева — весьма вѣроятно, не безъ вліянія Бакунина, въ 1861 г. пріѣхавшаго въ Лондонъ, — недаромъ Тургеневъ подчеркивалъ *первенство* Огарева въ журналѣ.

Огаревъ заявлялъ, кончая разборъ «Положенія» 19 февраля, что освобожденіе Россіи «совершится помимо и вопреки правительству». Онъ разумѣлъ тогда освобожденіе социальное. Теперь онъ зоветъ къ освобожденію политическому. Въ этомъ дѣлѣ народу нужны помощники учителя. Пусть возьметъ это дѣло въ свои руки молодежь, благо правительство ей помогаетъ, закрывая Университеты. Не нужно цугаться закрытія университетовъ, — пишетъ Огаревъ въ 1862 г., обращаясь къ молодежи: «развѣ вы нашли бы науку тамъ, гдѣ учителя проповѣдуютъ необходимость чина и за такое гражданское мужество получаютъ одобрительную улыбку Потапова?.. Развѣ вы нашли бы науку тамъ, гдѣ учителя вызываютъ противъ васъ штыки и нагайки?» Идите же въ народъ и скажите ему, что «земля ему отдается, что пришла пора соединиться, чтобы учредить всюду свое управленіе, выборное и отвѣтственное—на мѣсто казеннаго, чиновничьяго, самовластнаго»...

Въ 1868 г. прекратился «Колоколъ», послѣдній годъ издававшійся въ Женевѣ на французскомъ языкѣ, въ 1873 г. умеръ Герценъ, и началось угасаніе Огарева.

Въ предчувствіи недалекой могилы оглядываясь на прошлое, наединѣ съ самимъ собой подводя итоги пережитому, Огаревъ нерѣдко перечитывалъ свои стихотворенія, и въ это время вся его жизнь передъ нимъ

Вставала тихо день за днемъ,
Съ ея сердечной теплотою,
Съ ея сомнѣньемъ и тоскою,
Съ ея безумствомъ и стыдомъ.

Дѣйствительно поэзія Огарева, въ лучшихъ ея страницахъ,—лѣтопись его внутренней жизни. Она долго была забыта, заслоненная политической дѣятельностью Огарева, но когда работы покойной Е. С. Некрасовой и М. О. Гершензона воскресили ее, она новымъ, задумчивымъ и мягкимъ свѣтомъ освѣтила крупную фигуру политическаго дѣятеля. Источникъ этого свѣта — не въ политическихъ его стихотвореніяхъ, зачастую грубыхъ и растянутыхъ, не въ крупныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ, страдающихъ, употребляя выраженіе Анненкова, «ожирѣніемъ стиха», а въ интимной лирикѣ Огарева. Непобѣдимая власть воспоминанія, неистребимая «память сердца», тоска отъ безсилія воскресить всю полноту бывшихъ переживаній, стремленіе почувствовать «весь трепетъ жизни», обнять заразы духъ вѣчности», рядомъ съ этимъ сознаніе, что «жизнь скупа», что чашу ея можно пить только по глоткамъ, что всѣ стремленія «замолкнуть безотвѣтно» — вотъ основные мотивы Огаревской лирики. Она мягка и задумчива, все бурное, порывистое, героическое — не характерно для нея, и даже властители юныхъ думъ Огарева — декабристы — изображены имъ лучше всего на фонѣ тихаго заката, «страдальцами, полными смиренія», а ихъ жены — не въ ореолѣ мужественнаго героизма, какимъ окружалъ ихъ Некрасовъ, а въ мягкихъ тонахъ извѣстнаго стихотворенія Одоевскаго. И знакомясь съ поэзіей Огарева, невольно спрашиваешь себя: не кроется ли въ противоположности между мягкой и меланхолической натурой поэта и кипучей дѣятельностью политическаго борца одинъ изъ источниковъ душевнаго надрыва, съ которымъ Огаревъ называлъ себя «споткнувшимся пророкомъ» и съ презрительной жалостью смотрѣлъ на пройденный путь?..

Все больше лѣтъ на самомъ дѣлѣ,
 Все ближе къ гробу жизньъ ведетъ,
 И память прошлаго тяжеле,
 И неотступнѣе гнететъ...
 Мой страшный судъ лежить во мнѣ,
 Его свершу наединѣ.

Приговоръ Огарева надъ самимъ собой былъ беспощаденъ. Мы къ нему не присоединимся, и въ отвѣтъ на самобичеванія Огарева, что онъ ничего не сдѣлалъ, вспомнимъ слова Герцена: «Время слова, говорятъ нетерпѣливые люди, прошло, время дѣла наступило». Какъ будто слово не есть дѣло? Какъ будто время слова можетъ пройти? Враги — наши никогда не отдѣляли *слово* и дѣло и казнили за *слово* не только одинакимъ образомъ, но часто свирѣпѣе, чѣмъ за дѣло!.. Слово Огарева было его дѣломъ.

Н. Мендельсонъ.

Грибоѣдовская Москва.

I.

Еще въ концѣ Екатерининскаго времени впервые появляется предъ нами Марья Ивановна Римская-Корсакова. Блѣдной тѣнью мелькнетъ она разъ, другой на горизонтѣ московскихъ преданій, потомъ исчезаетъ, и вдругъ, въ двѣнадцатомъ году, точно озаренная московскимъ пожаромъ, предстаетъ уже вся живая—не безыменная фигура, а именно Марья Ивановна, которой ни съ кѣмъ не смѣшаешь; и затѣмъ время, подобно кинематографу, постепенно все болѣе придвигаетъ ее къ намъ, ея фигура, приближаясь, растетъ и растетъ, и вотъ въ 20-хъ годахъ она стоитъ предъ нами во весь ростъ, вся на виду до мельчайшей морщинки на ея немолодомъ, но еще привлекательномъ лицѣ.

Трудно устоять противъ искушенія срисовать ея портретъ. Ея лицо такъ характерно въ своей непринужденной выразительности, и вмѣстѣ такъ ярко-типично, что она кажется скорѣе художественнымъ образомъ, нежели единичной личностью. Между тѣмъ она дѣйствительно жила, ея домъ въ Москвѣ понынѣ цѣлъ, и многіе изъ нашихъ знакомыхъ неразъ съ улыбкою слушали ея бойкую и умную рѣчь, въ томъ числѣ самъ Пушкинъ. Вяземскій писалъ о ней: «Марія Ивановна Римская-Корсакова должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова» ¹⁾.

Вяземскій, Грибоѣдовъ и Пушкинъ знали ее уже въ ея поздніе годы. Вяземскій только отъ стариковъ слышалъ о томъ, какъ мастерски Марья Ивановна въ молодости исполняла роль фонъ-визин-

¹⁾ Полн. собр. соч. кн. II. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 170.

ской Еремѣвны гдѣ-то на домашней сценѣ. Но князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, самый благодушный изъ русскихъ поэтовъ и самый романтическій изъ русскихъ губернаторовъ, былъ вхожъ въ ея домъ еще при Павлѣ. Онъ въ молодости страстно любилъ «театральную забаву», а у Марьи Ивановны часто устраивались домашніе спектакли, и вообще въ ея домѣ было весело; онъ до старости съ умиленіемъ вспоминалъ ту зиму—уже въ началѣ царствованія Александра,—когда онъ чаще всего выступалъ въ спектакляхъ Марьи Ивановны, и тѣ «веселости», которыми онъ наслаждался въ ея пріятномъ домѣ, ибо—«что болѣе заслуживаетъ мѣста въ воспоминаніяхъ нашихъ, какъ тѣ часы, въ которые мы предавались невиннымъ забавамъ и одушевлялись одной чистой веселостію?» Онъ рассказываетъ въ «Напищѣ моего сердца» ¹⁾, какъ однажды въ ту зиму игралъ онъ здѣсь роль перваго любовника въ комедіи «Les chateaux en Espagne», при чемъ его партнершей была старшая дочь Марьи Ивановны; въ этотъ вечеръ уже многіе изъ зрителей знали, что онъ назначенъ губернаторомъ во Владиміръ, онъ же этого еще не зналъ; а въ его роли были такіе два стиха, точно съ умысломъ рассчитанные на этотъ случай:

De quelqu' emploi brillant je puis me voir charger,
Et de nouveau peut-être il faudra voyager; ²⁾

сдѣла онъ произнесъ эти стихи, залъ огласился всеобщимъ рукоплесканіемъ: совпаденіе было слишкомъ забавно.

И дальше, повидимому, легко и весело шла жизнь въ домѣ Марьи Ивановны. Домъ былъ огромный, семья большая, и вѣрно много челяди. То было время, когда рѣдко хворали, когда мало думали, но много и беззаботно веселились, когда размѣры аппетита опредѣлялись шутиливой поговоркой, что гусь—глупая птица: на двоихъ мало, а одному стыдно, когда званые обѣды начинались въ 3 часа, а балы—между 9 и 10, и только «львы» являлись въ 11. Последнія двѣ зимы передъ нашествіемъ французовъ были въ Москвѣ, какъ извѣстно, особенно веселы. Балы, вечера, званые обѣды, гулянья и спектакли смѣнялись безъ передышки. Всѣ дни недѣли были разобраны—четверги у гр. Льва Кир. Разумовскаго, пятницы—у Ст. Степ. Апраксина, воскресенья—у Архаровыхъ, и т. д., иные дни были разобраны дважды, а въ иныхъ домахъ принимали каждый день, и часто молодой человѣкъ паровилъ въ одинъ вечеръ попасть на два бала. Балы и вечера у Марьи Ивановны были въ числѣ самыхъ веселыхъ. Современникъ сообщаетъ, что къ ней можно было пріѣзжать поздно, уже съ другого бала, потому что у нея танцовать до разсвѣта; и нравились ея вечера еще щедростію освѣщенія,

¹⁾ Изд. 2-е, Приложение къ «Рус. Арх.» 1890 г., стр. 151.

²⁾ «Я могу увидѣть себя облеченнымъ какою-нибудь блестящей должностію, и можетъ быть снова пало будетъ мнѣ путешествовать».

тогда какъ въ другихъ домахъ съ одного конца залы до другого небыло различить лица. Въ эти зимы впервые явилась въ Москвѣ мазурка съ пристукиваньемъ шпорами, гдѣ кавалеръ становился на колѣни, обводилъ вокругъ себѣ даму и цѣловалъ ея руку; танцевали экосезъ-кадриль, вальсъ и другіе танцы, и балъ оканчивался á la gresque со множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парюю, и, наконецъ, бѣготней попарно по всѣмъ комнатамъ, даже въ дѣвичью и спальни ¹⁾.

Но вотъ внезапно ударила гроза, музыка рѣзко оборвалась и танцоры въ ужасѣ заметались: французы перешли границу, французы идутъ къ Смоленску, Смоленскъ взятъ,—ужасъ и отчаяніе. Наполеонъ идетъ на Москву, надо бѣжать, куда глаза глядятъ.

У Марьи Ивановны въ это время были на лицо всѣ ея дѣти—трое сыновей и пять дочерей. Всѣ они родились между 1784 и 1806 гг. Старшій сынъ, Павелъ, служилъ еще съ 1803 года въ кавалергардахъ; средній, Григорій, вступилъ въ службу также еще до войны, въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ; наконецъ младшій, 18-лѣтній Сергѣй, въ эти самые дни, въ іюлѣ, записался въ московское ополченіе. При Марьѣ Ивановнѣ оставались теперь только дочери: старшая, Варвара, въ это время уже вдова послѣ флигель-адъютанта А. А. Ржевскаго, павшаго при Фридландѣ, и три дѣвушки—Наталья 20 лѣтъ, и младшія;—Екатерина и Александра; пятая дочь, по старшинству вторая послѣ Варвары, по имени Софья, была съ 1804 года замужемъ за московскимъ полицмейстеромъ А. А. Волковымъ и жила своимъ домомъ. Былъ еще живъ и мужъ Марьи Ивановны—Александръ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, по видимому уже очень пожилой, служившій когда-то, въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, въ конной гвардіи, пожалованный Екатериною II въ камергеры, а теперь почти безвыѣздно жившій въ деревнѣ. Онъ былъ, говорятъ, очень богатъ, въ молодости красавецъ, но не очень уменъ; во всякомъ случаѣ, домомъ и дѣтьми твердо правила одна Марья Ивановна. Сама она была урожденная Наумова, дочь Ивана Григорьевича, женатаго на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Въ 1812 году Марьѣ Ивановнѣ было вѣроятно 47—48 лѣтъ. Всѣ ея дѣти были рослые и красавцы, въ отца и мать, а дочери славились бархатными глазами ²⁾.

Черезъ три дня послѣ того, какъ въ Москвѣ было получено извѣстіе объ оставленіи Смоленска,—11 августа 1812 года, когда всѣ церкви стояли отпертыя, А. Г. Хомутова видѣла въ Благовѣ-

¹⁾ «Воспоминанія М. М. Муромцова», «Рус. Арх.» 1890 г., I, стр. 78 — 79; М. Евреиновъ «Память о 1812 годѣ», «Рус. Арх.» 1874, I стр. 95.

²⁾ О М. И., ея мужѣ и дѣтяхъ см. «Списокъ лицъ рода Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, съ краткими біографическими свѣдѣніями», Литограф. изданіе, СПБ. 1893.—Сверхъ того—Д. Благово «Разсказы бабушки», СПБ. 1885. стр. 187.

щенскомъ соборѣ между другими своими знакомыми и Марью Ивановну Римскую-Корсакову ¹⁾ съ ея юношей - сыномъ Сергѣемъ, уже въ ополченскомъ мундирѣ; «она молилась за двухъ другихъ своихъ сыновей, уже находившихся въ арміи, изъ которыхъ одному суждено было вскорѣ погибнуть», т.-е. за Павла и своего любимца Гришу. Судя потому, что послѣдняго его командиръ Дохтуровъ еще 29-го или 30-го августа отпустилъ изъ-подъ Можайска, гдѣ они стояли, на кратковременную побывку въ Москву ²⁾, можно думать, что Марья Ивановна съ дочерьми оставила Москву только въ послѣдній день августа или даже 1—2 сентября. Она выѣхала, какъ и большинство видныхъ московскихъ семействъ, въ Нижній-Новгородъ. Дочь ея Софья, вмѣстѣ съ мужемъ (Волковымъ) и дѣтьми нашла пристанище у своей свекрови, въ Саратовѣ. Выѣзжая изъ Москвы, Марья Ивановна еще не знала, что 26-го августа при Бородинѣ палъ ея первенецъ. Въ этомъ бою участвовали оба ея старшихъ сына; Григорій остался невредимъ и позднѣе получилъ за этотъ день Владиміра 4-й степени, а Павелъ, богатырь ростомъ и силою, участникъ Аустерлицкаго боя, занесенный своей лошадыо въ гущу враговъ, долго отбивался одинъ и уложилъ палашемъ нѣсколько человекъ, пока наконецъ—какъ рассказывали позже французскіе офицеры—выстрѣлъ изъ карабина не скосилъ его; тѣло его не было найдено ³⁾. Мы увидимъ дальше, что Марья Ивановна долго томилась неизвѣстностью о его судьбѣ; ей говорили, что онъ въ плѣну.

II.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1812 г. Нижній-Новгородъ представлялъ необыкновенную картину: сюда переселилась вся богатая и вся литературная Москва. Здѣсь были Архаровы, Апраксины, Бибиковы и еще множество видныхъ московскихъ семействъ,—и Карамзины, Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ и Алексѣй Мих. Пушкинъ, старикъ Бантышъ-Каменскій и его помощникъ по московскому Архиву, А. Ѳ. Малиновскій,—словомъ, что называется, «вся Москва». «Городъ малъ и весь наводненъ Москвою», писалъ отсюда Батюш-

¹⁾ «Воспоминанія», въ «Рус. Арх.» 1891 г., № 11, стр. 321.

²⁾ «Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ», «Рус. Арх.» 1874, I, стр. 1097, письмо отъ 30 авг. 1812 г. Три года спустя М. И., прося Гришу пріѣхать въ отпускъ домой, писала, что не видѣла его уже четыре года, т.-е. съ 1811-го, и прибавляла: «Одинъ день былъ со мной», т.-е. за все то время. Этотъ день и былъ, безъ сомнѣнія, 30 или 31 августа 1812 г. Вмѣстѣ съ Григоріемъ Р.-К. былъ отпущенъ въ Москву и его однополчанинъ, сынъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, вѣроятно тоже для того, чтобы проститься съ отцомъ, который 30 августа еще былъ въ Москвѣ (тамъ же).

³⁾ «Воспоминанія» А. С. Норова—«Рус. Арх.», 1881, III, 201; «Записки» Н. Н. Муравьева—«Рус. Арх.», 1885, III, 231 и 259; С. Панчулдзевъ, «Сборникъ біографій кавалергардовъ» 1801—1826, СПб. 1906, стр. 129.

ковъ ¹⁾. Квартиръ не хватало, и «эмигрантамъ», какъ они сами себя называли, приходилось ютиться въ тѣснотѣ; такъ, въ трехъ комнатахъ жили: Екат. Ѳед. Муравьева съ тремя дѣтьми, Батюшковъ, И. М. Муравьевъ, Дружининъ, англичанинъ, двѣ гувернантки да шесть собакъ. Богатые люди и здѣсь, разумѣется, находили способы устраиваться удобно; у Архаровыхъ и здѣсь собиралась вся Москва, особенно пострадавшіе, терпѣвшіе пужду а В. Л. Пушкинъ жилъ въ избѣ, ходилъ по морозу безъ шубы и нуждался въ рублѣ. ¹⁾ Всѣ были болѣе или менѣе удручены гибелью Москвы и собственными потерями, многія семьи тревожились за участь мужей, сыновей или братьевъ, стоявшихъ подъ огнемъ, но привычное московское легкомысліе брало верхъ, и вскорѣ здѣсь развернулась та-же веселая и шумная жизнь, которую на время прервала невзгода, жизнь многолюдно-и шумно-застольная, бальная, разѣздная и суетливая, съ тѣмъ отличіемъ противъ московской, что цыганская неустроенность и давка вносили въ эти забавы смѣшную и веселую путаницу, придавали имъ пикантность своеобразія. Батюшковъ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ мастерски набросалъ рядъ летучихъ сценъ изъ этой жизни московскаго табора въ Нижнемъ,—какъ московскіе франты и красавицы толпились на площади между телѣгъ и колясокъ, со слезами вспоминая о Тверскомъ бульварѣ, какъ на патріотическихъ обѣдахъ у Архаровыхъ всѣ рѣчи, отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова, дышали любовью къ отечеству, какъ на балахъ и маскарадахъ московскія красавицы, осыпанныя брилліантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока во французскихъ кадрилихъ, во французскихъ платьяхъ, болтая по-французски Богъ знаетъ какъ, и по-французски же проклиная враговъ, какъ на ужинахъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова В. Л. Пушкинъ, забывъ утрату книгъ, стиховъ и бѣлья, забывъ о Наполеонѣ, «гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля», отпускалъ каламбуръ, достойные лучшихъ временъ французской монархіи, и спорилъ до слезъ съ И. М. Муравьевымъ о преимуществѣ французской словесности. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, по словамъ его вѣчнаго антагониста, В. Л. Пушкина, кричалъ въ Нижнемъ еще громче и курилъ табакъ болѣе прежняго, игралъ въ карты съ утра до вечера «и выигралъ уже тысячу до восьми»; это о немъ и ему подобныхъ писалъ въ тѣ дни Карамзинъ: «Кто на Тверской или Никитской игралъ въ вистъ или бостонъ, для того мало разницы: онъ играетъ и въ Нижнемъ». Алексѣй Михайловичъ былъ ярый спорщикъ и любилъ дожимать особенно своего благодушнѣйшаго однофамильца; Батюшковъ кончаетъ ту картину московско-нижегородской толпы портретомъ Алексѣя Михайловича, «который съ утра самаго искалъ кого-нибудь, чтобъ поспорить, и доказывать

¹⁾ Письмо къ отцу, отъ 27 окт. 1812 г.

съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, что бѣлое—черное, черное—бѣлое, который вздохнуть не давалъ Василью Львовичу и тѣснилъ его неотразимой логикой». А Василій Львовичъ грустилъ о потерѣ своей новой кареты и книгъ, скорбѣлъ патріотически, но минутами и утѣшался, когда удавалось прочитатъ кому-нибудь свои стихи; или когда шалунья Муза дарила его новымъ вдохновеніемъ. Въ самый разгаръ московскаго разоренья, 20 сентября, онъ сочинялъ куплеты къ жителямъ Нижняго, шесть куплетовъ, кончающихся однимъ и тѣмъ-же рефреномъ, изъ коихъ первый таковъ:

Примите насъ подѣ свой покровъ,
 Питомцы волжскихъ береговъ!
 Примите насъ, мы всѣ родные,
 Мы дѣти матушки-Москвы!
 Веселья, счастья дни золотые,
 Какъ быстрый вихрь промчались вы!
 Примите насъ подѣ свой покровъ,
 Питомцы волжскихъ береговъ!

А 3 октября Батюшковъ писалъ Вяземскому о Василіи Львовичѣ, что онъ «отъ печали лишился памяти и насилу вчера могъ прочитатъ Архаровымъ басню о соловѣѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили!»¹⁾

Конечно, были въ этой пестрой толпѣ московскихъ эмигрантовъ и серьезные, искренно-скорбѣвшіе люди. Таковъ былъ самъ Ватюшковъ, горько насмѣхавшійся надъ людьми, весь патріотизмъ которыхъ заключался въ восклицанія: point de paix! Таковъ былъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ, написавшій вскорѣ затѣмъ замѣчательныя, истинно-патріотическія «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» (1813 г.)²⁾. Таковъ былъ Н. М. Карамзинъ, болѣвшій душою за родину, томившійся своимъ нижегородскимъ бездѣльемъ; называвшій свою жизнь здѣсь ссылкой. Карамзину дорого обошлась его жизнь въ Нижнемъ: у него здѣсь хворали всѣ дѣти, и долго угасалъ шестилѣтній сынъ Андрей, скончавшійся въ маѣ 1813 г.; а за мѣсяць до смерти Андрюши отъ тревогъ жена Карам-

¹⁾ О москвичахъ въ Нижн. - Новг. — (П. И. Мельникова) «Общество литераторовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 г.» «Сѣв. Пчела» 1845 г. № 72 (перепечат. изъ «Нижегор. Губ. Вѣд.»); письма К. Н. Батюшкова: къ отцу, 27 окт. 1812 г., къ Н. И. Гнѣдичу, окт. 1812 г., къ кн. П. А. Вяземскому 3 окт. 1812 г., къ Е. Г. Пушкиной, 3 мая 1814 г. — Письмо В. Л. Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 14 окт. 1812 г. — его «Сочиненія» подѣ ред. В. И. Саитова, изд. Соколова, СПб. 1895, стр. 149; его стихотв. «Къ жителямъ Нижняго Новгорода» — тамъ-же, стр. 75—76. — «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» СПб. 1866, стр. 169. — Статьи Н. Храмцовскаго о томъ-же предметѣ, въ «Нижегор. Губ. Вѣд.» 1866 г., № 47, намъ не пришлось видѣть.

²⁾ Перепечатаны изъ «Сына Отеч.» 1813 г. въ «Рус. Арх.» 1876 г. III, стр. 129—154.

зина, Екатерина Андреевна, выкинула. Изъ-за болѣзни мальчика и изъ-за безденежья Карамзинымъ пришлось прожить въ Нижнемъ до лѣта 1813 г.

Для Марьи Ивановны, привыкшей къ довольству, простору и веселью, эта зима въ Нижнемъ оназалась очень тяжелой. Ее мучила тревога и о мужѣ, и о Сережѣ, и о Волковыхъ, а главное терзали ее полная неизвѣстность о Павлѣ и беспокойство о Григоріи, отъ котораго подолгу не было писемъ. 28-мъ октября 1812 г. помѣчено первое изъ ея уцѣлѣвшихъ писемъ къ Григорію. Эти письма ея изъ Нижняго, какъ и вообще ея письма, живо передаютъ и чувства, ее волновавшія, и колоритъ ея обстановки; она какъ живая въ своихъ письмахъ.

Вотъ что она писала 28 октября, въ отвѣтъ на письмо сына, писанное послѣ битвы при Малоярославцѣ, въ которомъ онъ участвовалъ ¹⁾.

«Милый другъ, голубчикъ мой родной Гриша, какъ ужъ я была обрадована твоему письму. Самъ Богъ тебя спасаетъ. Отецъ мой помилуй тебя. Пономаревъ мнѣ ужъ сказалъ объ этомъ дѣлѣ, какъ видѣлъ, что я прочла твое письмо. А я знала: дней шесть прежде мнѣ сказывала Катерина Владиміровна Апраксина, что вашъ корпусъ и еще какой-то казачій посланы въ секретную экспедицію. Это было послѣ какъ собачьи дѣти вышли изъ Москвы, то чего-жъ мнѣ было ждать? корпусъ пошлютъ вѣрно не на пироги, и все это время душа не была покойна. Одинъ вечеръ сидѣла у меня—²⁾ съ матерью. Отправились онѣ въ 10 часовъ вечера; черезъ полчаса она присылаетъ мнѣ сказать—куррьеръ воротился и привезъ пропасть вѣстей. Я къ ней; первый мой былъ вопросъ, есть ли письма отъ Корсакова? Мальчикъ этотъ заикается, къ этому ко всему озябъ. Вотъ тутъ я и повѣсила носъ; ну, нечего ждать хорошаго. Потомъ я его взяла къ себѣ домой; дорогой онъ надо мной сжалился: вы не извольте такъ беспокоиться, можетъ быть еще есть письма съ человѣкомъ Талызина—онъ прислалъ со мной человѣка къ своей матушкѣ. И на другой день около обѣда пріѣхалъ его братъ; я выѣзжаю изъ воротъ, вижу Талызина,—кричу, что есть мочи—есть ли письма? Какъ ужъ твою руку увидѣла, вѣ себя безъ памяти была рада и поѣхала къ Апраксиной, прочла твое письмо, и вотъ твое рукописание и пошло ходить по Нижнему, такъ что износилось. Что ты, мой другъ, ничего мнѣ не написалъ прислать тебѣ чего теплаго? Милый мой, я право не знаю, чего бы я тебѣ пожалѣла, мой голубчикъ,—ты ничего не просишь. Приказалъ ты мнѣ писать къ Дмитрію Сергѣевичу

¹⁾ Всѣ семейныя письма Р. - Корсаковыхъ, печатаемые въ этой статьѣ, воспроизводятся впервые, съ подлинниковъ, принадлежащихъ Н. А. Огаревой. Письма Марьи Ивановны писаны всѣ по-русски.

²⁾ Фамилію невозможно разобрать.

(Дохтурову), къ нему написала. Ты спрашивалъ, гдѣ папенька: онъ въ Черемушкѣ, я всякія двѣ недѣли имѣю письма; онъ пишетъ, что поставленъ кордонъ по всей губерніи и ловятъ бѣглыхъ пропасть. Нынче я видѣла унтеръ-офицера, изъ арміи присланъ курьеромъ; иду изъ обѣдни—вижу, что выступка армейская, кричу: служивый!—онъ подходитъ: я изъ арміи; не знаете-ли—онъ спрашиваетъ—генеральшу Корсакову? На что тебѣ? вѣрно у тебя письмо есть? Вытаскиваетъ лоскуточекъ—думала, отъ тебя, такъ обрадовалась,—читаю—этъ того офицера, что у меня раненый былъ (очевидно, уже въ Нижнемъ). Пишетъ точно какъ сыночекъ, и за эту записочку дали этому унтеръ-офицеру рубль серебромъ, чтобъ онъ меня отыскалъ, и дать это баронъ Будбергъ, который здѣсь со мной познакомился и отправился вмѣстѣ съ этимъ офицеромъ; какъ они поѣхали отъ меня, не повѣришь, оба плакали. Я посылаю къ тебѣ опять Пономарева Андрея, чтобъ узнать объ тебѣ; для меня нѣтъ теперь ничего дороже, какъ знать, что съ тобой творится. Спаси тебя Господь Богъ и помилуй. Христосъ съ тобою, мой милый другъ. Господи, какъ я буду счастлива, если ты когда-нибудь будешь со мной».

Къ этому письму кто-то изъ родныхъ, безъ подписи, приписалъ нѣсколько строкъ, полныхъ любви и тревоги; тутъ между прочимъ есть такія слова: «а совѣмъ ужъ были бы счастливы, кабы отъ Паши хоть слово бы до насъ дошло. Ахъ, это мысль нестерпимая». Писала и сестра Наталья, по-французски, что ее бьетъ дрожь при мысли объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается; «когда все это кончится и мы увидимъ тебя среди насъ! мнѣ кажется, что этотъ счастливый часъ никогда не настанетъ. А о Пашѣ ты видно не имѣешь никакого извѣстія. Это ужасно! бѣдный братъ, какъ онъ должно быть страдаетъ и терзается! Я точно вижу его съ его характеромъ». Павелъ давно былъ мертвъ, а они все еще думали, что онъ въ плѣну.

III.

Письма родныхъ къ Григорію Корсакову изъ погорѣлой Москвы живо рисуютъ и картину города послѣ разгрома, и чувства возвращавшихся на свои пепелища москвичей. Волковъ, бывшій, какъ сказано, московскимъ полицмейстеромъ, по долгу службы вернулся въ Москву—и съ женою—вскорѣ по выходѣ изъ нея французовъ. 9 ноября, найдя оказію, Софья Александровна пишетъ отсюда Григорію: «Я уже пять дней въ нашей несчастной Москвѣ. Ахъ, Гриша, голубчикъ, ты представить себѣ не можешь, что Москва сдѣлалась, узнать ее нельзя и безъ слезъ видѣть невозможно этихъ руинъ. Отъ каменныхъ домовъ стѣны остались, а отъ деревянныхъ печи торчатъ. Вообрази, какое чудо, что маленькій домъ уцѣлѣлъ, а еще чуднѣе,—матушкинъ (т. е. свекрови) деревянный,

въ которомъ мы живемъ теперь, а слободы какъ не было—вся выгорѣла, въ томъ числѣ и нашъ домъ (т. е. собственный А. А. Волкова) со всѣмъ добромъ; деревню тоже всю разорили, и мы остаемся ни при чемъ». Она тоже просила извѣстій о Павлѣ: «Признаюсь, его положеніе меня очень беспокоитъ».

Изъ письма Софьи Марья Ивановна—впервые узнала, что ея домъ въ Москвѣ цѣль. Этотъ домъ теперь зданіе 7-ой гимназін, а раньше—Строгановское училище, какъ-разъ противъ Страстного монастыря; его просторный вестибюль съ широкой лѣстницей вверхъ часто воспроизводитъ на сценѣ въ послѣднемъ явленіи «Горе отъ ума». ¹⁾

12 ноября Марья Ивановна писала Григорію, адресуя въ штабъ Дохтурова:

«Милый другъ Гриша! Господи, какъ давно объ тебѣ ничего не знаю; съ тѣхъ поръ, какъ этотъ курьеръ привезъ мнѣ объ Миломъ Ярославцѣ, отъ тебя послѣ ни строки не имѣла. Нынче напала на какого-то почтальона, который пріѣхалъ изъ арміи свѣженскій, зовутъ его Митропольскій, и такъ мы его обступили, какъ будто онъ съ того свѣта. Онъ мнѣ кланялся отъ Галызина, только я ему не вѣрю. Онъ говоритъ, что корпусъ Дм. Серг. (Дохтурова) вмѣстѣ въ авангардѣ съ Милорадовичемъ... Помогни вамъ Господь Богъ поймать злодѣя этого рода христіанскаго, истребителя. Ну, ужъ потрудились онъ надъ Москвой. Мнѣ смерть какъ хочется съѣздить дня на три поглядѣть на пенелъ московскій. Вчера получила отъ Сони—она пріѣхала въ Москву, и Волковъ. Нельзя читать ея письмо безъ слезъ. Это, сказываютъ, ужасъ смотрѣть, что наша старушка Москва стала. Кромѣ труповъ и развалинъ ничего почти нѣтъ; изъ 9000 домовъ осталось 720, въ томъ числѣ и мой домъ цѣль. Кромѣ околѣтъ стекла всѣ выбиты отъ ударовъ, когда взлетѣлъ Иванъ Великій, то-есть караульня и церковь, которая пристроена была къ нему. Загаженъ домъ такъ, что Федоръ пишетъ—надо недѣли двѣ, чтобъ его очистить; въ немъ стояли 180 собакъ, и съ ними 1-го батальона гвардіи капитанъ жилъ, и спалъ на Варенькиной постели. Въ домѣ запаѣски ободрали, вездѣ гдѣ нашли, кожу, сукно, все содрали. Говорятъ, чужихъ мебели натаскали, но все ободранныхъ; дроги изъ подъ кареты взяли. Людей однакожъ не трогали, только трупы отняли, и въ нашъ домъ приходило множество людей спасаться; говорятъ, слишкомъ 1000 человекъ жило всякаго рода, и всѣ остались живы и здоровы. Вотъ сейчасъ опять Архарова прислала сказать, что еще есть пріѣзжій изъ арміи, сынъ ихъ хозяйки, который тоже тебя видѣлъ. Что это за чудо, всѣ тебя видятъ, а писульки нѣтъ какъ нѣтъ. Прости, Христосъ съ тобой, мой милый другъ Гриша, сохрани тебя Господь Богъ. Объ Пашѣ я къ тебѣ ужъ не пишу».

¹⁾ См. «Рус. Арх.» 1900, кн. 7, стр. 298 прим.

Она дѣйствительно не утерпѣла и недѣлю спустя отправилась налегкѣ въ Москву, взявъ съ собой одну Наташу. 29-го ноября она пишетъ оттуда: «Милый другъ Гриша, голубчикъ мой родной, я пріѣхала на недѣлю въ Москву изъ Нижняго, чтобы видѣть Сою и Волкова. Ъхала съ тѣмъ, чтобы прожить два дня, вмѣсто того прожила 8 дней. Завтра непременно ѣду назадъ въ Нижній, чтобы забрать всѣхъ своихъ, и недѣли черезъ три пріѣду на житье въ Москву несчастную и обгорѣлую. Домъ мой цѣлъ, но эдакъ быть запачкану, загажену,—однимъ словомъ, хуже всякой блинной. Въ немъ стоялъ гвардейскій капитанъ и 180 рядовыхъ, стѣны всѣ въ твоздяхъ, стекла, рамы—все изломано, перебито; по всего страннѣе, что они оставили зеркала, ни одного не разбили. Какъ я нашла домъ, то войти нельзя—да это уже, говорятъ, вычищено; Волковъ былъ, тотчасъ послѣ этихъ поганцевъ—на полу вѣрно была четверть грязи, и все шинками, какъ будто на большой дорогѣ осенью замерзло; окошкн, рамы, стекла, все это вылетѣло вонъ отъ подрывовъ, которые были этими злодѣями сдѣланы въ Кремлѣ. И такъ, однимъ словомъ сказать, они древнюю столицу сдѣлали, что въ грошъ ее не поставили, камня на камнѣ не оставили».

Марья Ивановна возвращалась въ Нижній съ намѣреніемъ къ Рождеству перевезти свою семью въ Москву. Но въ Нижнемъ она застала бѣду: Сергѣй былъ тамъ—и въ тифѣ; очевидно, онъ заболѣлъ въ лагерѣ и былъ отпущенъ къ роднымъ. За этой бѣдой пошла ихъ вереница: едва Сергѣй началъ поправляться, заболѣла тифомъ младшая дѣвочка, Саша, а за нею и 20-лѣтняя Наташа; старшая изъ дочерей, вдова Варвара Александровна, еще въ Москвѣ начала терять голосъ и покашливать,—теперь ея состояніе ухудшилось, она явно была тяжело больна, хотя и на ногахъ. Марья Ивановна надолго застряла въ Нижнемъ. Отъ Григорія письма приходили теперь еще рѣже прежняго. Доктуровъ устроилъ ему переводъ въ гвардію, въ Литовскій полкъ,¹⁾ и онъ былъ со своимъ полкомъ въ Германіи. Въ концѣ января (1813 г.) Марья Ивановна пишетъ ему: «Милый другъ Гриша, голубчикъ мой, ни одно письмо твое мнѣ не сдѣлало такой радости, какъ это. Я его получила вчера съ кн. Сергѣемъ Оболенскимъ. Не ожидала, мой родной, знать объ тебѣ; кн. Наталья мнѣ его привезла, я ее расцѣловала и отъ радости плакала, читавши твое письмо; я полагала, что я объ тебѣ и Богъ знаетъ когда получу,—спасибо, мой милый, что ты съ нимъ написалъ. Я все еще въ Нижнемъ, который мнѣ такъ несносенъ, какъ преисподняя какая; въ нуждѣ живу, въ мерзкой квартирѣ, трое умирали горячками, Наташа была безо всякой надежды, Сережа тоже, и Саша, но теперь

¹⁾ «Письма Д. С. Доктурова къ его супругѣ», «Рус. Арх.» 1871 I стр. 1114.

по милости Божьей они все уже здоровы; Наташа вчера изволила выступать на балъ къ вице-губернатору (т. е. къ упомянутому выше А. С. Крюкову), который здѣсь имѣетъ субботы, гдѣ все эмигранты московскіе отличаются, и мы въ первый разъ выступили съ ней». Она пишетъ, что хочетъ на-дняхъ подняться всей семьей въ Москву. И въ этомъ-же письмѣ пишетъ по-французски больная Варвара. Это—ея единственное письмо въ нашемъ собраніи, и вѣроятно вообще единственное, что отъ нея уцѣлѣло. Варварѣ Александровнѣ было 28 лѣтъ, она рано овдовѣла и передъ самымъ нашествіемъ французовъ на Москву была вторично помолвлена за князя Владиміра Михайловича Волконскаго, уже пожилого. Свадьбу отсрочили изъ-за московской бѣды, которую Волконскій переживалъ въ своей казанской усадьбѣ; но свадьбы не будетъ—невѣста умираетъ отъ горловой чахотки. Современница говоритъ: «Варвара Александровна была прекрасна собою: высокая ростомъ, статная, стройная, величественной осанки, и имѣла замѣчательно пріятныя глаза»¹⁾. Это письмо ея къ брату женственно-нѣжно въ своей душевной грусти и шуткѣ, даже въ самомъ почеркѣ, который необыкновенно красивъ. И вотъ все, что осталось отъ ея земного существа, одинъ этотъ листокъ! Но въ немъ она еще и теперь жива, въ немъ не остыла живая теплота ея чувства. Развѣ это не чудо? Вложи во что-нибудь частицу твоей души,—смерть и годы безсильны истребить эту крупницу; они могутъ разрушить статую, пожрать бумагу, но той жизни, которая вложена въ статую или въ письмо, имъ не погасить во вѣки. Значитъ есть же безсмертіе на землѣ. Каждое чувствованіе человѣка, и каждая мысль есть въ своемъ воплощеніи какъ бы чудный организмъ,—и этотъ организмъ безсмертенъ; время можетъ разбить только его матеріальную форму, но не властно расторгнуть или сдѣлать не бывшимъ неповторяемый строй чувствъ и идей, который мгновенно и разъ навсегда возникъ въ душѣ человѣка. Поэтому все золото, какое есть на землѣ, не можетъ уравновѣсить цѣну этого бѣднаго листка почтовой бумаги, бережно несущаго чрезъ вѣка безсмертную жизнь сознанія. Тѣ прекрасныя глаза закрылись сто лѣтъ назадъ, но ихъ бархатный взглядъ все свѣтитъ намъ, какъ лучи давно угасшихъ звѣздъ.

Она пишетъ: «Какъ есть тоска по родинѣ, такъ я жажду видѣть насъ всехъ вмѣстѣ, особенно тебя и Павла, о которыхъ мы такъ безпокоимся. Чего не дала бы я, чтобы обнять васъ! И наконецъ, я согласилась бы еще дальше терпѣть ваше отсутствіе, если бы мы могли быть спокойны на вашъ счетъ и если бы намъ не приходилось дрожать за вашу жизнь. Мой милый другъ, береги себя, ради Бога! Здѣсь говорятъ, что въ арміи свирѣпствуетъ горячка,—будь остороженъ, носи при себѣ камфору. Нѣтъ, я вижу отсюда, что ты ничего этого

¹⁾ Благово, «Разказы бабушки», стр. 183.

не будешь дѣлать. Мы все еще въ этомъ противномъ Нижнемъ, и я все еще больна. Я была сильна, когда мы видѣлись въ Москвѣ; по приѣздѣ сюда я совсѣмъ потеряла голосъ. Говорятъ, что онъ парализованъ; я бы теперь поправила тебѣ,—меня едва слышно, и я была бы неспособна спорить съ тобою. Притомъ у меня очень болить горло и я сильно кашляю. Врачи теряютъ голову, не могутъ понять мою болѣзнь и не оказываютъ мнѣ никакой помощи. Ты будешь смѣяться до упаду, когда я скажу тебѣ, что Мудровъ и Шмицъ, которыхъ я позвала на консилиумъ, начали-было лечить меня—угадай, отъ чего? отъ дурной болѣзни. Вотъ до чего я дошла, какія предположенія обо мнѣ возникаютъ. Но успокойся, милый другъ, ртуть, которую они мнѣ давали, сдѣлала мнѣ только вредъ, и теперь говорятъ, что я больна отъ чрезмерной добродѣтели; другіе думаютъ, что у меня чахотка, хотя у меня тотъ же цвѣтъ лица, какъ при тебѣ, а итогъ ихъ пустословья тотъ, что общаются мнѣ выздоровленіе лѣтомъ. Я тоже думаю, что тепло и нѣкоторая доля спокойствія вернуть мнѣ здоровье, безъ котораго непріятно жить. Поэтому и ты береги себя, милый другъ, и пусть Богъ сохранить тебя и успокоить насъ насчетъ Павла; этого я прошу у него больше, чѣмъ здоровья для себя».

Изъ писемъ родныхъ видно, что она слабѣла все больше и больше. Въ февралѣ ее началъ лечить какой-то новый врачъ, и его леченіе принесло ей на первыхъ порахъ видимую пользу; это заставило Марью Ивановну послѣ выздоровленія младшихъ дѣтей снова отсрочить переѣздъ въ Москву: думали, что этотъ врачъ ее вылечитъ. Такъ съ ноябрю отъѣздъ изъ Нижняго то рѣшался, то откладывался. 14 февраля Марья Ивановна пишетъ: «Я 18 отсюда ѣду въ Москву. Папенька ужъ приѣхалъ и Соня переѣзжаетъ тоже къ намъ въ домъ со всѣмъ потрохомъ и очень будетъ пріятно жить, кабы да тебя хотя на мѣсяцъ отпустили поглядѣть на тебя, мой голубчикъ. Да кажется до этого и не доживемъ, чтобъ увидѣться. Господи, когда мы услышимъ конецъ всѣмъ этимъ весельямъ. А у насъ здѣсь столько вездѣ больныхъ, что ужасть,—даже, говорятъ, и въ Петербургѣ; тамъ, кажется, и войны не было, плѣнныхъ тоже не возятъ, а болѣзней пропасть. Обѣими руками перекрещусь, какъ выѣду изъ Нижняго. Несносный и мерзкій городъ».

Ей пришлось еще долго прожить въ Нижнемъ. А въ Москвѣ въ ея домѣ съ начала февраля жилъ старикъ, Александръ Яковлевичъ, и Софья Волкова съ дѣтьми, для которой домъ ея свекрови оказался слишкомъ тѣсенъ. Григорій очень рѣдко писалъ отцу, отецъ тревожился о немъ, а о Павлѣ прямо говорилъ: «я его въ живыхъ не считаю». Софья писала Григорію: «Насъ всѣхъ увѣрили, что онъ въ плѣну, и болѣе ничего не знаемъ», и снова и снова просила его найти способъ узнать о мѣстѣ пребыванія Павла и снестись съ нимъ: «Ты знаешь, какой онъ сумасшедшій. Онъ те-

перь можетъ быть думать, что насъ никого на свѣтѣ нѣтъ». Изъ Москвы написалъ Григорію и отецъ, поздравляя съ переводомъ въ гвардію и пеняя за лѣнь въ писаніи писемъ: «Благодарю тебя за письмо, которое тѣмъ для меня пріятнѣе, что я еще съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, первое отъ тебя получилъ. Но съ сими словами кончится мое неудовольствіе и я тебѣ прощаю за твое хорошее поведеніе, ибо я имъ очень доволенъ». А въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «Все то, что до меня доходитъ, тебѣ дѣлаетъ честь, а мнѣ, ты чувствуешь, какое удовольствіе; будь всегда честенъ, твердъ, справедливъ и храбръ».

Въ мартѣ Марья Ивановна опять пріѣзжала въ Москву на нѣсколько дней, чтобы видѣться съ мужемъ и съ Волковыми. Ея письма къ сыну становились все плачевнѣе. Неизвѣстность о немъ ее терзала; получивъ отъ него послѣднее письмо отъ 23 декабря 1812 г., она въ срединѣ слѣдующаго марта еще не имѣла дальнѣйшаго извѣстія о немъ. «Когда будетъ счастливая минута въ жизни, что я тебя увижу, мой милый! Истинно бываютъ минуты отчаянія... Сдѣлай божескую милость, мой голубчикъ, хоть словечко объ себѣ напиши, гдѣ ты, что ты. Никакого извѣстія; ты легко можешь себѣ представить, каково мнѣ, мой другъ Гриша, ничего не зная». Ее мучитъ страхъ, чтобы онъ не заболѣлъ горячкой (т.-е. тифомъ), которой такъ много въ арміи, и она умоляетъ его беречься, не жить съ больными, искать способа удалиться отъ нихъ; «куда тяжело: отъ пули избавишься и горячкой умрешь».

Въ апрѣлѣ Волкова писала Григорію, что Варвара очень плоха: она почти уже не можетъ глотать пищи, потому что это причиняетъ ей сильную боль. Надежда на поваго врача не оправдалась. Въ первыхъ числахъ іюня Марья Ивановна наконецъ рѣшилась перевести дѣтей въ Москву. Варвару Александровну привезли умирающей. 10 іюня (1813) Марья Ивановна пишетъ уже изъ Москвы: «Милый другъ Гриша, голубчикъ мой родной, какъ я довольна, что я стала немножко поближе къ тебѣ. Я пріѣхала наконецъ въ Москву, хотя не совсѣмъ пріятно. Варенька такъ больна, что нѣтъ надежды, мой голубчикъ, ея воздоровленію. Я ужъ готова сносить эту бѣду и затѣмъ къ тебѣ мало пишу. Истинно тебѣ говорю, тяжело и несносно, какъ эта несчастная мысль въ головѣ и въ сердцѣ поселилась. Надо сносить съ терпѣніемъ и отдаться въ святую Его волю—что Ему угодно, то и будетъ. Если послѣ этого письма въ первый разъ, что я буду къ тебѣ писать, я объ ней ничего тебѣ не скажу, то ты знай, мой другъ, что нечего ужъ болѣе объ ней говорить, какъ помнить, что она тебя любила и не мало. Болѣзнь ея—чахотка. Обо мнѣ будь покоенъ, я себя помню для васъ, мои друзья, знаю долгъ свой, что надо беречь себя и любить васъ больше себя».

Варвара Александровна умерла очевидно въ эти-же дни. 30 іюня М. А. Волкова — та, перу которой принадлежать извѣстные письма къ Ланской, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» 1874—1875 гг. — уже знала въ Тамбовѣ о смерти Варв. Ал.; въ этотъ день она писала своей подругѣ: «Ты вѣрно слышала, что дочь Корсаковой, Ржевская, умерла. Жизнь ея была незавидная; вѣрно ей хорошо въ томъ мірѣ. Если ужъ она не въ раю, то какъ же намъ надѣяться туда попасть?» ¹⁾ Похоронили Варвару Александровну въ имѣніи Корсаковыхъ, въ Николо-Пѣшиношскомъ монастырѣ (Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ.), гдѣ двадцать лѣтъ спустя ляжетъ рядомъ съ нею и мать. Годъ спустя, т.-е. въ 1814 г., Марья Ивановна, перечисляя свой потери за время войны, писала: «Можетъ быть и Варенька была-бы жива, если бы не такія несчастныя тогда были обстоятельства: докторовъ нѣтъ, квартиры мерзкія, потеря Паши ей тоже была чувствительна. Последнее ея слово было: Паша! — я ей показалась имъ, и послѣ этого она послѣдній разъдохнула въ моихъ глазахъ».

Варвара Александровна унесла въ свою могилу и позднія, послѣднія надежды кн. Волконскаго, который ее любилъ. Ему было въ это время уже 52 года. Е. П. Янкова, приходившаяся ему двоюродной сестрой, рассказываетъ, что смерть Варвары Александровны тяжело поразила его. Ему, говоритъ она, было еще потому особенно трудно перенести эту потерю, что онъ былъ невѣрующій. По словамъ Янковой, онъ былъ умный, хорошій, очень начитанный человѣкъ; въ молодости, подъ вліяніемъ своего воспитателя, французскаго аббата-разстриги, онъ пропитался идеями Вольтера и Руссо, и выросъ язычникомъ. Она рассказываетъ, что на ея совѣты молиться о душѣ Варвары Александровны онъ отвѣчалъ:

— Не умѣю молиться; и зачѣмъ это? Она умерла.

— Однако, говоритъ она, «послѣ смерти своей невѣсты онъ сталъ легче: ему хотѣлось вѣрить, что она не умерла и что съ ея смертью не все кончилось между нимъ и ею». Много лѣтъ спустя онъ, по словамъ Янковой, таки обратился на путь вѣры. Покупая у старика на Сѣнной площади два воза сѣна, онъ захотѣлъ и самъ свѣситься на сѣнныхъ вѣсахъ; но мужичокъ пристыдилъ его: «Мы съ тобой старики, насъ вонъ гдѣ съ тобой будутъ вѣшать», и показали на небо. Старый вольтерьянецъ саркастически усомнился, есть ли тамъ и вѣсы, а мужикъ отвѣтилъ ему не столь оригинально, какъ резонно: «Какъ умремъ, я-то въ накладѣ не буду, а тебѣ какъ-бы не прогадать». Послѣ этого Волконскій по совѣту Янковой поѣхалъ къ митрополиту Филарету и долго съ нимъ говорилъ; на слѣдующій день пришелъ къ нему отъ митрополита протоіерей Троицкой церкви что на Арбатѣ, и кончилось тѣмъ,

¹⁾ «Вѣстн. Евр.» 1874, августъ, стр. 666.

что вольтерьянецъ исповѣдался и причастился и съ тѣхъ поръ соблюдалъ посты, посѣщалъ храмъ Божій и ежегодно говѣлъ ¹⁾. Кн. Волконскій пережилъ свою невѣсту на 32 года и умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ (въ 1845 году) ²⁾. И онъ, старый, легъ рядомъ со своей матерью, въ московскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ. Его мать была урожденная тоже Римская-Корсакова.

IV.

Мы нескромно читаемъ письма давно-умершихъ людей, и вотъ мы вошли въ чужую семью, узнали ихъ дѣла и характеры. Что же? вѣдь нѣтъ дурного въ томъ, чтобы узнать и полюбить. И застали мы ихъ въ дни скорби всяческой—мать, терзаемую тревогами, угасающую цвѣтущую жизнь, всю семью въ изгнаніи: тутъ-то и легко рождается сердечное участіе къ людямъ. А съ ними мы выходимъ на широкую арену исторіи, личное участіе къ нимъ дѣлаетъ насъ какъ бы современниками историческихъ событій, потому что ихъ семейныя невзгоды, въ которыхъ мы ихъ застаемъ, такъ непосредственно связаны съ исторіей эпохи, т.-е. съ нашествіемъ Наполеона, что вмѣшательство общихъ силъ въ жизнь личную становится здѣсь особенно нагляднымъ. Художникъ-писатель, задумавъ историческій романъ, избираетъ фабулой жизнь нѣсколькихъ заурядныхъ людей, такъ или иначе вовлекаемыхъ въ круговоротъ историческихъ событій; на ихъ настроеніяхъ и судьбѣхъ онъ въ образахъ показываетъ, какъ дѣйствовалъ разразившійся вихрь, и слѣдовательно, каковы были его составъ, направленіе и сила. Въ судьбѣхъ Мироновыхъ и Гриневъ Пушкинъ представилъ картину Пугачевщины, Толстой—Отечественную войну въ судьбѣхъ семьи Ростовыхъ, Болхонскаго и Безухаго; словомъ, таковы всѣ замѣчательныя историческія повѣствованія—«Обрученные» Манцони, «Германъ и Доротея» и пр. «Событіе» эпохи не только *возникаетъ* изъ мелочей, изъ тончайшихъ индивидуальныхъ частицъ, какъ доказывалъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ»; оно также *само дробится* на миллионы частичныхъ эпизодовъ: на передомы въ судьбѣхъ множества отдѣльныхъ лицъ, на безчисленныя семейныя потрясенія, и пр. и пр.—и въ каждомъ изъ такихъ эпизодовъ для умѣющаго видѣть отражается весь составъ «событія». Какъ пушечное ядро изслѣдуется не только на силу своего разрыва, но и по характеру пораненій, причиняемыхъ его осколками, такъ и всякая историческая катастрофа опредѣляется двумя признаками: широтою ея соціального захвата, и особенностью ея воздѣйствія на отдѣльную личность, на семью—ячейку общества, на отдѣльныя группы населенія, и т. д.

¹⁾ Д. Благово, «Разсказы бабушки», стр. 183—184, 415—447.

²⁾ Ред. 1761, ум. 1815.

Эта вторая задача историка—по преимуществу психологическая и сходна съ работой художника; но въ то время, какъ писатель-художникъ, исходя изъ своего цѣлостнаго пониманія эпохи, творчески-субъективно реконструируетъ чувства и мысли современниковъ событій, историкъ обязанъ строго слѣдовать фактамъ и ими ограничиваться. Онъ не воображаетъ—онъ только рассказываетъ; изъ дневниковъ и переписки своихъ героевъ онъ бережно возсоздаетъ картины ихъ настроеній въ ходу дѣйствительныхъ событій ихъ жизни, и отрывки изъ ихъ писемъ служатъ въ его повѣствованіи той-же цѣли, какъ *разговоры* въ романѣ: непосредственно ввести читателя въ тѣ настроенія дѣйствующихъ лицъ, дать ему возможность слышать ихъ голосъ и манеру ихъ рѣчи. И надо сказать: иной отрывокъ стариннаго письма бываетъ такъ ярко психологически и такъ насыщенъ духомъ времени, какъ едва-ли можетъ быть разговоръ между выдуманными людьми даже въ самомъ лучшемъ историческомъ романѣ. Что здѣсь въ особенности драгоцѣнно, это подлинная реальность чувства и рѣчи. У Григорія Римскаго-Корсакова были въ полку два закадычныхъ друга, такіе-же кутилы, какъ и онъ: Сергѣй Нелединскій-Мелецкій, единственный сынъ извѣстнаго писателя Юрія Александровича Н.-М., и Петръ Нащокинъ; всѣ они были изъ богатыхъ семействъ,—Корсакову безпрестанно пересылаютъ изъ дому изрядныя деньги, все по 90 дукатовъ (1000 рублей). Корсаковъ, какъ уже сказано, рѣдко писалъ домой и тѣмъ причинялъ роднымъ жестокаго безпокойства. Его пріятели были, вѣроятно, не лучше, судя по тому, что Ю. А. Нелединскій придумалъ хитрый способъ обезпечивать своей больной женѣ всегда свѣжія и регулярныя письма отъ сына: по его требованію, сынъ во время похода присылалъ домой каждый разъ по два письма, одно на имя матери, другое—*запасное*, безъ даты на имя отца; въ каждомъ такомъ запасномъ письмѣ должно было быть строкъ 10 или 15 въ осьмушку, «и довольно. Да въ концѣ Софѣ (сестрѣ) два слова. Тому, сему поклоны, и содержаніе письма, чтобы всегда означало, что ты проводишь время въ пріятности. О походахъ ей рассказывать не зачѣмъ, лишь бы я зналъ гдѣ ты; такъ ея письма будутъ мной всегда туда адресованы». ¹⁾ Въ маѣ 1813 года Петръ Нащокинъ, оставшійся въ Москвѣ, пишетъ Григорію Корсакову, который подвигался тогда вмѣстѣ со всѣмъ своимъ корпусомъ на Западъ:

«Стыдно, сударь, стыдно; тебя-то еще больше надо бранить, да даже и разстрѣлять. Какъ можно—пишетъ домой, ну что-бы къ Щекендронову (очевидно, шутилая кличка самого Нащокина) хоть строчку, по крайней мѣрѣ извѣстить, дали-ли что. Нѣтъ,

¹⁾ Изъ «Хроника недавней старины» архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, СПб. 1876, стр. 122.

избаловался ты безъ меня. Сейчасъ былъ у Волкова, чтобы ихъ извѣстить, что есть оказія, и твоя сестра хотѣла писать и прислать ко мнѣ письма. Сказывали мнѣ, что къ тебѣ послали деньги. Ну, сдѣлай же одолженіе, съ этимъ курьеромъ, какъ поѣдетъ назадъ, то, если прежде не будетъ оказіи, хоть съ нимъ все напиши, что вы дѣлаете. Что же здѣсь дѣлается, то я къ Нелединскому писалъ. Да скажи ему, что его мать умерла. Ты адресуй письма къ себѣ въ домъ, а уже тамъ мнѣ доставятъ. Цѣлую тебя и остаюсь навсегда другъ твой Петръ Нащокинъ».

Этотъ безшабашный тонъ, и вмѣстѣ мягкость, эта рыцарская дружелюбность, и несомнѣнное легкомысліе, это будто мимоходомъ брошенное извѣстіе о смерти матери Нелединскаго, —самъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» могъ-бы гордиться такимъ превосходнымъ портретнымъ письмомъ. И вотъ другое портретное письмо—отца Корсакова къ Григорію, того-же 1813 года.

«Неполученіе отъ тебя писемъ, признаюсь, любезный Гриша, крайне мнѣ непріятно. Уже давно на мое имя ихъ не было, и я съ своей стороны не могу согласиться съ тобою, чтобы ты не былъ лѣнивъ; но по счастію твоему я не взыскателенъ; поставлю на твое разсужденіе, котораго, мнѣ кажется, ты довольно имѣешь, прекратить сію матерію. Я истинно доволенъ, узнавъ, что ты здоровъ, что пріятно время проводишь. И того, я чай, ты не забылъ, что люби по солдатски, а долговременныя привязанности и сердце испортишь, и отъ дѣла отведутъ такъ, что ни на что не будешь способенъ... Такъ какъ я о тебѣ думаю все доброе, то уповаю, что угождаешь и любимъ начальниками какъ по должности, такъ и поведеніемъ стараешься снискать любовь и почитаніе общее, чѣмъ ты какъ мое, женино и всей семьи сердца утѣшишь несказанно, а меня заставишь на старости радостныя слезы проливать. Прости, слѣдуй дружескимъ моимъ совѣтамъ, и смѣю надѣяться на милость Божію, что ты будешь счастливъ. Обнимаю тебя. Отецъ твой старый Корсаковъ».

Пора вернуться къ разсказу, отъ котораго мы впрочемъ не слишкомъ удалились. Эти два письма 1813 года возвращаютъ насъ ко времени печальнаго пріѣзда Марьи Ивановны въ Москву и смерти Варвары Александровны. М. А. Волкова, вернувшаяся въ Москву въ срединѣ октября 1813 года, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ писала своей подругѣ, что видѣла семейство Корсаковыхъ, грустное, въ траурѣ, что всѣ они хвораютъ. Горе посѣтило не одну Марью Ивановну; та же Волкова пишетъ, какъ ей грустно ѣздить съ визитами: гдѣ плачутъ о недавнихъ потеряхъ, гдѣ терзаются страхомъ за живыхъ; ей пришлось посѣтить въ первые же дни четыре знакомыхъ семейства: въ каждомъ изъ нихъ было по

сыну убито, а остальные на войнѣ ¹⁾). Марья Ивановна французское нашествіе стоило сына и дочери. Она еще долго мучилась мыслью о Павлѣ; еще въ февралѣ 1814 г. она проситъ Гришу хлопотать, чтобы узнать что-нибудь о Пашѣ,—но въ ея словахъ звучитъ безнадежность, да она и сама говорить, что въ душѣ своей считаетъ его погибшимъ, а все-же иногда приходитъ надежда, авось - либо онъ живъ. Впослѣдствіи она писала: «Бѣдный и несчастный Паша! Съ первой минуты я увѣрена была, что онъ легъ на Бородинскомъ полѣ, а не у французовъ въ рукахъ. Зная его нравъ, минуты нельзя остановиться и полагать его плѣннымъ».

Но время лечитъ рапы заботами новыхъ дней. Первый же наступающій день своими мелочными нуждами спугнетъ торжественность первоначальной скорби, и вотъ уже она слегка покрылась пепломъ, какъ тлѣющій уголь; такъ съ каждымъ днемъ все глуше боль, и стынетъ жгучее воспоминаніе. У Марьи Ивановны оставалось еще шестеро, Григорій былъ въ огнѣ и не писалъ по три, по четыре мѣсяца; Наташу сватали ²⁾, надо было возстановлять разоренный французами домъ. Но со смерти дочери всю вторую половину года Марья Ивановна хворала,—ея болѣзнь называли по тогдашней терминологіи нервической лихорадкой,—она стала, по ея собственнымъ словамъ, «худая, старая, подъ бородой какъ сморчокъ». А тутъ ее подстерегала новая бѣда; тамъ, гдѣ она меньше всего ее ожидала. Съ самаго начала войны она благословляла судьбу за то, что Гриша, свѣтъ ея глазъ, попалъ къ доброму и заботливому о своихъ офицерахъ Дохтурову. Вдругъ, въ январѣ 1814 года, Гриша пишетъ, что онъ отчисленъ Дохтуровымъ отъ штаба и переведенъ въ полкъ за участіе въ какой-то дуэли Нелединскаго-Мелецкаго, а пріѣзжіе съ нѣмецкаго театра войны рассказали, что эта мѣра была вызвана нестерпимыми кутежами и проказами Гриши. Изъ Москвы понеслись къ блудному сыну отчаянные вопли. Писали всѣ — отецъ, мать, сестра Софья Волкова, — каждый сообразно своему характеру, но всѣ согласно винили во всемъ его дружбу съ Нелединскимъ. Мать изливалась въ жалобахъ и упрекахъ. Она уже полгода тяжело больна, а на второй день Рождества была даже при смерти, такъ что призывала священника; и все это — нервы, все изъ-за дѣтей. Получивъ его письмо, она два дня плакала и до сихъ поръ не можетъ удержать слезъ, какъ вспомнить, что онъ уже не при Дохтуровѣ. А виновата во всемъ его компанія съ Нелединскимъ, который пьяница, бреттеръ, радъ всякого въ рожу, не разбирая чиновъ; эта дружба не доведетъ Гришу до добра, да и самому Нелединскому не сносить головы. Участіе Гриши въ дуэли она не

¹⁾ «Грибоѣдовская Москва», «В. Евр.» 1874, сентябрь, стр. 141.

²⁾ Тамъ-же, стр. 130.

ставить ему въ большую вину, но его образъ жизни, его шалости, гадкіе слухи о немъ — вотъ что ее терзаетъ. Теперь пусть попробуетъ, каково быть рядовымъ поручикомъ, валяться на бивуакахъ, быть въ караулѣ, а иногда и безъ обѣда; а къ тому еще срамъ: отъ генераль-аншефа въ полкъ отосланъ,—никто же не повѣритъ, что за хорошія дѣла. Словомъ, этотъ ударъ ее сразилъ; она не премѣнно умретъ, если Гриша не исправится. «Если еще въ тебѣ есть капля любви ко мнѣ,—у ногъ твоихъ лежу со слезами и прошу тебя, чтобы ты перемѣнился». Марья Ивановна была хороша съ женою Дохтурова и иногда навѣщала ее; отъ нея вѣрно она и узнала истинную причину опалы, постигшей Гришу; въ письмѣ она ссылается на свѣдѣніе, идущее отъ самого Дохтурова, что онъ нѣсколько разъ арестовывалъ Гришу и Нелединскаго, но не могъ ихъ унять.

Коротко и твердо писалъ отецъ: «Никогда неожиданное мною извѣстіе о твоёмъ поведеніи, за которое ты и наказанъ покровителемъ твоимъ и милостивцемъ, утверждаетъ меня еще больше въ истинѣ худыхъ дѣлъ твоихъ, когда ты уже и сего добрейшаго человѣка довелъ до такого строгаго противъ тебя поступка. Ежели столько чувствительные материнскіе уговоры и просьбы, которая у ногъ твоихъ просить ея помилованья, не заставятъ тебя перемѣниться, то отецъ твой оставляетъ тебя съ закоснѣлыми въ мерзостяхъ твоими друзьями и забываетъ, что онъ имѣлъ сына. Я ожидаю отвѣта твоего и чистѣйшаго, чистосердечнаго признанія во всемъ».

Наконецъ, письмо сестры, Софьи Александровны, въ перемежку по-французски и по-русски, исполнено прописныхъ нотаций. Она жалѣетъ брата, что онъ навлекъ на себя гнѣвъ столь превосходныхъ родителей; но этотъ гнѣвъ имъ заслуженъ, ибо онъ, Гриша, чего она никогда отъ него не ожидала, забылъ свой долгъ предъ ними, предъ Богомъ и даже обществомъ. Во всемъ виною его дружба съ человѣкомъ, который лишенъ принциповъ и не знаетъ ничего священнаго; этой связью онъ погубить свою репутацію и свою карьеру, убьетъ «папеньку, маменьку» и пр. Далѣе слѣдуютъ призывы быть хорошимъ христіаниномъ и воздерживаться въ своихъ страстяхъ, а въ частности — немедленно покаяться папенькѣ и маменькѣ во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Софья, какъ и мать, находила въ этой исторіи только одну хорошую сторону—что переводъ Гриши въ полкъ разлучаетъ его съ Нелединскимъ. Отчаяніе Марьи Ивановны, повидимому, не въ малой степени было вызвано страхомъ за новое, непривилегированное положеніе Гриши: она безъ ужаса не могла представить себѣ его несущимъ всѣ обыкновенныя тяготы рядового офицерства. Военную службу для своего сына она понимала только въ условіяхъ того комфорта и блеска,

которые были традиціонны для мужчинъ ея круга. Поэтому первую ея мыслью по полученіи Гришинаго письма было принять соотвѣтственный мѣры, и въ томъ-же ея слезномъ письмѣ есть такая приписка: «Я просила Волкова, чтобы онъ написалъ къ шефу твоему, господину Удому, чтобы онъ тебя не оставилъ. Потомъ тоже Волковъ напишетъ къ Булгакову (К. Я.), который при государѣ императорѣ, и я къ тебѣ иначе писать не стану, какъ черезъ Булгакова».

Еще прежде, чѣмъ это тройственное письмо изъ-дому дошло до Григорія, онъ по собственному почину, въ догонку за первымъ своимъ письмомъ, подробно описалъ родителямъ исторію той дуэли Нелединскаго. Это чистосердечное и добровольное объясненіе примирило съ нимъ родителей; они признали, что его участіе въ дуэли не было проступкомъ, — только отецъ возразилъ, что это не могла быть *affaire d'honneur*, потому что, сколько онъ знаетъ, *un polisson* не можетъ имѣть *une affaire d'honneur*. О своемъ поведеніи вообще Григорій не писалъ ни слова; поэтому и родители, и Софья въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, хотя уже и безъ слезъ и упрековъ, продолжали требовать отъ него подробной исповѣди. Исповѣди онъ конечно не написалъ, да тѣмъ дѣло и кончилось. Армія углублялась все дальше на западъ, приближаясь къ Парижу, онъ по прежнему рѣдко писалъ и письма шли долго.

V.

«Европа спасена, народы освобождены, тиранъ обезоруженъ, и утомленное человѣчество оживаетъ всеобщаго мира, какъ мореплаватель послѣ бурь и крушеній, претерпѣнныхъ имъ на грозномъ океанѣ, зоветъ тишину и пристань». Такъ писалъ въ концѣ апрѣля 1814 года безымянный московскій публицистъ ¹⁾. Парижъ былъ взятъ, Наполеонъ въ плѣну, — Москва ликовала. 13-го апрѣля курьеръ изъ Петербурга привезъ въ Москву первое извѣстіе о занятіи Парижа, 17-го прибылъ графъ Васильевъ, присланный Александромъ специально для оповѣщенія Москвы о радостномъ событіи. Начался длинный рядъ празднествъ въ Первопрестольной. 23 апрѣля при громадномъ стеченіи народа служили къ Кремлѣ благодарственное молебствіе; въ слѣдующіе три дня звонъ колоколовъ не умолкалъ по городу съ утра до вечера, а по вечерамъ всѣ три дня городъ былъ пышно иллюминированъ. 24-го московское дворянство, частью по случаю взятія Парижа, частью въ изъясненіе своей благодарности государю, приславшему незадолго предъ тѣмъ 150.000 руб. на исправленіе дома Благороднаго собранія, устроило въ этомъ собраніи великолѣпный балъ, гдѣ, между прочимъ, хоръ

¹⁾ «Вѣстн. Евр.», 1814 г., май, № 9. стр. 72.

пѣвчихъ подь музыку оркестра исполнять Польскій, сочиненный на этотъ случай:

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ береговъ Невы;
Радость нова въ души льется
Къ оживленію Москвы,

и т. д.

25 апрѣля было торжественное собраніе московскаго университета — рѣчи, стихи, музыка и пр. 26-го Позняковъ угощали Москву маскарадомъ — и тутъ гремѣлъ хоръ:

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ Царевъ dospѣтъ:
Орлими махнувъ крытами,
Россѣ въ вѣщахъ въ Парижъ взлетѣтъ...

Затѣмъ наступилъ перерывъ въ торжествахъ. Они возобновились 10 мая концертомъ въ домѣ С. С. Апраксина, даннымъ артистами московскаго императорскаго театра; пѣлись — тріо «Кто бѣднымъ милости творить», аріи изъ «Русалки», пѣсня «къ Царю-Батюшкѣ» и т. п. 13 мая Позняковъ далъ въ своемъ домѣ спектакль въ пользу русскихъ воиновъ, раненыхъ подь стѣнами Парижа, гдѣ актриса ухитрилась въ комедію «Оборотни, или Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся» вставить куплеты на торжественный вѣздъ Александра въ Парижъ. Наконецъ 19 мая московскіе дворяне устроили грандіозное празднество въ домѣ Полторацкаго, у Калужскихъ воротъ ¹⁾. Программу этого праздника наша Марья Ивановна заранѣе сообщала въ письмѣ своему Гришѣ. Къ этому времени Корсаковы повидимому уже оправились отъ горя и тревогъ. 14 мая Марья Ивановна писала сыну:

«Всевышній сжалился надъ своимъ твореніемъ и наконецъ этого злодѣя сверзилъ. У насъ, хотя Москва и обгорѣла до костей, но мы на радости не унываемъ, а торжествуемъ изъ послѣднихъ копѣекъ. Въ собраніи былъ маскарадъ, члены давали деньги; купцы давали маскарадъ, Позняковъ далъ маскарадъ-театръ. И каково-же, что черезъ полтора года мы торжествуемъ тутъ, гдѣ французы тоже играли комедію, на Позняковомъ театрѣ. Эта мысль была всеобщая, и когда государю пѣли хвалу, клянусь, что мало было людей, которые бы не плакали отъ удовольствія. А 18 ²⁾ будетъ славный праздникъ, гдѣ и твои сестрицы будутъ отличатся. Дворяне собрались и каждый далъ, что хотѣлъ, но не меньше 200 давали; собрали 25 тысячъ. Будутъ играть мелодраму; Россію иг-

¹⁾ Свѣдѣнія о московскихъ празднествахъ 1814 г. — тамъ же, въ двухъ статьяхъ «Московскія записки» за май и іюнь, «Вѣстн. Евр.» 1814 г., ч. 75-ая, стр. 133 и д., 292 и д.

²⁾ Праздникъ отложили изъ-за дурной погоды на 19-ое.

раетъ Вѣрочка Вяземская, что была Гагарина, Европу играетъ Лунина дочь, Славу—Бахметева Дмитрія Алекс. (т.-е. дочь). Мелодрама сочинена Пушкинымъ Алексѣемъ Михайл. Потомъ сдѣланъ храмъ, гдѣ поставленъ бюстъ его величества государя императора нашего и около стоятъ народы всѣхъ націй: Софья (т.-е. Волкова)—Португалія, Наташа (Римская-Корсакова)—Англія, Шаховская—Турція, Шаховская другая—Германія, Полторацкая—Швейцарія, Высоцкая одна—Италія, другая Высоцкая—Швеція. Францію и Польшу никто не хотѣлъ представлять. Всѣ эти мамзели поютъ хоръ—безподобныя слова,—и всякая кладетъ гирлянду цвѣтовъ. Для народа—качели, лубочная комедія, фейерверкъ, иллюминація».

По свидѣтельству современной хроники праздникъ сошелъ блистательно. Пьеса А. М. Пушкина называлась: «Храмъ безсмертія», мелодрама въ трехъ лицахъ съ хоромъ Европейскихъ народовъ. Содержаніе ее было слѣдующее: Россія въ отсутствіи своего государя молить небо о возвращеніи Александра; къ ней является радостная Европа, освобожденная русскимъ царемъ, а за нею вслѣдъ идетъ Слава—14-лѣтняя хорошенькая и бойкая Бахметева—и возвѣщаетъ дѣянія Александра. Вдругъ открывается сіяющій храмъ безсмертія, въ которомъ стоитъ бюстъ государя; Россія преклоняетъ колѣна, Европейскіе народы окружаютъ бюстъ, Слава вѣнчаетъ его лаврами, и признательная Россія—кн. В. О. Вяземская, молоденькая жена поэта, кн. П. А. Вяземскаго,—вся въ брилліантахъ и золотѣ—декламируетъ плачевныя вирши Алексѣя Михайловича:

Къ Нему моя любовь,
О Боже! ясно доказалась:
Лилась Россіи кровь
И грудь моя нещадно раздиралась.
Смерть зрѣла я моихъ сыновъ;
Но врагъ не наложилъ оковъ:
Къ Царю я вѣрной пребывала,
На бѣгъ молодыхъ и старцевъ созывала,
И жертвуя собою,
Лишь слезы я лила, но не роптала.

За прологомъ слѣдовали балъ и ужинъ; танцы продолжались до 4 ч. утра ¹⁾. Загородный домъ Полторацкихъ, гдѣ происходило это празднество, былъ настоящій дворецъ, съ чуднымъ садомъ. Вяземскій былъ въ числѣ главныхъ устроителей. М. А. Волкова рассказываетъ въ письмѣ къ Ланской, какъ онъ съ цѣлою депутаціей явился упрашивать ее взять на себя роль Европы; по первоначальному плану прологъ должны были пѣть, а у Волковой былъ хорошій голосъ; но она отказалась, да и вообще исполнительницъ для пѣнья не нашлось, и потому было рѣшено замѣнить пѣнье декла-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 294—295.

маціей. Волкова подтверждаетъ, что праздникъ былъ великолѣпенъ. На исполнительницахъ были платья баснословной дороговизны; платье Вяземской стоило двѣ тысячи, да брилліантовъ на ней было тысячъ на шестьсотъ; остальные тоже были осыпаны брилліантами, и на зрительницахъ было ихъ также немало ¹⁾. Предъ началомъ пролога произошла нѣмая сцена, не предусмотрѣнная программой. О ней рассказываетъ Вяземскій въ своей «Старой записной книжкѣ» ²⁾. Извѣстно, что по возвращеніи москвичей въ Москву послѣ пожара въ московскомъ обществѣ начало складываться рѣзко-враждебное настроеніе противъ Ростопчина. Какъ разъ въ началѣ 1814 года эта неприязнь къ Ростопчину достигла особенной остроты. И вотъ, когда на праздникъ въ домъ Полторацкаго собравшихся гостей пригласили перейти въ залу, гдѣ должна была играть мелодрама Пушкина, кн. Ю. В. Долгоруковъ поспѣшно предложилъ руку матери-Волковой и первый вошелъ съ нею въ залу; за ними перешла туда вся публика, и Ростопчинъ остался одинъ. Онъ сильно обидѣлся, и распорядителямъ стоило потомъ большого труда уговорить его идти въ залу, такъ что запаздѣть можно было поднять только въ 9 час.

VI.

Весь этотъ годъ (1814) и весь слѣдовавшій за нимъ Марья Ивановна провела въ непрерывной тревогѣ о Гришѣ. Мысль о томъ, что онъ не въ штабѣ, что онъ осужденъ тянуть скучную полковую лямку, что его карьера остановлена, — эта мысль убивала ее; она боялась, что, оставшись безъ попечительнаго надзора, онъ напроказить пуще прежняго и окончательно погубить себя. А онъ въ довершеніе горя почти не писалъ ей. Почти каждое его письмо начинается со слезныхъ упрековъ за молчаніе. Написалъ изъ Базеля 13 января, вотъ уже наступилъ май, онъ вошелъ въ Парижъ, а писемъ отъ него больше не было. Всѣ матери въ Москвѣ получили письма отъ сыновъ изъ Парижа: Олсуфьева, М. А. Волкова, Щербатова, Баранова, Строганова, — только она безъ письма. «Нѣтъ несчастіе меня въ мірѣ. Воля твоя, если ты живъ и здоровъ, какъ не написать двухъ словъ ко мнѣ, что ты и какъ ты? Конст. Булгаковъ, дай ему Богъ здоровья, пишетъ тотъ день, какъ вошли въ Парижъ, къ брату, — не забылъ написать объ тебѣ въ это время, что онъ тебѣ деньги съ письмами отдалъ... Несчастный Паша послѣ Аустерлица на перепачканной бумажкѣ—лоскуткѣ написалъ: *Я и Никола живы*, запечаталъ пятакомъ; а ты, милый, теперь больше имѣешь способовъ черезъ Булгакова ко мнѣ написать, да не дѣлаешь». Въ это время еще шла война; мать, напуганная двумя

¹⁾ «Вѣстн. Евр.» 1874 г., октябрь, стр. 573, 578, 581—2.

²⁾ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 79.

потерями, дрожала за жизнь Григорія. Она пишетъ ему, что по нѣскольку разъ въ день вспоминаетъ о немъ, каждый разъ съ молитвою: «Мать Пресвятая Богородица, помилуй его и защити его отъ злодѣя!» Поздравляя его съ днемъ рожденія, она прибавляетъ: «Несносная мысль, мой другъ Гришенька: пишу къ тебѣ, а можетъ тебя уже нѣтъ. Господи, услышь мою грѣшную молитву», и т. д. Такъ-же рѣдко, разъ въ два, три мѣсяца писалъ ей Гриша затѣмъ и изъ Варшавы, гдѣ былъ водворенъ его полкъ съ середины 1814 г., для охраны вел. кн. Константина Павловича ¹⁾; тутъ она боялась, не заболѣлъ-ли онъ, не «сосланъ» ли за проказы. Деньги — по 90 дукатовъ каждый разъ — регулярно высылались ему, то съ почтою, то по оказіи, но онъ часто даже не извѣщалъ о полученіи ихъ. Онъ жилъ въ Варшавѣ съ однимъ изъ сыновей извѣстной Настасьи Дмитріевны Офросимовой, пріятельницы Марьи Ивановны; молодой Офросимовъ каждыя три недѣли писалъ родителямъ, и Марья Ивановна пеняла сыну, что только-де чрезъ Офросимова она и знаетъ, «что есть эта несчастная Варшава». Пишутъ и сестры, просятъ его не лѣниться ради спокойствія матери, — ничего не помогаетъ. Марья Ивановна пробуетъ облегчить ему трудъ: «Я рѣшилась тебѣ написать форму письма, какъ тебѣ писать ко мнѣ, и отдавай эту записку въ письмо Офросимова... Форма: Я , слава Богу, здоровъ. Желаю вамъ того же. Сынъ Вашъ Григорій Р. Корсаковъ. — Я больше ничего не желаю, какъ узнать объ тебѣ, живъ ли ты и здоровъ ли». Но и это средство не помогло.

Тѣмъ временемъ Марья Ивановна безъ устали хлопотала за сына. По ея просьбѣ К. Я. Булгаковъ проситъ кн. Алексѣя Щербатова взять Гришу въ адъютанты; по ея просьбѣ М. А. Волкова-мать пишетъ о немъ Полинъяку то самое письмо, которое кстати должно было напомнить ему о забытой имъ любви и которое такъ часто поминается въ письмахъ Волковой дочери къ Ланской; Марья Ивановна заставляетъ своего пріятеля, кстати-же и вздыхавшаго о ея Наташѣ, Ф. П. Талызина, написать къ Олсуфьеву и просить его «о неоставленіи моемъ, если съ тобой что случится несчастное». «Право, Гришенька, прибавляетъ она, ты бы съ нимъ (съ Олсуфьевымъ) познакомился и ходилъ бы къ Олсуфьеву. Онъ тебѣ пригодится, также и съ Кривцовымъ». На Талызина она надѣялась больше всего; онъ, пишетъ она, «нашъ вѣрный ресурсъ», т.-е. чрезъ него Гриша освободится отъ строевой службы: «онъ имѣетъ дивизію, то будемъ его просить. Ему дали второго Владимира и въ ожиданіи быть генераль-лейтенантомъ; онъ представленъ... Къ нему войди и потомъ онъ тебя въ адъютанты возьметъ и будетъ тебя чаемъ поить». Поставить Гришу въ такое положеніе, чтобы начальникъ поилъ его чаемъ, — вотъ о чемъ страстно мечтаетъ Марья Ивановна. А пока

¹⁾ А. Маркграфскій, Исторія л.-гв. Литовскаго полка Варшава, 1887, стр. 97.

это устроится, — хоть не былъ бы безъ надзора и авторитетной опоры. Она пишетъ къ кн. Петру Мих. Волконскому, «который генераль-адъютантъ и котораго нашъ государь жалуетъ»: онъ съ нею знакомъ и, бывши въ Москвѣ, обѣдалъ у нея; «къ князю Петру я право такое жалкое письмо (написала); нельзя, чтобы онъ не сжалился надо мной». И еще — «къ князю Сергѣю писала Волконскому, что про прозванію Бехна, князь Петръ женатъ на сестрѣ Бехны». По ея просьбѣ бывший Екатерининскій фаворитъ И. Н. Корсаковъ пишетъ Ланскому, губернатору въ Варшавѣ, «чтобы тебя тамъ не оставилъ». Она пишетъ о немъ къ А. И. Татищеву (который позже былъ военнымъ министромъ), и сыну пишетъ: «Ходи къ Татищеву. Я просила его, чтобы онъ тебя не оставилъ и къ нему прямо послала посылку». Когда генераль-губернаторомъ въ Москву, на мѣсто Ростопчина, былъ назначенъ Тормасовъ, въ дѣятельномъ умѣ Марьи Ивановны тотчасъ сложился планъ: оба полицмейстера — ея зять Волковъ, и другой, Брокеръ, просятся въ отставку; Тормасовъ навѣрное захочетъ одно изъ этихъ мѣстъ предложить своему любимому адъютанту Бибикову, стало быть, освободится мѣсто адъютанта при немъ; вотъ на это мѣсто и надо пристроить ея Гришу — и Волковъ берется попросить Тормасова; одно препятствіе — что отецъ, Александръ Яковлевичъ, въ прошломъ году, по такоу-же случаю, писалъ ей, что ни за что въ свѣтѣ не позволитъ, чтобы его сынъ былъ адъютантомъ при какомъ бы то ни было главнокомандующемъ.

Эти, и всѣ другія хлопоты Марьи Ивановны о доставленіи сыну адъютанства остались безплодными. Тѣмъ усерднѣе работала она одновременно въ другомъ направленіи: она хотѣла выпросить Гришу въ отпускъ — прежде всего, разумѣется, для того, чтобы увидѣть его, но не менѣе и съ практической цѣлью, — чтобы здѣсь уговорить его выйти въ отставку изъ Литовскаго полка, и затѣмъ сънова, при лучшихъ условіяхъ, вступить въ службу, конечно уже не «рядовымъ» офицеромъ и по возможности въ Москвѣ. Она сильно тосковала о сынѣ. 13-го мая 1814 г. поздно вечеромъ, не предупредивъ родныхъ, пріѣхалъ домой, пріямъ изъ только-что занятаго русскими Парижа 19-лѣтній сынъ М. А. Волковой, Николай, — братъ той Волковой, чьи письма къ Ланской, нами не разъ цитируемая, имѣлъ въ рукахъ Л. Н. Толстой во время своей работы надъ «Войною и миромъ»: пріѣздъ Николинки Волкова, описанный въ этихъ письмахъ¹⁾, безъ сомнѣнія и подаль ему мысль изобразить сходный пріѣздъ Николинки Ростова. Волковъ привезъ Марьѣ Ивановнѣ письмо отъ Гриши; узнавъ о его пріѣздѣ, она въ тотъ-же день поѣхала къ Волковымъ, а на слѣдующій день писала сыну: «Вотъ ужъ, милый другъ Гриша, истинно тебѣ скажу, вотъ минута

¹⁾ «Вѣстн. Европы» 1814 г., октябрь, стр. 579.

была, что я крѣпко ему позавидовала. Онъ сидитъ между своими, — не только онѣ радуются на него, — я посторонній человѣкъ, но мнѣ тоже было пріятно и весело въ душѣ моей его видѣть и слышать. Подумаешь, откуда онъ пріѣхалъ, какая даль, и все дѣянія ваши! Сколько разъ человѣкъ былъ на питочкѣ жизни, что мимо ушей пролетѣло ядеръ, пуль!»

Лишь только Гриша съ полкомъ вернулся въ Россію, въ Варшаву, Марья Ивановна начала приставать къ нему: просись въ отпускъ. Просись, писала она ему, на четыре мѣсяца, а отпустить на два. Она пускаетъ въ ходъ все свои связи, по ея просьбѣ другіе ходатайствуютъ у вел. кн. Константина Павловича чрезъ близкихъ къ нему людей — ген. Куруту, ген. Сабанѣева. Въ октябрѣ (1814 г.) ей подвернулся счастливый случай: пріѣхалъ въ Москву герой Вязьмы, Милорадовичъ, она познакомилась съ нимъ, излила предъ нимъ свое сердце, и онъ твердо обѣщалъ ей устроить Гришу по ея желанію. Письмо, гдѣ она описываетъ сыну этотъ свой разговоръ съ Милорадовичемъ, стоитъ привести цѣликомъ: оно какъ нельзя болѣе картинно.

«Сюда пріѣзжалъ гр. Милорадовичъ на нѣсколько дней. Я съ нимъ ужинала у Варлама (тестъ К. Я. Бунгакова). Вечеромъ я съ нимъ успѣла познакомиться. Онъ такъ словоохотенъ и безъ чванства человѣкъ, что съ нимъ такъ легко познакомиться, какъ воды стаканъ выпить. На другой день кн. Сергѣй Голицынъ насъ пригласилъ на балъ, гдѣ праздновали его сіятельство, пѣли ему пѣснь. Въ теченіе вечера я съ нимъ долго рядомъ сидѣла. Слово за слово начала ему рассказывать свои несчастія, начиная съ Бородина и кончая потерей Варенькиной, вояжъ свой въ Нижній отъ французъ, потомъ про тебя, что ожидала тебя видѣть скоро здѣсь, но надо, чтобы я такъ несчастлива была, что тебя отправили въ Варшаву. — «О, вы должны этимъ радоваться. Государь мнѣ приказалъ выбрать лучшихъ офицеровъ, чтобы послать въ Варшаву». — Радоваться, графъ, я радуюсь, но жалѣю больше, что онъ не со мной. Вотъ, графъ, вамъ стоитъ одно слово сказать, такъ вѣрно все сдѣлано. Тогда бы я вамъ при всей публикѣ до земли бы поклонилась. Возьмите его къ себѣ въ адъютанты. — «О, послушайте, у меня есть два адъютанта, которыми я недоволенъ. Обѣщать вамъ не обѣщаю, а постараюсь. Я уже двоимъ обѣщалъ, а вамъ его пришлю. Великій князь меня жалуетъ; я къ нему напишу, чтобы отпустилъ. Если же не отпуститъ, то я пошлю другого офицера на его мѣсто, и сынъ вашъ будетъ вскорѣ у васъ». Рассказывавши свое горе на балу, я заплакала. «Вы не должны плакать и огорчаться: у васъ такія прекрасныя дѣти. Я вамъ скажу чистосердечно, что я былъ въ Парижѣ, а такую прекрасную не видалъ, какъ ваша дочь» (т.-е. Наташа). — Надо тебѣ еще сказать, что у него Аракчеевъ адъютантъ, полковникъ, который вляпался въ пашу

Пенелопу (Наташа) по уши. Я дала этому адъютанту записку объ тебѣ. Онъ черезъ полчаса приходитъ ко мнѣ: «Будьте, сударыня, увѣрены, что сынъ вашъ будетъ при графѣ». И Волкову онъ тоже сказалъ: «Я графу говорилъ, онъ мнѣ сказалъ: возьмемъ, братъ, къ себѣ». Онъ этого Аракчеева очень любить, онъ измайловскій. Ну, мой другъ Гриша, я все дѣлаю, что возможно, мой голубчикъ, а объ успѣхѣ не отвѣчаю. Кажется, Милорадовичъ вѣрнѣе всѣхъ. Онъ не упустилъ мнѣ рассказать, какъ государь ему далъ команду гвардіи и почему его великій князь любить — за дѣло, которое было подъ Шампенеуазомъ. Я ему сказала: Позвольте мнѣ вамъ черезъ письмо напомнить объ сынѣ. — «Будьте покойны, что никакъ не забуду». Онъ мнѣ страхъ полюбился, и, кажется, предобрый, а болтунъ на заказъ».

Неизвѣстно, сдержалъ ли слово Милорадовичъ, но его адъютантъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ. Недѣли черезъ двѣ Волковъ, зять Марьи Ивановны, получилъ письмо отъ этого Аракчеева. Оно сохранилось. «Спѣшу васъ увѣдомить», писалъ Аракчеевъ, «и навести удовольствіе какъ вамъ, такъ и ея превосходительству генеральшѣ Корсаковой, что объ увольненіи сына ея, лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ отпускъ уже послано съ курьеромъ къ ея высочеству, Константину Павловичу. Исполняя свято данную мнѣ препорученность какъ отъ его сестрицы (т.-е. отъ Наташи Корсаковой), такъ и отъ васъ, долгомъ поставляю я васъ о семъ увѣдомить и просить васъ, Александръ Александровичъ, о продолженіи вашего со мною знакомства». Изъ этихъ строкъ видно, во-первыхъ, что Марья Ивановна не ошиблась насчетъ чувствъ, внушенныхъ храброму подковнику ея Пенелопой, и во-вторыхъ, что храбрый полковникъ былъ неискусенъ въ слогѣ.

Изъ этого дѣла ничего не вышло: отпуска Гришѣ не дали, и въ адъютанты къ себѣ Милорадовичъ его не взялъ. Но неудача, казалось, только удвоила настойчивость Марьи Ивановны. Изъ ея писемъ не видно, чтобы Гриша такъ же страстно желалъ отпуска, — иначе ей не приходилось-бы безпрестанно напоминать ему, чтобы просился въ отпускъ. Весь конецъ этого года она истощается въ усиліяхъ выпросить сына, и наконецъ, въ первыхъ числахъ января 1815 г., отчаявшись, принимаетъ героическое рѣшеніе. «Мой другъ Гриша, голубчикъ мой родной,—пишетъ она 11-го января,—всѣ мои просьбы объ тебѣ, теперь вижу, никакого дѣйствія не имѣютъ. Итакъ, мой милый, я рѣшилась благословясь написать къ великому князю отъ себя письмо прямо, и написавши къ тебѣ, повезу на почту. Дай, Боже, чтобы былъ успѣхъ, желаемый мной. Господи, не смѣю впередъ радоваться и полагать себя счастливой матерью». — Она послала сыну копію своего прошенія, чтобы онъ зналъ, что отвѣчать, если великій князь призоветъ его къ себѣ. Прошеніе было составлено искусно—не въ плачевномъ тонѣ, однако такъ, что

всѣ ея бѣды бросались въ глаза: и потеря Павла, и смерть Варвары Александровны, и бѣгство въ Нижній-Новгородъ, и свое слабое здоровье. Она почтительно просила дать Григорію отпускъ на тотъ срокъ, какой великому князю угодно будетъ назначить. Ей казалось, что риска въ ея поступкѣ нѣтъ. «Что-жъ бѣды, если я такъ буду несчастлива, что не отпустить; мнѣ стоитъ одинъ трудъ написать, да за почту заплатить. А если онъ разсердится, то все, что худо можетъ случиться,—что онъ письмо броситъ въ корзину».

Легко представить себѣ, съ какимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ Марья Ивановна ждала отвѣта, переходя отъ надежды къ унынію. То великій князь казался ей «милостивымъ и чувствительнымъ», то ее брала дрожь при мысли, что откажетъ. Въ этомъ нервномъ состояніи она писала сыну: «Да, мой истинный другъ, для тебя, мой голубчикъ всякаго и всякому стану подлить».

Отвѣтъ пришелъ по тогдашнему очень скоро, 5 марта (1815), т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ четыре недѣли. Великій князь сообщалъ, что при всемъ уваженіи къ просьбѣ Марьи Ивановны и всегдашнемъ своемъ желаніи оказывать возможное содѣйствіе своимъ подчиненнымъ,—«долженъ съ сожалѣніемъ моимъ,—знаю, что будетъ вамъ, какъ матери, прискорбно,—по всей справедливости сказать, что сынъ вашъ весьма неревностно и, можно сказать, совершенно лѣниво продолжаетъ службу. Онъ даже нѣсколько мѣсяцевъ какъ рапортуется больнымъ, и я не помню, когда уже видѣлъ его на службѣ; словомъ, онъ не заслуживаетъ быть уволенъ въ отпускъ».

Марья Ивановна была какъ громомъ поражена: этого она не ожидала. 5-го марта пришелъ отвѣтъ вел. князя, а 6-го она пишетъ сыну отчаянное письмо, и 8-го опять. Вопросъ объ отставкѣ отошелъ уже на задній планъ: теперь она трепещетъ, какъ-бы великій князь, въ гнѣвъ своемъ на Гришу, не сталъ его преслѣдовать, не выписалъ его куда-нибудь на линію или въ Оренбургъ; «этого я ужъ не перенесу и не переживу этакой бѣды». Она заклиняетъ сына, чтобы онъ сжалился, если не надъ собой, то надъ нею,—чтобы берегъ себя, былъ прилеженъ къ службѣ, не сказывался больнымъ по пустякамъ, старался заслужить милость великаго князя. «Душа моя теперь ничѣмъ не наполнена, какъ совершеннымъ горемъ на твой счетъ». Отнынѣ она уже не знаетъ покоя; ей все мерещится, что съ Гришей случилась кака-нибудь бѣда, или же ей представляется, что онъ не могъ такъ долго рапортоваться больнымъ, а вѣрно у него есть злодѣи, которые оклеветали его предъ великимъ княземъ.

На ея счастье въ Москвѣ какъ-разъ находился ея другъ и поклонникъ ея красивой Наташи, Ф. И. Талызинъ. Она заставила его тотчасъ написать самое настоящее письмо (оно сохранилось въ копіи) къ его другу, генер.-маіору Н. Д. Олсуфьеву,—ближайшему фавориту в. кн. Константина; онъ заклиналъ Олсуфьева склонить милость вел. князя къ молодому Корсакову, обѣлить послѣдняго,

выпросить ему отпускъ и оказывать ему покровительство,—но также и написать *всю правду*. Повидимому, онъ, или сама Марья Ивановна не были увѣрены въ полной непорочности Гриши. Какъ ни далека была Варшава, до нея все-таки доходили кое-какіе слухи. Такъ, незадолго до этой исторіи, въ концѣ зимы, ей рассказали, что Гриша поссорился со своимъ батальоннымъ командиромъ и переведенъ въ другой батальонъ. Тогда она ему торько пеняла за это: одна-де надежда на отпускъ должна бы сдѣлать его скромнѣе, да и вообще ей странно, «какъ вы, господа храбрые офицеры, не понимаете, что командиръ, будь онъ хоть дубина, но его надо слушать и повиноваться». А того она не знала ни теперь, ни потомъ, что Григорій дѣйствительно былъ боленъ, и именно вслѣдствіе раны, полученной имъ на дуэли съ какимъ-то офицеромъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма къ Григорію его друга, С. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго.

Отпуска онъ не получилъ, а тутъ недолго спустя вернувшійся съ Эльбы Наполеонъ снова замутилъ Европу. 7 апрѣля (1815 г.) Марья Ивановна смогла написать сыну лишь нѣсколько строкъ: «Милый другъ Гриша, не могу много писать, мой родной; не осушая глазъ, плачу. Каково-же—опять война. Господи спаси тебя и помилуй! Дай-то Богъ хоть черезъ два года увидѣться. Христосъ съ тобой, спаси тебя и помилуй». Но Литовскій полкъ на войну не послали. 4-го августа, когда уже все было кончено, Марья Ивановна пишетъ: «Вчера у насъ прошелъ слухъ, будто чортъ самъ околѣлъ (т.-е. Наполеонъ). Если бъ эта милость Божья была! Но нѣтъ, міръ христіанскій столь грѣшенъ, что оной милости не достоинъ. Довольно и того по нашимъ грѣхамъ, что его и въ другой разъ поймали. Это невѣроятнo даже, въ 3 мѣсяца кончить все; вотъ каковъ сѣденькій Блюхеръ. Какъ я рада, мой милый другъ, этого я не умѣю объяснить, что гвардія не ходила далѣе Варшавы; хотя прогулка эта и не совсѣмъ пріятна, но живы всѣ остались. Великъ Богъ и милость Его до насъ многогрѣшныхъ. Вѣрно вамъ всѣмъ не очень пріятно, что васъ не было тамъ и вы не въ Парижѣ. Матери и жеңы не такъ разсуждаютъ и всякая молитъ Бога за Блюхера. Я не умѣю объяснить, какъ я боготворю Блюхера и Веллингтона. Конечно, жаль,—и у нихъ тоже люди погибли, а не мухи. Если-бъ столько и мухъ перебить, сколько погибло людей съ тѣхъ поръ, какъ этотъ чортъ Наполеонъ велъ войну, да привести потомъ на это мѣсто человѣка съ чувствомъ, гдѣ лежатъ 10 миллионoвъ мухъ, такъ всякій содрогнется кромѣ чорта самого и изверга Наполеона,—этому все ничего. Если онъ околѣлъ, неужели его не открыли, чтобы видѣть внутренность этого изверга? Я увѣрена, что у него было два сердца, такъ какъ у злыхъ людей находили по два крана. И онъ не былъ злой, а былъ кровопійца; только и счастливъ, чтобъ губить людей для своей славы,

которая что ему сдѣлала? околѣлъ какъ собака; даже и въ исторіи, если будутъ ее писать, героемъ его грѣшно назвать, а просто разбойникомъ, извергомъ. И сколько слезъ пролито! его бы, злодѣя, нѣсколько разъ можно бы было въ нихъ утопить. Но дай-то Богъ, чтобы это была правда, что онъ околѣлъ. Казалось бы, что ему самому бы надо убиться или опиться, — да мерзавецъ-то любить жизнь больше всего». — Марья Ивановна ненавидѣла не только Наполеона, но и всѣхъ французовъ. Вообще, на ея примѣрѣ можно видѣть, какъ *личныя* страданія, перенесенныя русскими людьми въ 1812—14 годахъ, породили въ обществѣ негуманный, эгоистическій націонализмъ. Той-же осенью 1815 г. она пишетъ сыну: «Я чай, ты по-польски такъ и рѣжешь, какъ эти бритые поляки съ завороченными рукавами. Признаюсь, что ненавижу ихъ родъ, — всѣ обманщики и плуты, не много лучше этой безхарактерной французской націи: самъ ласкается, а за пазухой змѣя сидитъ. А эти мерзавцы французы голопятые — уже ни на что не похожи: присягаютъ королю, а между тѣмъ комплоты новые ежеминутно противъ него. Что уже про нихъ говорятъ теперь, волосы дыбомъ становятся. Всякій русскій долженъ Бога благодарить, что онъ родился не французомъ; всякій русскій мужикъ лучше и почтеннѣе французскаго министра: совѣсть чиста передъ Богомъ и передъ отечествомъ». Эта ненависть къ французамъ, какъ видно, крѣпко укоренилась въ Марьѣ Ивановнѣ; еще въ 1821 году, передавая слышанный ею изъ вторыхъ устъ непочтительный отзывъ какого-то французскаго депутата объ Александрѣ I, она разражается бранью: «Мерзавцы, безбожники, уроды рода христіанскаго! ненавижу! что чортъ, что французъ — одно и то же».

Гриша взялъ (или ему дали), отпускъ только весною 1816 г., для лечебной поѣздки на Кавказъ. До тѣхъ поръ продолжалось то-же: онъ писалъ рѣдко, мать просила и корила его, со вздохомъ перечисляла счастливыя семьи, чьи сыновья или мужья пріѣзжали въ отпускъ, и все продолжала высылать Гришѣ деньги, не малые, и чай, и халатъ бухарскій, теплыя сапоги и фуфайки и разныя другія вещи съ оказіями. Ея любовь къ сыну нисколько не пошатнулась, несмотря на его невниманіе, шалости и перадѣніе въ службѣ (онъ все еще былъ подпоручикомъ); она увѣряла себя, что это «видны остатки Нелединскаго дружества».

Нелединскій съ середины 1814 г. жилъ въ Петербургѣ и былъ въ перепискѣ съ Григоріемъ Корсаковымъ. Изъ писемъ Нелединскаго мы узнаемъ, что онъ передъ тѣмъ былъ боленъ и лечился въ Баденѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ еще не совсѣмъ оправился, сидитъ взаперти — и не жалѣетъ объ этомъ Петербургъ ему не нравится, одинъ только и есть пріятный домъ — Архаровыхъ; онъ радъ своему уединенію, гдѣ чтеніе и музыка составляютъ его отраду. — Онъ пишетъ по-французски, и въ его письмахъ есть аф-

фектированная разочарованность. Недѣль шесть спустя, (ноябрь 1814), уже бывая въ обществѣ, онъ еще болѣе недоволенъ Петербургомъ. Корсаковъ, какъ видно, жаловался ему на варшавскую скуку; удивляюсь, пишетъ Нелединскій, какъ можно скучать среди очаровательныхъ полекъ; другое дѣло—Петербургъ, здѣсь дѣйствительно можно умереть со скуки, и вы напрасно завидуете моимъ развлеченіямъ и побѣдамъ. Здѣсь все такъ непривѣтливо, женщины едва отвѣчаютъ, парадирюя напускной неприступностью вмѣсто добродѣтели; ихъ шокируютъ, видите-ли, дурныя манеры военныхъ, а нѣкоторые порицаютъ даже тотъ любезный пріемъ, который оказываютъ военнымъ въ немногихъ порядочныхъ домахъ Петербурга. Отъ этихъ жалкихъ кумушекъ приходится слышать такія рѣчи: эти-де господа (т.-е. военные) привыкли за время войны вести цыганскій образъ жизни, пусть-ка сначала отвыкнуть отъ своихъ бивачныхъ нравовъ, а если не научатся вести себя прилично,—ихъ надо будетъ совсѣмъ исключить изъ свѣтскаго общества. Хорошъ патріотизмъ; такъ-то поощряютъ доблесть и вознаграждаютъ за лишенія, сопряженныя со службою родинѣ!—Словомъ, Петербургъ такъ противенъ Нелединскому, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ новой войны (тогда поговаривали о войнѣ съ Австріей, или съ Турціей); гдѣ-бы ни воевать, только-бы оставить этотъ несносный городъ.—Это было писано въ ноябрѣ, а полгода спустя, въ апрѣлѣ (1815) Нелединскій уже привольно плаваетъ и ныряетъ въ петербургскомъ свѣтѣ, адски влюбленъ, танцуетъ безъ усталости, и болѣе не жалуется на Петербургъ. Между прочимъ, изъ его словъ видно, что Корсаковъ сердился на мать за то, что она своей глупой затѣей—послать прошеніе великому князю—навлекла на него непріятности по службѣ; Нелединскій увѣщиваетъ его, что Марьей Ивановной руководило только естественное желаніе увидѣться съ нимъ, Гришей.

VII.

Такія скорбныя воспоминанія и такія ежедневныя тревоги, какія переживала Марья Ивановна въ 1814—15 гг., въ наше время безъ сомнѣнія надолго погрузили бы всю семью въ печаль и равнодушіе къ веселію. А въ домѣ Марьи Ивановны уже съ осени 1814 года возобновилась та же шумная, широкая, хлѣбосольная жизнь, которая завелась тамъ задолго до войны,—и то же самое мы видимъ по всей Москвѣ, во всѣхъ видныхъ домахъ, гдѣ также минувшая гроза оставила неизгладимые казалось бы слѣды. Зимніе сезоны 1814 и 1815 годы въ Москвѣ были даже шумнѣе и веселѣе сезоновъ 1810 и 11-го годовъ. Балъ слѣдовалъ за баломъ безъ передышки, а въ промежуткахъ—всевозможные завтраки, катанья, дѣтскія утра, и пр. Волкова въ письмѣ къ Ланской отъ 4 января 1815 г. перечисляетъ свои выѣзды за текущую

недѣлю: въ субботу танцовали до пяти часовъ утра у Оболенскихъ, въ понедѣльникъ—до трехъ у Голицына, въ четвергъ предстоитъ костюмированный балъ у Рябининой, въ субботу—вечеръ у Оболенскихъ, въ воскресенье званы къ гр. Толстому на завтракъ, послѣ котораго будутъ танцы, а вечеромъ въ тотъ же день придется плясать у Ѳ. Голицына ¹⁾. И такъ всю зиму безъ перерыва, и всѣ эти балы «такъ оживлены, что приходится вертѣться до изнеможенія», «а потомъ полдня лежишь въ кровати отъ усталости»; отъ этой усталости Волкова уже къ концу января «замѣтно похудѣла», а въ февралѣ она пишетъ: «Въ нынѣшнемъ году многіе поплатились за танцы. Бѣдная кн. Шаховская опасно больна. У васъ умираетъ маленькая гр. Бобринская вслѣдствіе простуды, схваченной ею на балѣ».

Удрученная заботами о Гришѣ, Марья Ивановна нисколько не отставала отъ этого веселаго общества. Когда въ декабрѣ 1814 г., проѣздомъ въ Петербургъ остановился въ Москвѣ персидскій посолъ, это дало поводъ московскому обществу устроить рядъ блестящихъ раутовъ. Посолъ былъ еще молодъ и красавецъ собой. «Вчера», пишетъ Марья Ивановна сыну, «гр. Орлова давала балъ персидскому послу, гдѣ и мы съ Наташей отличались, и этой черной харѣ Наташа полюбилась», а А. Я. Булгаковъ, тоже бывший на этомъ балу, въ письмѣ къ брату передаетъ остроумное замѣчаніе, сдѣланное персомъ въ этотъ вечеръ: ему все понравилось, но удивило его, зачѣмъ на этомъ балу такъ много старыхъ женщинъ, и, когда ему объяснили, что это матери и тетки присутствующихъ дѣвицъ, которыя не могутъ-же выѣзжать однѣ,—онъ резонно замѣтилъ: развѣ у нихъ нѣтъ отцовъ и дядей? ²⁾—Корсаковы въ эту зиму не только посѣщаютъ чужіе балы,—у Марьи Ивановны уже у самой вечера, 25 января (1815 г.) М. А. Волкова плясала у нея ³⁾; 2 февраля у Марьи Ивановны была *folle jougnée*, о которой говорили уже за недѣлю, и объ этой забавѣ писали: Волкова—своей подругѣ, А. Булгакова—своему брату, Кристингъ—княжнѣ Туркестановой ⁴⁾; именно, завтракали у Марьи Ивановны, затѣмъ катались по городу и предмѣстьямъ—было 30 саней, до ста приглашенныхъ,—послѣ катанья закусывали у Ѳ. Голицына, а кончили день баломъ въ Собраніи. Такъ шла вся зима, а лѣтомъ 1815 г. Марья Ивановна съ дочерьми развлекалась поѣздками къ знакомымъ въ ихъ подмосковныя: къ Ст. Ст. Апраксину на три дня, къ кн. Вяземской на двѣ недѣли, а то къ дочери Софѣ (Волковой)—и всюду жили весело.

¹⁾ «Вѣстн. Евр.» 1875, январь, стр. 221—225.

²⁾ «Рус. Арх.» 1900, кн. 7, стр. 327.

³⁾ «Вѣстн. Евр.» тамъ-же стр. 223.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1900, кн. 8, стр. 456; «Вѣстн. Евр.», тамъ-же, стр. 224; «Ferd. Christin et la Pr. Tourkestanow», Moscou, 1882, p. 165.

Отчасти, можетъ быть, вести такую открытую жизнь побуждала Марью Ивановну забота о своей «Пенелопѣ»—о Наташѣ. Дѣвушкѣ было уже за двадцать, т.-е. по тогдашнимъ понятіямъ—давно пора замужъ; а Марья Ивановна была заботливая мать. Въ поклонникахъ недостатка не было, но серьезныхъ намѣреній никто не обнаруживалъ. Одно время ухаживалъ за Наташей Орловъ (трудно опредѣлить, какой), и весною 1814 г. Гриша изъ арміи спрашивалъ мать, вѣрны ли дошедшіе до него слухи, что Наташа выходитъ или уже вышла за Орлова; но Марья Ивановна отвѣчала ему: «все это вздоръ, она подъ той же крышкой со мной живетъ; непонятное дѣло, какъ могли этикія фальшивыя вѣсти дойти до Франціи. Это правда, что онъ Пенелонѣ куры строилъ, но ничего изъ этого не вышло солиднаго, или, лучше сказать, его родные разбили, то-есть графиня Орлова; она, что пріѣхала въ Москву, то онъ пересталъ почти ко мнѣ ѣздить». Потомъ—уже года полтора спустя—были у нея виды на Александра Дм. Олсуфьева, штабъ-ротмистра Ахтырскаго гусарскаго полка, изъ хорошей московской семьи. «Вчера», пишетъ она (октябрь 1815 г.) у меня былъ Олсуфьевъ, нынче ѣдетъ въ полкъ, который въ Старой Руссѣ, 600 верстъ отсюда. Для меня онъ сталъ молодецъ хоть куда, а нашей Пенелопѣ все не по вкусу. Право, не знаю, какого она жениха дожидается. Только двухъ такихъ дѣвокъ и знаю: графиню Орлову (т.-е. А. А.). Да той немудрено, она отъ богатства себѣ не находитъ мужей; ей все кажется, что для мужиковъ ея на ней женятся,—а Наташа изъ чего капризничаетъ, не понимаю». Однако, несмотря на неохоту дочери, Марья Ивановна видимо приманивала Олсуфьева. Когда въ слѣдующемъ іюнѣ (значитъ 1816 г.) Олсуфьевъ опять пріѣхалъ въ Москву, съ отпускомъ на три мѣсяца, Марья Ивановна писала Гришѣ: «Это на наше счастье, мой другъ: въ другой разъ годомъ отпускается». Въ это же время она имѣла виды на кн. Н. С. Меншикова, — вѣроятно у нея были для этого основанія. Но ни то, ни другое не удалось. Олсуфьевъ, какъ только пріѣхалъ, началъ явно ухаживать за одной изъ Кавериныхъ, и, что хуже, увлекъ за собою и Меншикова; ровно мѣсяцъ спустя Марья Ивановна пишетъ: «Олсуфьевъ женится на Кавериною, Меншиковъ, говорятъ, тоже на Кавериною. Это Олсуфьевъ работаетъ и для себя, и для него,—они большіе пріатели. И признаюсь тебѣ, очень мнѣ грустно, что князя Меншикова изъ нашихъ рукъ отбилъ Олсуфьевъ. Пускай бы ужъ кто другой, а не этотъ дуракъ. Смерть досадно, признаюсь тебѣ, мой милый другъ; думала, что Меншиковъ будетъ нашъ». Меншиковъ не женился на Кавериною, да не женился и на Наташѣ, а Олсуфьевъ дѣйствительно женился на старшей Кавериною, Марьѣ Павловнѣ, но меньше чѣмъ черезъ три года овдовѣлъ: Марья Павловна умерла 24 лѣтъ, отъ чахотки. Эти барышни Каверины были сестры Пушкинскаго пріятеля, геттингенца; ихъ было трое,

всѣ очень красивыя, и всѣ рано угасли въ чахоткѣ, унаслѣдованной отъ матери ¹⁾).

Мы упустили выше сказать, что въ это-же время, 14 января не то 1814-го, не то 1815-го года (на письмѣ не означенъ годъ), умеръ старикъ Римскій-Корсаковъ, Александръ Яковлевичъ, повидимому, въ деревнѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ. Его смерть нисколько не отразилась на образѣ жизни Марьи Ивановны и ея дѣтей.

Отнынѣ жизнь Марьи Ивановны уже до конца не будетъ ничѣмъ омрачена. Невзгоды и потери 1812—14 годовъ были въ ея жизни случайнымъ, можно сказать—сверхъличнымъ эпизодомъ; когда бы не эта историческая гроза, разразившаяся надъ всей Россіей, Марья Ивановна вѣроятно прожила бы весь свой вѣкъ безмятежно и счастливо, потому что тѣхъ, кто такъ охотно пріемлетъ жизнь и такъ вѣрить ей, какъ она, судьба любитъ щадить и баловать. Больше въ ея домѣ нѣтъ смертей—до ея собственной смерти; все идетъ складно, и жизнь катится весело, людно и шумно, въ полномъ довольствѣ, которое обезпечивалось доходами съ нѣсколькихъ тысячъ пензенскихъ и тамбовскихъ «душъ». Какія еще были событія въ жизни Марьи Ивановны, о тѣхъ рѣчь впереди; теперь же расскажу, какъ она жила въ ближайшіе годы, съ тѣхъ поръ, какъ кончились ея напасти. Задача не трудна: Марья Ивановна писала Гришѣ по 2, по 3 и 4 раза въ недѣлю; а привычка ея была писать ему на подобіе дневника, т.-е. подробно рассказывать весь свой день и предшествующіе два или три дня, отъ того часа, на которомъ она оборвала предыдущее письмо,—часть за часомъ съ утра до вечера, и обычно съ пересказомъ разговоровъ, которые она вела, новостей, которыя слышала, и своихъ впечатлѣній. Эти письма сохранились, и дальнѣйшій рассказъ будетъ весь до малѣйшей подробности основанъ на нихъ.

М. Гершензѣнъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ «Письма А. Я. Булгакова къ брату», «Рус. Арх.» 1900, кн. 11, стр. 369; ср. «Остаф. арх.», т. III, стр. 432.

Новая глава изъ біографіи И. А. Гончарова въ неизданныхъ письмахъ ¹⁾.

I.

Изученіе Гончарова за послѣднее время сильно оживилось; въ его личности и творчествѣ раскрываются все новыя и новыя стороны. И нужно признаться, эти успѣхи были достигнуты въ значительной степени путемъ «нарушенія воли» писателя, съ помощью вновь опубликованныхъ матеріаловъ и особенно писемъ.

Проя своихъ корреспондентовъ и корреспондентокъ объ уничтоженіи имѣющихся у нихъ писемъ, Гончаровъ, между прочимъ, мотивировалъ это тѣмъ, что въ его письмахъ «нѣтъ ничего дѣльнаго, серьезнаго, глубокаго», что они не пѣются «игрой блеска, остроумія, таланта», что «это безцеремонная болтовня съ пріятелями, пріятельницами, рѣдко съ литераторами, иногда, можетъ-быть, живая, интересная для тѣхъ только, къ кому писалась, и въ то время, когда писалась» ²⁾. Также невысоко склоненъ оцѣнивать переписку Гончарова и Е. А. Ляцкій. Еще до появленія перваго изданія своей прекрасной монографіи, онъ имѣлъ возможность перечитать «многое изъ переписки Гончарова съ ближайшими къ нему лицами», и пришелъ къ заключенію, что письма эти, «при всемъ ихъ безотносительномъ интересѣ», имѣютъ «второстепенное, узко-біографическое значеніе» и по существу вносятъ «мало новыхъ чертъ въ пониманіе Гончарова не только какъ художника, но и какъ человѣка»; въ нихъ г. Ляцкій не нашелъ непосредственной «исповѣди души», «того высокаго лиризма, который одухотворялъ лучшія страницы его романовъ». «Складъ гончаровской личности—строй его мыслей и чувствъ — сказался въ письмахъ гораздо блѣднѣе, чѣмъ въ его сочиненіяхъ»,—заключаетъ Е. А. Ляцкій ³⁾.

¹⁾ Письма Гончарова, на которыхъ основанъ нашъ очеркъ, напечатаны ниже,—въ отдѣлѣ «Матеріалы».

²⁾ Очеркъ «Нарушеніе воли». Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1899. Т. II, стр. 240.

³⁾ *Евг. Ляцкій*. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Кн.—го «Огни». Спб. 1912. Стр. 55, 56.

Намъ кажется, однако, что еще рано давать категорическую квалификацію писемъ Гончарова: мы еще такъ мало знаемъ ихъ; до сихъ поръ обнародована лишь весьма ничтожная часть, видимо, обширной переписки Гончарова ¹⁾. Рядомъ вѣскихъ собраній оправдывая необходимость «нарушенія воли», редакторъ самаго обширнаго (изъ напечатанныхъ до сихъ поръ) собранія писемъ Гончарова убѣдительно доказываетъ, какъ богаты они содержаніемъ и насколько выигрываетъ въ нихъ оцѣнка самой личности писателя. Строго говоря, самая задача, которую ставитъ себѣ Е. А. Ляцкій, т.-е. выдѣленіе автобіографическихъ и субъективныхъ элементовъ въ творествѣ Гончарова, невыполнима безъ помощи мемуарной и эпистолярной литературы. И, дѣйствительно, онъ самъ не разъ съ успѣхомъ пользуется перепиской Гончарова. Такъ, въ письмахъ Гончарова къ сестрѣ, Аннѣ Александровнѣ, онъ находитъ «двойной интересъ — и въ біографическомъ смыслѣ и для исторіи творчества Гончарова, для изученія тѣхъ путей, которыми жизненные впечатлѣнія переливались у него въ художественные образы» ²⁾. Иначе и быть не можетъ. Вспомнимъ, что говоритъ Гончаровъ о письмахъ литераторовъ вообще: «Писатель по натурѣ своей словоохотливъ, изліятеленъ; его тянетъ къ перу тамъ, гдѣ онъ (я говорю о письмахъ) не связанъ ни содержаніемъ, ни планомъ, ни техникой. Онъ не стѣсняется. Мысль и воображеніе играютъ что хотятъ, какъ въ разговорѣ наединѣ, онъ пишетъ вольно, съ плеча, сверкая нечаянно то умомъ, то фантазіей, то юморомъ. И этимъ удовлетворяетъ прежде всего самого себя, удовлетворяетъ потребности излиться, какъ музыкантъ, встрѣчая подъ рукой инструментъ, играетъ, живописецъ чертитъ на лежащей случайно на столѣ бумагѣ карандашомъ какой-нибудь эскизъ» ³⁾. Напрасно вслѣдъ за этимъ авторъ хочетъ убѣдить насъ, что въ письмахъ нельзя искать «реальной вѣрности съ фактической стороной жизни»: въ письмахъ, въ этихъ искреннихъ и непритязательныхъ импровизаціяхъ, художникъ выявляетъ, можетъ-быть, самыя важныя движенія своей души и во всякомъ случаѣ даетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія его психологіи, какъ человека и писателя. Не будетъ ошибкой сказать, что въ приведенныхъ строкахъ Гончаровъ охарактеризовалъ въ сущности свое собственное эпистолярное творчество, и его письмамъ еще предстоитъ сыграть важную роль въ историко-литературныхъ изысканіяхъ.

¹⁾ Библиографическій перечень опубликованной переписки Гончарова можно найти въ приложеніи къ очерку С. А. Венгерова въ 5-мъ томѣ его Собранія сочиненій (Спб. 1911), на стр. 237—239. Къ нему нужно присоединить IV томъ изданія «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ» (Спб. 1912), гдѣ М. К. Лемке напечатали огромное количество писемъ Гончарова.

²⁾ Выше названное сочиненіе, стр. 168—169.

³⁾ Очеркъ «Нарушеніе воли». Полное собраніе сочиненій, изд. 1899 г., т. II, стр. 233.

Нашему журналу посчастливилось приобрести законченную серію писемъ И. А. Гончарова. Въ нихъ ярко запечатлѣлась поэтическая страница его жизни, такая страница, о которой до сихъ поръ мы могли, въ лучшемъ случаѣ, только догадываться.

II.

Печатаемые нами письма Гончарова адресованы къ *Елизаветѣ Васильевнѣ Толстой*. Ея отецъ—симбирскій помѣщикъ, *Василій Александровичъ Толстой*; мать — *Варвара Александровна* (рожденная *Мусина-Пушкина*). Родилась *Елизавета Васильевна* въ 1827, по другимъ свѣдѣніямъ, въ 1829 году, умерла—въ 1877 г.; 25 янв. 1857 г. она вышла замужъ за ярославскаго помѣщика, *Александра Иларіоновича Мусина-Пушкина*, за своего двоюроднаго брата, такъ что на бракъ потребовалось разрѣшеніе духовныхъ властей.

Письма Гончарова хранятся въ семьѣ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Сынъ *Елизаветы Васильевны*, *Семенъ Александровичъ* (нынѣ уже покойный) началъ было самъ приводить ихъ въ порядокъ. Далѣе письма унаслѣдовала его дочь, слѣдовательно, внучка *Елизаветы Васильевны*, *Ольга Семеновна Покровская*. Съ ея разрѣшенія мы и печатаемъ ихъ, при чемъ пользуемся не только копіями, но и самими подлинниками.

Толстые были хорошо знакомы съ Майковыми, въ семьѣ которыхъ, какъ извѣстно, еще съ конца 30-хъ годовъ былъ своимъ человѣкомъ и *И. А. Гончаровъ*, дававшій урокъ *Валеріану* и *Аполлону Николаевичамъ*¹⁾. Въ началѣ 40-хъ годовъ *Гончаровъ* уже достаточно знаетъ Толстыхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его записка въ альбомѣ *Елизаветы Васильевны*, относящаяся къ февралю 1843 г., когда ей было 14 — 16 лѣтъ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее.

«Одинъ знаменитый поэтъ оставилъ Вамъ на память вдохновенныя строки передъ отъѣздомъ своимъ въ дальніе края; другой тѣмъ же напутствовалъ Ваше кратковременное удаленіе отсюда. И все поэзія! И весь альбомъ дышетъ ею: сколько стрѣлъ, амуровъ, сердецъ, все слѣды побѣдъ, трофеи юности! Что сказать мнѣ? и чѣмъ же? прозой! Но вѣдь поэзія — вымыселъ! А проза, хотя языкъ скудный, но языкъ дѣйствительности, слѣдовательно правды. Позвольте-же мнѣ этимъ языкомъ выразить — и сожалѣніе о

¹⁾ С. А. Венгеровъ «періодомъ наиболѣе тѣсныхъ отношеній *Гончарова* къ дому *Майковыхъ*» считаетъ конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ (Собраніе сочиненій С. А. Венгерова, т. 5, очеркъ «*Гончаровъ*», стр. 79). Наши письма показываютъ, что и въ срединѣ 50-хъ годовъ *Гончаровъ* былъ очень близокъ къ семьѣ *Николая Аполлоновича Майкова*, котораго, кстати сказать, С. А. Венгеровъ ошибочно называетъ «*Александровичемъ*» (ibidem и въ очеркѣ, приложенномъ къ I т. Полнаго собранія сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса, 1899 г.).

Вашемъ удаленіи отъ насъ, и благодарность за дорогія минуты Вашего пребыванія здѣсь, и желаніе Вамъ свѣтлой и безмятежной будущности.

Февраля 1843.

де-Лънь.»

Запись оказалась на особомъ листкѣ, внѣ альбома, и Семенъ Александровичъ Мусинъ-Пушкинъ такъ комментируетъ ее: «Листокъ изъ альбома моей матери Елизаветы Васильевны Мусиной-Пушкиной, рожденной Толстой, подпись *де-Лънь* — прозвище данное Гончарову въ кружкѣ Майковыхъ. Дата Февраль 1843 г. Упоминаемые поэты: Апол. Майковъ, написавшій стихи въ альбомъ передъ отъѣздомъ въ Италію, и Бенедиктовъ».

Ап. Н. Майковъ уѣхалъ въ Италію 29 іюня 1842 г. и пробылъ за границей до 8 марта 1844 г. Его альбомные стихи, о которыхъ говоритъ Гончаровъ, не вошли въ «полное собраніе» его сочиненій и, можетъ-быть, не сохранились. Стихотвореніе Бенедиктова также осталось неизданнымъ, но его автографъ находится сейчасъ въ рукахъ Ольги Сем. Покровской. Оно было написано 11 іюня 1842 г. въ альбомъ Варвары Александровны, когда Толстые собирались на морскія купанья въ Финляндію, и интересно для насъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ концѣ его упоминается имя Елизаветы Васильевны. Вотъ его текстъ:

И такъ врачей принимая гласу,
Уже вы ждете дня и часу,
Готовы мчаться по полямъ
Къ цѣлебнымъ Финскимъ берегамъ.
Увы! простите до свиданья!
Почтенія сильнаго въ залогъ
Души чувствительной желанья
Спѣшу сложить у вашихъ ногъ.
Дай Богъ, чтобъ Вы не постепенно,
Но разомъ, въ нѣсколько минутъ,
Освободились совершенно
Отъ лютой боли *здѣсь и тутъ*,
И чтобъ порой въ часы гулянья
Или волшебнаго купанья
Не лихомъ помянули вы
Знакомыхъ водопійцъ Невы!
Всѣ блага вамъ; для насъ лишь горе!
Предъ вами все: свобода, море,
Плескъ волнъ, изгибы береговъ,
Природы царственная риза,
Краса приморскихъ цвѣтниковъ,
И съ вами—лучшій изъ цвѣтовъ —
Очаровательная Лиза!

11 Іюня 1842.

В. Бенедиктовъ ¹⁾.

¹⁾ По этому поводу С. А. Мусинъ-Пушкинъ на особомъ листкѣ приводитъ общезвѣстныя хронологическія и библиографическія данныя, касающіяся

Итакъ, Гончаровъ зналъ Елизавету Васильевну Толстую еще въ 1843 г., и тогда еще молоденькая дѣвушка оставила замѣтный слѣдъ въ его душѣ: минуты ея пребыванія въ Петербургѣ онъ называетъ «дорогими» и отъ чистаго сердца желаетъ ей «свѣтлой и безмятежной будущности». Гончарову шель тогда лишь третій десятокъ лѣтъ, и «Обыкновенная исторія» (1847) еще не появлялась въ печати. Разумѣется, на основаніи одной альбомной записи (а другихъ данныхъ у насъ пока нѣтъ) трудно гадать, каковы были въ 1843 г. дѣйствительныя отношенія Гончарова къ Елизаветѣ Васильевнѣ.

Проходитъ двадцать лѣтъ. Гончаровъ—уже извѣстный писатель. Онъ только что вернулся изъ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Паллада» (продолжавшагося съ 25 сент. 1852 г. до начала 1855 г.) и готовилъ къ печати свои путевыя записки; въ то же время его творческія думы были заняты образомъ Обломова, «Сонъ» котораго сталъ извѣстенъ русскому читателю еще въ 1849 г. Гончарову теперь уже 43 года, и онъ чувствуетъ себя отяжелѣвшимъ, «старикомъ», какъ онъ не разъ называть себя въ письмахъ; жалуется на кашель, принадлежащій его «комплексіи», на приливы крови къ головѣ, угрожающіе ему апоплексическимъ ударомъ, на апатію и хандру; «мучительная сторона страсти» кажется ему чѣмъ-то «уже давно угасшимъ и забытымъ» (письмо 19 сент. 1855 г.). И вотъ осенью 1855 г. въ семьѣ Майковыхъ снова появляется Елизавета Васильевна Толстая. Ей теперь 28—30 лѣтъ, но она еще дѣвушка. Красота и умъ Елизаветы Васильевны приковываютъ къ ней взоры всѣхъ, съ кѣмъ она встрѣчается; сильное впечатлѣніе производитъ она и на И. С. Тургенева, изрѣдка посѣщавшаго домъ Николая Аполлоновича Майкова (см. письмо Гончарова отъ 20 окт. 1855 г.). И. А.

В. Г. Бенедиктова и затѣмъ прибавляетъ: «По разсказамъ покойной моей матери Елизаветы Васильевны Мусиной-Пушкиной, рожденной Толстой—Бенедиктовъ въ '40-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ постояннымъ посѣтителемъ литературно-художественнаго кружка братьевъ Майковыхъ,—принимать участіе въ рукописномъ журналѣ, издававшемся кружкомъ, и на ряду съ Гончаровымъ былъ менторомъ молодого поколѣнія литераторовъ этого кружка. Незданное стихотвореніе, написанное въ альбомъ бабки моей Варвары Александровны Толстой и датированное 11 Іюня 1842 г. Въ стихахъ говорится о поѣздкѣ на морскія купанья, предпринятой Толстыми лѣтомъ 1843 г. (sic), въ заключительной строфѣ упомянуто имя моей матери, въ то время молоденькой дѣвушки (род. въ 1829 г.)». Разъ напутственное стихотвореніе Бенедиктова датируется іюнемъ 1842 г., то, очевидно, поѣздка Толстыхъ относится къ тому же году, а не къ 1843 г. Семенъ Александровичъ, повидимому, былъ введенъ въ заблужденіе датой подъ альбомной записью Гончарова, но въ ней, несомнѣнно, рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Толстыхъ изъ Петербурга. Точно также указанный С. А.-чемъ годъ рожденія его матери (1829) находится въ противорѣчій съ карандашной записью, сдѣланной на обратной сторонѣ ея фотографической карточки, гдѣ отчетливо значится: «р. 1827 г. ск. 1877» (послѣдняя цифра, впрочемъ, переправлена изъ 8).

Гончаровъ становится пѣжкимъ и пастойчивымъ поклонникомъ красавицы-провинціалки. Постепенно въ его сердцѣ назрѣваетъ романъ, который и нашелъ себѣ полное и правдивое выраженіе въ печатаемыхъ ниже письмахъ.

III.

Здѣсь едва-ли не впервые мы получаемъ доступъ въ самые интимные уголки внутренней жизни Гончарова, которые мнительный и самолюбивый писатель такъ тщательно ограждаетъ отъ посторонняго глаза. Въ этомъ отношеніи біографы до сихъ поръ волей-неволей должны были ограничиваться одними гипотезами, исходя почти исключительно изъ его произведеній. Проанализировавъ проявленія любви въ романахъ Гончарова (начиная съ «Обыкновенной исторіи»), Е. А. Ляцкий счелъ себя въ правѣ сказать: «Весьма возможно, что и Гончаровъ былъ похожъ на своихъ героевъ въ отношеніи юношескихъ увлеченій и грезъ» (185—186). Между прочимъ, онъ готовъ приписывать автобіографическое значеніе тому любовному эпизоду, который разсказанъ Райскимъ въ его тетради подъ заглавіемъ «Наташа». Если взглянуть въ ту роль, какую играетъ женщина въ произведеніяхъ Гончарова, то, говоритъ Е. А. Ляцкий (194), «можно безъ особеннаго грѣха вывести заключеніе, что въ душѣ его неизмѣнно жило стремленіе къ тому *«ewig Weibliche»*, которые въ жизни, *можно думать* ¹⁾, сказались рядомъ горькихъ разочарованій, а въ творествѣ озарились лучами дивной красоты и обаянія».

«Кажется, женщины скрашивали ему жизнь», выразился о Гончаровѣ его племянникъ, А. Н. Гончаровъ ²⁾.

Теперь на мѣсто зыбкихъ предположеній можно поставить нѣсколько определенныхъ фактовъ. М. О. Суперанскій, основываясь на показаніяхъ родственниковъ Гончарова, не только подтверждаетъ справедливость общаго вывода Е. А. Ляцкого относительно тяготѣнія автора «Обломова» къ *«ewig Weibliche»* ³⁾, но и сообщаетъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Гончарова. Имѣются свѣдѣнія, что нашъ писатель въ свое время увлекался Варварой Лукиничной Лукьяновой и сестрами Рудольфъ, преимущественно старшей изъ нихъ, Аделандой Карловной, будто бы передавшей нѣкоторыя свои черты Вѣрѣ въ «Обрывѣ» ⁴⁾. Особенное значеніе, можно думать, имѣла привязанность Гончарова къ В. Л. Лукьяновой. «По воспоминаніямъ симбирскихъ родственниковъ Ивана Александровича», гово-

¹⁾ Куревъ нашъ.

²⁾ М. Суперанскій. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи. «В. Евр.», 1908, ноябрь, стр. 27.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, декабрь, стр. 455, 422.

рить г. Суперанскій ¹⁾, «это была красивая смольнянка, за которою онъ ухаживалъ; она также была равнодушна къ нему». Молодой дѣвушкой она поступила въ домъ А. А. Кирмаловой (сестры Гончарова) въ качествѣ гувернантки и оставалась здѣсь до начала 50-хъ годовъ, послѣ чего перѣехала въ Петербургъ и была классной дамой въ Николаевскомъ институтѣ. Гончаровъ велъ съ нею переписку и въ Петербургѣ часто видѣлся съ ней; ся портретъ въ бархатной рамѣ стоялъ у него на столѣ. Позднѣе, въ 1868 г., ему пришлось ходатайствовать за нее передъ почетнымъ опекуномъ Троицкимъ ²⁾.

Позволительно предположить, что къ этому именно эпизоду имѣетъ отношеніе несохранившееся, но упоминаемое въ одномъ письмѣ къ Е. В. Толстой (8 сент. 1855 г.) произведеніе Гончарова «Пепиньерка» ³⁾. Авторъ съ трудомъ отрылъ его въ кучѣ старыхъ своихъ рукописей. «Посмотрите, — пишетъ Гончаровъ, — какъ она поблѣдѣла и выцвѣла — точь въ точь, какъ и въ моей памяти. Теперь я больше люблю классныхъ дамъ, и то не настоящихъ, а будущихъ». Гончаровъ могъ спокойно дать свою рукопись Елизаветѣ Васильевнѣ: событіе отошло въ прошлое и «выцвѣло», какъ и другіе аналогичные моменты его жизни. Дважды въ откровенныхъ своихъ признаніяхъ подтверждаетъ онъ догадки біографовъ.

«Тоска, мечты, слезы — все это симптомы извѣстной болѣзни», разъясняетъ Гончаровъ (въ письмѣ отъ 19 сент. 1855 г.) Елизаветѣ Васильевнѣ смыслъ ся любовныхъ грезъ, описанныхъ въ «тетрадкѣ»: «Зачѣмъ бы, кажется, это писать? А нужно, я знаю, помню, т.-е. я самъ никогда не писалъ, а помню, что не прочь-бы, еслибъ меня заперли въ деревнѣ». И онъ знаетъ томленія молодой страсти. Но мало радостей дала ему любовь къ женщинѣ. «Позади у него, — говоритъ Гончаровъ о себѣ въ третьемъ лицѣ (въ письмѣ отъ 25 окт. 1855 г.), — мало добраго: онъ увлекался иногда безъ пути и толку и часто страдалъ отъ того, что черезъ чуръ добросовѣстно смотрѣлъ Богъ знаетъ на что. Вотъ источникъ его сомнѣній». Онъ — уже скептикъ въ любви, какъ мнителенъ и во всемъ. «Діогенъ все искалъ съ фонаремъ среди бѣла дня «человѣка», я искалъ «женщины», — говоритъ Гончаровъ о себѣ (въ «Рoug и contrе»). И не скоро новый Діогенъ потушитъ свой фонарь. Онъ слишкомъ требователенъ къ женщинѣ и слишкомъ отравленъ сомнѣніями, чтобы его новый романъ могъ быть безоблачнымъ и легкимъ; нелегко съ нимъ будетъ и дѣвушкѣ, если даже въ ней вспыхнетъ глубокое чувство къ нему.

¹⁾ Ibidem, стр. 455.

²⁾ Ibidem, стр. 451.

³⁾ Пепиньерками въ институтахъ называютъ воспитанницъ педагогическаго класса.

Такой романъ, дѣйствительно, и возникъ; виновницей была Елизавета Васильевна Толстая. Она вытѣснила изъ его сердца образы ранѣ любимыхъ имъ женщинъ.

О личности Ел. Вас. Толстой мы можемъ судить лишь по тому, что сообщать намъ Гончаровъ въ своихъ письмахъ къ ней.

Выросла она и воспиталась въ провинціи и не вполне была свободна отъ недостатковъ, которые прививала дѣвушкѣ старая провинція. Серьезныхъ интересовъ, повидимому, у нея было мало («*Point et contre*»); она зачитывалась Февалемъ, и Гончаровъ старался снабжать ее Тургеневымъ, Писемскимъ, Отеч. Записками и разными альманахами. Тетрадь съ грезами о немъ, въ красивой позѣ и на конѣ (см. въ письмѣ отъ 19 сент. 1855 г.), писалась въ деревенскомъ уединеніи и, очевидно, давно, но это характеризуетъ и ея общій идеаль («тутъ есть конь, она любить это», сѣтовалъ Гончаровъ въ «*Point et contre*»). Однако въ Елизаветѣ Васильевнѣ было нѣчто глубокопривлекательное. Съ внѣшней красотой соединялось въ ней и душевное изящество. Умная и энергичная, она была чужда отъ какой-либо экзальтаціи и просто смотрѣла на жизнь. Гончаровъ (въ письмѣ отъ 3 ноября 1855 г.) вмѣняетъ ей въ достоинство отсутствіе «умничанья» и «сентиментальничанья». Елизавета Васильевна хорошо знала свою власть надъ мужчинами и умѣла ею пользоваться. Она уже не такъ молода (ей 28 — 30 лѣтъ), чтобы не знать жизни; въ ея прошломъ, надо думать, уже были романы. Порою она способна давать очень простое истолкованіе ухаживаніямъ мужчины. Самому И. А. Гончарову однажды (уже наканунѣ разлуки съ нимъ) она приписала довольно легкомысленныя намѣренія. Онъ былъ оскорбленъ и 17 окт. 1855 г. писалъ ей: «Ни умысловъ, ни *сѣтей*, ни *птицеловства*, о которыхъ Вы не постыдились намекнуть мнѣ вчера, нѣтъ, а есть только одно неодолимое желаніе заслужить Ваше доброе мнѣніе и никогда не терять его, пріобрѣсть Вашу дружбу и быть ею счастливымъ... Утѣшаюсь, что это не Ваше, не въ Васъ выросло, а такъ, навѣяно со стороны, съ намѣреніемъ, конечно, добрымъ, но излишнимъ въ этомъ случаѣ». Елизавета Васильевна была уже въ такомъ возрастѣ и настроеніи, что романъ безъ опредѣленныхъ перспективъ ее не удовлетворилъ бы. Недаромъ она такъ отвергала все, что казалось ей въ отношеніяхъ къ Гончаровъ «*inutile*» ¹⁾.

Лѣтъ 12 тому назадъ Гончаровъ уже зналъ Елизавету Васильевну. Теперь съ новой и, казалось, неотразимой силой подчинился онъ обаянію ея личности. Это однако не мѣшало ему всматриваться въ нее, изучать ее и критиковать съ точки зрѣнія своего общаго идеала женщины.

¹⁾ Въ «*Point et contre*» критически настроенный другъ указать немало разныхъ недостатковъ въ Елизаветѣ Васильевнѣ.

Сначала передъ нами нѣжный и преданный другъ, который любовно исполняетъ всевозможныя порученія красавицы (особенно по части добыванія билетовъ въ итальянскую оперу и Михайловскій театръ) и самъ напрашивается на нихъ. Гончаровъ долго предпочитаетъ говорить именно о дружбѣ, дружбѣ цѣломудренной и святой, какъ просвира. Но чувствуется, что онъ хочетъ большаго, что одной «святой» просвирой ему не удовольствоваться: «такъ ѣсть ея—суха, съ супомъ—неприлично, на утро къ чаю она засохнетъ, а между тѣмъ она святая!» («Pour и contre»).

когда изъ той же просвиры вынимаются частицы за здравіе другихъ.

Все чаще и чаще передъ словомъ «дружба» появляется многозначительное многоточіе (11 окт. 1855 г.): «дружба» явно становится псевдонимомъ любви. «Всѣ,—пишетъ онъ 28 окт. 1855 г., разумѣя, главнымъ образомъ, себя,—тропаты Вашей красотой, изяществомъ, добротой и умомъ, всѣмъ, чѣмъ надѣлилъ Васъ такъ щедро le hasard, но вмѣстѣ съ тѣмъ тропаты и достоинствомъ, съ какимъ это все Вами поддерживается». Ему кажется, что въ «ослѣпительно-прекрасномъ другѣ» стройно сочетались всѣ достоинства: она создана «гармонически-прекрасно, наружно и внутренно»; ея взглядъ сіяетъ «умомъ и добротой»; въ лицѣ—«мягкость линий, такъ гармонически сливающихся въ волшебныхъ краскахъ румянца, бѣлизны лица и блеска глазъ»; онъ не знаетъ, чему болѣе удивляться: ея чарующей красотѣ, ея доброму сердцу или, наконецъ, «тонкому, нѣжному, женскому» уму. Онъ любитъ ея «красотой наружной и внутренней», граціей, «которою она проникнута вся, до костей и мозга», и художественной гармоніей ея натуры. «Она такое артистическое щеголеватое созданіе, она аристократка природы—ей дано все, чтобъ быть единственной изъ числа немногихъ—возвышенностью характера, чистотой сердца, прямою и достоинствомъ». «Прекраснѣе Васъ нѣтъ женщины въ мірѣ, слѣдовательно нѣтъ нигдѣ: въ небесахъ, конечно, есть, но то не женщины, а херувимы и серафимы», писалъ онъ 20 февр. 1856 г. Передо мной, признается Гончаровъ, «идеаль женщины», и «этотъ идеаль владѣетъ мной такъ сильно, я въ слѣпотѣ» (3 ноября 1855 г.).

Отъѣздъ Елизаветы Васильевны въ Москву 18 окт. 1855 г. обостряетъ чувства Гончарова, и съ его пера невольно срываются пламенные строки: «А теперь прошайте—*пока*, до слѣдующаго письма, мой чудесный другъ, моя милая, умная, добрая, обворожительная... Лиза!!!» Если бы она сама увлеклась имъ,—мечтаетъ онъ (въ «Pour и contre»), — то онъ «наслаждался бы ея увлеченіемъ, не употребляя его во зло, и расквитался бы потомъ за него всею своею жизнію». «Я боленъ ею... мнѣ стало какъ-то тѣсно на свѣтѣ жить: то кажется, что я стою въ страшной темнотѣ, на краю пропасти, кругомъ туманъ. то вдругъ озарить меня свѣтъ и блескъ ея глазъ и лица—и я будто поднимаюсь до облаковъ»... («Pour и contre»).

Да, любовь Гончарова—несомнѣнный фактъ. Его чувство—нѣжное, сильное, но не «слѣпое»: оно не въ состояніи побѣдить въ немъ обычной неувѣренности, мнительности и предательскаго сомнѣнія. «Дружба героя тяжела», говоритъ онъ въ письмѣ отъ 25 окт. 1855 г. «Какой у меня несчастный, мнительный характеръ», признается онъ прямо въ другомъ письмѣ (отъ 17 окт. 1855 г.). Любопытно, что Гончаровъ избѣгаетъ обращеній въ письмахъ къ Елизаветѣ Васильевнѣ¹⁾. Онъ много и искренно говоритъ о своихъ чувствахъ и о томъ, чѣмъ такъ дорога ему Елизавета Васильевна, но любитъ говорить съ шуточкой пополамъ, предпочитаетъ свои чувства приписывать двойнику («онъ», «мой пріятель», «лучшій мой другъ»²⁾). Онъ не въ состояніи непосредственно отдаться чувству, которое такъ могущественно овладѣло его сердцемъ: рефлекситруетъ, сомнѣвается («le doute est la plus sûre des choses», «le doute partout»—его постоянный девизъ), избѣгаетъ mettre les points sur les ii и изучаетъ своего «друга» какъ противника, съ которымъ ему нужно вступить въ борьбу. Замѣчательнымъ памятникомъ этой рефлексіи, выпукло отразившимъ всю психологію Гончарова, является его «Pour и contre», письма, разросшіяся въ цѣлую главу романа. Въ этой «исповѣди», по выраженію самого автора, онъ подвергъ тщательному анализу и себя и Елизавету Васильевну, стараясь выяснить самому себѣ, какой смыслъ имѣло бы продолженіе переписки съ нею, и примѣряя себя въ качествѣ ея жениха и мужа. Гончаровъ видитъ два выхода для себя: «или забвеніе имъ героини или ея горячее участіе» (письмо отъ 25 окт. 1855 г.). Окончательное рѣшеніе вопроса онъ предоставляетъ Елизаветѣ Васильевнѣ.

Насколько можно судить по письмамъ Гончарова, Елизавета Васильевна, благосклонно принимая его нѣжное ухаживаніе, дальше дружбы не шла и на его глазахъ изъ той же просвиры-дружбы вынимала частицы за здравіе другихъ. Къ нему она питала «дружбу какую-то, такъ, чувство въ родѣ самаго прѣснаго тѣста, безъ всякой закваски, безъ броженія» («Pour и contre»). «Ваша дружба,—писалъ ей Гончаровъ 25 окт. 1855 г.,—какъ легкій, прохладный вѣтерокъ въ лѣтній день, нѣжитъ, щекочетъ нервы, пріятно шевелитъ ихъ, какъ струны, и производитъ музыку во всемъ организмѣ». Гонча-

¹⁾ Только въ письмѣ отъ 1 дек. 1855 г. находимъ холодное, дипломатическое «Милостивая Государыня».

²⁾ Въ письмѣ отъ 3 ноября 1855 г. находимъ интересную автохарактеристику: «Вы думаете, что я шучу, такъ отъ того и веселье: да, я шутилъ подчасъ, когда въ сердцѣ были ужасъ и смятеніе: на моряхъ, въ ураганѣ, передъ ожидаемой смертію, блѣднѣлъ и шутилъ: шутка—моя стихія» (См. также въ «Pour и contre», въ окончаніи). Въ литературномъ творествѣ эта особенность Гончарова сказывается въ видѣ юморъ. Недаромъ въ статьѣ «Лучше поздно, нѣмъ никогда» юморъ вмѣстѣ съ фантазіей и типичностью онъ называетъ «могучимъ орудіемъ искусства».

ровъ съ его тяжелой дружбой—любовью былъ героемъ не ея романа: онъ былъ ей только «пріятель» (письмо отъ 28 окт. 1855 г.). А когда въ рядѣ писемъ и особенно въ «Рoug и conte» онъ обнаружилъ передъ нею «весь безпорядокъ души», ея «волненія и хаосъ», когда онъ поставилъ ее въ необходимость давать рѣшительный отвѣтъ, она замолчала, «замкнувшись въ своемъ непоколебимомъ спокойствіи», какъ выразился Гончаровъ въ письмѣ отъ 28 декабря 1855 г. «Пятимѣсячное, изрѣдка и неохотно прерываемое молчаніе» Елизаветы Васильевны отняло у Гончарова всякую надежду.

31 декабря 1855 г. Гончаровъ съ болью въ сердцѣ констатировалъ разрывъ. «Лучшаго моего друга ужъ больше нѣтъ, — писалъ онъ, — онъ не существуетъ, онъ пропалъ, испарился, разсыпался прахомъ. Остаюсь одинъ я, съ своей апатіей, или хандрой, съ болью въ печени, безъ «дара слова», слѣдовательно пугать и тревожить Васъ бредомъ некому».

Осенью 1856 г. Елизавета Васильевна была уже невѣстой Александра Иларіоновича Мусина-Пушкина. Письмомъ отъ 20 февраля 1856 г. въ сущности и заканчивается романъ И. А. Гончарова. Четыре осеннихъ письма, адресованныхъ къ матери Елизаветы Васильевны, ея жениху и къ ней самой, носятъ чисто дѣловой характеръ. Въ виду родственныхъ отношеній дочери къ Александру Иларіоновичу, Варвара Александровна просила Гончарова оказать ей содѣйствіе въ синодѣ своими связями съ какимъ-то вліятельнымъ чиновникомъ. Можетъ-быть, съ тою же цѣлью и сама Елизавета Васильевна добивалась знакомства съ нѣкоей графиней и просила у своего поклонника рекомендательнаго письма къ ней. Словомъ, на долю Гончарова выпала малоинтересная обязанность устраивать судьбу любимой дѣвушки. Въ утѣшеніе себѣ и на память, Гончаровъ испросилъ у Александра Иларіоновича позволеніе оставить у себя одинъ портретъ Елизаветы Васильевны, сдѣланный петербургскимъ фотографомъ Левицкимъ, по указанію Николая Аполлоновича Майкова. «Кромѣ сходства съ оригиналомъ, — писалъ онъ 30 окт. 1856 г., — онъ представляетъ еще идеаль общей женской красоты; такъ искусно Николай Аполлоновичъ уловилъ самую поэтическую сторону этой красоты. Если вы позволите, я сохраню этотъ портретъ у себя и буду поклоняться ему артистически».

Гончарова-человѣка постигла тяжелая неудача: жизнь отняла у него дорогую и свѣтлую мечту; его личное существованіе стало бѣднѣе и тусклѣе. Какъ бы предчувствуя печальную развязку, еще 25 октября 1855 г. онъ писалъ о себѣ (въ третьемъ лицѣ): «Того участія, котораго ему недоставало въ жизни, онъ ужъ не найдетъ и ему предстоитъ одинокая и печальная старость». Зато Гончаровъ - художникъ остался въ выигрышѣ: онъ выстрадалъ право «артистически» наслаждаться портретомъ Елизаветы Васильевны; она осталась «дамой его мыслей»; въ минуты твор-

чества ея образъ будетъ свѣтитися ему изъ неизвѣстной дали; ея портретъ, въ которомъ отразилась «самая поэтическая сторона» «общей женской красоты», помочь ему рисовать другой, художественный образъ — образъ Ольги Ильинской.

IV.

Два романа идутъ параллельно: одинъ романъ Гончаровъ переживаетъ самъ и излагаетъ въ письмахъ къ Елизаветѣ Васильевнѣ, другой — творить въ формѣ литературнаго произведенія, но также *во имя ея*. Въ такомъ именно смыслѣ, по нашему мнѣнію, говоритъ объ этомъ самъ Гончаровъ въ письмѣ отъ 25 окт. 1855 г.: «Не подозрѣвали Вы и того, что Вы едва успѣли миновать Тверь, а у меня въ головѣ, не правда, въ душѣ, созрѣлъ уже *планъ прилагаемой при этомъ главы романа* ¹⁾, Вы еще не оглядѣлись въ Москвѣ, а планъ былъ уже набросанъ на бумагу, теперь переписывается и завтра посылается къ Вамъ, — не *того романа* ¹⁾, который долженъ быть готовъ черезъ полтора года *во имя Ваше* ¹⁾, а того, который начался въ душѣ героя и, Богъ вѣсть, когда кончится». Подъ первымъ романомъ, который творится «въ душѣ», Гончаровъ, несомнѣнно, разумѣетъ свою «исповѣдь» «Рoug и contrе» и ждетъ, что на его «отрывокъ» Елизавета Васильевна отъ ѣлитъ «отрывкомъ — же» и, такимъ образомъ, восполнить недостающую половину романа. Второй романъ, писавшій *во имя ея*, есть «Обломовъ», надъ которымъ Гончаровъ работалъ какъ разъ въ это время. Задуманъ онъ, какъ извѣстно, давно, и уже въ 1849 г. былъ напечатанъ «Сонъ Обломова», по вновѣ авторъ принялся за него лишь теперь, по возвращеніи изъ путешествія. Благо и условія были благопріятны для писанія романа. «Романъ, — говоритъ Гончаровъ въ письмѣ отъ 31 декабря 1855 г., — требуетъ благопріятныхъ, почти счастливыхъ обстоятельствъ, потому что фантазія, участіе которой неизбѣжно въ романѣ, какъ въ поэтическомъ произведеніи, похожа на цвѣтокъ: онъ распускается и благоухаетъ подъ солнечными лучами, и она развертывается отъ лучей..., фортуны». Осенью 1855 г. фортуна еще милостиво улыбалась Гончарову, у него было ясное, праздничное настроеніе, и работа спорилась легко; понизилось его самочувствіе, и романъ сталъ затягиваться. Къ декабрю 1855 г. I часть была почти закончена: «поправить бы немного, да прибавить главы двѣ, такъ первая часть и готова», сообщаетъ онъ Елизаветѣ Васильевнѣ 1 декабря и напоминаетъ ей объ обѣщаніи снова пріѣхать въ Петербургъ хоть на недѣлю, чтобы дослушать написанныя послѣ нея главы романа.

«Обломовъ» не только по мѣрѣ писанія прочитывался Елизаветѣ Васильевнѣ, но и творился *во имя ея*. Въ первой части

¹⁾ Курсивъ нашъ.

рядомъ съ Обломовымъ еще нѣтъ никакой героини. Ольга Ильинская появляется только со II части, а надъ тремя послѣдними частями романа авторъ работалъ уже за границей, «въ уединеніи, на водахъ», закончивъ ихъ (почти совершенно) въ 1857 г. ¹⁾ Сюда увезъ съ собой Гончаровъ образъ Елизаветы Васильевны, сохраненный «памятью сердца», и его чувство, художественно претворенное, живымъ ингредиентомъ входило въ творчество. Контактъ между двумя психическими процессами былъ неизбеженъ, и это даетъ намъ основаніе протянуть нити отъ переписки Гончарова къ его роману «Обломовъ». Въ этомъ случаѣ мы идемъ по пути, на который уже давно вступили изслѣдователи Гончарова (и С. А. Венгеровъ, и особенно Е. А. Ляцкій), и который санкціонируется извѣстнымъ признаніемъ самого Гончарова въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», что онъ писалъ «только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ—словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней прирастало» ²⁾.

Съ одной стороны, Елизавета Вас. Толстая и Гончаровъ, съ другой—Ольга Серг. Ильинская и Обломовъ со Штольцемъ. Разница въ ситуациіи лицъ и въ ходѣ романа—очевидна. Ольгѣ—20—21 годъ, а не 28—30, какъ Елизаветѣ Васильевнѣ; Обломову—за тридцать, а не за сорокъ, какъ Гончарову. Ольга любитъ Обломова первой любовью и беретъ на себя миссію перевоспитать его, потомъ она полюбила Штольца и дѣлается его женой; Толстая ограничивается дружбой къ Гончарову и выходитъ замужъ за Мусина-Пушкина. Въ романѣ Гончарова мы видимъ только одну сторону, — его самого, а въ «Обломовѣ» Ольга играетъ не меньшую роль, чѣмъ самъ Обломовъ. Но для нашей цѣли важны моменты не различія, а сходства, и сравненію, главнымъ образомъ подлежатъ герои. Гончарову пришлось быть заразы на ампула и Штольца и Обломова. Историки литературы уже немало вниманія удѣляли вопросу о томъ, съ кѣмъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ романахъ Гончарова можно сблизить самого автора. С. А. Венгеровъ высказывается за Адуевадядю, точнѣе, за адуевщину, разумѣя здѣсь тотъ психологическій и общественный типъ, къ которому относятся Адуевъ-дядя, Штолецъ и Тушинъ. При этомъ онъ рѣшительно отказывается усматривать сходство между Гончаровымъ и Обломовымъ ³⁾. Е. А. Ляцкій ставитъ вопросъ значительно шире: онъ прослѣживаетъ отраженіе личности Гончарова во всѣхъ трехъ романахъ и въ различныхъ персонажахъ; въ частности по отно-

¹⁾ «Лучше поздно, чѣмъ никогда». (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 38—39).

²⁾ Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Сиб. 1899. Т. I, стр. 90.

³⁾ Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. 5-й. Очеркъ «Гончаровъ».

шенію къ Обломову онъ пришелъ къ заключенію, что Обломовъ—только часть Гончарова, «близкая, кровная, но не важнѣйшая»¹⁾.

Правду сказать, положеніе до сихъ поръ было довольно затруднительнымъ: они должны были выдѣлить автобіографическіе элементы въ произведеніяхъ Гончарова почти исключительно на основаніи этихъ же самыхъ произведеній. Въ методологическомъ отношеніи это—вещь довольно хитрая, чтобъ не сказать, безнадежная. Выводы могутъ пріобрѣсти необходимую устойчивость лишь тогда, когда они будутъ опираться на обширный матеріалъ воспоминаній и переписки, т.-е. такой матеріалъ, гдѣ личность писателя выступаетъ прямо безъ всякаго преломленія въ призмѣ художественнаго творчества. Наши письма Гончарова и являются такимъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе существеннымъ, что они, безъ всякихъ натяжекъ, представляютъ параллель соответствующимъ страницамъ романа «Обломовъ». Переписка Гончарова, по нашему мнѣнію, позволяетъ притти къ тому выводу, что въ Гончаровѣ одновременно жили и Штольцъ, и Обломовъ, и Райскій: у него складъ *ума* (и міросозерцанія) — *Штольца*, *характеръ*—*Обломова*, а художественныя свойства *таланта*—*Райскаго*²⁾. Трезвый, положительный и критическій умъ, умѣренно-прогрессивныя воззрѣнія—роднятъ Гончарова съ его героемъ Штольцемъ (и, разумѣется, съ другими близкими къ нему по духу героями, какъ Адуевъ-дядя и Тушинъ). Но у Гончарова, какъ у Обломова, больше душевной мягкости и меньше силы воли; онъ болѣзненъ и оклоненъ къ тучности; въ немъ есть, такъ сказать, мягкотѣлость; не напрасно жалуется онъ на свою лѣнь (вспомнимъ и его прозвище «де-Лѣнь»), апатію и хандру; не хуже Обломова боялся онъ переѣзда на новую квартиру (письмо отъ 1 дек. 1855 г.); ему вообще трудно дѣлать рѣшительные шаги: онъ всегда во власти рефлексіи и сомнѣній. Все это чисто-обломовскія черты; Гончаровъ ясно видѣлъ ихъ «въ себѣ и въ другихъ»³⁾; въ образѣ Обломова онѣ доведены лишь до крайней степени проявленія, показаны въ сгущенномъ, сконденсированномъ видѣ, а психологическая ихъ сущность одна и та же.

Обратимся къ письмамъ Гончарова, сопоставимъ ихъ съ романомъ «Обломовъ», и мы убѣдимся въ справедливости предложенной выше характеристики.

¹⁾ Евг. Ляцкий. «Гончаровъ». Изд. 2-ое. Спб. 1912. Стр. 183.

²⁾ Это, пожалуй, то же самое, что сказано на 232 стр. Е. А. Ляцкимъ, но наша формулировка выражена въ болѣе точныхъ психологическихъ терминахъ. У Е. А. Ляцкаго читаемъ: «Если условно предположить, что въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ выразилась дѣловая служебная сторона личности Гончарова, въ Обломовѣ—домашній обиходъ, отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій извнѣ, то въ образѣ Райскаго наметъ себѣ выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ—воплощеніе художнической натуры писателя».

³⁾ Статья «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Полное собраніе сочиненій, 1899 г. Т. I, стр. 37.

Въ принципиальномъ взглядѣ на женщину и любовь Гончаровъ совершенно солидаренъ со Штольцемъ и Обломовымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо отмѣтилъ и Е. А. Лецкій ¹⁾, разсужденія Ильи Ильича съ нападками на «всѣхъ этихъ Жоржъ-Зандовъ» болѣе къ лицу самому автору, чѣмъ его герою. Какъ Обломовъ пуше всего избѣгалъ «блѣдныхъ, печальныхъ дѣвъ», которыя могутъ замучить своей сентиментальностью, и боялся, не мечтаетъ ли и Ольга о юношѣ съ черными кудрями, умѣющемъ ловко танцовать мазурку и лихо скакать на лошади—такъ и Гончаровъ возстае противъ сентиментальничанья и подсмѣивается надъ грезами Елизаветы Васильевны о немъ и испремѣнно въ красивой позѣ, на конѣ (письмо отъ 19 сент. 1855 г.). Съ другой стороны, Гончаровъ (въ письмѣ отъ 6 сент. 1855 г.) не скрываетъ своей ненависти къ «такъ называемымъ, умнымъ женщинамъ, *bas bleu*, или писательницамъ». То, что въ «Обломовѣ» (II ч., гл. VI) говорится о «шормѣ любви», находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ письмѣ Гончарова отъ 19 сент. 1855 г. Для Обломова (въ извѣстномъ смыслѣ и для Штольца ²⁾) страсть—«несчастіе», и Гончаровъ называетъ ее «болѣзью»; страстной любви Обломовъ противопоставляетъ «вѣчное и ровное теченіе чувства», Гончаровъ—«сознательное и неизмѣнное чувство». Полная теорія, однако, сводится къ тому, что сначала—страсть, потомъ—любовь; страсть—первая, бурная и какъ бы низшая фаза любви, а потомъ уже настоящая любовь. Штолецъ не желаетъ «порывистой страсти», онъ хотѣлъ бы, «чтобы чувство потекло по ровной колеѣ», но «вскипѣвъ сначала горячо у источника». Того же порой хочется и Обломову: постоянная сдержанность Ольги, наконецъ, смущаетъ его; онъ не знаетъ, любить она его или только выходитъ замужъ, и вотъ онъ принимается рисовать Ольгѣ другой типъ любви, любви горячей, страстной, когда «женщина вся въ огнѣ, въ трепетѣ» когда она жертвуетъ всѣмъ и находитъ награду въ любви. Ольга безъ труда доказала Обломову, насколько нежелателенъ для нихъ обоихъ этотъ путь ³⁾. Гончаровъ въ письмахъ также отчетливо различаетъ страсть, влюбленность отъ «настоящей, глубокой любви» (19 сент. 1855 г.). Словомъ, Гончаровъ и его герои руководятся одной и той же теоріей любви; у нихъ—одинъ идеалъ женщины: для героевъ романа онъ воплотился въ Ольгѣ Серг. Ильинской, для Гончарова въ Елизаветѣ Вас. Толстой.

Штолецъ любитъ Ольгу, «какъ чудеснымъ созданіемъ, съ благоухающею свѣжестью ума и чувствъ»,—и авторъ готовъ сравнивать ее со «статуей граціи и гармоніи». «Кто ни встрѣчалъ ее,

¹⁾ Евг. Ляцкій. «Гончаровъ». Изд. 2-ое. Стр. 188—189.

²⁾ Ср. у Е. А. Ляцкого, стр. 188—189.

³⁾ Полное собраніе сочиненій, 1899. Т. III, 362—364.

даже разсѣянный», читаемъ въ романѣ, «и тотъ на мгновеніе останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ». Это — почти буквально тѣ похвалы, которыя Гончаровъ расточаетъ Елизаветѣ Васильевнѣ въ письмахъ къ ней. Когда, вслѣдъ за приведенной фразой, авторъ «Обломова» начинаетъ любовно во всѣхъ деталяхъ рисовать портретъ Ольги, описывая ея носъ, губы, глаза, брови, — то трудно отдѣлаться отъ мысли, что онъ переносилъ на бумагу то, что видѣлъ въ стоявшемъ передъ нимъ портретѣ Елизаветы Васильевны ¹⁾. Ольга обладаетъ яснымъ и критическимъ умомъ; она прекрасно понимаетъ психологію Обломова и легко разбиваетъ его софизмы... «Умъ у нея,—писалъ Гончаровъ объ Елизаветѣ Васильевнѣ,—прямой и свѣтлый, логика, съ которою трудно бороться софизму». «А ты пробовалъ?» спрашиваетъ Гончаровъ своего двойника («своего лучшаго друга», влюбленнаго въ Елизавету Васильевну). «Немного, больше для опыта и... не побѣдилъ ее: она сначала указала гдѣ софизмъ, а потомъ исполнила мое желаніе, но по другому уваженію» («Pour и contre»). Какъ это напоминаетъ сцену объясненія Ольги съ Обломовымъ по поводу его письма съ отказомъ отъ нея! Чувство въ Ольгѣ, какъ и въ Елизаветѣ Васильевнѣ, проявляется просто, безъ излишней аффектаціи и сентиментальности. Въ этомъ отношеніи Ольга вполне удовлетворяетъ идеалу Гончарова и его героевъ. Не хуже ихъ она различаетъ понятія «влюблена» и «люблю»; страсть ей чужда и кажется смѣшной. Авторъ охотно надѣляетъ Ольгу и частными особенностями, которыя онъ замѣтилъ въ Елизаветѣ Васильевнѣ и которыя были ему дороги, какъ и все въ ней. Случалось, напр., что она проявитъ чувство досады и даже топнетъ ногой, и Обломову нравится въ ней эта черта (ч. II, гл. VII). Такія вспышки гнѣва бывали и у Елизаветы Васильевны, и она топала ножкой; и это опять-таки ни сколько не обижало Гончарова, а казалось ему милымъ и граціознымъ (письмо отъ 20 февр. 1856 г.).

Гончаровъ называетъ Елизавету Васильевну своимъ идеаломъ, «прекраснѣйшей, лучшей, первой женщиной» (26 сент. 1855 г.).

¹⁾ «Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую граціозную линію; губы тонкія и большею частію сжатые: признакъ непрерывно устремленной на что-нибудь мысли. То же присутствіе говорящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускающемъ взглядѣ темныхъ, сѣроголубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глазъ двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ ниточками—нѣтъ, это были двѣ русыя, пушистыя, почти прямыя палочки, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію была выше другой, отъ этого надъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ будто что-то говорило, будто тамъ покоилась мысль.—Ходила Ольга съ наклоненной немного впередъ головой, такъ стройно, благородно покоившейся на тонкой, гордой шеѣ; двигалась всѣмъ тѣломъ ровно, шагая легко, почти неслышимо»... (III, 244).

«Ольга» — восклицаетъ Обломовъ, — «Вы лучше всѣхъ женщинъ, вы первая женщина въ мірѣ!» Между Елизаветой Васильевной и Ольгой въ пониманіи ихъ Гончаровымъ столько общаго, что мы готовы даже Е. В. Толстую назвать прототипомъ Ольги Ильинской.

Далѣе, ситуація Гончарова въ его собственнымъ романѣ близко напоминаетъ ситуацію созданныхъ имъ героевъ, несмотря на то, что онъ не пользовался взаимностью, какъ болѣе счастливые въ этомъ случаѣ Обломовъ и Штольцъ.

На первыхъ порахъ Гончаровъ держится по отношенію къ Елизаветѣ Васильевнѣ такъ же, какъ Штольцъ до знакомства Обломова съ Ольгой, а потомъ почти совершенно переходитъ на положеніе Обломова: когда чувство стало брать свое, въ немъ проявился свойственный ему *характеръ*, умъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, и получилось типичное для Гончарова *раздвоеніе* (roug и contre). Рядомъ съ нимъ явился двойникъ; Гончаровъ, какъ психологъ и художникъ, наблюдаетъ его со стороны, и так. обр. свое собственное чувство онъ какъ бы объективировалъ и претворялъ въ «главу романа», какъ онъ и называетъ свое «Roug и contre».

Въ глазахъ Штольца Ольга первоначально была «только прелестный, подающій большія надежды, ребенокъ»; Ольга называла его «другомъ», любила его, но немного и боялась; хоть съ опаской, но она обращалась къ нему съ своими вопросами и недоумѣніями; рядомъ съ собой она слышала «увѣренные шаги «друга», которому вѣрила, и съ нимъ соразмѣряла свой шагъ» Гончаровъ не могъ видѣть въ 28-лѣтней дѣвушкѣ «ребенка» (Елизавета Васильевна однажды даже разсердилась на него за какое-то «предостереженіе» — въ письмѣ отъ 28 окт. 1855 г.), — но считалъ себя много опытнѣе ея и относился къ ней съ «наставническимъ расположеніемъ» (письмо отъ 4 сент. 1855 г.): критикуя, напр., ея дневникъ, который она довѣрчиво передала на его разсмотрѣніе, въ качествѣ болѣе зрѣлаго и благожелательнаго друга, онъ высказалъ въ поученіе ей немало полезныхъ мыслей; временами онъ позволялъ себѣ указывать на нѣкоторые ея недостатки, въ родѣ «провинціальной педантичности, съ которой она иногда кокетничала умомъ, позировала»; въ эпизодѣ съ «другомъ дѣтства» онъ также не удержался отъ наставническаго тона (въ письмѣ отъ 28 окт. 1855 г.). И въ дальнѣйшемъ Гончаровъ не совсѣмъ забывалъ, что его лѣта и опытность даютъ ему право быть руководителемъ дѣвушки — друга. Но дружба постепенно превратилась въ любовь. Обломовъ былъ увѣренъ, что «дружбы между мужчиной и женщиной не бываетъ», и Гончарову «больно» стало отъ его «странной» дружбы: «А больно потому, что она женщина: не могу же я въ самомъ дѣлѣ любоваться на нее, какъ Пигмалионъ на Гала-

тею ¹⁾, не могу запретить ей и увлекаться, а когда она увлечется... мнѣ — какъ-то дѣлается неловко» (Pour и contre).

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Гончаровъ самъ аттестуетъ себя какимъ-то Обломовымъ, хотя въ сущности онъ гораздо активнѣе Ильи Ильича и настойчивѣе его въ своихъ стремленіяхъ. «Любовь, слезы—къ лицу-ли это мнѣ?»—въ раздумьѣ говоритъ Обломовъ. Когда слово «любовь» все-таки вырвалось у него, онъ испытывалъ «чувство неловкости, стыда или *«срама»*, ²⁾ какъ онъ выражался». — «Не влюбленъ же я въ Васъ: сохрани Боже, *стыдъ* ³⁾ какой!»—писалъ и Гончаровъ Елизаветѣ Васильевнѣ 20 февр. 1856 г. «Мнѣ любить?»—разсуждаетъ Гончаровъ: «Вдругъ сказать ей я *люблю!* что такъ хорошо звучитъ въ устахъ молодости, то въ моемъ голосѣ задрезыжало бы дико. Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю, прочь, прочь эта мысль! Это лукавый искушаетъ меня. Исчезни, исчезни, окаянный!.. чуръ меня, чуръ меня, Господи, Господи! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!!!»

Обломовъ, какъ мы знаемъ, и до знакомства съ Ольгой и послѣ этого немало мечталъ о прелестяхъ супружеской жизни. «Жениться, мечталъ онъ вслухъ — вѣдь это значитъ не разставаться съ ней, любоваться ея глазами, умомъ, граціей, жить успокоительно и исполнить свое назначеніе подъ надзоромъ ея дружескаго взгляда, подъ теплыми лучами обворожительной доброты ея сердца... это значитъ никогда не хотѣть умереть»... Эти слова произносить Гончаровъ (въ «Pour и contre»), но ихъ смѣло можно приписать и Обломову.

Не нужно напоминать, какими муками сомнѣній сопровождался робкій романъ Обломова, и какъ онъ испугался, очутившись въ положеніи жениха. «Змѣя сомнѣнія» грызла Илью Ильича даже тогда, когда, повидимому, счастье было обеспечено: онъ опасался, что Ольга разлюбитъ его; вымышлялъ себѣ возможныхъ соперниковъ и т. д. Та же «мучительная игра въ сомнѣнія, въ вопросы» составляетъ содержаніе большинства писемъ Гончарова и его исповѣди, имѣющей столь характерное заглавіе «Pour и contre».

Несмотря на то, что Е. В. Толстая не отвѣчала Гончарову полной взаимностью, и въ этомъ отношеніи положеніе Обломова было совершенно иное,—общая концепція того и другого романа одна и та же: прекрасная дѣвушка на мгновеніе озаряетъ тусклое существованіе дряхлѣющаго холостяка. Гончаровъ упорно приписываетъ Елизаветѣ Васильевнѣ то же самое значеніе въ своей жизни, какое имѣла Ольга въ жизни Обломова, и даже подчасъ употре-

¹⁾ Не безынтересно, что въ «Обломовѣ» (ч. II, гл. IX) Ольга сравнивается съ Пигмалиономъ, а Обломовъ—съ Галатеей.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

бляетъ тѣ самыя выраженія, которыя мы находимъ въ романѣ «Обломовъ».

Ольга сознательно полюбила Обломова за его добрую душу, за его чистую совѣсть, за его нѣжность. Ей пришла въ голову роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ *стоячимъ озеромъ*¹⁾ и отразится въ немъ». И Гончаровъ такъ же понимаетъ мотивы дружбы къ нему со стороны Елизаветы Васильевны: «Она дала мнѣ свою дружбу не даромъ: во мнѣ она видитъ, конечно несправедливо, преувеличенно, олицетвореніе нѣкоторыхъ нравственныхъ достоинствъ мужчины — и въ этомъ обнаруживается болѣе, нежели въ чемъ-нибудь, залогъ превосходства ея нравственной натуры. Она оцѣнила добрыя качества... Или въ другомъ мѣстѣ: «Она съ любопытствомъ смотритъ, какъ играютъ лучи ея блеска въ тускломъ зеркалѣ моей души, какъ лучи солнца на *заглохшемъ пруду*,¹⁾ потомъ она добра, мягка душой, она тронута моей внимательностію, благодарна, и этою благодарностію кротко и тепло сіяетъ мнѣ! Я, усталый, опустившійся, одряхлѣвшій душой — счастливъ, что могу погрѣться у этого привѣтнаго огонька».

Обломовъ чувствуетъ себя живымъ человѣкомъ и дѣлается лучше, когда рядомъ съ нимъ находится Ольга, или когда онъ только думаетъ о ней; она служитъ для него единственной связью съ внѣшнимъ міромъ. «Теперь», читаемъ въ романѣ (III, 301): «и день, и ночь, всякій часъ утра и вечера принималъ свой образъ и былъ или исполненъ радужнаго сіянія, или безцвѣтенъ и сумраченъ, смотря по тому, наполнялся ли этотъ часъ присутствіемъ Ольги, или протекалъ безъ нея и, слѣдовательно, протекалъ вяло и скучно... Что она скажетъ и сдѣлаетъ? Какъ посмотритъ, какое дастъ ему порученіе, о чемъ спроситъ, будетъ довольна или нѣтъ? Всѣ эти соображенія сдѣлались насущными вопросами его жизни». Ольга, «какъ *ангелъ*¹⁾, стоитъ на стражѣ ихъ любви. Когда, послѣ извѣстной сцены объясненія по поводу письма Обломова, она уходила отъ успокоеннаго и снова счастливаго героя, онъ «остался на мѣстѣ и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ улетающему *ангелу*». ¹⁾ — И Гончаровъ твердитъ, что присутствіе Елизаветы Васильевны оживляетъ его, что безъ нея онъ впадаетъ «въ обычную апатію» (18 сент. 1855 г.). «Отними у меня это право говорить съ Вами — и мнѣ многого будетъ недоставать», писалъ Гончаровъ 14 ноября 1855 г.: «пропадетъ самая живая нить, парализируется самый живой нервъ, который такъ связываетъ меня съ людьми, съ обществомъ». «Я часто благословляю судьбу, что встрѣтилъ ее», признается Гончаровъ: «я сталъ лучше, кажется, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

знаю ее, я не уличалъ себя ни въ одномъ промахѣ противъ совѣсти, даже ни въ одномъ нечистомъ чувствѣ: мнѣ все чудится, что ся кроткій, карій взглядъ вездѣ слѣдитъ за мной, я чувствую надъ своей совѣстью и волей постепенный невидимый контроль... Я какъ будто встрѣтилъ ангела ¹⁾ на грязной тропинкѣ жизни». «При Васъ у меня были какія - то крылья, которыя отпали теперь», сѣтуетъ Гончаровъ 25 окт. 1855 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Елизаветы Васильевны изъ Петербурга. «Когда мнѣ случается отрезвляться отъ пустой суеты и матеріализма», писалъ онъ 20 февр. 1856 г., «когда толщина (не физическая: я иногда толстѣю и умомъ и духомъ) проходить, когда я тоньше понимаю и чувствую, когда пробуждается потребность къ эстетическимъ наслажденіямъ, Вы тотчасъ являетесь въ памяти, и четырехъ мѣсяцевъ отсутствія Вашего какъ не бывало!»

Мы не имѣемъ основанія упрекать Гончарова въ излишнемъ преувеличеніи: таково было его самочувствіе; такъ онъ понималъ значеніе для себя Елизаветы Васильевны.

Ольгѣ принадлежитъ въ романѣ болѣе активная роль, чѣмъ Обломову. Послѣдній часто путается въ своихъ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ; онъ охотно предоставляетъ Ольгѣ искать выхода изъ создавшагося положенія вещей. Гончаровъ, несомнѣнно, болѣе активный, также все время затрудняется, какую ему занять позицію; то, подобно Обломову, онъ подумаетъ: «когда-то еще другой придетъ, я пока счастливъ»; и говоритъ какими-то «околичностями», противъ которыхъ протестовала Елизавета Васильевна; то почувствуетъ необходимость опредѣленнаго выясненія вопроса, но, отказываясь отъ инициативы, всю тяжесть его рѣшенія возлагаетъ на Елизавету Васильевну. Въ обоихъ случаяхъ вопросъ рѣшился помимо воли нашихъ героевъ: Обломову помогъ Штольцъ, Гончарову — Мусинъ-Пушкинъ.

«Въ своей глубокой тоскѣ,—писалъ Обломовъ Ольгѣ въ извѣстномъ письмѣ съ отказомъ отъ нея, — «немного утѣшаюсь тѣмъ, что этотъ коротенькій эпизодъ нашей жизни мнѣ оставить навсегда такое чистое, благоуханное воспоминаніе, что одного его довольно будетъ, чтобы не погрузиться въ прежній сонъ души». Нисколько не отождествляя Гончарова съ Обломовымъ, а лишь сближая ихъ, мы можемъ приведенныя слова примѣнить и къ самому Гончарову: любовь къ Елизаветѣ Васильевнѣ также навсегда оставила въ его душѣ «чистое, благоуханное воспоминаніе». Въ его письмахъ къ ней передъ нами раскрывается поэтический уголокъ его внутренней жизни; это—интимная исповѣдь его души и вмѣстѣ психологическая основа для интереснѣйшихъ страницъ его лучшаго романа, гдѣ нашелъ себѣ художественную обработку мотивъ о вліяніи

¹⁾ Курсивъ нашъ.

женщины на пассивную натуру мужчины. Пережитое имъ самимъ счастье любви свѣтлыми бликами падало на листы его романа и живыми красками расцвѣчивало психологію его героя ¹⁾).

Публикуемые нами письма, такимъ образомъ, имѣютъ существенное значеніе для уясненія процесса созданія «Обломова» и для пониманія психологіи самого писателя ²⁾).

П. Сакулицъ.

¹⁾ Между перепиской Гончарова и его романомъ внимательный читатель замѣтитъ немало любопытныхъ параллелей и въ деталяхъ. Огмѣтимъ, для примѣра, слѣдующее. Письмо Обломова «вышло длинно, какъ всѣ любовныя письма: любовники страхъ какъ болтливы». Гончаровъ также подчеркиваетъ, что Елизавета Васильевна расшевелила въ немъ «болтливость», что онъ пишетъ «длинные письма» (см. письмо 19 сент. 1855 г.). Всѣ письма Гончарова, дѣйствительно, значительнаго объема.—Арія изъ «Пормы» «Casta diva» была сильнымъ средствомъ воздѣйствія Ольги на Обломова; Гончаровъ то и дѣло ходитъ съ Елизаветой Васильевной въ итальянскую оперу, и «Лючія» получила для нихъ особое значеніе.—Обломовъ вызвалъ слезы Ольги, и онѣ, «обожгли» его, «но такъ, что ему отъ того было не горячо, а тепло» (гл. X, ч. II); Гончаровъ жалѣлъ, что онъ не видѣлъ самъ слезъ Елизаветы Васильевны и разсуждаетъ о значеніи женскихъ слезъ (письмо отъ 25 окт. 1855).—Въ «Обломовѣ» нашелъ себѣ мѣсто и cousin, котораго быстро переросла дѣвушка (гл. VIII ч. II), а кузену Елизаветы Васильевны отведено немало мѣста въ письмахъ Гончарова.

²⁾ Мы уже не говоримъ о томъ, что въ перепискѣ Гончарова тамъ и сямъ разсыяны отдѣльные факты, которыми не можетъ не воспользоваться историкъ литературы. Таковы, напр., разсужденія Гончарова о своей службѣ и литературной дѣятельности (въ письмахъ отъ 14 ноября, 1 и 23 декабря 1855 г. и 20 февраля 1856 г.); свѣдѣнія о настроеніи кружка Майковыхъ въ эпоху севастопольской войны и о неизвѣстномъ намъ стихотвореніи А. Н. Майкова «Подражаніе Данте» (въ письмахъ отъ 20 и 25 окт., 14 ноября, 1 и 31 декабря 1855 г.); сообщеніе о судьбѣ «Записокъ охотника» Тургенева (письма отъ 8 и 20 февраля 1856 г.) и т. п.

Голосъ Минувшаго. № 11.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

(Биографическій очеркъ преимущественно по изданнымъ матеріаламъ).

(Продолженіе).

VIII.

Арестъ Петрашевскаго и начало слѣдствія.

Петрашевскій, какъ мы видѣли, былъ уже давно готовъ къ тому, что ему придется пострадать; объ этомъ ходили слухи и въ обществѣ, и ему самому дѣлались предостереженія. На одномъ маскарадѣ какая-то маска предупредила его, что онъ скоро будетъ арестованъ. Въ тотъ же вечеръ, повидимому, другая маска подошла къ Пальму, и сказала ему по-французски: «Пальмъ, ты бываешь въ одномъ домѣ, гдѣ я не совѣтовала бы тебѣ бывать».—«Въ какомъ это домѣ?» спросилъ тотъ.—«Ты знаешь,—это у Покрова». Пальмъ понялъ, что дѣло идетъ о вечерахъ Петрашевскаго, и сказалъ, что бываетъ у него, но не видитъ тамъ ничего опаснаго для себя. Маска, промолвивъ: «смотри же, будь остороженъ», скрылась. Петрашевскій заподозрилъ, что о немъ неосторожно болтаетъ В. А. Милютинъ при своей любовницѣ или кто-то другой, и сказалъ, что это подлость, такъ какъ такіе люди косвенно становятся донощиками. Незадолго до ареста петрашевцевъ сынъ сенатора Веймарна сказалъ Пальму, что Петрашевскій «человѣкъ очень странный, безпокойный, всюду у него тяжбы, и, кажется, едва ли онъ не на замѣчаніи у правительства». Писатель В. Р. Зотовъ, издатель «Литературной Газеты», весьма незадолго до ареста Петрашевскаго сообщилъ Катеневу слухъ, что собранія у Петрашевскаго скоро прекратятъ, а его самого сошлютъ въ деревню съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу. Черезъ агента Наумова объ этомъ сейчасъ же узналъ Липранди. Нѣсколько ранѣе, въ концѣ марта 1849 г., Толь говорилъ Антонелли, что пятницы Петрашевскаго извѣстны правительству, и что въ будущую пятницу собираются ихъ всѣхъ схватить при полномъ собраніи. Толь высказалъ подозрѣніе, что на нихъ донесъ нѣкій Н. Толстой, служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и бывавшій у Петрашевскаго ¹⁾. Подозрѣніе

¹⁾ Этотъ Толстой на одной изъ пятницъ въ іюль 1848 г. вступилъ въ рѣзкій споръ съ Толемъ по поводу слуховъ относительно обращенія латышей

Толя было совершенно основательно: Толстой, дѣйствительно, послалъ министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, нѣсколько донесеній о пятницахъ Петрашевскаго. Когда Антонелли передалъ Петрашевскому слова Толя, послѣдній сказалъ: «Все это пустяки: подобные слухи стараются распуścić Майковы и другіе, принадлежащіе къ обществу литераторовъ, потому что его общество гораздо умнѣе и сильнѣе и въ другомъ размѣрѣ дѣйствуетъ, но это пустяки, потому что хотя между обществами и происходятъ иногда *qui pro quo*, но все они стремятся къ одной цѣли».

Незадолго передъ тѣмъ Петрашевскій говорилъ Антонелли, что въ Петербургѣ существуетъ какое-то общество литераторовъ подъ названіемъ клуба ламартинистовъ, въ которомъ главную роль играютъ братья Майковы и братья Достоевскіе; объ этомъ клубѣ упоминалъ въ разговорѣ съ Антонелли и Толя. Зотовъ сказалъ литератору Катеневу, въ апрѣлѣ 1849 г., что съ годъ тому назадъ открылся ламартиновскій клубъ, собранія котораго происходятъ въ разныхъ мѣстахъ, и что онъ, Зотовъ, членъ этого клуба ¹⁾. Апол. Майкова спрашивали о томъ же, и онъ отвѣчалъ: «Общества литераторовъ я не знаю, т.-е. положительно организованнаго общества»; нужно думать, слѣдовательно, что были какія-то литературныя собранія, какъ это слѣдуетъ заключить и изъ приведенныхъ выше словъ Петрашевскаго. Слѣдственная коммиссія просила шефа жандармовъ собрать свѣдѣнія объ обществѣ или клубѣ ламартинистовъ, но ничего болѣе узнать о немъ не удалось.

Было уже сообщено о соревнованіи между министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ и шефомъ жандармовъ Орловымъ по дѣлу о сыскѣ относительно Петрашевскаго. Слухъ объ этомъ сообщаетъ и Герценъ въ своей статьѣ о Петрашевскомъ, при чемъ Орловъ будто бы убѣждалъ государя, что дѣло вовсе не такъ важно, какъ ему представляютъ, что не нужно дѣлать изъ-за него шумъ, а то о немъ узнаютъ иностранцы, и что, принявъ патріархальныя мѣры противъ главныхъ зачинщиковъ, можно покончить его безъ всякой лишней огласки. Перовскій будто бы сталъ убѣждать императора Николая дать обществу назрѣть и не спѣшить съ арестами. Но терпѣніе царя истощилось, когда газета «La

въ православіе въ Лифляндской губ., и дѣло чуть не дошло до дуэли. О насильственномъ удержаніи въ православіе латышей, перешедшихъ въ него изъ лютеранства вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, распространенныхъ православ. духовенствомъ, что перешедшіе въ православіе получаютъ бесплатно земельный надѣлъ и будутъ освобождены отъ рекрутчины а оставшіеся лютеранами, будутъ сдѣланы крепостными дворянъ, см. въ книгѣ. *Die Lettische Revolution*, Berl. 1906, I, 78—79.

¹⁾ Зотова и Петрашевскаго спрашивали объ этомъ клубѣ, но оба отвѣчали, что въ первый разъ о немъ слышатъ («Истор. Вѣстн.», 1890 г., № 6, стр. 550). Катеневъ обѣщалъ агенту Наумову ввести его туда, но не успѣлъ исполнить — обѣщанія.

Semaine», разсуждая о венгерскихъ дѣлахъ, сказала, что императору Николаю будетъ скоро много хлопотъ у себя дома, и онъ велѣлъ произвести арестъ. Разсказъ этотъ остается на отвѣтственности Герцена; изъ официальныхъ же документовъ извѣстно слѣдующее. Въ донесеніи отъ 18 апрѣля 1849 г. Антонелли узнавъ, что собираются покончить съ собраніями Петрашевскаго, высказалъ свои соображенія о томъ, какъ слѣдуетъ арестовать его самого и посѣтителей его пятницъ ¹⁾.

21 апрѣля гр. Орловъ подалъ государю докладъ «о чиновникѣ Буташевичѣ-Петрашевскомъ и его сообщникахъ», который начинается такъ:

«Въ мартѣ 1848 г. дошло до моего свѣдѣнія, что находящійся въ С.-Петербургѣ чиновникъ Буташевичъ-Петрашевскій обнаруживаетъ большую наклонность къ коммунизму и другимъ западнымъ идеямъ и съ дерзостью провозглашаетъ свои правила.—Въ то же время приказалъ я учредить за нимъ надзоръ, но въ послѣдствіи, когда министръ внутреннихъ дѣлъ началъ обнаруживать въ томъ же Буташевичѣ-Петрашевскомъ преступныя наклонности въ политическомъ отношеніи и связи его съ многими лицами, слившимися какъ бы въ одно общество для какой-то опредѣленной цѣли, я, съ согласія гр. Перовскаго, предоставилъ ему весь ходъ этого дѣла». Затѣмъ сообщались свѣдѣнія о томъ, что въ слѣдствіе «дерзости своего характера» и «вольнодумства» Петрашевскій выпущенъ былъ изъ лица съ чиномъ 14 класса, что за преслѣдованіе его начальствомъ лица онъ задумалъ отомстить пропагандою чрезъ наставниковъ, что у него былъ «большой кругъ знакомства, около 800 человекъ», и что изъ нѣкоторыхъ знакомыхъ онъ «составилъ общество» ²⁾. Далѣе сообщалось о введеніи въ него Анто-

¹⁾ «При арестованіи общества должно поступить очень осторожно, потому что большая часть людей, его составляющихъ, очень энергическая, между ними есть силачи, которые управятся съ тремя добрыми мужиками, и которые въ азартѣ Богъ знаетъ чего не готовы надѣлать, какъ, напримѣръ, Дуровъ, Филипповъ, Толь», Петрашевскій, «Метрикембскій и многіе другіе, всѣ офицеры бывають тамъ при шпагѣ и остаются большею частью при ней въ продолженіе цѣлаго вечера; очень можетъ быть, что и другіе приходятъ съ скрытымъ оружіемъ, чего, впрочемъ, я не удостовѣряю. Изъ этого видно, что общество» Петрашевскаго «имѣетъ въ своихъ рукахъ много способовъ къ оборонѣ... Замѣтить должно, что хотя я и не встрѣчалъ никогда у» Петрашевскаго «болѣе 20 человекъ, но онъ говорилъ, что у него собирается иногда даже до 40. По моему мнѣнію, атаку на квартиру» Петрашевскаго «должно сдѣлать съ двухъ сторонъ — черезъ кухню и парадный ходъ, при третьемъ же, всегда запертомъ, достаточно поставить караулъ. Явиться должно съ двухъ сторонъ непремѣнно въ одно и то же мгновеніе, и такъ какъ» Петрашевскій «самъ отворяетъ парадную дверь, то захватить тотчасъ же его перваго и выпроводить на лѣстницу, чтобы онъ не могъ подать какого-нибудь, можетъ, условленнаго сигнала, захвативъ точно такъ же на кухнѣ мальчишекъ».

²⁾ Антонелли написалъ для слѣдственной комиссіи особую записку, въ которой доказывалъ, что онъ признаетъ общество Петрашевскаго «тайнымъ обществомъ».

нелли ¹⁾, и перечислялись фамиліи 33 его членовъ, замѣченныхъ этимъ агентомъ. Цѣлью общества выставлялась «перемѣна нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей» и подготовка людей, сходныхъ во взглядахъ на случай «перемѣны въ правленіи или мятежа» для того, чтобы въ первомъ случаѣ они были готовы занять мѣста въ правительствѣ, а во второмъ—принять начальство надъ массами. Собранія Петрашевскаго вліяють чрезъ учителей и чиновниковъ. Въ докладѣ Орлова сообщалось также о бесѣдахъ табачнаго торговца (Петра) Григорьева (Шапошникова), студента Толстова, литератора Катенева и о знакомствѣ ихъ со студентами П. Г. Данилевскимъ и Б. Утинымъ. Орловъ предложилъ арестовать, кромѣ того, штабсъ-капитана генеральнаго штаба Кузьмина и учителя Бѣлецкаго, всего 40 человекъ, и еще трехъ агентовъ: Антонелли, Василия Шапошникова и Наумова, и такъ какъ въ пятницу 22 апрѣля будетъ собѣданіе у Петрашевскаго, то произвести арестъ въ его квартирѣ въ полночь съ 22 на 23 апрѣля. Шесть офицеровъ и трехъ агентовъ Орловъ предложилъ помѣстить въ III отдѣленіи, а остальныхъ въ Петропавловской крѣпости. Кромѣ того, предполагалось 23 числа, въ 4 часа утра, разослать жандармскихъ офицеровъ по квартирамъ лицъ, подлежащихъ аресту, съ тѣмъ, чтобы, при содѣйствіи полицейскихъ офицеровъ, опечатали ихъ бумаги и доставили въ III отдѣленіе. Государь немедленно утвердилъ докладъ шефа жандармовъ ²⁾. На другой день Орловъ далъ слѣдующее предизаніе начальнику штаба корпуса жандармовъ, ген.-лейтенанту Дубельту относительно Петрашевскаго:

«По Высочайшему повелѣнію предписываю Вашему Превосходительству завтра въ 4 часа пополудни арестовать служащаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ титулярнаго совѣтника М. В. Бутаевича-Петрашевскаго, живущаго у Покрова въ собственномъ домѣ, опечатать всѣ его бумаги и книги, и оныя, вмѣстѣ съ Бутаевичемъ-Петрашевскимъ, доставить въ III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. При семъ случаѣ вы должны имѣть при себѣ частнаго пристава IV Адмиралтейской части и жандармскихъ чиновъ по вашему усмотрѣнію и строго наблюдать, чтобы изъ бумагъ Бутаевича-Петрашевскаго ничего не было скрыто.—Случиться можетъ, что вы найдете у Бутаевича-Петрашевскаго большое количество бумагъ и книгъ, такъ что будетъ невозможно сейчасъ ихъ доставить въ III отдѣленіе, въ такомъ случаѣ вы обязаны то и другое сложить въ одной или двухъ комнатахъ, смотря, какъ укажетъ необходимость, и комнаты тѣ запечатать, а самого

¹⁾ Отъ крѣпостныхъ людей Петрашевскаго трудно было добиться какихъ-нибудь свѣдѣній о немъ. На разпросы полиціи (въ февраль 1849 г.) они стѣбались: «Кому какое дѣло, кто ходить къ нашему барину: у насъ нѣтъ картежныхъ вечеровъ, а если и бываютъ гости, то говорятъ все про науки».

²⁾ Имп. Николай написалъ Орлову: «Я все прочелъ; дѣло важно ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо. Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь: точно; лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого члена лица на то нужныхъ». «Былое» 1906 г. № 2, стр. 217.

Буташевича-Петрашевскаго немедленно представить въ III отдѣленіе. Если при печатаніи бумагъ и книгъ онъ будетъ указывать, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ другому какому-либо лицу, то не обращать на таковое указаніе вниманія и оныя также печатать. При возлагаемомъ на васъ порученіи вы обязаны употребить наистрожайшую бдительность и осторожность»...

Герценъ сообщаетъ, что Дубельта сопровождалъ Липранди, который, однако, остался въ каретѣ. Герцену извѣстно, что арестъ Петрашевскаго былъ произведенъ 23 апрѣля въ 4 часа утра, и онъ передаетъ слѣдующій разговоръ его съ Дубельтомъ, который засталъ его собирающимся лечь спать и нашелъ у него одного изъ его пріятелей. Петрашевскій былъ въ своемъ знаменитомъ халатѣ съ оторваннымъ рукавомъ. Назвавъ себя, генералъ сказалъ: «Потрудитесь одѣться и отправиться со мною въ III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи». — «Я готовъ», отвѣчалъ Петрашевскій. — «Но развѣ вы думаете выйти въ этомъ костюмѣ», возразилъ удивленный генералъ. — «Теперь ночь», — сказалъ Петрашевскій, — а въ этотъ часъ я не имѣю обыкновенія одѣваться иначе». «Развѣ вы не знаете», — возразилъ Дубельтъ, — съ кѣмъ вамъ придется говорить? Совѣтую вамъ надѣть болѣе приличное платье». — «Пусть будетъ по-вашему», отвѣчалъ Петрашевскій и сталъ переодеваться, а генералъ въ это время пересматривалъ книги на столахъ и въ шкапахъ. «Генералъ», — вскричалъ Петрашевскій, — не разсматривайте этихъ книгъ». — «А почему?» — «Потому, видите ли, что у меня все запрещенныя книги, при одномъ видѣ которыхъ вамъ можетъ сдѣлаться дурно». — «Зачѣмъ же вы храните такія книги?» — «Дѣло вкуса», сказалъ Петрашевскій, «добродушно покачивая головой» ¹⁾.

26 апрѣля въ III отдѣленіе явился редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», Андр. Александр. Краевскій, и заявилъ старшему чиновнику, Попову (извѣстному учителю Бѣлинскаго), что въ приготавливаемомъ къ выходу 1 мая номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечатаны двѣ повѣсти: отставнаго инженеръ-поручика Ѳ. М. Достоевскаго ²⁾ и подпоручика л.-г. егерскаго полка А. И. Пальма ³⁾. «Хотя онѣ самага невиннаго содержанія и пропущены двумя цензурами», но теперь, послѣ ареста ихъ авторовъ, Краевскій опасался, «не признано ли будетъ неумѣстнымъ» появленіе въ печати сочиненій лицъ арестованныхъ. Онъ готовъ былъ бы отка-

¹⁾ Квартира Петрашевскаго была печатана; 2 мая жандармскій полковникъ Станкевичъ подаль Дубельту такой рапортъ: «Во исполненіе словеснаго приказа В-го Пре-ва сегодня былъ сдѣланъ осмотръ дѣйст. статс. совѣтникомъ Липранди и мною квартиры чиновника Петрашевскаго. Найденыя въ кабинетѣ его подъ письменнымъ столомъ бумаги печатаны и переданы г. Липранди, какъ равно составленный объ осмотрѣ этотъ актъ для представленія, куда слѣдуетъ».

²⁾ «Нечочка Незванова» ч. III.

³⁾ «Жагъ Бичовкинъ» ч. II.

заться отъ этихъ статей, если бы не были онѣ уже отпечатаны, а если замѣнить ихъ другими, то это задержать выпускъ книжки. При этомъ Краевскій сообщилъ разныя свѣдѣнія о неблагонамѣренности Петрашевскаго и о его пятницахъ, о томъ, что не принялъ его статьи (см. выше), о «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ», въ которомъ Петрашевскій «особенно участвовалъ», и въ заключеніе сказалъ, что, по его мнѣнію, «все общество, собиравшееся» у него, едва ли имѣло какую-либо цѣль, «особенно политическую»; оно состояло частью изъ такихъ же безпорядочныхъ людей, какъ и самъ Петрашевскій, частью изъ людей, которые бывали у него только потому, что онъ, тщеславясь своимъ собраніями, «зазывалъ къ себѣ на вечера всякаго, и молодые люди бывали у него—одни, чтобы провести время», другіе же—«не замѣчая безнравственности хозяина». Не оправдывая Бутаевича-Петрашевскаго и его главныхъ друзей, Краевскій замѣтилъ, что напрасно придана такая важность этому дѣлу, и что Петрашевскій съ друзьями заслуживаетъ только того, чтобы ихъ высѣкли розгами. Цѣною этой подлой болтовни Краевскій добился того, что ему дозволено было сохранить въ своемъ журналѣ повѣсти Достоевскаго и Пальма, только безъ именъ авторовъ. (См. «Отеч. Зап.», 1849 г., т. 64). Но такъ какъ это были продолженія повѣстей, начало которыхъ появились уже прежде, то имена авторовъ были извѣстны читателямъ.

Для разслѣдованія дѣла петрашевцевъ была назначена слѣдственная комиссія ¹⁾ изъ слѣдующихъ лицъ: председателемъ ея былъ комендантъ крѣпости, г.-ад. Набоковъ, членами: д. т. сов. членъ Гос. Совѣта, кн. Павелъ Пав. Гагаринъ, человекъ несомнѣнно умный и образованный ²⁾, но прославившійся впоследствии своею вредною ролью при обсужденіи проектовъ крестьянской реформы, виновникъ установленія такъ называемаго «нищенскаго» дарового надѣла ³⁾, товарищъ военнаго министра г.-ад. кн. В. А. Долгоруковъ, впоследствии шефъ жандармовъ, дѣйствовавшій при обсужденіи проектовъ крестьянской реформы рука объ руку съ М. Н. Муравьевымъ во вредъ интересамъ крестьянамъ, знаменитый начальникъ штаба корпуса жандармовъ, г. - л. Л. В. Дубельтъ ⁴⁾

¹⁾ Официально она называлась такъ: «Слѣдственная комиссія, учрежденная по Высоч. повелѣнію въ С.-Петербургской крѣпости надъ злоумышленниками».

²⁾ Восторженный отзывъ о немъ И. С. Аксакова см. въ книгѣ «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ». М. 1888, т. I, 164, 165.

³⁾ «Врагъ освобожденія съ землею, инквизиторъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, желчный реакціонеръ»—такъ характеризуетъ Гагарина Герценъ («Колоколь», 1862 г., № 139). Ср. А. Попельницкій. «Дѣло освобожденія крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ 28 января—17 февраля 1861 г.» «Рус. Мысль» 1911 г. № 2, стр. 153, 154, 159.

⁴⁾ Лучшею характеристикой его являются его собственныя замѣтки, напечатанныя въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., № 3.

и начальникъ военно-учебныхъ заведеній, г.-а. Я. И. Ростовцевъ, сдѣлавшій карьеру заявленіемъ имп. Николаю о намѣреніяхъ тайнаго сѣвернаго общества декабристовъ. Кромѣ того, назначена была еще другая комиссія для разсмотрѣнія бумагъ арестованныхъ подъ предѣлательствомъ кн. Голицына. Дѣйствій обѣихъ комиссій я буду касаться лишь постольку, поскольку онѣ имѣли ближайшее отношеніе лично къ Петрашевскому, о показаніяхъ же другихъ лицъ буду говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для уясненія хода слѣдствія надъ Петрашевскимъ.

Вотъ что говорить онъ въ одной изъ первыхъ своихъ записокъ, представленныхъ въ слѣдственную комиссію 26 мая 1849 года: «Болѣе мѣсяца тому назадъ я былъ арестованъ. Причина моего арестованія мнѣ не объявлена. Ночью того же дня привезенъ въ крѣпость и, не какъ лицо, а какъ вещь казенная, сданъ подъ расписку смотрителю каземата. Какъ вещь, ибо съ тѣхъ поръ именуютъ меня не по имени или фамиліи, но № 1. Отведя въ казематъ, отъ меня отбираютъ одежду, даютъ халатъ. Со мною поступлено, какъ съ воромъ и разбойникомъ, какъ съ злодѣемъ, совершившимъ тяжкое преступленіе. Жду съ нетерпѣніемъ, чтобы прошли третьи сутки, въ надеждѣ въ четвертый день услышать обвиненіе, какъ этому слѣдовало быть по закону. Если не будетъ объявлена виновному въ третій день причина его содержанія, то онъ долженъ быть представленъ въ совѣстный (судъ) и выпущенъ на поруки¹⁾. Объявляю объ этомъ смотрителю каземата, прошу его достать мнѣ уставъ уголовного судопроизводства, чтобы убѣдить его буквою закона въ томъ, что требованіе мое законно и справедливо. Прошу объ этомъ коменданта крѣпости,—просьба моя остается безъ удовлетворенія... Мертвое молчаніе кругомъ, безотвѣтственность сторожей, еле слышный бой часовъ на Петропавловскомъ соборѣ—вотъ развлеченіе. Полумракъ и холодъ—вотъ удобства помѣщенія. По ночамъ отпираются и запираются двери казематовъ, въ отдаленіи слышу шаги арестантовъ, ведомыхъ къ допросу. Такъ проходятъ 23 дня».

Въ теченіе этого времени Петрашевскій сдѣлалъ попытку войти въ сношенія съ другими арестованными. Отбивъ куски верхняго слоя стѣнной штукатурки, онъ отломаннымъ отъ жестяного вентилятора зубцомъ написалъ предостереженіе товарищамъ, содержащимся въ крѣпости. Посредствомъ увеличительнаго стекла было разобрано: «courage, patience, требовать очныхъ ставокъ, не вѣрить

¹⁾ По учрежденіямъ о губерніяхъ имп. Екатерины II, (п. 401) предоставлено было всякому, содержащемуся въ тюрьмѣ (кромѣ виновныхъ въ оскорбленіи величества, въ измѣнѣ, убійствѣ, воровствѣ и разбоѣ), если по истеченіи трехъ дней по арестованіи онъ не будетъ призванъ къ допросу, жаловаться въ совѣстный судъ, по повѣстію котораго онъ долженъ быть отпущенъ на поруки.

письменнымъ показаніямъ и т. п.» ¹⁾. Но въ дѣлѣ есть запись въ болѣе полномъ видѣ того, что написалъ Петрашевскій, сдѣланная имъ, вѣроятно, по требованію слѣдственной комиссіи:

«Насъ оклеветали, фальшивое на насъ донесеніе; это нападеніе полиціи имѣсть отношеніе и къ тому, что маска подала пакетъ Государю, гдѣ переименованы его повелѣнія. Вся цѣль сдѣлаться нужными и увеличить къ себѣ вѣру. Dites ça aux soldats, au docteur, смотрите(лю). Очныхъ ставокъ требовать, письменнымъ показаніямъ не вѣрять, ложныхъ свидѣтелей бояться, противъ нихъ протестовать. Rien de mal dire des autres». (Не говорить ничего дурного о другихъ). «Требовать явки обвинителя. Много незнакомыхъ взять. О допросѣ извѣстите паставительно. Чего хотѣть отъ насъ? Будьте вѣрны истинѣ.—Требуйте очныхъ ставокъ, не вѣрять письменнымъ показаніямъ. Отвѣчать подобнымъ способомъ. Можно писать зубомъ отъ вентилятора. Гг., напишите ваши фам(илин)—по двѣ начальныхъ буквы. У тѣхъ, кого—?» (вызывали на допросъ) «поставьте +».

«Прежде нежели на? «(допросъ)» отвѣчу: 1) Обвиняю г. Дубельта въ злоупотребленіи довѣрія и власти (если онъ не предсѣдатель). 2) Если есть нарушеніе въ отношеніи насъ какое-либо законовъ, протестовать, требовать ихъ показанія. 3) Чтобъ не слѣдователи судили, а другіе. 4) Чтобъ подъ произнесеніемъ» (послѣ произнесенія) «приговора было позволено объявить свое неудовольствіе на него. 5) Потребую показанія допоса или обвинителя ²⁾».

[«У меня есть два крайнихъ средства, которыя могутъ или дать намъ возможность воплотить восторжествовать, или причинить зло только мнѣ одному.— Правда! Лучше отвѣчать на письменные вопросы, всегда требовать вѣрныхъ копій сашихъ отвѣтовъ]. — Чтобъ объявлено, въ чемъ обвиненіе. [Не поддаваться внушенію или устрашенію, быть спокойнымъ, терпѣніе и мужество. Замѣшивать возможно менѣе лицъ. Тѣхъ, которые находятся вблизи... Не отвѣчать на вопросы неопредѣленные, неясные, вкрадчивые, требовать, чтобы вамъ ихъ сбляснили. Спрашивать допрашивающаго. Стараться, если возможно, перейти въ наступленіе. Напротивъ, его спрашивать. Такимъ образомъ выяснить, чего онъ хочетъ, что онъ надѣется найти]... Требовать, чтобы объявили инструкціи. Огьявлены законы...»

Но попытка Петрашевскаго снести съ товарищами по заключенію не удалась, и солдатъ, обнаружившій ее, получить по приказанію государя награду въ 25 руб.

Въ цитированной выше запискѣ въ слѣдственную комиссію 26 мая Петрашевскій продолжаетъ: «Наконецъ въ 24 день моего арестованія, вечеромъ въ необычную пору, дверь отворяется, приносятся (вызовъ) къ допросу, быть-можетъ, послѣднимъ изъ обвиненныхъ... Въ просьбѣ моей дозволить мнѣ нѣсколько мгновеній посоветоваться съ положительными законами мнѣ на-отрѣзъ отказано. Вѣрной точки противъ лживаго обвиненія у меня нѣтъ. Въмѣсто удовлетворенія моей просьбы, мнѣ объявлено, что обвиняюсь «въ

¹⁾ Позднѣе въ запискѣ, поданной въ военно-судную комиссію, Петрашевскій сообщилъ, что то же самое онъ написалъ на оловянной кружкѣ и на стѣнѣ въ саду.

²⁾ Далѣе написано частью по-русски, частью по-французски. Французскій текстъ привожу въ русскомъ переводѣ (заключивъ его въ прямые скобки). съ небольшими сокращеніями.

бунтъ и пропагандѣ фурьеризма». Выслушавъ это, хочу вступить въ необходимыя объясненія,—мнѣ очень неласково объявляютъ, что говорить я долженъ не то, что считаю самъ нужнымъ, но что нужнымъ считаетъ комиссія, чтобъ я говорилъ. Начало хорошаго мало общается. Все это вмѣстѣ взятое—особенно Богъ вѣсть откуда взявшееся обвиненіе въ умыслѣ бунта—не могу сказать поразило, но весьма оскорбило... я — фурьеристъ-бунтовщикъ!—Будучи отведенъ обратно въ казематъ, я рѣшился ничего не отвѣчать и объявить комиссіи, чтобы судила, какъ знаетъ обо мнѣ,—отвѣчать не буду. Я видѣлъ, что будущее проиграно, что участіе мое въ дѣлѣ только продлить другихъ пребываніе въ заключеніи. Быть-можетъ, судьба и ихъ тоже заранѣе уже опредѣлена».

Первый письменный отвѣтъ Петрашевскаго былъ очень кратокъ:

«Противъ объявленныхъ мнѣ, на меня взведенныхъ обвиненій, симъ объявляю себя совершенно невиннымъ, почему никакого признанія ни указанія на участниковъ сдѣлать не могу. Не отрицаюсь въ признаніи многихъ идей фурьеристскихъ справедливыми. — Признаюсь въ порчѣ казеннаго имущества во время пребыванія подъ стражею, а именно въ стѣитіи сырой стѣны окраски ¹⁾, вырваніи зуба вентилятора. Въ удостовѣреніе чего и подписуюсь 1849 г. Мая. С.-Петербургская крѣпость. Писать же сіе титулярный совѣтникъ Михаилъ Васильевъ сынъ Буташевичъ-Петрашевскій».

Въ донесеніи государю о началѣ дѣйствій комиссіи сказано: «Петрашевскій съ дерзостію просилъ комиссію сообщить ему, въ чемъ онъ обвиняется, ибо если онъ и желалъ лучшаго въ нашемъ управленіи, то это желаніе преступленіемъ считать нельзя». Затѣмъ приведены его слова о нашихъ законахъ и объ ученіи Фурье и добавлено: «Вообще отвѣты его были смѣлы и неудовлетворительны».

Въ журналѣ слѣдственной комиссіи 16 мая записано: «Сдѣланъ былъ разспросъ тит. сов. Буташевичу-Петрашевскому. Петрашевскій, между прочимъ, объявилъ, что онъ точно фурриистъ (sic!), что желалъ улучшеній въ отечествѣ, но желалъ достигнуть ихъ законнымъ образомъ; что законы наши хороши, но исполнители дурны, что ученіе Фурье не утопія, и что оно въ пять-шесть лѣтъ можетъ осуществиться.—Потомъ, когда ему были показаны отрывки изъ его рѣчи, найденной въ его бумагахъ, то онъ первоначально отозвался, что эти отрывки имъ писаны были для себя, но когда ему объявили, что комиссіи извѣстно, что они читаны были на обѣдѣ у Европеуса, то онъ въ томъ сознался».

Три дня Петрашевскій оставался при своемъ рѣшеніи не давать показаній, но затѣмъ отказался отъ него по слѣдующимъ причинамъ: «Выслушавъ прочитанное мнѣ увѣщаніе открыть соучастниковъ», въ которомъ неопредѣленно объявлены были выгоды

¹⁾ Въ другомъ показаніи сказано: «квадратной четверти окраски».

признанія, я сказалъ съ чувствомъ досады и негодованія: «Все это клевета. Что жъ, чтобъ воспользоваться выгодами признанія, клеветать на себя и другихъ, вымыслить на себя и другихъ небывалыя преступленья?» Тогда мнѣ послышались слова, полныя человѣческаго чувства, сказанныя однимъ изъ слѣдователей ¹⁾. «Да сохранить Богъ васъ отъ этого,—этого требовать отъ васъ и не думали». Это было сказано такимъ тономъ, что Петрашевскій подумалъ: «Не всѣ слѣдователи пришли съ задней мыслью и могли имѣть или видѣть какую-либо для себя выгоду въ осужденіи. — Съ другой стороны, мысль, — продолжаетъ Петрашевскій, — что на меня, главнымъ образомъ, упираются всѣ обвиненія, что я стержень, около котораго вертится обвиненіе, что я сталъ невольно ключемъ свода тѣхъ обвиненій, что собственно обвинителямъ я только и нуженъ, что всѣ прочіе есть только приличная обстановка, рядъ живыхъ уликъ и доказательствъ моего небывалаго злоумышленія. Выборъ меня въ жертвы только показываетъ хорошій толкъ въ выбирателѣ. Чѣмъ больше взведенная на меня клевета, ложное обвиненіе, тѣмъ, разумѣется, хуже можетъ быть положеніе другихъ, раздѣляющихъ со мною участь заточенія. — Не отвѣчать на клевету значитъ давать молчаніемъ ей вѣсъ и силу, косвенно служить гибелью ближняго, невольно служить орудіемъ торжества того злодѣя, который на погибели ближняго рѣшился основать свое благополучіе».

Принявъ это рѣшеніе, Петрашевскій далъ такое показаніе: «Противъ сдѣланнаго на меня обвиненія въ умыслѣ бунта, честь имѣю объявить, что умысла на бунтъ не имѣлъ никогда никакого, ни участниковъ не желалъ пріобрѣсти. Ключокъ бумаги, который неправильно принять (за) выраженіе такого намѣренія, есть не что иное, какъ очеркъ краткій разрѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ ²⁾, въ удостовѣреніе чего могу сослаться на другія бумаги, въ коихъ находятся разобранными разные вопросы до сего относящіеся...

«Противъ обвиненія въ распространеніи фурьеристскаго толка скажу, что *толка* никакого не знаю фурьеристскаго, знаю только единственно *систему Фурье*, которой многія идеи признаю хорошими; то, что признавалъ истиннымъ, о томъ говорилъ.—Законовъ не порицалъ, но истолковывать искалъ ихъ, смыслъ понять хотѣлъ, принимая въ нихъ все буквально на основаніи ст. 1 т. Св. Зак.

¹⁾ Повидимому Ростовцевымъ.

²⁾ Изъ этого видно, какое огромное значеніе придали проекту Петрашевскаго о надѣленіи крестьянъ землею безъ вознагражденія помѣщикамъ слѣдователи, въ числѣ которыхъ были такіе усердные защитники дворянскихъ интересовъ во время окончательной подготовки крестьянской реформы, какъ кн. П. П. Гагаринъ и кн. В. А. Долгоруковъ. Добиваясь суроваго осужденія Петрашевскаго, слѣдователи въ значительной степени руководствовались дворянскими интересами.

«Что же касается до обвиненія въ томъ, что говорилъ объ освобожденіи крестьянъ и мѣрахъ къ сему пригодныхъ, то не считаю за сіе виновнымъ, ибо сіе выражало желаніе правильно пользоваться собственностью.

«Относительно постановленія въ вину мнѣ, что говорилъ о полезности *jugu*» (суда присяжныхъ), «то, поступая такъ, я думалъ единственно исполнить желаніе нашего монарха въ манифестѣ о наказаніи преступниковъ 14 декабря 1826 г.¹⁾ и въ объясненіи манифеста 1848 г., сперва опубликованномъ въ *Journal de St.-Petersbourg*, а потомъ перепечатанномъ по-русски» во всѣхъ газетахъ. Въ манифестѣ 1826 г. сказано, что «развитіе общественной жизни, всякое желаніе усовершенствованій найдеть во мнѣ цѣнителя, доходя путемъ законнымъ»²⁾: учрежденіе *jugu* усовершило судоустройство... Разсуждая о семъ, я единственно разсуждалъ о нуждѣ, потребности мнѣ, какъ человѣку, свойственной; таковое разсужденіе мнѣ дозволяется ст. Св. Зак. «Дворянскія общества имѣютъ право разсуждать о нуждахъ и потребностяхъ своего сословія»³⁾. «Въ рукоприкладствѣ можно указывать на недостающіе, по мнѣнію истца, законы».

«Лицъ правительственныхъ не порицалъ, но рассказывалъ ихъ дѣйствія, какія зналъ, что и всякому случается рассказывать:

¹⁾ Манифестъ 13 іюля 1826 г.

²⁾ Въ манифестѣ 13 іюля 1826 г. о совершеніи приговора надъ декабристами, который Петрашевскій неточно цитируетъ на память, между прочимъ, сказано: «Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ для всѣхъ отвергнутымъ, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ». 2-е Полн. Собр. Закон. т. I, № 465. Въ манифестѣ 14 марта 1848 г. о революціяхъ въ Германіи, Пруссіи и Австріи говорится о «неразрывномъ союзѣ» государя «съ Святою Нашею Русью», о томъ, что «всякій русскій... отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя». 2-е Полн. Собр. Зак. т. XXIII, № 22089. Въ объясненіи манифеста, переведенномъ въ русскихъ газетахъ изъ *Journal de St. Petersbourg*, между прочимъ сказано: «Ни въ германіи, ни во франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать... Пусть народы запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются, пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себѣ свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущіость «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1848 г. № 65; «Сѣверная Пчела» 1848 г. № 64.

³⁾ Въ ст. 104 IX т. Св. Зак. изд. 1842 г. сказано: «Дворянство въ Собраніи можетъ дѣлать совѣщанія о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять съ оныхъ, чрезъ губернскаго предводителя, начальнику губерніи, Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству».

(это) никакимъ закономъ не запрещено. Напримѣръ, если разска- залъ, что сенатъ рѣшилъ дѣло мое, не основываясь на законахъ,— въ семъ я бы поистинѣ поступилъ, ибо такое рѣшеніе сената у меня имѣется».

На обвиненіе, что онъ имѣлъ у себя запрещенныя книги, Петрашевскій отвѣчалъ, что такихъ книгъ не знаетъ и знать не можетъ, такъ какъ «каталога запрещенныхъ книгъ не публикуется», а въ I т. Св. Зак., сказано, что никакой законъ, правильно не обнародованный, не имѣетъ силы. Многихъ книгъ онъ вовсе не чи- талъ, и кромѣ того, чтобы считать это преступленіемъ, слѣдуетъ еще доказать (на основаніи ст. 14 уголов. уложенія), что отъ этого произошелъ какой-либо вредъ.

«Писанное же мною, — говоритъ онъ, — на окраскѣ комнаты было только выраженіемъ моихъ мыслей», — а такъ какъ на осно- ваніи устава угол. суд.: «содержащіеся подъ стражею до объяв- ленія приговора акты совершать могутъ», то ясно, что и «выражать мысли могутъ».

Мѣсячное одиночное заключеніе въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, видимо, привело Петрашевскаго въ возбужденное состояніе ¹⁾, и въ запискѣ; представленной въ слѣдственную комиссію 26 мая онъ говорить:

«Вы, гг. слѣдователи, получите отъ меня болѣе, чѣмъ сухое юридическое признаніе, болѣе, чѣмъ говорится въ дружеской бесѣдѣ,—вы получите отъ меня исповѣдь сердца того человѣка, для любви котораго тѣсенъ кругъ семьи, тѣсны предѣлы отечества, для котораго человѣчество — семья, а въ природѣ все — другъ и учитель, отчетъ въ дѣлахъ человѣка искренно благонамѣреннаго, который можетъ безъ страха обратить взоръ на свое прошдшее, ибо знаетъ онъ, что прошедшее его будетъ говорить не противъ него, а за него. Вы услышите отъ (меня) мнѣнія, никому никогда необнаруженныя, о предметахъ важныхъ нашего быта общественнаго, слово истиннаго патріота, (не) сдѣлавшаго себѣ девизомъ *ненависть къ нѣмцамъ*, а подъ этимъ скрывающаго тайную вражду свою противъ просвѣщенія и желаніе сохранить чрезъ невѣжество другихъ спо- собы себѣ дѣлать злоупотребленія безнаказанно, вы услышите рѣчь человѣка, желающаго сдѣлать, быть-можетъ, послѣднее доброе дѣло, человѣка, говорящаго въ послѣдній разъ съ людьми образованными, защиту адвоката, защищающаго болѣе чѣмъ женщину страстно имъ любимую..., защиту того, что можетъ быть есть благороднѣйш го и достойнѣйшаго въ милліонахъ людей, быть-можетъ, будущую надежду Россіи,—именъ, изъ которыхъ нѣко-

¹⁾ Вліяніе этого заключенія прекрасно описать одинъ изъ пострадавшихъ по дѣлу Петрашевскаго Д. Д. Ахшарумовъ, въ его книгѣ: «Изъ моихъ воспоминаій» (1849—51 г.). СПб. 1905 г., стр. 21 и слѣд.

торыя, быть-можетъ, не забудетъ потомство. То, за что не тяжело принести на жертву десять жизней. Вы услышите грозное слово врага всякихъ злоупотребленій, и изъ глубины заточенія нелишившагося возможности черезъ руки ваши, гг. слѣдователи, уличить въ томъ совершителей и даже доказать фактами юридически ихъ преступность... Вы хотите отъ меня правды, такъ ее умѣйте слышать. Быть-можетъ, мелькнетъ отрадная картина будущаго счастья человѣчества, и вы, обвиняющіе насъ въ утопизмѣ, сами на минуту будете утопистами, потому что все это можетъ показаться вамъ легкимъ и возможнымъ».

Петрашевскій безъ сомнѣнія не разсчитывалъ повліять на такихъ членовъ комиссіи, какъ пресловутый Л. В. Дубельтъ, но все же надѣялся пробудить человѣческія чувства въ большинствѣ ея: это было, конечно, очень наивно, но таковъ результатъ возбужденнаго состоянія, въ которое обыкновенно приводитъ въ первое время узника одиночное заключеніе. Сдѣлаю значительныя извлеченія изъ этой записки Петрашевскаго, такъ какъ она имѣетъ не одно историческое значеніе:

«Комиссія могла избрать себѣ въ руководство при слѣдствіи два выраженія извѣстныя,—или выраженіе Ришелье, который, хвастаясь своимъ умѣніемъ все, какъ ему вздумается, перетолковывать, сказалъ: «напишете семь словъ, какихъ хотите, я изъ этого выведу вамъ уголовный процессъ, который долженъ кончиться смертной казнью», или изреченіе Екатерины II Великой: «лучше простить десять виноватыхъ, нежели одного невиннаго наказать». Какое изъ двухъ выраженій комиссія избрала, съ точностью еще заключить не въ правѣ. Допущу оба предположенія. Начну съ худшаго: предположу, что комиссія руководствуется словами Ришелье, посмотрю, что меня ожидаетъ. Если... дать надлежащее значеніе словамъ Л. В. Дубельта; «вѣдь у васъ много бумагъ сожжено»,—выраженіе, которое было сказано въ подтвержденіе того, что всякій клочъ бумаги долженъ Богъ знать какое получать значеніе... слыша эти слова, я невольно вздрогнулъ..., ужаснулся... невольно повѣрилъ рассказамъ, что многіе, особенно въ отдаленіи отъ столицы, услыша имя Л. В. Дубельта, неожиданно произнесеннымъ, вздрагиваютъ, какъ при ударѣ грома, крестятся и говорятъ: «да сохранить насъ сила небесная». Какъ ни разсматривай это желаніе, на возможной кучкѣ пепла построить обвиненіе... Чтобъ меня осудить, не надо быть умѣе Ришелье. Не надо ни учености всеобъемлющей, и быть юрисъ-консультомъ первой величины, чтобъ вывести обвиненіе въ умыслѣ совершить преступленіе противу первыхъ двухъ пунктовъ, обвинять въ этомъ человѣка, которому не чужды отрасли почти всѣхъ человѣческаго знанія, въ которомъ потребности знанію предѣла не было,—это, очевидно изъ бумагъ,—который все хотѣлъ обмыслить, обсудить

своимъ умомъ... Такой человѣкъ арестованъ, засажень за тридцать замковъ, бумаги тоже всѣ схвачены... собраны... перебраны... пересмотрѣны, переверчены, одна съ другой сравнены, сближены съ цѣлью найти слѣды не преступленія, а преступнаго умысла!.. Что писано было въ теченіе многихъ лѣтъ... что, можетъ-быть, было набросано на бумагу въ минуту тяжкаго страданія, такого страданія, которое можетъ выпасть на долю только того, кто низостью подлостью и пронырствомъ не прокладываетъ никуда себѣ дороги, кто искренно желалъ ближнему блага. Всякое выраженіе, быть-можетъ, тоскливаго неудовольствія сдѣлано преступленіемъ. Что было написано за нѣсколько лѣтъ, сближается, произвольно толкуется, столь же произвольно именуется уликою, доказательствомъ. Случился разорвать бумагу, и она попадаетъ въ руки слѣдователя à la Ришелье,—она отодрана, на ней нѣсколько фразъ, могущихъ показаться двусмысленными, не иначе, впрочемъ, какъ при софистическомъ толкованіи факта. Эти фразы назовутся, пожалуй, собственнымъ признаніемъ. Выраженія положительнаго законодательства общи, право истолкованія безгранично принадлежитъ слѣдователю. Если я та жертва, которая кому-то пужна, зачѣмъ столько околичностей. Возьмите, склейте, вырвите изъ разныхъ мѣстъ мною писанное, соберите вмѣстѣ, даже отыщите полную подпись моей фамиліи, объявите въ протоколѣ, что бумага разорвана во время слѣдствія, почему и склеена. Вѣдь недавно былъ еще въ Испаніи процессъ, гдѣ были схвачены не десятокъ людей, но сотни по фальшивымъ бумагамъ, фальшивой перепискѣ, ко всѣмъ имъ подброшенной.

«Если поступать такъ, то тутъ процессъ коротокъ, результатъ его вѣренъ, обвиненный осужденъ, форма соблюдена, чего же больше? Кто въ правѣ отъ насъ требовать отчета въ сущности? Дѣло можно сдать въ архивъ, пусть потомство разбираетъ, кто воистину виноватъ, кто правъ. Съ лицомъ жертвы... поступить тоже цѣлесообразно. Надо же къ нему примѣнить наказаніе «страха ради», ну хоть за то, что не малограмотенъ былъ и всякую письменность любилъ.

«Если вы, гг. слѣдователи, послѣдователи Ришелье, остановитесь и не читайте, бросьте. Если же нѣтъ, если благое реченіе Екатерины (будетъ) вами руководствовать, такъ читайте все послѣдующее, прочтите не разъ внимательно, сперва отбросьте въ сторону предположеніе, что тамъ есть какое-либо преступленіе, гдѣ его не было, поступайте осторожно, взвѣсьте значеніе всякаго слова...

«Если же вами, гг. слѣдователи, избрано въ руководители реченіе Екатерины II, не откинута въ сторону, какъ вещи ни къ чему негодныя, всякое человѣческое чувство, тогда вамъ предстоитъ много труда. Вы, господа, какъ изслѣдователи дѣла - преступ-

ленія, (доношикомъ) названнаго политическимъ, въ той странѣ, пока еще неимѣющей публичнаго судопроизводства, гдѣ обвиненный лишенъ защиты толковаго адвоката и суда правдиваго югу, кромѣ знанія отчетливаго законовъ и совершеннаго къ нимъ уваженія, есть священная обязанность слѣдователей дополнить эти недостатки, давъ обвиненному всѣ средства къ надлежащему и правильному объясненію характера и значенія тѣхъ изъ его дѣйствій, которыя подали поводъ къ какому-либо неблаговидному подозрѣнію.

Далѣе Петрашевскій заявилъ «подозрѣніе на того изъ слѣдователей, который явился сопричастнымъ въ принятіи доноса и дачѣ ему дальнѣйшаго движенія»: онъ принялъ его за директора или вице-директора департамента полиціи исполнительнѣйшей министертства внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ и утверждалъ, что онъ долженъ «выбыть изъ комиссіи». Въмѣсто него въ пополненіе комиссіи Петрашевскій просилъ о назначеніи чиновника министертства юстиціи для наблюденія, чтобы впредь при слѣдствіи были соблюдены всѣ предписанные формы и обряды. Необходимость этого онъ мотивировалъ тѣмъ, что «преимущественно знающимъ законы объявилъ себя» неизвѣстный ему «штатскій слѣдователь», который велъ допросъ по уполномочію отъ остальныхъ членовъ, о чемъ онъ самъ ему заявилъ. Петрашевскому объяснили потомъ, что это былъ дѣйств. тайн. сов. П. П. Гагаринъ.

«По приводѣ меня къ допросу, — продолжаетъ Петрашевскій, — была мнѣ прочитана статья Уг. Улож., гдѣ говорится «объ умыслѣ на бунтъ». По прочтеніи сказано, что я обвиняюсь (въ этомъ). Отчего прочтена эта, а не другая статья Уголовнаго Уложенія — вотъ что важно... Отчего мнѣ не прочталь г. штатскій слѣдователь статьи, относящейся до нарушенія законовъ при слѣдствіи, до злоупотребленія власти, до подлога по службѣ, о скрытіи истины въ докладахъ, журналахъ и т. п. Эти статьи меня очень бы заинтересовали. Схваченъ я не потому, что есть статья такая или другая въ Сводѣ Законовъ, но что есть на меня обвиненіе, подходящее подъ статьи. Обвиненіе на меня не могло само собою составиться..., но есть сочинитель, есть допущикъ, допущикъ открытый. Потому что есть статьи — по безыменнымъ доносамъ слѣдствія не дѣлать и вѣры не давать. Отчего это не прочтенъ формальный доносъ, гдѣ должны быть обозначены всѣ обстоятельства, могущія служить его подтвержденіемъ... *Отчего я не обвиняюсь еще въ чемъ-нибудь, напр., въ браніи большихъ денегъ съ богатыхъ скопцовъ* ²⁾ и т. п. Сверхъ того, мнѣ слѣдовало дать формально копію доноса за надлежащимъ засвидѣтельствомъ...

«Зная беззащитность положенія обвиненнаго въ Россіи, всю важность первоначальнаго слѣдствія и важность для обвиненнаго знанія образа самаго

¹⁾ Петрашевскій, вѣроятно, имѣлъ при этомъ въ виду извѣстнаго чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Ив. Петр. Липранди. Ср. о немъ въ «Позднихъ воспоминаніяхъ о давно минувшихъ временахъ» *«А. Д. Шуматера»*. «Вѣстн. Евр.» 1899 г., № 3, стр. 123—125. О донесеніяхъ о Петрашевскомъ представляемыхъ Липранди илептомъ Антонелли, см. въ V главѣ этой статьи («Голосъ Минувшаго» 1913 г. № 6).

²⁾ Курсивъ подлинника. Извѣстный намекъ на Липранди.

судопроизводства и тѣхъ гарантій, которыя ему даетъ законодательство, какъ, напримѣръ, отводъ судей, слѣдователей, свидѣтелей по подозрѣнiю. обратился я, не надѣясь на вѣрность моей памяти, съ просьбой къ комиссiи, чтобъ она мнѣ, прежде нежели предложить вопросы, дала бы посмотрѣть I. т. Св. Зак. и Угол. Судопроизводство. Какъ кажется, желанiя, просьбы, лучше сказать, требованiя обвиненнаго узнать» заранѣе, какъ «съ нимъ должны поступать слѣдователи, ничего не можетъ быть законнѣе... Производитель отказывается, — значить разрушаетъ равенство лица, предписанное закономъ предъ лицомъ закона. Въ такомъ отказѣ г. слѣдователя, объявившаго себя знающимъ 30 лѣтъ законы, само себѣ обнаруживаетъ нарушенiе основного закона, а именно: отнятiе возможности у человѣка, незнающаго законы, быть во время суда и предъ судомъ равнымъ съ человѣкомъ, знающимъ законы... Дѣйствiе это есть нравственное насилiе, отказъ въ справедливости...

«Припомните еще эти слова: «Стоитъ только посмотрѣть на него», — желая внушить этимъ, что я не стою вашего благосклоннаго вниманiя. Не знаю, что г., сказавшiй эти слова, усмотрѣлъ на моемъ лицѣ, — быть-можетъ, улыбку нѣкотораго презрѣнiя, обычную мнѣ съ дѣтства, невыносимую для всего недостойнаго. Какъ объяснить нѣкоторое смущенiе, которое выразилось въ движенiи и даже выраженiи лица г. штатскаго слѣдователя, когда я сказалъ положительно: «Высочайшее повелѣнiе объ арестованiи вовсе не уничтожило предшествующихъ законовъ, въ немъ не говорится объ отмѣнѣ всѣхъ прежнихъ постановленiй, какъ, напримѣръ, объ отводѣ». Какъ объяснить еще слова г. слѣдователя штатскаго по отказѣ на мою просьбу поглядѣть законы, когда я просилъ позволенiя мнѣ сдѣлать нѣсколько объясненiй? «Вы должны говорить то, что велитъ комиссiя». Наконецъ ту запальчивость, съ которой мнѣ были объявлены оптомъ, скороговоркою, «что вы обвиняетесь въ порицанiи правительственныхъ лицъ, въ направленiи вашихъ собранiй, у васъ говорено было объ освобожденiи крестьянъ, объ ягугу, не вамъ бы объ этомъ разсуждать»: — Не знаю, кто изъ насъ имѣетъ болѣе права разсуждать, мнѣ кажется, всякiй, скорѣе тотъ, у кого ума больше. Знаю только то положительно, что при ягугу такимъ образомъ не предлагались бы вопросы, и было бы меньше тѣхъ злоупотребленiй, отъ которыхъ богатѣе скоро можно. Если ему было благоугодно назвать мое требованiе предъявленiя доказательства адвокатской уверткой, какъ назвать рядъ его поступковъ... неужели административной мудростью или заранѣе принятой системой застрашиванiя, сбитiя съ толку и пытанiя, чтенiя скороговоркою, наконецъ явное желанiе избѣгнуть всякаго объясненiя... Все это заставляли предполагать, что и съ прочими обвиненными такъ же было поступлено, почему считаю долгомъ объявить на г. штатскаго слѣдователя свое подозрѣнiе и просить васъ, прочiе гг. слѣдователи, объ его отводѣ».

Такъ прежде всего, вмѣсто защиты, Петрашевскiй являлся самъ обвинителемъ согласно плану, который онъ совѣтовалъ принять и своимъ товарищамъ по заключенiю. Нѣсколько далѣе онъ останавливается на томъ, какое преувеличенное значенiе было придано обѣду «въ честь Фурье».

«Ужели обѣдъ есть то ужасное обстоятельство, тотъ явный уличительный фактъ умысла на бунтъ, которое заставило испрашивать Высочайшаго повелѣнiя, чтобъ сдѣлать насъ арестантами. 13 человѣкъ обѣдаютъ сытно, — одинъ говоритъ о будущемъ счастии человечества, другой предлагаетъ тостъ знанiю дѣйствительности, — что же тутъ возмутительнаго? Если бы такъ это было то значить

есть люди, которыхъ дѣла черныя если бь вывести на свѣтъ, если бь дать полную гласность имъ — можно этимъ однимъ произвести народное волненіе и всеобщее возстаніе... Если въ такомъ обществѣ видѣть что-нибудь злоумышленное, тогда нельзя позвать на именины пріятелей къ себѣ, обѣдать съ ними, пить за здоровье Степаниды Петровны, Петра Карповича, разсуждать даже и о погодѣ. Лучше ль дѣлать, какъ водится съ нѣкоторыми молодыми людьми знатныхъ фамилій, — для изъявленія ненависти къ нѣмцамъ — обпиваться сивухою и кататься по полу одиноко пьянымъ мертвецки или въ компаніи... Послѣ этого остается прервать всѣ общественныя связи, каждому жить особнякомъ, — разрушить всѣ труды тысячелѣтій, — жить въ норѣ, какъ кроту подъ землею! Я думаю этого не желаетъ правительство, да и не могло желать».

Затѣмъ Петрашевскій объясняетъ, какъ, по его мнѣнію, должно было дѣйствовать: нужно было призвать его или кого-либо другого изъ арестованныхъ, доставить тѣ книги, какія онъ признаетъ нужными «для отчетливаго изложенія доктрины» и попросить высказать и его собственное мнѣніе о ней; можно было бы сдѣлать это и не съ однимъ, а съ нѣсколькими. (Этимъ совѣтомъ Петрашевскаго комиссія отчасти воспользовалась, и по ея требованію Петрашевскій, Н. Я. Данилевскій и Ястржембскій написали изложеніе ученія Фурье, но, конечно, имъ не дали необходимыхъ для этого пособій). Затѣмъ, продолжая Петрашевскій, «если вы своему сужденію вѣры не имѣете», то предложили бы составить комитетъ изъ ученыхъ и образованныхъ людей «для обсужденія системы», а съ приверженцевъ пригласить въ комитетъ для дачи объясненій. «Не уголовному слѣдствию подлежать это дѣло должно, а ученому разсмотрѣнію — ученыхъ, не отставшихъ отъ вѣка», но, конечно, «проще назвать *философію духа общественнаго* — ересью» и получить Высочайшее повелѣніе, чтобы такимъ образомъ «въ глазахъ незнающихъ законовъ поставить себя вѣш: всякаго закона... Такія дѣла, часто повторенныя, къ добру не ведутъ». Петрашевскій напоминаетъ, «къ чему повело *abus de lettres de cachets* во Франціи» и то, что народъ уже почти совершенно потерялъ довѣріе къ администраціи и судамъ. «Если это совершится въ столицѣ..., съ людьми не послѣдними въ обществѣ», то «что же дѣлается во всѣхъ концахъ... обширнаго царства... является ненависть». Нападать на идеи «значить уничтожать цвѣтъ и силу общественности». Петрашевскій допускаетъ преслѣдованіе только насилія, а не идей и стремленія къ ихъ примѣненію мирнымъ путемъ. Онъ вновь напоминаетъ слова государя въ манифестѣ¹⁾ 1848 г. по поводу западныхъ событій, что

¹⁾ Т.-е. въ объясненіи манифеста, напечатанномъ въ *Journal de st. Pétersbourg* и переведенномъ въ русскихъ газетахъ, при чемъ Петрашевскій по памяти неточно цитируетъ это объясненіе.

онъ «не врагъ мирнаго общественнаго развитія» и просить передать императору Николаю его предложеніе: вмѣсто судебнаго изслѣдованія назначить ученую комиссію.

«Я и товарищи моего заключенія—тѣ, кто мнѣ знакомъ»,—говоритъ Петрашевскій, «мы не фанатики, не изувѣры, не еретики. Мы люди убѣжденные въ истинѣ и полезности многого въ системѣ Фурье, мы—философы, намъ дороже всего истина. Если мнѣ, едва ли не главному, старѣйшему пропагатору фурьеристскихъ идей, еще 28 лѣтъ, всѣ моложе меня и по лѣтамъ, и по времени ознакомленія съ этой системой,—мы не злодѣи закоренѣлые, не враги общественнаго спокойствія, друзья мирнаго развитія; если есть что-нибудь ошибочнаго въ нашихъ понятіяхъ и невѣрнаго,—покажите истину, мы всѣ отступимся, но пока позвольте намъ остаться (тѣмъ), чѣмъ мы есть.

«Пусть нарядится ученая комиссія, не изъ людей, въ которыхъ всѣ знанія выдохлись, въ которыхъ головѣ видѣнъ вывѣтрившійся скелетъ допотопной науки,—нѣтъ, не изъ этихъ людей, сѣвшихъ книжную мудрость себѣ на пугубу, больныхъ отъ того невареніемъ въ мозгу, но тѣхъ, кого общій голосъ и довѣріе именуетъ достойными представителями науки, изъ профессоровъ университета, академій, людей образованныхъ отъ разныхъ министерствъ.—Пусть сама комиссія себѣ изберетъ предсѣдателя. Но дайте же и намъ на это нѣсколько времени, чтобъ приготовиться..., дайте намъ собраться съ силами, пусть она соберется черезъ три или четыре мѣсяца. Если считаете насъ вредными, держите до тѣхъ поръ взаперти, но отдайте книги, совѣщаться между собою дозвольте, тоже составить комитетъ для защиты нашего убѣжденія. Дайте этимъ средство доказать, что мысль моя стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ не было подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое бы могло опалить наши крылья ¹⁾. Чтобъ доказать это друзья мои истинные и истинно-убѣжденные добровольно на такомъ основаніи пойдутъ въ любое заключеніе. Не мы дерзновенно принимали на себя это великое mission. Духъ вѣка намъ громко говорилъ во всемъ это. Чѣмъ виновны мы, что другіе ранѣе насъ не услышали».

Затѣмъ Петрашевскій просилъ слѣдователей передать государю, что «Россіи нужно, весьма нужно введеніе адвокатовъ и суда присяжныхъ. Въ теченіе моего настоящаго заключенія я эти вопросы обдумалъ совершенно и придумалъ способы ихъ введенія безъ измѣненій коренныхъ въ судоустройство, сохраняя всѣ отношенія между сословіями въ томъ видѣ, какъ они до сихъ поръ существо-

¹⁾ Позднѣе Петрашевскій объяснилъ, что подъ этими словами онъ «понималъ то вліяніе, которое производятъ писатели талантливые на то общество или народъ, на языкъ котораго пишутъ; такъ, напримѣръ, въ этомъ смыслѣ говорится: „Вольтеръ былъ во главѣ движенія прошедшаго вѣка“.

вали, и недѣли черезъ четыре могу представить ихъ совершенно обработанными». Онъ просилъ также донести государю, что желаетъ сообщить ему лично или наслѣднику престола, или велик. кн. Константину Николаевичу четыре предложенія, изъ которыхъ осуществленіе одного даетъ не менѣе 50 милліоновъ, «а три другія и за деньги нельзя купить».

Петрашевскій рѣшительно отрицалъ обвиненіе въ умыслѣ на бунтъ:

«Ключокъ бумаги, приведенный въ улику, есть введеніе въ проектъ объ освобожденіи крестьянъ (въ?) общій очеркъ всѣхъ реформъ, всего, что можетъ имѣть вліяніе на развитіе общества. Признаюсь въ большемъ: я желалъ полной и совершенной реформы быта общественнаго, фаланстеръ считалъ ключомъ, пробнымъ камнемъ таковой реформы. Да, я желалъ..., чтобъ и другіе раздѣляли мою увѣренность,—если хотите дѣтскую, утопистскую, никогда не злую, всегда добрую,—что придетъ пора, когда для счастливаго человѣчества слова: нищета, страданіе, горестъ, принужденіе, наказаніе, несправедливость, порокъ и преступленіе утратятъ свое удручительное значеніе, и что будутъ лишь, подобно остовамъ допотопныхъ временъ, напоминовеніемъ о предшествовавшихъ эпохахъ бѣдствія и общественнаго нестройства. Все въ обществѣ и природѣ перейдетъ въ стройную гармонію: труда тяжкаго, удручительнаго не будетъ, всякій актъ жизни человѣческой будетъ актомъ наслажденія, и что эпоха всеобщаго блаженства настанетъ!.. вотъ мое признаніе, котораго вы не спрашивали. Оно выше разрядовъ о наказаніяхъ за ересь и политическое преступленіе. За это, признаю, я стою быть сожженнымъ живымъ на медленномъ огнѣ! и это перенесу я спокойно. Участниковъ и сообщниковъ не имѣлъ, но эту формулу признанія подпишутъ всѣ фурьеристы... Если пламенное желаніе добра, не знавшее предѣловъ, кромѣ общаго блага всѣхъ и каждого, если страстное влеченіе все знать, все взвѣсить своимъ умомъ есть преступленіе, то... чѣмъ тяжче присужденное вами—или кто будетъ судить, если только есть кого въ чемъ судить,—(наказаніе), тѣмъ почту себя счастливѣе... Но знайте,—развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ среди тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ,—упадетъ капля крови моей на землю... вырастетъ зорюшка... мальчикъ сдѣластъ дудочку... дудочка заиграетъ, придетъ дѣвушка..., и повторится та же исторія только въ другомъ видѣ. Законъ судьбы или необходимости вѣченъ... Но тогда вѣроятно ни васъ, ни меня не будетъ...»

«И много иного, дотоль не былого на свѣтъ изъ тьмы тогда изойдетъ. Страшитесь люди,—туча идетъ.

«Слышите ли тамъ вдали похоронный звонъ. Это хоронятъ на Руси послѣднюю правду, послѣднее доброе дѣло. Упылыя лица, расходятся люди, и мгла падаетъ на землю.

«Геній человѣчества запишетъ имена всѣхъ, соприкосновенныхъ къ этому дѣлу, и ваши, и наши, передастъ потомству. Мы не Галилеи, но въ положеніи подобномъ».

27 мая Петрашевскій былъ призванъ въ слѣдственную комиссію, и отъ него потребовали, чтобъ онъ объяснилъ свою просьбу лично представить государю четыре предложенія, но онъ просилъ отложить это впредь до того, какъ онъ вновь заявитъ о своемъ желаніи. Однако уже на слѣдующій день онъ излагаетъ въ особой запискѣ то, что хотѣлъ предложить государю, пояснивъ, что предпочитаетъ сдѣлать это не словесно, предъ слѣдственною комиссіей, а письменно.

Онъ предложилъ, во-первыхъ, разрѣшить куреніе «сигарокъ» на улицѣ въ городахъ: въ Европѣ вездѣ курятъ. Петрашевскій увѣрялъ, что это разрѣшеніе увеличитъ государственный доходъ съ табачной промышленности не менѣе, чѣмъ на 2 милліона ассигн. безъ всякаго обложенія табака высшею податью, что равняется капиталу въ 50 милліоновъ руб. ассигн., если капитализировать изъ 4% эту прибавку къ доходу, и подтверждаетъ свой расчетъ довольно проблематическими вычисленіями. Если же разрѣшить куреніе на желѣзныхъ дорогахъ, въ особыхъ вагонахъ, то доходъ будетъ еще болѣе. Уничтоженіе штрафа за куреніе («кажется въ 50 коп. с.») доставитъ много удовольствія жителямъ. Было, конечно, наивно придавать такое значеніе этому совѣту, нужно, однако, помнить, что разрѣшеніе курить на улицахъ было дано лишь въ царствованіе императора Александра II.

Важнѣе второе предложеніе Петрашевскаго. «Преслѣдованіе»,—говоритъ онъ,—порождаетъ неудовольствіе, постоянное гоненіе, ненависть и фанатизмъ. Это ходъ естественный дѣлъ. Въ этомъ положеніи находятся у насъ старообрядцы и раскольники, число ихъ увеличивается, хотя по официальнымъ донесеніямъ и показывается число вновь обратившихся раскольниковъ. Вмѣсто одного притворнаго обратившагося является десять тайныхъ. Что они любви не питаютъ къ остальному русскому обществу,—или лучше сказать и всѣмъ учрежденіямъ настоящимъ быта общественнаго, въ этомъ можетъ служить удостовѣреніемъ болѣе нежели столѣтнее ихъ преслѣдованіе, лишенія права быть свидѣтелями и т. п. Вотъ элементъ, всегда готовый въ русскомъ обществѣ для ужасной *jasquerie* ¹⁾, Пугачевскій бунтъ одно изъ его проявленій. Старобрядчество, раскольниковство и рабство—вотъ его производители, а не Яицкій казакъ» (Пугачевъ). «Пушкинъ этого не замѣтилъ. Во времена Екатерины II (бунтъ) едва былъ унять,—теперь времена другія: дѣла галиційскія въ Торнѣ указываютъ, чего ждать должно ²⁾.

¹⁾ Жакерія—кровавыя возмущенія французскихъ крестьянъ въ XIV в.

²⁾ Петрашевскій, вѣроятно, имѣетъ въ виду избіеніе крестьянами польскихъ повстанцевъ въ 1846 г. въ Тарновскомъ округѣ Галиціи.. и злѣмъ

Чтобъ этого не было, 7 милліоновъ, если не болѣе, устраненныхъ изъ сферы быта общественнаго, пусть войдутъ въ него и съ прочимъ народомъ сольются».

Петрашевскій предлагаетъ взаимнѣ духовныхъ академій учредить при университетахъ богословскіе факультеты, гдѣ «должны преподаваться всѣ вѣры», и «раскольники и старообрядцы», получивъ ученую степень по этому факультету, могутъ быть приват-доцентами, получая не жалованье отъ государства, а гонораръ или «добровольное даваніе» отъ своихъ единовѣрцевъ. Эта мѣра окажетъ благотворное вліяніе и на православное духовенство, которое оставитъ тогда «множество предразсудковъ». Петрашевскій замѣчаетъ, что предположенное имъ прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ не противорѣчитъ Евангелію, такъ какъ оно нигдѣ «не повѣдуетъ гоненія».

Третья мѣра, имъ предложенная, состояла во введеніи адвокатуры и суда присяжныхъ: «Злоупотребленія судебныя и административныя велики,—это извѣстно всякому, такъ что въ устахъ народа стало значить слово чиновникъ почти то же, что мошенникъ или грабитель, официально признанный воръ, какъ, напримѣръ, это нѣкогда было въ Египтѣ. Неудовольствіе общее противъ судовъ и администраціи».

Четвертое предложеніе Петрашевскаго относилось къ мѣрамъ внѣшней политики. Съ Петра I Россія воспользовалась и пользуется «плодами европейской жизни»,—«теперь на ней лежитъ священная обязанность протянуть волнуемую Европѣ дружески руку помощи». Вотъ какъ это нетрудно сдѣлать. По словамъ Петрашевскаго, за нѣсколько дней до его ареста, онъ читалъ въ газетахъ рѣчь «главы фурьеристовъ во Франціи», Консидерана, произнесенную имъ въ Національномъ Собраніи. Онъ, между прочимъ, «разбиралъ положеніе общества», и утверждалъ, что «оно находится въ волненіи, всѣ страсти» возбуждены, а имъ нѣтъ соовѣтственнаго удовлетворенія,—вражда бѣднаго противу богатаго обнаруживается во всей силѣ... Чтобы устранить это, чтобы... не дошло до войны, нужно показать на дѣлѣ, что можно соединить тѣсно и неразрывно ихъ интересы между собою». Лучшимъ способомъ для этого было бы устройство близъ Парижа фаланстера. Съ этою цѣлью Консидеранъ просилъ національное собраніе отвести одну квадратную милю земли въ какомъ-то лѣсу около Парижа и еще дать заимообразно нѣсколько милліоновъ франковъ для производства необходимыхъ построекъ ¹⁾. «Но палата, составленная по большей

рѣзко шляхты См. Limancowski. Historia demokracji polskiej w epoce rozbiorowej. Zurich, 1901, стр. 328—329.

¹⁾ Въ засѣданіи Національнаго Собранія 14 апрѣля 1849 г. Консидеранъ предложилъ, чтобы государство уступило школь Фурье участки отъ 12 до 1.600 гектаровъ, на которыхъ она обязуется построить на свои средства фа-

части изъ *républicains de la veille*» (давнихъ республиканцевъ), людей не слишкомъ многомудрыхъ, оставшихся вѣрными преданіямъ первой республики, или (изъ) такъ называемыхъ *républicains du lendemain, des gros bourgeois*, — qui ne pensent, какъ говорить Fourier, qu'à la prospérité de leur commerce (республиканцевъ завтрашняго дня, крупныхъ буржуа, которые думаютъ только о процвѣтаніи своей торговли) и во всемъ новомъ видятъ убыль ихъ барыша,—отвергнула это предложеніе. «Петрашевскій совѣтовалъ дать изъ имѣющихся у насъ французскихъ фондовъ 2 милліона рублей на устройство фаланстера близъ Парижа на тѣхъ же основаніяхъ, какъ предлагалъ Консидеранъ, т.-е. «подъ залогъ земли, строеній и съ платежомъ на капиталъ» процентовъ. По мнѣнію Петрашевскаго, эта мѣра могла бы лучше другихъ послужить къ успокоенію волненій въ Европѣ: «она должна всѣхъ заставить ожидать результата такого опыта для блага цѣлаго человѣчества», чтобы оно мирно пережило «нашу грозную эпоху». Опытъ этотъ можно было бы произвести и у насъ, но онъ не будетъ «имѣть той міровой извѣстности, какъ во Франціи»; къ тому же у насъ нѣтъ теперь годныхъ для этого людей; нужно считаться и съ предразсудками, и съ народнымъ невѣжествомъ. «Предразсудки—это хроническая болѣзнь народнаго духа», а «насиліе и въ добромъ дѣлѣ не годится». Видимо, Петрашевскій былъ умудренъ неудачнымъ опытомъ относительно своихъ крестьянъ, и потому полагалъ, «что лучше уму-разуму учиться изъ чужого опыта. Во всякомъ случаѣ,—удастся-ль или не удастся опытъ во Франціи» (Петрашевскій оговаривается, что, какъ фурьеристъ, онъ твердо убѣжденъ въ удачѣ), «мѣра эта, или, лучше сказать, заемъ, при соответственномъ... манифестѣ долженъ имѣть весьма благотворное вліяніе» въ политическомъ отношеніи. Онъ убѣжденъ, что тогда исторія дастъ имп. Николаю прозваніе великаго и поставитъ его выше Петра I за то, что онъ пожелалъ сдѣлать добро безъ насилія не только для своего народа, но и для всего человѣчества. Впрочемъ, Петрашевскій едва ли питалъ какую-либо надежду на осуществленіе своихъ предложеній; это видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ его записки: «Что считалъ должнымъ сдѣлать, сдѣлалъ; но покуда я еще арестантъ, и мои товарищи тоже. Покуда у меня предъ глазами все еще носится картина, вамъ извѣстная. Слышите ли вы вдали звукъ похороннаго колокола и т. д.».

20 мая слѣдственная коммиссія получила изъ коммиссіи кн. Голицына, занимавшейся разборомъ бумагъ арестованныхъ, нѣкоторые важные документы, найденные въ бумагахъ Спѣшнева, и въ

ланстеръ и организовать фалангу съ такимъ условіемъ, что если фурьеристы не соберутъ денегъ на осуществленіе этого предпріятія, то земля будетъ у нихъ отобрана. Предложеніе это было отвергнуто безъ обсужденія. *Coignet. Coignet Victor Considérant, sa vie, son oeuvre. P. 1893, p. 47.*

томъ числѣ «проектъ обязательной подписки» (см. выше) ¹⁾ и письма къ нему Тимковского изъ Ревеля. Комиссія не повѣрила его объясненіямъ, что это проектъ, давно имъ забытый и никому не показанный и, какъ мы знаемъ, возбудила вопросъ о наложеніи оковъ на Спѣшнева. Въ дневникѣ Филиппова, полученномъ въ слѣдующемъ засѣданіи комиссіи, 21 мая, найдена была отмѣтка о какомъ то обществѣ, составленномъ нѣкоторыми лицами. Очевидно, Петрашевскому, когда онъ былъ призванъ въ слѣдственную комиссію, заданъ былъ вопросъ относительно подписки, найденной у Спѣшнева, потому что 28 мая онъ далъ такое письменное показаніе: «Относительно г. Спѣшнева сказать имѣю, что на него имѣла, какъ кажется, большое вліяніе за нѣсколько лѣтъ случившаяся смерть женщины, которую онъ любилъ страстно, почему у него и остался нѣкотораго рода *dépit de la vie*, и что самый проектъ, относящійся къ составленію русскаго тайнаго общества, есть одна изъ формъ, придуманныхъ имъ для самоубійства,—что весьма удовлетворяло его самолюбію. О русскомъ обществѣ или проектѣ о немъ ничего не зналъ и, вѣроятно, онъ относится къ весьма послѣднему времени, что подтверждается, сверхъ того, и его неокончаніемъ. Если сообразить сей актъ съ законами, то сіе будетъ единственно выраженіемъ помысленія объ умыслѣ бунта и наказанію никакому неподлежащему, какъ никакого вреда не произведему. Вотъ все, что могу сказать» ²⁾

28-мъ числомъ мая помѣчено очень многое, написанное Петрашевскимъ; видимо, допросъ 27 мая и открытіе подписки и другихъ документовъ, найденныхъ у Спѣшнева, очень потрясло Петрашевскаго. 27-го мая его, допрашивали и по поводу писемъ К. Тимковского къ Спѣшневу изъ Ревеля, найденныхъ въ бумагахъ Спѣшнева. «Подъ словомъ *солидарность*», говоритъ Петрашевскій въ своемъ показаніи, и надо разумѣть не что иное, какъ ту нравственную связь, которая существуетъ между людьми относительно нѣкоторыхъ или многихъ предметовъ», имѣющими «одинаковое мнѣніе, болѣе, *нравственное сочувствіе*... Считаю г. Тимковского фурьеристомъ совершеннымъ, какимъ онъ у меня показалъ себя на вечерѣ, съ весьма чувствительнымъ сердцемъ и очень талантливымъ». Такимъ образомъ, несмотря на то раздраженіе, какое возбудила въ Петрашевскомъ рѣчь у него Тимковского, онъ всячески старается его защитить и дѣлаетъ это вполне спокойно: очевидно, въ эту минуту нервы его были въ порядкѣ.

Въ особомъ заявленіи, подписанномъ тѣмъ же числомъ, 28 мая, Петрашевскій жалуется, что у него отобрали неподписанное имъ «полное объясненіе всѣхъ дѣйствій, даже намѣреній» ³⁾.

¹⁾ «Голосъ Минувшаго» 1813 г. № 8, стр. 85—86.

²⁾ На поляхъ написано карандашомъ: ...«Мнѣнія Петрашевскаго не требовали».

³⁾ Тутъ, на поляхъ отмѣчено карандашомъ: «Изъ показанія Петрашевскаго видно, что онъ другимъ совѣтовалъ имѣть копіи». Нѣсколько ниже, на томъ

Свое заявленіе Петрашевскій заканчивалъ просьбою «дозволить ему переписать и свести вмѣстѣ писанное» имъ «начерно» ¹⁾.

Далѣе слѣдуетъ довольно обширная записка Петрашевскаго подъ заглавіемъ: «Какъ слѣдуетъ поступать по этому дѣлу по моему мнѣнію?» Она написана (также 28 мая), видимо, въ возбужденномъ состояніи. Петрашевскій обращается въ началѣ ея къ самому себѣ: «Замолчи, сердце..., уму еще предстоитъ большая и тяжелая работа, безстрастность, спокойствіе, одинъ холодный процессъ мышленія». Но тутъ же онъ говоритъ очень непріятныя вещи слѣдователямъ: «Я вижу, что изъ обвиненія въ нравственномъ соучастіи выставляется кончикъ уха проклятаго Ришелье» ²⁾.. Что значитъ... нравственное соучастіе; это, собственно говоря, есть участіе желаніемъ,—это хуже словъ Ришелье и словъ Л. В. Дубельта... «C'est de la vieille politique», (это старая политика), «оставьте ее». Задавъ вопросъ, «что такое политическое преступленіе», Петрашевскій отвѣчаетъ: «Это есть нарушеніе общей установленной формы общественныхъ отношеній». Установивъ положеніе, что «въ природѣ разнообразіе и многосторонность потребностей служитъ началомъ для распредѣленія всѣхъ существъ по іерархіи ихъ совершенства», Петрашевскій говоритъ: «Тѣ люди, которые являются, такъ называемыми политическими преступниками,—люди недюжинные, но имѣвшіе многостороннія и разнообразныя потребности, стоящіе выше посредственности. Люди, «которые по этому самому», при болѣе благопріятныхъ «для нихъ условіяхъ», могли бы «быть весьма полезными членами общества... Явленіе политическихъ преступленій показываетъ не на частную болѣзнь организма общественнаго, но на общую..., на то, что есть въ обществѣ потребность» неотложная въ какой-либо общей реформѣ.—«Что же выражаетъ такъ называемый *procès de tendances*?.. Преслѣдованіе и казнь не за дѣяніе совершенное, но за мысль и желаніе такой перемѣны». Законъ физики, что «сила расширенія и давленія другъ другу обратно пропорціональны, объясняетъ неожиданность и силу общественныхъ переворотовъ. Давленіе невелико, кажется, было во Франціи—запрещеніе *banquet réformiste* ³⁾, но взрывъ великъ. Кто знаетъ хорошо... отношеніе этихъ двухъ силъ, тотъ, какъ хорошій механикъ, можетъ всегда довольно вѣрно опредѣ-

же заявленіи Петрашевскаго, написано: «Бумаги отъ него отобранныя, были черновыя, а переписанныя имъ были представлены въ комиссію прежде и въ оной оставались. Онѣ были окончены имъ до представленія, слѣдовательно, разсужденіе его не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ».

¹⁾ Тутъ на поляхъ такая отмѣтка: «Ему дана была бумага и предоставлено было писать оправданіе».

²⁾ Въ подлинникѣ эта фраза написана по-французски.

³⁾ Запрещеніе банкета 22 февр. 1848 г. въ Парижѣ, который предположено было устроить для требованія реформы избирательнаго права; это запрещеніе вызвало февральскую революцію.

лить время и силу взрыва... Procès de tendances стѣсняють нравственную свободу и надежду. законными способами достигнуть желаемого и ведутъ къ мысли о насиліи. Вы сдавите силу общественную, требующую развитія,—она спустится ниже, пойдетъ въ тайныя общества, гдѣ будетъ прямо желаніе возстанія». Петрашевскій рекомендуетъ слѣдователямъ величайшее безпристрастіе и замѣчаетъ, что необходимость его еще увеличивается «самымъ предметомъ, который разсматривается какъ преступленіе,—именно мысль въ ея внѣшнемъ обнаруженіи, въ формѣ живого слова или письма. Тутъ интерпретація произвольная гибельна. Для незначительнаго человѣка нѣтъ ничего мудренаго, можетъ быть, un petit abus de mots» (маленькое злоупотребленіе словами),—«слово превратно понятое и худо истолкованное,—причиною, что его посадятъ въ крѣпость и съ нимъ случится большее: когда d'un abus de mots происходили перевороты государственные ¹⁾. Ордонансы Карла X, которые были только злоупотребленіемъ словами, привели его къ изгнанію.—Крики: «да здравствуетъ республика» были во Франціи 24 февраля только легкомысліемъ ²⁾: большинство желало избирательной реформы, а посредствомъ маленькаго злоупотребленія словами явилась республика ³⁾».

Петрашевскій укоряетъ слѣдователей въ томъ, что они, найдя въ бумагахъ Спѣшнева проектъ обязательной подписки, «съ невольнымъ чувствомъ радости, весьма, впрочемъ, низкимъ и неблагороднымъ» бросили ему, Петрашевскому, «обвиненіе въ томъ, что проектъ, написанный Спѣшневымъ, есть результатъ» его «нравственнаго вліянія». Петрашевскій признается, что это обвиненіе имѣло на него такое вліяніе, что онъ «чуть не очернилъ г. Спѣшнева и не наклепалъ на г. Тимковскаго», и бросаетъ слѣдователямъ обвиненіе въ провокаціи. «На такомъ основаніи очеркъ проекта объ освобожденіи крестьянъ или обзоръ всѣхъ мѣръ, могущихъ имѣть вліяніе на общественное развитіе, сталъ доказательствомъ умысла бунта».

Утверждая, что «ходъ процесса не имѣлъ до сихъ поръ надлежащей правильности», Петрашевскій настаивалъ, чтобы обвиненнымъ дана была возможность наводить справки въ законахъ, въ той комнатѣ, гдѣ «арестанты» ожидаютъ, пока ихъ не позовутъ въ комиссію, и чтобы ихъ приводили туда для этого за часъ до вопроса. Затѣмъ Петрашевскій проситъ у слѣдователей «маленькой льготы..., того, чего нѣтъ въ законахъ», а именно, онъ хочетъ быть «настоящимъ адвокатомъ» своихъ «друзей», которые «до заключенія были

¹⁾ Далѣе нѣсколько строкъ почти цѣликомъ по-французски; привожу ихъ по-русски, принимая во вниманіе варіантъ въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ Варіантъ: злоупотребленіемъ словъ.

³⁾ Это мѣсто написано на особомъ листѣ и тамъ зачеркнуто, а на поляхъ сдѣлана надпись карандашомъ «дерзко».

только» его «знакомыми: этотъ долгъ возложило» ихъ тюремное заключеніе на него, «какъ на невольную причину ихъ несчастія, или, лучше сказать, непріятности». «Прошу дозволить,—продолжаетъ Петрашевскій,—этимъ доказать, что если у меня было, какъ они говорили, черствое сердце—или, лучше сказать, его вовсе не было, пусть они узнаютъ, что подъ гнетомъ тяжкаго обвиненія, я ихъ не забылъ..., что я былъ пламеннымъ и страстнымъ другомъ, но я только былъ вѣренъ началамъ, не разъ мною имъ объявленнымъ. «Fait ce que doit, advient ce qu'il pouirat» (дѣлай, что должно, что бы изъ этого не вышло) «или que les colonies perissent, mais pas le principe» (пусть лучше погибнуть колоніи, но торжествуетъ принципъ) ¹⁾.

«Если это будетъ исполнено, въ первый разъ въ жизни проникнуть чувствомъ истиннаго уваженія къ вамъ, гг. слѣдователи, не предстану предъ васъ съ тѣмъ гордымъ видомъ, съ какимъ явился въ первый разъ... и скажу съ удивленіемъ: и у насъ въ Россіи можно говорить Истину, и ее понимаютъ хорошо люди, высоко стоящіе». Петрашевскій желаетъ наказанія донощика, но готовъ даже простить его, если къ такому преступленію, какъ доносъ, его побудила нищета, «но приниматель доноса» не долженъ остаться безнаказаннымъ.

Слѣдователи довели до свѣдѣнія Петрашевскаго, вѣроятно, чтобъ раздражить его противъ товарищей, неблагопріятные отзывы нѣкоторыхъ изъ нихъ: Такъ, Момбелли въ своемъ показаніи (8 мая), описывая вечеръ Петрашевскаго, говоритъ: «Съ самимъ хозяиномъ, мнѣ казалось, никто не былъ особенно коротко знакомъ, напротивъ, по моему замѣчанію, всѣ съ нимъ были на вѣжливостяхъ, на учтивостяхъ; это меня такъ удивило, что я... спросилъ кого-то..., мнѣ отвѣтили, что у него сердце холодное, что онъ человекъ съ умомъ, но безъ чувствъ, холодный, и что весь занятъ своими вѣчными процессами». Первое показаніе Д. Д. Ахшарумова о Петрашевскомъ (30 апрѣля) было написано въ очень хорошемъ тонѣ ²⁾, но скоро Ахшарумовъ въ своемъ показаніи (19 мая) сталъ винить во всемъ Петрашевскаго, и писалъ о немъ такъ: «Петрашевскій человекъ самолюбивый, гордый, и онъ не былъ любимъ, какъ кажется, никѣмъ, по крайней мѣрѣ, навѣрное никѣмъ изъ тѣхъ, которые присутствовали на обѣдѣ въ день рожденія Фурье». Далѣе онъ упоминаетъ о «непріятномъ обращеніи» Петрашевскаго, его «хлопотливомъ характерѣ», «желаніи быть вездѣ, но, однако, признаетъ, что его «уважали всѣ». Григорьевъ сообщилъ въ своемъ показаніи слова Дурова, сказанныя ему и Момбелли, что Петра-

¹⁾ Эти слова были сказаны въ защиту освобожденія негровъ.

²⁾ Оно приведено въ моей статьѣ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. № 6; стр. 68.

шевскій «человѣкъ безъ сердца». Самъ Григорьевъ въ этомъ показаніи называлъ даже Петрашевскаго «учителемъ и развратителемъ» своихъ гостей. Эти отзывы людей, которыхъ онъ считалъ своими единомышленниками, очевидно, умышленно преподнесенные ему слѣдователями, которыхъ онъ укорялъ въ инквизиторскихъ приемахъ ¹⁾, не могли не содѣйствовать его нервному разстройству. Напротивъ, хорошіе отзывы о немъ Баласогло (въ показаніи 14 мая) скрыли отъ Петрашевскаго, какъ видно изъ того, что ему не было извѣстно объ арестѣ Баласогло. Упреки Петрашевскому въ холодности сердца объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что его знакомые, принадлежавшіе въ огромномъ большинствѣ къ числу людей нуждающихся, считая Петрашевскаго богатымъ человѣкомъ, обращались къ нему иной разъ съ просьбою о денежной ссудѣ, а между тѣмъ семейное имущество Петрашевскихъ не было раздѣлено, и ему самому приходилось нуждаться въ деньгахъ, а потому случалось и отказывать въ просьбахъ. Что могъ, онъ дѣлалъ: мы видѣли, что нѣсколько молодыхъ людей жили у него на льготныхъ условіяхъ.

Слѣдующая затѣмъ записка Петрашевскаго, помѣченная также 28-мъ числомъ мая, начинается слѣдующими словами: «Вы спрашиваете меня, какой взглядъ я получилъ теперь на дѣло?» Въ слѣдственной комиссіи, конечно, не задали вопроса въ такой формѣ, по Петрашевскій утверждаетъ, что именно такъ былъ поставленъ вопросъ, и отвѣчаетъ на него: «Весьма неопредѣленный» (взглядъ) и замѣчаетъ далѣе, что «вопросы неопредѣленные есть пагуба для невиннаго, особенно въ *procès de tendance*», который онъ поясняетъ, какъ процессъ не по поводу «совершеннаго дѣла», но вслѣдствіе «предполагаемой возможности его совершить».

Слѣдующая затѣмъ записка Петрашевскаго: «Дополненіе къ отвѣтамъ, мною даннымъ, на вопросы: «какой взглядъ я получилъ на дѣло это и какъ желаю, чтобы по дѣлу этому поступлено было», была написана 30 мая. Въ этой формѣ вопросъ также не могъ быть заданъ Петрашевскому, и дѣйствительно, комиссія потомъ нашла, что онъ далъ «произвольный оборотъ» сказаннымъ ему словамъ. Онъ прежде всего требуетъ очной ставки со своимъ обвинителемъ, и тутъ же выражаетъ предположеніе, что слѣдователи вполне убѣдились въ невинности какъ его самого, такъ и его товарищей. Затѣмъ отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ «знакомыхъ» Петрашевскій начинаетъ «требовать по этому дѣлу себѣ и другимъ законнаго удовлетворенія и вознагражденія». Лживый доносъ онъ считаетъ и приносящимъ вредъ—«личнымъ оскорбленіемъ», и имущественнымъ ущербомъ. Онъ указываетъ на то, какъ пострадали

¹⁾ Герценъ также называетъ въ «Колоколѣ» кн. Гагарина инквизиторомъ въ дѣлѣ Петрашевскаго.

матеріально отъ тюремнаго заключенія тѣ, кто давалъ частныя уроки или занимался литературнымъ трудомъ. Онъ предлагаетъ искать вознагражденія «съ лживаго донощика», а если его имущество будетъ для этого недостаточно, то съ «участника его и принимателя лживаго доноса», и утверждаетъ, что послѣ формальнаго признанія ихъ невинными «слѣдуетъ немедленно наложить запрещеніе на имущество того и другого». Затѣмъ онъ пытается опредѣлить размѣръ убытковъ своихъ и своихъ товарищей. Разсказавъ о томъ, какія дѣла помѣшало ему исполнить заключеніе, которому онъ былъ подвергнутъ, онъ опредѣляетъ свой убытокъ «не менѣе двойного (годового) оклада жалованья, т.-е. въ тысячу рублей ¹⁾». Петрашевскій не находитъ возможнымъ оцѣнить на деньги нравственныя страданія и мученія семейныхъ людей, какъ, напримѣръ, Баласъ-Оглу («если онъ подвергся заключенію въ крѣпости», прибавляетъ Петрашевскій): у него «пятеро или семеро» дѣтей. Чтобы вознаградить такихъ людей «за нравственное безпокойство», нужно зачислить ихъ дѣтей кандидатами «въ приличное казенное заведеніе», буде родители сами этого пожелаютъ ²⁾. Относительно жившаго у Петрашевскаго Модерскаго, которому заключеніе помѣшало держать экзаменъ въ университетѣ, Петрашевскій просилъ дозволить ему экзаменоваться въ теченіе года.

Онъ обсуждаетъ и такой вопросъ: если бъ не хватило имущества донощика и принявшаго доносъ на удовлетвореніе потерпѣвшихъ, то должно ли ихъ вознаградить государство, и рѣшаетъ его отрицательно, полагая, что правительство можетъ оказать помощь только «крайне пострадавшимъ и болѣе другихъ потерпѣвшимъ», но отъ ихъ несправедливаго заключенія пострадало и общество, не пользовавшееся въ это время ихъ силами, ихъ дѣятельностью. Чтобы вознаградить общество, Петрашевскій предлагаетъ настолько же уменьшить срокъ наказанія осужденнымъ политическимъ преступникамъ, сколько времени содержались арестованные вмѣстѣ съ нимъ. Онъ доказываетъ еще, что Спѣшневу за найденную у него неоконченную обязательную подписку не долженъ подлежать никакому наказанію, такъ какъ «за мысли никто не судится и не наказывается», при чемъ рѣшительно отрицаетъ брошенное ему, Петра-

¹⁾ «Другіе же всѣ,—говоритъ Петрашевскій,—кромѣ удовлетворенія какъ за тяжкую обиду, служащіе—по жалованью, неслужащіе—по чину, неслужащіе и чина неимѣющіе, смотря по тому, къ какому сословію принадлежатъ,—должны получить соотвѣтственное по законамъ вознагражденіе. Литераторы, преподаватели и имѣвшіе какія-либо другія занятія—не менѣе той суммы, (даже болѣе)... каковую могли бы примѣрно заработать въ теченіе времени ихъ содержанія въ крѣпости».

²⁾ Дѣтей Баласогло, который, бывъ освобожденъ съ переводомъ на службу въ Олонецкую губ., по просьбѣ его жены, велѣно было опредѣлить въ Александровскій корпусъ.

шевскому, обвиненіе въ «provocation morale къ этому или въ complicité morale» и упоминаетъ, что «уважаетъ Спѣшнева за его сердце, талантливость и умъ, но не за его самолюбіе», и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующее наивное предложеніе относительно Спѣшнева: «Призовите его къ себѣ и скажите: «Вотъ вамъ законы,—присудите себѣ сами по нимъ и по совѣсти такое наказаніе, какое вы за это заслуживаете». Я бы на это такъ отвѣтилъ: хотя по законамъ я не могу быть подвергнутъ никакому наказанію, но на содержаніе мое настоящее» (въ заключеніи) «не питаю никакого неудовольствія, буде оно нынѣ же окончится, почему и считаю самымъ содержаніемъ довольно себя и справедливо наказаннымъ».

Ознакомившись съ этою запискою 31 мая, члены слѣдственной комиссіи пришли въ страшное негодованіе. Комиссія нашла, что «дерзость Петрашевскаго вышла изъ границъ, и что онъ въ присланномъ объясненіи, не касаясь существа дѣла и давъ произвольный оборотъ словамъ, говореннымъ ему для увѣщанія и для указанія всей важности выводимаго на него обвиненія, осмѣлился самъ себѣ отъ имени комиссіи постановить вопросы и, отвѣчавъ на нихъ, при заключеніи о своей невинности, требовать вознагражденія себѣ и прочимъ лицамъ, содержащимся въ заключеніи въ крѣпости и, исчисливъ оное, присовокупить разсужденіе насчетъ понятій и убѣжденія членовъ комиссіи». Комиссія тотчасъ же призвала Петрашевскаго въ свое засѣданіе и объявила ему «дерзость его объясненій» неумѣстна и «что, имѣя въ виду важность возводимыхъ на него обвиненій въ государственномъ преступленіи, она, давъ ему всевозможныя средства къ предварительному оказанію обстоятельствъ, могущихъ служить къ его извиненію и, убѣдившись, что онъ воспользовался ими только къ собственному его, Петрашевскаго, предосужденію, болѣе отъ него предварительныхъ объясненій принимать не будетъ и ограничится имѣющими быть ему сдѣланными въ надлежащее время формальными письменными вопросами».

В. Семеvскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса. ¹⁾

Глава I.—Причины раскола.

Расколъ въ Интернаціоналѣ вызванъ былъ разногласіями по вопросу о политической борьбѣ. Марксъ находилъ, что наивысшей продуктивности освободительное движеніе рабочаго класса достигнетъ только въ томъ случаѣ, если удастся создать синтезъ всѣхъ формъ пролетарской борьбы; съ этой точки зрѣнія политическое движеніе, направленное къ завоеванію организованной власти современнаго общества и къ использованию ея рабочимъ классомъ въ цѣляхъ социальнаго преобразованія, признавалось имъ необходимою составной частью классоваго рабочаго движенія. Эта мысль была уже высказана Марксомъ въ «Учредительномъ адресѣ» Интернаціонала, а въ уставъ Интернаціонала включенъ былъ знаменитый пунктъ 3-й, вызвавшій впослѣдствіи столько ожесточенныхъ споровъ и гласившій, «что экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство» ²⁾.

Въ отличіе отъ марксизма, представлявшаго идеологію развито-го пролетаріата крупной промышленности и пытавшагося выражать общіе интересы рабочаго движенія въ цѣломъ, бакунизмъ

¹⁾ Читатели, незнакомые съ предшествующею исторіею Интернаціонала, смятый очеркъ ея въ извѣстномъ сочиненіи *Н. И. Карьева* «Исторія западной Европы въ новое время», т. VI, ч. I, Саб. 1909 г., стр. 46—79, 161 и слѣд. *Ред.*

²⁾ Въ своей исторіи Интернаціонала Гильомъ старался доказать, что эти слова «какъ средство» были впослѣдствіи прибавлены марксистскою «кликой», совершившей такимъ образомъ «подлогъ». Характерно, что самъ Бакунинъ, цитируя этотъ пунктъ программы, приводитъ его какъ разъ со словами «какъ средство» (см. шестой томъ его сочиненій, издаваемыхъ подъ ред. того же Гильома, стр. 77, 93, 127), причемъ всѣ эти цитаты относятся къ 1871 г., т. е. къ разгару полемики между марксистами и анархистами. Никакія оговорки и примѣчанія Гильома не могутъ измѣнить этого факта. *Примѣчаніе автора.* Считаю не лишнимъ привести о сочиненіи Гильома «Интернаціоналъ документы и воспоминанія» отзывъ Эдуарда Бернштейна въ его интересной статьѣ о Марксѣ и Бакунинѣ: «Это произведено нѣсколько растянуто и многословно и часто теряется въ лишннихъ мелочахъ но оно за то богато матеріалами. Минувшіе годы 1908 г. № 10, стр. 16. *Ред.*

являлся идеологіей, въ которой смѣшаны были стихійные порывы обездоленнаго лумпенъ-пролетаріата и смутныя стремленія крестьянства отсталыхъ странъ, только начавшихъ вступать въ полосу капиталистическаго развитія. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что анархическіе взгляды Бакунина нашли, главнымъ образомъ, сторонниковъ въ Россіи, Италіи и Испаніи. Здѣсь они сохранились дольше всего. Соціалисты другихъ болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ, какъ Англія, Бельгія, Голландія, Франція и Швейцарія, если и примкнули къ бакунистамъ въ ихъ борьбѣ съ Генеральнымъ Совѣтомъ Интернаціонала, то они, какъ мы увидимъ, всегда подчеркивали свое несогласіе съ анархической тактикой бакунистовъ и скоро совершенно отъ нихъ отдѣлились.

Стремясь къ непосредственному разрушенію государства и всякаго властвованія, признавая всякій государственный элементъ непримиримымъ со свободой личности и пагубнымъ для трудящихся, бакунисты безусловно отвергали «всякое политическое дѣйствіе, не имѣющее непосредственной и прямой цѣлью торжество рабочаго класса надъ капиталомъ». Они стремились къ непосредственной соціальной революціи безъ промежуточнаго этапа политической организаци и политическаго воспитанія пролетаріата. Благодаря отсутствію всякаго опыта въ этомъ направленіи, имѣя въ виду лишь тогдашнія конкретныя условія — политическое безправіе массъ, съ одной стороны, и зависимость ихъ отъ буржуазныхъ партій, съ другой, — они совершенно не представляли себѣ ни возможности, ни необходимости самостоятельнаго политическаго выступленія рабочаго класса и организаци самостоятельныхъ политическихъ рабочихъ партій. Въ дѣлаемыхъ съ этой цѣлью попыткахъ они усматривали лишь стремленіе использовать социализмъ въ интересахъ буржуазной политики; социаль-демократическую тактику они признавали лишь сплошной цѣлью компромиссовъ, полезныхъ исключительно для буржуазіи и для буржуазнаго государства. Всякую политическую борьбу бакунисты оторжествляли съ избирательной борьбой, а послѣднюю мыслили не иначе, какъ въ видѣ ряда избирательныхъ сдѣлокъ съ буржуазными партіями. Они совершенно не понимали знаменитаго положенія Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и рѣшительно не въ состояніи были себѣ представить ни возможности, ни полезности политической партіи рабочаго класса, выступающей независимо отъ буржуазныхъ партій и противъ нихъ.

Что между двумя столь различными и прямо противоположными тенденціями неизбежно должна была вспыхнуть ожесточенная борьба, это совершенно естественно ¹⁾.

¹⁾ Подробно объ этой борьбѣ см. въ нашихъ статьяхъ «Политическая дѣятельность К. Маркса» и «Марксъ и анархисты» въ сборникѣ «Памяти Карла Маркса», Спб. 1908.

Лондонская конференція, состоявшаяся въ сентябрѣ 1871 г., должна была разрѣшить споръ между марксистами и бакунистами. Къ этому моменту вопросъ о политическихъ задачахъ пролетаріата стоялъ передъ Интернаціоналомъ уже не въ абстрактной формѣ общихъ пожеланій, а въ конкретной формѣ опредѣленныхъ директивъ и реальныхъ дѣйствій. Кровавый урокъ Коммуны выяснилъ и выдвинулъ на первый планъ историческую необходимость организациі рабочаго класса въ особую политическую партію, самостоятельно стремящуюся къ завоеванію политической власти въ интересахъ своего социальнаго освобожденія. Съ другой стороны, нѣмецкіе рабочіе къ концу '60-хъ годовъ организовались въ социаль-демократическую партію, въ программѣ которой намѣчались ближайшія задачи пролетаріата и въ частности всесторонняя демократизація общества и завоеваніе государственной власти въ интересахъ социальнаго преобразованія.

Резолюція Лондонской конференціи по политическому вопросу знаменуетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи и конкретизаціи практическихъ взглядовъ марксизма. Она повторяла тѣ мѣста изъ устава и «Учредительнаго Адреса», въ которыхъ подчеркивалась необходимость политической дѣятельности, а также постановленіе лозанскаго конгресса и заявленіе Генеральнаго Совѣта по поводу мнимаго заговора французскаго Интернаціонала наканунѣ плебисцита 1870 г., гдѣ говорилось, что секціи Интернаціонала въ Англіи на континентѣ и въ Америкѣ имѣютъ своей опредѣленной задачей не только составлять центры организациі рабочаго класса, но и поддерживать въ соотвѣтствующихъ странахъ всякое политическое движеніе, способствующее достиженію конечной цѣли Международной Ассоціаціи, т.-е. экономическому освобожденію рабочаго класса. Противъ Интернаціонала, — продолжала резолюція, — стоитъ безчисленная реакція, безстыдно подавляющая всякое стремленіе рабочихъ къ освобожденію и стремящаяся съ помощью грубой силы увѣковѣчить классовыя различія и основанное на нихъ политическое господство имущихъ классовъ. Рабочій классъ можетъ дѣйствовать противъ этой сплоченной силы имущихъ классовъ, только создавая особую политическую партію въ противовѣсъ старымъ партіямъ имущихъ классовъ. Образованіе политической партіи пролетаріата необходимо для торжества социальной революціи и ея конечной цѣли — уничтоженія классовъ. То объединеніе индивидуальныхъ силъ, котораго рабочій классъ до извѣстной степени уже достигъ посредствомъ своей экономической борьбы, также должно послужить рычагомъ въ борьбѣ пролетаріата противъ политической силы его эксплуататоровъ. На основаніи всего этого конференція напоминала членамъ Интернаціонала, что экономическая и политическая борьба пролетаріата неразрывно связаны между собою.

Рѣшенія конференціи только подлили масла въ огонь. Конгрессъ Юрской федераціи въ Сонвиле (октябрь 1871 г.) открыто поднялъ знамя возстанія противъ Генеральнаго Совѣта. Къ нападкамъ юрцевъ на Генеральный Совѣтъ вообще и на организационную централизацию въ частности присоединились федераціи: испанская, бельгійская и итальянская. Последняя даже отказалась явиться на Гаагскій конгрессъ и постановила порвать всякія сношенія съ Генеральнымъ Совѣтомъ. Всѣ бакунистскія секціи требовали, чтобы у Генеральнаго Совѣта отнята была всякая власть, и чтобы онъ превратился въ простое справочно-статистическое бюро. Въ то же время онъ особенно возмущался стремленіемъ Генеральнаго Совѣта навязать всѣмъ секціямъ единообразную линію политической тактики.

Рѣшительное столкновеніе, нанесшее смертельныя раны обѣимъ сторонамъ, произошло на Гаагскомъ конгрессѣ (сентябрь 1872 г.) Гаагскій конгрессъ, на который Марксъ впервые явился лично для того, чтобы отстоять на немъ дѣло всей своей жизни, подтвердилъ постановленія Лондонской конференціи и большинствомъ голосовъ принялъ резолюцію бланкиста Вайяна, гласившую: «Въ борьбѣ за свое освобожденіе рабочій классъ можетъ дѣйствовать какъ классъ, только организуясь въ политическую партію, строго ограниченную отъ всѣхъ старыхъ партій, созданныхъ господствующими классами, и враждебную имъ. Такая организація рабочаго класса въ политическую партію необходима, чтобы доставить побѣду социальной революціи и достигнуть ея конечной цѣли — уничтоженія всякихъ классовъ. Сосредоточеніе силъ, уже достигнутое трудящимся классомъ во время экономической борьбы, должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить оружіемъ и въ его борьбѣ противъ политическаго господства землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Въ борьбѣ трудящагося класса его экономическое движеніе и политическая дѣятельность связаны между собою неразрывно». Побѣда этой точки зрѣнія надъ бакунизмомъ въ значительной степени объясняется трагическимъ опытомъ парижской Коммуны. До тѣхъ поръ Интернаціональ интересовался и занимался почти исключительно экономической борьбой. Пораженіе Коммуны властно заставило подумать о необходимости организаціи пролетаріата въ самостоятельную политическую партію, которая должна была не только готовиться къ рѣшительнымъ выступленіямъ, но и упражнять свои силы въ повседневныхъ политическихъ конфликтахъ современнаго общества для того, чтобы въ нужный моментъ не оказаться неподготовленной.

Генеральный Совѣтъ одержалъ полную побѣду, но эта побѣда была вмѣстѣ съ тѣмъ и его пораженіемъ. Централистическій характеръ организаціи былъ подчеркнутъ, полномочія Генеральнаго Совѣта были значительно расширены, ему предоставлено было право

закрывать отдѣленія секціи и даже цѣлыя національныя федераціи до ближайшаго конгресса и т. п. Дезорганизаторская дѣятельность бакунистовъ была сурово осуждена, а самъ Бакунинъ и Гильомъ, самый видный дѣятель Юрской федераціи, ¹⁾ были исключены изъ Интернаціонала. Но рѣшеніе перенести Генеральный Совѣтъ въ Нью-Йоркъ, вызванное, главнымъ образомъ, опасеніемъ, что Совѣтомъ могутъ овладѣть бланкисты, было равносильно признанію, что старый Интернаціональ пережилъ себя и что первая стадія Международнаго рабочаго движенія уже пройдена и исчерпала себя. Рѣшенія Гаагскаго конгресса фактически оказались за вѣщаніемъ стараго Интернаціонала его грядущему преемнику.

Глава II. Конгрессъ въ Сентъ-Имъе и основаніе анархическаго Интернаціонала.

Разбитые на Гаагскомъ конгрессѣ, анархисты отнюдь не признали себя побѣжденными. Они рѣшили объединить всѣ недовольные Генеральнымъ Совѣтомъ элементы и въ крайнемъ случаѣ основать свою собственную международную организацію.

Первый открытый бунтъ противъ Интернаціонала подняла итальянская федерація, образовавшаяся на конференціи въ Римини въ началѣ августа 1872 г. Самые энергичные дѣятели тогдашняго итальянскаго социалистическаго движенія были почти все сплошь ученики Бакунина, какъ Малатеста, Коста, Кафіеро, развивавшіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Бакунина и находившіеся подъ обаяніемъ его могучей личности ²⁾. Не справляясь съ мнѣніемъ другихъ бакунистскихъ федерацій, пылкіе итальянцы заявили, что впредь не желаютъ имѣть ничего общаго съ Генеральнымъ Совѣтомъ, отнюдь не представляющимъ на ихъ взглядъ Интернаціонала, и не намѣрены даже послать делегатовъ на Гаагскій конгрессъ. Этотъ явный раскольнический шагъ итальянскіе бакунисты мотивиро-

¹⁾ Ж. Гильомъ былъ личный другъ Бакунина и сторонникъ того направленія въ Интернаціоналѣ выразителемъ котораго былъ нашъ знаменитый соотечественникъ. Біографическій очеркъ Бакунина, написанный Гильомомъ, см. въ журналѣ «Былое» 1906 г. № 8. Ср. воспоминанія о Бакунинѣ З. Ралли въ журналѣ «Минувшіе годы» 1908 г. № 10.

Ред.

²⁾ Малатеста до сихъ поръ живъ и проживаетъ въ Лондонѣ, гдѣ занимается пропагандой анархическихъ идей, которымъ остался неизмѣнно вѣренъ; Коста въслѣдствіи отказался отъ анархизма и былъ однимъ изъ основателей итальянской социаль-демократической партіи, въ которой, какъ это случилось и съ многими другими бывшими бакунистами, занялъ мѣсто на крайнемъ правомъ флангѣ; онъ умеръ два года тому назадъ. Кафіеро, многими чертами напоминающій нашего Лизогуба (между прочимъ, онъ также отдалъ все свое состояніе на революціонное дѣло), въ началѣ 80-хъ годовъ сошелъ съ ума и умеръ.

вали тѣмъ, что Лондонская конференція навязала Международному Товариществу Рабочихъ авторитарную доктрину нѣмецкой коммунистической партіи, а Генеральный Совѣтъ совершилъ цѣлый рядъ недостойныхъ поступковъ и подлоговъ, чѣмъ возстановилъ противъ себя революціонно-настроенныхъ бельгійцевъ, французовъ, испанцевъ, славянъ, итальянцевъ и отчасти швейцарцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ итальянскіе анархисты приглашали всѣхъ федералистовъ, не раздѣляющихъ авторитарныхъ принциповъ Генеральнаго Совѣта, собраться на общій антиавторитарный съѣздъ въ Невшателѣ.

По окончаніи Гагскаго конгресса раздраженные анархисты, рѣшившіеся не подчиняться его постановленіямъ, собрались въ Цюрихѣ. Здѣсь находились итальянцы Кафіро, Малатеста, Коста, Пецца, Фанелли ¹⁾ и Набруцци, испанцы Алерини, Фарга, Марселау и Мораго, Швицгебель изъ Юры. Бакунинъ, заранѣе разработавшій проектъ устава международной тайной организаціи предложилъ его на обсужденіе собравшихся; послѣдніе, конечно, приняли его, послѣ чего отправились въ Сентъ-Имье, гдѣ рѣшено было созвать бакунистскій съѣздъ интернаціоналистовъ.

Передъ открытіемъ послѣдняго состоялся чрезвычайный съѣздъ Юрской федераціи, наскоро созданный въ виду результатовъ Гагскаго конгресса. Юрцы приняли резолюціи, въ которыхъ отвергали постановленія Гагскаго конгресса, какъ несправедливыя, неумѣстныя и выходящія за предѣлы компетенціи конгресса, отказывались признать власть Генеральнаго Совѣта и брали на себя обязательство немедленно приступить къ работѣ надъ установленіемъ союзнаго договора между всѣми сочувствующими федераціями, а также выражали симпатіи и довѣріе товарищамъ Бакунину и Гильому, несправедливо исключеннымъ изъ рядовъ Интернаціонала.

Международный конгрессъ бакунистовъ въ Сентъ-Имье открылся въ томъ же помѣщеніи черезъ часъ послѣ закрытія съѣзда Юрской федераціи (оба конгресса состоялись 15-го сентября 1872 года). Одно это обстоятельство наглядно символизировало роль и вліяніе Юрской федераціи въ новомъ анархическомъ Интернаціоналѣ. Помимо чисто мѣстныхъ причинъ (господство системы домашней промышленности, неспособность къ самостоятельной политической дѣятельности вслѣдствіе затерянности юрскихъ кустарей среди крестьянскихъ и мелко-буржуазныхъ массъ, развитіе политическаго индиферентизма и отвращеніе къ участию въ избирательной борьбѣ въ результатѣ цѣлаго ряда безпринципныхъ избирательныхъ сдѣлокъ съ буржуазными партіями), уже въ концѣ 60-хъ годовъ, приведшихъ юрцевъ къ анархизму, здѣсь имѣли значеніе и общія

¹⁾ Этому Фанелли его анархическіе взгляды и личная дружба съ Бакунинымъ не помѣшали быть членомъ итальянской Палаты Депутатовъ. Съ его помощью Бакунинъ, между прочимъ, заложилъ въ Испаніи основы своего анархическаго Альянса.

причины: центральное положеніе Швейцаріи, дѣлавшее ее естественнымъ сосредоточіемъ анархической пропаганды среди романскихъ народовъ; господство политической свободы въ Швейцаріи, дѣлавшее эту маленькую страну исключеніемъ на тогдашнемъ европейскомъ континентѣ; наконецъ, связанный съ этой свободой наплывъ туда революціонныхъ эмигрантовъ: итальянскихъ, испанскихъ, французскихъ (особенно послѣ Коммуны), русскихъ и т. д. Очень многіе коммунары примкнули къ бакунистамъ въ ихъ борьбѣ съ Генеральнымъ Совѣтомъ. Назовемъ среди нихъ: Малона, который впоследствии прославился изобрѣтеніемъ эклектическаго «интегральнаго социализма», туманно-сентиментальнаго и умѣренно-опортунистическаго, и котораго можно признать духовнымъ отцомъ «независимыхъ» социалистовъ; Жюля Гэда, которому судьба предназначила явиться во Франціи основателемъ социаль-демократической партіи и самымъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ марксизма, но который въ первой половинѣ 70-хъ годовъ былъ завзятымъ анархистомъ и писалъ противъ всеобщаго избирательнаго права статьи, которыя до сихъ поръ съ злорадствомъ цитируются въ анархической литературѣ; наконецъ Поля Брусса, впоследствии основателя умѣреннѣйшей полубуржуазной партіи «посибиллистовъ», а въ разсматриваемый моментъ выступавшаго въ роли столь яраго демагога, что возбуждалъ отвращеніе въ самомъ Гильомѣ. Изъ тогдашнихъ русскихъ эмигрантовъ, въ большинствѣ своемъ примкнувшихъ, конечно, къ Бакунину, многіе оказывали энергичную поддержку анархической агитаціи въ Швейцаріи; упомянемъ изъ нихъ Ракки, Росса (Сажинъ), Н. Жуковскаго, Н. Соколова, В. Зайцева, а впоследствии П. Кропоткина и Степняка-Кравчинскаго. Пользуясь идейной и матеріальной поддержкой такихъ крупныхъ силъ, несомнѣнная въ своей дѣятельности полицейскими препятствіями и опираясь на сравнительно устойчивыя, хотя и небольшія организациі рабочихъ, занятыхъ въ юрскомъ часовомъ производствѣ, Юрская федерація, естественно, оказалась центромъ анархическаго Интернаціонала. Она рѣшительно вліяла на его міросозерцаніе и тактику; ея «Бюллетень» былъ его центральнымъ органомъ, и впоследствии одной изъ причинъ распада анархическаго Интернаціонала, несомнѣнно, былъ упадокъ Юрской федераціи, обусловленный въ концѣ 70-хъ годовъ кризисомъ въ часовомъ производствѣ.

На анархическомъ конгрессѣ въ Сентъ-Имье были представлены: испанская федерація вышеупомянутыми четырьмя делегатами; итальянская федерація—Бакунинымъ, Костою, Кафіеро, Малатостою, Фанелли, Набруцци; Юрская федерація—Гильомомъ и Швицгебелемъ. Пенди и Камэ представляли нѣсколько французскихъ секцій (позвѣстно какихъ), а Лефрансэ 3-ю и 22-ю американскія секціи, отколовшіяся отъ марксистовъ. Послѣдніе мандаты были явно несерьезнаго характера.

Настроение у всѣхъ конгрессистовъ было одинаковое, и особыхъ споровъ между ними, конечно, не возникало. Единогласно были приняты резолюции, которыя, исходя изъ того принципа, что «автономія и самостоятельность рабочихъ федерацій и секцій составляютъ основное условіе освобожденія рабочихъ», рѣшительно отвергали резолюции Гаагскаго конгресса и отказывались признавать власть выборнаго на немъ Генеральнаго Совѣта. Конгрессисты принципиально отрицали за всякими конгрессами, мѣстными и общими, какую бы то ни было законодательную власть. По ихъ мнѣнію, единственная задача конгрессовъ состоитъ въ томъ, что на нихъ встрѣчаются и сопоставляются стремленія и методы различныхъ группъ пролетаріата и различныхъ областей, чѣмъ создается почва для ихъ согласованія и объединенія, не больше: ни въ коемъ случаѣ большинство какого-нибудь конгресса не можетъ навязать свои резолюции меньшинству. Такая точка зрѣнія естественно вытекаетъ изъ анархическаго взгляда, что, конечно, не мѣшаетъ ей играть чисто дезорганизаторскую роль: это и обнаружилось изъ дальнѣйшей исторіи анархическаго Интернаціонала.

Для борьбы съ «авторитарными» тенденціями, проявившимися въ нѣдрахъ Интернаціонала, представленныя на конгрессѣ федераціи заключили дружественный договоръ солидарности и взаимозащиты, къ которому приглашались и другія анти-авторитарныя организаціи. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся организацій со стороны большинства какого-либо общаго конгресса или избраннаго этимъ конгрессомъ Генеральнаго Совѣта всѣ другія федераціи и секціи обязывались объявить себя солидарными съ атакованной организаціей. Третья резолюція касалась вопроса о политической борьбѣ, послужившаго камнемъ преткновенія для стараго Интернаціонала. Нечего и говорить, что рѣшеніе, данное этому вопросу конгрессомъ въ Сентъ-Имъе, было проникнуто бакунистскимъ духомъ. Но такъ какъ авторы его имѣли въ виду привлечь къ своему новому Интернаціоналу не только анархическіе элементы, но и антимарксистскихъ партизановъ политической дѣятельности (какъ англличане, отчасти бельгійцы и т. д.), то они по дипломатическимъ соображеніямъ постарались обойти этотъ вопросъ, избѣгая до поры до времени навязывать *urbi et orbi* свой анархическій символъ вѣры. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что вначалѣ бакунисты избѣгали называть себя анархистами; они предпочитали кличку «соціальныхъ революціонеровъ» или «анти-авторитарныхъ коллективистовъ»; затѣмъ они начали называть себя «соціалистами-федералистами» и только къ концу 70-хъ годовъ опредѣленно приняли названіе «анархистовъ» или «анархистовъ-коммунистовъ». Прежде же они всячески чурались клички «коммунисты», такъ какъ послѣдняя составляла неотдѣлимую принадлежность марксистскаго соціализма.

Дѣятели новаго Интернаціонала разѣхались по домамъ съ тѣмъ, чтобы привлечь подъ знамя анархизма все активныя элементы тогдашняго социалистическаго движенія. Группа Маркса, какъ это видно изъ письма Энгельса къ Зоргѣ отъ 5/X 1872 г., не придавала серьезнаго значенія бакунинскому Зондербунду, надѣясь на его быстрое исчезновеніе. Она даже радовалась, что анархисты открыто объявили Интернаціоналу войну и дали этимъ достаточный поводъ къ ихъ исключенію. «Мы здѣсь держимся того мнѣнія, что скорыя и энергичныя мѣры противъ этихъ скандалистовъ, какъ только въ вашихъ рукахъ будутъ обличающіе ихъ документы, были бы чрезвычайно своевременны и, вѣроятно, достаточны для того, чтобы уничтожить угрожающій намъ отколовшійся союзъ». Говоря о компрометирующихъ документахъ Энгельсъ, имѣлъ въ виду тѣ документы, которые вскорѣ послѣ того были опубликованы въ знаменитомъ памфлетѣ «L' Alliance de la Démocratie socialiste et L' Association Internationale des Travailleurs» (1873 г.), матеріалы для котораго онъ въ это время собиралъ вмѣстѣ съ Лафаргомъ и Утинымъ ¹⁾. Но онъ жестоко ошибался. Опубликованіе этой брошюры могло обезкуражить лично Бакунина, и очень возможно, что оно не осталось безъ вліянія на принятое послѣднимъ вскорѣ послѣ того рѣшеніе совершенно отказаться отъ политической дѣятельности, но убить анархическій Интернаціональ ему не удалось. И уже черезъ годъ Энгельсъ долженъ былъ прямо признать, что анархическій Интернаціональ гораздо сильнѣе тѣхъ немногочисленныхъ элементовъ, которые остались вѣрны старому Интернаціоналу.

Глава III. Силы анархическаго Интернаціонала.

Прежде всего къ анархическому Зондербунду примкнула Юрская федерація за исключеніемъ одной секціи въ Мутѣе, заявившей, что по политическому вопросу она высказывается за резолюцію Гаагскаго конгресса.

Затѣмъ къ анархистамъ присоединилась бельгійская федерація на своемъ областномъ съѣздѣ въ Брюсселѣ (декабрь 1872 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время въ социалистическомъ движеніи участвовала, главнымъ образомъ, валлонская часть бельгійскаго населенія, среди которой преобладали горнорабочіе Боринажа, настроенные крайне революціонно: отсутствіе прочной организа-

¹⁾ Н. Утинъ, бывшій членъ первой «Земли и Воли» и послѣдователь Чернышевскаго, эмигрировалъ въ началѣ 60-хъ годовъ за границу, гдѣ примкнулъ къ Интернаціоналу и велъ ожесточенную борьбу съ Бакунинымъ въ романской федераціи (въ Швейцаріи). Впослѣдствіи подалъ прошеніе о помилованіи и вернулся въ Россію, гдѣ политикой не занимался. О немъ смотри въ «Воспоминаніяхъ» Л. Пантелѣева.

цій, частыя забастовки, сопровождавшіяся эксцессами и кровопролитіемъ, вслѣдствіе вмѣшательства вооруженной силы,—таковы были существенныя черты этого движенія, въ нѣдрахъ котораго анархическія идеи находили благопріятную почву. Съ другой стороны, среди принимавшей участіе въ социалистическомъ движеніи бельгійской интеллигенціи господствовали прудонистскія идеи, что, естественно, ставило ихъ въ оппозицію къ марксизму. Фламандская часть Бельгіи пока еще почти не принимала участіе въ движеніи, но когда она начала примыкать къ социализму, то, какъ мы увидимъ ниже, въ ней возобладали социаль-демократическія тенденціи, и ей удалось, въ концѣ-концовъ, оторвать отъ анархизма даже валлоновъ.

Присоединеніе бельгійской федераціи къ анархическому Интернаціоналу имѣло для него чрезвычайно важное значеніе. Во-первыхъ, если не считать отчасти Испанію, Бельгія была въ тотъ моментъ единственной страной, въ которой существовало массовое рабочее движеніе, хотя и находившееся на первичной стадіи бунтарства. Во-вторыхъ, бельгійская федерація дала анархистамъ цѣлую группу старыхъ и опытныхъ дѣятелей и теоретиковъ, среди которыхъ выдавались Стенсъ, Брисмэ и особенно Сезаръ де Папъ, игравшій значительную роль въ Интернаціоналѣ и часто выступавшій на международныхъ конгрессахъ съ докладами по важнымъ вопросамъ. Судьба хотѣла, чтобы тотъ самый де Папъ, присоединеніе котораго возбудило такой восторгъ у анархистовъ, впоследствии нанесъ имъ первый серьезный ударъ.

Кромѣ того, бельгійцы располагали нѣсколькими регулярно выходившими газетами, одна изъ которыхъ «Мирабо» просуществовала до 1880-го года.

Вслѣдъ за бельгійской федераціей къ анархическому Интернаціоналу присоединилась федерація испанская, которая въ разсматриваемый моментъ, благодаря переживаемому страной революционному кризису, была чуть ли не самой сильной областной федераціей Интернаціонала. Кропоткинъ, посѣтившій Испанію въ 1876 г., рассказываетъ про испанскую секцію Интернаціонала: «въ одной Каталоніи тогда было болѣе 100 тысячъ работниковъ, организованныхъ въ сильныя рабочіе союзы; болѣе 80 тысячъ испанцевъ принадлежали къ Интернаціоналу, правильно собирались на конгрессы и точно платили свои членскіе взносы съ чисто испанскимъ сознаніемъ долга... Эти организаціи готовились провозгласить федеративную испанскую республику ¹⁾ и отказаться отъ колоній, а въ тѣхъ

¹⁾ Здѣсь Кропоткинъ впадаетъ въ странную ошибку. Испанскіе анархисты изъ доктринерства какъ разъ и не поддержали движенія въ пользу федеративной республики подъ предлогомъ его «буржуазности». По свидѣтельству Малона (L'Internationale. «La Nouvelle Revue», 15 fevr. 1884) самъ Бакунинъ не одобрилъ этой тактики своихъ послѣдователей. Ср. *Энгельсъ* — Бакунинъ за работой.

мѣстностяхъ, которыя способны были итти дальше, сдѣлали бы попытки въ смыслѣ коллективизма. Одинъ только постоянный страхъ возстанія удержалъ испанскую монархію отъ разгрома всѣхъ рабочихъ и крестьянскихъ организаций и отъ грубой клерикальной реакціи».

Несмотря на нѣкоторое преувеличеніе, содержащееся въ словахъ Кропоткина, онъ правъ въ томъ отношеніи, что испанская федерація располагала въ 70-хъ годахъ значительной силой. Но по подсчету, сдѣланному 25 декабря 1872 г. на Кордовскомъ конгрессѣ, Интернаціональ насчитывалъ въ Испаніи 101 мѣстную федерацію, охватывающую 66 смѣшанныхъ секцій и 332 ремесленные секціи; кромѣ того, въ десяти мѣстностяхъ имѣлись отдѣльныя приверженцы. За 8 мѣсяцевъ число интернаціоналистовъ въ Испаніи удвоилось. Конгрессъ цѣликомъ присоединился къ принятымъ въ Сентъ-Имѣе постановленіямъ и, послѣдовательный до маниа, сдѣлалъ первый практическій шагъ по пути къ дезорганизациі, превративъ свой федеральный совѣтъ въ простое корреспондентское бюро. Такую же участь, какъ мы знаемъ, бакунисты готовили Генеральному Совѣту, и, какъ мы увидимъ, скоро имъ удалось добиться этой цѣли въ своей средѣ.

26-го января 1873 г. въ Лондонѣ собрался конгрессъ англійской федераціи, незадолго до того отколовшейся отъ марксистовъ. Печально было то, что тонъ въ этой отколовшейся федераціи задавали бывшіе сподвижники Маркса: Хельсъ, Юнгъ и Эккаріусъ¹⁾, которые до того долго работали съ нимъ рука объ руку въ Генеральномъ Совѣтѣ и на всѣхъ международныхъ конгрессахъ выступали энергичными выразителями его мыслей. Ихъ расхожденіе съ Марксомъ по поводу мѣстныхъ англійскихъ дѣлъ, по поводу введенія бланкистовъ въ Генеральный Совѣтъ послѣ Коммуны, по поводу способа организаціи Гаагскаго конгресса и особенно по поводу перенесенія Генеральнаго Совѣта въ Нью-Йоркъ осложнялось личными столкновеніями и дразгами. Англійскій конгрессъ единогласно принялъ резолюцію, признававшую составъ Гаагскаго Съѣзда незаконнымъ, а рѣшенія его противорѣчащими уставу Интернаціонала, и постановилъ войти въ сношенія съ бакунистскимъ Зондербундомъ. Присоединеніе англичанъ было дорого анархистамъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, выступленіе бывшихъ друзей Маркса противъ него подкрѣпляло всѣ толки о его диктаторскихъ замашкахъ, властолюбіи, интриганствѣ и т. д.; а во-вторыхъ, англичане, присоединяясь къ анархическому Зондербунду, опредѣленно заявили, что по вопросу о политической дѣ-

¹⁾ Эккаріусъ, нѣмецъ по происхожденію, переселился въ Англію, гдѣ и акклиматизировался выдающійся рабочій, по ремеслу портной, онъ написалъ замѣчательную книгу противъ Милля, которая была изложена Зиберомъ въ журналѣ «Слово» за 1879 или 1880 годъ (не имѣю подъ рукой).

тельности пролетаріата они остаются на своей прежней точкѣ зрѣнія, а это позволяло анархистамъ до поры до времени не раскрывать своихъ картъ и подчеркивать свою терпимость. Разъ въ ихъ Интернаціональ допускались элементы, признававшіе необходимость политической борьбы, то не ясно ли было, что въ основѣ раскола лежатъ вовсе не программныя и теоретическія разногласія, а разногласія чисто организаціонныя, въ данномъ случаѣ протестъ противъ диктаторскихъ поползновеній Генеральнаго Совѣта и его покушенія на автономію національныхъ федерацій и мѣстныхъ секцій? Эту линію заправили анархическаго Интернаціонала старались проводить довольно долго, но очень скоро оказалось, что это согласіе непримиримыхъ по существу элементовъ шито бѣлыми нитками и по существу непрочно.

Вслѣдъ за Бельгіей къ бакунистскому Зондербунду присоединилась голландская федерація Интернаціонала. Ея рѣшеніе вызвано было дѣйствіями нью-йоркскаго Генеральнаго Совѣта. Послѣдній, освѣдомившись о постановленіи Юрскаго конгресса въ Сентъ-Имье не признавать рѣшенія Гагскаго Съѣзда, предложилъ юрскимъ рабочимъ отмѣнить резолюціи ихъ конгресса и далъ имъ для этого сорокадневный срокъ. По истеченіи этого срока Генеральный Совѣтъ 5-го января 1873 года постановилъ временно пріостановить дѣятельность Юрской федераціи. Въ отвѣтъ на это постановленіе, строго вытекавшее изъ устава Интернаціонала, бельгійцы, голландцы, испанцы и итальянцы заявили, что они не признаютъ Генеральнаго Совѣта и попрежнему признаютъ Юрскую федерацію, съ которой они совершенно солидарны. Послѣ этого Генеральный Совѣтъ заявилъ, что всѣ секціи, не признающія гагскихъ постановленій и Генеральнаго Совѣта, уже этимъ однимъ сами исключаютъ себя изъ рядовъ Международнаго Товарищества Рабочихъ. Такимъ образомъ расколъ былъ завершенъ, и нѣкогда единый Интернаціональ, который въ свое время игралъ крупную роль въ общественной жизни и къ голосу котораго прислушивались какъ рабочіе, такъ и правительства, распался на двѣ организаціи, съ этихъ поръ уже не пользовавшіяся никакимъ вліяніемъ и быстро шедшія къ гибели. Впрочемъ, анархическій Интернаціональ просуществовалъ дольше и обнаружилъ гораздо больше энергіи, чѣмъ Интернаціональ марксистскій. Къ нему примкнули почти всѣ федераціи прежняго Интернаціонала, и онъ, не желая примириться съ наступившей послѣ Коммуны реакціей, всячески силился протянуть свою агонію и создать нѣчто, напоминающее по мощи и по вліянію старую Международную Ассоціацію. Марксисты же не прилагали особыхъ усилій къ сохраненію и развитію Интернаціонала, такъ какъ, будучи реалистами въ политикѣ, они быстро убѣдились въ томъ, что старый Интернаціональ сыгралъ свою роль и долженъ очистить мѣсто для новыхъ формъ дѣятельности. Они поняли, что

періодъ идейной пропаганды и формированія основныхъ элементовъ соціалистической доктрины законченъ, и что теперь необходимо приняты за выработку фундамента для будущаго Интернаціонала, т.-е. за созданіе національныхъ рабочихъ партій. И по мѣрѣ того, какъ анархисты приходили къ тому же убѣжденію, они постепенно отпадали отъ бакунистскаго Интернаціонала и принимались за соціаль-демократическую работу въ національныхъ рамкахъ, подготавливая такимъ образомъ почву для дѣйствительнаго возсозданія международнаго объединенія пролетаріата.

Глава IV. Конецъ марксистскаго Интернаціонала.

Гаагскій конгрессъ, рѣшивши перенести Генеральный Совѣтъ въ Нью-Йоркъ, избралъ тутъ же двѣнадцать человекъ въ члены новаго Совѣта и предоставилъ имъ право кооптировать еще семь членовъ. При этомъ Марксъ и Энгельсъ имѣли въ виду Зорге, котораго они прочили на мѣсто секретаря Генеральнаго Совѣта. Самъ Зорге, который пріѣхалъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Гаагу по энергичному требованію Маркса и Энгельса, подалъ голосъ противъ предложенія о переносѣ центра организаціи въ Америку и отказался отъ кандидатуры въ члены Генеральнаго Совѣта. Но впослѣдствіи онъ уступилъ настояніямъ своимъ друзей, которые хотѣли имѣть на такомъ важномъ посту вѣрнаго и надежнаго человека. Вернувшись въ Нью-Йоркъ, Зорге вошелъ въ составъ Совѣта и сдѣлался его генеральнымъ секретаремъ.

Уже въ тотъ моментъ у многихъ мелькала мысль, что дѣло сводится къ формальному удержанію международной организаціи на поверхности, къ сохраненію за собою фирмы, чтобы не дать возможности воспользоваться ею нежелательнымъ элементамъ. Уже тогда чувствовалось, что въ виду индифферентнаго отношенія германскихъ странъ (Даніи, Германіи, Австріи, Нѣмецкой Швейцаріи) къ Интернаціоналу, обусловленнаго тѣмъ, что у нихъ начали развиваться національныя соціалистическія партіи, въ виду разгрома французскаго рабочаго движенія послѣ Коммуны, а также въ виду ослабленія вліянія Интернаціонала на англійскихъ рабочихъ, перевѣсъ въ соціалистическомъ движеніи временно окажется на сторонѣ бакунистовъ и примыкающихъ къ нимъ колеблющихся элементовъ (въ родѣ бельгійцевъ, голландцевъ и т. п.). Однако въ первое время Марксъ и Энгельсъ—и скорѣе второй, чѣмъ первый—еще надѣялись на то, что имъ удастся удержать за собою большинство тогдашнихъ соціалистическихъ силъ и предохранить Интернаціональ отъ скорой смерти. И послѣ перенесенія Генеральнаго Совѣта въ Нью-Йоркъ Марксъ и Энгельсъ не переставали принимать самое близкое и дѣятельное участіе въ его дѣлахъ и фактически,

посредствомъ аккуратной переписи съ Зорге, руководили его шагами. Нужно, впрочемъ, для справедливости прибавить, что, оказывая Зорге всяческое содѣйствіе и не оставляя его своими совѣтами, Марксъ и Энгельсъ, а также и другіе товарищи иногда вели себя по отношенію къ новому Генеральному Совѣту довольно безцеремонно. Такъ, напр., упорные просьбы Зорге выслать ему протоколы Лондонскаго Генеральнаго Совѣта оставались ими безъ удовлетворенія подъ тѣмъ предлогомъ, что эти документы крайне нужны имъ самимъ для опроверженія ложныхъ обвиненій и клеветническихъ навѣтовъ, распространяемыхъ Хельсомъ, Эккаріусомъ и юрцами. «Думаю,—писалъ Энгельсъ,—что защита интересовъ Интернаціонала важнѣе выполненія какихъ-то формальностей». Такое поведеніе Маркса и Энгельса ставило Зорге въ ложное положеніе и вредило дѣлу, такъ какъ въ Генеральномъ Совѣтѣ образовалась фронда, недовольная старымъ Совѣтомъ за удержаніе официальныхъ документовъ и тормозившая принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ непокорныхъ федерацій. Точно такъ же Зорге никакъ не могъ добиться отъ Беккера присылки ему протоколовъ Женевскаго Съѣзда 1873 го года (о которомъ ниже); лишь мѣсяца черезъ три послѣ съѣзда Генеральный Совѣтъ получилъ изъ Женевы пакетъ съ разрозненными и находившимися въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ документами.

Если оставить въ сторонѣ Соединенные Штаты, гдѣ въ разсматриваемое время движеніе было еще очень слабымъ и ограничивалось, главнымъ образомъ, нѣмецкими эмигрантами, да и то ссорившимся между собой, то въ сущности за Генеральнымъ Совѣтомъ не стояло ни одной національной федераціи. Вопреки оптимизму Энгельса, Испанія была потеряна для марксистовъ: Новой Мадридской федераціи, основанной при дѣятельномъ участіи Месы и Лафарга, не удалось вырвать массу испанскихъ интернаціоналистовъ изъ-подъ вліянія бакунистовъ. Голландцы также не разорвали съ бакунистскимъ Зондербундомъ, какъ надѣялся Энгельсъ. Во Франціи послѣ южнаго процесса интернаціоналистовъ, гдѣ обнаружилось, что Ванъ Эддегемъ и Дантрегъ (Свармъ), которые были делегатами на Гаагскомъ конгрессѣ и вотировали съ марксистами, оказались провокаторами и предателями, Генеральный Совѣтъ вскорѣ растерялъ всѣ связи (правда, и у бакунистовъ дѣло съ Франціей обстояло плохо). Въ Англіи и марксисты, и бакунисты быстро сошли на нѣтъ. Португалія, хотя и оставалась благодаря вліянію Лафарга вѣрна Генеральному Совѣту, но отъ этого ему не было ни тепло, ни холодно, такъ какъ въ сущности никакого движенія тамъ не было. Бельгія на нѣсколько лѣтъ тѣсно связалась съ бакунистами. Въ Италіи марксистскія группы были слишкомъ слабы, и Энгельсъ прямо писалъ Зорге, рекомендуя ему собрать для арестованныхъ интернаціоналистовъ нѣсколько десятковъ депута-

ровъ: «Если мы потеряемъ Лоди и *Plebe* (газета), то знайте, что этимъ мы въ Италіи потеряли изъ-подъ ногъ послѣднюю почву». Данія упорно молчала, и Энгельсъ подозрѣвалъ, что это результатъ происковъ швейцарцевъ, пробравшихся туда черезъ посредство шлезвигскихъ товарищей. Въ Австріи между рабочими назрѣвалъ расколъ: противъ умѣреннаго и склоннаго къ оппортунизму Обервиндера, начали выступать подъ руководствомъ Шея (Scheu) бунтарски настроенные элементы; особой помощи отъ австрійцевъ Генеральному Совѣту ждать не приходилось. Въ нѣмецкой Швейцаріи (а также и въ Женевѣ) имѣлись элементы, вѣрные старому Интернаціоналу, но ихъ вниманіе теперь направлялось на созданіе швейцарскаго Рабочаго Союза, а вслѣдъ за тѣмъ социаль-демократической партіи. Что касается Германіи, которая, дѣйствительно, могла бы послужить серьезнымъ базисомъ для Интернаціонала, то тамъ въ это время свирѣпствовала ожесточенная борьба между лассальянцами (швейцарцами) и эйзенахцами (марксистами). Изъ вражды къ марксистамъ лассальянцы—эти заядлые государственники и централисты—заигрывали съ анархическимъ Интернаціоналомъ, посылали бакунистамъ привѣтственные телеграммы и увѣряли ихъ въ своихъ горячихъ симпатіяхъ. Что же касается эйзенахцевъ, этихъ естественныхъ союзниковъ и сторонниковъ стараго Интернаціонала, то они удѣляли ему очень мало вниманія и относились къ нему совершенно индифферентно. Это странное отношеніе объяснялось опасеніемъ навлечь на себя лишнія полицейскія преслѣдованія въ случаѣ открытаго присоединенія къ Интернаціоналу. Но главная причина заключалась, конечно, въ томъ, что нѣмцы уже не видѣли особенной необходимости въ сохраненіи старой формы, такъ какъ они раньше другихъ пришли къ мысли объ основаніи національной социалистической партіи. Тѣмъ болѣе, что они не возлагали никакихъ надеждъ на возможность дальнѣйшаго существованія Интернаціонала послѣ раскола на Гаагскомъ конгрессѣ. Либкнехтъ и Бебель прямо говорили, что «Марксъ сѣлъ въ Гаагѣ на изоляторъ».

Генеральный Совѣтъ фактически былъ изолированъ отъ рабочаго и социалистическаго движенія во всѣхъ странахъ кромѣ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ почти ни отъ кого не получалъ сообщеній и донесеній и информировался, главнымъ образомъ, Марксомъ и Энгельсомъ, сохранившими кое-какія старыя связи. Особенно страдалъ онъ отъ отсутствія денежныхъ средствъ. Генеральный Совѣтъ вѣчно нуждался въ деньгахъ; онъ никогда не могъ оплачивать своихъ служащихъ и не разъ бывалъ принужденъ отказываться даже отъ печатанья своихъ произведеній. Нѣмцы были столь великодушны, какъ сообщаетъ Зорге, что предложили въ качествѣ взноса единовременно уплатить двадцать пять талеровъ, австрійцы же послали сто гульденовъ. Изъ остальныхъ организацій упла-

чивали свои взносы только голландцы и сѣверо-американская федерація. Италія, Испанія, Бельгія, Англія и Данія никакихъ взносовъ не дѣлали, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Италія и Швейцарія, постоянно обращались за помощью, каковую и получали.

Генеральный Совѣтъ въ качествѣ фактическаго организаціоннаго центра въ дѣйствительности уже не существовалъ. Кромѣ издаваемыхъ имъ время отъ времени противъ юрцевъ и ихъ союзниковъ отлученій, которыя вызывали съ ихъ стороны только непочтительный смѣхъ, такъ какъ фактическая сила была, несомнѣнно, на сторонѣ сецессионистовъ, Генеральный Совѣтъ иногда выпускалъ обращенія къ всемірному пролетаріату, въ томъ числѣ воззваніе съ призывомъ заняться организаціей международныхъ профессиональныхъ союзовъ. Въ общемъ же члены его не могли не чувствовать, что они находятся въ положеніи человѣка, размахивающаго кулаками въ пустомъ пространствѣ. Тогдашняя историческая эпоха рѣшительно не благопріятствовала серьезной дѣятельности въ интернаціональномъ духѣ.

30-го мая Генеральный Совѣтъ принялъ резолюцію, которая почти буквально воспроизводила указанія Маркса и Энгельса и объявила всѣ непокорныя федераціи добровольно вышедшими изъ Международной Ассоціаціи рабочихъ и больше къ ней не принадлежащими.

Съѣздъ рѣшено было созвать въ сентябрѣ въ Женевѣ. Генеральный Совѣтъ посвящалъ много времени созыву съѣзда и выработкѣ его программы, но больше всего его занималъ вопросъ о представительствѣ на съѣздѣ. Генеральный Совѣтъ, касса котораго была совершенно пуста, не замедлилъ убѣдиться въ невозможности послать на съѣздъ своего собственнаго представителя, и началъ подыскивать себѣ делегата въ Лондонѣ. Уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствовалъ о слабости Генеральнаго Совѣта и объ умираніи организаціи.

Съѣздъ открылся 8-го сентября 1873 г. въ Женевѣ. Чувствуя, что на немъ лежитъ отвѣтственность за успѣхъ съѣзда, Беккеръ «чуть ли не изъ-подъ земли добылъ 13 новыхъ делегатовъ, чтобы количествомъ участниковъ придать съѣзду больше значеніе и чтобы обезпечить необходимое для правильнаго хода дѣла большинство». Беккеръ увѣряетъ даже, что, въ концѣ-концовъ, съѣздъ превзошелъ всѣ его ожиданія, но это свидѣтельствуется только о томъ, что ожиданія-то у него были очень скромныя. Въ общемъ съѣздъ представлялъ скорѣе печальное зрѣлище.

На немъ было 12 делегатовъ (французскаго языка) отъ Женевы, делегатъ отъ секціи Мутье изъ Юры, одинъ делегатъ изъ Германіи, четыре делегата отъ нѣмецкой Швейцаріи, 9 делегатовъ отъ нѣмцевъ, проживавшихъ въ Женевѣ, и наконецъ австріецъ Обервиндерб

подъ именемъ Шварца ¹⁾. Этотъ Обервиндеръ, чтобы поднять свои фонды, сильно упавшіе вслѣдствіе его зангрыванія съ буржуазіей, привезъ въ Женеву 13 австрійскихъ мандатовъ, которые Беккеръ и поспѣшилъ раздать вѣрнымъ людямъ, чтобы обезпечить себѣ большинство противъ компаніи Перре. Послѣдніе мечтали о перенесеніи Генеральнаго Совѣта въ Женеву, гдѣ надѣялись имъ завладѣть. Благодаря мандатамъ Обервиндера Беккеру удалось отразить эту опасность и провести рѣшеніе, по которому Генеральный Совѣтъ оставался въ Нью-Йоркѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что слѣдующій конгрессъ соберется только черезъ два года, т.-е. въ 1875 г.

Самъ Марксъ, признавая полнѣйшее банкротство женевского съѣзда, сдѣлалъ изъ этого тотъ выводъ, что Интернаціональ фактически умеръ. «Мой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ подсказываетъ мнѣ, — писалъ онъ Зорге, — что было бы цѣлесообразнымъ отодвинуть на время формальную организацію Интернаціонала на задній планъ, ограничившись, если это возможно, лишь удержаніемъ въ Нью-Йоркѣ въ своихъ рукахъ его центрального учрежденія, чтобы лишить возможности идиотовъ въ родѣ Перре или разныхъ авантюристовъ въ родѣ Клюзе, стать во главѣ Интернаціонала и тѣмъ его скомпрометировать. Событія и неизбѣжный ходъ вещей сами позаботятся о возстановленіи Интернаціонала въ болѣе соотвѣтствующемъ видѣ. Теперь же слѣдуетъ сосредоточить все свое вниманіе на поддержаніи связей во всѣхъ странахъ съ энергичнѣйшими членами Интернаціонала, совершенно не интересуясь и игнорируя мѣстные постановленія женевского съѣзда. Такой образъ дѣйствій облегчается единственнымъ заслуживающимъ вниманія женевскимъ постановленіемъ, по которому созывъ будущаго съѣзда отодвигается на два года. Эта тактика вырветъ изъ рукъ европейскихъ правительствъ Интернаціональ въ роли пугала, какъ разъ въ моментъ подготовленія ими реакціоннаго похода и введетъ буржуазію въ заблужденіе относительно судьбы Интернаціонала, который она будетъ считать уже счастливо погребеннымъ».

Эти слова Маркса прозвучали похороннымъ звономъ надъ старымъ Интернаціоналомъ. Въ сущности онъ умеръ вмѣстѣ съ женевскимъ конгрессомъ; дальнѣйшее его прозябаніе было просто длительной агоніей, даже и незамѣтной для посторонняго глаза. ²⁾.

¹⁾ Явился еще голландскій делегатъ съ мандатомъ требовать примиренія съ бакунистами, но онъ сейчасъ же удалился, когда его требованіе не было принято.

²⁾ Въ своей книгѣ «Интернаціональ» Леккъ посвящаетъ одну страницу исторіи Интернаціонала послѣ Гаагскаго конгресса, но и эта страница полна неточностей и ошибокъ. Такъ, онъ сообщаетъ, что конгрессъ анархистовъ 1874 г. въ Брюсселѣ былъ послѣднимъ; между тѣмъ они устроили еще два конгресса въ Бернѣ и въ Вервѣ. О жалкомъ марксистскомъ конгрессѣ въ Же-

15-го іюля открылась конференція, состоявшая изъ десяти членовъ Генеральнаго Совѣта и четырнадцати делегатовъ Сѣверо-Американской федераціи ¹⁾. Изъ Европы не пріѣхалъ никто. Нѣмецкіе соціалъ-демократы поручили Вальстеру, недавно эмигрировавшему въ Америку, представлять ихъ партію; изъ Цюриха и изъ Женевы присланы были мандаты Грейлихомъ и Беккеромъ, но они получились уже послѣ того, какъ конференція закончила свои занятія. Секретарь Генеральнаго Совѣта представилъ конференціи отчетъ о положеніи Интернаціонала, которое изображалось, конечно, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По мнѣнію Генеральнаго Совѣта, Интернаціоналъ долженъ быть признанъ несуществующимъ по тѣхъ поръ, пока возстановленіе его не станетъ возможнымъ во Франціи, и пока нѣмецкіе соціалисты не пожелаютъ принять въ немъ активнаго участія. При этомъ онъ присовокупилъ, что давно уже не получаетъ ни откуда членскихъ взносовъ, а это также свидѣтельствуетъ о томъ, что Интернаціоналъ прекратилъ свое существованіе. Въ заключеніе онъ предложилъ резолюцію, гласившую, что организація Международнаго Товарищества Рабочихъ распускается на неопредѣленное время въ зависимости отъ измѣненія политическаго положенія въ Европѣ. Эта резолюція была принята единогласно, и такимъ образомъ старый Интернаціоналъ и юридически закончилъ свое существованіе.

Но реваншъ былъ близокъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ старый Интернаціоналъ открыто призналъ свой конецъ, среди анархическаго Интернаціонала начало замѣчаться разложеніе и появились недвусмысленные симптомы того, что значительная часть примкнувшихъ къ нему элементовъ начинаетъ по политическому вопросу переходить на точку зрѣнія Гаагскаго конгресса.

невѣ, Іеккъ торжественно пишетъ: «Всѣ дебаты этого конгресса пропитаны были *бодрымъ, жизнерадостнымъ* настроеніемъ. Въ своемъ годичномъ отчетѣ Генеральный Совѣтъ говорилъ своимъ прежнимъ *гордымъ* языкомъ. Изъ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Голландіи, Франціи — отовсюду сообщалось о *новыхъ успѣхахъ*. Это были передовыя страны, оставшіяся вѣрными старому Интернаціоналу, страны, въ которыхъ рабочее движеніе изъ года въ годъ все болѣе и болѣе крѣпло и становилось политической силой». Это — преувеличеніе и смѣшеніе понятій, непростительное для историка. Что въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ Іеккомъ странъ, какъ Германія и Швейцарія, рабочее движеніе, дѣйствительно, крѣпло, не подлежитъ сомнѣнію, но отъ этого старый Интернаціоналъ отнюдь не становился сильнѣе. Наоборотъ, можно сказать, что по мѣрѣ того какъ въ этихъ странахъ усиливалоcь движеніе, онъ все больше отрывался отъ Интернаціонала, конечно, на время. И говорить въ *такомъ* тонѣ о женевскомъ конгрессѣ 1873 г. по меньшей мѣрѣ смѣшно.

¹⁾ Отчетъ объ этой конференціи былъ между прочимъ, напечатанъ въ лондонскомъ «Впередъ» Лаврова.

Глава II. Съѣздъ анархическаго Интернаціонала въ Женевѣ.

Несмотря на увѣренія Энгельса, что бакунисты постараются созвать свой съѣздъ въ какой-нибудь медвѣжьей дырѣ на юрскихъ горахъ, они рѣшили собраться какъ разъ въ Женевѣ, т.-е. тамъ же, гдѣ устроили свой съѣздъ марксисты. До извѣстной степени это имѣло демонстративный характеръ. Съѣздъ продолжался отъ 1-го до 6-го сентября 1873 г., при чемъ бакунисты называли его шестымъ съѣздомъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ ¹⁾, такъ какъ они утверждали, что именно они, а не противная сторона, составляетъ Интернаціоналъ. До нѣкоторой степени они были правы, такъ какъ перевѣсъ силъ, несомнѣнно, былъ на ихъ сторонѣ въ виду того, что къ нимъ примкнуло большинство прежнихъ національных федерацій.

На этомъ съѣздѣ Англія представлена была Хельсомъ и Энка-риусомъ; Бельгія пятью делегатами; Испанія также пятью (въ томъ числѣ Фарга-Пелисеръ, Алерини и Бруссъ); Франція пятью делегатами, въ томъ числѣ Пенди и тѣ же Бруссъ и Алерини; Голландія однимъ делегатомъ, который въ то же время представлялъ и Бельгію ²⁾; Италія четырьмя делегатами (въ томъ числѣ Коста); Юра

²⁾ Это тотъ самый делегатъ, который съ протестомъ ушелъ съ марксистскаго конгресса (см. выше).

десятью делегатами (въ томъ числѣ Гильомъ, Шпихигеръ и Николай Жуковский).

Прежде всего конгрессъ единогласно постановилъ уничтожить Генеральный Совѣтъ. По вопросу о томъ, нужно ли замѣнить его какимъ-нибудь другимъ центральнымъ учрежденіемъ, мнѣнія раздѣлились. Бруссъ и Коста, выступавшіе въ качествѣ крайнихъ выразителей анархическихъ идей, предлагали ничѣмъ его не замѣнять. Бельгійско-голландскій делегатъ Ванъ денъ Абеле заявилъ, что при всей приверженности своей къ принципу анархіи онъ не считаетъ еще возможнымъ фактически проводить его въ жизнь. Хельсъ же рѣшительно выступилъ противъ анархическаго принципа вообще, какъ по существу индивидуалистическаго: «анархія, — сказалъ онъ, — это законъ смерти, а коллективизмъ — законъ жизни». Гильомъ говорилъ въ примирительномъ духѣ. Въ концѣ-концовъ, постановлено было учредить федеральное бюро, лишенное всякой исполнительной власти и надѣленно лишь корреспондентско-статистическими функціями. Обязанности этого бюро возлагались на одну изъ національных федерацій, которой поручалось организовать слѣдующій конгрессъ.

¹⁾ Compte-rendu officiel du Sixième Congrès général de l'Association Internationale de Travailleurs, tenu à Genève du 1-er au 6-me septembre 1873. Locle 1873. См. также J. Guillaume — l'Internationale, tome III, pp. 108 ss.

Одновременно съ этимъ съѣздъ занялся пересмотромъ статутъ Интернаціонала въ анархическомъ духѣ. Прежде всего было отмѣнено голосованіе по принципиальнымъ вопросамъ, вопреки протестамъ Эккаріуса. Большинство конгрессистовъ полагало, что никакихъ официальныхъ мнѣній съѣзда по тому или иному принципиальному вопросу не должно быть; съѣзды должны лишь констатировать наличность разногласій по различнымъ вопросамъ: а кто желаетъ ознакомиться со всѣми этими мнѣніями, долженъ просто напросто обратиться къ официальнымъ протоколамъ. Всякое официальное мнѣніе Интернаціонала есть лишь насиліе большинства надъ меньшинствомъ, а это совершенно недопустимо.

Не менѣе характерны были пренія по вопросу о томъ, кто имѣетъ право вступать въ Интернаціональ (этотъ вопросъ уже поднимался на первыхъ конгрессахъ Интернаціонала, при чемъ въ то время прудонисты высказывали такіе же граничащіе съ черносотенствомъ взгляды на интеллигенцію, какъ теперь анархисты). Одинъ делегатъ юрской федераціи, настаивая на томъ, что членами Интернаціонала могутъ быть только представители физическаго труда, прямо заявилъ: «намъ не надобно людей, которые слишкомъ много знаютъ и сбиваютъ насъ съ толку своими красивыми фразами». Гильомъ, энергично возражалъ противъ этого предложенія и доказывалъ даже, что революціонная интеллигенція больше всѣхъ другихъ заинтересована въ непосредственной революціи. Испанскій делегатъ Виньясъ благоразумно замѣтилъ увріеристамъ, что социализмъ не можетъ принять содѣйствія буржуазіи, какъ класса, но что было бы нелѣпо отвергать отдѣльныхъ лицъ, убѣжденных въ справедливости рабочаго дѣла и отдающихъ ему свои силы. Въ результатѣ большинствомъ рѣшено было допускать въ Интернаціональ не только представителей физическаго труда.

Само собой разумѣется, что слова «какъ средство», противъ которыхъ такъ возставали анархисты и въ свое время прудонисты, ибо на ихъ взглядъ они диктовали необходимость политической борьбы и во всякомъ случаѣ ея не отвергали, были выброшены изъ третьяго пункта статутъ.

Кромѣ того, конгрессъ обсуждалъ вопросъ о *всеобщей стачкѣ*, которая съ этого времени должна была сдѣлаться нераздѣльной частью анархическаго символа вѣры. Впервые (послѣ чартистовъ, идея которыхъ теперь была забыта и воскрешена Интернаціоналомъ) о всеобщей стачкѣ заговорилъ еще третій конгрессъ стараго Интернаціонала въ Брюсселѣ (1868 г.), на которомъ была принята резолюція, рекомендовавшая рабочимъ «прекратить всякую работу въ случаѣ, если, въ ихъ странахъ вспыхнетъ война». Но тогда всеобщая стачка разсматривалась лишь какъ *одно изъ средствъ борьбы съ войною*. У анархистовъ же, въ виду отрицанія ими политической борьбы, захвата политической власти, она начала играть роль панацеи,

единственнаго и вѣрнѣйшаго средства социальнаго переворота. Впервые мысль о всеобщей стачкѣ, какъ средствѣ для экспроприаціи капиталистическаго класса, выдвинута была на конгрессѣ бельгійской федераціи въ Вербье 13 апрѣля 1873 г. Совершенно естественно, что этотъ вопросъ принялъ первое болѣе или менѣе конкретное очертаніе именно въ Бельгіи, въ этой «мастерской европейскаго континента», въ странѣ постоянныхъ стачекъ. Характерно также, что непосредственная польза идеи всеобщей забастовки, по мнѣнію ея инициаторовъ, заключалась въ томъ, что она должна была положить конецъ частичнымъ стачкамъ, поскольку таковыя не вызывались абсолютной необходимостью. Слѣдующій бельгійскій съѣздъ въ августѣ 1873 г. высказался за организацію всеобщей забастовки. Къ этой идеѣ примкнула также Голландія. Первые попытки практическаго осуществленія всеобщей забастовки сдѣланы были въ Испаніи въ іюлѣ того же года. Здѣсь анархисты, чтобы хоть чѣмъ-нибудь оправдать свое политическое воздержаніе передъ лицомъ глубокаго кризиса, потрясшаго всю страну, объявили генеральную стачку въ Алькоѣ и Барселонѣ. Но это движеніе, отнюдь не ставившее себѣ непосредственной цѣлью экспроприацію капиталистическаго класса, скорѣе похоже было на конвульсивный порывъ растерявшихся людей и не привело ни къ какимъ результатамъ. Тѣмъ болѣе, что оно носило чисто мѣстный характеръ.

Антиавторитарному конгрессу въ Женевѣ пришлось много заниматься этимъ вопросомъ, докладъ по которому представленъ былъ Жуковскимъ. Докладчикъ высказалъ ту мысль, что вопросъ о всеобщей забастовкѣ подчиненъ болѣе или менѣе законченному осуществленію областной и международной организаціи профессиональных союзовъ и статистическимъ работамъ, которыя Интернаціональ долженъ предпринять въ виду этой забастовки. Съ другой стороны, такъ какъ «всеобщая забастовка есть не что иное, какъ социальная революція, ибо достаточно приостановить всѣ работы только на десять дней для того, чтобы совершенно разрушить современный строй», то коммисія полагала, что конгрессъ не долженъ рѣшать этого вопроса, тѣмъ болѣе, что, благодаря обсужденію его, враги будутъ посвящены въ тѣ средства, которыя Интернаціональ намѣренъ примѣнить для совершенія социальнаго переворота.

Въ концѣ-концовъ, послѣ довольно путаныхъ преній конгрессъ единогласно принялъ резолюцію, въ которой говорилъ, что при современномъ состояніи организаціи Интернаціонала вопросъ о всеобщей забастовкѣ не можетъ получить полнаго разрѣшенія, и настоятельно рекомендовалъ рабочимъ международную организацію профессиональных союзовъ, равно какъ активную социалистическую пропаганду.

Далѣе съѣздъ заявилъ, что Интернаціональ намѣренъ практиковать солидарность въ борьбѣ капитала съ трудомъ по отношенію ко всѣмъ рабочимъ міра, независимо отъ ихъ направленія. Мѣстомъ слѣдующаго конгресса назначенъ былъ Брюссель, при чемъ на бельгійскую федерацію возложены были функціи федеральнаго бюро на предстоящій годъ. Такъ какъ Генеральный Совѣтъ былъ уничтоженъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отмѣненъ и ежегодный членскій взносъ въ размѣрѣ 10 сантимовъ, и было поставлено, что всѣ расходы по корреспонденціи и организаціи общихъ конгрессовъ будутъ авансироваться той федераціей, которая будетъ служить федеральнымъ бюро, а затѣмъ ежегодно во время конгресса эти расходы будутъ раскладываться между отдѣльными національными федераціями.

Глава VI.— Конгрессъ анархическаго Интернаціонала въ Брюссель.

Второй антиавторитарный конгрессъ, который участники его называли седьмымъ общимъ конгрессомъ Интернаціонала, происходилъ въ Брюсселѣ 7—13 сентября 1874 г.¹⁾ На немъ были представлены: Англія Эккаріусомъ; Бельгія девятью делегатами (въ томъ числѣ Брисме и Куненъ), Испанія Фарга-Пелисеромъ (подъ псевдонимомъ Гомесъ); Франція какимъ-то неизвѣстнымъ ванъ-Ведмеромъ, по всей вѣроятности бельгійцемъ; Италія бельгійцемъ Веррейкенемъ; Юра Швицгебелемъ и Германія лассальянцами (!) Фроме и Фаустомъ, представлявшими, впрочемъ, не Всеобщій Нѣмецкій Рабочій Союзъ, а нѣмецкія группы въ Бельгіи. Совершенно очевидно, что представительство Франціи, Англіи и Германіи было совершенно фиктивнымъ и чисто декоративнымъ. Представительство Италіи тоже было мифическимъ, такъ какъ итальянскій соціально-революціонный Комитетъ (о немъ ниже) заявилъ, что никакихъ делегатовъ не пришлетъ; Веррейкенъ же представлялъ какую-то чуть ли не прекратившую свое существованіе палермскую группу. Такимъ образомъ на конгрессѣ присутствовали дѣйствительные представители только испанской, юрской и бельгійской федераціи, при чемъ послѣдніе подавляли остальныхъ своею численностью. Былъ еще какой-то русскій рекомендованный русскими членами женевской пропагандистской секціи. Гильомъ полагаетъ, что это былъ Кравчинскій, но такъ ли, это неизвѣстно²⁾.

¹⁾ Comptérendu officiel du VII-e Congrès général de l'Association Internationale de Travailleurs tenu à Bruxelles du 7 au 13 septembre 1874. Verviers, 1874. См. также Guillaume — l'Internationale, t. III, pp. 210 ss.

²⁾ О Брюссельскомъ антиавторитарномъ конгрессѣ Энгельсъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Бельгійцы и бакунисты засѣдаютъ теперь на своемъ съѣздѣ въ Брюсселѣ... На съѣздѣ 14 делегатовъ: одинъ нѣмецъ (лассальянец),

Брюссельскій конгрессъ опубликовалъ манифестъ ко всѣмъ рабочимъ, въ которомъ снова старался представить расколъ въ Интернаціональ, какъ споръ между принципомъ авторитета и принципомъ автономіи и федераціи, при чемъ старался обойти тѣ вопросы, которые глубоко раздѣляли самихъ конгрессистовъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о политической борьбѣ, о государственномъ элементѣ въ будущемъ обществѣ и т. п. Но какъ ни старались анархисты обойти всѣ эти подводные камни, временно скрытые подъ пепломъ ненависти къ марксистской «клинкѣ», огонь разногласій прорвался съ неожиданной силой. Это случилось при обсужденіи вопросовъ о политической борьбѣ и объ организаціи общественныхъ службъ въ будущемъ обществѣ.

Вопросъ объ общественныхъ службахъ былъ главнымъ вопросомъ, трактовавшимся на брюссельскомъ конгрессѣ. Докладъ по этому вопросу отъ имени брюссельской секціи представилъ де Папъ ¹⁾. Перечисливъ общественныя службы въ современномъ обществѣ и указавъ, какія изъ нихъ сохранятся въ будущемъ обществѣ и какія исчезнутъ, а также какія новыя общественныя службы должны будутъ быть созданы, докладчикъ ставитъ вопросъ, кѣмъ будутъ организованы и выполняемы эти различныя службы, и отвѣчаетъ: «Къ вѣдѣнію коммуны относятся слѣдующія общественныя службы: безопасность (полиція, судъ и пр.), регистрація актовъ гражданского состоянія, гигиѣна, общественное призрѣніе; все, что относится къ муниципальнымъ общественнымъ работамъ; постройка и ремонтъ домовъ; управленіе общиннымъ рынкомъ; къ вѣдѣнію федераціи коммунъ, т.-е. государства, относятся: дороги, почта, телеграфъ, желѣзныя дороги; крупныя областныя работы по расчисткѣ полей, дренажу, орошенію и т. д.; управленіе лѣсами; парсходное сообщеніе, поддержаніе водныхъ путей; организація страхованія; наконецъ нѣкоторыя предпріятія общепользнаго характера, какъ большія научныя путешествія, міровая статистика и т. п., относятся къ вѣдѣнію Всемирной Конфедераціи». Далѣе докладъ говоритъ о превращеніи земледѣлія въ общественную службу, о переходномъ характерѣ современной группировки рабочихъ по профессіямъ, которая исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ раздѣленія

1 французъ, 1 испанецъ, 1 Швингбелъ, а всѣ остальные бельгійцы. Тамъ царитъ общее разногласіе по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, замаскированное тѣмъ, что прямо дебатовъ не ведется, а только повѣстуетъ и слушается... Итальянцы заявили о свсемъ выходѣ изъ организаціи, такъ какъ открытое выступленіе Интернаціонала только вредитъ ихъ планамъ. Они намѣреваются впередъ заниматься только конспираціей, къ чему склоняются также и испанцы».

¹⁾ Докладъ де Папа былъ цѣликомъ напечатанъ въ протоколахъ конгресса (стр. 74 — 163). Русскій переводъ его былъ изданъ въ 1875 г. редакціей журнала «Впередъ» подъ заглавіемъ «Организація общественныхъ службъ въ будущемъ обществѣ».

труда, и т. д. И де Папъ кончаетъ свой докладъ слѣдующими словами: «Якобинской идеѣ всемогущаго государства и подчиненной коммуны мы противопоставляемъ идею свободной коммуны, самостоятельно назначающей всѣхъ своихъ должностныхъ лицъ безъ исключенія и самостоятельно выполняющей законодательныя, судебныя и полицейскія функціи. Либеральной идеѣ государства-жандарма мы противопоставляемъ разоруженное государство, обязанное давать воспитаніе юношеству и централизовать общія работы. Коммуна становится по существу органомъ политическихъ или такъ называемыхъ политическихъ функцій, какъ законъ, судъ, безопасность, обезпеченіе договоровъ, охрана неспособныхъ, гражданская жизнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ она является органомъ всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ службъ. Государство же становится по существу органомъ научнаго единства и крупныхъ работъ общаго характера, необходимыхъ для коллективности. Политическая децентрализація и экономическая централизація — таково, по нашему мнѣнію, положеніе, къ которому приводитъ это новое пониманіе двойной роли коммуны и государства, пониманіе, основанное на анализѣ общественныхъ службъ, рационально входящихъ въ компетенцію каждаго изъ этихъ органовъ коллективной жизни».

Кромѣ доклада де Папа на конгрессъ представлено было еще два доклада по этому поводу, одинъ коротенькій отъ одной бельгійской секціи и другой отъ пропагандистской секціи г. Женевы: послѣдній предусматривалъ сохраненіе сухопутной арміи для охраны безопасности границъ федераціи и военнаго флота для несенія функцій морской полиціи; но эти два доклада не имѣли особеннаго значенія.

Горячіе дебаты возгорѣлись вокругъ доклада де Папа, который явнымъ образомъ порывалъ съ бакунизмомъ, что анархисты сразу прекрасно замѣтили ¹⁾. Веррейкенъ выступилъ противъ государства, въ томъ числѣ и противъ государства рабочаго, повторяя всѣ общія мѣста анархистовъ. Онъ говорилъ, что, учреждая рабочее государство, социалисты просто заняли бы мѣсто буржуазіи; общественныя службы должны быть организованы съ помощью свободной общины и свободной федераціи общинъ; выполненіе ихъ естественно падаетъ на группы производителей, а надзоръ надъ ихъ выполненіемъ принадлежитъ делегаціямъ: въ коммунѣ — отъ профессиональных корпорацій, а въ областной федераціи — делегаціямъ отъ коммунъ. Швицгебель, делегатъ юрской федераціи, вѣрно замѣтилъ, что вопросъ ставится о выборѣ между государствомъ и анархіей. Анархисты стремятся къ разрушенію государства и къ

¹⁾ Неттлау въ своей библиографіи анархизма прямо говоритъ, что докладъ де Папа «n'est plus anarchiste», и онъ правъ. (См. M. Nettlau — *Bibliographie de l'Anarchie*, Paris-Bruxelles, 1897, стр. 51).

абсолютно-свободной организаціи рабочихъ между собою, группъ между собою, коммунъ между собою. Каждый рабочий воленъ не входить въ свой профессиональный союзъ, каждая группа можетъ остаться внѣ коммуны, а каждая коммуна внѣ областной федераціи. Зло, способное проистечь отъ такой неограниченной свободы, во всякомъ случаѣ будетъ меньше того зла, къ которому приведетъ возстановленіе государства.

Де Папъ поспѣшилъ поднять перчатку и въ чрезвычайно интересной и характерной рѣчи подчеркнул, что далеко не всѣ элементы, примкнувшіе къ антиавторитарному Интернаціоналу, раздѣляютъ анархическіе взгляды. «Сложилось мнѣніе, — сказалъ онъ, — будто, вслѣдствіе возстанія федерацій Интернаціонала противъ нѣкоторыхъ актовъ Гаагскаго конгресса и вслѣдствіе провозглашенія принципа автономіи и федераціи въ организаціи Товарищества, идея рабочаго государства умерла. На самомъ же дѣлѣ споръ между рабочимъ государствомъ и анархіей ¹⁾ остается открытымъ, и со времени столь важныхъ дебатовъ, волновавшихъ Интернаціональ, по поводу вопроса о собственности ²⁾, ни одинъ вопросъ не можетъ сравниться по серьезности съ тѣмъ, который подъ названіемъ: «кѣмъ и какъ будутъ отправляться общественныя службы въ будущемъ обществѣ» волнуетъ въ настоящее время нашу Ассоціацію. Этотъ вопросъ охватываетъ весь социальный вопросъ, и отъ разрѣшенія его въ ту или другую сторону можетъ также зависѣть способъ воздѣйствія рабочаго класса на революціонныя событія въ моментъ, когда онъ призванъ будетъ вмѣшаться въ нихъ. Въ Испаніи, въ части Италіи и въ Юрѣ господствуютъ идеи анархіи, тогда какъ въ Германіи, Голландіи, Англіи и Америкѣ большинство стоитъ за идею рабочаго государства (Бельгія еще колеблется между этими двумя тенденціями)».

Дальше де Папъ полагаетъ, что практичнѣе было бы, если бы рабочія федераціи вмѣсто того, чтобы пускаться въ область неизвѣстнаго и непредвидѣннаго, захватили руководство государствами и превратили ихъ въ социалистическія рабочія государства. Такъ безъ сомнѣнія и произойдетъ у большинства народовъ, гдѣ рабочіе найдутъ гораздо болѣе простымъ и легкимъ овладѣть существующими государствами, чѣмъ все уничтожить и затѣмъ все возстановлять. У другихъ, напримѣръ, въ Испаніи, благодаря внутреннему развалу государства, положеніе становится все болѣе и болѣе анархическимъ, а въ такомъ случаѣ вполне естественно, чтобы этотъ народъ совершенно заново перестроился снизу вверхъ. Во всякомъ—случаѣ де Папъ усматриваетъ въ анархической революціи серьез-

¹⁾ Тогда это слово писалось, по примѣру Прудона, раздѣльно.

²⁾ Т.-е. на Лозанскомъ (1867), Брюссельскомъ (1868) и Базельскомъ (1869), гдѣ шла борьба между партизанами и частной коллективной собственностію.

ную опасность для освобожденія рабочихъ, а именно отсутствіе общаго руководства, а ввиду господствующаго теперь невѣжества— возможность для отдѣльныхъ честолюбцевъ забрать въ свои руки руководство движеніемъ и придать ему ложное направленіе ¹⁾).

Въ концѣ концовъ съѣздъ рѣшилъ не принимать никакихъ резолюцій по вопросу объ организаціи общественныхъ службъ и передать его на разсмотрѣніе отдѣльныхъ федераций и секцій съ тѣмъ, чтобы снова вернуться къ нему на слѣдующемъ общемъ съѣздѣ. Становилось яснымъ, что антавторитарный Интернаціональ по существу своему безплоденъ, и не только потому, что онъ отказался отъ формулировки общаго партійнаго мнѣнія по принципиальнымъ вопросамъ, но и потому, что онъ физически не въ состояніи былъ притти къ такой формулировкѣ въ виду того, что въ немъ столкнулись двѣ непримиримыя тенденціи, которыя съ каждымъ днемъ должны были расходиться все дальше и дальше. Это немедленно же обнаружилось снова, какъ только конгрессъ перешелъ къ обсужденію слѣдующаго вопроса о политической дѣятельности. Сказка началась сначала.

Правда, чтобы поддержать видимость формальнаго единства, всѣ участники конгресса начали съ признанія невозможности навязать всѣмъ вѣтвямъ Интернаціонала единообразную политическую тактику. Но сохранить это идиллическое согласіе можно было лишь до тѣхъ поръ, пока конгрессисты не выходили изъ области чисто теоретическихъ разсужденій. На практикѣ же разрывъ былъ неизбеженъ. Но уже и въ чисто теоретической сферѣ обнаружались существенныя разногласія, предвѣщающія неотвратимое и близкое расхожденіе противоположныхъ элементовъ.

Эккаріусъ и оба нѣмецкіе делегата рѣшительно высказались за завоеваніе политической власти рабочемъ классомъ, тогда какъ испанскій, юрскій и нѣкоторые бельгійскіе делегаты столь же рѣшительно выступили въ пользу политическаго воздержанія (мнѣніе другой части бельгійской делегаціи, уже приближавшейся къ социаль-демократическому пониманію вопроса, высказано было де Папомъ при обсужденіи предыдущаго вопроса).

Фроме и Фаустъ развивали точку зрѣнія германской социаль-демократіи въ политическомъ вопросѣ. Предоставить буржуазіи исключительное господство въ государствѣ было бы для социалистической рабочей партіи равносильно самоубійству; послѣдняя должна оспаривать у буржуазіи политическую власть, а, завоевавъ ее, преобразовать буржуазное государство въ социалистическое. Они не обольщаются иллюзіей мирнаго разрѣшенія этого вопроса. Но легальная и парламентская дѣятельность служить для нихъ средствомъ агитаціи и самосохраненія. Достигнутые на этомъ по-

¹⁾ Comptes-rendu, стр. 178 и сл.

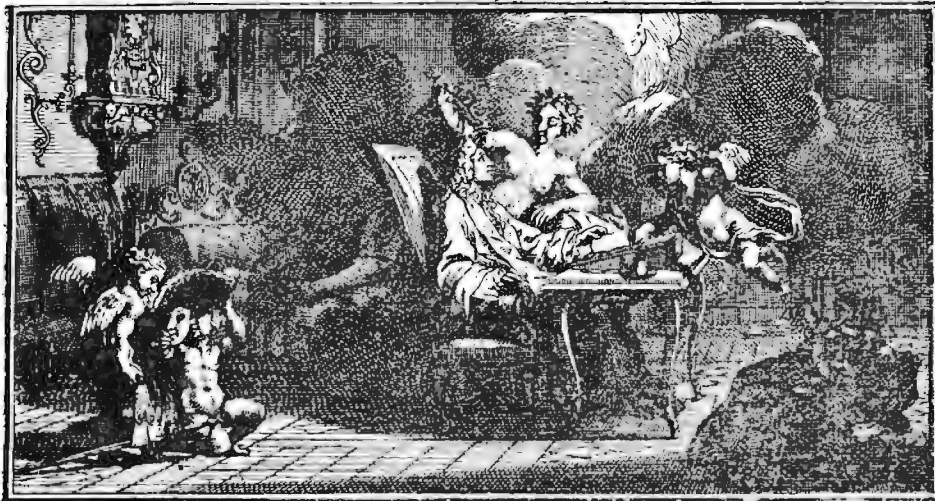
рищѣ результаты громко говорятъ въ пользу этой тактики. И всякая попытка отвратить нѣмецкихъ рабочихъ отъ политической дѣятельности была бы ребяческой.

Въ результатѣ конгрессомъ единогласно принята была слѣдующая компромиссная резолюція: «По вопросу о томъ, насколько политическая дѣятельность рабочаго класса можетъ быть необходима или полезна для приближенія соціальной революціи, конгрессъ заявляетъ, что каждой отдѣльной федераціи и соціаль-демократической партіи каждой страны предоставляется самой опредѣлять политическую тактику, которой она намѣрена держаться».

Анархисты почували опасность, которою угрожала ихъ организаціи тенденція, выразившаяся въ докладѣ де Папа и въ преніяхъ брюссельскаго съѣзда. «Бюллетень юрской федераціи» открылъ полемику противъ уступокъ, дѣлаемыхъ этимъ докладомъ «государственной» идеѣ. Но всѣ попытки замазать появившуюся щель были, конечно, тщетны: голосъ жизни оказался сильнѣе всѣхъ доктринерскихъ предубѣждений, и съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ выяснялась бесплодность и дезорганизаторскій характеръ анархической тактики, эта щель все больше расширялась, пока, наконецъ, не превратилась въ пропасть, отдѣлившую социалистовъ отъ анархистовъ.

Ю. Стекловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Во имя братства.

(Продолженіе¹⁾).

Глава XVII.

Новые люди и новые задачи.

Попрежнему привѣтливо встрѣтила меня Москва. Милыя барышни Паниотины даже запрыгали отъ радости при моемъ приходѣ къ нимъ.

— Мы очень опасались за васъ!—говорила младшая, самая умненькая и хорошенькая изъ четырехъ.—Почему вы намъ не дали о себѣ никакой вѣсточки?

— Я боялся повредить вамъ! Вы знаете, что всякій, знающій гдѣ я, или выдающійся со мной и не доносящій не меня, тоже считается государственнымъ преступникомъ и будетъ осужденъ²⁾. Если бъ перехватили мое письмо къ вамъ вы всѣ были бы посажены въ тюрьму.

— Но мы не боимся! Мы даже познакомились съ однимъ рабочимъ, замѣчательно хорошимъ человекомъ.

— Кто это?

— Союзовъ, онъ столяръ.

Но это—воскликнулъ я—тотъ самый, котораго я, уѣзжая, просилъ познакомить съ вами, чтобъ, возвратившись, я могъ

¹⁾ См. № 10.

²⁾ Дѣйствительно, тогда существовала статья о знаніи и недонесеніи въ политическихъ дѣлахъ—и грозила суровымъ наказаніемъ.

его разыскать! Это ученикъ Устюжанинова, сидящаго теперь въ темницѣ Третьяго отдѣленія. Онъ завѣщаль его мнѣ, и мнѣ необходимо его видѣть.

— Такъ пойдѣте сейчасъ же къ нему! — отвѣтила одна изъ сестеръ.

Мнѣ было очень любопытно посмотрѣть жилище Союзова. Квартиръ и мастеровыхъ я еще никогда не видалъ. Мы пошли съ ней по Арбату, и свернувъ въ переулокъ вошли въ ворота сѣровато-синяго деревяннаго дома. На его темной лѣстницѣ сильно пахло квашеной капустой и еще какими-то другими, не особенно пріятными для носа, запахами. Сама квартира, состоявшая изъ нѣсколькихъ комнатъ, не показалась мнѣ особенно плохой. Хозяйка, простая женщина, съ подтянутымъ подъ поясомъ передникомъ, отворившая намъ дверь, очевидно, варила обѣдъ, такъ какъ отъ нея пахло кухней.

— Войдите сюда! — показала она намъ. — Сейчасъ придетъ! — и ушла.

Отдѣльная комната, которую нанималъ у нея Союзовъ, была невелика, довольно темновата, сравнительно съ тѣми, какія приходилось мнѣ видѣть, по причинѣ сравнительной малости оконъ и стоявшихъ на нихъ горшковъ съ цвѣтами, закрывавшихъ свѣтъ, но она была чисто прибрана. Съ одной стороны стояла постель съ цвѣтнымъ одѣяломъ и съ двумя подушками, съ другой — небольшой верстакъ на случай домашнихъ подѣлокъ, надъ нимъ на стѣнѣ висѣли двѣ столярныя пилы и нѣсколько стамесокъ, а подъ крышкой верстака лежали на полкѣ топоръ и рубанки. На столикѣ въ углу стояла «гармонья», а по стѣнамъ были симметрично размѣщены дешевыя картинки и простыя фотографіи родныхъ и знакомыхъ, въ ажурныхъ и бронзовыхъ рамкахъ. На полкахъ надъ кроватью помѣщалась его библіотека, въ которой я успѣлъ прочесть на корешкахъ: учебникъ географіи, учебникъ исторіи и рядъ дешевыхъ популярныхъ изданій для народа. Все это мнѣ очень понравилось и нѣсколько удивило. По книжкамъ я составилъ себѣ понятіе, что рабочіе живутъ въ какихъ-то хлѣвахъ, въ родѣ скотныхъ, валяются десятками въ одной комнатѣ, а здѣсь выходило даже совсѣмъ недурно.

Очевидно, это потому, — сообразилъ я — что Союзовъ не черно-рабочій, а мастеровой и, какъ говорилъ мнѣ Устюжаниновъ, артистъ своего дѣла.

Наконецъ пришелъ и онъ самъ изъ столярной мастерской, гдѣ имѣлъ ежедневно работу у какого-то «хозяина». Онъ очень обрадовался моей спутницѣ и немного застѣнчиво улыбаясь, поздоровался со мной. Это былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, съ очень маленькими курчавыми усами и бородкой и съ сѣрыми задумчивыми глазами.

Чтобъ сразу преодолѣть стѣснительность перваго разговора, нѣтъ ничего лучше какъ начать объ общихъ знакомыхъ. Усвоивъ уже на практикѣ этотъ пріемъ, я сейчасъ же началъ рассказывать ему объ Устюжаниновѣ. Онъ весь сразу оживился. Видно было, что онъ ставилъ его необычно высоко, считалъ чуть ли не величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ и на мои вопросы началъ съ увлеченіемъ рассказывать мнѣ о первой встрѣчѣ съ нимъ. Онъ рѣже чѣмъ другіе рабочіе употреблялъ въ своемъ разговорѣ иностранные слова и менѣе путалъ ихъ произношеніе, хотя и называлъ пропаганду — прапагадной, а фамиліи Устюжанинова не могъ выговорить цѣликомъ и называлъ его сокращенно Устюжановъ. Онъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе. Въ каждомъ его словѣ и движеніи была видна дѣтскан-наивная искренность, доброжелательность и сильная жажда знанія. Онъ съ жадностью ловилъ каждое мое слово, когда я съ Паниотиной сталъ разсматривать его книжки. Такого рабочаго я видѣлъ еще первый разъ, другіе были болѣе замкнуты, болѣе, можетъ-быть, самолюбивы и потому и болѣе молчаливы въ присутствіи интеллигенціи. Въ ихъ душу трудно было заглянуть, благодаря тому, что они постоянно находились съ вами, такъ сказать, насторожѣ, считая васъ хотя и очень хорошимъ человѣкомъ, но другого поля ягодой.

А у этого вся душа была на распашку. Онъ не боялся показывать вамъ, что считаетъ васъ выше себя по знаніямъ, а благодаря тому и по сообразительности въ теоретическихъ вопросахъ, но во всѣхъ своихъ недоумѣніяхъ онъ, не стѣняясь, хотя и нѣсколько застѣпчиво, высказывалъ свои собственныя мысли, слушая со вниманіемъ, что вы говорите по поводу ихъ и явно собираясь все потомъ взвѣсить и обдумать наединѣ. Благодаря этой чертѣ, съ нимъ сейчасъ же устанавливались совершенно товарищескія отношенія.

Если вы хотите съ кѣмъ-нибудь подружиться, то сдѣлайте такъ, чтобы въ вашей душѣ не было для него или для нея ни одного темнаго уголка! Если онъ есть, то впечатлительный человѣкъ сейчасъ же почувствуетъ его и потому, несмотря на всѣ ваши нѣжности и подходы, будетъ говорить: «въ этомъ человѣкѣ мнѣ не все видно, въ немъ есть что-то, чего онъ не открываетъ ни мнѣ ни кому другому, и пока это есть,—я всегда буду инстинктивно находиться съ нимъ насторожѣ, хотя бы онъ и представлялся мнѣ очень умнымъ, дѣльнымъ и хорошимъ человѣкомъ».

Есть люди очень сдержанные—и это ихъ несчастье. Надо чтобъ по временамъ въ васъ прорывалась увлеченность, чтобъ по временамъ вы сказали и явную глупость, а не одно лишь умное, только тогда васъ будутъ не только уважать, но и любить. Сказанная вами явная глупость не только не повредитъ вамъ, но покажетъ собесѣд-

нику, что вы при немъ не взвѣшивасте каждое свое слово, а говорите по-просту все, что взбредетъ въ голову, значить вамъ можно довѣрять.

Въ моихъ, послѣдовавшихъ за этимъ свиданіемъ сношеніяхъ съ рабочими, товарищами Союзова, полному сближенію именно и мѣшало то, что они взвѣшивали при мнѣ каждое свое слово, боясь сказать глупость. Я сразу чувствовалъ это. Можетъ-быть, думалось мнѣ, они не хуже Союзова, но я не вижу внутренности ихъ душъ до глубины, какъ у него. Поэтому быстро перейдя съ Союзовымъ «на ты», я все еще оставался съ ними «на вы».

Такъ я принялъ «наслѣдство Устиежанинова», въ которомъ среди нѣсколькихъ, скажу, темныхъ для меня алмазовъ только что пробуждавшагося къ гражданскому сознанію рабочаго міра, оказался въ лицѣ Союзова большой бриллиантъ чистѣйшей воды.

Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ болѣе мы сближались, и черезъ него я, главнымъ образомъ, и велъ въ то время занятія съ рабочими, давая имъ всевозможныя, какъ популярныя, легальныя, такъ и наши заграничныя книжки.

Такъ прошелъ весь августъ и наступилъ сентябрь. Мой «гимназическій» кружокъ собрался вновь въ полномъ своемъ составѣ и нѣкоторые изъ его членовъ стали тоже стремиться къ знакомству съ рабочими, но очень осторожно, стараясь развивать ихъ умственно и избѣгая запрещенныхъ книгъ, служившихъ главнымъ вещественнымъ доказательствомъ для производства арестовъ. Не знаю какъ бы это все пошло далѣе и чѣмъ бы оно окончилась для меня, но вдругъ все сразу измѣнилось, и я былъ снова брошенъ на другого рода дѣятельность.

Въ концѣ сентября, или въ началѣ октября въ Москву снова пріѣхалъ Кравчинскій и тотчасъ же разыскалъ меня у Панютиныхъ.

— Какъ Алексѣева? — спрашиваю.

— Жива и здорова, и цѣлуетъ тебя. Она живетъ тамъ въ безопасности у своей знакомой.

— А что же ты такъ долго не вызывалъ меня освободить Волховскаго?

— Ничего нельзя было приготовить. Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ Одессу, его увезли.

— Куда?

— Мы думали сначала, что въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость, ждали чуть ни мѣсяцъ извѣстія. Жандармы въ Одессѣ скрывали его мѣсто и только на-дняхъ его жена получила письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что находится въ московской тюрьмѣ при Басманной части, въ одиночной камерѣ подъ особымъ жандармскимъ карауломъ, и имѣетъ прогулку на какомъ-то заднемъ дворикѣ вокругъ прудика.

— Но я знаю эту часть! Гимназистомъ я бывалъ тамъ раза два у моего товарища Фишера. Частный приставъ — его отецъ.

— Что это за человѣкъ?

— Я не знаю. Я видалъ его только мимоходомъ, да и сына его я знаю мало. Но тюрьмой тамъ называется — особое зданіе во дворѣ прямо противъ квартиры Фишеровъ.

— Отъ этого мало пользы, — задумчиво проговорилъ Кравчинскій. — Вотъ если бъ ты изслѣдовалъ окрестности и составилъ ихъ планъ.

— Сейчасъ же сдѣлаю это! — воскликнулъ я съ восторгомъ. — Я хорошо умѣю составлять планы по числу отсчитанныхъ шаговъ въ разныхъ направленіяхъ. Вотъ увидишь! — Къ вечеру все будетъ готово!

— Только не понадишь! Вѣдь приставъ тебя знаетъ въ лицо.

— Не узнаетъ! Онъ видалъ меня въ гимназической формѣ и послѣдній разъ года четыре назадъ.

Я быстро накинулъ пальто и свою кожаную фуражку и спѣшно отправился черезъ весь городъ къ зданію Басманной части.

Моросилъ мелкій осенній дождикъ. Узенькія струйки сбѣгали изъ отверстій водосточныхъ трубъ на сѣрыя плиты тротуаровъ. Небо было сѣро и монотонно, день тусклъ, но именно это мнѣ и пришлось. Въ такой день никто не выйдетъ гулять по домашнимъ садамъ, а ихъ то мнѣ и нужно было прежде всего изслѣдовать въ самой части и въ сосѣднихъ съ нею домахъ. Я пошелъ сначала по улицѣ мимо части и обошелъ ее кругомъ по боковымъ и задней улицамъ. Она стояла на одной изъ сторонъ неправильнаго пятиугольника, улицы котораго я воспринялъ начерно карандашемъ на листочкѣ бумаги, сосчитавъ число шаговъ на каждой сторонѣ и отмѣтивъ приблизительные углы улицъ, чтобъ воспроизвести потомъ ихъ въ точности.

Затѣмъ, съ беззаботнымъ и занятымъ видомъ, я прошелъ мимо часового-пожарнаго въ ворота части на дворъ и отправился къ его дальнѣйшему концу. Часовой посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, но ничего не сказалъ, то же сдѣлалъ и солдатъ съ ружьемъ у дверей въ тюрьму, мимо которыхъ мнѣ пришлось проходить — между тюрьмой и квартирой частнаго пристава. Я взглянулъ на рѣшетчатая окна тюрьмы, въ надеждѣ увидеть въ форточку Волховскаго, или кого нибудь изъ своихъ арестованныхъ друзей, но въ нихъ никого не было видно. Я ужъ составилъ заранѣе свои отвѣты на случай вопросовъ: скажу, что Фимеръ ждетъ меня въ саду, а если скажутъ, что его тамъ нѣтъ, то отвѣчу: «сейчасъ придетъ» — и пройду далѣе, не вступая въ разговоры. Имя сына начальника части навѣрно подѣйствуетъ — думалъ я.

Но меня никто ничего не спросилъ, такъ задумчиво я шелъ, не глядя по сторонамъ, какъ будто у себя дома. Въ концѣ двора

была калитка и отворилъ ее и вошелъ въ четырехугольный садикъ, посрединѣ котораго стояла бесѣдка и находился полупокрытый зеленою ряскою прудъ, съ мостками у одного конца для стирки бѣлья.

Вотъ это и есть тотъ прудикъ, — сообразилъ я, — около котораго гуляетъ Волховскій.

Въ саду никого не было, царилъ полная тишина, и лишь съ пожелтѣлыхъ листьевъ, оставшихся на нѣкоторыхъ деревьяхъ падали на мокрую траву крупныя капли.

Подойдя къ забору, я, съ дѣловитымъ видомъ, протянулъ руку вверхъ и увидѣлъ, что она не достигаетъ вершины приблизительно на одинъ аршинъ.

Высота заборовъ четыре аршина, — отмѣтилъ я въ памяти, — а затѣмъ, обойдя кругомъ двора вдоль заборовъ, сосчиталъ шагами ихъ размѣры, и съ такимъ же задумчивымъ видомъ, не смотря ни направо, ни налево, вышелъ вонъ на улицу, сосчитавъ шагами и его длину до воротъ.

— Какъ все просто дѣлается! — пришло мнѣ въ голову.

Я также дѣловито пошелъ въ ворота сосѣдняго дома, принадлежащаго частному владѣльцу. Въ одно мгновеніе я окинулъ взглядомъ его расположеніе и направился къ дальнѣйшему концу. Дворникъ посмотрѣлъ на меня съ крыльца флигеля, когда я проходилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, но увидя, что я иду, какъ хорошо знающій мѣсто, не озираясь по сторонамъ, и не глядя на него, вновь принялся за свою работу. Садъ за дворникомъ на этотъ разъ оказался очень длиннымъ, и я сообразилъ, что онъ идетъ до самой дѣйствительно, улицы. Въ концѣ его не было калитки, но взглянувъ сквозь щелку въ заборъ, я, увидѣлъ безлюдную улицу и отмѣтилъ на ней домикъ со стросеньями.

— Онъ, — сообразилъ я, — ограничиваетъ сзади дворъ части въ этомъ направленіи.

Я пошелъ назадъ вдоль забора. пограничнаго съ частью, и хотя не нашелъ въ немъ ни одной щелки, чтобы заглянуть, но, по измѣренному шагами разстоянію, отлично видѣлъ, гдѣ начинается дворъ части и отмѣтилъ въ его заборъ, поднявъ руку, ту же высоту его въ четыре аршина.

— Если Волховскому удастся перепрыгнуть сюда, — сообразилъ я, — то ему придется скакать всюду на заднюю улицу еще черезъ другой заборъ. Нехорошо!

Я прошелъ обратно, снова мимо копающагося дворника, сосредоточеннымъ видомъ и нарочно подбрасывая ногами опавшія листья.

Затѣмъ я обошелъ по поперечной улицѣ весь кварталъ и подошелъ къ домику на задней улицѣ, который я видѣлъ въ щелку.

— Вотъ здѣсь кончается сосѣдній съ частью садъ, подумалъ я, глядя напротивъ домика, и пошелъ туда въ слѣдующіе ворота.

Тамъ былъ мучной лабазъ; какая-то женщина полоскала въ ведрѣ бѣлье. Я подошелъ прямо къ забору, отдѣляющему этотъ дворъ отъ двора части, и сталъ его осматривать. Женщина, оставивъ полосканье, смотрѣла на меня.

— Вамъ кого? — спросила она.

— Никого! — отвѣчаю. — Велѣно осмотрѣть заборы. Говорятъ— всѣ въ щеляхъ и прогнили.

— Это не нашъ заборъ. Часть стропа.

— Мнѣ все равно, кто строилъ, а только надо все осмотрѣть и записать.

Найдя, наконецъ, маленькую щелку, я заглянулъ въ нее и увидѣлъ тамъ уже знакомый мнѣ садъ части съ прудомъ посрединѣ, полузатянутымъ ряской. Вокругъ прудика ходилъ теперь незнакомый мнѣ худощавый человѣкъ въ шляпѣ, и пальто, съ просѣдью въ небольшой бородкѣ. У бесѣдки, по другую сторону пруда, стоялъ жандармскій солдатъ, или унтеръ-офицеръ, въ мѣдной каскѣ.

— Вѣрно это Волховскаго вывели гулять, — подумалъ я, — и повернувъ, пошелъ обратно на улицу, отсчитывая шаги.

Женщина, удовлетворившись моимъ отвѣтомъ и, очевидно, считая меня посланнымъ съ полиціи, уже продолжала свою стирку и даже не взглянула на меня.

Я пошелъ направо и вышелъ въ удивительное мѣсто, существованіе котораго едва ли можно было даже и заподозрить посрединѣ большого города. На этой сторонѣ, изслѣдуемаго мною, пятиугольника улицъ, въ дѣйствительности не было никакой улицы. Это былъ берегъ большого болотистаго озера, десятины двѣ въ поверхности, которое могло бы составить лучшее украшеніе всякаго города, если бъ кругомъ него сдѣлали площадь и бульваръ и обстроили его большими каменными домами, съ красивыми фасадами, смотрящими на него. Но ничего подобнаго здѣсь не было. Всѣ окружающіе дома, какъ бы сговорясь, повернулись къ нему спиной и съ презрѣніемъ отгородились отъ него по самымъ берегамъ высокими заборами своихъ заднихъ садиновъ, чтобъ не видѣть его совсѣмъ. Къ его берегамъ, поросшимъ камышами, не было даже почти никакого прохода, за исключеніемъ того, черезъ который я теперь пришелъ. А этотъ проходъ привелъ меня прямо къ длиннымъ, не окрашеннымъ, деревяннымъ мосткамъ, идущимъ на полверсту вдоль прилегающихъ заборовъ. Они были на сваяхъ, вбитыхъ въ болотистый берегъ и шли почти прямо надъ водой.

Изъ московской публики почти никто не зналъ объ этомъ проходѣ, ведущемъ отъ пустынныхъ хлѣбныхъ амбаровъ въ которыхъ я только что былъ, къ большимъ банямъ. Между зданіями этихъ бань и ихъ дровяными складами былъ, никогда не закрывающійся, пустынный дворъ, выходящій прямо на людную

площадь, далеко отъ воротъ Басманной части, со многими прилегающими къ нему улицами.

Я и раньше зналъ эти оригинальные мостки на сваяхъ, такъ какъ жилъ недалеко отъ нихъ зданіи Рязанскаго вокзала и не разъ проходилъ по нимъ, возвращаясь домой при лунномъ свѣтѣ, озарявшемъ озеро тогда мнѣ еще гимназисту жутко становилосъ при мысли о жуликахъ, которые, по слухамъ, скрывались здѣсь подъ мостками и выскакивали грабить рѣдкихъ проходящихъ здѣсь смѣльчаковъ, выбрасывая ихъ затѣмъ въ озеро. Но я и не подозревалъ, что садикъ Басманной части, въ которомъ гуляютъ политическіе заключенные, отдѣляется отъ этихъ пустынныхъ мостковъ лишь однимъ заборомъ!

И вотъ мои измѣренія прямо показали мнѣ это!

Я отсчиталъ соотвѣтствующее число шаговъ отъ начала мостковъ и сказалъ: вотъ здѣсь начинается задній уголь садика части! И дѣйствительно, заборъ здѣсь былъ немного выше сосѣдняго, изъ болѣе новыхъ и болѣе толстыхъ досокъ. Я поискалъ между ними щелки, но не нашелъ, за исключеніемъ одной, очень маленькой. Я расширилъ ее своимъ перочиннымъ ножомъ и въ узенькое отверстіе увидалъ уже знакомый мнѣ прудикъ, и предполагаемаго Волховскаго, гуляющаго кругомъ. Вотъ онъ прошелъ совсѣмъ у моей щелки, я могъ бы шопотомъ сказать ему нѣсколько словъ, но онъ прошелъ мимо.

Въ одно мгновеніе у меня составилъ планъ его спасенія.

— Куплю большой коловоротъ и высверлю вечеромъ въ этомъ заборѣ, на аршинъ отъ земли, круглую дыру; заткну ее, заранѣе приготовленной по величинѣ коловорота, сѣрой деревянной пробкой, подъ черный цвѣтъ забора. Никто не обратитъ на это вниманье, а если и обратитъ, то подумаютъ, что здѣсь задѣлана давнишняя, никому ненужная дыра. А тѣмъ временемъ мы сговоримся съ Волховскимъ, и въ одинъ прекрасный день, когда онъ, гуляя, будетъ проходить мимо этого мѣста, я просуну ему сквозь свою дыру толстую деревянную палку, а Кравчинскій переброситъ черезъ заборъ веревку съ узлами. Волховскій схватится за веревку, вскочитъ одной ногой на просунутую мною палку, и тогда ему совсѣмъ легко будетъ сѣсть верхомъ на заборъ, а затѣмъ соскочить на руки Кравчинскаго, который, при своей силѣ, схватитъ его какъ ребенка. Жандармъ съ крикомъ бросится кругомъ озера ловить его, но я выдерну обратно свою палку и онъ напрасно будетъ прыгать, чтобъ достать до верха забора... Все равно не достанетъ, заборъ нарочно сдѣланъ такимъ высокимъ! А если онъ будетъ стрѣлять изъ револьвера, то не пробьетъ толстыхъ досокъ, въ которыя ему придется стрѣлять даже не прямо, а вкось. Да и трудно попасть въ насъ случайно, вѣдь мы сейчасъ же уйдемъ къ банямъ или къ складамъ, судя по тому, какъ намъ удобнѣе.

А случайныхъ прохожихъ здѣсь нечего бояться, они сами убѣгутъ отъ насъ изъ опасенія, что мы ихъ сбросимъ въ озеро.

Въ восторгѣ отъ своего открытія, я побѣжалъ въ зданіе вокзала Рязанской желѣзной дороги, къ своему гимназическому товарищу Печковскому, составилъ планъ всего осматрѣннаго мною, со всѣми подробностями, и въ тотъ же вечеръ представилъ его Кравчинскому.

Ему очень понравилось все это. Однако осуществить проектъ пока представлялось невозможнымъ, не сговорившись съ Волховскимъ.

— Это будетъ сдѣлано очень скоро, сказалъ онъ, — и мы съ нимъ сговоримся лучше, чѣмъ черезъ твою щелку въ заборѣ. Наташа Армфельдъ уже давно установила сношенія съ тамошними политическими заключенными и тайно отъ начальства переписывается съ ними каждую недѣлю черезъ одного унтеръ-офицера изъ дежурящихъ тамъ жандармскихъ карауловъ. Но я не хочу писать черезъ нее Волховскому, потому что тогда унтеръ-офицеръ ее выдастъ, въ случаѣ осуществленія побѣга.

— Онъ, значить, за деньги передастъ письма?

— Да, по рублю за каждую записку.

— Но вѣдь побѣгъ будетъ не въ его дежурство?

— Конечно, въ чужое дежурство. Но все равно онъ будетъ думать, что это устроила она, а она живетъ подъ своимъ именемъ. А если съ Волховскимъ черезъ него будетъ переписываться другой, то онъ и подумаетъ на него, а не на Наташу.

— А кто же будетъ другой!

— Я — отвѣтилъ онъ.

— Смотри, не попадись!

— Нѣтъ, я буду остороженъ.

Прошелъ день, другой, третій... прошла цѣлая недѣля.

Все время я былъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи начала освобожденія, и постоянно бѣгалъ къ Кравчинскому за свѣдѣніями. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ съ довольнымъ видомъ:

— Я познакомился черезъ Наташу съ унтеромъ. Я сказалъ ему, что я двоюродный братъ Волховскаго, и мнѣ необходимо писать ему по семейнымъ и денежнымъ дѣламъ.

— А когда ближайшее свиданье съ унтеромъ?

— Сегодня, въ трактирѣ на Цвѣтномъ бульварѣ, въ четыре часа. — Ты приходи туда за четверть часа до четырехъ, садись гдѣ-нибудь въ углу единственной тамъ большой комнаты, спиной къ стѣнѣ, такъ чтобъ все тебѣ было видно и наблюдай за нами... Смотри, нѣтъ ли соглядатаевъ, приведенныхъ унтеромъ.

— Хорошо! Если замѣчу, то кашляну два раза и тутъ же налью себѣ въ стаканъ чаю изъ чайника, а если нѣтъ, то подопру себѣ голову одной рукой.

— Отлично. Если онъ приведетъ шпионовъ, то я скажу ему, что мнѣ нужно выйти на минуту, чтобъ онъ подождать, и самъ

скроюсь через проходной дворъ около трактира. Я потому и выбиралъ именно его.

— А что дѣлать, если не будетъ ничего подозрительнаго?

— Тогда жди, когда я выйду первый, а ты смотри, что будетъ дѣлать унтеръ послѣ меня и, если будетъ можно, посмотри куда онъ пойдетъ.

За полчаса до назначеннаго времени я уже сидѣлъ въ углу трактира такъ, что мнѣ все въ немъ было видно, и, не торопясь, пилъ чай и просматривалъ лежавшую бульварную газету.

Трактиръ оказался изъ третье-класныхъ, и главными посѣтителями были средніе торговцы и приказчики. За нѣсколько минутъ до четырехъ часовъ мое вниманіе обратилъ на себя вошедшій жандармскій унтеръ-офицеръ, который, снявъ свою каску, осмотрѣлся по сторонамъ и перѣшительно сѣлъ у маленькаго бокового столика нѣсколько наискось отъ меня.

— Это онъ! — пришло мнѣ въ голову.

— И я не ошибся.

Ровно въ четыре часа появился Кравчинскій и тотчасъ же, направившись къ нему, поздоровался съ нимъ за руку. Онъ сѣлъ напротивъ унтера и съ виѣшнимъ равнодушіемъ взглянулъ на меня.

Я на минуту подперъ лѣвой рукой свою щеку, онъ, видимо, понялъ, и, не смотря на меня болѣе, началъ тихій разговоръ съ унтеромъ. Никто изъ немногихъ посѣтителей не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Я расплатился со служителемъ, но оставался сидѣть, какъ бы окончивая свой стаканъ и дочитывая газету.

Наконецъ Кравчинскій ушелъ, и никто не послѣдовалъ за нимъ. Затѣмъ вышелъ унтеръ, безпокойно оглядѣвшись кругомъ, и за нимъ отправился я, идя издали. Очевидно, убѣдившись, что за нимъ никто не смотритъ, онъ шелъ не оглядываясь, пока его мѣдная каска, по которой я могъ его видѣть очень далеко, не исчезла въ воротахъ казармы.

— Итакъ, дѣло, начинается хорошо! — сказалъ мнѣ Кравчинскій, когда я, возвратившись, рассказалъ ему все. — Въ запискѣ которую я далъ теперь унтеру, я еще не писалъ Волховскому ничего, а только разныя привѣтствія по французски, чтобъ испытать унтера. Посмотримъ что онъ отвѣтитъ.

И вотъ началась длинная, томительная для меня переписка.

— Скорѣй, скорѣй! — торопилъ я Кравчинскаго — Вѣдь въ такихъ дѣлахъ каждый просроченный день противъ насъ и въ пользу нашихъ враговъ! Унтеръ можетъ струсить и отказаться, начальство можетъ замѣтить слабое мѣсто этого садика при части! Надо скорѣе!

— Сдѣлаешь скоро, выйдетъ неспоро! — отвѣчалъ онъ мнѣ русской, скверной пословицей, которую я тутъ же возненавидѣлъ.

Оказалось, что Волховскому и самому пришла мысль о возможности перескочить черезъ заборъ, но ему хотѣлось бы, чтобъ тамъ ждала лошадь, а то легко могутъ поймать прохожіе, принявъ насъ за воровъ.

Такъ передалъ мнѣ Кравчинскій, послѣ одного изъ своихъ новыхъ свиданій съ унтеромъ

— Но—возражалъ я—никакихъ прохожихъ тамъ нѣтъ! А если и покажется какой одинокій, то прежде всего самъ испугается насъ и убѣжитъ въ другую сторону.

— Я боюсь не за себя—отвѣчать Кравчинскій.—Я всегда убѣгу. Думаю и ты тоже, но я боюсь за Волховскаго, сильно ослабѣвшаго въ заключеніи. Съ нимъ можетъ сдѣлаться одышка, и онъ прямо не будетъ въ состояніи бѣжать. Извозчикъ необходимъ поблизости.

Противъ этого трудно было возразить что нибудь. И вотъ вновь потянулись день за днемъ въ подготовкѣ извозчика. Рѣшено было сначала купить свою лшадь и посадить въ пролетку кучеромъ одного изъ товарищей, Воронкова, бывшаго артиллерійскаго офицера и товарища Кравчинскаго, но вслѣдъ за тѣмъ, кто-то изъ пропагандистовъ сошелся съ однимъ извозчикомъ-лихачемъ, который подавалъ надежды принять участіе, и дѣло затянулось вновь.

А тѣмъ временемъ Волховскаго неожиданно перевели изъ Тверской части въ Бутырскій тюремный замокъ и посадили въ знаменитую Пугачевскую башню, въ которой когда-то сидѣлъ Пугачевъ, а теперь политическіе заключенные! Оправдалось мое мнѣніе, что въ заговорахъ каждый потерянный даромъ день даетъ лишній шансъ противъ заговорщиковъ и лишній шансъ въ пользу ихъ враговъ!

Но это обстоятельство нисколько не смягчило моего глубокаго огорченія. Планъ, который казался мнѣ такимъ вѣрнымъ, такимъ остроумнымъ рушился — и никакого другого я не могъ придумать взамѣнъ. Сраженіе было проиграно! Комическая фигура унтера прыгающаго черезъ заборъ и не могущаго перескочить его, потому что само начальство сдѣлало ограду слишкомъ высокой, осталась, однимъ призракомъ моего воображенія... «Смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ», и смѣшнымъ оказался я!

Но мнѣ страшно не хотѣлось этого!

— Напишите,—просилъ я и Кравчинскаго и Наташу Армфельдъ,—всѣмъ еще оставшимся тамъ политическимъ заключеннымъ, что они легко и вѣрно могутъ убѣжать такимъ способомъ! Они могутъ даже одни сдѣлать это, подставивъ въ томъ углу какую-нибудь доску или полѣно, чтобъ достать руками до верха забора.

Кравчинскій написалъ, но сидящіе еще надѣялись какъ-нибудь отвѣртѣться,—никто не хотѣлъ сейчасъ бѣжать.

Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убѣжалъ оттуда этимъ самымъ способомъ докторъ Ивановскій. Ему не зачѣмъ было

даже подставлять полѣно, или просить товарищей высверлить дыру и просунуть ему палку для опоры. Онъ былъ огромнаго роста, за который его и звали Василій Великій. Въ одинъ прекрасный день онъ подошелъ къ этому забору, подпрыгнулъ, ухватился за его край, и, перебросившись на описанные выше мостки, быстро прошелъ по нимъ во дворъ бань, а оттуда на площадь и улицы къ своимъ знакомымъ, оставивъ сторожившаго его унтеръ-офицера съ воплями и выстрѣлами въ воздухъ бесполезно скакать у высокаго забора.

Воспользовался ли онъ непосредственно тѣми свѣдѣніями, какія я сообщалъ въ эту тюрьму черезъ Наташу, или узналъ объ этомъ какимъ-нибудь другимъ путемъ? Во всякомъ случаѣ, открыть, безъ специальныхъ измѣреній въ родѣ сдѣланныхъ мною, что маленькая часть забора у садика Басманной тюрьмы именно и есть та же самая, которая идетъ вдоль мостковъ въ бани, было совершенно невозможно.

По дальности входа въ эти бани отъ входа часть — невольно казалось, что между ея садикомъ и этими мостками огромное разстояніе, состоящее промежду точныхъ дворовъ. Я самъ раньше даже и не предчувствовалъ такой близости ихъ къ части, казавшейся совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, потому что входъ въ нее былъ съ противоположной улицы. И Всѣ эти соображенія даютъ мнѣ надежду думать, что товарищи Ивановскаго по заключенью, получившіе тогда отъ меня планъ этой мѣстности, сообщили его ему и такимъ образомъ дали возможность осуществить свой смѣлый побѣгъ. Послѣ него онъ уѣхалъ въ Болгарію и сдѣлался тамъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей, къ которому пріѣзжали больные за сотни верстъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ прыгнулъ именно въ тотъ самый незначительный промежутокъ въ нѣсколько досокъ, который я указывалъ на планѣ какъ единственно подходящий... Иначе онъ попалъ бы въ сосѣдній садъ.

Является ли эта моя надежда на связь его побѣга съ моими изысканіями одной иллюзіей? Если и да, то мнѣ хотѣлось бы сохранить ее до конца жизни!

Вѣдь такъ пріятно спасти жизнь человѣку!

ГЛАВА XVIII.

Въ дырявыхъ лаптяхъ.

Неудача съ освобожденіемъ Волховскаго очень сильно подѣйствовала на меня. Я сейчасъ же пошелъ осматривать окрестности Бутырскаго тюремнаго замка, гдѣ онъ теперь сидѣлъ. Но результаты оказались самые безотрадные.

Это было прочное каменное зданіе, стоящее особнякомъ посреди занимаемой имъ площади. Изъ четырехъ круглыхъ башенъ по его угламъ—двѣ были заняты политическими по ни одно лицо заключеннаго не высовывалось изъ за решетокъ ихъ оконъ, въ которыхъ были глухія рамы. Я обошелъ его кругомъ, нигдѣ нѣтъ подступа. По угламъ и у желѣзныхъ воротъ стоятъ часовые съ ружьями. Пришлось возвратиться домой и сказать Кравчинскому, что дѣло здѣсь безнадежно..

— Ничего!—отвѣтилъ онъ.—Освободимъ по дорогѣ, когда его повезутъ на допросъ. Но только на предварительную подготовку теперь понадобится мѣсяца три времени.

Еще три мѣсяца ожиданія!—подумалось мнѣ,—Это мнѣ показалось вѣчностью.

Моя пропаганда среди рабочихъ, которой я теперь занимался, мало меня удовлетворяла.

Три-четыре крошечныхъ книжки, составлявшія весь нашъ революціонный репертуаръ того времени для народа, были причитаны мною рабочимъ, но потребности пробужденнаго гражданскаго сознанія ихъ оставались все же неудовлетворенными. Вѣдь нельзя же было каждый вечеръ подрядъ пересчитывать, какъ евангеліе, одну и ту же сказку «О четырехъ Братьяхъ»—Тихомірова, величиной въ печатный листъ, да брошюру Шишко «Чтой-то, братцы, плохо живется народу на святой Руси?» величиной въ 4 страницы, да еще составленный Клеменцемъ, народный пѣсенникъ въ шестнадцать стриничекъ. Этого хватало на недѣлю, но вѣдь въ году ихъ бывасть пятьдесятъ двѣ!

А рабочему хотѣлось знать и о звѣздахъ, и о солнцѣ и о лунѣ и о чужихъ странахъ и ихъ порядкахъ! И вотъ, такъ называемая «преступная пропаганда» черезъ недѣлю же свелась и у меня какъ у другихъ, на обученіе рабочихъ географіи, этнографіи, космографіи, т.-е. всего того, что входитъ въ прямые обязанности народнаго учителя. Но въ такомъ случаѣ,—пришло мнѣ въ голову—не лучше ли и дѣлать это служба въ земствѣ, а не преподавать тайно, уходя за это въ тюрьмы и рудники?

Идя къ моимъ новымъ друзьямъ, я ждалъ совсѣмъ другой дѣятельности. Мнѣ никогда не хотѣлось «позабыть все, чему насъ учили» — какъ выражались нѣкоторые мои товарищи и, опроститься умственно, до уровня бузграмотной части населенія, хотя бы морально она и была чище и лучше нашей интеллигенціи. Мнѣ хотѣлось поднимать умственный уровень массъ до уровня насъ самихъ, а практика нашей пропаганды показала, что это же принуждены были дѣлать и остальные, говорившіе о собственномъ прощеніи: они тоже преподавали рабочимъ и географію, и этнографію, и исторію, подчиняясь запросамъ самихъ рабочихъ, у большинства которыхъ было сильное стремленіе учиться и знать

Все то, что знают их друзья, студенты, или «скубенты», как их многие тогда называли в народѣ. Рабочіе въ то время представляли собой, дѣйствительно, пробуждающееся къ сознанію крестьянство, его интеллигенцію, его наиболѣе отзывчивый и предприимчивый элементъ, выходившій изъ народныхъ массъ и стремившійся въ города къ новой лучшей жизни, а не отбросы крестьянства, какъ ихъ тогда считали многие. И во всѣхъ своихъ странствованіяхъ въ народѣ я видѣлъ, что именно такъ относятся къ нимъ молодые крестьяне, не выходившіе еще ни разу изъ своихъ деревень, стараясь усваивать себѣ ихъ одежду и манеры.

Теперь я познакомился съ избранными изъ нихъ и увидѣлъ, что послѣ прочтенія ими въ два-три дня всѣхъ моихъ нелегальныхъ книжекъ, я принужденъ былъ далѣе давать имъ легальные.

Когда я высказалъ эти соображенія на собраніи остатковъ московской группы нашего общества,—а въ ней оставались теперь только четыре человека вмѣстѣ со мною,—то Наташа Армфельдъ мнѣ отвѣтила:

— Что же дѣлать? Если правительство не разрѣшаетъ школъ для обученія рабочихъ легально, то приходится обучать ихъ тайно, съ опасностью для собственной жизни.

— А не лучше ли, — отвѣтилъ я, — прямо низвергнуть правительство, считающее народное образованіе, и вообще умственное пробужденіе массъ, опаснымъ для своего существованія и замѣнить его новымъ, республиканскимъ которое не только не считало бы его опаснымъ для себя, но, наоборотъ, клало бы его въ основу своей прочности? Вѣдь при немъ въ десять лѣтъ было бы сдѣлано обычными учителями то, что не будетъ сдѣлано нами и во сто?

— Это уже якобинство — отвѣтилъ Кравчинскій. — Ты хочешь *coup d'état*, произведеннаго небольшою горстью интеллигенціи. Но сейчасъ же произойдетъ контрреволюція, и старое будетъ восстановлено, какъ во Франціи при Наполеонѣ, раньше чѣмъ ты что-нибудь успѣешь сдѣлать для народа.

Но мнѣ не хотѣлось вѣрить этому.

Образованная часть населенія — думалось мнѣ, — хотя и мала у насъ, но она находится въ центрѣ и потому сильна своимъ положеніемъ. Какъ небольшая горсть хорошихъ смѣлыхъ стрѣлковъ на высотахъ могутъ остановить цѣлую армію — такъ и мы, въ центрахъ государства, и прикрытые браней своей невидимости, можемъ сдѣлать политическій переворотъ и можемъ создать федеральное республиканское правительство, какъ въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ той части населенія, которая получила уже начальное образованіе. Безграмотныхъ, — думалось — мнѣ, придется исключать изъ избирательныхъ списковъ до тѣхъ поръ, пока они не выучатся

хотя бы читать, писать и считать, для чего должно быть объявлено сейчасъ же всеобщее обязательное обученіе для дѣтей и бесплатное для взрослыхъ. А иначе безграмотные граждане дѣйствительно возстановятъ старый порядокъ, не будучи въ состояніи понять своимъ ограниченнымъ умомъ новаго.

— Пойду еще разъ посмотрѣть на народъ въ средней Россіи, отвѣтилъ я своимъ друзьямъ,—чтобъ составить себѣ окончательное мнѣніе!

Хожденіе по народу привлекало меня тѣмъ, что я, дѣйствительно, находилъ въ крестьянахъ много оригинальнаго, такого, чего я не замѣчалъ въ нихъ въ своемъ прежнемъ, привилегированномъ положеніи.

Въ большинствѣ людей,—пришелъ я тогда къ выводу,—находятся нѣсколько душъ, или, по крайнѣе мѣрѣ, личностей.

Одна проявляется у человѣка когда онъ остается одинъ, другая—когда онъ вдвоемъ, третья,—когда онъ въ большомъ обществѣ. Нѣкоторые въ большомъ обществѣ стараются всехъ переспорить, и тогда не возражайте имъ: они ни за что не согласятся съ вами чтобы остальные не подумали, что они знаютъ менѣе васъ. А когда вы съ ними наединѣ, они уже совсемъ не такіе спорщики, и съ ними можно до чего нибудь договориться, а наединѣ они заняты тѣмъ, что воображаютъ о себѣ разныя необыкновенныя вещи, въ родѣ меня, какъ въ романахъ. Но иногда у человѣка бываетъ и больше душъ. Такъ, у большинства чиновниковъ и командировъ къ этимъ тремъ душамъ прибавляются еще, по крайней мѣрѣ, двѣ. одна льстивая, когда они съ начальствомъ и другая высокомерная, когда они съ подчиненными. Очень мало цѣльныхъ людей, которые имѣютъ только одну душу, и притомъ они большею частью бываютъ. Глупы, умныхъ цѣльныхъ людей очень мало, и они то и бываютъ геніями и героями добра. У народа, тоже проявляются двѣ действительныя души. Одна—въ присутствіи привилегированныхъ классовъ, другая—между собой. И вотъ эту-то вторую душу и можно наблюдать, когда ходишь по деревнямъ въ простомъ народномъ костюмѣ, какъ свой между своими.

— Тебѣ не хочется тоже походить по простому народу?—спросилъ я подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей своего рабочаго друга Союзова, уйдя къ нему съ описанно мною собранія.

— Хочется!—отвѣтилъ онъ.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ пильщиками въ лѣса.

Пильщикомъ идти мнѣ особенно хотѣлось, потому что въ такомъ видѣ ходилъ въ народѣ мой другъ и идеаль, Кравчинскій. Его рассказы о томъ, какъ онъ стоялъ въ высотѣ на бревнѣ и распиливалъ его на доски вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Рогачевымъ, рисовались въ моемъ воображеніи, какъ нѣчто поарзительно красивое.

— Пойдемъ!—отвѣчалъ Союзовъ, и было видно, что онъ уже такъ привязался ко мнѣ послѣ ареста своего перваго идеала, Устюжанинова, что готовъ былъ идти со мной и въ огонь и въ воду.

И вотъ, въ одинъ тусклый день конца октября, когда ранняя зима уже, разсыпала по землѣ свой бѣлый покровъ снѣга, двое молодыхъ путниковъ вышли изъ Москвы и направились по дорогѣ въ Троице-Сергіевскую Лавру. Они были въ сѣрыхъ шапкахъ, въ овчинныхъ полушубкахъ и грубыхъ, бурыхъ архалукахъ, т.-е. халатахъ поверхъ полушубковъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, за которыми сзади были заткнуты топоры. Черезъ плечи у обоихъ висѣли на подвязкахъ широкія большія дровяныя пилы и, рядомъ чѣ ними грубые сѣрые холщевые мѣшки съ пожитками. На ногахъ у нихъ были надѣты лапти, отъ которыхъ веревочки, крестъ на крестъ, обвивали воилочные онучи, или обвертки, поднимающіяся почти до колѣнъ.

Это были по внѣшности самые грубые представители, деревни и шли чему-то, видимо, радуясь и по временамъ выдѣлывая въ своихъ лаптяхъ по слѣжной дорогѣ неуклюжій танецъ въ родѣ медвѣжьяго. Да и попробуйте-ка потанцевать въ въ такой обуви съ подвертками! Какія бы изящныя штуки ни выкидывали вы ногами, все обращается въ что-то косолапое!

И путники явно умирали со смѣху, глядя сами на себя и другъ на друга и показывая этимъ, что такая одежда была для нихъ еще непривычна.

Мнѣ не нужно, конечно, объяснять читателю, что это былъ я и Союзовъ, отправившіеся теперь въ самый, что ни на есть «сѣрый, чернорабочій народъ».

И для Союзова, какъ для меня, это положеніе было необычно: вѣдь городскіе рабочіе, какъ я уже говорилъ считались въ своихъ деревняхъ, такъ сказать аристократіей. При возвращеніи ихъ въ село всѣ сбѣгались на нихъ посмотрѣть, какъ на что то необычайное, высшее, и молодежь брала съ нихъ примѣръ. Союзовъ привыкъ къ юности къ этому отношенію онъ никогда не былъ чернорабочимъ и наше оутешествіе занимало его съ чисто романтической точки зрѣнія. Онъ, подобно мнѣ, тоже съ юности любилъ читать романы. Онъ больше читалъ, конечно, единственно-доступныя ему душевныя народныя изданія, но вѣдь и въ нихъ былъ тотъ же самый романтизмъ!

Однако онъ, какъ выросшій въ крестьянской средѣ, зналъ хорошо ея обычаи и кодексъ деревенскій приличій, а потому при встрѣчахъ съ крестьянами я всегда старался предоставить разговоръ ему, что, впрочемъ, происходило и само собой, потому что встрѣтятся и обращались обыкновенно къ нему, какъ къ старшему изъ двоихъ.

Особенности нашего «сѣраго положенія» сказались очень быстро.

Уйдя верстъ двадцать отъ Москвы, мы захотѣли ѣсть и постучались въ окно одной изъ встрѣчныхъ деревень.

— Дайте, что-нибудь поѣсть! Мы заплатимъ,—сказалъ Союзовъ.

Еще никогда мнѣ не случалось встрѣчать отказа на такую просьбу, когда я ходилъ рабочимъ, но тутъ вышло иначе. Едва приподнятая рама окна затворилась снова, въ избѣ послышался какой-то разговоръ, затѣмъ вышла изъ сѣней пожилая женщина, подала намъ два ломтя хлѣба.

— Нѣтъ ли похлебасть щей или чего горячаго? Мы бы заплатили,—повторилъ свое предложеніе Союзовъ.

— Ужъ какая съ васъ плата!—отвѣчала она.—Идите. Ничего нѣтъ!

Такъ мы получили первую въ жизни «милостыню»...

Мы постучались въ другой домъ и въ отвѣтъ на желаніе «похлебасть щей» получили по второму ломтю и по предложенію идти съ миромъ далѣе.

— Что же это, мы наберемъ цѣлый мѣшокъ чернаго хлѣба и будемъ имъ торговать по дорогѣ?—смѣясь спросилъ я Союзова.

Тотъ тоже засмѣялся.

— Выходить, что вѣрна только первая половина пословицы «по платью встрѣчаютъ»—сказалъ онъ.—А вторая ея половина «по уму провожаютъ» не вѣрна, потому что и провожали насъ по платью.

Очевидно въ своемъ сѣромъ видѣ мы никому не были интересны въ деревняхъ.

Мы шли все далѣе и далѣе, и, наконецъ, верстъ за двадцать пять отъ Москвы, совсѣмъ голодные и усталые, вошли пообѣдать въ придорожной харчевнѣ.

— Куда васъ Богъ несетъ, робята?—спросилъ насъ одинъ мужичекъ въ синей поддевкѣ.

— Въ Троице-Сергіеву. Тамъ, говорятъ, монахи лѣсъ хотятъ пилить—отвѣтилъ Союзовъ.

— А сами-то откуда родомъ?

— А изъ-подъ Москвы.

Мужичекъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ.

— Изъ-подъ Троицкихъ деревень,—сказалъ онъ,—народъ-то подъ Москву ходить на заработки, а вы изъ-подъ Москвы туда! Да что вы, робята, огалѣли, что ли?

Онъ съ негодованіемъ обратился къ другому мужичку, очевидно считая насъ недостойными своего дальнѣйшаго разговора.

— Ужъ истинно сказать, косопалый народъ!—То-исть, ничего какъ есть не понимаютъ! Идутъ къ Троицѣ отъ Москвы!

— Все отъ необразования, —убѣжденно отвѣтилъ тотъ.

Окончивъ свой обѣдъ мы расплатились и пошли далѣе.

Недолгій ноябрьскій день сталъ смѣняться вечеромъ. Стало совсѣмъ темнѣть, и, желая переночевать, мы постучались въ пер-

вую избу встрѣтившейся деревни, въ окнѣ которой мелькалъ огонекъ.

Опять слегка приподнялась рама.

— Вамъ чего?

— Пустите переночевать!—сказалъ Союзовъ.

Голова, смотрѣвшая въ отверстіе, оглядѣла насъ и отвѣтила:

— Идите къ десятскому, онъ назначить у кого почевать.

— Да мы заплатимъ.

— Все равно! Идите къ десятскому. Богъ васъ знаетъ, кто вы такіе.

Окно затворилось, и мы остались одни. Во второй и третьей избѣ повторилось тоже самое.

— Боятся!—сказалъ Союзовъ.

— Чего же имъ бояться насъ?—спрашиваю я съ недоумѣньемъ.

— Да мы видишь, чернорабочіе, съ пилами и топорами. Думають: грубый народъ, еще зарубать ночью, да ограбить избу! Уйдутъ, и никто не узнаетъ до другого дня! Нигдѣ насъ не пустятъ безъ десятскаго!

— А чѣмъ же поможетъ имъ десятскій?

— А онъ прежде оставитъ у насъ паспорта и поведетъ насъ къ кому-нибудь, кто побѣднѣе.

У насъ были крестьянскіе паспорта, приготовленные спеціально для насъ Кравчинскимъ. Со старыхъ просроченныхъ паспортовъ были смыты имъ бѣлизильной известью и слабой соляной кислотой прежнія чернила и на высушенныхъ въ книгѣ подъ тяжестью бланкахъ было повторено то, что находилось на нихъ раньше, за исключеніемъ года и числа, которые были замѣнены современными, да и имена владѣльцевъ были замѣнены вымышленными.

Однако паученные уже всеобщимъ недумѣніемъ въ харчевнѣ по случаю нашего ухода отъ Москвы, мы считали для себя опаснымъ представлять здѣсь паспорта, на одномъ изъ которыхъ сохранилась прописка съ обозначеніемъ занятія владѣльца «печникъ», т.-е. профессія, отстоявшая, по мнѣнію крестьянъ, отъ «пильщика дровъ» не менѣе, чѣмъ генералъ отъ простого унтеръ-офицера.

Мы пошли въ другую деревню и стучались уже въ полной темнотѣ, еще раза три, нарочно въ самыя бѣдныя избы, общая заплатить, но никто и тамъ не хотѣлъ пускать насъ безъ десятскаго: такъ мы казались крестьянамъ опасными съ нашими топорами и пилами и въ нашихъ грубыхъ архалукахъ и лаптяхъ!

— Что же намъ дѣлать?—сказалъ, наконецъ, въ недоумѣніи Союзовъ.

Была почти полная ночь. Сырые крупные хлопья снѣга начали падать на наши одѣянія и прикрыли бѣлыми накидками наши шапки и плечи.

— Переночуемъ въ лѣсу подъ деревьями!—отвѣтилъ я, такъ какъ мы только что вошли въ невысокій еловый лѣсъ, повидимому, тянувшійся далеко направо и налево отъ дороги.—Кстати испытаемъ себя на случай возстанія противъ монархическаго правительства.

— Что же, это хорошо!—отвѣтилъ Союзовъ.— Волки здѣсь, вѣрно, есть, но они намъ не страшны: у обоихъ насъ револьверы въ карманѣ и много запасныхъ патроновъ! Мы углубились въ лѣсъ. Приставивъ свои пилы и топоры къ деревьямъ повѣтвистѣе и разостлавъ тутъ же свои архалуки, мы завернулись въ нихъ, не раздѣваясь, какъ въ одѣяла, и положили головы на свои мѣшки. Мы такъ устали, что тутъ же заснули крѣпкимъ сномъ.

Послѣ полуночи и у меня появились и сновидѣнія. Мнѣ казалось, что я пробираюсь по колѣно въ холодной водѣ, по какому-то полузамерзшему болоту, береговъ котораго нигдѣ не видно. Передо мной лежитъ какая-то безбрежная полярная тундра безъ конца. Вотъ я провалился въ ней въ какую-то ямину, поплылъ въ ледянящей водѣ, и вдругъ проснулся.

Я дѣйствительно былъ въ водѣ. Мой архалукъ былъ сильно вдавленъ мной въ мягкій мохъ, пропитанный полурастаявшимъ снѣгомъ, и пропустилъ внутрь себя воду. Она прошла сквозь мои пестрядевые штаны и войлочные подвертки лаптей. Вся лѣвая нога была мокрая, такъ же, какъ шея, затылокъ, часть спины и даже немного лѣвый бокъ, въ который вода проникла снизу, сквозь шовъ.

Союзовъ, кряхтя, переворачивался неподалеку. Я тоже перевернулся, но вышло еще хуже: моя мокрая сторона отъ этого не высохла, а даже, какъ будто, стала холоднѣе, а сухая сейчасъ же начала промокать. Я почувствовалъ, какъ капелька за капелькой пробиралась къ моей кожѣ сквозь ея покровъ.

— Ты тоже промочилъ оба бока?—спрашиваю Союзова.

— Оба. Не падо было переворачиваться!

— Это вѣрно. Вотъ мы уже и имѣемъ одинъ практическій опытъ для будущаго.—Замѣтилъ я вдумчиво.— Когда ночуешь въ оттепель въ лѣсу и промочишь одинъ бокъ, то такъ и лежи на немъ до конца ночи, не двигайся и не поворачивайся. Тогда прилегающая къ тѣлу вода нѣсколько нагрѣется, а при всякомъ передвиженіи она отдавится отъ тѣла и къ нему просочится новая, несравненно болѣе холодная.

Однако этотъ мой практическій выводъ былъ, повидимому, мало утѣшителенъ для Союзова. Онъ ничего не отвѣтилъ.

Даже и неподвижные въ своей «теплой водѣ» мы оба дрожали отъ холода, и прежній крѣпкій, здоровый сонъ болѣе къ намъ не возвращался, хотя мы по временамъ и забывались въ дремотѣ. вмѣсто мокраго снѣга къ концу ночи пошелъ осенній дождикъ, мелкій какъ пыль, но на насъ онъ падалъ въ крупномъ видѣ: скопившіяся на вѣтвяхъ ели, подъ которой мы лежали, капли

повременамъ падали намъ прямо въ ухо, или на носъ и этимъ пробуждали насъ.

Наконецъ, около восьми часовъ утра стало свѣтать.

— Пойдемъ!—сказалъ мнѣ, уже вставшій, Союзовъ.— Я больше не могу здѣсь лежать. Надо согрѣться на ходу.

Я живо вскочилъ на ноги, надѣлъ, какъ и онъ, свою промокшую верхнюю одежду, вскинулъ за плечи пилу и свой промокшій мѣшокъ, и вотъ мы снова вышли на дорогу и отправились совершенно мокрые, въ свой дальнѣйшій путь.

Нѣсколько верстъ кругомъ насъ не было ничего кромѣ лѣса, казавшагося намъ безконечнымъ, но все на свѣтѣ кончается! Мы вышли въ поле и увидали невдалекѣ небольшую деревню. Окна одной избы уже были освѣщены изнутри красноватымъ тусклымъ свѣтомъ, показывавшимъ, что обитатели ся проснулись. Это оказалась придорожная харчевня.

— Надо скорѣе выпить по двѣ рюмки водки!—сказалъ Союзовъ.—Тогда согрѣмся!

Въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе водки было магическое. Казалось, что огонь разлился внутри меня и сразу заглушилъ внѣшній холодъ. Здѣсь впервые я понялъ, почему простой сѣрый народъ, работающій въ холодѣ и сырости, никогда не обходится безъ водки. Она для него, промокшаго и продрогшаго, является самымъ лучшимъ топливомъ въ мірѣ. Благодаря любезности хозяина харчевни, простого крестьянина, мы обсушили здѣсь свои запасные, и тоже вымокшіе въ мѣшкахъ, рубашки и подвертки, и, переодѣвшись, отправились далѣе.

Мы подходили теперь къ самому Троицко-Сергіевскому монастырю.

ГЛАВА XIX.

Горе молодого теленка.

— Знаешь, — сказалъ мнѣ Союзовъ, — свернемъ за монастырь! Тамъ, версты за четыре, моя деревня. Отецъ недавно умеръ, а земельнымъ надѣломъ и хозяйствомъ заправляетъ мой братъ. Онъ тоже намъ сочувствуетъ, я ему и книжки давалъ, да кромѣ него есть въ сосѣднихъ деревняхъ многіе хорошіе сукновалы.

— Какіе сукновалы?

— Что валенки и сукна валяютъ.

— У себя на дому?

— Да.

Я понялъ, что это кустари. Я уже слыхалъ какъ мои друзья возвеличивали такое домашнее производство нужныхъ вещей, противочоставляя его фабричному.

Предложеніе Союзова мнѣ очнь поправилось и я тотчасъ же согласился на него.

Вдали показались бѣлыя стѣны и золоченыя главы богатѣйшаго изъ нашихъ монастырей. Изъ сосноваго лѣса выглянулъ молодой монахъ и, не обращая никакого вниманія на такихъ сѣрыхъ путешественниковъ, какъ мы, началъ пробираться по опушкѣ лѣса, постоянно оглядываясь по сторонамъ и, очевидно, скрываясь.

— Ишь, проклятый! — сказалъ Союзовъ, и въ тонѣ его мягкаго привѣтливаго голоса послышалась впервые нотка озлобленія.

— А что? — спрашиваю.

— Навѣрно со свиданія съ какой-нибудь деревенской дѣвушкой, которую приманилъ цвѣтными платочками, или бусами, или чѣмъ другимъ!

— А развѣ дѣвушки здѣсь ходятъ на свиданье съ монахами?

— Дѣвушекъ нельзя винить! — съ тѣмъ же озлобленіемъ отвѣтилъ мнѣ Союзовъ. — У нихъ никогда не бываетъ ни копейки, а паряжаться всякой хочется! Для нихъ цвѣтной платочекъ тоже, что для чиновничьей дочки цѣлый домъ въ Москвѣ, — также недоступенъ! Подумай, что въ Москвѣ появились бы какіе-нибудь великіе князья, или принцы, которые за каждое свиданіе даютъ молоденькимъ барышнямъ по дому, многія ли устояли бы?

— Думаю, что многія.

— Тѣ, что идутъ теперь съ тобой въ народъ другое дѣло, а за обыкновенныхъ не ручайся! — отвѣтилъ онъ скептически. Я снова взглянулъ на крадущагося монаха. Онъ только что увидѣлъ вдали другого и поспѣшно шмыгнулъ въ кусты.

— Пойдемъ спрячемся и мы! — сказалъ мнѣ Союзовъ.

— Зачѣмъ? Мы вѣдь не со свиданья!

Онъ замаялся, но, наконецъ, нѣсколько конфузливо произнесъ:

— Видишь ли, могутъ встрѣтиться мои знакомые!

— Ну и пусть ихъ!

— Да, не хорошо! Мы съ тобой въ лаптяхъ, чернорабочими! Засмѣютъ! Скажутъ, вѣрно пропились совсѣмъ, что изъ столяровъ да въ пильщики пошли!

— А какъ же намъ быть?

— Мы подкроемся, когда стемнѣетъ, къ нашему овину, по загуменникамъ (задней части деревни) и тамъ пересодѣнемся. Полушубки и шапки у насъ годны, сапоги есть въ мѣшкахъ... Наши пилы, топоры, архалуки и лапти спрячемъ въ овинѣ, въ сушилкѣ.

Это мнѣ было очень занятно снова подтверждало вѣрность моихъ соображеній: значить, народъ-то совсѣмъ не тянется къ опрошенію, какъ мы, а напротивъ, стремится къ какому-то лучшему, въ его глазахъ, идеалу!

Какой бы могъ быть этотъ идеаль?—приходило мнѣ въ голову.—
Ужъ не изъ первобытной ли деревенской колыбельной Ёсенки:

Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить?

Вотъ дѣвушки здѣсь продаются монахамъ за платочки и ожерелья, а Союзову стыдно показаться знакомымъ въ видѣ простаго пилючника!

Но нѣтъ! думалось мнѣ. — Все, что я наблюдалъ до сихъ поръ, показываетъ, что кромѣ идеала внѣшности въ воображеніи крестьянъ есть идеаль и внутренняго содержанія. Этотъ идеаль — удачливый человѣкъ, которому все безъ труда удается, какъ Иванушкѣ-Дурачку. Почему героемъ русскихъ народныхъ сказокъ выбранъ именно дурачокъ? Вѣдь и по содержанію онъ не уменъ, а уменъ его конь, или служащій ему воинокъ? Вѣрно потому, что народъ, отчаявшись въ возможности для себя получить такое же образованіе, какъ привелигированныя сословія, началъ мечтать о человѣкѣ не ученомъ, а объ удачливомъ. Только этотъ идеаль уже прошлый, а теперь нарождается у крестьянъ въ головахъ новый идеаль, высшій. И вотъ интересно, въ какую форму онъ выльется въ ближайшемъ будущемъ? Не въ видѣ ли интеллигентнаго чело-вѣка, какъ мы?

Мы пошли въ лѣсъ вслѣдъ за монахомъ, но онъ, принявъ насъ за преслѣдователей, мѣстныхъ крестьянъ, подобралъ рясу и убѣжалъ, а мы сѣли подъ деревомъ въ лѣсу.

Темнота рано наступаетъ въ нашихъ широтахъ въ это время года. Едва стало смеркаться, какъ мы пробрались по знакомымъ Союзову тропинкамъ къ овинамъ его деревни, не встрѣтивъ ни одного знакомаго. Мы переодѣлись въ овинной сушилькѣ и явились въ избу къ его брату, встрѣтившему насъ чрезвычайно радушно. Я былъ представленъ всѣмъ присутствующимъ, какъ товарищъ Союзова, одинъ изъ самыхъ искусныхъ московскихъ столяровъ, и это не возбудило ни въ комъ сомнѣнія.

Братъ Союзова оказался совершенно «своимъ человѣкомъ». Онъ былъ по внѣшности простой мужичекъ лѣтъ тридцати. Онъ ненавидѣлъ троицкихъ монаховъ каждой фиброй своего существа изъ-за женскаго вопроса, и готовъ былъ идти на нихъ съ вилами и топоромъ по первому представившемуся поводу. Уже при одномъ словѣ о нихъ глаза его начинали горѣть мрачнымъ огнемъ.

— Когда будетъ возстаніе,—говорилъ онъ,—прежде всего надо истребить монаховъ, чтобъ ихъ и духу не было, пусть уходятъ въ Іерусалимъ, или куда хоятъ. Ихъ кельи надо сравнять съ землей, а ихъ земли раздѣлить между деревнями.

На слѣдующій же день явился къ намъ, услышавшій о пріѣздѣ Союзова и его пріятеля, молодой, высокій человѣкъ, сторойкъ

сосѣдняго лѣса, съ ружьемъ и собакой. Къ моему удивленію онъ не только не былъ въ контрахъ съ крестьянами, какъ часто лѣсники, но пользовался ихъ полнымъ уваженіемъ. Союзовъ мнѣ шепнулъ:

— Это свой человѣкъ, я уже давалъ ему всѣ наши книжки, и онъ сочувствуетъ и будетъ укрывать насъ у себя въ лѣсу. Надо его угостить.

Онъ немедленно послалъ за бутылкой водки и копченой колбасой, и мы, сѣвъ за столъ, накрытый чистой салфеткой, принялись разговаривать о необходимости устройства въ Россіи республики. Лѣсникъ вполне одобрялъ эту идею. Когда бутылка окончилась, онъ вынулъ изъ кармана свой кошелекъ и, давъ нѣсколько монетъ присутствовавшему въ избѣ мальчику, родственнику Союзова, послалъ его за новой бутылкой.

— Когда мы ее кончимъ, — шепнулъ мнѣ Союзовъ, — пошли и ты за такой же бутылкой! Это полагается по правиламъ!

Когда мы кончили вторую бутылку, я, исполняя правила приличій, точно такъ же, какъ и онъ, послалъ мальчика за третьей.

Въ результатѣ, на каждого изъ насъ троихъ — такъ какъ братъ Союзова былъ на работѣ и не присутствовалъ съ нами, — пришлось по полной бутылкѣ водки!

Однако лѣсникъ, позвавъ свою собаку и надѣвъ ружье, удалился, совершенно твердый на ногахъ. Да и мы съ Союзовымъ на первое время тоже устояли, и вѣжливо проводили его до дверей, получивъ приглашеніе къ нему въ лѣсную избушку, посидѣть денекъ и осмотрѣть мѣстоположеніе сосѣднихъ лѣсовъ для предстоящаго народнаго возстанія.

Но въ головѣ у насъ обоихъ было очень тяжело. Мнѣ никогда раньше и въ голову не приходило, что можно выпить въ полтора часа по полной бутылкѣ водки.

Я чувствовалъ, что усиліемъ воли могу заставить себя ходить не шатаясь, но для этого мнѣ нужно было сосредоточивать всю свою волю на движеніяхъ ногъ.

Я могъ говорить не путаясь въ мысляхъ и не заплетаясь языкомъ, но и это требовало напряженія.

Вмѣсто мозговъ какъ будто лежалъ въ головѣ свищовый комъ. Хотѣлось поскорѣе лечь и лежать, не вставая.

— Полѣземъ на печку! — сказалъ мнѣ Союзовъ. — У меня тоже шумитъ въ головѣ.

Мы влѣзли. Онъ легъ дальше, а я ближе къ краю.

Вдругъ половина водки, которую я выпилъ, съ неодолимой силой возвратилась мнѣ прямо въ ротъ. и я успѣлъ только повернуть голову къ краю печки, чтобъ эта огневая жидкость не осталась со мною, а вылилась внизъ.

Къ печкѣ уже была придѣлана узкая досчатая ширма оградившая собою темное помѣщеніе, величиной не больше шкафа,

но безъ крыши, и тутъ у печки, въ теплѣ и темнотѣ, помѣщался теленокъ.

Его заключили сюда потому, что онъ родился поздней осенью, былъ теперь немногимъ больше крупной овцы и не могъ бы, перелести зиму въ хлѣвѣ. Его называли поенецъ, такъ какъ поили молокомъ.

Онъ не любилъ водки, а болѣе полубутылки этой влаги вдругъ вылилось откуда-то съ неба, прямо на его розовую мордочку.

Онъ запротестовалъ, замычалъ, забрыкалъ о загородку своего шкадишка-ширмы у печки задними ножками. Ему казалось, что на него упалъ какой-то жгучій дождь.

— Что такое сдѣлалось съ теленкомъ? — услышалъ я голосъ матери Союзова.

Жена его брата подошла, посмотрѣла, но въ темнотѣ не было ничего видно.

— Не знаю, — отвѣтила она, — вѣрно боленъ?

Но теленокъ не переставалъ брыкаться и жалобно мычать, и я боюсь, что онъ при этомъ получилъ еще новую порцію водки съ неба.

Старуха, наконецъ, сама пришла и осмотрѣла его съ зажженной керосиновой лампой въ фукахъ.

— Пойди-ка сюда! — вновь послышался ея голосъ невѣсткѣ. — Да захвати горшочекъ съ теплой водой и тряпкой. Ему надо обмыть голову. Наши сверху облили его водкой.

Послѣ удаленія водки мнѣ стало совсѣмъ легко, но я уже не рѣшался сойти внизъ, думая, что моя репутація теперь навсегда погибла.

Однако оказалось, что ничуть не бывало! Теленокъ совершенно успокоился послѣ омовенія, и когда хозяинъ вернулся и ему рассказали о нашей пирушкѣ съ лѣсникомъ и о ея эпилогѣ, вся семья помирала со смѣху, включая и маленькихъ дѣтей.

— Простите! — сказалъ я, слѣзая съ печки. — Это со мной въ первый и послѣдній разъ.

— Съ кѣмъ не случается! — успокоительно отвѣтила старушка.

— Это все оттого — прибавилъ хозяинъ, — что ты влѣзъ на печку. Отъ жары, значить. Нельзя выпимши лѣзть на печь, въ жару, а то онъ и совсѣмъ задушить можетъ.

— Кто онъ?

— А винный духъ!

— Какъ задушить?

— А такъ! Припретъ подъ ложечку, а глотку — то у тебя судорогой сожметъ и ты начнешь задыхаться, нѣтъ, значить, тебѣ дыханія.

— И это часто бываетъ?

— Почитай каждый годъ гдѣ-нибудь. Вотъ лѣтомъ тоже одинъ монахъ съ именинъ возвращался, да такъ и не дошелъ до Лавры,

свалившись на дорогѣ. Я ѣхалъ тогда съ тремя односельчанами на телегѣ. Слѣзли мы, посмотрѣли, видимъ—весь синій, глаза вылѣзли, непременно задохнется. Сначала хотѣли ѣхать дальше. Говоримъ: собакѣ — собачья и смерть! Да потомъ Осдору жалко стало. Надо, говорить, братцы, налить ему въ ротъ, чтобы стошнило его!..

— Чего налить? — спросилъ я въ недоумѣніи.

Хозяинъ назвалъ миѣ всегда готовое рвотное, имя котораго я не буду лучше повторять.

— Ну, вотъ мы все лили-лили ему въ ротъ... не дѣйствуетъ! Умреть, думаемъ, сейчасъ человѣкъ, лучше поѣдемъ подальше отъ грѣха, да тутъ видимъ, идетъ, на счастье, другой монахъ. — Что, говорить, помираетъ?

— Помираетъ, отвѣчаемъ. — Дайте-ка, говорить, я попробую! — Ну, отъ этого стошнило.

— Да какъ же — спрашиваю я съ удивленіемъ — они потомъ въ глаза другъ другу смотрѣли?

— Да, что ты, родной, — укоризненно отвѣтила миѣ старуха, — развѣ можно обижаться! Вѣдь не изъ озорства дѣлается, а для спасенія жизни. Всякій благодаренъ долженъ быть, а не обижаться!

Это было сказано такъ просто и убѣдительно, что миѣ стало даже трогательно... О, святая простота! — подумалось миѣ. — И какъ это вѣрно, что народъ съ тобой будетъ совсѣмъ откровененъ только тогда, когда ты подходишь къ нему какъ такой же простой человѣкъ! Вѣдь вотъ сколько лѣтъ, съ самаго дѣтства, я бывалъ въ нашихъ деревняхъ и говорилъ съ крестьянами, а не узналъ изъ ихъ интимнаго обихода и десятой доли того, что узналъ въ нѣсколько недѣль своего персодѣтаго хожденія!

ГЛАВА XX.

Сукновалы.

Нѣсколько дней мы съ Союзовымъ помогали мшить и крыть новую избу, построенную въ это лѣто его братомъ, и пропилили въ ней окна. Это было такъ несложно, что я легко все дѣлалъ какъ слѣдуетъ, не возбуждая ни малѣйшаго сомнѣнія въ словахъ Союзова, что я одинъ изъ искуснѣйшихъ московскихъ столяровъ.

Наступилъ праздникъ Покрова, или какой-то другой, когда мѣстный священникъ ходилъ по деревнямъ съ какими-то своими молебнами. Мы съ Союзовымъ получили въ этотъ день специальное приглашеніе на вечеринку къ сукноваламъ.

Эти сукновалы—все молодые люди—по одиночкѣ уже не разъ за-хаживали къ намъ и бесѣдовали съ нами на общественныя темы. Они выражали полное согласіе поддерживать осуществленіе задумываемой нами республики.

Да и теперь собраніе у нихъ назначалось въ ваяльнѣ, и въ дѣйствительности было «тайное собраніе заговорщиковъ», безъ присутствія постороннихъ, хотя и подъ видомъ пирушки тѣснаго товарищескаго кружка, такъ какъ скрыть какое-либо значительное собраніе въ деревнѣ было невозможно.

Было рѣшено, что принесть туда нѣсколько бутылокъ пива, немного водки и закусокъ, захватить гармоники, попляшутъ и попоютъ сначала, чтобъ проходящіе слышали веселье, а потомъ приступить къ обсужденію «настоящихъ дѣлъ».

За исключеніемъ меня и братьевъ Союзовыхъ былъ приглашенъ сукиновалами только одинъ, уже знакомый намъ, лѣсникъ. Часовъ въ восемь вечера мы трое подошли къ избѣ, въ которой были слышны издали веселые звуки гармоники, гулъ голосовъ и смѣха. Мы сдѣлали въ ей, запертую отъ постороннихъ дверь два условленные удара.

Намъ тотчасъ же отворили. Въ комнатѣ, полуосвѣщенной небольшою керосиновой лампочкой въ углу, сидѣли и стояли группами десятка полтора молодыхъ крестьянъ. Двое изъ нихъ отплясывали другъ противъ друга, посреди комнаты, трепака, а лѣсникъ въ углу наигрывалъ имъ тактъ на своей гармоникѣ, напѣвая среди всеобщаго смѣха, распространенную здѣсь, вслѣдствіе близости духовенства, варіацію камаринской:

Полюбилъ меня молоденькій попѣкъ,
Обѣщалъ онъ мнѣ курятинки кусокъ!
Мнѣ курятинки-то хочется,
А пона любить не хочется!

При нашемъ входѣ, пѣніе и пляска тотчасъ же прекратилась, всѣ начали здороваться съ нами.

— Что же? Пляшите дальше! — говорю я.

— Ничего нѣтъ интереснаго въ нашей пляскѣ! — отвѣтили церемонно лѣсникъ. — У насъ вѣдь не по столичному, по-деревенски!

— По-деревенски-то лучше! — отвѣчаю я.

— Да ужъ гдѣ же лучше! — возразилъ онъ.

Я совсѣмъ смутился и не зналъ какъ мнѣ быть. Вѣрно вы и сами испытали не разъ, какъ трудно поддерживать разговоръ, основанный на взаимныхъ церемоніяхъ, а прекратить его еще болѣе неловко: какъ будто соглашаешься со своимъ оппонентомъ, что онъ и дѣйствительно хуже васъ! Просто хотъ выпрыгни вонъ чрезъ окно, или залѣзь подъ столъ и болѣе не показывайся!

Но Союзовъ поспѣшилъ мнѣ на выручку.

— А вотъ я вамъ пропѣшу и пропою по-столичному! — перебилъ онъ.

Онъ взялъ гармонику у лѣсника, вышелъ на середину комнаты и, подплясывая и подыгрывая, запѣлъ новую камаринскую, пущенную въ то время кѣмъ-то по народу:

Ахъ ты, чортовъ сынъ, проклятый становой!
 Что бѣжишь ты къ намъ, раздуй тебя горой!
 Цѣлый станъ, поди, какъ липку ободралъ!
 Ахъ ты, чортовъ сынъ, чтобъ чортъ тебя побралъ!
 Ахъ ты, чортовъ сынъ, ярыга, пьяный попъ!
 Полицейскій да помѣщичій холопъ!
 Что бѣжишь ты къ намъ о Божьей волѣ врать!
 Стыдно харей постной Бога надувать!
 Ахъ ты, чортовъ, то бишь, штабскій адъютантъ!
 Что на дѣвокъ зарясь свой беребишь бантъ?
 И зачѣмъ ты къ намъ въ село навелъ солдатъ?
 Не стрѣлять ли вздумалъ въ насъ ужъ невпопадъ?
 Нѣтъ, братъ, шутки! Нашей волѣ не перечь!
 Теперь вамъ уже насъ болѣе не съчъ!
 Коли мѣръ своей земли не господишь
 Такъ и самъ то ты такой же чортовъ сынъ!

Я не могу описать какой фуроръ произвела эта пѣсня!

Сукновалы просили Союзова повторять ее десятки разъ, они сами, потерявъ всю свою первоначальную сдержанность, при видѣ насъ, столичныхъ, отплясывали подъ этотъ напѣвъ по шести и болѣе вмѣстѣ, сколько позволяла ширина избы, помирая со смѣху и ежеминутно хватаясь за животы. Они даже садились, махнувъ руками, на скамьи по стѣнамъ избы, отъ невозможности двигаться далѣе по причинѣ приступовъ смѣха.

Когда я увидѣлъ черезъ много лѣтъ послѣ этого картину Рѣпина: «Запорожцы, составляющіе ругательное письмо къ турецкому султану» она напомнила мнѣ описываемую теперь сцену. Я долженъ вамъ сказать, что въ пѣснѣ этой, составленной кѣмъ-то совершенно мнѣ неизвѣстнымъ на мотивъ «камаринскаго мужика», два слова были употреблены въ несравненно болѣе крѣпкой варіаціи, чѣмъ записано мною.

Нашъ простой народъ не понимаетъ середины! Если юморъ, то ему нуженъ ужъ очень первобытный, чисто ругательный, какъ здѣсь, или даже прямо отчаянная похабщина, которой, къ счастью, не было въ этой пѣснѣ; если что-нибудь возвышенное, то народу нужно такое, чтобъ сантиментальность выглядывала положительно изъ каждаго слова, изъ каждой фразы, и слогъ былъ бы такимъ высокимъ, чтобъ все время лились изъ глазъ слезы умиленія! Таковъ былъ разошедшійся въ то время въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и прочитанный десятки разъ каждымъ грамотнымъ крестьяниномъ и рабочимъ переводный романъ: «Приключенія англійскаго милорда

Георга», совершенно неизвѣстный литературно-образованной публикѣ, потому что отшибалъ ее отъ себя на первыхъ же страницахъ невѣроятно высокопарнымъ языкомъ своихъ героевъ. А именно этотъ высокопарный языкъ и плѣнялъ простыхъ читателей своей противоположностью съ ихъ обычнымъ прозаическимъ языкомъ!

Непониманіе нашимъ народомъ никакой «золотой серединки» именно и давало мнѣ тогда надежду, что въ политикѣ сочувствіе нашихъ народныхъ массъ будетъ всегда на сторонѣ лишь крайнихъ идеаловъ.

— Пусть насъ маленькая горсть—думалось мнѣ,—но если насъ удастся сдѣлать политическій переворотъ, благодаря нашей смѣлости и неожиданности нашихъ дѣйствій, то народъ сейчасъ же станетъ на нашу сторону и будетъ возлагать на насъ тѣ же надежды, какія столько десятковъ лѣтъ возлагалъ на абсолютизмъ.

Такъ въ головѣ у меня мало-по-малу складывался планъ дѣйствій, который, вмѣстѣ съ другими товарищами, приведенными самой жизнью къ тѣмъ же самымъ выводамъ, я и пытался осуществить черезъ нѣсколько лѣтъ, хотя и въ болѣе обработанной и видоизмѣненной формѣ.

Но въ этотъ вечеръ, когда я сидѣлъ на собраніи суконоваловъ въ подъ-Троицкой деревушкѣ, когда я слушалъ ихъ пѣнье и музыку и наблюдалъ ихъ пляску подъ крѣпкія слова принесенной къ нимъ Союзовымъ камерлинской, этотъ планъ дѣйствій виталъ въ моемъ воображеніи еще какъ туманный эскизъ чего-то новаго, образъ безъ опредѣленныхъ очертаній. Онъ только постепенно вырисовывался въ своихъ, еще не ясныхъ деталяхъ, какъ будто выработываемый какой-то вѣишней, дѣйствовавшей на меня силой, и эта сила, какъ обнаружилосьпотомъ, когда настало время, дѣйствовала и на всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ на тѣхъ, у кого было достаточно внутренней энергіи, чтобы не бѣжать съ поля сраженія въ самомъ его началѣ.

Послѣ пѣнья и пляски, которыя сначала, какъ я уже сказалъ, были затѣяны лишь для отвода глазъ сосѣдямъ, а потомъ на время увлекли все общество въ порывѣ неподдѣльнаго увлеченія, начались серьезныя разговоры, гдѣ вопросъ о поддержаніи республики трактовался настоятельно-серьезно, что подсчитывались даже охотничьи ружья, имѣющіяся у того, или другого сукновала и строились планы запасти оружіемъ и всѣмъ другимъ.

Мнѣ приходило даже въ голову устроить здѣсь складъ въ лѣсу, а нетерпѣніе было такъ велико, что по окончаніи собранія, въ двѣнадцатомъ часу ночи, я съ обоими Союзовыми рѣшилъ сейчасъ же сдѣлать первую пробу лѣспой жизни. Вернувшись въ нашу избу, мы взяли тамъ топоры и охотничье ружье нашего хозяина и отправились съ нимъ ночевать въ сосѣдній лѣсъ. Мы нарубили сухихъ сучьевъ и мелкаго сухого подлѣся, разожгли въ

самой глубинѣ лѣса большой костеръ и разлеглись около него на моховой землѣ, на захваченныхъ нами архабукахъ. Красные огненные языки костра высоко поднялись на полянкѣ, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ прилегающія къ намъ деревья и отражая синеватыми блесками отъ приставленныхъ къ ихъ стволамъ топоры, ружей и отъ нашихъ собственныхъ лицъ, наполовину озаренныхъ красноватымъ, волнующимся свѣтомъ костра и наполовину погруженныхъ въ глубокую тьму.

Мы испекли въ золѣ костра полтора десятка захваченныхъ съ собой картофелинъ и, съѣвъ ихъ съ солью и чернымъ хлѣбомъ, бросили жребій кому первому стоять на часахъ въ эту ночь, въ то время какъ двое другихъ будутъ спать. Первый жребій достался Союзову до двухъ часовъ ночи, второй—миѣ отъ двухъ до четырехъ, и третій брату Союзова—до шести, послѣ чего мы должны были возвратиться въ деревню. Такъ мы и сдѣлали; каждый изъ насъ поочередно ходилъ съ ружьемъ на плечѣ кругомъ остальныхъ спящихъ, чутко прислушиваясь къ каждому звуку въ глубинѣ лѣса, и подновляя костеръ свѣжимъ хворостомъ.

Вся ночь прошла благополучно, но слѣдующій же день принесъ намъ большую тревогу. Не прошло и трехъ часовъ послѣ того, какъ мы, довольные ночными результатами, возвратились въ избу, какъ приближалъ къ намъ въ большой тревогѣ одинъ сукноваль.

— Бѣда случилась,—сказалъ онъ, выведя въ сѣни меня и Союзова, чтобъ не слышали остальные. —Я далъ куму книжку про Николая Чудотворца, а мальчонки вытащили ее изъ шкапа и положили на окно. А тутъ пришелъ попъ съ молебномъ. Увидаль книжку. «Хорошая, говорить, книжка. Читай, поучайся!» А потомъ раскрылъ ее, да и началъ читать вслухъ какъ Чудотворецъ-то пошелъ бунтовать народъ! «Что такое, говорить, тутъ написано?» Да тебя за такія книжки-то на каторгу надо послать!» Потомъ посмотрѣлъ на обложку, а тамъ внутри, знаешь, напечатано: «По благословленію Святѣйшаго Синода». Совсѣмъ возмутился попъ, покраснѣлъ даже. «Да тутъ, говорить, еще глумленье надъ православною вѣрой! Говори отъ кого получилъ?»

— Что же тотъ отвѣтилъ?—Спросилъ съ беспокойствомъ Союзовъ.

Тотъ не хотѣлъ путать нашихъ деревенскихъ, и сказалъ: «отъ гостя у Союзовыхъ».

— Ну, а что попъ?

«Посмотримъ, — говорить — что это за гость такой объявился! Сего дня же отнесу эти книги становому. И ушелъ, сильно разгнѣвавшись, и отказавъ даже въ благословеніи при уходѣ.

Положеніе мое было серьезное. Я зналъ, что въ такихъ случаяхъ власть не медлитъ.

— Намъ надо сейчасъ же уѣзжать! — сказалъ я Союзову. —и тебѣ и миѣ!

— Да, это вѣрно!—отвѣтилъ онъ, и тутъ же пошелъ искать своего брата.

Черезъ минуту его братъ прибѣжалъ ко мнѣ тоже совсѣмъ встревоженный.

— Если я тебя повезу сейчасъ по дорогѣ на станцію, насъ могутъ встрѣтить и узнать. Надо ждать темноты. Идите оба пока сидѣть въ овинѣ, туда я принесу вамъ и поѣсть.

— А если пріѣдетъ становой съ нарядомъ? — Тогда я скажу, что вы часъ назадъ ушли и покажу дорогу въ противную сторону.

Мы пошли задворками въ овинъ.

— Сейчасъ же предупреди всѣхъ, — сказать я нашему хозяину, влѣзая въ темную овинную яму. — Если будутъ сдѣланы обыски, то пусть всѣ говорятъ, что ни ты, ни твой братъ, не давали имъ ни одной книжки, а давалъ все я, вашъ гость, и притомъ такъ, чтобы вы не видѣли, какъ давалъ.

— Сейчасъ же побѣгу по всѣмъ!—отвѣтилъ тотъ и скрылся изъ овина.

Какъ только наступила тьма, мы были вызваны изъ ямы нашимъ хозяиномъ. Онъ не повелъ насъ снова въ деревню, которая вся уже была встревожена распространившимся извѣстіемъ о попѣ и книжкѣ, а вывелъ загуменниками въ поле. Тамъ стояли его дровни, мы переодѣлись вновь пыльщиками, да и хозяинъ нашъ надѣлъ грубый архадукъ, чтобы не быть узнаннымъ и такимъ образомъ я и Союзовъ благополучно доѣхали до станціи, и отправились вмѣстѣ съ другими чернорабочими въ Ярославль.

Какъ обнаружилось потомъ, священникъ дѣйствительно повезъ книжку становому, но не засталъ его дома. Желая обдѣлать все дѣло лично и этимъ выдвинуть себя въ глазахъ начальства онъ не оставилъ у него книжки, а явился вновь съ нею, на слѣдующій день. Становой, собравъ своихъ подчиненныхъ, немедленно отправился къ Союзovýmъ, а мы въ это время были уже въ Ярославлѣ!

За отсутствіемъ виновныхъ были арестованы нашъ хозяинъ и попавшійся священнику сукноваль, но, благодаря тому, что всѣ крестьяне; допрошенные пріѣхавшими жандармами единодушно показывали на пріѣзжаго гостя, котораго видѣла вся деревня, ихъ отпустили черезъ нѣсколько дней.

Въ Москву была послана бумага объ арестѣ Союзова и Воробьева, какъ назывался здѣсь я, но этотъ арестъ не могъ состояться тогда по причинѣ неизвѣстности, гдѣ мы находимся.

Потомъ, черезъ годъ, когда я былъ уже арестованъ, меня привезли въ Москву и предъявляли всѣмъ этимъ крестьянамъ, такъ какъ я самъ отказался давать какія бы то ни было показанія. Ни одинъ изъ нихъ не призналъ во мнѣ Воробьева, бывшаго у нихъ и раздававшаго, по ихъ словамъ, книжки! Всѣ ска-

зали, что видать меня въ первый разъ въ жизни, и что на *того* я нисколько даже и не похожъ.

А между тѣмъ меня всѣ узнали, многіе при моемъ видѣ даже прямо заморгали глазами, на которыхъ показались слезы! Однако не смотря на свое смущеніе и на грубые окрики жандармовъ: «гляди лучше, это долженъ быть онъ!» — всѣ упрямо говорили: «нѣтъ! не похожъ на того!»

Такъ меня и не могли привлечь къ этому дѣлу.

ГЛАВА XXI.

Подъ стогами и овинами, въ лѣсахъ и сѣновалахъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ становой разыскивалъ насъ въ видѣ московскихъ мастеровыхъ подѣ Троицкимъ монастыремъ, мы съ Союзовымъ не только успѣли пріѣхать въ Ярославль, въ видѣ пильщиковъ, но даже и уѣхать дальше его по Вологодской желѣзной дорогѣ.

Дѣло въ томъ, что мнѣ уже давно хотѣлось побывать въ Даниловскомъ, уѣздѣ Ярославской губерніи. Тамъ весной этого года въ первый разъ я жилъ какъ мастеровой въ народѣ, поступивъ ученикомъ къ кузнецу одной уединенной, затерявшейся среди лѣсовъ и болотъ деревушкѣ Коптевѣ. Тамъ, въ семи верстахъ отъ Коптева, Иванчинъ - Писаревъ вмѣстѣ съ жившими у него въ имѣньи гостями, Клеменцемъ, Львовымъ, Саблинымъ устроилъ революціонную организацію среди мѣстныхъ молодыхъ крестьянъ, а за пять верстъ отъ его усадьбы Потапова было село Вятское, гдѣ земскій докторъ Добровольскій вмѣстѣ съ мѣстной акушеркой Потоцкой вели пропаганду среди крестьянъ. Тамъ, въ Потаповѣ, была арестована Алексѣева и я пробрался къ ней по способу краснокожихъ индѣйцевъ — между травой и кустами, — въ окруженный стражею дѣмъ, гдѣ она сидѣла подѣ арестомъ.

Много дорогихъ сердцу личныхъ воспоминаній соединялось у меня съ этими мѣстами... Но послѣ ареста Добровольскаго и Потоцкой и бѣгства остальныхъ — всѣ сношенія съ этой мѣстностью порвались.

Мы узнали только, по двумъ - тремъ письмамъ, дошедшимъ въ Москву съ оказіей, что въ уѣздѣ царить бѣлый терроръ, что весь онъ наполненъ политическими сыщиками и полиціей, и что всякаго посторонняго прохожаго хватаютъ и ведутъ къ становому провѣрять, не изъ насъ ли это кто-нибудь.

Все это было мнѣ очень интересно провѣрить и меня тянуло туда какъ магнитомъ. Мы отправились въ Ярославль, такъ сказать, экспромтомъ, считая, что ѣхать въ этомъ направленіи намъ безопаснѣе, чѣмъ возвращаться въ Москву, куда, несомнѣнно, брѣ-

сится погоня, если насъ начнутъ искать тотчасъ же послѣ нашего отъѣзда.

Но разъ мы сюда пріѣхали, посѣщеніе мѣстъ прежней дѣятельности было мнѣ чрезвычайно интересно. Мнѣ хотѣлось лично провѣрить окончательные результаты затраченной здѣсь работы и принесенныхъ на алтарь отечества жертвъ... Это было тѣмъ интереснѣе, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Россіи пропаганда революціонныхъ идей среди крестьянъ не велась такъ успѣшно и въ такомъ крупномъ масштабѣ, какъ здѣсь.

— Пойдемъ, посмотримъ результаты! — сказалъ я Союзову еще раньше, чѣмъ мы пріѣхали въ Ярославль.

— Пойдемъ! — отвѣчалъ онъ, явно готовый идти со мной куда угодно.

И вотъ мы были здѣсь. Мы высадились на второй станціи отъ Ярославля и пошли въ сумеркахъ кончающагося дня, со своими пилами за плечами, по проселочнымъ дорогамъ проѣзженнымъ въ сѣромъ свѣжѣмъ снѣгѣ, сейчасъ же промочивъ насквозь свои лапти. Вода протекала въ нихъ, какъ въ сито, но скопаясь въ сукопныхъ подверткахъ, казалась лишь холоднымъ компрессомъ на ступняхъ нашихъ ногъ.

Мы прошли въ верстѣ отъ Коптева, и я показалъ Союзову на концѣ деревни кузницу, гдѣ я работалъ.

Черезъ часъ или полтора мы шли мимо оконъ усадьбы Писарева. Въ нихъ было темно, но въ мастерской рядомъ внутри одного окна свѣтился огонекъ.

— Засада! — сказалъ я Союзову.

И я не ошибся. Тамъ все лѣто и осень сидѣли шпионы на всякій случай, но, конечно, вполне бесполезно. Усадьба казалась совершенно оставленной на произволъ судьбы.

Мы подошли за ней къ мостику черезъ знакомый мнѣ ручеекъ, и въ первый разъ на нашемъ пути замѣтили живыя существа.

Хотя луны и не было видно въ это время въ небесахъ, покрытыхъ сѣрыми низкими тучами, но она свѣтила надъ ними, потому что было полнолуціе, и потому ночь не казалась темной.

Двѣ женщины полоскали бѣлье въ еще незамерзшемъ ручьѣ недалеко отъ мостика.

— Отколѣ вы? — спросила, выпрямляясь одна изъ нихъ.

Союзовъ почему-то молчалъ.

— Пильщики! Идемъ въ Вятское! — отвѣтилъ я не своимъ голосомъ.

Обѣ сразу стали внимательно вглядываться въ насъ, а мы нарочно поспѣшили уйти, такъ какъ во всей этой мѣстности не было крестьянина или крестьянки, которые не знали бы меня въ лицо и не слышали бы моего голоса. Именно въ этомъ и заключалась главная опасность моего пребыванія здѣсь.

Недалеко за ручейкомъ видѣлась во тьмѣ деревня, въ которой я предполагалъ переночевать. Тамъ жила старушка-кормилица Иванчина-Писарева и ея дочка—бѣлокурая молодая дѣвушка. Онѣ обѣ чрезвычайно любили Александра Ивановича и потому считались у насъ безусловно вѣрными.

Мы подошли къ ихъ дому, когда луна какъ разъ вышла изъ-за края большей тучи и ея свѣтъ отразился въ черныхъ окнахъ ихъ новой избы гдѣ, очевидно, всѣ спали. Я осторожно стукнулъ нѣсколько разъ въ окно. За нимъ послышались тихіе голоса. Черезъ минуту въ полосѣ луннаго свѣта, проникавшаго въ избу, мелькнула смутная бѣлая фигура, которая приблизилась къ окну и сбоку старалась заглянуть на насъ. Это, очевидно, ей было невозможно, такъ какъ луна свѣтила сзади насъ.

— Что нужно? — раздался ся робкій голосъ въ пріотворенную щелку оконной форточки.

— Пришли вѣсточку отъ Александра Ивановича!—отвѣчаю я.

— Господи! — послышалось въ отвѣтъ испуганно радостное восклицаніе дочери.— Да это Николай Александровичъ!

— Я самый!—отвѣчаю ей.— Отворите скорѣй, пока никто не видитъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!

И она, какъ была, босая, въ одной рубашкѣ и накинутомъ на нее пальто, бросилась отворять дверь.

Черезъ нѣсколько секундъ мы были уже въ комнатѣ, раздѣлись и, не зажигая огня, чтобъ не увидѣли спаружи, принялись рассказывать наши взаимныя новости.

— Александръ Ивановичъ уѣхалъ за границу, Саблинъ въ Москвѣ, Львовъ арестованъ!—говорю я.

— А Добровольскаго и Потоцкую увезли въ Ярославль въ тюрьму,—отвѣчаетъ она.—А Полина Александровна уѣхала къ брату Шипову на заводъ за Костромой... А домъ стерегутъ! все ждутъ, не возвратится ли кто изъ васъ!

— Знаю, видѣлъ: Въ мастерской горитъ огонекъ, совсѣмъ какъ было весной, когда я пробирался въ домъ.

— Ахъ ты Господи!—заохала старуха.— Да какъ же ты-то самъ теперь будешь? Неужели для тебя ужъ и пріюта нѣтъ нигдѣ на землѣ, что пошелъ бродить по свѣту съ пилой?

— Успокойся!—отвѣчаю ей.— Есть и пріютъ и все, только захотѣлось васъ всѣхъ провѣдать, чтобъ узнать всѣ ли вы живы и цѣлы.

Она была, повидимому, очень растрогана моимъ объясненіемъ и сейчасъ же заговорила со слезами въ голосъ:

— Спасибо тебѣ, родной! Только вѣдь страшно за тебя. Съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, все время рыщутъ здѣсь переодѣтые

шпіоны изъ Ярославля, да полицейскіе. Сколько обысковъ - то надѣлали, облавы по лѣсамъ устраивали!

— Всѣ бѣгуны разбѣжались, и многіе изъ нихъ пойманы.

Я уже зналъ, что бѣгуны — это была секта, не признающая властей и воинской повинности. Сторонники ея, которыхъ тутъ было десятка полтора, скрывались по окрестностямъ у сочувствовавшихъ имъ крестьянъ, и устраивали въ заднихъ помѣщеніяхъ домовъ свои тайныя моленья, въ ожиданіи близкой кончины міра. Мнѣ вспомнилось, какъ мѣстные крестьяне меня хотѣли устроить между ними, когда мнѣ пришлось бѣжать отсюда, и я порадовался, что не поддался тогда ихъ уговорамъ.

— Ну, а какъ вели себя крестьяне на допросахъ?

— Охъ, и не говори лучше! Какъ прикрикнули это на нихъ пріѣхавшіе жандармы: всѣхъ въ Сибири сгноимъ, если что утаите! такъ и пошли другъ за другомъ все рассказывать и называть всѣхъ васъ по именамъ. Особенно много наговорили на доктора (Добровольскаго), потому что онъ одинъ былъ арестованъ изъ мужчинъ, а жандармамъ-то все хотѣлось показать царю, что они забрали самага, что ни на есть важнаго, а упустили только помощниковъ. А потомъ, какъ пѣрни то вернулись всѣ домой, да прошла недѣля другая, всѣмъ имъ стало такъ стыдно за себя, что и въ глаза другъ другу смотрѣть не смѣли. Всѣ сначала попрыгали по домамъ, а потомъ, какъ вышли, говорятъ: закаемся, братцы, предательствомъ заниматься, будемъ отвѣчать, если опять потребуютъ, что все запомнили.

— Ну, а Иванъ Ильичъ?—спросилъ я о самомъ интеллигентномъ и начитанномъ изъ всѣхъ писаревскихъ столяровъ, который пользовался наибольшимъ вліяніемъ среди остальныхъ.

— И онъ все подтвердилъ, хоть и меньше, чѣмъ другіе. Не говорилъ хоть неправды на доктора.

— А какъ держали себя подростки ученики и ученицы въ школѣ Полины Александровны?

— Вотъ тѣ чистыми молодцами оказались! Никакихъ угрозъ не побоялись!—Рассказывайте все, чему васъ учила барыня!—спрашиваютъ ихъ жандармы, и тоже Сибирью пугаютъ. А они отвѣчаютъ, что учила ихъ всему, что въ школѣ полагается.—А учили васъ, будто царя не надо и что начальство плохо, и что нужно вмѣсто него—другое—выборное?—Нѣтъ, говорятъ, никто намъ этого не говорилъ, отъ васъ въ первый разъ слышимъ.

— Ну, и чѣмъ же кончилось дѣло съ ними?

— Бились, бились, никакъ не могли ихъ сбить! Всѣ говорятъ одно: въ первый разъ слышимъ такія вещи! Ну, и выгнали ихъ вонъ изъ допросной комнаты; погодите, говорятъ, только попадитесь намъ-потомъ! А тѣ пошли и въ лѣсу собранье тайное устроили, сговаривались никого не выдавать, а смотрѣть вездѣ и

слушать, что говорятъ, и если противъ васъ, такъ предупреждать васъ обо всемъ и помогать вамъ укрыться, не боясь ничего. Большимъ-то и стыдно стало, какъ слышали объ этомъ! Будемъ, говорятъ, и мы такъ дѣлать! Теперь никто ничего не выболтаетъ больше, всѣ проучены!

— А какъ остальные крестьяне?

— А тѣ раздвоились. Одни за васъ, а другіе, корыстные, противъ васъ пошли. Если мы, говорятъ, поймаетъ теперь кого-нибудь изъ нихъ, такъ въ награду отъ царя писаревское имѣнье получимъ. Въ одинъ день помѣщиками сдѣлаемся! Вотъ и нашъ староста—наискосокъ, сильно усердствовалъ... Все по чужимъ сѣноваламъ, да овинамъ по ночамъ съ ружьемъ ходилъ, и въ окна изъ по деревнямъ заглядывалъ, слушалъ у дверей, что говорятъ и очень обижался, что никто изъ васъ ему не попадется. на глаза, чтобы выдать.

— И теперь подглядываетъ?

— Теперь успокоился. Никого, говорить, здѣсь нѣтъ, по другимъ губерніямъ разошлись.

— Значитъ, теперь можно здѣсь пожить недѣлки двѣ и пови-даться со всѣми?

— Теперь можно!—отвѣчаетъ она.—А прежде было нельзя.

Для насъ, тѣмъ временемъ, она изготовила ящичицу, и, подкрѣпивъ свои силы, мы отправились въ небольшую заднюю комнату ихъ избы. Мы легли спать на ея боковыхъ скамьяхъ, составляя планы будущихъ тайныхъ свиданій съ сочувствующими намъ крестьянами и подростками изъ школы и устройства въ этой мѣстности народной революціонной дружины, такъ сказать, уже испытанной въ бояхъ и потому вполне надежной для будущаго.

Однако это оказалось не такъ-то просто, какъ намъ представлялось.

Когда, на склонѣ слѣдующаго дня, пришли къ намъ въ избу Иванъ Ильичъ и его братъ, предупрежденные Сашей, они были сильно встревожены.

— О вашемъ возвращеніи сюда уже извѣстно по деревнямъ—сказалъ Иванъ Ильичъ.

— Какъ это могло быть? —спросилъ я въ изумленіи.

— А на ручьѣ-то вы встрѣтились съ Дашей и Анютой, когда онѣ полоскали бѣлье! Онѣ васъ узнали по голосу, и еще вчера вечеромъ побѣжали рассказывать своимъ подругамъ, что вы шли въ Вятское вмѣстѣ съ кѣмъ-то другимъ изъ вашихъ.

— И много народу уже знаютъ?

— Почитай всѣ, въ моей деревнѣ. Такъ и побѣжали по избамъ рассказывать другъ другу. Да и вашего-то главнаго врага, здѣшняго старосту, видѣли сегодня въ Вятскомъ. Шептался со становымъ въ сторонѣ. Зачѣмъ ему туда ѣхать было? Тамъ базару се-

годня нѣтъ. Не иначе, какъ прослышалъ отъ своей дѣвчонки. Тоже языкъ-то длиненъ, чешется, не утерпѣть, все выболтаетъ, даже и безъ злого умысла на васъ.

Дѣло принимало плохой оборотъ. Только что возвратившаяся Саша побѣжала по сосѣдкамъ спрашивать, что тамъ извѣстно обо мнѣ.

Оказалось, что и здѣсь всѣ тоже слышали. Староста же до сихъ поръ не возвращался.

Вѣрно, подсматриваетъ за прїѣзжими въ Лацкомъ, думалось намъ всѣмъ, — потому что я сказалъ тогда дѣвушкамъ на рѣчкѣ, что иду туда.

— Когда онъ возвратится — онъ будетъ опять вездѣ поглядывать здѣсь! — сказала съ безпокойствомъ старуха. — Вѣдь васъ видѣли какъ разъ у нашей деревни. Какъ бы васъ спрятать?

— Не иначе, какъ посадить на сѣновалъ къ самому старостѣ! — задумчиво сказалъ Иванъ Ильичъ. — У себя-то онъ навѣрное не будетъ искать.

Мы разсмѣялись отъ такого остроумнаго рѣшенія вопроса.

— Это очень хорошо! — говорю я. — Такъ и сдѣлаемъ. Надо теперь же, пока онъ не возвратился, перебраться къ нему со всѣми нашими пожитками.

Союзовъ былъ тоже очень доволенъ перспективой надуть такъ ловко добровольнаго политическаго сыщика.

Саша побѣжала осматривать сѣновалъ старосты, который, кстати, былъ поблизости отъ ея собственнаго. Онъ былъ даже не запертъ. Мы съ Союзовымъ были тотчасъ же переведены въ него безо всякихъ приключеній. Въ это время года и дня рѣдко кто выходилъ изъ деревенскихъ избъ не только на задворки, но даже и на улицу.

Цѣлыхъ три дня мы прожили безвыходно на этомъ сѣновалѣ, такъ какъ староста дѣйствительно узналъ о моемъ переходѣ черезъ ручей и ѣздилъ къ становому въ Лацкое съ извѣстіемъ о моемъ возвращеніи.

Меня весь день высматривали въ Лацкомъ среди чернорабочихъ, а на слѣдующій день староста неожиданно входилъ во всѣ подозрительныя ему избы, съ какимъ-нибудь заранѣе придуманнымъ вопросомъ, а вечеромъ занялся выглядываніемъ сосѣдскихъ овиновъ и сѣноваловъ, все въ той же наивной надеждѣ найти тамъ въ видѣ насъ Писаревское имѣнье, и не подозрѣвая, что мы въ это время сидимъ въ его же собственномъ сѣновалѣ.

Сѣновалъ этотъ былъ почти до самой крыши наполненъ душистымъ сѣномъ. Мы съ трудомъ влѣзли подъ самую его вершину, подсаживаемые снизу Сашей. Тамъ намъ было очень удобно.

Едва ушла Саша, затворивъ за собой двери, какъ мы съ Союзовымъ сняли свои тяжелыя архабуки и въ однихъ лаптяхъ и полушубкахъ зарылись по шею въ мягкую, сухую траву. Не-

смотря на небольшой морозъ на дворѣ, намъ было въ ней очень тепло. Никто насъ не тревожилъ своими посѣщеніями и мы начали дремать. Около меня раздался сильный храпъ заснувшего совсѣмъ Союзова.

— Вотъ непріятность, — подумалъ я, — онъ храпитъ во снѣ и этимъ можетъ насъ выдать.

Я толкнулъ его рукой въ бокъ.

— Что такое? — проснувшись спросилъ онъ.

— Храпишь!

— Развѣ?

— Да.

Онъ снова началъ дремать и черезъ десять минутъ получилъ отъ меня новый толчокъ кулакомъ въ бокъ.

— Опять захрапѣлъ? — спросилъ онъ уже самъ.

— Опять захрапѣлъ!

Черезъ четверть часа, пришлось снова дать ему такой же толчокъ, но на этотъ разъ онъ уже не спрашивалъ меня о причинахъ, а молча пересталъ храпѣть.

Такъ продолжалось и далѣе, только приступы храпа дѣлались у него все рѣже.

Значить, можно приучить человѣка спать тихо, — подумалось мнѣ.

Часамъ къ одиннадцати у сѣновата послышались шаги.

Я заблаговременно разбудилъ Союзова новымъ, болѣе сильнымъ толчкомъ и сказалъ ему шопотомъ:

— Идутъ. Слышишь?

— Слышу.

Заскрипѣли отворяемыя ворота и во мракъ къ намъ вошелъ, какъ мы догадались, самъ, только что возвратившійся изъ Вятскаго, староста. Онъ сердито ворчалъ себѣ что-то подъ носъ, очевидно сильно разочарованный неудачей въ своихъ новыхъ поискахъ за Писаревскимъ имѣніемъ. Захвативъ снизу охапку сѣна для своей лошади, онъ ушелъ съ ней обратно, притворивъ за собою ворота.

— Теперь не придетъ до утра! — сказалъ Союзовъ. — А ты все же толкай меня, какъ прежде, въ бокъ, какъ только захраплю.

— Хорошо, — отвѣтилъ я, и самъ понемногу началъ забываться сномъ.

Мы рано проснулись на слѣдующее утро. Спать въ сѣнѣ намъ очень понравилось. Мягко, душно и тепло, несмотря на вѣшній холодъ, отъ котораго совсѣмъ можно избавиться, зарывъ и голову въ рыхлое сѣно, мало мѣшающее дыханью.

На разсвѣтѣ снова заходилъ къ намъ староста за сѣномъ, потомъ, когда уже совсѣмъ было свѣтло, прокралась Саша спра-

виться, удобно ли намъ и принесла подъ полой чайникъ съ горячимъ чаемъ, сахаръ, два большихъ ломтя черного хлѣба и только одинъ стаканъ, изъ котораго мы пили по очереди.

Мы начали изслѣдованіе сѣновала на случай, если придется прятаться.

— Посмотри, я покажу тебѣ здѣсь хорошую пряталку!—говорю я Союзову, припоминая свою прежнюю дѣтскую опытность, и поползъ по сѣну въ задній уголъ.

— Самъ знаю!—отвѣтилъ мнѣ Союзовъ и покатился въ другой задній уголъ.

Въ углахъ сѣно всегда прилегаетъ неплотно къ стѣнамъ, сѣновала и здѣсь можно провалиться до самой земли, какъ въ глубокую пору, но только одному человѣку... Другому, спускающемуся, пришлось бы стать ему на голову, такъ узокъ этотъ промежутокъ, сейчасъ же закрывающійся сверхъ того надъ вами упругимъ, рыхлымъ сѣномъ. Но выбраться вверхъ оттуда всегда возможно, опираясь носками въ ступенчатые промежутки лежащихъ другъ на другѣ круглыхъ бревенъ.

Мы оба разомъ спустились въ свои норки, и потомъ разомъ вылѣзли изъ нихъ, какъ мыши.

— У меня, — говорю я, — внизу есть даже щелка между бревнами, черезъ которую можно наблюдать окрестность.

— И у меня есть, — отвѣчаетъ онъ.

Мы спустили на дно этихъ норскъ наши, не нужные здѣсь, архалуки и мѣшки и были теперь увѣрены, что даже если кто полѣзетъ къ намъ на сѣно, то мы успѣемъ скрыться въ свои убежища раньше, чѣмъ соглядатаи поднимутся на верхъ сѣна, и потому все равно не найдутъ отъ насъ никакихъ слѣдовъ.

— Вотъ развѣ чихнешь только отъ сѣнной пыли!—сказалъ Союзовъ, дѣйствительно производя это дѣйствіе помимо своей воли три раза.

— Надо только чихать, зарывъ лицо въ сѣно. Тогда будетъ едва слышно и заходяіе примутъ за чиханіе кошки на крышѣ.

Такъ мы прожили три дня, зализая по временамъ въ наши норки, чтобы осмотрѣть въ щелки окрестности, получая три раза въ опредѣленные времена визиты старосты, приходившаго (и притомъ всегда почему-то ругаясь себѣ подъ носъ) за сѣномъ, а въ промежуткѣ между ними Саша приносила намъ пищу и питье, какъ по библейской легендѣ—воронъ пророку Ильѣ, скрывающемуся въ пещерѣ.

На четвертый день слухи о моемъ возвращеніи сами собой улеглись, какъ огонь, не получившій дальнѣйшаго топлива. Всѣ рѣшили, что глупымъ дѣвицамъ у ручья просто примерещился мой голосъ, и все въ деревняхъ вошло въ обычную колею.

Староста пересталъ заглядывать въ чужіе сѣновалы, оставляя въ покое свой собственный. Но насъ все же рѣшили переселить

отъ него для свиданій съ крестьянами въ избу семейства Ильичей, такъ какъ въ ней имѣлось высоко надъ землею большая задняя комната, обычно запертая, въ которой мы могли жить сколько угодно, не вызывая подозрѣній.

Когда наступила темнота, Иванъ Ильичъ подъѣхалъ къ Потопову на своихъ дровняхъ по зимнему первопутью, но остановился недалеко отъ деревни въ полѣ. Братъ его пришелъ за нами, насъ выселили, наконецъ, отъ старосты, проводили до дровней и отвезли къ Ильичамъ за три версты отсюда, убѣдившись, предварительно, что никто не былъ свидѣтелемъ нашего ухода.

Старикъ, отецъ всего этого семейства, съ длинной сѣдой, патриархальной бородой и его почтенная супруга, не выдѣлявшіе, по-старовѣрски своихъ дѣтей и внуковъ, привѣтливо встрѣтили насъ и отвели въ заднюю комнату, гдѣ насъ уже ожидало чело-вѣкъ двѣнадцать изъ знакомой мнѣ крестьянской молодежи. Меня всѣ поцѣловали по три раза, тоже сдѣлали и съ Союзовымъ, хотя и видѣли его первый разъ, и началось засѣданіе.

Разсказавъ другъ другу о всемъ пережитомъ нами послѣ разлуки, мы здѣсь условились продолжать начатое дѣло въ этой мѣстности, привлекая въ образовавшійся тѣсный кружокъ крестьянской молодежи и другихъ подходящихъ, часть которыхъ была намѣчена тутъ же.

Я общалъ «когда пробьеть часъ», доставить имъ и оружіе и впервые уговаривалъ крестьянъ не сводить дѣло на борьбу съ частными землевладѣльцами, которыхъ здѣсь, притомъ же оставалось немного, а содѣйствовать, прежде всего, осуществленію общаго политическаго переворота.

— Если вы будете здѣсь драться за землю, выйдетъ только то, что къ вамъ пришлютъ войска и перестрѣляють васъ всѣхъ. Надо устроить выборное правительство, какъ въ иностранныхъ государствахъ, и тогда ужъ черезъ выборныхъ своихъ и порѣшите мирно всѣ вопросы. Иначе ничего не будетъ кромѣ мути.

Всѣ соглашались съ этимъ, но я инстинктивно чувствовалъ, что если придетъ на слѣдующій день другой, которому они тоже довѣряють, и начнетъ говорить обратное то большинство сейчасъ же согласится и съ нимъ, совершенно забывая нить мыслей, которая приводили къ моему выводу. Чувствовалось, что имъ пужень руководитель и, какъ на такого, я рассчитывалъ на Ивана Ильича, котораго и назначилъ имъ какъ посредника для сношеніи между мною, послѣ моего отѣзда, и ихъ мѣстнымъ кружкомъ.

На слѣдующій вечеръ такое же собраніе было назначено со школьными подростками, въ глазахъ которыхъ, по моимъ впечатлѣніямъ свѣтилось несравненно болѣе энтузіазма, чѣмъ у предыдущихъ.

— Мы,—разказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—послѣ вашего отъѣзда не уничтожили ни одной книжки. Всѣ ихъ мы закупили въ стеклянныхъ банкахъ и зарыли въ землю, въ мѣстахъ, которыя мы одни знаемъ. Мы завязали банки клеенкой и онѣ хранятся безъ всякой порчи до сихъ поръ.

— А почему вы знаете, что они не испортились?

— Мы собираемся каждую недѣлю партіями въ лѣсу, вырываемъ изъ земли одну изъ банокъ, и читаемъ книгу, сидя кругомъ, а двое по очереди ходятъ часовыми, чтобъ кто не подошелъ невзначай. Затѣмъ мы зарываемъ банку въ землю до слѣдующей очереди за нею.

Я былъ въ восторгѣ отъ ихъ отзывчивости и находчивости. Мнѣ самому не разъ приходило въ голову, что это самый лучший способъ храненія тайныхъ документовъ, и вотъ они его уже осуществили! Значитъ, дѣло среди крестьянъ въ грамотныхъ губерніяхъ далеко не такъ плохо, какъ въ Курской и Воронежской, гдѣ книжки наши шли исключительно на цыгарки!

И, кромѣ того, здѣсь я получилъ еще новое подтвержденіе уже установившагося у меня взгляда, что наиболѣе отзывчивыми и вдумчивыми среди крестьянъ являются или подростки или старики, а молодежь въ брачномъ возрастѣ какъ бы на время застываетъ духовно, теряетъ интересъ ко всему идеальному.

Вѣдь, вотъ и въ здѣшней молодежи,—думалъ я—за исключеніемъ Ивана Ильича, хотя всѣ мнѣ, очевидно, сочувствуютъ, но ихъ сочувствіе основано только на довѣріи ко мнѣ лично, а не на томъ, что они убѣдились собственнымъ размышленіемъ, разъ и навсегда въ правильности моихъ мнѣній.

Да и за скромность ихъ, какъ оказалось вслѣдъ за этимъ, я не могъ бы поручиться. Въ то время какъ подростки свято хранили тайну моего присутствія въ ихъ мѣстахъ, и я увѣренъ, не выдали бы ее даже подъ пыткой, нѣкоторые изъ взрослыхъ не потерпѣли, чтобъ потихоньку не намекнуть многимъ постороннимъ, что дѣвушки-то у ручья не совсѣмъ ошиблись!

«Онъ — здѣсь и мы съ нимъ тайно видимся кое-гдѣ».

Опять пошли слухи. и двѣ послѣдующія ночи намъ съ Союзнымъ пришлось провести на сѣновалѣ Ильичей, видясь лишь съ избранными.

А на утро третьей ночи для насъ оказалось необходимымъ даже удирать потихоньку изъ этой мѣстности, такъ какъ по селу пошелъ шататься переодѣтый шпионъ.

Н. Морозовъ.

(Окончаніе слѣдующей).

Записки Тумовога Зайца¹⁾.

XXVII. Сенаторъ Ушинскій.

Въ январѣ 1881 года пріѣхалъ изъ сената въ Борщаговскую волость старый дѣдъ, Александръ Ушинскій¹⁾, и призываетъ всѣхъ штундистовъ въ волость. Съ нимъ было три начальника: уѣздный предсѣдатель, мировой посредникъ и становой приставъ. Приходимъ мы, онъ высылаетъ къ намъ предсѣдателя:

— Здравствуйте, господа!

— Дай, Боже, панови здоровья!

— Вы—штундисты?

— Мы.

— Такъ идите въ канцелярію: васъ требуетъ начальникъ, пріѣхалъ изъ сената. Только вы его не бойтесь и что будетъ васъ спрашивать, все говорите.

Вошли мы.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы—штундисты?

— Мы.

— Ну, я пріѣхалъ къ вамъ по порученію его высокопревосходительства побесѣдовать насчетъ вашихъ убѣжденій. Вы прежде были православными и въ церковь ходили и святыхъ таинъ приобщались и всѣ церковные обряды и праздники исполняли?

Я отвѣчалъ: «Мы прежде жили, какъ всѣ люди живутъ, а какъ стали читать Евангеліе и увидѣли, что и мы и попъ нашъ не такъ живемъ, какъ въ Евангеліи написано и какъ Христосъ училъ, то мы взяли да и оставили попа и хотимъ сами по себѣ жить, можетъ, намъ будетъ легче, да и грѣховъ меньше. А то попы наложили на насъ такую тягость, что никакъ нельзя и выплатить. За свадьбу попъ беретъ 10, 15 и 20 рублей, а если не выходятъ лѣта или женихъ съ невѣстой родня, то нужно дать не менѣе, какъ 50 или 100 и 150 рублей. За похороны ребенка вмѣстѣ съ церковью и дьячкомъ попъ беретъ 3 рубля, а за взрослого 6, 10 и 20 рублей; за крестины—1 рубль, 2 и 3 рубля. Ну, вотъ, мы стали читать

¹⁾ А. М. Ушинскій, чиновникъ Мин. Вн. Дѣлъ, сопровождалъ сенатора Половцева, ревизовавшаго южныя губерніи, въ 1876 и 1881 гг. Впослѣдствіи имъ были составлены и изданы въ Кіевѣ двѣ книжки: «Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ» и «О причинахъ появленія рационалистическаго ученія штунды». (Ред.).

Евангеліе и увидѣли, что мы не такъ поступаемъ, взяли и оставѣли и попа, и церковь, и угощеніе, и хотимъ жить сами по себѣ».

Ушинскій:—А вы собираетесь вмѣстѣ?

— Собираемся.

— А есть у васъ навсегда назначенный домъ, гдѣ вы Богу молитесь?

— Нѣтъ, такого дома у насъ нѣтъ, а собираемся, гдѣ попадется.

— А вы себѣ старшаго выбрали, чтобъ вами управлялъ?

— Нѣтъ, мы старшаго не хотимъ выбирать, чтобъ онъ не началъ грабить, какъ попы. У насъ старшій—Христосъ, учитель и наставникъ, и мы по его ученію желаемъ поступать.

— А столъ у васъ есть особенный, чтобъ Богу молиться?

— Нѣтъ, какъ соберемся, то садимся около того стола, что обѣдаемъ.

— А свѣчку вы зажигаете, какъ станете Богу молиться?

— Если темно, то зажигаемъ, а если свѣтло, то не зажигаемъ. Мы свѣчку зажигаемъ для своихъ глазъ, а Богу свѣчка не нужна.

— А книжки у васъ гдѣ лежатъ: у васъ есть такой уголъ особенный?

— Нѣтъ, такого угла у насъ нѣтъ, чтобъ только книжки класть, а такъ, гдѣ положимъ, тамъ и лежить.

— А книжку у васъ одинъ избранный читаетъ?

— Нѣтъ, такого избраннаго у насъ нѣтъ, а кто умѣетъ лучше читать тотъ и читаетъ, хотъ мужикъ, хотъ баба, хотъ парень, хотъ дѣвка; всякому можно читать, а другіе слушаютъ.

— А Богу вы молитесь и за живыхъ и за умершихъ?

— Нѣтъ, мы за умершихъ оставили молиться и попу за нихъ не подаемъ.

— А почему не подаете—потому что у васъ нечего дать?

— Нѣтъ, не потому что нечего, а потому что мы разсуждаемъ, что не слѣдуетъ давать. Потому что какъ панесутъ на Рождество или на Пасху въ церковь хлѣба, сала, яиць, варениковъ, такъ попъ не успѣваетъ и поѣсть всего, оно у него провоняетъ, а онъ выбрасываетъ свиньямъ и собакамъ. Мы думаемъ, что Богъ не требуетъ отъ людей хлѣба да сала, поэтому мы и оставили поминки по умершимъ и сперва стали только за живыхъ молиться Богу, а теперь и за живыхъ оставили молиться, а стараемся исправить свою прежнюю скверную жизнь и служить одному Богу вѣрой и правдой, на дѣлѣ, а то, что мы исполняли въ православіи, то все оставили.

Тѣмъ и кончилась наша бесѣда съ сенаторомъ.

XXVIII. Пробужденіе народа.

И такъ проводили мы новую жизнь безъ попа. Кто хотѣлъ жениться, тотъ къ попу не ходилъ вѣнчаться; кто умеръ, того погребали, а родится ребенокъ, то крестить не носили. Прежде всего умеръ старый человекъ; міръ не даетъ яму копать. Пошли мы въ волость, а писарь не разрѣшилъ и говорить: «Идите къ попу». Пошли къ попу; попъ даетъ міру записку: «Пусть хоронятъ, только на старомъ кладбищѣ». И мы погребали спокойно, а народу—Господи какъ много было на погребеніи!

И бракъ совершали спокойно, а когда собирались на собранія, никто намъ не мѣшалъ.

Приходятъ разъ ко мнѣ изъ села Збараживки три человѣка и говорятъ: «Дяденька, запишите наши души, какъ вы знаете, чтобъ у насъ было чѣмъ жить. Мы люди бѣдные, и мы слышали, что кто васъ послушаетъ, тотъ положить на окно на ночь рубль, а на другое утро два будетъ, а если 10 рублей, то будетъ 20». Но я имъ подаль совѣтъ напротивъ ихъ помысловъ.

Приходятъ изъ села Чапыжинцы два человѣка: «Дяденька, помогите моей женѣ, я ее уже по всему свѣту возилъ, а болѣзнь все такая же, какъ была, кидаетъ ее объ землю, Богъ знаетъ, что и дѣлать». А жена показываетъ свои запухшія раны и говоритъ: «Дяденька, вотъ если у меня эти раны загоятся ¹⁾, то я буду въ вашу вѣру вѣровать».

Приходитъ Ганонъ изъ села Мервинъ: «Дяденька, меня жена покинула, а другая хочетъ за меня замужъ выйти, а попъ не хочетъ вѣнчать. Повѣнчайте вы меня, то я буду вѣровать въ штунду».

Услышали люди мои совѣты напротивъ ихъ желаній, что я имъ въ этихъ случаяхъ отказываю, перестали и ходить. А дальше мало-по-малу начали люди и вправду сомнѣваться въ старой вѣрѣ и пробуждаться и жить по Евангелію. Сначала въ 1875 году, только въ Тарашинскомъ и Сквирскомъ уѣздахъ были штундисты, а послѣ, черезъ два-три года, начали познавать уже по всѣмъ уѣздамъ и даже въ самомъ Кіевѣ были уже штундисты и баптисты.

XXIX. Первый бракъ безъ попа.

Въ селѣ Куряницахъ жилъ хохоль Викторъ Полищукъ. У него было 5 сыновей и одна дочь. Старшій сынъ, Филимонъ, по приговору пошелъ въ солдаты; второго сына, Кирилла, отецъ поженилъ, задолжалъ 100 рублей и померъ. А Кириллъ продалъ землю, похоронилъ отца, заплатилъ попу, дьячку и въ церковь и за водку—и вышли всѣ деньги; а послѣ родился ребенокъ, пришлось уже Кириллу на крестины занимать. А потомъ умерла у него мать, и онъ продалъ землю на будущій годъ, взялъ 100 рублей подъ расписку и заплатилъ попу, дьячку, въ церковь и за водку, и всѣ деньги ушли. И не осталось у Кирилла ни земли, ни скотины, ни хлѣба, и сталъ онъ воровать лошадей и товаръ одинъ разъ въ еврейскихъ лавкахъ покралъ, и его сослали въ Сибирь.

Третій братъ, Макарь, остался при хозяйствѣ съ малыми своими братьями. И задумалъ Макарь сразу выплатить всѣ долги и начать хозяйствовать, какъ и всѣ люди. И укралъ Макарь у кассира общественныя деньги и его вслѣдъ за Кирилломъ сослали въ Сибирь; малыхъ дѣтей взяли къ себѣ ради Бога добрые люди, а домъ остался пустымъ.

Одного парня, Матвѣя, взялъ Иванъ Пилипчукъ. И задумалъ Иванъ оженить Матвѣя, но никто не согласенъ его принять. И рѣшили Матвѣевы родственники привести его къ штундистамъ, и приводятъ ко мнѣ, чтобъ я выдалъ за него свою дочь.

И я, Тимофей, далъ ему слѣдующій брачный совѣтъ:

— Я за тебя свою дочь выдамъ, но съ тѣмъ условіемъ:

¹⁾ Т.-е. заживуть.

Первое: если у васъ у обоихъ будетъ вольное согласіе вступить въ брачный союзъ безразлично на всю вашу жизньъ.

Второе: ты долженъ понять, что брачный союзъ скрѣпляется самимъ Богомъ, а не человѣкомъ.

Третье: пойми же ты теперь свой долгъ передъ Богомъ, что Богъ намъ повелѣваетъ дѣлать для брачной жизни. Ты послушай слѣдующее.

Мы для брачной жизни должны оставить всякій мірской разгулъ и всѣ обряды: мы не признаемъ пона, церкви, иконъ, рукой не крестимся, водки не пьемъ, трубки не куримъ, подарковъ, музыки, угощеній другъ другу не дѣлаемъ, шума и плясокъ не производимъ, скверныхъ пѣсень не поемъ, а отъ воровства, прелюбодѣйства, убійства и прочаго зла воздерживаемся. Все это по Божьему повелѣнію.

Четвертое: если ты это поймешь и примешь, то твоя свадьба обойдется безъ одной конѣйки и безъ шуму, и этотъ бракъ будетъ отъ Бога.

Пятое: а если отъ попа бракъ получать, то нужно водки, музыки, хлѣба, сала, куръ, колець, ножей, платковъ, намитокъ¹⁾, лентъ и разные другіе глупости, выдуманные дьяволомъ: пляска, шумъ, споры, драки.

Шестое: вамъ, то-есть жениху и невѣстѣ, дается срокъ на двѣ недѣли, чтобъ обо всемъ подумать; а послѣ ужъ некогда будетъ думать, а нужно будетъ исполнять.

Седьмое: и вы не думайте, что васъ изъ насъ кто будетъ вѣнчать. Нѣтъ, изъ насъ никто васъ не будетъ вѣнчать, а вы знайте, что послѣ срока вы будете повѣнчаны заповѣдями Божіими и честною жизнью. Мы должны всѣ передъ Богомъ вѣнчаться.

Восьмое: а послѣ срока если, сохрани Богъ, съ мужемъ и съ женой случится какое несчастье, болѣзнь или увѣчье, то это судьба Божья, а мужъ не долженъ жену оставлять и засматриваться на тѣхъ, кто покрасивѣе, также и жена не должна дѣлать этого до тѣлесной смерти.

Девятое: а послѣ тѣлесной смерти мужа или жены бракъ расторгается смертью, и жена или мужъ, если они молоды, могутъ жениться или выйти замужъ».

И выслушавъ Матвѣй эти совѣты и согласился на нихъ, и я выдалъ за него свою дочь. Это было 14 января 1881 года.

И если кто изъ моихъ слушателей желалъ вступить въ бракъ, то мы устраивали собраніе, на которомъ повторяли эти совѣты всѣмъ присутствующимъ, старымъ и молодымъ, и больше ничего не было.

А младшій братъ Матвѣя, Савва, пошелъ по жребію въ солдаты. Объ немъ рѣчь будетъ впереди.

XXX. Борьба съ попами и винокурами изъ-за кабака.

Назадъ тому лѣтъ 20, я самъ своею губой читалъ и своими глазами видѣлъ много новыхъ книгъ о вредѣ водки и въ календаряхъ читалъ объ этомъ. И даже еще раньше, въ 1862 году, отъ царя

¹⁾ Кисейница покрывала, которая въ Малороссіи носятъ замужнія женщины. (Ред.).

вышли книжечки и такіе большіе листы, назывались «Бесѣда съ русскимъ народомъ». Во всѣхъ этихъ книгахъ я самъ читалъ и разбиралъ, что къ чему; тамъ писалось о томъ, чтобы народъ обновлялъ свою скверную жизнь.

Сталъ я читать эти книги народу на сходѣ въ общественномъ домѣ и сталъ указывать народу, что грѣхъ дѣлать. Я читалъ и толковалъ людямъ о томъ, какія бѣдствія происходятъ отъ водки: бѣдность, болѣзни и тяжкій передъ Богомъ грѣхъ. Какъ слышали люди мои рассказы, что водка не отъ Бога, а отъ чорта, то всѣ люди на сходѣ закричали въ одинъ голосъ: «Не нужно намъ въ селѣ кабака! не нужно намъ въ селѣ кабака!» и по десять разъ кричать: «Навѣки чтобъ, навѣки не было въ нашемъ селѣ кабака». Еще была у меня книжечка: «Первый винокуръ», сочиненіе Льва Николаевича Толстого, съ картинками, нарисованы люди и черти, рассказывается, какъ черти въ первый разъ дѣлали водку и напоили людей¹⁾.

И поставило меня общество уполномоченнымъ ходатайствовать объ общественныхъ нуждахъ, и дали мнѣ приговоръ на право ходатайства; и составили общественный приговоръ насчетъ кабака, чтобъ навѣки не было въ селѣ водки. Забралъ я приговоры, пошелъ въ волость и скрѣпилъ все по порядку, какъ должно быть.

Вотъ дождались уже Новаго года: нѣтъ кабака въ селѣ. И сталъ я хвалить Бога, что Богъ далъ Новый годъ и новое счастье, и такая на меня нашла радость, что не могъ я ни ѣсть ни спать, только былъ занятъ думами и размышленіями о томъ, какъ бы поступать такъ, чтобъ Богу было угодно.

И народъ не можетъ нарадоваться и натѣшиться: въ селѣ тишина, спокойствіе, а около кабака никто не останавливается, стоитъ пустой; ни днемъ, ни ночью не слышно никакого шума и крику, одинъ покой:

А винокуры, попы и кабатчики, увидали неожиданное новое устройство, ничѣмъ не могутъ утѣшиться, не усидятъ, ни въ чемъ радости себѣ не могутъ найти, ходятъ промежъ людей и говорятъ имъ: «Вамъ такъ нельзя жить, вы понесете большой убытокъ. Вотъ другіе люди продаютъ свои кабаки и получаютъ въ годъ по 100 и по 150 рублей. И вотъ у нихъ случится какой недостатокъ или недоимка, они изъ готовыхъ кабацкихъ денегъ возьмутъ и заплатятъ и будутъ спокойны. А вы послушали Зайца, и погубили свой кабакъ».

А общество отвѣчало винокурамъ, попамъ и кабатчикамъ: «Какъ у насъ не будетъ кабака, такъ не будетъ и недостатка и недоимокъ; а въ случаѣ намъ на что понадобятся деньги, то мы сложимся 200 дворовъ по рублю, вотъ и выйдетъ 200 рублей, и мы заплатимъ все, что намъ нужно. А то мы за годъ въ кабакъ пропьемъ не сотни, а тысячи рублей. А сколько бываетъ ссоръ, дракъ, тамъ на судъ позвали, грѣха сколько. Нѣтъ ужъ, Боже насъ сохрани отъ этого проклятаго кабака; не нужно намъ, не нужно намъ вашего кабака!»

И винокуры, посрамленные общественнымъ отвѣтомъ, заскрежетали на меня зубами и ушли, и начали ходатайствовать по обще-

¹⁾ Комедія, написанная Л. Н. Толстымъ для народнаго театра, изданная въ «Посредникѣ», въ 1885 году. Слѣдовательно къ этому году нужно отнести описываемое авторомъ въ этой главѣ. Ред.

ственными мѣстамъ. А черезъ мѣсяцъ наѣхало на меня слѣдствіе. Становой, урядникъ и попы пригрозили міру тюрьмой, экзекуціею, полкомъ солдатъ, а меня здорово побили, отобрали у меня приговоры, и поставили за полверсты отъ села подвалъ съ водкой, а въ селѣ кабакъ пустой стоялъ. Но на другой годъ опять открыли въ селѣ кабакъ. Побѣдили меня винокуры и ускакали на прежнее мѣсто.

Въ свидѣтели ставлю: села Скибенцы сельскаго старосту Ивана Пилипчука, сельскаго писаря Луку Максимовича Томашевскаго, волостного старшину Паріона Загребельнаго, волостного писаря Липническаго, урядника Чернашевскаго, попа Логина Терлецкаго и кабатчиковъ Мошку и Литвака, съ которыми я имѣлъ борьбу. А теперь что было всему и за все одинъ Богъ судья.

XXXI. Начало гоненій.

А въ 1887—1888 году откуда то взялись миссіонеры, становые пристава и урядники — да какъ примутся за штундистовъ! Приѣзжаетъ разъ становой и говоритъ мнѣ: «Ты можешь дать подписку, что ты не будешь противныхъ и скверныхъ дѣлъ дѣлать среди народа?»

— Чтобъ отъ скверныхъ дѣлъ воздерживаться—могу.

И становой написалъ, какъ ему захотѣлось, и говоритъ мнѣ: «Распишись».

— А ну-ка, прочитайте, что вы тамъ написали.

Становой читаетъ, а я слушаю. А тамъ написано, что я отказываюсь среди народа Евангеліе читать и псалмы пѣть, и на собранія собираться, и на погребенія.—«Эге-ге! что тутъ написано, я на это не дамъ подписки».

Становой составилъ протоколъ. Вызвали меня на судъ, и судья оштрафовалъ меня на 16 рублей.

А попу я выговорилъ при народѣ за его поступки на бесѣдѣ; попъ подалъ протоколъ, и судья присудилъ меня на 6 дней на съѣзжую.

Погребали мы мертвеца. А попъ приказалъ сельскому начальству: «Если будутъ изъ другого села штунды, посадить ихъ въ холодную». И сидѣли мы въ холодной цѣлый день. Вечеромъ насъ выпустили, и мы стали погребать покойника. Сейчасъ же пришла толпа народа, взяли меня за руки и держать. А другіе таки понесли покойника, но народъ подбѣжалъ къ нимъ, сталъ грозить, кричать и ловить штундистовъ. Штунды бросили покойника на дорогѣ и разбѣжались по домамъ, и покойникъ ночевалъ на дорогѣ, а привославные караулили. На другой день приѣхалъ урядникъ, составилъ протоколъ, а сотскій похоронилъ покойника. Потомъ вызываютъ насъ на судъ, и судья нашелъ четверыхъ изъ насъ виновными и оштрафовалъ каждого на 25 рублей, со всѣхъ какъ разъ вышло 100 рублей.

А я подалъ апелляцію въ съѣздъ судей; съѣздъ подтвердилъ рѣшеніе судьи. Я подалъ кассачію въ сенатъ, а сенатъ передалъ на другой съѣздъ въ Умань. И судьи оштрафовали меня на 5 рублей, а 20 рублей возвратили назадъ.

А черезъ три дня въ другомъ селѣ умеръ покойникъ, и насъ много народу собралось погребать. А попъ прислалъ старосту и

сотскаго, насильно вырвали у насъ покойника, а насъ разогнали, и покойникъ ночевалъ на дорогѣ. Приѣхалъ урядникъ, составилъ протоколъ; вызвали насъ 6 человѣкъ на судъ, но судья оправдалъ насъ.

Приѣзжаетъ разъ становой, призываетъ меня въ общественный домъ и начинаетъ на меня съ угрозами кричать: «Будетъ ужъ тебѣ юродствовать! а то ты, какъ поганая собака, ходишь среди людей и заражаешь ихъ. Имя носишь христіанское, а не крестишься; ты не христіанинъ, а жидъ».

Я Отвѣчаю: «Если вамъ дорого христіанское имя, то возьмите его себѣ, а меня назовите по-жидовски Мошка или Шломъ, я именемъ не дорожу».

Становой: «Ну, послѣдній день тебѣ нынче говорить. Я тебѣ приказываю, чтобъ ты шелъ къ священнику, попроси прощенія и будешь человѣкомъ, какъ всѣ люди.

— У меня одинъ священникъ—Христось, больше я никого не признаю священникомъ.

Становой кричитъ: «Ступай къ священнику! что я тебѣ приказываю, то и дѣлай».

Я: «Да развѣ это священники? это грабители, а не священники. Я къ нимъ ужъ никогда не пойду».

И становой составилъ протоколъ и записалъ 12 свидѣтелей, а я имъ еще разъ повторилъ, что священники—грабители.

Вызвали меня на судъ. Судья: «Ты называешь священниковъ грабителями?»

— Называлъ.

— Какъ же ты смѣешь такъ говорить на священниковъ? и чѣмъ ты докажешь, что священники грабители? это большое дѣло. Ты знаешь, что за грабежъ ссылаютъ въ каторгу, въ Сибирь? Грабители—это тѣ, которые грабятъ у людей насильно лошадей, деньги и другія вещи. Ну, что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

Я: «Это явные грабители, тѣ, которые выходятъ ночью на дорогу; попадется имъ человѣкъ, у котораго есть деньги или лошадь, грабители прислушаются кругомъ себя и, если никого больше не слышно и человѣкъ этотъ слабѣй грабителей, то они ограбятъ его; а если хозяинъ лошади или денегъ сильнѣй грабителя, то онъ не дастъ ему своего имущества, а свяжетъ его да еще избьетъ или убьетъ и броситъ на дорогѣ. А при малѣйшемъ крикѣ или стукѣ со стороны грабитель съ испуга бросаетъ человѣка и убѣгаетъ, спасая свою голодную и жаждущую жизнь. И нужно знать, господинъ судья, что этотъ грабитель идетъ грабить изъ нужды. Иной грабить изъ-за того, что ему скоро понадобятся деньги—или крестины справлять, или сына женить, или на погребеніе, или на праздникъ; а у него нѣтъ ни хлѣба, ни одежды, а земля на много лѣтъ впередъ продана, а подати не плачены, своихъ долговъ много, а то еще и отцовскіе долги перешли; и нужда имъ такъ сильно овладѣла, что ему приходится что хочешь дѣлать, а денегъ достать, а то и на свѣтъ не живи.—Ваше высокородіе! позвольте мнѣ вамъ разсказать про одного человѣка».

— Ну, говори.

«Въ селѣ Скибенцахъ живетъ Фома Пасѣчнюкъ; у него 4 сына и одна дочь и полный надѣлъ земли, но надѣлъ этотъ еще его отецъ задолжалъ, такъ что Фомѣ только долги да подати выплачивать, а надѣломъ его люди владѣютъ: землю его арендоваль

Денись Собко. Задумалъ Фома сына женить; нашелъ невѣсту въ другомъ селѣ, въ Курьянцахъ, а денегъ ни одного рубля нѣтъ. Идетъ Фома въ село Капустинцы и продаетъ свою землю Игнату Дышлюку: какъ выйдетъ срокъ Денису, черезъ два года, то будетъ арендовать Дышлюкъ. Взялъ у него Фома подъ расписку 100 рублей. У Фомы нѣтъ ни коровы, ни овецъ, ни свиней, ни хлѣба; идетъ онъ къ попу, даетъ ему хлѣбъ, водки и курицу, заплатилъ ему рубль за свидѣтельство, заплатилъ курянинскому попу за вѣнчанье, въ церковь, старостѣ за вѣнки и за освѣщеніе; на остальные деньги купилъ хлѣба, свинью, водки, подарковъ—и вышли всѣ 100 рублей. Пришло время, пришли получать бракъ, выслушали службу Божію. Выходитъ попъ и говоритъ: «Ну, становитесь вѣнчаться». А дьячекъ говоритъ попу: «Фома мнѣ не заплатилъ». Попъ началъ ругаться: «Ахъ вы, свиньи! вы пришли сюда споръ заводить, храмъ Божій осквернять? Не буду вѣнчать!»

«Послали за Фомой. Приходитъ Фома, попъ началъ на него кричать: «Ты что же это дьячку не заплатилъ? Ты бунтовать сюда пришелъ?» Фома поднялъ вверхъ руки, перекрестился, забилъ три поклона, скидаетъ съ себя сермягу и кладетъ ее въ церкви, а самъ закрылъ руками глаза и пошелъ вонъ изъ церкви, плачетъ, какъ малый ребенокъ. А попъ говоритъ сотскому: «Возьми сермягу, догони его поскорѣе и отдай ему». И началъ попъ вѣнчать, а дьячковы деньги пропали.

«Но у Фомы еще и другой сынъ есть, Гавріиль; пора и его женить, ужъ лѣта прошли, а денегъ нѣтъ, онъ изъ бѣдныхъ бѣдный. Земля продана на будущіе годы, въ казну. Платежъ за землю стоитъ и натуральныя повинности нужно отбывать; а сынъ женатый, Тихонъ, сейчасъ же послѣ свадьбы отца съ матерью оставилъ и пошелъ на работу зарабатывать хлѣбъ, а самъ Фома съ молодыхъ лѣтъ постоянно на чужой работѣ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми зарабатываютъ для меньшихъ дѣтей хлѣбъ.

А тутъ случилось несчастье: сынъ его, Гавріиль да Логина Зарубенка сынъ изнасиловали женщину, судебный слѣдователь производилъ дознаніе и подалъ въ судъ. Несчастный Фома, какъ узналъ объ этомъ, взялся обѣими руками за голову и кричитъ: «Нарауль! ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ! пропалъ я, несчастный, пропалъ! И что я теперь буду дѣлать? Боже мой, Боже мой, спаси меня!» И Фома у многихъ людей вызвалъ вздохи и слезы.

«И пошелъ несчастный Фома въ Капустинцы къ Игнату Дышлюку, проситъ 100 рублей и даетъ расписку на землю еще на будущіе годы, а на эти деньги нанимаетъ адвоката на судѣ защищать его сына.

«А женатаго сына Тихона забрали въ солдаты. И вдругъ присылаютъ Фомѣ изъ полка его вещи и письмо съ деньгами, всего 40 копѣекъ, а въ письмѣ написано, что Тихонъ умеръ. Тутъ поднялся семейный крикъ, стоны, плачь, жалобы; жена плачетъ о мужѣ, а отецъ и мать—о сынѣ.

«И Фома отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и огорченій помутился разсудкомъ, такъ что не можетъ не только работать, а даже и готовяго хлѣба, кто дастъ кусокъ не можетъ ѣсть и ходить, какъ крученая овца. И все это я хорошо знаю самъ, потому что за Фомой моя двоюродная сестра.

«Вотъ, господинъ судья, за что я называлъ поповъ грабителями передъ становымъ и передъ всѣмъ обществомъ, и вамъ повторяю,

что попы мало того, что грабители, а еще грабители надъ грабителями. Попы довели несчастнаго Фому и его семейство до порога погибели. И такой человѣкъ, какъ Фома, у котораго натура спокойная и смиренная, тотъ переносить свои тягости терпѣливо, съ плачемъ, всю свою жизнь, пока не одурѣетъ, и тогда долженъ погибать. А другой человѣкъ лѣнивый и съ натурой жестокой—какъ ему не сдѣлаться воромъ ради своего порожняго чрева? И вы, господинъ судья, осуждаете такихъ грабителей въ каторгу или въ Сибирь, которые по нуждѣ, съ голоднымъ брюхомъ, ночью бросаются на людей, какъ волкъ на овцу, а потомъ поспѣшно скрываются въ лѣсъ или въ тайное убѣжище.

«А у поповъ много земли, лѣса, у нихъ и волю, и коровы, и лошади, и овцы, и свиньи пасутся, и денегъ много, и магазины, полные хлѣба и брюхо сытое. И попъ не ночью, а средь бѣла дня, при множествѣ народа грабитъ людей, и потому я называю поповъ грабителями».

И судья призналъ меня виновнымъ и оштрафовалъ на 20 рублей.

XXXII. Насилія надъ штундистами. Миссіонерскія бесѣды.

Когда начали приводить въ исполненіе эти судебныя приговоры, то пограбили у меня и у моихъ братьевъ все, что только было: и деньги, и лошадей, и овецъ, и свиней, и одежду—все забрали и продали, а деньги положили въ казну; а мы остались разутые и раздѣтые и голодные. А миссіонеръ Афанасій Радзаевскій и урядникъ Цѣвчинскій приказали помѣщикамъ: «Съ этого дня Боже васъ избави принимать штундистовъ на работу; кто приметъ, съ того штрафъ». И помѣщики противъ воли должны были отказывать штундистамъ, опасаясь штрафа.

И братья много переносили скорбей, голода и холода, и побоевъ отъ старосты и отъ сотскаго. Застанетъ гдѣ на работѣ и бьетъ палкой по чѣмъ попадется; или ведетъ на работу въ волость или къ уряднику дрова рубить, воду носить, а на ночь въ обходъ—и то подъ конвоемъ. А женщинъ и взрослыхъ дѣтей постоянно требовали на работу: дороги ровнять, землю на плечахъ мѣшками носить и ямы засыпать—и тоже подъ конвоемъ. А староста и сотскій выбирали людей безбожныхъ, пьяницъ и воровъ, самыхъ лѣнивыхъ, и съ ними вмѣстѣ били и мучили мужчинъ, женщинъ и дѣтей, насмѣхались и всякія безобразія дѣлали, поѣдали хлѣбъ, такъ что женщины цѣлый день безъ хлѣба сидѣли не ѣвши.

А православные изъ села приходятъ смотрѣть, какъ штунды работаютъ; одни смотрятъ и плачутъ, а другіе смѣются и говорятъ: «Отнять бы у штундовъ заступы, пусть бы руками землю копали, тогда бы скорѣй въ Бога увѣровали, въ церковь пошли и креститься стали». А ночью волостной старшина и все сельское начальство наберутъ пьяныхъ людей и пойдутъ по нашимъ избамъ окошки бить, бабъ за косы таскаютъ, посуду бьютъ, квасъ, что на зиму приготовленъ, на землю разольютъ да еще и женщинъ насилуютъ: Ильи Феодосіевича Лисова жену изнасиловали, Ксенію,¹⁾ и Михайлы Пантелеймовича Зайца жену, Акулину Игнатовну Пилганову.

¹⁾ Объ этомъ фактѣ штундисты писали въ 1892 году В. Г. Черткову и доставили свидѣтельскіе документы, оригиналы которыхъ къ сожалѣнію были отобрааны у насъ на обыскѣ въ 1897 году. (Ред.)

А если захочетъ братъ пойти къ брату въ другое село, то поймаютъ его и ведутъ въ вслѣсть, а изъ волости ведутъ въ станъ, а изъ стана къ исправнику, а исправникъ ведетъ назадъ конвоемъ, такъ что было ходу верстъ 60. А если родится младенецъ, то отъ попа и станового строгій приказъ бабкамъ, чтобы они не шли къ штундисткимъ роженицамъ; а если бабка не послушается попа и пойдетъ къ штундистамъ, то лишается бабьяго права. А если парень женится или дѣвка выйдетъ замужъ, то пріѣзжаетъ урядникъ и арестуетъ эту молодицу и ведутъ ее къ благочинному, а отъ благочиннаго къ протоіерею, уговариваютъ и пугаютъ высылкой. Сколько было страха и слезъ, сколько мученія отъ ходу далекой дороги.

А въ праздникъ или въ воскресенье пріѣзжаетъ миссіонеръ, Аѳанасій Радзаевскій, и староста съ сотскимъ согоняютъ штундистовъ на бесѣду. На бесѣду приходятъ попъ, урядникъ и много православнаго народа; иногда и чужіе попы пріѣзжали на бесѣду. Я опишу одну бесѣду.

Попы начинаютъ бесѣду хоровымъ пѣніемъ «Отче нашъ»; штунды вмѣстѣ съ православными стояли на ногахъ. Кончили пѣть попы, начали братья съ своей стороны пѣть: «О Боже, Отче въ небесахъ, прими моленіе мое». Но попы сейчасъ же запретили пѣть. Миссіонеръ Аѳанасій Радзаевскій сказалъ православнымъ: «Станьте направо, а вы, штунды, налѣво». Потомъ беретъ въ руки икону, изображеніе Спасителя и Богородицы, несетъ къ намъ, суетъ каждому подъ самый носъ и спрашиваетъ: «Что это такое?» Но братья промолчали и не дали никакого отвѣта.

Тогда онъ понесъ къ православнымъ и у нихъ спрашиваетъ: «Что это такое?» Многіе отвѣчали: «Это Спаситель и Господъ нашъ Іисусъ Христосъ и Матерь Божія».

— Ну, перекреститесь и поцѣлуйте.

Перекрестились и поцѣловали.

Несетъ опять миссіонеръ икону къ штундамъ и говоритъ: «Вотъ видите, всѣ вѣрующіе знаютъ и чувствуютъ своего пастыря и знаютъ законъ его».

Я отвѣчаю: «И мы знаемъ своего пастыря: нашъ пастырь Христосъ, а не попъ и не дьячекъ. Православные знаютъ только пастыря, а наемника не знаютъ, а нашъ учитель Христосъ показываетъ намъ, кто пастырь, а кто наемникъ, который съ овецъ стрижетъ шерсть и доитъ молоко, а самъ лежитъ; а овцы разбрелись: пьянствуютъ, дерутся, ругаются, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ. А нашъ пастырь насъ до этого не хочетъ допустить, и мы наемника не признаемъ, мы желаемъ слушать только голоса своего пастыря».

Миссіонеръ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а поднесъ ко мнѣ икону и спрашиваетъ: «А это что такое?»

Я отвѣчаю: «Сказалъ бы я, что это москаль, но у москаля есть борода, а волосы подстрижены; сказалъ бы: хохоль, но хохоль брѣшетъ бороду, а вѣрнѣе всего, что это портреты попа, попадья и ихъ ребенка».

Весь народъ смѣется, а миссіонеръ кричитъ: «Слышите, вы, староста, сотскій?»

— Слышимъ, слышимъ.

— Становите понятыхъ.

Поставили понятыхъ.

— Слышали вы, что Заяцъ говорилъ?

— Слышали, слышали.

И пропѣли попы «Царю небесный» и «О, всепѣтая Мати», а потомъ братья запѣли.

«О, какъ прискорбный намъ день сей воспоминанья,
Въ который царь вселенной сей принять страданья...»

Но попы и урядникъ сейчасъ же остановили, не дали допѣть всю. А православные просятъ ихъ: «Пусть штунды еще споютъ немного!» Но миссіонеръ сталъ имъ проповѣдывать: «Храни васъ Богъ отъ этого заблужденія, это не пѣсни, а нѣмецкая и лютеранская выдумка, это одна ересь, противная Богу».

Братья Фотій Панченко, Кирикъ Зубко, Василій Бѣлый и Ильясъ Лисовой отвѣчали миссіонеру: «Неправда ваша! тѣ пѣсни, какія мы поемъ, всѣ изъ слова Божія, изъ Евангелія. Вотъ вы говорите, что Кириллъ и Меѳодій всю вселенную научили божественныя пѣсни пѣть—это они хорошо сдѣлали. А ну-ка вы похвалитесь собой, какимъ вы пѣснямъ научили народъ православный? Вотъ это ужъ правда, что ересь бѣсовская и противная Богу — тѣ пѣсни, злыя и скверныя, которыя всѣ православные поютъ. На Рождество или на Пасху сойдутся люди въ трактирѣ и такія-то скверныя пѣсни начнутъ пѣть».

Миссіонеръ: «Э! въ трактирѣ трактирскія и пѣсни, это до насъ не касается».

Фотій Панченко: «Ну, хорошо, трактирскія до васъ не касаются. А вотъ около церкви бабы и дѣвки поютъ на Пасху:

«Плету, плету ворота,
А на хлопцахъ сухота,
Плету, плету лѣсъ, лѣсъ,
А на хлопцахъ бѣсъ, бѣсъ».

«Это уже ясно видно, что это пѣсня бѣсовская; а попы слушаютъ, а не учатъ людей, что грѣхъ такія пѣсни пѣть».

Миссіонеръ всталъ и обратился къ народу въ присутствіи урядника Цѣвчинскаго и пяти сельскихъ поповъ, пріѣхавшихъ на бесѣду:

— Неужели у васъ въ самомъ дѣлѣ такія пѣсни поютъ?

И многіе отвѣчали: «Да, это вѣрно, у насъ изъ рода въ родъ на Пасху такія пѣсни поютъ».

Миссіонеръ: «А ну-ка, пропойте, я послушаю».

Всѣ бабы молчатъ, не хотятъ пѣть, а одна старая баба говоритъ миссіонеру: «Эти пѣсни молодые люди поютъ». А миссіонеръ говоритъ ей: «Ничего, ничего, запѣвай».

— Я ужъ стара, я эту пѣсню давно забыла».

— Ну, какую умѣешь, такую и пой.

Баба начинаетъ:

«Пошелъ кумъ горою,
А кума долиною,
Кумъ до кумы борозенькой лѣзъ,
Кумъ до кумы куль соломы принесъ».

А за бабою пропѣли еще двое мужчинъ:

«Ахъ, піе, чумахъ, піе,
А въ долину дбае, дбае,
Пока съ себе свиты не пропье
И жида у корчмы не набье,
То и до дому не пойде».

Послѣ пѣнія подняли люди сильный смѣхъ и хохотали такъ, что даже закашлялись.

А потомъ встаетъ господинъ урядникъ, смѣется, ногами пригнотываетъ и запѣваетъ хохлацкую пѣсню:

«Чоботы, чоботы вы мои,
Наробыли лишенька вы мени».

Выслушалъ все миссіонеръ, обращается къ попамъ и говорить: «Ваши преподобія, отцы духовные, краснѣйте отъ стыда! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ это чистое язычество и идолопоклонство».

А попы сидятъ, какъ сычи, посы опустили, покраснѣли и молчатъ.

А Фотій Панченко говорить миссіонеру: «Вотъ книга—пѣсенникъ православнымъ христіанамъ¹⁾—такъ она должна быть не у штундовъ, а у православныхъ. А попы съ урядникомъ какъ найдутъ эту книгу у штундистовъ, сейчасъ отнимутъ. Такъ и видно, что попы хотятъ, чтобъ люди были дураками, это для нихъ лучше».

Тимофей Заяць: «Изъ Евангелія видно, что попы издавна не научали людей правдѣ, а постоянно людей обманывали, сбивали съ толку и грабили. Я ихъ уже до самой смерти не послушаю».

Миссіонеръ беретъ себя рукой за рясу, показываетъ штундистамъ и говорить: «Вотъ, вы не боитесь Бога и не слушаете его посланниковъ въ священнѣхъ одеждахъ, такъ царь посылаетъ къ вамъ урядника, у котораго своя форма—сюртукъ, чтобъ вы не имѣли права хоронить и вѣнчать безъ священниковъ».

Я отвѣчаю: «Христосъ въ такой формѣ не ходилъ, для Бога форма не имѣетъ силы, какую кто хочетъ, такую пусть и носитъ; а Христосъ училъ любить другъ друга и правду дѣлать. Такую форму тогда носили фарисеи и саддукеи, которые и Христа распяли, а теперь эта форма на попахъ и на урядникахъ. Вы называете себя умными и образованными, такъ вы не должны запрещать штундистамъ погребать мертвецовъ, а вы должны заявить начальству: «Не трогайте штундистовъ! они народъ темный, заблудшій, они безъ попа мертвеца не похоронятъ: будутъ все хоронить да хоронить, а не схоронятъ». Ну, вотъ бы штунды похоронили мертвеца въ первый разъ, приходятъ съ кладбища, а вслѣдъ за ними и мертвецъ идетъ. Берутъ они мертвеца, идутъ на кладбище, хоронятъ другой разъ, приходятъ домой—опять съ ними вмѣстѣ и мертвецъ пришелъ. Берутъ штунды мертвеца и хоронятъ въ третій разъ—приходятъ домой, а мертвецъ пришелъ себѣ въ избу, легъ на лавку и лежитъ.—«Ну, видно не похоронимъ мы его безъ попа. А что у насъ, братья, денегъ нѣтъ, такъ придется у кого-нибудь занять и дать попу и поцѣловать у попа руку, пусть онъ намъ похоронитъ мертвеца».

«Вотъ это было бѣ чудо. А то штунды похоронили мертвеца безъ попа, и съ перваго же раза онъ не приходилъ. А деньги дома; и хлѣба и водки не нужно. А народу сошлось на погребеніе—больше, чѣмъ когда съ попомъ хоронятъ. И сразу слетѣла съ плечъ всякая тяжесть, и не въ 100 разъ, а въ 1000 разъ легче и лучше безъ попа хоронить, чѣмъ съ попомъ. И если бѣ попы и урядники насъ не трогали, то намъ была бы безконечная радость».

¹⁾ «Приношеніе православнымъ христіанамъ» — сборникъ баптистскихъ гимновъ, по распоряженію синода, быть изъятъ изъ обращенія. (Ред.).

«А скажите мнѣ, на что это вы молитву перемѣнили? Прежде, при Николаѣ, молились такъ, а теперь иначе учите молодыхъ людей Богу молиться?»

Миссіонеръ: «Да вѣдь ты самъ видишь, что теперь на свѣтѣ все перемѣнилось. Отчего же вы не носите той одежды, что ваши отцы носили при Николаѣ? Отчего вы не носите отцовскихъ свитокъ, шапокъ, рукавицъ и лаптей? Небось перемѣнили на лучшую одежду. Такъ и мы молитвы перемѣнили и сложили въ другомъ, болѣе достойномъ смыслѣ».

Я отвѣчаю: «Ну вотъ вы сами доказываете людямъ, что молитва не отъ Бога, а отъ поповъ. Видно, что и помогаетъ-то людямъ эта молитва такъ же, какъ попы. Только бы языкомъ болтать. Развѣ Богъ не догадался все хорошо по порядку сложить, что попы послѣ Бога перемѣняютъ молитву въ болѣе достойномъ смыслѣ, все равно какъ мужикъ лапти? А если попы посланники Божіи, то они могутъ послѣ Бога перестраивать лѣто, зиму, ночь и день, снѣгъ, дождь, вѣтеръ и градъ. Будетъ ужъ насъ обманывать! Мы ужъ, слава Богу, сами видимъ, что Богомъ устроено, а что человѣкомъ».

И пропѣли попы «Достойно есть», а я сидѣлъ, не вставалъ на ноги, когда всѣ стояли. Миссіонеръ спрашиваетъ меня: «А почему ты не всталъ, когда мы пѣли?»

— А потому не всталъ, что вы намъ запрещаете пѣть наши псалмы.

И составилъ урядникъ протоколъ, и кончилась миссіонерская и хохлацкая бесѣда.

То я ужъ знаю хорошо, что не нужно сатаны, потому что сатана не сдѣлаетъ того, что миссіонеры дѣлаютъ. Ты сколько хочешь говори миссіонеру про Бога или о покаяніи, о правдѣ и о грѣхѣ—онъ этого и слышать не хочетъ, а разставляетъ свои коварства и злою хитростью хочетъ выпытать, что человѣкъ говорилъ среди народа на начальство, на судью или на царя, какое ругательство на икону.

XXXIII. Попъ—„волшебникъ“.

Въ селѣ Курьянцахъ, Сквирскаго уѣзда, Бабинецкой волости, былъ попъ, не угодный народу. Онъ своего поля не обрабатывалъ, а продавалъ другимъ, а деньги проигрывалъ въ карты. Съ хутора лѣсъ продавалъ на сахарный заводъ на сносъ; деньги занималъ и не отдавалъ, и адвокатурою занимался, и все это проигрывалъ въ карты, а самъ былъ нищимъ: все проигрывалъ господамъ. И люди на него много жаловались и подавали прошенія, и перевели попа въ другой приходъ.

А въ Курьянцы назначили молодого попа, Семена Бутовскаго. Новый попъ, новые и порядки. Этотъ попъ поля не продавалъ, а самъ засѣвалъ, сѣно выкосилъ, огородъ засадилъ, и люди утѣшаются, что попъ ихъ хозяйствуетъ.

И набралъ попъ водки и послалъ двухъ бабъ по селу собирать на новое хозяйство. И люди надавали ему кто поросенка, кто ягненка, кто теленка, гуся, утку, курицу, а кто шерсти, пряжи—кто что имѣлъ, то и давалъ. Такъ что люди сдѣлали попа хозяиномъ: всего у него есть понемногу. И попъ радуется, что Богъ ему далъ такой приходъ и добрыхъ людей, а люди радуются, что Богъ

имъ далъ такого попа, какъ и у людей, а пожалуй, еще и лучше. И въ церковь идутъ всѣ, отъ стараго до малаго и говорятъ: «Вотъ молодой попъ будетъ службу служить Божію, пойдемте послушаемъ, какъ онъ будетъ служить».

И отслужилъ попъ обѣдино и сталъ на проповѣдь, и далъ народу наставленіе и для будущей, и для настоящей жизни. Первое: «хлѣбъ, куръ и яицъ вы въ церковь не посите, потому что я самъ ихъ не поѣмъ. Хлѣбъ еще можно посушить, а куры и яйца протухнуть; и вамъ будетъ грѣхъ, и мѣѣ. Куры жаренныя и яйца варенныя только на первый день имѣютъ вкусъ, а ужъ на другой день вкусъ теряется; а выбросить собакамъ, то первое убытокъ, а второе—передъ Богомъ грѣхъ. А такъ будетъ лучше: я буду ходить въ постъ и въ Филипповку съ молитвой, то и будете давать: кто пшеницы, кто жита, кто пшена, а куръ живыхъ и яйца сырыя давайте; то я коли не поѣмъ, такъ продамъ, все оно не пропадетъ».

И людямъ показалось удивительнымъ наставленіе молодого попа, и разнесся объ этомъ слухъ по другимъ деревнямъ, даже попы услышали и удивлялись мудрости молодого попа.

Но вотъ родился у попа ребенокъ, и въ это же самое время на селѣ у мужиковъ родилось двое дѣтей. И попъ изъ хохлушекъ выбралъ себѣ лучшую бабку повитуху, почтариху, она въ селѣ была самая главная, пада бабками бабка. Всѣ люди знали и говорили, что бабка почтариха знаетъ всякое зло на человѣка навести, и если не дашь ей ничего, то она нашьлетъ на ребенка плачь или сухоту или безсонницу. Но зато люди хвалили бабку, что если дашь ей что, такъ она назадъ отведетъ. А другія бабки зло-то умѣютъ сдѣлать, а назадъ-то отвести и не умѣютъ.

И взялъ себѣ попъ, облюбовалъ бабку почтариху; и бабка благополучно (припала), но и разсчитывать въ свое время кое-что отъ попа получить за труды, а что у нея на умѣ—никто не знаетъ. И говорить она попу: «А что же намъ, батюшка, дѣлать? Въ одно время родилось трое дѣтей, и на вашего ребенка падаетъ такъ, что онъ будетъ беспокойный, безсильный и тупой». И бабино пророчество очень изумило попа и превысило попову науку. Задумался попъ, потому что въ семинаріи такого урока не было. И говорить онъ бабкѣ: «Ну, это, бабка, судьба Божья, это отъ насъ не зависитъ».

Баба: «Ахъ, какъ же такъ, батюшка, такъ нельзя, потому что это будетъ наше нестараніе и на насъ останется грѣхъ. А вы, батюшка, такъ сдѣлайте: какъ кумы принесутъ крестить тѣхъ дѣтей, что вмѣстѣ съ вашимъ родились, то вы возьмите ножницы и по немножку урѣжьте съ каждой ризки по лоскуточку и оставьте у себя, и этотъ недугъ съ вашего ребенка персядетъ на нихъ, а вашъ ребенокъ будетъ спокоенъ и здоровъ—на всю жизнь».

Выслушалъ попъ бабино пророчество. Приносятъ кумы дѣтей крестить, приготовили всѣ принадлежности для крещенья, и попъ и дьячекъ занялись своимъ боговдохновеннымъ ремесломъ. И проговорилъ попъ кумамъ трижды: «Сочетались Христу?»—Сочетались.—«Отрекохся сатаны?»—Отрекохся.—«Дуньте и плюньте». И кумы обратились назадъ и дунули и плюнули. А дьячекъ съ кумами проговорилъ: «Вѣрую во единого Бога Отца». Беретъ попъ ножницы, на одной ризкѣ урѣзалъ кончикъ, и на другой урѣзалъ кончикъ. А кумы этого еще не видали и не знаютъ, на что это, и противъ чего это и спрашиваютъ попа: «Батюшка! противъ чего это вы урѣзали

ризки? мы этого еще не видали, потому что у насъ такъ не водится».

Попъ сразу не могъ кумамъ отвѣтить, а подумалъ и говоритъ: «Вотъ на что я урѣзалъ: когда вы посвидѣтельствуете за вѣру крещаемыхъ и будете говорить, что нужно: «Сочетались Христу?»—Сочетались. — Отрекохся сатаны? — «Отрекохся», — и проговорите трижды «Вѣрую во Единого Бога», то я эти клочки, что урѣзалъ отъ ризки, долженъ бросить вмѣсто потрясенія праха отъ погъ».

А кумы говорятъ попу: «А у насъ этого не водилось, мы это первый разъ видимъ».

И разошлись по домамъ. А бабка все ожидаетъ себѣ награды отъ попа за свое ремесло; а попъ не обратилъ на нее вниманія, думаетъ, что баба потрудилась ради Христа, и не далъ ей ничего. И баба сильно обидѣлась на попа и рассказала всѣмъ на селѣ людямъ, что у попа ребенокъ родился больной, на то онъ и рѣзалъ съ чужихъ дѣтей крыжмы, чтобы на нихъ перешла болѣзнь съ его ребенка. — «Я ужъ, люди добрые, стара, мнѣ ужъ умирать пора, на что же мнѣ чужіе грѣхи на себя брать? развѣ у меня души нѣтъ? Цуръ ему».

И пошла бабина и попова новая повѣсть по всему селу, а послѣ и по другимъ селамъ пошла молва, повсюду слышно стало. И такъ люди возненавидѣли попа, что въ тотъ же день рады выгнать его изъ села, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ: «Не нужно намъ волшебника!» И вспомнилъ попъ Писаніе: что сдѣлаешь въ темнотѣ, то окажется на свѣтѣ, и поднимаетъ попъ голосъ: «Люди добрые! меня до этого баба довела, а я этого не зналъ; Боже меня сохрани, я сколько на свѣтѣ живу, никогда еще это не слышалъ».

— Эге! такой-то ты попъ, что бабы слушасшь. Не нужно намъ, не нужно намъ такого попа! Ахъ, Боже нашъ, Боже нашъ, за что ты насъ наказываешь? Въ другихъ селахъ Богъ даетъ людямъ поповъ хорошихъ, какихъ и слѣдуетъ, а у насъ попъ — коли не пьяница, то волшебникъ.

А попъ сложилъ на груди руки, потомъ поднялъ вверхъ и говоритъ: «Господи Боже! Ты видишь мое сердце, мое незлобіе къ людямъ; молю Тебя, Боже, дай мнѣ мѣсто, только не въ Кіевской губерніи. О, многомилостивый Господи, Тебѣ извѣстно, что я отъ юности употреблялъ всѣ свои силы для изученія науки, болѣе 20 лѣтъ, а кіевскаго вѣдьмовскаго колдовства я не изучалъ, и мысли мнѣ въ голову объ этомъ не приходило; а что я урѣзалъ ризки, такъ это меня баба почтариха искусила».

Это все было въ 1891 году, а въ 1892 году перевели попа на Дону къ казакамъ. А какъ меня судили, то этотъ попъ былъ свидѣтелемъ, пріѣзжалъ съ Дону, и за свидѣтельство взялъ 32 рубля.

И этотъ попъ много труда принялъ отъ своихъ пасомыхъ и переносилъ много сраму. А съ нашими братьями, съ штундистами, еще больше принялъ труда и печали и сраму и много страдалъ безсонницей, по цѣлымъ ночамъ проводилъ въ бесѣдахъ, употреблялъ всѣ свои силы и всю науку, чтобы доказать сущность Божества и сбить штундистовъ съ истиннаго пути.

XXXIV. Какъ попъ строилъ церковь. — Штунды въ Жуйковѣ.

Въ селѣ Самородокъ, Сквирскаго уѣзда, попъ на сельскомъ сходѣ уговаривалъ міръ, чтобы восемь лѣтъ откладывали деньги съ кабака и что съ помѣщика брали за жнитво за работу тоже откла-

дывали, а какъ выйдетъ 8 лѣтъ, то чтобъ на эти деньги построили новую церковь. И люди согласились, откладывали съ кабака и другіе общественные доходы 8 лѣтъ, и дьякъ записывалъ, сколько денегъ. Прошло 8 лѣтъ, и собираются люди строить церковь. Идутъ къ попу, чтобъ далъ денегъ купить лѣсу и камня, а попъ отказался: «Я не бралъ у васъ никакихъ денегъ!»

Люди подали на попа жалобу, пріѣхала духовная комиссія, изслѣдовали дѣло и нашли попа виноватымъ, и миссіонеръ Афанасій Радзаевскій сдѣлалъ попу передъ людьми выговоръ, обличилъ его въ мошенничествѣ и перевелъ его за 70 верстъ въ другой приходъ, а того попа въ Самородокъ. Какъ будто этотъ попъ, что деньги растратилъ, тамъ будетъ честный. И самородовскіе хвалятъ новаго попа, говорятъ, что онъ лучше прежняго, и тѣ хвалятъ новаго попа, говорятъ, что онъ лучше прежняго.

Такъ-то миссіонеръ Афанасій Радзаевскій строго наказываетъ поповъ за преступленія.

Село Жуйково, Кіевской губерніи, Бердичевского уѣзда. Въ этомъ мѣстечкѣ много хохловъ и евреевъ и неподалеку сахарный заводъ; двѣ церкви: одна въ мѣстечкѣ въ пользу благочиннаго, а другая, около завода, въ пользу попа. А на заводѣ постоянно 200 душъ рабочихъ, а сентябрь и октябрь, два мѣсяца, на заводѣ еще изъ другихъ селъ бураки привозятъ, такъ что собирается нироду до трехъ тысячъ. Привезутъ бураки, заставятъ всѣ площади кругомъ завода и кругомъ церкви, дадутъ конямъ корму, а сами возьмутъ мѣшки съ хлѣбомъ и пойдутъ въ еврейскіе кабаки выпить по рюмочкѣ.

И вотъ попъ наблюдаетъ за своими пасомыми и думаетъ, что овцы его, а шерсть песуть не ему, а въ еврейскіе кабаки. И попъ обратилъ на это все свое вниманіе и открылъ свой кабакъ у церкви, около колокольни. И тѣ мужики, что бураки привозятъ, начали теперь въ поповомъ кабакѣ выпивать по рюмочкѣ. И радуется попъ, что въ его загонѣ остается съ овецъ и шерсть, и молоко. Завладѣлъ попъ и живыми, и мертвыми: съ живыхъ шерсть стрижетъ, а съ умершихъ шкуру деретъ. И небесное, и земное—все захватилъ попъ въ свои руки. И изъ церкви попу доходъ, и съ кабака доходъ, и бураки сѣть и на заводы продаетъ. Устроилъ попъ все такъ, какъ ему хотѣлось и видитъ, что мимо него ничто не можетъ пройти: ни доброе, ни злое; куда бъ ты ни задумалъ ити, все нужно ити въ поповы ворота. И радуется попъ, что умножается его богатство; наѣстся, напьется, запряжетъ въ фаэтонъ четверку лошадей, закуритъ папиросу и поѣдетъ кататься. И всякій встрѣчный знаетъ, что это жуйковскій попъ ѣдетъ.

Но въ 1887 году случилось попу надгробное рыданіе, постигла его неожиданная и неуспѣшная работа и забота: появились въ Жуйковѣ на заводѣ штунды. И какъ попы называютъ штунду заразною болѣзью и ничего они такъ не боятся, какъ штунды, то Богъ ихъ штундами и наказываетъ. А народныхъ бѣдствій попы не боятся. Мужики боятся неурожая, пожара, скотскаго падежа, холеры на людей—мужики объ этихъ бѣдствіяхъ и подумать боятся. А для поповъ еще лучше, если люди мрутъ. А какъ штунды появятся, то попу бѣда.

Какъ-то не хватало на заводѣ рабочихъ людей, и подрядчикъ поѣхалъ съ завода въ село Дѣдовщину и подрядилъ на заводъ

рабочихъ православныхъ. Но замѣшалось между ними трое штундовыхъ: Константинъ, Данило и Петръ. И развелись на заводѣ штунды, а съ завода перекинуло въ мѣстечко и мало-по-малу и тамъ разводились штунды. А въ воскресенье жуйковецкіе попы и люди и урядникъ ѣхали на базаръ въ другое мѣстечко, а жуйковецкій штундистъ Ефремъ поѣхалъ въ Сквирскій уѣздъ къ штундовымъ, чтобъ приходили въ Жуйково на собраніе. И собралась насъ тамъ цѣлая гурьба, читали Библию и Евангеліе, пѣли псалмы и толковали цѣлый день, а вечеромъ разошлись.

Ахъ, какъ узнали попы, что было въ Жуйковѣ собраніе, сдѣлалось движеніе: попы, становой и урядникъ и день и ночь, и другой день, и третій дѣлали дознаніе, откуда взялось въ Жуйковѣ штундерское ученіе и кто его туда принесъ. И оказалось, что виноваты вышеупомянутые Константинъ, Данило и Петръ въ томъ, что распространили въ Жуйковѣ штунду, и Ефрема нашли виновнымъ въ томъ, что въ его избѣ было штундерское собраніе. И Ефремова жена выговорила попамъ за то, что они такіа деньги берутъ съ людей за вѣнчаніе, за погребеніе, за крестины, и еще сказала имъ: «Вы не священники, а вы жида, коли вы кабакъ около колокольной открыли. А отъ кабака пьянство, воровство, убійство, прелюбодѣйство и всякій развратъ». И ее арестовали и посадили въ Бердичевъ въ тюрьму.

А директору завода сильно пригрозили, чтобъ онъ отправилъ штундистовъ съ завода и никогда не принималъ ихъ. И посвятили заводъ и село, и кто не шелъ крестъ цѣловать, то чужихъ выгоняли съ завода, а своихъ арестовывали. И поставили стражу кругомъ села: «кого словите, арестуйте». И одинъ штундистъ Сквирскаго уѣзда, Пантелеймонъ Заяцъ, шелъ провѣдать Ефрема, его арестовали и подъ конвоемъ водили по начальству въ Бердичевскомъ уѣздѣ и въ Сквирскомъ уѣздѣ по всѣмъ карцерамъ.

И попы будто бы успокоились на малое время. Но потомъ постигло поповъ другое несчастье. Поѣхалъ благочинный въ казначейство и получилъ на свой округъ жалованье для дьячковъ и дорогой потерялъ всѣ деньги. И прошелъ объ этомъ слухъ по деревнямъ. А дьячки услышали и говорятъ: «Вретъ благочинный, онъ наши деньги себѣ припряталъ, а говоритъ, что потерялъ, мы ужъ его давно хорошо знаемъ».

Пришли дьячки за жалованьемъ, и благочинный объявилъ имъ о своей потерѣ: «Вотъ, случилось со мной такая невзгода, Боже храни всякаго крещенаго, я бы и врагу не пожелалъ такого при-скорбнаго случая. И такъ, братцы, теперь мы должны подѣлиться другъ съ другомъ несчастіемъ, все равно какъ и радостью. Вотъ я вамъ изъ своихъ денегъ выдамъ третью часть, а то мнѣ и вась жалко такъ оставить».

Переглянулись дьячки другъ съ дружкой и шепотомъ сговорились между собой: «Если не выдастъ всѣхъ денегъ, то не брать ничего». И которые посмириѣе, тѣ отступили назадъ, а которые побойчѣй, тѣ впереди.

А благочинный отсчиталъ денегъ и даетъ одному дьячку, а дьячекъ не хочетъ брать: «Ваше благословеніе, у меня жена и дѣти, я задолжался, срокъ вышелъ и я упросилъ подождать до жалованья, а теперь я выйду лжецомъ. А вы деньги потеряли—вы и въ убыткѣ, а мнѣ мои отдайте, у меня жена и дѣти».

Благочинный: «Ну, братецъ, получи ты эту часть, это будетъ для дѣтей, а на долгъ я тебѣ особо дамъ». Взялъ дьякъ третью часть, а благочинный пошелъ въ другую комнату, и поспѣшно бѣжить оттуда сердитый, а въ рукахъ палка. Ударилъ дьячка три раза палкой и говорить: «Вотъ тебѣ на долгъ, а если жена будетъ недовольна, то пусть приходитъ сама и получить плату». А прочимъ дьячкамъ говорить: «А вы, братцы, что я вамъ даю, то получайте, а кому мало, тотъ пусть заявитъ, я додамъ».

И получили всѣ дьячки третью часть и были довольны, никто не заявилъ, что мало. А благочинный говорилъ: «Это я вамъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ даю».

А попа постигло другое несчастье: какой-то продувной проходимецъ подманилъ попадью, и она украла у попа всѣ деньги и убѣжала съ этимъ проходимцемъ на машину въ свѣтъ, а попъ остался на вѣкъ несчастный.

XXXV. Свадьба, ряженые попы и Бабинецкій попъ.

Въ селѣ Бабинцахъ была свадьба. Свадьба началась такъ, какъ дѣлается по обычаю у всѣхъ хохловъ: въ пятницу обѣдъ за упокой, въ субботу началась свадьба, въ воскресенье вѣнчали, въ понедѣльникъ коровы дарили, во вторникъ представляли разные безобразные артикулы, какіе кто умѣлъ и кто что зналъ изъ хохлацкихъ комедій. И никто за это хохловъ не хвалилъ и не ксрилъ: этотъ хохлацкій сбычай идетъ отъ предковъ изъ рода въ родъ. Но одинъ хохолъ превзошелъ хохлацкую науку, достигнувъ уже богослова: нарядился попомъ, сдѣлалъ въ избѣ алтарь и всѣ церковные убранства и сосуды, устроилъ хоругви, привязалъ полотно къ высокимъ палкамъ и начали служить службу, сначала за здравіе, а потомъ за упокой умершихъ. А потомъ кумы пришли крестить ребенка — окрестили. Тутъ же случился и мертвецъ — и мертвеца погребли.

И statt сбѣгаться народъ со всего села, забираютъ и идутъ святить колодезь, а колодезь стоитъ недалеко отъ волости, саженьхъ въ 12. И изъ чужихъ селъ были люди. Осветили колодезь, и люди попили и умылись святой водой, и собираются ужъ за однимъ махомъ и село освятить, чтобъ оградить отъ всякихъ опасностей.

Но тутъ какъ разъ явился настоящій бабинецкій попъ съ жалобой на мужиковъ, что они взяли за попово ремесло и производили всѣ тѣ фокусы, какіе попъ производить. Усидышали мужики отъ попа угрозу и ужъ не пошли села святить: трезвые сами разбѣжались, а пьяныхъ староста и сотскій разогнали.

И попъ настоялъ, чтобъ ему разыскали виновныхъ, которые руководили собравшимся народомъ и присвоили себѣ попову власть и право имъ не принадлежащее, и осмѣлились производить священные сряды. И разыскали виновныхъ, и волостной судъ присудилъ ихъ наказать за такую дерзость розгами по 10 ударовъ cadaго.

Насколько бабинецкій попъ самъ показалъ народу свою глупость и ненависть къ своимъ пасомымъ овцамъ. Попъ задумалъ остричь своихъ овецъ и постригъ съ нихъ шерсть, а клещи остались на шкурѣ. Этихъ клещей выбрали бы уже куры и сороки, но попъ не допустилъ ихъ, а задумалъ самъ не выбирать со шкуры клещей,

а выбить ихъ розгами. Попъ остался недоволенъ, что по его жалобѣ въ волостномъ правленіи осудили его противниковъ на 10 розогъ; онъ напоминаетъ судьямъ, какъ наказывали въ 1830 и 1840 годахъ.

А судьи говорятъ: «Были въ прежнія времена такіе лукавые люди, что проливали кровь нашихъ дѣдовъ и отцовъ, но ихъ теперь ужъ нѣтъ, что же мы теперь сами своею волею будемъ проливать кровь?» И начали рѣшать дѣло: на три дня въ холодную, но попъ съ писаремъ настояли на тѣлесномъ наказаніи и осудили на 10 розогъ. Но виновные остались недовольны и подали на этотъ приговоръ апелляцію на сѣздъ мировыхъ судей въ Тарашу. А дальше я не могу описывать, потому что это было въ 1892 году, а меня въ этомъ самомъ году и за Кавказъ выслали. И вотъ теперь я за Кавказомъ сижу и думаю, къ какому бы этому поступку описать и съ чѣмъ бы его сравнить?

У мужиковъ въ полѣ есть посѣвъ, озимый и яровой, а въ деревнѣ огороды, которые засѣваются разными овощами и огораживаются тыномъ или частоколомъ, чтобы не залѣзала въ него свинья или другое животное и не испортило его. А для свиной отводится особая часть полей, называется толока; и нанимаютъ мужики пастуха, и всякій знаетъ, что пастуха нанимаютъ не для того, чтобы вразумлять свиней, а чтобы пастъ свиней на указномъ мѣстѣ, чтобы они не пошли въ озими или въ ярину или въ огородъ и не испортили ихъ. И осенью пастухъ получаетъ за это плату; а если пастухъ напѣется и заснетъ, а свиньи пойдутъ въ огороды и попортятъ ихъ, то мужики не винятъ свиней, а винятъ пастуха, не даютъ ему жалованья и прогоняютъ и нанимуютъ другого.

Разъ лѣто родить, а зима переводить, и потому мужики лѣтомъ охраняютъ все какъ слѣдуетъ, по порядку, а зимой выдѣляютъ изъ урожая часть себѣ, часть пастуху, а часть свиньямъ, до другого лѣта. И мужики народъ несвѣдующій и необразованный, но порядокъ ихъ образованный и полезный всѣмъ. А попы хотя народъ образованный, и свѣдующій, но порядокъ ихъ необразованный и бесполезный, никому ненужный. Поповъ порядокъ такую же пользу приносятъ людямъ, какъ хорьку приносятъ пользу воробей или то яйцо, какое мужикъ привяжетъ въ ловушку: хорекъ не поспѣетъ взять его зубами, а ловушка уже захлопнулась. А мужикъ шкурку съ хорька сдеретъ, а мясо выкинетъ собакамъ.

Пастухъ пастъ свиней на томъ мѣстѣ, гдѣ ему прикажетъ мѣръ, онъ исполняетъ волю мѣра, и мѣръ за то даетъ ему сермягу, шапку, лапти и кормитъ его, и всякій мужикъ знаетъ, что свиньи его подъ присмотромъ. Сходъ насчетъ всѣхъ зимнихъ дѣлъ раздѣляется на кучки: выбрать старосту или сотскаго или что купить или продать; одинъ кричитъ одно, другой другое; а когда нанимаютъ пастуха для свиней, то не раздѣляются на кучки, а всѣ знаютъ, что нужно нанять пастуха, никакъ нельзя обойтись безъ пастуха: пришлось бы каждому самому пасти своихъ свиней. А попъ приходитъ въ село и говоритъ: «Я вашъ попъ, я вашъ проповѣдникъ, я вашъ пастырь, меня въ Кіевѣ поставили по закону предковъ учить васъ и руководить вами по закону Божьему, такъ, какъ Богъ приказалъ, и будемте вмѣстѣ исполнять волю Божию».

Земное съ небеснымъ спорить никакъ не можетъ, и это вѣрно, что какъ свиньи безъ пастуха не могутъ пастись, такъ и необразованный народъ не можетъ обойтись безъ образованнаго человѣка, а не то что безъ попа. Ну, пускай бы такъ и было: пусть бы мужики

занимались земнымъ, а попъ небеснымъ; пускай бы попъ научалъ и и вразумлялъ мужиковъ, чтобъ и они поняли и уразумѣли, что Богу угодно и что Богу противно. А то народъ видитъ, что не то что попъ больше любить зло, нежели добро, а народъ уже ясно видитъ, что попъ добра совсѣмъ не любить, одно только зло любить.

Хохлы не первые или вторые, а самые послѣдніе воры и пьяницы, и не изъ одного села, а изъ многихъ селъ, доказываютъ бабинецкому попу, упрекаютъ его и говорятъ ему: «Мы тебя до сего времени имѣли за попа, а теперь ты намъ не попъ. Мы свадьбы играемъ тѣмъ порядкомъ, какъ насъ научили наши дѣды и отцы. Мы начинаемъ свадьбу въ пятницу, будто, по Божьему, все съ благословеніемъ, съ молитвой, а на шестой день, въ среду, кончась ессорами, драками, слезами и проклятіемъ другъ друга. Мы ужъ и сами знаемъ, что у насъ всѣ три дня, въ какіе мы играемъ свадьбу: понедѣльникъ, вторникъ и среду—одни только скверныя слова, срамныя пѣсни, неприличныя шутки и игры, пьянство, неистовые голоса, шумъ, крикъ. Наши дѣти и внуки смѣются надъ нами, что мы представляемъ такую дьявольскую комедію—не то, что Богу противную, но даже доброму человѣку отвратительную. Вотъ за это бы стоило и наказать насъ, но попъ объ этомъ молчитъ, не подаетъ жалобы и не скажетъ, что это грѣхъ. Попу еще и лучше, если народъ напьется и одурѣетъ, не знаетъ, что дѣлаетъ. А вотъ пошутили мы на концѣ свадьбы, стали Божественныя слова говорить и пѣсни пѣть—мы крестили ребенка, говорили три раза «Вѣрую во единого Бога»; покойника погребали—пѣли «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего», колодезь святили—пѣли «Спаси, Господи, люди Твоя»; что жъ мы тутъ такого сдѣлали? мы слова божественныя говорили. За что же насъ предавать суду, чтобъ насъ калѣчили розгами? Мы дурного ничего не сдѣлали».

Волка поги кормить, а мужика лѣто кормить. Случится засуха или градъ или такъ неурожай, мужикъ остается въ нуждѣ на цѣлый годъ до новаго урожая. А попу постоянно урожай: и лѣтомъ, и осенью, и зимой, и весной родятся, крестятся, сватаются и умираютъ. И у попа урожай постоянно новый: свѣжій хлѣбъ, свѣжая курочка и свѣжая бутылка водки. Попъ себѣ выбралъ такой источникъ, что лѣтомъ не высыхаетъ, а зимой не замерзаетъ, постоянно течетъ и никогда не оскудѣваетъ.

XXXVI. Старинныя отцовскія и материнскія поученія.

Сынъ Яковъ.

Какія поученія я понялъ отъ отца своего, Артема Пафловича, тѣмъ самымъ поучалъ и дѣтей своихъ, двухъ дочерей, Федосію и Наталью и сына Якова. А именно: я слышалъ отъ отца, что кто украдетъ дерево изъ лѣсу или рыбу изъ воды, то въ этомъ нѣтъ грѣха, и его не будутъ называть воромъ; а если кто больше этого украдетъ, то будетъ передъ Богомъ грѣхъ, а у людей будетъ называться воромъ.

Но я пошелъ еще дальше того, чему отецъ меня училъ: отецъ мой кралъ изъ лѣса и изъ воды, а я уже воровалъ съ поля снопы, изъ бакчей арбузы, а одинъ разъ укралъ съ чужой лошади путо и спуталъ свою лошадь, а та лошадь зашла куда не слѣдовало и надѣлала убытку.

А мой сынъ пошелъ дальше, чѣмъ я его училъ: я украсть съ чужой лошади путо, а мой сынъ украсть и лошадь чужую. А что съ сыновымъ сыномъ будетъ? Пожалуй, дойдетъ уже до разбойника.

Въ 1875 году началъ я читать Евангеліе и бросилъ я и свое и отцовское приказаніе и началъ сызнова изучать приказанія Евангельскія, какъ выше описано. Но дѣтямъ моимъ не полюбилсъ новыя приказанія. Старшая дочь, Феодосья, притворялась, будто она вѣрила по Евангелію; но Богъ мнѣ далъ зятя парня тихаго, спокойнаго, трудолюбиваго и на все послушнаго, но пугливаго: очень боялся поповыхъ угрозъ. И я всѣми силами старался учить и вразумлять своего зятя, чтобъ онъ не слушалъ и не боялся угрозъ поповыхъ.

И когда у зятя было уже четверо дѣтей, вдругъ собралися попы, становой, урядникъ, а изъ Кіева пріѣхалъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, и зятя съ дочкой повѣнчали по православному обряду, а дѣтей покрестили насильно, и уѣхали.

А другая дочь, Наталья, ночью забрала свои вещи и уѣзжала къ православнымъ и вышла замужъ по православному обряду и прожила три года замужемъ и умерла.

Сынъ мой Яковъ, съ малыхъ лѣтъ былъ пустой, непослушный и непокорный отцу и матери, отличный отъ всѣхъ на селѣ мальчиковъ, и за всякое непослушаніе бывалъ наказанъ дѣтскимъ наказаніемъ. Но когда ему исполнилось 18 лѣтъ, онъ началъ противорѣчить отцу и матери, совѣтовъ и поученій не слушаетъ по совѣсти, а наказывать не дается. И началъ онъ безсмысленно по своему понятію, бушевать и обижать отца съ матерью, такъ что намъ приходилось страдать отъ невыносимыхъ и тяжелыхъ оскорбленій.

И сталъ я жаловаться на сходѣ старостѣ и міру. Тутъ отъ общества послышались пустыя настышки и глупыя шутки—закричали: «Молодецъ Яковъ, молодецъ! Хорошо дѣлаетъ! Штундистамъ еще и не то пужно сдѣлать: они въ Бога не вѣрятъ».

И послѣ жалобы мнѣ еще хуже стало: началъ Яковъ гнѣнствовать и распутничать, на моихъ глазахъ беретъ мое имущество и несетъ въ кабакъ, отпереть сундукъ и возьметъ деньги всѣ, какія тамъ есть: хоть 5, хоть 10, 20, 40 рублей—всѣ возьметъ, а вмѣсто нихъ положить записку: «Это я взялъ деньги, потому что они не твои, а мои, не такъ будетъ, какъ ты хочешь, а какъ я захочу; ты не крестишься и въ церковь не ходишь, а надо мной весь народъ смѣется, я еще тебѣ не то сдѣлаю».

И нашла на меня тяжелая, невыносимая печаль; плачемъ мы вмѣстѣ съ матерью передъ своимъ сыномъ, говоримъ ему разныя наставленія и просимъ: «Покайся и живи себѣ, какъ ты хочешь: крестись, въ церковь ходи, но не пьянствуй и меня не разорай». Но мои совѣты остаются при мнѣ, а Яковъ еще хуже началъ дѣлать наперекоръ и бушевать, все равно, какъ вихорь въ полѣ на дорогѣ. Мать даже умомъ помутилась и мѣсяца два больна лежала.

Я ужъ вижу, что крайняя бѣда, подаль я жалобу мировому судѣ и поставилъ много свидѣтелей изъ общества, старосту и сотскаго. И вызвалъ судья на судъ, и я рассказалъ ему на допросѣ всѣ оскорбленія отъ Якова и отъ общества. И мировой судья составилъ рѣшеніе суда и прочиталъ резолюцію и говоритъ:

«Если Яковъ не станетъ просить прощенія у отца съ матерью, то за оскорбленіе на 3 года въ арестанскія роты, а послѣ трехъ лѣтъ ссылка въ Сибирь на вѣчно съ лишеніемъ всѣхъ правъ».

И говоритъ судья Якову: «Ну, проси отца, поцѣлуй въ ноги и въ руки и проси прощенія».

Яковъ падаетъ мнѣ въ ноги и начинаеть просить со слезами. Я говорю: «Ты теперь мнѣ не сынъ, я тебя больше не знаю, кто ты». И отпихнулъ я Якова отъ себя.

Судья взявъ Евангеліе, обратился ко мнѣ и читаетъ: «Что свяжете на землѣ, то будетъ связано и на небѣ, и что вы разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено и на небѣ. По Евангелію ты не въ правѣ отталкивать, когда сынъ у тебя проситъ прощенія».

А я тоже нашелъ въ Евангеліи другое мѣсто, гдѣ спрашиваютъ, сколько разъ прощать брату согрѣшающему? до семи разъ? и Христосъ отвѣчаетъ: «Не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ, если кается, прости ему». А если онъ не кается, то я не знаю, кто онъ».

Судья говоритъ Якову: «Покайся, не будешь больше отца обижать?»

Яковъ: «Покаюсь, не буду обижать».

Судья: «Яковъ покается, примешь его?»

Я подумалъ: судъ — милостивъ, если кается, а я не окажу милости... ¹⁾ И говорю: «Яковъ меня уже не разъ покаяніемъ обманывалъ и теперь обманетъ, я ему не могу вѣрить».

Судья: «Если ты желаешь помириться, то я сдѣлаю мировую, и Яковъ распишется. Распишешься Яковъ?»

Яковъ: «Распишусь. Говори, а я буду писать».

Я говорю: «Я хочу, чтобъ Яковъ вѣрилъ въ живого Бога, чтобъ не пьянствовалъ, не кралъ, трубки не курилъ, не ругался, не блудодѣйствовалъ, чтобъ покорно исполнять все, что я ему укажу, тогда я его приму къ себѣ».

Судья: «А развѣ еще и не живой Богъ есть?» И судья записалъ все, что я ему говорилъ вслухъ при всѣхъ и говоритъ Якову: «Будешь слушать и исполнять все, что отецъ тебѣ указалъ?»

Яковъ: «Буду».

— Ну распишись.

Яковъ расписался.

И говоритъ мнѣ судья: «Ну, возьми его подъ свою опеку, и если онъ будетъ тебя обижать, то напиши мнѣ жалобу, Яковъ получитъ тогда двойное наказаніе».

И мнѣ стало немного легче. Пришли мы изъ суда домой, и я заставилъ Якова написать сельское условіе, какъ я ему указалъ. И староста собралъ сходъ, подписались свидѣтели, староста приложилъ штемпель и расписался. И я думалъ, что уже повернетъ на лучшіе годы, и будетъ спокойнѣе.

Но какъ узналъ попъ, что Яковъ уже подъ моей властью и кругомъ закрѣпленъ и судьей, и обществомъ, попъ сейчасъ же къ благочинному, а благочинный къ протоіерею, а протоіерей къ судѣѣ. И приходитъ ко мнѣ староста съ сотскимъ и говорятъ: «Яковъ, иди къ попу, становой тебя требуетъ». И пошли.

Приходитъ Яковъ отъ попа, и такой веселый, что я какъ увидѣлъ, такъ сейчасъ же сталъ печальный.

И обратилъ я вниманіе, что радость и печаль—все равно, какъ сорока на заборѣ. Сорока сядетъ на одинъ колъ, немного посидитъ

¹⁾ Не разобралъ въ оригиналѣ фраза переводится здѣсь приблизительно:
Ред.

и перелетитъ на другой, а послѣ улетитъ въ далекую сторону. А колья какъ были одни, такъ и остались. Такъ и къ человѣку приходитъ на время то радость, то печаль, все равно какъ на тотъ заборъ, откуда слетѣла сорока, слѣла ворона.

И началъ Яковъ опять бушевать, и подалъ на меня жалобу мировому посреднику на раздѣлъ земли, огорода и имущества. И на другой же день пришла повѣстка: не отлучаться изъ дому, потому что будетъ судъ. И прямо въ село пріѣхалъ старшина, писарь и судьи, призвали меня въ школу и рѣшили дѣло. И сейчасъ же тѣ судьи, старшина и писарь пришли ко мнѣ въ домъ, и староста съ сотскимъ, по приказу старшины, выкидали мои вещи изъ чулана въ мою избу, а чуланъ назначили Якову на избу; размѣряли огородъ и поле пополамъ и дали строгій приказъ: «Не нарушать дѣла, а по суду быть должно, а Якова ты не имѣешь права обижать». И я безъ противленія остался жить на отдѣленной части.

И пришелъ попъ и помолился за здоровье и за упокой, освятилъ каморку и благословилъ Якова на многая лѣта, многая лѣта.

Въ одинъ день рѣшили, и вошло въ законную силу, и привели рѣшеніе суда въ исполненіе—подѣлили, и ушли гражданскія власти. А на другой день начался хоръ духовной власти.

И рѣшился судъ скорый, милостивый и равный для всѣхъ. Имена: старшина Маріонъ Загребельный, писарь Липницкій, мировой посредникъ Раевскій, староста Иванъ Филипчукъ и сотскій Василій Макоцоба.

А другіе суды имѣютъ другую форму, а третьи суды имѣютъ третью форму. Первый судъ рѣшается и приводится въ исполненіе въ одинъ день. Второй судъ: подай прошеніе, а на судъ вызовутъ черезъ мѣсяць или черезъ полтора или даже черезъ два; а послѣ рѣшенія входитъ въ законную силу черезъ мѣсяць и на третій мѣсяць приводятъ въ исполненіе.

А третій судъ—это такой, когда кто попадетъ на крючокъ, если, наприимѣръ, кто на старшину жалуется или на его родственника, или кто обѣщаетъ денегъ дать и водки купить, такъ истецъ пусть ужъ самъ смекнетъ, за кѣмъ дѣло, да пусть ужъ подставляетъ свою голову. Вылѣзетъ изъ грязи изъ одной ямы—попадетъ въ другую; вылѣзетъ изъ другой—попадетъ въ третью, такъ и будетъ стоять въ грязи, никакъ не повезетъ его дѣло. Подастъ жалобу—мѣсяць не вызываютъ, а вызовутъ, такъ отвѣтчикъ не явится; на другой мѣсяць вызовутъ—свидѣтель одинъ не явится; на жнитво суды закрываются, а осенью старшинѣ нѣтъ времени: рекрутовъ принимаютъ; весной вода мосты заливаетъ, грязь, свидѣтели не могутъ пріѣхать. Да все и не опишешь; и третій судъ разсѣивается, какъ туманъ отъ солнца.

Послѣ раздѣла Яковъ взялъ слѣдующую ему часть имѣнія и началъ пьянствовать. Набралъ себѣ цѣлую шайку плохихъ молельныхъ людей, самыхъ бродягъ и воровъ; ночью отвратительное бѣшенство, музыка, танцы, скверныя пѣсни, шумъ, цѣлую ночь безобразія дѣлаютъ. Приключилась мнѣ крайняя бѣда; черезъ одну стѣнку все слышно, почти въ одной избѣ. Была у меня пара лошадей—украли и пропили.

И началъ я жаловаться на такое безчеловѣчное и отвратительное безобразіе, и подалъ я лично бумагу опять мировому судѣ, и припомнилъ судѣ и прежній судъ, въ которомъ судья помирилъ насъ по Евангелію и сказалъ, что если Яковъ будетъ на тебя на-

падать, то получить двойное наказаніе. И разсказалъ я судѣ всѣ бывшія вторичныя нападенія Якова и говорю: «Господинъ судья! если вы не остановите моего Якова, то я подамъ по почтѣ бумагу самому государю».

А судья мнѣ на это отвѣтилъ: «Широко ты, братъ, ступаешь».

И только мнѣ было и отрады, что услышалъ я отъ судьи доброе слово, что называлъ онъ меня братомъ.

Пошелъ я къ адвокату, присяжному повѣренному господину Юрчевскому, и прошу его: «Напишите мнѣ государю жалобу».

— Хорошо, я могу написать, только разскажи мнѣ свою обиду.

Я ему разсказалъ, и господинъ Юрчевскій замахалъ обѣими руками и говорить: «Нѣтъ, нѣтъ, я объ этомъ не буду писать, ступай себѣ».

Пошелъ я ходить по всѣмъ въ городѣ Сквири адвокатамъ: былъ у Черкаскаго, у Подольскаго, у Заинковскаго, у Паволоцкаго, у Желѣзника и у Левицкаго. А Левицкій, присяжный повѣренный, человѣкъ, видно толковый. Разсказалъ я ему свою бѣду, и началъ мнѣ Левицкій соболѣзновать о такомъ несправедномъ на меня нападеніи и говорить мнѣ: «Любезный другъ! я знаю объ васъ все, но намъ нельзя васъ защищать. Повѣрь мнѣ, если бы я написать тебѣ все, что ты просилъ, то меня бы завтра, а то и сегодня выслали бы изъ Сквиры».

Пошелъ я по жидовскимъ адвокатамъ, думаю, у нихъ другая вѣра, такъ они мнѣ напишутъ. Прихожу я къ Шмулю Ровнеру и говорю: «Господинъ, напиши мнѣ жалобу государю».

— Дашь 25 рублей—напишу; а расходы особо, увидимъ тамъ, сколько будетъ стоить.

— Прошу васъ, господинъ: мнѣ 3 рубля дать, и то много.

— Эге-ге! ты думаешь, государю писать—все равно, что на заводѣ директору или судѣ? Нѣтъ, нѣтъ! государю писать—нужно каждое слово обдумать, какъ его написать; а послѣ еще нужно переписывать; нужно взвѣсить, чтобы каждая буква чего-нибудь стоила. А насчетъ чего ты хочешь жалобу писать?»

— Вотъ насчетъ чего. Я поповъ не хочу и въ церковь не хочу ходить и рукой креститься оставилъ, и за это на меня нападаютъ».

— Гырсты. (Подожди).

И началъ съ другими жидами что-то по-жидовски говорить. А потомъ говорить мнѣ: «Ну, теперь, если бъ ты мнѣ давалъ 100 рублей или даже 1000, то и тогда не сталъ бы тебѣ писать. Ты изъ штундистою, я ужъ не разъ про тебя слышалъ разговоры, тебя попы когда-нибудь запрутъ туда, гдѣ макаровы телята пасутся. Ты съ попами ничего не выиграешь, а еще и самъ останешься вицоватымъ. Вотъ наши евреи: украдутъ у отца денегъ и одежду и бѣжить къ попу и выкрестится жидокъ или жидовочка; такъ евреи не подаютъ въ судъ на поповъ, а только плачутъ и просятъ. А тѣ жиденята промощенничаютъ деньги, да опять бѣгутъ къ жидамъ, а похристіански не хотятъ жить. И ужъ эти выкресты не вѣрятъ ни въ православную, ни въ еврейскую вѣру».

Вижу я, что никто не хочетъ мнѣ писать, сажусь и пишу самъ свою жалобу Государю. Написалъ письмо, положилъ въ конвертъ, вложилъ еще рубль денегъ и понесъ на почту. Подалъ писарю, а писарь какъ увидалъ, что эта жалоба государю, показалъ другимъ писарямъ; и посбѣгались всѣ писаря и адвокаты и много купцовъ

изъ города было, и всѣ читають мою жалобу, а почтовая работа остановилась.

И моя жалоба показалась на почтѣ какой-то новостью или чудомъ: смотрю я, народъ все образованный, какъ господа, а всѣ смѣются, шутки шутятъ, представляютъ разныя неприличныя артикулы и всѣ на меня смотрятъ и смѣются, подняли меня на смѣхъ. И квитанціи мнѣ не выдаютъ, и только по долгомъ времени писари взялись за почтовую работу, стали принимать письма. Новый народъ на почту приходитъ и читають мою жалобу цѣлый день, какъ будто они неграмотные, никогда не видали жалобы. Не выдаютъ мнѣ квитанціи, да и только. Думаю: бросить и уйти домой—не приходится: жалоба заказная да еще и рубль денегъ.

А тутъ Богъ далъ, смотрю я, самый старшій пошелъ въ толпу, взять у народа мою жалобу, кличетъ меня, отдаетъ мнѣ назадъ мою жалобу и деньги и говоритъ: «Мы не можемъ государю посылать такихъ глупостей, ты найди человѣка разумнаго и образованнаго, пусть онъ тебѣ напишетъ по формѣ, тогда мы пошлемъ государю».

А я ему говорю: «Я ходилъ по всему городу, никто не хочетъ мнѣ писать».

И Яковъ, сынъ мой, съ того времени, какъ его подѣлили и дали ему попы свою власть и силу, началъ меня преслѣдовать на всякомъ мѣстѣ и доносить все попамъ: что я читаю и какъ людямъ толкую о томъ, какъ лучше жить—попы черезъ Якова все подробно знаютъ.

Мормоліевскій миссіонеръ, Афанасій Радзевскій, пріѣдетъ и возьметъ Якова на свой фаэтонъ, сядутъ оба рядышкомъ и ѣдутъ къ попу. Тамъ у попа и урядникъ; посоветуются и дадутъ Якову бумагу, и Яковъ тайно отправляется въ чужую сторону, за 50, за 80, за 100 верстъ, по тѣмъ братьямъ, которыхъ называютъ штундистами, и притворится братомъ,—будто и онъ такой же, какъ они, читаетъ Евангеліе и толкуетъ, все вывѣдаетъ и доносить попамъ всѣ подробности.

Вотъ какой я имѣлъ позоръ съ своимъ сыномъ. Избави Богъ отъ этихъ поновъ; попы куда ни придутъ, вездѣ по ихъ слѣдамъ золотая верба растетъ. Не дай Богъ никому такого сына. Сынъ не хочетъ такъ вѣрить, какъ отецъ, а отецъ не хочетъ такъ вѣрить, какъ сынъ, и работа безконечная. Храни Богъ отъ этого.

XXXVII. Второй бракъ.

Приходитъ съ военной службы Савва Викторовичъ Полищукъ и задумалъ жениться. Обходилъ все село въ Куряницахъ—никто не хочетъ выдать за него свою дочь, потому что братья его были воры, сосланные въ Сибирь. А у Саввы нѣтъ ни денегъ, ни хозяйства, изъ солдатъ пришелъ—только трубку принесъ.

Идетъ Савва свататься въ село Скибенцы. И тутъ никто не хочетъ выдать за него свою дочь, одинъ другому передають, что братья Саввы были воры, боятся, чтобъ и Савва не сталъ воровать.

А Матвѣй, старшій братъ Саввы, и говоритъ ему: «Ты сватаешься, а за тебя никто не хочетъ отдать. Ну, а если бы кто согласился, на какія жъ ты деньги будешь свадьбу справлять? А ты лучше иди къ штундамъ, какъ я; мнѣ вотъ свадьба обошлась безъ одной копейки, и жена есть».

И повелъ Матвѣй Савву въ Капустинцы къ Фотію Панченко. И Панченко далъ Саввѣ брачныя совѣты, и Савва пожелалъ охотно исполнять ихъ. И дали ему двѣ недѣли сроку подумать, не отлетитъ ли у Саввы охота. И Савва чѣмъ только можетъ, увѣряетъ штундистовъ: взявъ вынулъ изъ кармана трубку и табакъ и на глазахъ у всѣхъ штундистовъ кинулъ ихъ на землю и потопталъ ногами.

Зашли разъ по дорогѣ Савва съ Матвѣемъ ко мнѣ въ село Скибенцы, и я тоже повторилъ Саввѣ брачныя совѣты и отъ какихъ мерзостей человѣкъ долженъ удалиться. Какъ прослышали объ этомъ попы, миссіонеръ и полиція, прибѣгають къ Саввѣ становой и урядникъ и урядникъ съ угрозами кричитъ на него: «Что ты за солдатъ, что ты не слушаешь дисциплины, а слушаешь штундистовъ? Я слышалъ, что ты ужъ и трубку бросилъ курить?»

А становой приказалъ старостѣ: «Какъ они задумаютъ вѣнчаться, поставь караулъ и не дай имъ повѣнчаться».

Поставилъ староста караулъ и на день, и на ночь около Фотія Панченка. А Савва въ назначенный день приходитъ къ Зайцу въ Скибенцы, собралось много народу и пошли къ Панченку въ Капустинцы. Пришли, и только что караулъ вышелъ отъ Фотія изъ избы, пошли обѣдать, а мы съ Саввою и съ братьями въ избу. Повторили брачныя совѣты, и Панченко взялъ у Саввы билетъ и написалъ въ немъ, что Савва женатъ. А тутъ сейчасъ староста съ сотскимъ вошли въ избу, а дѣвка ужъ повязана платкомъ и сидитъ съ бабами. Увидаль староста, что онъ провинился, арестовалъ всѣхъ штундистовъ, а сотскій поѣхалъ за урядникомъ. Приѣзжаетъ урядникъ, штундисты поютъ псаломъ. А народъ весь тѣснится и бѣжитъ куда-то и старъ и младъ.

А урядникъ быстро вошелъ въ избу и крикнулъ: «Тише, тише!» и обращается къ Саввѣ: «Ты солдатъ?»

— Солдатъ..

— Покажи мнѣ билетъ.

Подаетъ Савва билетъ, а въ билетѣ написано, что Савва женатъ. Урядникъ прочиталъ и кричитъ на старосту: «Я жъ тебѣ сказалъ поставить караулъ и какъ соберутся штунды, поразогнать ихъ, не дать имъ повѣнчаться, а ты меня не послушалъ—ну, стой же, будешь и ты вмѣстѣ съ штундистами въ острогѣ вшей кормить».

Староста: «Господинъ урядникъ! они еще не вѣнчаны. Мы какъ пошли обѣдать, такъ и полчаса не мѣшкали, а Саввы еще не было; а какъ воротились, Савва ужъ тутъ. Они еще не вѣнчались, потому что мы никуда и не отходили отъ избы; штунды только книжку читали да пѣли».

Урядникъ: «Да что ты меня обманываешь? вотъ въ билетѣ написано, что онъ женатъ».

Староста: «Тфу ты, пропасть! въ жизнь не видалъ такого несчастья. Конецъ свѣта, что ли, приходитъ или еще что такое».

И составилъ урядникъ протоколъ. Приѣхали изъ Кіева прокуроръ и жандармскій полковникъ, и становой, и урядникъ, и миссіонеръ, и попы, и становой билъ Савву по мордѣ и грозилъ ему тюрьмою, и Восточною Сибирью, и дисциплинарнымъ батальономъ. И взяли Савву и Матвѣя Полищуконъ и насильно перевѣнчали попомъ; у Матвѣя было четверо дѣтей некрещенныхъ: перекрестили и уѣхали.

А тутъ приѣхалъ слѣдователь, собралъ всѣхъ штундистовъ и произвелъ дознаніе и арестовалъ насъ двоихъ: Фотія Федоровича Панченко и меня. Потомъ отправили насъ подъ конвоемъ черезъ станovou квартиру, и мы жили дома. И приходитъ обвинительный актъ ¹⁾, а послѣ повѣстка въ Кіевскій окружной судъ на 22 января 1892 года.

XXXVIII. Судъ.

И пришелъ я на судъ. Предсѣдатель прочиталъ мнѣ, что меня обвиняють въ распространеніи штунды въ Россіи, и спрашиваетъ: «Признаешь ли ты себя виновнымъ въ совращеніи Саввы Полищука и другихъ изъ православія въ штундизмъ при многочисленномъ стеченіи народа, около двухсотъ человѣкъ?»

Я: «А въ чемъ я буду признавать себя виновнымъ? Я Саввы не совращалъ, а Савва пришелъ изъ солдатъ и началъ свататься, обходилъ всѣ села, но изъ православныхъ никто не согласился выдать за него свою дочь, потому что братья его были воры. Вотъ онъ и приходитъ къ штундистамъ и говоритъ: «Я хочу свататься, но никто не хочетъ отдать за меня свою дочь, потому что мои братья воры, а у меня нѣтъ ни денегъ, ни избы. Когда я былъ мальчикомъ и служилъ въ услуженіи, то мнѣ никто не платилъ денегъ за работу, даже и безъ денегъ не хотѣли держать, я и переходилъ отъ одного хозяина къ другому. А выросъ большой—въ солдаты отдалъ. А теперь пришелъ изъ солдатъ—не у кого и голову преклонить. Ходилъ, ходилъ по всѣмъ людямъ—и самая гулящая дѣвка за меня не хочетъ замужъ идти. Вотъ я ужъ къ вамъ пришелъ: смилуйтесь хоть вы надо мной. Я не буду вѣровать и водку не буду пить, и трубку не буду курить, только бы мнѣ далъ Богъ згсѣзатъ у кого».

И я взялъ Евангеліе и указалъ Саввѣ главы и стихи, подходящіе къ брачному союзу. И Савва покорилъ всѣ свои члены слову Евангелія, и Фотій Панченко выдалъ за него свою дочь. И у насъ было собраніе, и слава Богу, народу сошлось изъ трехъ селеній около трехсотъ душъ.

Предсѣдатель: «А ты куда посылалъ за книгами, которыя ты раздавалъ публично народу?»

Я: «Вы видите сами, это народъ такой, что ни дай ему въ руки онъ и не знаетъ, гдѣ ему взять книжку. Эти люди дальше своего села никуда и дороги не знаютъ. А меня водили подъ конвоемъ въ самый Кіевъ, и я видѣлъ тамъ разныя книжки. Вотъ я и написалъ въ петербургскій магазинъ, и мнѣ прислали три полныхъ Библии, три Псалтыря и 6 Евангелій, да мелкихъ цѣлую коробку. И я не только штундистамъ, а и православнымъ давалъ: пусть люди читають».

Предсѣдатель: «Ну, вотъ ты себя виноватымъ не признаешь, а законъ запрещаетъ то дѣлать, что ты дѣлаешь».

Я: «А развѣ я что укралъ, что мнѣ законъ запрещаетъ? Я купилъ себѣ книгъ и людямъ роздалъ, а немного себѣ оставилъ читать».

Предсѣдатель допрашиваетъ свидѣтелей: «Савва Полищукъ! Что ты о Зайцѣ знаешь? Говори вѣрно: что тебѣ Заяцъ говорил?»

¹⁾ Мы печатаемъ его въ приложеніи.

Савва: «Заяцъ мнѣ читалъ Евангеліе и говорилъ, что грѣхъ водку пить, ругаться, воровать, трубку курить, драться, это передъ Богомъ грѣхъ».

Матвѣй Полищукъ повторилъ то же самое; Семень Коцюба повторилъ то же самое.

Миссіонеръ Аѳанасій Радзаевскій: «Заяцъ всенародно, открыто читаетъ и раздаетъ книги, публично поетъ псалмы и народъ постоянно къ нему сходится. Властямъ Заяцъ не повинуется».

Попъ Бутовскій повторилъ то же самое.

Предсѣдатель: «Можетъ, ты еще что имѣешь сказать въ свое оправданіе?»

Я: «Попы грабители, попы народъ не наставляютъ, а только развращаютъ...»

Но предсѣдатель не далъ договорить и закричалъ: «Довольно, довольно ереси потворствовать!»

И пошли судьи въ другую комнату, и назадъ пришли, и прочитали рѣшеніе суда: съ лишеніемъ всѣхъ правъ на вѣчную ссылку за Кавказъ.

XXXIX. Въ Сквирской тюрьмѣ.

И привели меня солдаты въ тюрьму. А начальникъ тюрьмы, поповъ сынъ, фамилія Збановскій, его сестра попадѣей въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ. Онъ пріѣзжалъ къ сестрѣ въ гости, и попъ съ попадѣей жаловались ему: «Вотъ у насъ Заяцъ такъ народъ взволновалъ, что просто не втерпѣжъ». А начальникъ говорилъ имъ: «Вотъ только бы Богъ далъ, чтобъ онъ въ мои руки попался, онъ бы у меня живо отъ своей вѣры отрекся».

Вотъ и попался я въ его руки и думаю: будь, что будетъ, Божья воля. Только что привели меня солдаты въ тюрьму, еще я только въ ворота вошелъ, а ужъ начальникъ кличетъ: «Заяцъ, въ контору!» Привели меня солдаты въ контору, говорю я: «Здравствуйте, баринъ».

Начальникъ: «А почему это ты въ церковь не ходишь?»

— Ваше высокоблагородіе! я давно хочу въ церковь итти, да не пускаютъ.

— Кто тебя не пускаетъ?

— Попы меня не пускаютъ.

— Ну, вотъ будутъ звонить,—приходи, тутъ никто не имѣетъ права тебя не пускать въ церковь.

— Ваше высокоблагородіе! въ эту церковь я никогда не пойду, потому что эту церковь попы устроили деньги обирать у бѣдныхъ людей.

Начальникъ вскочилъ со стула и закричалъ: «Арестовать его сейчасъ и въ кандалы заковать! Куйте его въ кандалы!»

Заковали меня въ кандалы и посадили въ камеру. Сижу я, вдругъ слышу, заблаговѣстили: бомъ! бомъ! бомъ! Надзиратели отворяютъ двери: «Заяцъ, иди въ церковь».

— Я въ вашу церковь не пойду.

Старшій надзиратель сердито и свирѣпо закричалъ и ногами затопалъ: «Ты что тутъ бунтовать? ты самоуправствуешь? тутъ дисциплина, тутъ тебѣ не деревня! Сейчасъ ступай въ церковь».

— Ты наставъ штыкъ, то я на штыкъ пойду, а въ церковь вашу не пойду никогда.

Затворили двери и ушли. Опять приходятъ: «Заяцъ, ступай въ контору».

Прихожу я въ контору. Начальникъ тюрьмы спрашиваетъ: «А почему это ты въ церковь не идешь?»

— Отвяжитесь вы отъ меня съ вашей церковью, потому что я никогда въ вашу церковь не пойду.

Начальникъ сердито забѣгалъ по комнатѣ и кричитъ: «А гдѣ это арапникъ! гдѣ мой арапникъ!» Надзиратели подали ему арапникъ. Взялъ начальникъ арапникъ и началъ имъ меня бить по плечамъ, бьетъ и приговариваетъ: «Ступай въ церковь, ступай въ церковь!» Кончилъ бить и кричитъ надзирателямъ: «Посадите его въ карцеръ!»

И посадили меня въ карцеръ. Въ карцерѣ темно, оконъ нѣтъ, а тулупъ на мнѣ старый, безъ овчины, а сермяга и шапка въ камерѣ остались. Что тутъ дѣлать? бѣда мнѣ съ холодомъ. Шкура на мнѣ стежилась, зубъ на зубъ не попаду, даже щелкаю. Что тутъ дѣлать? Сталъ я ходить по карцеру, чтобы согрѣться, но тутъ и дѣ ногамъ какая-то пыль поднялась и полѣзла въ ротъ и въ носъ, такъ что и дышать нельзя; а сядешь такъ не усидишь. И за ночь такъ захолодѣлъ, что не могъ и разогнуться и даже потерялъ надежду на жизнь. Такъ тѣло зазябло, что перестало и дрожать.

Лежу я и ожидаю смерти. Вдругъ слышу: бомъ! бомъ! бомъ! Услышавъ я звонъ, началъ двигать руками и ногами, разминаюсь, и откуда-то взялась у меня бодрость, встаю я на ноги, и такъ сильно начало меня трясти, что не могу на ногахъ устоять и въ озъ падаю. Отворяютъ надзиратели двери: «Заяцъ! иди въ церковь».

— Ступайте ужъ сами въ свою церковь, а я не пойду.

Затворили и ушли. Опять створяютъ: «Заяцъ! иди въ контору».

Началъ я двигаться, а ноги захолодѣли, нельзя ходить. И привели меня надзиратели въ контору. Начальникъ подошелъ ко мнѣ совсѣмъ близко и спрашиваетъ: «А почему это ты въ церковь не идешь? Что ты, ужъ издыхаешься? Смотри мнѣ въ глаза».

Я выгарашилъ на него глаза, а трясусь такъ, что не могу устоять на ногахъ и говорю: «Лучше я сдохну, а въ вашу церковь не пойду».

Начальникъ: «Арестовать его! въ карцеръ его посадить!»

Посадили меня въ карцеръ. Сижу я и трясусь такъ сильно, что даже отъ земли отскакиваю. А тутъ и другая бѣда приключилась: смерти Богъ не даетъ, а ѣсть хочется, а не даютъ. Вдругъ отворяются двери: надзиратели говорятъ: «Заяцъ, иди въ церковь».

Молчу я, ничего не говорю.

Надзиратели: «Заяцъ, иди въ камеру». И повели меня въ камеру. На самый передъ я надѣлъ на голову шапку, надѣлъ сермягу, взялъ кусокъ хлѣба и пихаю въ ротъ. И Богъ далъ, пополнилъ я всѣ недостатки плоти и пришелъ въ прѣжнее положеніе.

И идѣлъ я въ сквитской тюрьмѣ два мѣсяца—январь и февраль, а и въ церковь идти больше никто не насилывалъ. А въ мартѣ кончилъ я первое мытарство, обрили мнѣ половину головы, надѣли другія кандалы на руки и повели на второе мытарство въ Кіевъ.

XL. Въ Кіевской тюрьмѣ и этапомъ за Кавказъ.

Сижу я въ Кіевѣ и слышу благовѣсть: бомъ! бомъ! бомъ! Я сейчасъ же надѣлъ тулупъ, сермягу и шапку, и морозъ по кожѣ пробѣжалъ при мысли о карцерѣ. Вдругъ отворяются двери и

послышался голосъ: «Кто желаетъ, идите въ церковь». Охотники поспѣшно побѣжали, и двери затворились. И нашла на меня неожиданная радость, и стало мнѣ легче. Раздѣлся и думаю: чего я опасался, того и не вышло. И вспомнилъ я пословицу: «Пуганая ворона куста боится» и пересталъ я бѣться.

И сидѣлъ я въ Кіевѣ спокойно. Привезли въ Харьковъ, и тоже было спокойно. И прошелъ я второе и третье мытарство спокойно.

И привезли въ Ростовъ, а въ Ростовѣ приготовили пасхи, утромъ попъ ходилъ по камерамъ и святить ихъ. А раньше попа приходитъ начальникъ тюрьмы съ надзирателями и говорить арестантамъ: «Становитесь въ ряды, какъ солдаты, попъ придетъ пасхи святить. А вы, магометане, отойдите въ сторону. И арестанты стали въ ряды, а магометане отшли въ сторону, и я съ ними пошелъ брэнча кандалами.

Начальникъ: «А ты куда пошелъ, старикъ? вѣдь ты русскій».

— Нѣтъ, я не русскій.

— А кто жъ ты такой—магометанинъ?

— Нѣтъ, я хохоль.

— Ну, это все равно, что русскій, что хохоль. Все-таки ты христіанинъ, а ты пошелъ къ магометанамъ.

— А гдѣ жъ вы видѣли христіанъ въ кандалахъ? Христіане должны быть свободны.

— Ну, это дѣло особое, кандалы всякій посить, и христіанинъ и магометанинъ, а пасха особенная у христіанъ; и у магометанъ есть пасха, но они съ христіанами не мѣшаются.

— Пасха—то есть, но она, пасха, для вѣрныхъ, а мы пьяницы, боры, разбойники, прелюбодѣи.

Начальникъ: «Ну, что жъ, ты и пасху не будешь ѣсть?»

Я: «Если дадутъ, буду ѣсть, а не дадутъ не буду».

— Что же ты, святить боишься, а ѣсть не боишься свяченой пасхи?

— Мы пасху должны святить въ сердцахъ, а не въ кандалахъ; наша пасха должна быть Христось, и кто повѣритъ ученію Христа, тотъ и есть вѣрный, а ученіе Христово и есть пасха для вѣрныхъ.

Кончилось въ Ростовѣ четвертое мытарство, и повезли меня въ Новороссійскъ, а изъ Новороссійска въ Батумъ, а изъ Батума въ Тифлисъ, а изъ Тифлиса въ Елизаветполь, и везѣ было тихо и спокойно. И на восьмомъ мытарствѣ я освободился (т.-е. выпущенъ жить на поселеніе) въ 1892-мъ году 1 іюня.

XLI. Моя жизнь въ Елизаветполь. Смерть жены.

Приѣхали мы въ столичный сектанскій городъ Елизаветполь. Явился я изъ тюрьмы въ полицію, и полиція переписала простого деревенскаго хохла-хлѣбопашца въ полное мѣщанство и отняла у меня арестантское одѣяніе. И кончилъ я адскія мытарства и остался въ городѣ, какъ вырванный огурецъ.

Что дѣлать? хозяйствомъ сынъ завладѣлъ, а деньги 144 рубля жена передала братьямъ, потому что сынъ шелъ противъ вѣры отца. Было у меня 4 рубля да у жены 5 рублей—начальникъ тюрьмы отнялъ. Денегъ нѣтъ ни копѣйки, а ѣсть уже давно очень хочется. Сталъ я просить начальника въ полиціи: «Вы меня

раздѣли, сняли казенную одежду, и я остаюсь нагъ и голоденъ. Я цѣлую жизнь работалъ и платилъ казенную подать начальству, а теперь я средь бѣла дня ограбленъ тѣмъ же начальствомъ. Господинъ начальникъ! скажите на милость Божью куда мнѣ теперь итти».

Начальникъ затопалъ ногами и грозно закричалъ: «Ахъ вы, противники государства! Убирайся вонъ отсюда! Куда хочешь, туда и иди».

И мы съ женой пошли по улицѣ, сами не знаемъ куда.

Вдругъ догоняетъ насъ человекъ и говорить: «Идите за мной».

— А кто ты?

— Я староста Иванъ Подковыровъ.

И приводитъ насъ Подковыровъ въ братскій пріютъ. Меня никто не знаетъ, но зовутъ: «Идите, братецъ и сестрица, поѣшьте хлѣба, попейте чаю». И братскій пріютъ тронулъ меня до слезъ, я облился слезами и подумалъ: «Я работалъ и платилъ изъ своего труда поамъ и начальству, и попы и начальство меня побили и хозяйство мое забрали, ограбили, разорили, съ дѣтьми разлучили, родной страны лишили, и одежду сняли и ѣсть не дали. А братскій пріютъ мнѣ невѣдомъ и не знакомъ, я не работалъ здѣсь и не трудился, а хлѣбомъ и чаемъ насытился».

На другой день хозяинъ братскаго пріюта, ссыльный Егоръ Никаноровичъ Ивановъ, зоветъ братьевъ на работу. И за два дня дорого далъ за работу—по три рубля и вдобавокъ кормилъ и поилъ чаемъ и пріютилъ ночевать. Спаси и спаси Христосъ такого человека. Е. Н. Ивановъ не различалъ народа, сектантовъ и православныхъ, а всѣхъ одинаково принималъ и кормилъ хлѣбомъ и поилъ чаемъ.

Есть у насъ три рубля. Первымъ долгомъ я нашелъ себѣ квартиру и пошелъ съ женой на солодовый заводъ зарабатывать на пропитаніе. А 9 іюля откуда-то взялась холера и задушила мою жену. А на меня напала лихорадка; лежу я и думаю, и долежался до того, что нѣтъ у меня ни хлѣба ни денегъ, и встать не могу. И услышалъ объ этомъ Егоръ Никаноровичъ Ивановъ, пришелъ и увидѣлъ мою горькую участь и взялъ меня на свой дворъ, и ухаживалъ за мной, и кормилъ и чаемъ поилъ и хиной отъ лихорадки. И лежалъ я отъ 9 іюля до 10 августа, такъ что ужъ сталъ смердѣть, образовались пролежни на бокахъ, вошь напала, а смерти Богъ не даетъ.

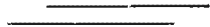
А 10-го августа мнѣ стало легче, и меня взялъ армянинъ караулить виноградный садъ и далъ мнѣ 6 рублей въ мѣсяцъ жалованья. А староста ищетъ меня: «А гдѣ это Заяць? что это онъ подать не несетъ 5 рублей въ годъ?»

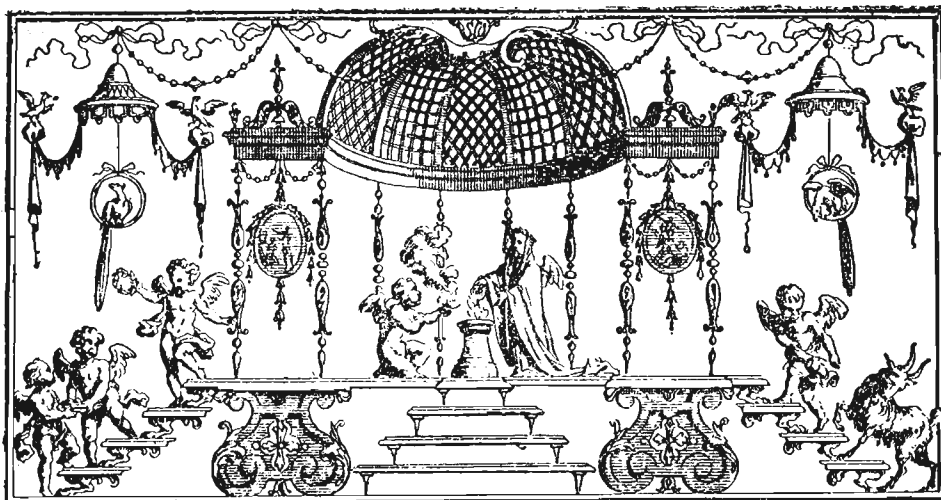
А послѣ армянина взялъ меня еврей на кухню за два рубля въ мѣсяцъ; потомъ взялъ армянинъ въ училище за сторожа за три рубля въ мѣсяцъ. А въ декабрѣ взялъ меня человекъ ссыльный, Федоръ Лазаревичъ Сѣраковъ, глядѣть за коровами; я у него жилъ 9 мѣсяцевъ за харчи безъ жалованья. А 6-го сентября 1893 года взялъ меня Егоръ Никаноровичъ Ивановъ, я у него былъ сторожемъ, дворъ очищалъ и корзины разносилъ, продавалъ, но на плечахъ тяжело было носить, то я себѣ купилъ телѣжку и развозилъ по городу въ лавки муку, ячмень и сѣмязки. И жилъ я у Иванова два года и 5 мѣсяцевъ, отъ 6 сентября 1893 года до 1 февраля 1896 года.

За четыре версты отъ города есть Новая Слободка. Ссылъные купили себѣ у татарина землю 4 десятины по 40 рублей за десятину, срокомъ по контракту на 12 лѣтъ. И 8 самыхъ главныхъ хозяевъ выстроили 8 домовъ, и каждый принялъ на свою часть по одному меньшему хозяину, а эти меньшіе хозяева выстроили другихъ 8 домовъ и приняли на свою часть еще меньшихъ себя хозяевъ, межъ которыми и я нахожусь—въ третьемъ сортѣ. Меня принялъ Еремѣй Васильевичъ Чабанъ, и я около его избы сбоку поставилъ себѣ избу—два аршина ширины, два аршина вышины и три аршина длины. А около избы построилъ себѣ навѣсъ, въ родѣ лавочки, беру въ городѣ сѣмячки, спички, керосинъ, щелокъ и другіе товары, кладу на телѣжку и везу въ свою избу и продаю на Слободкѣ, и на вокзалъ ношу сѣмячки, продаю и кормлюся изъ того, что зарабатываю.

Пер. и ред. А. К. Черткова и И. И. Гусева.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Изъ резолюцій имп. Николая I о декабристахъ.

Декабристъ баронъ В. И. Штейнгель, находившійся на поселеніи въ селѣ Елани Иркутской губерніи, въ концѣ 1836 года обратился по начальству съ просьбой объ исходатайствованіи ему прощенія въ сердцѣ государя императора Николая Павловича. «Сія милость есть потребность души его на часъ смертный» — гласилъ всеподданнѣйшій докладъ по предмету его ходатайства. Впрочемъ къ сему невещественному ходатайству онъ присоединилъ и другое, земное просилъ и о переводѣ его въ городъ Ишимъ или другой ближайшій къ Россіи, «для утѣшенія его невиннаго, но страждущаго семейства, присовокупляя, что четверо его сыновей запечатлѣютъ, можетъ-быть, кровію вѣрноподданническую благодарность. Николай—Павловичъ 27 декабря 1836 года положилъ на докладѣ свою знаменитую резолюцію: «Согласенъ, давно въ душѣ простилъ его и всѣхъ». Эта резолюція не выражаетъ дѣйствительнаго отношенія Николая I къ своимъ *amis de 14*. Нельзя не сопоставить ее съ другой, положенной 15 іюля 1853 года, т.-е почти черезъ четверть вѣка послѣ декабрьскихъ событій на докладѣ ходатайства о возвращеніи декабриста П. А. Муханова на родину въ Московскую губернію: «Согласенъ; но ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ строжайше смотрѣть; ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживавшій никакого довѣрія, что и доказалъ» ¹⁾. Приводимъ еще нѣсколько неоглашенныхъ резолюцій имп. Николая I на докладахъ о декабристахъ, резолюцій, дающихъ еще нѣсколько штриховъ къ характеристикѣ его отношеній къ нимъ.

1.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ рассказъ о волненіяхъ, которыя пережилъ онъ, получивъ въ Петровскомъ заводѣ извѣстіе, что его женѣ, Анастасіи Васильевнѣ, уро-

¹⁾ Былое, 1906. XII, 54—55.

жденной Шереметевой, разрѣшено пріѣхать къ нему съ дѣтьми. По нездоровью младшаго ребенка, А. В. Якушкина не могла тотчасъ же воспользоваться разрѣшеніемъ и выѣхать въ Сибирь. Прошло время, и обстоятельства перемѣнились. Въ 1832 году она пожелала поѣхать къ мужу уже безъ дѣтей. III отдѣленіе изготавило докладъ слѣдующаго содержанія.

«Жена государственнаго преступника Якушкина въ 1829 году просила о дозволеніи ѣхать съ дѣтьми въ Сибирь къ мужу, и ей объявленъ былъ высочайшій отзывъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено, но что, въ мѣстѣ пребыванія ея мужа, она не найдетъ никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и, взявъ ихъ съ собой, она положить не малую преграду къ устройству будущаго ихъ состоянія, а потому она должна предварительно обдумать всѣ послѣдствія своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и бесполезнаго раскаянія. Въ 1832 году Якушкина, намѣреваясь одна, безъ дѣтей, отправиться къ мужу, просила доставить ей нужныя для проѣзда бумаги. По собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Якушкина не искренно желаетъ ѣхать въ Сибирь, а принуждаетъ ее къ тому ея мать, женщина странная ¹⁾. Она выдала ее замужъ за Якушкина; на эту поѣздку заставила занять 20 т. руб. сына своего Шереметева, который и безъ того много долженъ. Если можно воспрепятствовать этой поѣздкѣ, то оказана будетъ милость всему семейству».

3 апрѣля 1832 года на этомъ докладѣ была положена слѣдующая резолюція: *«Отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ»*.

И. Д. Якушкинъ въ «Запискахъ» (М. 1905, стр. 184) рассказываетъ, что въ отвѣтной на просьбу его жены бумагѣ шефа жандармовъ было сказано, что такъ какъ Якушкина не воспользовалась своевременно дозволеніемъ, даннымъ женамъ преступниковъ слѣдовать за своими мужьями, и такъ какъ пребываніе ея при дѣтяхъ болѣе необходимо, чѣмъ пребываніе ея съ мужемъ, то государь императоръ не соизволилъ разрѣшить ей ѣхать въ Сибирь.

2.

Членъ Сѣвернаго Общества штабсъ-капитанъ л.-гв. коннопіонернаго эскадрона Михаилъ Александровичъ Назимовъ, по приговору Верховнаго Суда, смягченному указомъ 22 августа 1826 года, былъ осужденъ съ лишеніемъ чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе на 20 лѣтъ. Поселенъ онъ былъ въ Витимѣ, Иркутской губ., а въ маѣ 1830 года переведенъ въ Курганъ, Тобольской губерніи. Въ 1832 году штабсъ-капитанъ л.-гв. сапернаго батальона Илья Назимовъ просилъ отъ лица своего и семидесятилѣтней матери объ исходатайствованіи брату его Мих. Алдр. Назимову — средства заслужить вину свою въ полкахъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. На докладѣ объ этомъ ходатайствѣ Николай Павловичъ положилъ 14 сентября 1832 года слѣдующую резолюцію: *«Онъ болѣе виноватъ, чѣмъ другіе, ибо мнѣ лично во всемъ заперся, такъ что, бывъ освобожденъ, ходилъ въ караулъ во внутренній и былъ на ономъ даже 6-го января 1826 года»*.

¹⁾ Рѣчь идетъ о Н. Н. Шереметевой, женщинѣ глубокаго и дѣйствительнаго благочестія, имѣвшая, между прочимъ, большое вліяніе на Н. В. Гоголя.

Только въ 1837 году М. А. Назимовъ былъ назначенъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, въ Кабардинскій Егерскій полкъ. 20 марта 1845 года онъ былъ произведенъ въ подпоручики и приказомъ 23 июня 1846 года уволенъ, за болѣзнь, отъ службы поручикомъ съ дозволеніемъ проживать въ г. Псковѣ подъ секретнымъ надзоромъ и съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицы. М. А. Назимовъ прототворно работалъ по осуществленію великой реформы 1861 года. Умеръ 2 мая 1888 года ¹⁾).

3.

«Находящійся на поселеніи въ г. Киренскѣ государственный преступникъ Веденяпинъ, по крайней бѣдности своей и чрезвычайной дороговизнѣ въ Киренскѣ, проситъ дозволенія отлучиться изъ города для заготовленія лѣса, дровъ, хлѣба и проч. для разныхъ промысловъ, какъ-то: сѣдельнаго, рыбнаго и проч. и вступить для сего въ услуженіе къ частнымъ лицамъ».

На этотъ докладъ послѣдовала 1 июня 1833 года Высочайшая резолюція: *Согласенъ, но въ услуженіе итти не дозволять».*

По дѣлу Общества Соединенныхъ Славянъ были осуждены два брата Веденякина: прапорщикъ 9 артиллерійской бригады Алексѣй Васильевичъ Веденяпинъ 2 и подпоручикъ той же бригады Аполлонъ Васильевичъ Веденяпинъ 1. Веденяпинъ 2, за силою указа 22 августа 1826 года, былъ отправленъ въ полевые полки Кавказскаго округа «дабы, могъ выслужить вину свою», а Веденяпинъ, послѣ смягченія приговора по тому же указу, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и отправленъ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ. Къ этому Веденяпину и относится резолюція Николая Павловича. Въ Киренскѣ онъ прожилъ до 1841 года, въ февралѣ же этого года былъ опредѣленъ младшимъ писаремъ въ Иркутскій военный госпиталь, а въ декабрѣ 1843 года помѣщенъ за болѣзнію въ вѣдѣніе Иркутскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Годъ смерти его неизвѣстенъ ²⁾).

4.

Въ декабрѣ 1832 года былъ представленъ Николаю Павловичу списокъ государственныхъ преступниковъ, которые, въ силу указа 8 ноября 1832 года, подлежали освобожденію отъ каторжныхъ работъ и водворенію на поселеніе. Государь собственноручно размѣтилъ на списокѣ, куда и кого отправить на поселеніе. Но вышло такъ, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири, до полученія Высочайшихъ указаній, собственной властью размѣстилъ преступниковъ по разнымъ мѣстамъ Иркутской и Енисейской гу-

¹⁾ См. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Декабристы М. А. Назимовъ. «Минувшіе Годы», 1908, янв. 280—282.

²⁾ Баронъ Розенъ (Записки декабриста. СПб. 1907, 278) и М. И. Муравьевъ-Апостолъ (Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. Изд. М. М. Зензинова М. 1907, 172), составившіе некрологическія даты декабристовъ, къ 1834 году относятъ смерть Веденяпина. Эта дата невѣрна, ибо не можетъ относиться ни къ Веденяпину 1-му, ни къ Веденяпину 2-му, о которомъ по официальнымъ даннымъ можно сообщить, что въ январѣ 1839 года ему разрѣшено было вступить въ гражданскую службу подъ особеннымъ наблюденіемъ — въ комиссію народнаго продовольствія въ Тамбовѣ.

берній. Возникъ вопросъ: можетъ ли онъ оставить ихъ на мѣстахъ поселенія или долженъ перемѣстить согласно съ новыми указа- ніями. О недоумѣнномъ положеніи генераль-губернатора III отдѣ- леніе сдѣлало всеподданнѣйшій докладъ, который и былъ на раз- смотрѣніи 27 марта 1833 года.

На докладъ противъ фамилій Муханова, Аврамова, Иванова, Бобрищева-Пушкина 2-го и Шимкова государь написалъ: *«Отпра- вить, куда мной назначено»*.

Противъ фамилій Бѣляева, Одоевскаго, Фаленберга и Мозгана, поселенныхъ на Заводскихъ селеніяхъ, Иркутской и Енисейской губерніяхъ, положена резолюція: *«На заводскихъ селеніяхъ, какъ нынѣ, такъ и впредь не жить; отправить въ другія мѣста»*.

Противъ фамиліи М. А. Фонвизина, назначеннаго на поселе- ніе въ Нерчинскъ, государь написалъ: *«Въ другое мѣсто далѣе на Сѣверъ»*.

Изъ декабристовъ, которыхъ коснулась высочайшая резолю- ція, довольно свѣдѣній имѣемъ о братьяхъ Бѣляевыхъ, князь А. И. Одоевскомъ, П. А. Мухановѣ, П. И. Фаленбергѣ и М. А. Фон- визинѣ. Объ остальныхъ не лишне сообщить провѣренныя данныя.

Аврамовъ, Павелъ Васильевичъ, полковникъ Казанскаго пѣ- хотнаго полка, «съ 1821 года удалился отъ тайнаго общества, въ собраніяхъ онаго не участвовалъ и сношенія съ членами прекра- тилъ». Хотя всѣ эти обстоятельства были констатированы слѣд- ствіемъ, тѣмъ не менѣе, послѣ смягченія приговора указомъ 22 ав- густа 1826 года, былъ присужденъ къ 8-лѣтней каторгѣ. Въ 1832 г. онъ былъ переведенъ въ Акшинскую крѣпость, Енисейской гу- берніи и умеръ 5 ноября 1836 года.

Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-ой послѣ отбытія каторги былъ поселенъ въ Верхоленскѣ, Иркутской губ. и затѣмъ получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Красноярскъ, а отсюда въ 1839 году переведенъ въ Тобольскъ. Въ 1856 году ему вмѣстѣ съ помѣшавшимся въ сынокъ братомъ разрѣшено было выѣхать въ имѣніе сестры Тульской губерніи. Умеръ онъ 13 февраля 1865 года.

Илья Ивановичъ Ивановъ, 10 класса провіантскій чиновникъ и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ осужденъ, послѣ смягченія приговора указомъ 22 августа 1826 года, на 8-лѣтнюю каторжную работу и въ 1832 году поселенъ въ с. Верхнеострож- скомъ, Енисейской губерніи. Умеръ 26 декабря 1838 года. О немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Минувшіе Годы», 1908, январь.

Павелъ Дмитріевичъ Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣ- хотнаго полка и членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, по от- бытіи каторжныхъ работъ, въ 1832 году поселенъ въ с. Балыктин- скомъ, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи. 12 октября 1838 г. по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ рядовымъ въ Тифлисскій Егерскій полкъ. 8 ноября 1843 года убитъ при взятіи горцами форта Гергебильскаго.

Иванъ Федоровичъ Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣ- хотнаго полка, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, послѣ от- бытія каторжныхъ работъ, въ 1832 году былъ поселенъ въ Батурин- ской слободѣ, Верхнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, а отсюда былъ перемѣщенъ на Китайскую границу въ крѣпость Цу- рухай-Чуевскую. Умеръ 23 августа 1836 года.

5.

Князь А. И. Одоевскій въ 1833 году обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи получить ему отъ своихъ родственниковъ 3000 рублей для раздачи содержавшимся вмѣстѣ съ нимъ въ Петровскомъ заводѣ и водвореннымъ на поселеніе государственнымъ преступникамъ, нуждавшимся въ помощи: Игельstromу, Шимкову, Фаленбергу и Мозгану. На докладѣ объ этой просьбѣ Николай Павловичъ 29 октября 1833 года написалъ: *«Отказать»*.

6.

Въ 1835 году III отдѣленіе представило всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержания.

«Капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, переведенъ былъ въ 1826 году изъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ Петровскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ. Въ 1829 году былъ помѣщенъ въ Тифлисскій пѣхотный полкъ и, за отличіе въ сраженіяхъ противъ турокъ, награжденъ орденами св. Анны 3-й и св. Владимира 4-ой степени¹⁾. Въ 1830 году вновь переведенъ въ Петровскій полкъ, а въ 1831 году уволенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы не выѣзжалъ за границу и чтобы за нимъ продолжалъ быть секретный надзоръ, который и снятъ въ 1833 году. Московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи его при немъ чиновникомъ для особыхъ порученій съ переименованіемъ, соотвѣтственно его чину, капитана гвардіи, въ коллежскіе совѣтники».

Государь 17 апрѣля 1835 года положилъ слѣдующую резолюцію: *«Это невозможно, долженъ начать дѣйствительную службу, а не по особымъ порученіямъ, и чиномъ, на который право имѣетъ»*.

7.

Въ 1835 году графъ Бенкендорфъ представлялъ на Высочайшее разрѣшеніе предположеніе выдавать поселеннымъ государственнымъ преступникамъ по 200 руб. въ годъ тѣмъ, кои отъ родственниковъ ничего не получаютъ, а тѣмъ, кои получаютъ менѣе, добавлять изъ казны; не полагать въ счетъ вспоможеніе получаемое отъ лицъ, въ Сибири находящихся; дѣтей ихъ, въ Сибири рожденныхъ, освободить отъ платежа податей и повинностей до новой ревизіи.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету Николай Павловичъ 15 декабря 1835 года написалъ: *«Согласенъ, но дѣтей изъ податного состоянія не выводить»*.

¹⁾ Въ 1829 году Пушкинъ по пути на Кавказъ встрѣтилъ этого самаго графа Владимира Алексѣевича Пушкина въ Новочеркасскѣ. «Я сердечно ему обрадовался,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»—и мы согласились путешествовать вмѣстѣ». Гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Эмилиі Карловнѣ Шернваль.

8.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, хорошо извѣстный и нынѣ подъ псевдонимомъ А. Марлинскаго, былъ осужденъ на 20 л. каторжныхъ работъ. Указъ 22 августа 1826 года уменьшилъ срокъ каторги до 15 лѣтъ. Въ 1827 году Бестужевъ былъ обращенъ прямо на поселеніе въ Якутскъ. Въ 1829 году переведенъ на Кавказъ рядовымъ и только въ маѣ 1836 года дослужился до прапорщичьяго чина.

Генераль-адъютантъ графъ М. С. Воронцовъ сообщилъ въ III-е отдѣленіе просьбу А. Бестужева, находившагося въ крѣпости Гаграхъ прапорщика 5-го Черноморскаго баталіона. Страдая отъ пагубнаго вліянія знойнаго климата въ Гаграхъ на его здоровье, разстроенное уже отъ несчастій и военныхъ трудовъ, онъ просилъ о переводѣ его въ другое мѣсто, на службу по гражданской части, чтобъ быть полезнымъ отечеству и употребить досугъ на занятіе словесностью. Графъ Воронцовъ, передавая его просьбу, съ своей стороны полагалъ назначить Бестужеву жительство въ Керчь-Еникале съ употребленіемъ на службу при тамошнемъ градоначальникѣ; сношенія сего города съ Черноморіей и Закавказскимъ краемъ — думалъ гр. Воронцовъ, — представляютъ Бестужеву возможность употребить съ пользою для службы пріобрѣтенныя имъ о томъ краѣ свѣдѣнія. III-е отдѣленіе доложило сообщеніе и мнѣніе графа Воронцова. Императоръ Николай I положилъ 28 сентября 1836 года жесткую резолюцію: *«Мнѣніе гр. Воронцова совершенно неосновательно; не Бестужеву съ пользою заниматься словесностію; онъ долженъ служить тамъ, гдѣ сіе возможно безъ вреда для службы. Перевести его можно, но въ другой баталіонъ»*.

18 октября А. Бестужевъ былъ переведенъ изъ 5-го черноморскаго баталіона въ 10-ый. 7 іюня 1837 года онъ былъ убитъ при занятіи мыса Адлеръ.

9.

Въ 1849 году Оренбургскій военный губернаторъ представлялъ въ III-е отдѣленіе, что какъ по закону лица изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ, состоящія въ гражданской службѣ въ Сибири, увольняются въ отставку съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ служили, и съ учрежденіемъ за ними надзора, а потому онъ, губернаторъ, полагалъ бы необходимымъ распространить дѣйствіе этого закона и на политическихъ преступниковъ, сосланныхъ на службу въ Оренбургскій край. На докладъ мнѣнія Оренбургскаго губернатора 3 сентября 1849 года Николай Павловичъ положилъ резолюцію. «Да».

П. Е. Щеголевъ.

Неузданное произведение Н. М. Сатина.

Николай Михайлович Сатинъ (1814—1873), авторъ печатаемаго нами стихотворенія «Умирающій художникъ», принадлежалъ къ тому тѣсному студенческому кружку, который группировался вокругъ Герцена. Осенью 1831 г. къ Герцену и Огареву примкнули два новыхъ товарища: Н. И. Сазоновъ и Н. М. Сатинъ. Происходя изъ дворянъ тамбовской губерніи, Сатинъ явился въ университетъ чистымъ, наивнымъ и восторженнымъ юношей. «Красивый собой и пѣзкій, какъ дѣвушка», говоритъ о немъ Герценъ въ «Русскихъ тѣняхъ» (называя его не по имени, а просто «другомъ» Сазонова), Сатинъ искалъ, къ кому бы пріютиться; полный любви и преданности, едва вышедшій изъ-подъ материнскаго крыла, съ благородными стремленіями и полудѣтскими мечтами, ему хотѣлось теплоты, пѣзкости, онъ жаждалъ къ намъ и отдавался весь и намъ и нашей идеѣ,—это была натура Владиміра Ленскаго, натура Веневитинова».

Душевная красота этой натуры съ ея религіознымъ и эстетическимъ пафосомъ сквозитъ и въ стихотвореніи «Умирающій художникъ». Во всемъ характерѣ этого сюжета звучатъ типичные мотивы романтизма, и, въ частности, пониманіе творческаго вдохновенія, какъ божественнаго папія, вызываетъ въ нашей памяти трогательный образъ юнаго нѣмецкаго романтика, Ваккенродера, сливавшаго воедино религію и искусство. Первый очеркъ въ книжкѣ послѣдняго «Объ искусствѣ и художникахъ» (русскій переводъ — М. 1826), озаглавленный «Видѣніе Рафаэля», ярко выражаетъ то эстетическое міроощущеніе, которое опредѣлило собою и «видѣніе» сатинскаго художника.

Герценъ, Огаревъ, Сазоновъ и Сатинъ подали другъ другу руки,—разсказываетъ Герценъ въ тѣхъ же «Русскихъ тѣняхъ»,—и à la lettre пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой «вселенной» (universitas), какъ четыре діакона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ. Извѣстна судьба этихъ евангелистовъ свободы. Въ 1834 г. они были арестованы. Сатинъ, этотъ Ritter aus Tambow, какъ прозвали его товарищи, былъ сосланъ (въ 1835 г.) въ сибирскую губернію, откуда, два года спустя, былъ переведенъ на Кавказъ. Въ 40-хъ годахъ онъ получилъ возможность жить за границей.

Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній и повѣстей, печатавшихся въ «Отечеств. Запискахъ» и «Современникѣ», а впоследствии въ сборникѣ Общества любителей россійской словесности «Починъ» за 1895 г., — Сатину принадлежатъ нѣсколько переводовъ изъ Байрона и Шекспира, въ томъ числѣ переводъ «Буря» и «Сна въ лѣтнюю ночь».

Ред.

Умирающій художникъ.

(Мастерская, заставленная статуями и грудами камней. Вечеръ; погасающіе лучи заходящаго солнца проникаютъ въ узкое окно и озаряютъ блѣдное, истощенное лицо умирающаго. Онъ лежитъ на соломѣ. Взоры его неподвижно устремлены на статую Религіи, которой лицо совершенно отдѣлано, но станъ представляетъ еще необработанную массу мрамора).

Художникъ.

Не вѣрю я, чтобъ часть преображенья
 Могъ падо мной такъ рано прозвучать!
 Ужель меня изъ міра вдохновенья
 Готова смерть безжалостно умчать?
 Нѣтъ, нѣтъ, съ моей любимой мечтою
 Она меня не въ силахъ разлучить!
 Миѣ та мечта души была душою,
 И долженъ я се осуществить!...

*(Вскакиваетъ, хватая рѣзецъ, хочетъ идти къ статуѣ, но
 въ изнеможеніи снова падаетъ на постель).*

Но, ахт! Теперь напрасны упованья,
 Насталъ конецъ земного бытія
 И не совершитъ родного миѣ созданья!
 О! тяжело сдавилась грудь моя,
 Не отъ того, что съ жизнью расстаюсь,
 Нѣтъ! долпій міръ всегда миѣ тѣсенъ былъ,
 Свободный я, въ міръ вѣчный преселюсь
 Въ одинъ размахъ души могучихъ крылъ!
 А прежде я окованъ былъ землею,...
 Такъ миѣ не съ ней разлука тяжела,
 Но съ той божественной, высокою мечтою,
 Которая такъ дивно облекла
 Въ одинъ восторгъ мое существованье!
 Давно, давно въ себѣ я ощущалъ
 Невнятное нагорное призванье
 Создать святой величья идеаль!
 О, эта мысль, какъ неземная сила,
 Огнь творчества въ душѣ моей зажгла,
 Она всегда миѣ знаменемъ служила
 И въ міръ иной таинственно влекла.

(Послѣ нѣкотораго молчанія, простирая руки къ статуѣ).

Съ дней юности, о, дивное созданье!
 Твой образъ я въ груди моей носилъ
 И съ той поры искусству изваянья
 Я жизнь мою съ восторгомъ посвятилъ.
 И я мечталъ: минута наслажденья
 За всѣ труды настанетъ, наконецъ;
 Сойдетъ съ небесъ на душу вдохновенье,
 И будетъ миѣ послушенъ мой рѣзецъ!...

Бывало я, творить нетерпѣливый,
 На помощь все искусство призывалъ,
 Но тщетенъ былъ мой трудъ самолюбивый,
 И я въ моихъ твореньяхъ сознавалъ
 Лишь только миѣ понятный недостатокъ.
 Я имъ не могъ всю душу передать,
 На нихъ лежалъ земного отпечатокъ,
 А я хотѣлъ небесное создать!!!...
 О, тяжело съ преполненной душою
 Средь робкихъ чадъ земли холодной жить,
 Не въ силахъ бывъ могучею рукою
 Всѣхъ чувствъ души въ твореньи проявить!

И я страдалъ, въ страданьи къ небу рвался,
 Но тщетно все, — прикованный къ землѣ,
 Земнымъ трудамъ я снова предавался,
 А лучъ надеждъ свѣтлѣлъ въ туманной мглѣ.

Однажды я, трудами утомленный,
 Главу мою на ложе преклонилъ
 И, легкимъ сномъ внезапно окрыленный,
 Надзвѣздный міръ видѣній посѣтилъ.
 Тамъ призраки съ воздушной красотою
 Въ видъ радужной сливались пелены,
 Какъ легкій рой поселились надо мною
 Фантазіи свободные сыны!
 Но въ нихъ душа знакомое искала...
 Вдругъ, отъ толпы воздушной отдѣлясь,
 Ты предо мной, Небесная, предстала
 И вся душа въ восторгъ перелилась!
 Торжественно любовь и упоенье
 На дѣвственныхъ сливались устахъ,
 И чистый огонь святого вдохновенья
 Горѣлъ въ твоихъ таинственныхъ очахъ.
 «Пора творить!»—ты, дивная, вѣщала.
 «Ужъ часъ насталъ, ступай, бери рѣзецъ!»
 «Пора, пора!»—ты сладко повторяла
 И подала безсмертья мнѣ вѣнецъ!...

Умчалась ты въ нагорнія селенья,
 И съ вѣждъ моихъ сонъ дивный отлетѣлъ,
 Но все я былъ исполненъ упоенья
 И образъ твой въ груди моей горѣлъ!
 Тогда, вспорхнувъ, души могучей гений
 Силь творчества избытокъ ощутилъ,
 Я пламенѣлъ отъ сладкихъ впечатлѣній
 И мой рѣзецъ торжественно схватилъ.
 Чудесное свершалось надо мною.
 Я къ мрамору въ восторгъ подбѣжалъ,
 И таялъ онъ подъ мощною рукою,
 А я въ него всю душу изливалъ!
 Рѣзецъ скользилъ, а мраморъ, оживляясь,
 Волшебныя вдругъ формы воспріялъ,
 И я, святымъ блаженствомъ упиваясь,
 Твое лицо въ мной созданномъ узналъ!
 Твое, твое небесное видѣнье,
 Улыбка тажъ порхала на устахъ
 И на челѣ высокомъ вдохновенье,
 И тотъ же огонь божественный въ очахъ!
 О! Въ мраморѣ оно осуществилось,
 Всѣ сохранивъ небесныя черты,
 Въ немъ все мое мечтанье проявилось,
 Какъ идеаль величья, красоты!
 И я вкусилъ въ избыткѣ наслажденье!
 Я весь пылалъ, рѣзцомъ владѣть не могъ,
 И, сынъ земли, въ нѣмомъ самозабвеньи
 Подъ бременемъ восторговъ изнемогъ!

Стѣснялась грудь, дыханье замирало...
Но не вполне мой трудъ былъ совершенъ,
Одно лицо лишь жизнию пылало,
А станъ былъ мертвъ, еще не облеченъ
Величьемъ формъ и силой неземною,
Лишь мраморъ онъ бездушный представлялъ,
Не обвить онъ былъ легкой пеленою
И красотой надзвѣздной не дышалъ!
Но, думалъ я, еще свершить успѣю
Мой сладкій трудъ; въ лицѣ я проявилъ
Во мнѣ давно почившую идею,
А станъ создать не много нужно силъ.
Но нынѣ, въ то священное мгновенье;
Когда рѣзецъ я взялъ и былъ готовъ
Вполнѣ свершить небесное творенье
И станъ облечь въ таинственный покровъ,
Безжалостно въ груди вдругъ зародился
Какой то огонь томительный, живой,
Кровь вспыхнула, весь адъ въ меня вселился
И мнѣ шепнулъ: «часъ близокъ роковой!»

(Послѣ нѣкотораго молчанья).

Такъ, близокъ онъ. Я весь изнемогаю.
Ужъ вѣдетъ смерть крилами надо мной,
И мой рѣзецъ напрасно я хватаю—
Безсилень онъ подъ трепетной рукой!
Любимое, священное мечтанье,
Я на землѣ лишь для тебя дышалъ,
Прости, прости, изъ странъ очарованья.
Къ ничтожеству въ объятья я упалъ!...
Я одного лишь жаждалъ наслажденья,
Всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы узрѣть
Моихъ трудовъ конечное свершенье,
И долженъ я такъ рано умереть!...

(Погружается въ глубокую задумчивость).

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ напрасныя мученья!
Ужели тамъ душа не оживетъ?...
Безумецъ я!... Смерть есть преображенье
И къ вѣчности безгранной переходъ.
Туда, туда, мнѣ сладко преселяться
Въ тотъ край, гдѣ нѣтъ границъ для дивныхъ силъ!
О, буду я тамъ вѣчно наслаждаться,
А здѣсь уже я главное свершилъ!
Къ моей мечтѣ любовью пламенѣя,
Умру лишь я, прикованный къ землѣ,
Но не умереть свободная идея,
Она горитъ на дѣвственномъ челѣ
Любимаго души моей созданья,
И истинный художникъ въ немъ прочтетъ
Всѣ, всѣ мои горячія мечтанья
И дивно ихъ на станѣ разовьетъ!
Прочь эгоизмъ!... Съ любовью глубокой
Пускай другой придетъ свершить мой трудъ,
Пускай мечты души моей высокой
Изъ вѣка въ вѣкъ торжественно пройдутъ!

Придетъ пора, творенье совершится
 И на землѣ огонь небесъ зажжеть,
 Сама толпа *любовью* оживится
 И мысль она великую пойметъ!...
 Своей мечты узрѣвъ осуществлень
 Въ восторгѣ томъ, душа моя вспорхнетъ,
 И вѣчная въ избыткѣ упоенія
 Весь міръ земной съ любовью обойдетъ!
 Такъ, такъ, не тотъ творецъ, рукой кто смѣлой
 Начатый трудъ великій довершилъ,
 Но тотъ, кто былъ отцомъ мечты созрѣлой
 И кто ее въ твореньи зародилъ!...
 О, ты мое, мое дитя родное,
 Чудесная! Я, я былъ твой творецъ,
 Тамъ ждетъ *меня* блаженство неземное
 И радужный безсмертія вѣнецъ!...

(*Быстро изнемогаетъ и впадаетъ въ горячечный бредъ*).

Пустите, пустите, зачѣмъ заковали
 Вы душу въ оковы холодной земли?
 Пустите, пустите въ тотъ край, гдѣ порхали
 Такъ часто высокія думы мои.
 О, внятенъ мнѣ голосъ святого призванья,
 Небесная ждетъ тамъ съ улыбкой меня...
 Смотрите... нисходитъ средь моря сіянья
 Она мнѣ навстрѣчу, въ вѣнцѣ изъ огня...
 Но вамъ ли взирать на красы безконечной,
 Надоблачный блескъ васъ, земныхъ, ослѣпитъ,
 Отверзта предъ мною дверь къ жизни предвѣчной,
 Туда меня сладко Святая манитъ!..
 (*Умираетъ*).

Н. Сатинъ.

1833 г. Ноября 15-го.
 Москва.

Помѣщенное выше произведеніе Николая Михайловича Сатина имѣетъ значеніе для иллюстраціи того идеалистическаго періода въ міросозерцаніи его и друзей его: Герцена, Огарева, Вадима Пассека и другихъ, который совпалъ какъ разъ съ временемъ написанія «Умиравшаго художника». Стихи Сатина до сихъ поръ не изда ны отдѣльно. Кое-какіе изъ нихъ приведены покойною Е. С. Некрасовой въ сборникъ «Починъ» 1895 г., гдѣ напечатано кое-что и изъ его воспоминаній. Настоящее произведеніе точно соотвѣтствуетъ подлинной рукописи автора, случайно мною приобретенной у частнаго лица, понятія не имѣвшаго о самомъ Сатинѣ... Такова судьба многихъ литературныхъ архивовъ.

Мих. Лемке.

Неизданные материалы о Н. П. Огаревъ.

Въ Импер. Публ. Библиотекѣ, среди бумагъ А. А. Краевского (перепл., литеры Н.—П, № 132), хранится слѣдующее письмо Н. П. Огарева къ Краевскому:

Саранскъ, 27 февраля 1852.

Милостивый Государь Андрей Александровичъ,

Старый знакомый желаетъ снова поступить подъ вашу фирму и на первый случай прилагаетъ статейку. Если вамъ понравится, то заказывайте больше, буду радъ вамъ служить. Во всякомъ случаѣ увѣдомьте меня, сдѣлайте одолженіе, пойдетъ-ли эта маленькая статья въ ходъ и могу ли я кое-что заготовливать полемическаго или повѣствовательнаго. Отъ стихотворства я совершенно отказался! — Во всякомъ случаѣ покорнѣйше прошу васъ еще: хранить мое имя втайнѣ, чтобъ публика знала только псевдонимъ.

(Далѣе слѣдуетъ предложеніе поставлять Краевскому по выгодной цѣнѣ бумагу для «Отеч. Записокъ»: у Огарева въ это время была писчебумажная фабрика — Тальская — въ Корсун. у. Симбирск. губ.).

Нижеслѣдующіе два отрывка, писанные на бумагѣ съ печатью Тальской фабрики, можетъ быть представляютъ собою именно наброски статей, предназначавшихся для «Отеч. Зап.». Второй отрывокъ писанъ, судя по намеку о Крымской войнѣ, въ 1854—55 гг. Они воспроизводятся съ подлинниковъ (собственность Н. Н. Сатиной).

1.

Письмо деревенскаго подписчика къ редактору.

М. Г.

Вамъ можетъ быть покажется странно, что деревенскій житель, уединенный, неизвѣстный въ литературномъ мірѣ, дерзаетъ подавать голосъ не только противъ другихъ издателей журналовъ, но противъ васъ самихъ и въ вашемъ же журналѣ; но вы оправдаете это дерзновеніе, когда вспомните, что и въ нашей глуши водятся читатели, да еще такіе, которымъ кромѣ одного или двухъ изъ нашихъ журналовъ никакой книги не попадается въ руки и которые каждый мѣсяцъ ждутъ не дождутся выхода въ свѣтъ этихъ журналовъ и почты, которая привезетъ ихъ въ нашу дальнюю сторону; когда вспомните, что эти читатели ищутъ въ журналахъ того, что имъ любопытно или полезно, что ихъ можетъ научить и разши-

рить ихъ скудный запасъ свѣденій и понятій. Да! когда вы это вспомните, вамъ не покажется дерзновениемъ мое письмо и желаніе высказать нѣчто, можетъ быть, справедливое и полезное для такихъ читателей; а говоря противъ васъ въ вашемъ же журналѣ, я только доказываю мое глубокое уваженіе къ вамъ. Замѣтьте, также, что и столичные читатели, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, какъ скоро дѣло идетъ не о вседневной городской суматохѣ, разнятся въ образованіи отъ насъ деревенскихъ читателей, развѣ только покроемъ платья, привычкой къ лайковымъ перчаткамъ и гастрономическому разнообразію; да и то сказать, добрая часть и самой читающей публики иной разъ до такой степени въ потѣ лица снискиваетъ хлѣбъ свой, что далеко ей до гастрономическаго разнообразія! А между тѣмъ всѣмъ хочется знать, мыслить, прилагать знаніе къ дѣлу! Сообразите все это и, можетъ быть, мой уединенный голосъ покажется вамъ не одинокимъ голосомъ, а выраженіемъ потребностей многихъ и многихъ читателей.

Все это похоже на предисловіе, подумаете вы? Когда же мы придемъ къ дѣлу?—Извольте! Приступимте прямо къ дѣлу, безъ околичностей. Я хочу говорить объ отдѣлѣ вашего и другихъ журналовъ, называемомъ: смѣсь. Съ самаго начала я вамъ скажу, что я этимъ отдѣломъ недоволенъ, не потому, чтобы онъ былъ совершенно дуренъ, а потому, что онъ не такъ хорошъ, какъ бы могъ быть хорошъ. Для полненія и доказательства моего мнѣнія, я возьму складъ вашихъ журналовъ за нѣсколько лѣтъ. Всегда и во всякомъ журналѣ помѣщались повѣсти, стихи и разныя беллетристическія статьи, служащія для развлеченія публики болѣе, чѣмъ для наученія или удовлетворенія ея эстетическихъ потребностей; въ этомъ отдѣлѣ можно начесть очень мало произведеній удовлетворяющихъ, или развивающихъ эстетическій смыслъ читающей публики; отъ этого я не ошибаюсь, полагая, что по большей части этотъ отдѣлъ служитъ развлеченіемъ для людей занятыхъ, отдыхомъ для людей и безъ того праздныхъ, снотворнымъ благоуханіемъ для людей, страдающихъ бессонницею. Рѣдко являлись произведенія, которыя бы не смотря на недостатки захватывали дѣйствительно чувствительныя струны сердца и жизни; еще рѣже такія, которыя бы овладѣвали читателемъ всею своею художническою полнотою. А между тѣмъ умъ читателя ждалъ, чтобы что-нибудь вызвало его къ дѣятельности, дало матеріалъ, надъ которымъ можно подумать и приладить его къ своимъ потребностямъ, или испытать минуты настоящаго наслажденія. Было время, когда за это взялась критика. Критика рѣшилась возбудить въ читателяхъ эстетическій смыслъ и направить ихъ понятія къ тому, что тогда называлось кудрявымъ, но выразительнымъ словомъ — міросозерцанію, то-есть къ составленію себѣ теоріи существующаго, къ нахожденію пути, на которомъ можно объяснить себѣ то, что совершается въ природѣ и человѣкѣ. Но тогда критика росла на чуждой почвѣ, на почвѣ чуждой для самой себя, потому что не основывалась на прямомъ наблюденіи и на простой, но вѣрной повѣркѣ того, что попадалось ей подъ руку, и на почвѣ чуждой русскому человѣку, котораго отличительная черта есть жажда опыта для знанія и неуваженіе къ мнимому знанію, которое никуда не полезно и ничего не объясняетъ. Критика прежнихъ годовъ росла на германской почвѣ, на почвѣ эстетическихъ и иныхъ теорій, подъ которыя надо было подогнуть литературныя произведенія, чтобъ найти ихъ хо-

рошими. Она была похожа, хотя принимала на себя болѣе привлекательный колоритъ, на музыкальную критику, также германскую, которая отвергла все, что было не fuga, или по крайней мѣрѣ не совершенно ученый контрапунктъ. Конечно объемъ предметовъ этой литературной критики былъ ниже объема предметовъ музыкальной критики, о которой я говорю, т.е. менѣе спеціаленъ, но основаніе было тоже, оно было заранѣе составленный складъ (*idées préconçues*), вслѣдствіи котораго клеймилось позоромъ все, что подъ него не подходитъ. Было время, когда Ретчеръ и Компанія являлись идеалами критики. Но какъ бы то ни было, критика была живая струна журнала; она вызывала мысль читателя къ дѣятельности и нерѣдко литературные и научные таланты начинали развиваться подъ ея покровомъ, пока не отбрасывали еѣ въ сторону съ знаніемъ своего дѣла или не обходили, сами того не замѣчая. Эта критика привила намъ нѣсколько здравыхъ, много своего рода схоластическихъ понятій и тяжеловѣсныхъ словъ и мало по малу исчезла, уступила мѣсто критикѣ менѣе вычурной, но за то и менѣе живой, критикѣ вялой и не выражающей ни главнаго направления, ни дѣятельной струны журнала, критикѣ фельетонной, которая никого не увлекаетъ и никого ничему не научаетъ. Фельетонная критика отчасти сохранила тяжеловѣсныя слова, но смиренно силу убѣжденія смѣнила болѣе или менѣе плоскимъ сарказмомъ.

(На этомъ листѣ кончается).

2.

Его Превосходительству

Господину ***му Гражданскому Губернатору

Пристава*го стана**го уѣзда всепокорнѣйшій секретный

РАПОРТЪ.

По предписанію Г-на Земскаго Исправника за № , отъ нижеписаннаго числа два мѣсяца тому назадъ, ѣздивъ я неоднократно по ввѣренному мнѣ стану въ помѣщицьи имѣнья для сбора недоимокъ по податямъ и повинностямъ, но почти ничего собрать не могъ, за что получаю ежемѣсячно отъ Г-на Исправника, по предписанію Вашего Превосходительства, выговоръ съ угрозою, что якобы за таковое мое нерадіе Ваше Превосходительство желаете отрѣшить меня отъ должности и отдать подъ судъ. Ваше Превосходительство! Воззрите болѣе милостивымъ окомъ на мое несчастное положеніе и на мои дѣйствія и взвѣсьте всѣ къ исполненію возложенной на меня обязанности встрѣчающіяся препятствія, которыхъ устраненіе зависитъ болѣе отъ воли В. П. и которыя я преодолѣть совершенно не въ силахъ. Во первыхъ В-му П-ву не безызвѣстно, что чиновники, поступающія на службу, отъ послѣдняго канцеляриста и до высшаго сановника, всѣ имѣютъ въ виду благо отечества; но кромѣ того обязаны для прокормленія себя и семействъ своихъ, по мѣрѣ нужды и положенія въ обществѣ, пользоваться, сверхъ недостаточнаго жалованья, такими доходами, которые бы видимаго ущерба казнѣ не приносили. Какія же я могу имѣть въ виду выгоды для потворства помѣщикамъ въ неплатежѣ недоимокъ? Извольте

на милость разсудить, В. П. Лошадь держу я одну и пару борзыхъ собакъ, собственно для ради того, чтобъ въ рѣдкое время отдохновенія отъ служебныхъ дѣлъ затравить какаго-нибудь щедушнаго зайца, отъ котораго мнѣ ни малѣйшей корысти не предстоитъ. Если бы мнѣ и по четверти овса для оной необходимости пожертвовалъ каждый помѣщикъ, то все же это такая сущая бездѣлица для каждого изъ нихъ въ особенности и для меня въ совокупности, что изъ этого я никакой фальши или криводушія учинить не рѣшусь. Денегъ же съ помѣщиковъ для оказанія мнѣ какой-либо благодарности я получить никогда не могу, ибо оныхъ у нихъ никогда не бываетъ по двумъ безотговорочнымъ причинамъ: 1) когда самъ помѣщикъ живетъ въ имѣньи, то всѣ деньги съ излишкомъ проживаются, такъ, что даже входятъ въ немаловажные долги, а 2-е когда управляетъ прикащикъ или староста, то—вѣроятно по обычаю издревле введенному, или по особенному управляющимъ и старостамъ свойству— всѣ денежные суммы по возможности ими удерживаются при себѣ, такъ что ни казнѣ, ни помѣщику, ни мнѣ изъ оныхъ ничего не достается, а входятъ въ разсужденіе такихъ обстоятельствъ не мое дѣло, ибо на то воля помѣщика, а закономъ ничего не указано. Извольте же на милость разсудить: какими для потворства въ неплатежѣ податей могу я съ помѣщичьихъ имѣній пользоваться недозволенными доходами, которые бы В-му П-ву или Г-ну Исправнику были неизвѣстны? — Во вторыхъ, по полученіи вышеозначеннаго предписанія, для исполненія возложенной обязанности, какъ то повелѣваютъ мой долгъ и присяга, не смотря на разпутіцу, въ которой также скорѣе видѣнъ промыслъ божій чѣмъ со стороны моей какое либо нерадѣніе, и не смотря на мое разстроенное здоровье, а именно боль въ лѣвой ногѣ и пученье живота, (немедленно) отправился я тотчасъ же въ ближайшее имѣнье къ помѣщику Скурлыгину Ивану Иванову, изъ дворянъ Ситулярному Совѣтнику и кавалеру, каковымъ онъ вѣроятно В-му П-ву уже извѣстенъ. Имѣетъ онъ сто по послѣдней ревизіи мужскаго пола дѣшъ, а недоимки за онымъ числятся 93 руб. 50 коп., что составляетъ на душу по $93\frac{1}{2}$ коп. сер. — Требую. Оный помѣщикъ отвѣчаетъ, что онъ за недоимку платитъ пеню и по закону имѣетъ право, не подвергаясь описи имущества, задолжать въ счетъ недоимки до 95 коп. на душу, и что слѣдственно еще $1\frac{1}{2}$ копѣйки до описи недостаетъ, и что слѣдственно мнѣ опрашивать нечего. — Не хотите ли, говорить мнѣ, водочки? — Я выпилъ только изъ усердія къ службѣ, чтобъ какъ-нибудь дѣло къ счастливому окончанію привести, ибо иначе не пью и презрѣнной склонности¹⁾—употреблять крѣпкія напитки не имѣю. — Но изъ этаго толку никакого не вышло. Такъ я и уѣхалъ. — Приѣзжаю потомъ къ Харневу, старичку. Тотъ и струсилъ было; да у него всего пять душъ, а взыскать надо 5 руб. $65\frac{1}{2}$ сер. Приѣхалъ я вечеромъ и до утра пробылъ, потому что у него въ домѣ ни единого сальнаго огарка для записанія дѣла не оказалось. А вѣдь самъ водку пьетъ, В. П., и въ большомъ количествѣ, такъ что не рѣдко по негладкости улицы подвергаетъ паденію родовую свою дворянскую личность. А вѣдь мнѣ говорить: Опишите, говорить, дѣлайте, говорить, что хотите: мнѣ самому ѣсть нечего. Только и сказалъ, В. П. Такъ я и уѣхалъ. Приѣхавъ же къ помѣщику, къ его Пре-

¹⁾ Одно неразобр. слово.

восходителству отставному Генералъ Маіору Цвѣтинову, имѣющему 1000 душъ, нашелъ, что они въ халатѣ изволили лежать на диванѣ и курили, нынѣ по случаю военныхъ дѣйствій для Россіи враждебный турецкій табакъ. За ними числится 2000 руб. недоимки. А они мнѣ говорятъ: что ты братецъ приѣхалъ? Я говорю такъ и такъ-съ, Губернаторъ изъ службы гонить. — А его Превосходительство захохотали и говорятъ: Скажи, братецъ, своему губернатору, что онъ дуракъ! Такъ я и уѣхалъ. — Воззрите же, В. П., на мои дѣянія отеческимъ окомъ.

Имѣнья Г-дъ помѣщиковъ за недоимку безъ особаго приговора описывать мы не имѣемъ права; круто лично поступить съ ними также не дерзаемъ, ибо дворянство по ст. св. з. томъ отъ тѣлеснаго наказанія избавлено. При сборѣ же податей съ крестьянъ вообще, мы поступаемъ совершенно инымъ образомъ, ибо ничѣмъ въ приложеніи правосудія не стѣснены и противузаконно поступить не имѣемъ возможности. Все дѣлается какъ мы хотимъ, т.-е. по закону; то-есть, В. П., когда приѣдишь къ крестьянину, да припугнешь его розгами, или дѣйствительно отдерешь на пропалую, тутъ онъ и корову продастъ, и свинью всякую и такъ сказать всякую дрянъ продастъ и находить же денегъ для уплаты податей, хотя бы послѣ принужденъ былъ и по міру идти. Да ужъ тутъ мы потачки не даемъ, ибо знаемъ свое дѣло и обязанность по долгу службы и присяги.

Вслѣдствіи всего вышеизложеннаго и сообразивъ всѣ вышеприведенныя обстоятельства, обращаюсь къ В-му П-ву со всепокорнѣйшею просьбою: Такъ какъ описать помѣщичья имѣнья за недоимку иначе какъ по судебному приговору и безъ особаго на то разрѣшенія, мы, становые, не имѣемъ права, то благоволите разрѣшить или о разрѣшеніи просить высшее начальство, дабы намъ, становымъ, для взысканія недоимочныхъ статей, числящихся на помѣщичьихъ крестьянахъ, дозволено было Г-дъ помѣщиковъ лично, или въ случаѣ ихъ отсутствія повѣренныхъ ихъ, съчь розгами дондеже взыскиваемая недоимка внесена не будетъ.

(Далѣе слѣдуетъ еще начало фразы: «Такимъ образомъ и только такимъ образомъ я»—и тутъ листъ кончается; а продолженія нѣтъ).

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Статья Герцена: „Сигизмундъ Сѣраковскій“.

Къ исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

17 апрѣля текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со дня изданія указа «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ». Годовщина этого указа, отмѣниващаго наиболѣе жестокаго и распространеннаго тѣлеснаго наказанія и занимающаго не послѣднее мѣсто въ ряду реформъ шестидесятыхъ годовъ, прошла незамѣченной въ печати и не вызвала новыхъ работъ по исторіи наказаній на Руси. Только въ компилятивной брошюрѣ г. Гольденберга ¹⁾, составленной по книгамъ А. Тимофеева («Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ»), гг. Жбанкова и Яковенко, статья Джаншіева и немногими другимъ случайнымъ матеріаламъ, снова пересказана вкратцѣ, со знакомыми уже всѣмъ деталями и чертами, исторія тѣлесныхъ наказаній и указа 17 апрѣля.

Между тѣмъ фактическая исторія отмѣны тѣлесныхъ наказаній, для характеристики которыхъ съ бытовой стороны накоплена громада матеріаловъ, разработана все еще очень мало. Въ исторіи указа 17 апрѣля г. Гольденбергъ, напримѣръ, совершенно опущено одно имя, которое во всякомъ случаѣ не должно быть забыто. Это Сигизмундъ Сѣраковскій, за участіе въ польскомъ возстаніи повѣшенный Муравьевымъ-Виленскимъ.

Въ № 168 «Колокола», отъ 1 августа 1863 года, напечатана статья о Сѣраковскомъ, Герценомъ не подписанная, но несомнѣнно ему принадлежащая ²⁾. Статья рассказываетъ, между прочимъ, о той фанатической ненависти къ тѣлеснымъ наказаніямъ, которую питалъ несчастный энтузіастъ и которую онъ горячо проповѣдывалъ, гдѣ только могъ.

...«Сѣраковскій въ очень молодыхъ лѣтахъ,—пишетъ Герценъ,—лично знакомый съ Сѣраковскимъ, попалъ въ одну изъ николаевскихъ проскрипцій, былъ отданъ въ солдаты въ оренбургскій корпусъ и отправленъ на берега Сыръ-Дарьи. Тамъ коротко изучилъ онъ ужасное положеніе полковаго, крѣпостного, военнаго раба,

¹⁾ Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. В. І. Гольденбергъ. Реформа тѣлесныхъ наказаній. Изданіе М. И. Семенова. Спб., 72 стр. Цѣна 60 коп.

²⁾ Статья не зарегистрирована въ «библіографіи» А. Г. Фомина сочиненій Герцена, приложенной къ нашей книгѣ «Герценъ», изд. «Свѣточа», Спб. 1908.

называемаго солдатомъ. Въ дали, въ которой не было ни контроля, ни постороннихъ, кромѣ киргизъ, онъ наглядѣлся на тѣлесныя наказанія, и съ тѣхъ поръ имъ овладѣла одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe*,—добиться уничтоженія палокъ, розогъ, шпицпрутеновъ и проч. въ русской арміи.

«Въ началѣ царствованія Александра II Сѣраковскій былъ возвращенъ въ С.-Пб. и въ скоромъ времени поступилъ офицеромъ въ главный штабъ. Съ этого времени начинается непрерывный, упорный трудъ его. Имя Сѣраковского такъ же мало должно быть забыто въ дѣлѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ арміи, какъ имя кн. Н. Орлова.

«Сѣраковскій говорилъ, убѣждалъ, проповѣдывалъ *уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній* старымъ генераламъ, фрунтовикамъ, которые всю свою службу лупили солдатъ, онъ приучалъ ихъ уши къ своей яacobинской мысли». Вторымъ шагомъ Сѣраковского были сравнительныя статистическія таблицы, все о томъ же; онъ добился мѣста делегата на статистическомъ конгрессѣ 1860 года въ Лондонѣ, обратилъ на себя вниманіе военнаго министра Сиднея Герберта, мнѣніемъ конгресса разсчитывая, какъ мнѣніемъ «генераловъ науки», «пришибить нашихъ генераль-дантистовъ». Отвезя рапортъ въ Петербургъ, онъ снова поѣхалъ въ Алжиръ и Францію для изученія на практикѣ дисциплины и дисциплинарныхъ заведеній безъ тѣлесныхъ наказаній.

«Мы познакомились съ нимъ въ 1860 г. Человѣкъ дѣятельности непомѣрной, разсѣянный, какъ всѣ люди, поглощенные одной мыслью, сосредоточенные на одномъ дѣлѣ, онъ никогда не зналъ не только часу, но не зналъ, обѣдалъ или нѣтъ; постоянно занятый своимъ проектомъ, онъ не стѣснялся съ другими и нѣсколько разъ пріѣзжалъ за полночь, будилъ меня, если я спалъ, и сидѣлся возлѣ постели читать записку, листовъ въ пять, которую ему надо было везти утромъ часовъ въ восемь къ Сиднею Герберту или въ конгрессъ.

«Мистикъ, какъ большая часть поляковъ, да мистикъ и по самой фанатической, нервной натурѣ своей, Сѣраковскій по политическимъ мнѣніямъ былъ всего ближе къ чисто социальному воззрѣнію. Къ Россіи у него не было не только тѣни ненависти, но онъ съ любовью останавливался на мечтѣ о независимой Польшѣ и дружественной съ нею вольной Россіи.

«Не думалъ я, подтрунивая надъ его мистическими фантазіями и надъ его разсѣянностью, что предо мной будущій мученикъ, что люди, для избавленія которыхъ отъ палокъ и униженія, онъ положилъ полжизни своими руками, его, раненаго, его нестоящаго на ногахъ вздернуть на веревкѣ и задушить «не какъ в о е н н о - п л ѣ н н а г о — что великодушно ему замѣтилъ конвоировавшій его офицеръ-литераторъ, а какъ р а з б о й н и к а».

Мрачная исторія казни Сѣраковского также разсказана въ «Колоколѣ», но это выходитъ изъ рамки нашей замѣтки. Какъ энтузіаста отмѣны тѣлесныхъ наказаній чрезвычайно тепло изобразилъ Сѣраковского также и Чернышевскій, представившій его въ «Прологѣ пролога» (глава четвертая) подъ именемъ офицера Соколовскаго. Нѣсколько подробностей о Сѣраковскомъ, также съ словъ Чернышевскаго, передано въ брошюрѣ В. Н. Шаганова: «Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ». Спб. 1907 г.

Ч. Вятринскій.

Сигизмундъ Сбраковскій родился въ 1827 г. на Волыни. Учился онъ въ Петербургскомъ университетѣ, уже въ это время пользовался большимъ уваженіемъ со стороны польской молодежи и устроилъ въ 1846 г. польскій кружокъ, въ которомъ участвовали студенты университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, офицеры и даже кадеты ¹⁾. Въ 1848 г. онъ былъ арестованъ на границѣ Галиціи, куда поѣхалъ съ консперативной цѣлью, и сданъ въ солдаты въ Оренбургскій линейный батальонъ, вынесъ всю строгость военной дисциплины и пробылъ тамъ до 1857 г. Дослужившись до офицерскаго чина, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ академію генеральнаго штаба, гдѣ окончилъ курсъ, былъ очень популяренъ среди слушателей академіи и затѣмъ, служа въ генеральномъ штабѣ, обратилъ на себя вниманіе военнаго министра Д. А. Милютина. Посланный въ 1860 г. за границу для изученія военноуголовнаго законодательства, дисциплинарной части въ войскахъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ и статистики ихъ армій, онъ участвовалъ въ статистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, былъ и въ Парижѣ. Поглощенный въ это время мыслию о необходимости отмены тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, Сбраковскій въ статистическихъ таблицахъ, имъ составленныхъ, доказывалъ (по свидѣтельству Герцена), что «число преступленій въ разныхъ арміяхъ находится... въ прямомъ отношеніи съ свирѣпостью наказаній, особенно тѣлесныхъ, такъ что гдѣ больше наказаній и гдѣ они свирѣпѣе, тамъ и преступленія свирѣпѣе и многочисленнѣе». ²⁾ За границей Сбраковскій познакомился съ Гарибальди; имѣлъ сношенія и съ Мѣрловскимъ. Въ 1859 — 60 гг. онъ организовалъ въ Петербургѣ кружокъ военной и штатской молодежи, стыдиль ее, что она забыла свой родной языкъ, давалъ читать польскія книги и газеты и «Колоколъ» Герцена; онъ вошелъ въ сношенія также съ варшавскимъ революціоннымъ кружкомъ, цѣлью котораго была пропаганда въ войскахъ и созданіе организации для борьбы съ существующимъ режимомъ. Сбраковскій былъ близокъ съ Чернышевскимъ. До извѣстной степени онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій и отъ своего высшаго начальства, Д. А. Милютина, которому подалъ записку по литовско-русскому вопросу; въ ней онъ доказывалъ необходимость автономіи Царства Польскаго и Литвы и ³⁾ Сбраковскій былъ близокъ съ редакціей польской газеты «Слово», издаваемой въ Петербургѣ съ 1858 г. Юсафатомъ Огрызкой, его

¹⁾ См. объ этомъ времени его жизни *Dr. Benedykt Dybowski* Pamięci Józefata Ohryzki. «Biblioteka Warszawska», 1907, t. II, 231—232.

²⁾ Главнѣйшіе результаты его наблюденій опубликованы въ «Морскомъ Сборникѣ» 1862 г. №№ 1—4 въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Извлеченіе изъ писемъ о военно-уголовныхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ», подписанныхъ инициалами имени и фамиліи Сбраковскаго—С. С. здѣсь кромѣ вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, авторъ говоритъ о военно-уголовныхъ законахъ; военно-уголовномъ процессѣ, военныхъ тюрьмахъ и офицерахъ во Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи.

³⁾ Вѣроятно эта самая замѣтка Сбраковскаго имъ во всякомъ случаѣ тожеждественная съ нею по взглядамъ напечатана въ «Русской Старинѣ» 1884 г. № 1, стр. 48—60. Здѣсь онъ именно доказываетъ необходимость автономіи Царства Польскаго и Литвы и рѣшенія центральнымъ правительствомъ только тѣхъ, касающихся всей имперіи—заграничныхъ сношеній, войска, флота и финансовъ. Ср. *Limanowski* Historia powstania naradu polskiodo 1863 i 1864 R., Lwów 1909, 273.

товарищемъ по университету и тогдашнему (1848—61 г.) польскому кружку; она просуществовала недолго и въ январѣ 1859 г. была запрещена ¹⁾. Послѣ первой заграничной командировки, въ 1860—61 г., Сѣраковскій въ іюлѣ 1861 г. былъ отправленъ по крѣпостямъ западной Россіи для собранія свѣдѣній объ арестантскихъ ротахъ, Затѣмъ его мнѣнія были выслушаны въ комиссіи преобразованію, военно-судной части.

Когда вспыхнуло польское возстаніе, Сѣраковскій отправился въ Литву, чтобы стать тамъ во главѣ отрядовъ повстанцевъ, при чемъ принялъ прозвище: Доленга ²⁾. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы военные отряды повстанцевъ продвинулись до Курляндіи и вездѣ провозглашали предоставленіе земли крестьянамъ въ собственность и уничтоженіе остатковъ крѣпостного права съ призывомъ жмудиновъ и латышей къ возстанію. Въ своемъ отрядѣ онъ пользовался большою любовью и офицеровъ, и простыхъ воиновъ; онъ умѣлъ вліять и на литовскихъ крестьянъ, изъ которыхъ многіе вооружались косами, вступали въ его отрядъ, дѣйствовавшій въ лѣсахъ между городами Поневѣжомъ и Вилькомиромъ (Ковенской губ.). Сѣраковскій имѣлъ подъ своимъ главнымъ начальствомъ (по польскимъ свѣдѣніямъ) болѣе 2700 чел. (по его показанію до 5000). Этотъ отрядъ раздѣлялся на три колонны: правымъ крыломъ командовалъ ксендзъ Мацкевичъ, лѣвымъ — Кошышко, получившій образованіе въ московскомъ университетѣ и въ польской военной школѣ въ Генуѣ, а среднею колонною самъ Сѣраковскій. 25 апрѣля 1863 г. подъ деревнею Медейки, недалеко отъ мѣстечка Биржи, майоръ Мерлинъ разбилъ Сѣраковскаго, а на другой день генералъ Гонецкій съ тремя ротами финляндскаго полка при Фольваркѣ Гудошки напалъ на соединенные отряды Сѣраковскаго и Кошышки, когда Мацкевичъ еще не соединился съ ними. Сѣраковскій, обнаружившій замѣчательную храбрость, былъ тяжело раненъ, и повстанцы понесли тяжелое пораженіе. Они стали подъ Шнуришками. Присланный курляндскими помѣщиками отрядъ стрѣлковъ, хорошо знавшій мѣстность, провелъ русское войско къ самому обозу повстанцевъ, и 27 апрѣля на нихъ было сдѣлано нападеніе съ разныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего они были совершенно разсѣяны. Черезъ нѣсколько дней Сѣраковскій, Кошышко и нѣкоторые другіе повстанцы были взяты въ плѣнъ, захваченные въ лѣсной хижинѣ. Трехдневною битвою и плѣненіемъ двухъ вождей, еще до назначенія М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ, былъ нанесенъ тяжелый ударъ возстанію на Литвѣ, хотя нѣкоторое время оно еще продолжалось.

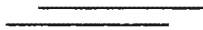
Изъ Петербурга было немало ходатайствъ предъ Муравьевымъ о смягченіи участи Сѣраковскаго: самъ онъ требовалъ надъ собою гласнаго суда, но военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, и 15 іюня 1863 г. онъ былъ повѣшенъ, успѣвъ закричать передъ смертію, что протестуетъ противъ приговора предъ лицомъ всей Европы и Россіи, а нѣсколько ранѣе былъ казненъ и Кошышко.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1913 г. № 8, стр. 266—267, а также ст. Дыбовскаго, стр. 233—238.

²⁾ Въ польскомъ языкѣ есть слово *niedołęga* — неловкій, неуклюжій чело-вѣкъ; отнятіемъ отнего частицы *nie* было образовано слово *dołęga* съ противоположныхъ значеніемъ.

25 іюня (новаго стиля) 1863 г. Гарибальди написалъ Сѣраковскому съ Капреры слѣдующее письмо, оглашенное въ официальной газетѣ польскаго народнаго правительства «*Nierpodległość*» (независимость): «Достойный другъ! Въ теченіе трехъ недѣль ты сумѣлъ возбудить удивленіе всей Европы, предводительствуя съ сообеннымъ мужествомъ и отвагой возстаніемъ Ковенскаго воеводства. Въ настоящую минуту, находясь въ плѣну у русскихъ и смертельно раненый, ты вызываешь ко мнѣ, поручая мнѣ благородную страну твою. Радъ бы я своею рукою доказать вамъ, какое сильное сочувствіе возбуждаетъ во мнѣ ваша святая борьба. Но судьба обрекла меня на бездѣйствіе. Имѣйте только вѣру. Европейская демократія не допуститъ страшной гибели вашего отечества. Душой и сердцемъ лечу вслѣдъ за всякими успѣхами вашего воскресенія. Такъ, храбрѣйшіе! ваша твердость, вашъ энтузіазмъ и ваше мужество научать васъ, какъ нужно бороться съ деспотизмомъ...»

В. С.

Письма И. А. Гончарова къ Елизаветѣ Васильевнѣ Толстой ¹⁾).

I.

Угодно ли Вамъ итти къ Майковымъ ²⁾, и въ такомъ случаѣ, позволите ли проводить Васъ? Если же останетесь дома, то позволите ли принести, или прикажете прислать показать китайскіе альбомы? ³⁾ Наконецъ, если ничего не угодно, то не прикажете ли мнѣ просто лечь спать? Въ послѣдней крайности я и на это готовъ. Вашихъ повелѣній будетъ ожидать

Преданный Вамъ по гробъ включительно *И. Гончаровъ*.

22 Августа 55.

II.

Ваше кольцо и перчатки починены: прилагаю ихъ. Гдѣ Вы? Не прикажете ли чего-нибудь?

Вашъ усердный читатель *Гончаровъ*.

23 Августа 55.

Прилагаю также два альманаха для прочтенія и надѣюсь, что М-ме Якубинская уснетъ отъ нихъ нынѣшнюю ночь очень хорошо, а М-ме Богдановой желаю выздоровѣть.

Не здѣсь-ли Вы еще? ⁴⁾

Адресъ: A. Mademoiselle M-lle Lise de Tolstoi.

На второй и третьей страницахъ этой записки Елизавета Васильевна набросала черновики отвѣта.

¹⁾ См. нашу статью «Новая глава изъ біографіи И. А. Гончарова въ неизданныхъ письмахъ». П. Сакулинъ.

²⁾ Въ письмахъ упоминаются слѣдующіе члены семьи Майковыхъ: самъ Николай Аполлоновичъ (1796—1873); его жена Евгенія Петровна (рожденная Гусятникова) (1803—1880); сыновья: Леонидъ Николаевичъ Аполлонъ Николаевичъ и его жена, Анна Ивановна (рожденная Штеммеръ); Владимиръ Николаевичъ (1826—1885). Повидимому, послѣдній носилъ прозвище Старика, а его жена, Екатерина Павловна, именовалась поэтомъ Старушкой (ср. въ письмѣ отъ 28 окт. и 1 декабря 1855 г.).

П. С.

³⁾ Гончаровъ лишь въ началѣ 1855 г. возвратился изъ путешествія на фрегатѣ «Паллада» и былъ еще полонъ путевыхъ воспоминаній. Въ теченіе 1855—7 гг. онъ печаталъ и свои очерки, составившіе потомъ два тома «Фрегата Паллады» (Спб. 1858).

П. С.

⁴⁾ Гончаровъ опасается, не уѣхала-ли Елизавета Васильевна въ Царское Село.

П. С.

«Очень довольна что могу благодарить васъ, милый и прекрасный другъ, вы исполнили всѣ мои желанія на сегодняшний день и судьба увлеклась вашимъ примѣромъ оставила меня въ Петерб., надо бы удовольствоваться этимъ и ограничиться благодарностями, mais je suis prête d'abuser de ces bontés et de cette indulgence у меня является новое желаніе, видѣть Китайскія работы и—Лѣтній садъ съ пам[ятникомъ] Кр[ылова]».

III.

Евгенія Петровна и Николай Аполло[нович] поручили мнѣ увѣдомить Васъ, что если завтра, въ Александровъ день, не будетъ дождя, то они приѣдутъ смотрѣть церемонію шествія Императорской] фамиліи въ Невскій монастырь, изъ оконъ Кожевникова дома, въ которомъ, по моему распоряженію, оставлено для нихъ мѣсто. Полагая, что Вы, по обѣщанію, воротитесь изъ Царскаго Села сегодня, они памѣреваются заѣхать завтра *утромъ въ 9 часовъ* за Вами, въ томъ предположеніи, что можетъ быть, если не имѣете другаго, лучшаго случая видѣть церемонію, Вы захотите посмотрѣть ее и изъ дома Кожевникова. Тамъ одна квартира на улицу не занята и управляющій предоставилъ мнѣ, какъ жильцу этого дома, одно изъ оконъ.

Вчера былъ день рожденія Николая Ап[оллоновича]: мы всѣ тамъ обѣдали и не разъ сообща изъявляли сожалѣніе о Вашемъ отсутствіи.

На случай, еслибъ Вы воротились уже изъ Царскаго Села— не прикажете ли чего-нибудь

до невозможности преданному Вамъ Гончарову.

29 Августа, 55 11 ч. утра,

IV. 1).

Entre 9 et 10 heures du soir, n'est ce pas? Вотъ я и въ сомнѣніи. Если утромъ — то уже нѣтъ никакой возможности, сейчасъ — 10 часовъ: какъ быть? Entre 10 et 11 — это еще возможно — но такъ ли я понялъ? Боже мой, какъ я сталъ тупъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы здѣсь! Говорятъ, это Ваша привиллегія — конфузить, туманить, дѣлать недогадливыми, словомъ мѣнять по своему произволу людей — можетъ быть это и весело дѣлать, но пощадите стариковъ!

Если Вы разумѣли утро, то на всякій случай я — у Вашихъ ногъ... виноватъ — дверей —

Вашъ вѣрный слуга Гончаровъ.

V.

Отъ заботливости о спокойствіи друзей, мнѣ такъ тяжело, больно, стыдно, неловко и совѣстно обременять Васъ такимъ тяжелымъ порученіемъ, какимъ рѣшаюсь обременить Васъ: что дѣлать! таковы ужъ у меня понятія о дружбѣ. Возьмите на себя трудъ передать М-ме Якубинской прилагаемый адресъ мебельнаго мастера,

1) Эта записка безъ даты, повидимому, находится въ связи съ предыдущимъ письмомъ.

съ присовокупленіемъ моего почтенія ей, участія М-ме Богдановой и наставническаго расположенія къ Вамъ самимъ. На оборотѣ карточки есть безграмотная надпись, изъ которой явствуется, что за кресло надо оставить въ залогъ что оно стоитъ, 30 руб. сер. и заплатить за наемъ 3 руб., но не явствуется, за мѣсяць-ли (*für*), или за 4 (*vier*). Это въ двухъ шагахъ отъ Васъ и потому можно самимъ выбрать кресло и условиться.

Я самъ сижу въ большемъ креслѣ, медленно оправляясь послѣ вчерашняго. Болѣзнь у меня упорная: едва перемагаюсь, спалъ много, но дурно. Къ утру, по обыкновенію, легче.

Вы не могли, или не хотѣли опредѣлить на словахъ точнѣе *пользы разговоровъ* со мной, но я радъ, что письма Ваши къ роднымъ были еще не запечатаны. Тамъ въ одномъ словѣ совершенно удовлетворительно для меня выражено свойство этихъ разговоровъ, а въ какомъ именно словѣ — объ этомъ скажу, когда буду имѣть *авантажъ* видѣть Васъ.

Остаюсь все тѣмъ-же, самымъ старымъ, самымъ преданнымъ и самымъ полезнымъ изъ Вашихъ почитателей

И. Гончаровъ.

4 Сентября, 55.

VI.

«C'est inutile que Vous envoyez»: avez Vous dit hier. Въ самомъ дѣлѣ, Вы, должно быть, любите полезное. Et moi «j'aime l'inutile» повторяю я слова, не то М-ме Сталь, не то Севинье, или можетъ быть какой-нибудь другой изъ ненавидимыхъ мною, такъ называемыхъ «умныхъ женщинъ», *bas bleu*, или писательницъ. И потому мнѣ, можетъ быть и бесполезно, но *пріятно* (я съ нѣкотораго времени страхъ какъ полюбилъ слово «пріятный» и отъ того, въ знакъ особеннаго моего къ нему расположенія, даже подчеркнулъ его) видѣть хоть почеркъ Вашей руки, за невозможностью видѣть пока самую руку; пріятно узнать, состоится ли экспедиція въ Мих[айловскій] театръ въ томъ видѣ и составѣ, какъ она предполагалась вчера, или произошли какія-нибудь перемѣны, наконецъ пріятно даже, черезъ Васъ, услышать что-нибудь о насморкѣ М-ме Якубинской (не говорю уже о собственномъ Вашемъ насморкѣ) и узнать, легче ли М-ме Богдановой. Пользы въ этомъ нѣтъ, но пріятно сказать Вамъ нѣсколько словъ и еще пріятнѣе получить ихъ отъ Васъ.

Можетъ быть и Вы не найдете ли полезнымъ узнать что-нибудь о моемъ здоровьѣ: мнѣ легче, болѣзнь понемногу уступать силѣ воли и характера; вчера спалъ лучше, нежели третьяго дня, виновать, сегодня лучше, нежели вчера: бредъ и горячешные сны не мучили меня: видѣлъ сегодня просто снѣгъ во снѣ, а на снѣгу щепочку, потомъ скалу, а на скалѣ букашку. Видите, какіе мирные сны, а вчера, ахъ, Творецъ!

Посылаю Вамъ Писемскаго, Тургенева и картинку изъ Отеч. Записокъ: послѣднюю не угодно ли бросить, да и первыхъ двухъ пожалуй, бросьте, еслибъ капризъ пришелъ. Нѣтъ, это не въ Вашемъ характерѣ: Вы бы скорѣй *разбили*, еслибъ они попались подъ руку, и потомъ отдали бы кому-нибудь склентъ.

Сейчасъ присылала одна барыня просить Современникъ за Августъ; если онъ совершенно не нуженъ Вамъ, не пришлете ли?

До 6 часовъ: я являюсь къ Вашему порогу — такъ?

До свиданія же — мой очаровательный, изящный другъ или врагъ — ей богу, не знаю до сихъ поръ.

Весь, всегда и всюду Вашъ

Гончаровъ.

6 сентября.

Посылаю записку, а самъ боюсь, не огорчу ли опять Васъ, какъ въ Воскресенье.

VII.

C'est affreux, si Vous manquez à Vcs amis ce soir: ne pouvez Vous pas dire que Vous avez retenu la loge et invité le monde, que Vous ne pourrez pas manquer sans blesser les convenances etc. etc. mais ce n'est pas à moi à mettre les points sur les ii pour Vous.

J'attends avec impatience la réponse à 5 heures, si je dois venir avec la voiture. Faites comme Vous savez, comme Vous pouvez, mais faites que ce soit: oui. Je remettrai ce billet moi-même a Votre suisse: la réponse est *inutile*. Je Vous demande bien pardon de ce griffonage mais je me dépêche et je crains de ne plus Vous revoir, à moins que ce ne soit pas ainsi pour ce soir.

Votre t. dévoué Gont.

Mardi, le 6 Septembre.

On dit que les pièces sont charmantes et le spectacle sera brillant, surtout, j'ajouterai, si Vous voudrez l'embellir de Votre présence.

ПЕРЕВОДЪ.

Это будетъ ужасно, если Вы не придете сегодня вечеромъ къ своимъ друзьямъ. Развѣ Вы не можете сказать, что Вы взяли ложу, что Вы пригласили туда знакомыхъ, и что Вы находите неудобнымъ не придти туда, не оскорбивъ приличія и т. д. и т. д. Но не мнѣ ставить точки надъ ii для Васъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія въ пять часовъ—долженъ ли я захватить за Вами. Дѣлайте, какъ Вы знаете и какъ можете, но сдѣлайте, чтобъ это было: да. Я отдамъ эту записку самъ Вашему швейцару, и отвѣтъ на нее *безполезенъ*. Я очень прошу прощенія за эти каракули но я спѣшу и боюсь, что я не встрѣчусь съ Вами снова, если этого не случится сегодня вечеромъ.

Вторникъ
6 сентября.

Вашъ вполне Вамъ преданный

Гонч.

Говорятъ, что пьесы очень милы, и спектакль будетъ блестящимъ. Въ особенности, прибавлю я, если Вы захотите украсить его своимъ присутствіемъ.

ПЕРЕВОДЪ.

Что же нужно сдѣлать? Развѣ Вы въ самомъ дѣлѣ хотите совершить преступленіе оскорбленія дружбы? Но друзья всегда имѣютъ преимущество передъ родственниками. Что дѣлать съ ложей и съ Майковыми, которые Васъ ждутъ въ театрѣ? Я жду Вашихъ приказаній, чтобы захватить за Вами. Или же дайте мнѣ другія приказанія: каковы бы они ни были, они будутъ выполнены съ почтительностью преданнаго друга и усердіемъ готового на все слуги.

Гонч.

Вторникъ 5¼ ч.
6 сентября.

Прилагаю Ваши часы и два ключа.

VIII.

Que faut-il faire donc? Voulez-Vous en effet commettre le crime de lèse-amitié? Mais les amis ont toujours la préférence, après viennent les parents. Et que faire avec la loge, que faire avec Les Maikoff, qui Vous attendent au théâtre?

J'attends Vos ordres pour venir avec la voiture — ou bien dictez moi d'autres: quelqu'ils soient, ils seront remplis, avec la soumission d'un ami dévoué et d'un serviteur zélé à toute épreuve.

Gont.

Mardi

à 5³/₄ heures

6 Sept.

ci — joint Votre montre et deux clés.

IX.

Вы недавно спрашивали меня о «пепиньеркѣ» — вотъ она. Я съ трудомъ отрылъ ее въ кучѣ старыхъ моихъ рукописей. Посмотрите, какъ она поблѣднѣла и выцвѣла — точь въ точь, какъ и въ моей памяти. Теперь я больше люблю классныхъ дамъ, и то не настоящихъ, а будущихъ ¹⁾. — Едва ли Вы прсчете двѣ первыя страницы. Когда минуетъ надобность, возвратите мнѣ рукопись, вмѣстѣ съ книгами Тур[енева], Писем[скаго], Нов[аго] поэта ²⁾ и альманахами.

Такъ какъ я, по словамъ Вашимъ, «вижу за двухъ», то позвольте *предвидѣть за Васъ и за себя*, что Екат. Оед. П., если Вы пойдете въ Инстит[утъ], того и гляди пожелаетъ ѣхать съ Вами къ Майк[овымъ]. Можно ли просить Васъ *не проговориться* (Боже мой! ну, какъ опять разсердитесь по вчерашнему? я погибъ — да нѣтъ — Вы — Ангелъ всего, между прочимъ и доброты, это-же совсѣмъ особый случай) о Вашемъ намѣреніи провести вечеръ у Ев[еніи] П[етровны].

Нѣтъ сомнѣнія, что Вамъ пріятнѣе бы было возвратиться съ Е. О., но удостойте принять во вниманіе вотъ что: вчерашній, въ высшей степени занимательный разговоръ для меня — не конченъ, мнѣ хотѣлось бы весьма пополнить его, но это все мое удовольствіе, а вотъ и Ваше: въ началѣ пріѣзда сюда, и именно въ первый день, Вы мнѣ сдѣлали вечеромъ одинъ, и весьма важный для Васъ самихъ вопросъ: я тогда не счелъ себя въ правѣ отвѣчать на него и уклонился, теперь напротивъ, я бы погрѣшилъ противъ дружбы, еслибъ умолчалъ. Сегодня, кажется, единственный и едва ли не послѣдній случай сдѣлать это.

Не отмѣняйте же, по вчерашнему, распоряженія явиться къ Вамъ сегодня вскорѣ послѣ 5-ти часовъ. Если удастся передамъ Вамъ этотъ *отвѣтъ* — у Васъ же, нѣтъ — такъ при возвращеніи отъ Майковыхъ.

¹⁾ Можетъ-быть, намекъ на отношенія Гончарова къ Варварѣ Лукиничнѣ Лукьяновой, которая до начала 50-хъ годовъ была гувернанткой въ домѣ его сестры, А. А. Кирмаловой, а затѣмъ классной дамой въ Николаевскомъ институтѣ. Объ отношеніяхъ къ ней Гончарова см. выше въ нашей вступительной статьѣ.

П. С.

²⁾ Псевдонимъ И. И. Панаева.

П. С.

Я бы прислалъ Вамъ только что появившуюся мою статью о Японіи, но не станете читать — она еще хуже Якутска, да и до того-ли Вамъ? Пришлю въ Декабрѣ, когда выйдетъ отдѣльной книжкой ¹⁾).

Скажите слово о здоровьѣ М-ме Богдановой, также М-ме Якуб[инской]. особенно-же о Вашемъ: не повредилъ ли Вамъ вчерашній дождь.

Кланяюсь Вамъ до земли, и даже ниже
преданнѣйшій изъ преданныхъ *Гончаровъ*

8 Сент.

Х.

О ужасъ, Вы здѣсь! Вотъ какое было первое движеніе, когда я завидѣлъ Вашу миниатюрную записочку: здѣсь все стало было приходить въ свой порядокъ, всѣ обратились (*всѣ* я употребляю въ смыслѣ *он*) къ своимъ занятіямъ, я даже пополнилъ немного, словомъ еще недѣля и все приняло бы нормальный видъ, нужды нѣтъ, что Васъ и помнить и видять во снѣ! Второе движеніе — движеніе благодарности — за любезное и благосклонное увѣдомленіе о прїѣздѣ. Я уже готовъ былъ заключить, что Вы принадлежите именно къ числу такихъ друзей, на которыхъ даже можно положиться (что весьма рѣдко, если не невозможно, какъ оно и оказалось), еслибъ въ Ваши поступки не вкралась маленькая измѣна, именно: Вы сказали Л-му что-то изъ разговора со мной о немъ, а онъ, по своей натурѣ, не могъ не проговориться. А я думалъ, не знаю почему, что Вы даже Вашему будущему мужу не скажете и бездѣлицы, которая ввѣрена Вамъ по секрету: такое исключеніе составляете Вы въ моихъ глазахъ — во всемъ. Въ первой бесѣдѣ съ Вами скажу, что это такое. Впрочемъ это — такая-же маленькая измѣна, какъ извѣстная Вамъ «занятая». Да и измѣна Вамъ, какъ «всякая шапка» — къ лицу.

Спѣшу отвѣчать на Ваши вопросы: Николаю Ан[дреевичу] было лучше, потомъ хуже, теперь опять лучше. Евгенія П[етровна] подвержена сильнымъ припадкамъ патріотизма, и всѣ мы тоже: я третьяго дня старался доказать ей, что она — измѣнница и что Севастополь взять отъ нея. — Юлія Дм[итріевна] возвратилась и сердится (не знаю, искренно-ли), что не нашла Васъ въ Москвѣ. Всѣ надо мной смѣются т.-е. Юлія Д[митріевна], Л—й, отчасти Евг[енія] П[етровна], прочіе соболѣзнуютъ. Я пропадаю совсѣмъ.

Вы меня не шутя огорчаете болѣзнию М-ме Богдановой: вотъ и Вы способны огорчить (да еще какъ, я думаю, Боже мой!). Я хотѣлъ было послать узнать о ея здоровьѣ, и о М-ме Якубинской тоже, да боялся, что обѣ дамы найдутъ это ненужнымъ и неумѣстнымъ. — Но что это за мысль — ѣхать къ сыну М-ме Б[огдановой]: въ числѣ богоугодныхъ заведеній, которыя вѣлѣно христіанамъ посѣщать по Воскресеньямъ, какъ-то темницъ, больницъ etc.—юнкерской школы не показано въ Евангеліи.

Извините, что письмо — глупо: этому причиной 1, что я не совсѣмъ здоровъ, 2-е, не видалъ Васъ давно, не шутя, и слѣ-

¹⁾ Очерки «Изъ Якутска» напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ», 1855 г., кн. VI; «Русскіе въ Японіи въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ»—*ibid.*, кн. IX—XI отдѣльно—Спб. 1855 г.

доват. впалъ въ обычную апатію. Я ужъ объяснилъ Вамъ со всею откровенностію, что Ваше присутствіе вызываетъ столько жизни изъ человѣка, по крайней мѣрѣ изъ меня, Вашъ умъ будить чужой умъ, по крайней мѣрѣ мой, такъ что трудно рѣшить, прекрасны ли Вы больше, или больше умны? О третьей, моральной сторонѣ я молчу, ее еще не знаю. До свиданія. Выпадетъ ли нынче на мою долю счастливый, можетъ быть послѣдній день — видѣть Васъ, поговорить съ Вами и можетъ быть проводить домой? Не прикажете ли чего? Самъ я располагаю быть у Ев[еніи] П[етровны], тотчасъ послѣ обѣда. Надѣюсь до свиданія.

Преданный — на всю жизнь и одинъ день

Гончаровъ.

18 Сентября.

XI.

Съ благодарностію возвращаю печать М-ме Якубинской и Вашъ карандашъ — тоже. Я имъ не воспользовался, не дѣлалъ отмѣтокъ на Вашей тетрадкѣ, потому во 1-хъ, что негдѣ, такъ все исписано, а во 2-хъ, не имѣю ни права, ни возможности быть цензоромъ такихъ вѣрныхъ, безыскусственныхъ выраженій Вашего сердца. Но чтеніе Вашихъ confidences мнѣ доставило нѣсколько пріятныхъ минутъ. Все написанное Вами есть вѣрное отраженіе господствующаго въ Васъ чувства — не больше. Вы конечно этого и достигали, принимаясь за перо, въ противномъ случаѣ т.-е. еслибъ у Васъ была другая претензія, она бы непремѣнно высказалась въ тонкостяхъ ума, Вы впали бы въ частности, въ подробности, старались бы объ отдѣлкѣ, и тогда вышло бы литературнѣе, но не было бы искренности. А тутъ примѣта ея заключается между прочимъ въ томъ, что Вы, по примѣру всѣхъ, такъ или иначе выражавшихъ свое чувство, считали его исключеніемъ. Тоска, мечты, слезы — все это симптомы извѣстной болѣзни. Зачѣмъ-бы, кажется, это писать? а нужно, я знаю, — помню, т.-е. я самъ никогда не писалъ, А помню, что не прочь-бы, еслибъ меня заперли въ деревнѣ. Вамъ, какъ и всѣмъ въ этомъ положеніи, жадно хочется прислушиваться къ голосу собственнаго чувства, такъ что трудно заглушить въ себѣ эту потребность высказываться. Его не было, говорить съ нимъ нельзя, писать по почтѣ объ этомъ неудобно, особенно въ такія мѣста, гдѣ письма поступаютъ въ карантинъ, прежде нежели дойдутъ по адресу — и вотъ Вы (и другой въ такомъ состояніи) начинаете говорить съ неодушевленными предметами, сначала съ письменнымъ столомъ, потомъ съ печкой и т. д. Татьяна говорила и съ одушевленными, съ няней: хорошо у кого есть няня, а у кого нѣтъ — можно слова два перемолвить хоть съ мухой. Но все это у Васъ граціозно, естественно граціозно, какъ Вы сами и Вашъ умъ, потомъ свѣжо и молодо, такъ что, особенно мучительная сторона страсти, даже и мнѣ напомнило что-то бывалое, ужъ давно угасшее и забытое во мнѣ. Позволю себѣ сдѣлать одно капитальное замѣчаніе: Вы все обращаетесь къ вѣшной его сторонѣ, едва вскользь упоминая объ умѣ, душѣ etc, а то все «красивая поза», «опершись на руку» — да тутъ-же непремѣнно и «конь». Я все думалъ, что у Васъ это должно быть полнѣе. Впрочемъ Вы и сами сознаетесь въ своемъ дневникѣ, что Вы «влюблены», слѣдовательно это еще не рѣшенный вопросъ, наступила

ли бы за пыломъ страсти, настоящая, глубокая любовь, чувство прочное и болѣе покойное? Во всѣхъ Вашихъ выраженіяхъ мелькаетъ только страсть, въ видѣ болѣзни, а не сознательное и неизмѣнное чувство. Вы смѣло можете показать эту тетрадку Вашему будущему жениху: онъ найдетъ, что не все для него погибло и отроетъ тутъ много залоговъ на излеченіе. Я нахожу, что это и естественно — страсть и любовь (про которую я говорю) что-то не одинакое, или, по крайней мѣрѣ, бываетъ иногда не одинакое.

Въ двухъ мѣстахъ только я вижу небольшія натяжки, это въ выраженіяхъ *тоска змѣя*, да *погодушка-верховая*: мнѣ это показалось умышленнымъ украшеніемъ, риторикой. Потому я не могъ не засмѣяться отъ души, читая, какъ Вы съ *нимъ* мечтаете женить Вашихъ будущихъ дѣтей. Да, да, все это вѣрно, искренно: тутъ весь очаровательный міръ, *со всею милой глупостью* любви, какъ называетъ это Апол[лонъ] М[айковъ] гдѣ-то, кажется въ Машенькѣ ¹⁾.

Я позволилъ себѣ сдѣлать этотъ общій выводъ о Вашей тетрадкѣ, предвидя изустный Вашъ вопросъ о моемъ мнѣніи: но изустно не выскажешь въ порядкѣ, и я предпочелъ написать. Но довольно, а то пожалуй, не кончишь на листѣ, дай только волю себѣ. Съ Вами я особенно разговорчивъ: чувствую однакожъ, что апатія и тяжесть возвращаются по немногу ко мнѣ, а Вы было своимъ умомъ и старой дружбой расшевелили во мнѣ болтливость. — Еще разъ благодарю за довѣріе, но тетрадки не возвращаю, по Вашему желанію, до личнаго свиданія. Надѣюсь, что въ сказанномъ мною, не смотря на Вашу обидчивость, Вы не найдете ничего обиднаго: я счелъ дружескою обязанностію сказать откровенно, какъ и что мнѣ кажется.

Поздравляю Васъ: сегодня спектакль, говорятъ, великолѣпный и живо долженъ напомнить Итальян[скую] оперу. Одинъ отчаянный меломанъ сказывалъ мнѣ, что, послѣ Рубини, подобнаго пѣвца не слыхали. Не знаю, насколько тутъ правды: этотъ меломанъ лжетъ на каждомъ шагу. Онъ знакомъ съ Майковыми и будетъ въ театрѣ, конечно подойдетъ къ нимъ: избѣгайте отвѣчать ему, если онъ заговоритъ какъ-нибудь и съ Вами: онъ очень неприличенъ и порядочныя женщины неохотно говорятъ съ нимъ. Вы сейчасъ его узнаете: это обезьяна лѣтъ 70, въ очкахъ.

Такъ какъ Вы принимаете во мнѣ участіе до того, что иногда *намереваетесь* спросить о здоровьѣ, то я *спѣшу* увѣдомить, что я очень нездоровъ: у меня сверхъ головной боли, явился кашель, и если это не кончится къ вечеру, я лишусь удовольствія видѣть Васъ и слушать Лючію. ²⁾ Иду на службу.

Что здоровье М-ме Богдановой.

Mes compliments à M-me Якубинской.

Tout à Vous Гончаровъ.

19 Сент.

55.

¹⁾ «Машенька», повѣсть въ стихахъ А. Н. Майкова, напечатанная въ «Петербургскомъ Сборникѣ» 1846 года и вошедшая теперь въ IV-й, дополнительный томъ полнаго собранія сочиненій (изд. 7-е, Спб., 1901 г., стр. 208—262). Мѣсто, на которое ссылается Гончаровъ, начинается такъ:

²⁾ Извѣстная опера Даниелетти.

Вотъ еще Вы не уѣхали, а какая корреспонденція началась, какія длинныя письма: зачѣмъ это, скажите ради Бога, добро-бы я дневникъ велъ! Впрочемъ это написано по поводу дневника.

Посылаю еще Китайскаго издѣлія бездѣлку ¹⁾: печати Вамъ не посылаю: жаль стало: Вы вчера не изъявили особеннаго желанія имѣть ее.

XII.

Литтературное чтеніе вчера, слава Богу, разстроилось, предполагавшійся визитъ къ Юліи Д[митріевнѣ], къ сожалѣнію, тоже не состоялся, и потому я пошелъ въ театръ смотрѣть Ипохондрика. ²⁾ Тамъ Влад[имиръ] Майн[овъ] сказалъ мнѣ, для передачи Вамъ, что онъ собирается съ Екате[риной] П[авловной], если не будетъ дождя, къ Юліи Д[митріевнѣ], и что-дескать будутъ очень рады (какъ не быть!) видѣть Васъ тамъ. Такъ какъ Вы не знаете ея дома, а они за Вами не заѣдутъ, то не позволите ли предложить въ проводники себя? Я часу въ седьмомъ, около половины, явлюсь къ Вашему швейцару и попрошу его доложить Вамъ о своемъ приходѣ: онъ очень ко мнѣ благосклоненъ, а самъ подожду внизу; Вы вѣроятно будете готовы. Если-же погода испортится, то войду и самъ.

Прошу поклониться М-ме Якуб[инской] и Богд[ановой]: что ея здоровье? Объ этомъ впрочемъ узнаю не прежде вечера, потому что эту записку отдамъ самъ и отвѣта не дождусь.

Если-же бы Вы расположили вечеромъ какъ нибудь иначе и пожелали объ этомъ дать мнѣ знать, то я просилъ бы сдѣлать это не прежде 4-хъ часовъ, а то, пожалуй, ни меня, ни человѣка дома не будетъ и некому будетъ отдать записки.

Голова у меня, какъ въ туманѣ: едва самъ разбираю, что пишу. Вчера изъ театра, я поѣхалъ пить чай къ к. Обол., просидѣлъ тамъ до часу ночи; оттуда бы домой, а я въ клубъ — и вотъ послѣдствія: головная боль. Некому бранить! Не побраните ли Вы?

Утѣшаюсь надеждой на удовольствіе видѣть Васъ.

Т. — à V. — Гончаровъ.

22 Сент.

55.

Р. С. Мнѣ пришла вотъ какая мысль: Вы, въ началѣ пріѣзда, собирались съ Никол[асемъ] Апол[оновичемъ] взглянуть у меня на Китайскія и Японскія вещи: что если я попрошу Влад[имира] Нин[олаевича] и Екатерину Пае[ловну] зайти за Вами, а оттуда (увы, по отвратительной лѣстницѣ!) заглянуть ко мнѣ и потомъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ Юліи Дмитріевнѣ? Вы бы увидѣли нѣсколько Японскихъ ящиковъ etc. Si cela ne Vous déplaît pas,

¹⁾ О китайскихъ издѣліяхъ Гончаровъ говоритъ во II т. «Фрегата Паллады», въ гл. «Шанхай».

П. С.

²⁾ Комедія Писемскаго (1855 г.). Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до начала 1881 года», составленной А. И. Вольфомъ (СПб. 1884 г., стр. 9) читаемъ: «Ипохондрикъ» Писемскаго, несмотря на то, что Мартыновъ взялъ на себя роль Дурнопечина, не поправился публикѣ».

П. С.

on peut arranger: je parlerai ce matin à Влад[имиру] Ник[олаевичу] и въ началѣ или половинѣ седьмаго они, или я зайдемъ за Вами. Извините за безпорядокъ письма.

XIII.

Влад[имиръ] Никол[аевичъ] и Екатерина Павловна скоро должны быть у Васъ, (около 6 часовъ) чтобъ зайти за Вами и итти ко мнѣ, све равно будетъ-ли Ю[лія] Д[митріевна] дома, или нѣтъ. Отъ меня мы ихъ можемъ проводить до дому. Спѣшу: извините отсутствію всякаго ума въ запискѣ и присутствію неумолкаемаго желанія видѣть Васъ, гдѣ и когда возможно.

Преданный Гончаровъ.

22 Сент.

XIV.

Я сейчасъ только увидѣлъ, что на билетахъ написано «кресло 2-го ряда» и счелъ нужнымъ предупредить Васъ объ этомъ, для соображеній о «шляпкѣ». Если подъ этимъ не разумѣется балконъ, а въ самомъ дѣлѣ кресло 2-го ряда, то я утѣшаюсь тѣмъ, что Вы будете у самой почти сцены и увидите Люцію яснѣе, и тѣмъ еще, что въ антрактахъ нѣчего (sic) будетъ разсматривать впереди, кромѣ меня. «C'est inutile» скажете Вы на это, я знаю.

A propos de l'inutile: это вчерашнее Ваше слово, да вечеръ, назначавшійся посѣщенію одного изъ богоугодныхъ заведеній, кажется пажескаго корпуса, да другой, не менѣе замѣчательный вечеръ (въ Пятницу), да укрывательство въ теченіе 3-хъ дней отъ глазъ друзей по возвращеніи изъ Царскаго, да... да... Dites-moi, n'est ce pas vrai que le doute est la plus sûre des choses?—А другія доказательства развѣ не говорятъ въ пользу дружбы? возразите Вы. О, конечно: отъ-того я только сомнѣваюсь, а не невѣрю. Видите, я правъ даже въ сомнѣніяхъ!

Сегодня праздникъ, неиду на службу и съ радостью хватаюсь за пріятнѣйшее изъ времяпровожденій—разговаривать съ Вами.

До свиданія же, прекраснѣйшая, лучшая, первая женщина—безъ сомнѣнія, и другъ—съ сомнѣніемъ.

Постараюсь быть ровно въ 6 часовъ.

Гончаровъ.

26 Сент. Понедѣльникъ.

Comment va la santé de M-me Богд[ановой]? Et M-me Якубинск[ая] que fait-elle? Voulez-vous bien Vs charger de présenter mes compliments à toutes les deux?

Что мнѣ дѣлать съ Вашими папиросами? отсылать—жаль, курить—не курю... Не вѣрьте примѣтамъ, вообще, и между прочимъ той, которую Вы привели третьяго дня въ каретѣ: съ печалью вижу, что не всѣ онѣ сбываются.

Я употреблю праздникъ тоже на добрыя дѣла: погода не много пойду отыскивать *Demi-monde*¹⁾, только въ книжныхъ лавкахъ, а не въ салонахъ.

¹⁾ «Le demi-monde» (1855 г.), пьеса Александра Дюма-сына, впервые представленная въ Михайловскомъ (французскомъ) театрѣ въ сезонъ 1855—1856 г.

У меня есть поводъ сказать Вамъ объ одномъ изъ Вашихъ блистательныхъ достоинствъ, которое давно наблюдаю: если на-помните уже, я Вамъ скажу. О недостаткахъ я молчу: о нихъ надо говорить долго, часа два — по крайней мѣрѣ.

XV.

Не знаю, какую-бы счастливую примѣту основать на этихъ, отданныхъ мнѣ Вами при выходѣ изъ театра и забытыхъ перчаткахъ: помогите. Я увѣровалъ въ примѣты, съ тѣхъ поръ, какъ... да просто съ пачки папирозъ.

А пока я вдоволь нанюхался запаха этой кожи, удовольствіе, которое Вы щедро, en véritable Fortune, предлагали въ каретѣ всѣмъ, кромѣ меня.

Посылаю перчатки, посылаю двѣ брошюры, Майковскую и Вашу, посылаю вырѣзанное изъ вчерашней газеты распisanіе поѣздовъ царскосельской дороги на Октябрь, посылаю выраженіе самой живой и неизмѣнной пріязни и надежды скоро увидѣть Васъ.

Гончаровъ.

Сейчасъ принесли изъ типографіи отдѣльные оттиски Маниллы¹⁾: отправляю къ переплетчику, съ приказаніемъ изготovitъ какъ можно скорѣе одинъ экземпляръ.

Au revoir.

Нѣтъ: я раздумалъ посылать Вамъ другую брошюру: я передамъ ее Майковымъ самъ и скажу, что я измѣляю ее: она не выправилась. Вамъ посылаю только Вашу²⁾.

XVI.

11 Октября вечеромъ.

Не сѣтуйте, что не смотря на магнетизмъ Вашихъ глазъ, на вибрацію Вашего голоса, чѣмъ всѣмъ Вы такъ могущественно на меня дѣйствуете и чѣмъ Вы выразили (невольно) желаніе, чтобы я почалъ альбомъ, я написалъ такое неловкое привѣтствіе Вашей кузинѣ. Вспомните, что неловкость есть одинъ изъ признаковъ большой... дружбы, и снизойдите къ моему безсилію. Убѣдитесь изъ этого, что у меня не всегда хорошо—слогъ. О причинахъ не распространяюсь, между прочимъ и потому, что спать хочу. Завтра, можетъ быть, буду умнѣе, въ такомъ только впрочемъ случаѣ, если не увижу Васъ, но какъ отъ этого мнѣ было-бы скучнѣе, то пусть я буду лучше терпѣть горе не отъ ума, а отъ глупости, лишь-бы увидѣлъ Васъ въ исходѣ шестаго часа.

Посылаю при этой запискѣ нѣсколько записокъ Отечественныхъ — для М-ме Якубинской, съ выраженіемъ почтенія. Когда возвратятъ, возьму другія и доставлю. Прикажите отдать чело-вѣку мои книги. Посылаю Вамъ и Ликейскіе острова³⁾, такъ что

¹⁾ «Манилла» была напечатана въ «Отеч. Зап.», 1855 г., кн. X. П. С.

²⁾ Какъ видно по началу письма (особенно по «пачкѣ папирозъ»), оно непосредственно примыкаетъ къ предыдущему, писанному 26 сентября, а упомина-ніе о «Маниллѣ» и распisanіи поѣздовъ на октябрь позволяетъ отнести его къ первымъ числамъ октября, разумѣется, того же 1855 года.

П. С.

³⁾ «Ликейскіе острова» были напечатаны въ «От. Зап.», 1855 г., кн. IV.

П. С.

теперь Вы будете имѣть *всего-меня*... До свиданія. Боюсь опоздать и получить выговоръ отъ ослѣпительно-прекраснаго друга.

Весь Вашъ *Гончаровъ*.

На поляхъ, противъ словъ: «Посылаю Вамъ и Ликейскіе острова», приписано:

12 Ноября утромъ.

(Похоже на дневникъ въ Японіи¹).

XVII.

Вы имѣли основаніе вчера сказать: «этимъ Вы доказываете... дружбу?» хотя и я бы могъ прибавить: «а вы чѣмъ, не этимъ же ли?» Но я сказалъ другое, или иначе, и сказалъ справедливо. Я всегда правъ. Но вчерашній Вашъ упрекъ имѣлъ нѣкоторую тѣнь справедливости, потому что я забылъ (чего бы я не забылъ вчера!) спросить Васъ, когда Вамъ нужно доставить то, о чемъ Вы говорили передъ театромъ? Впрочемъ я надѣялся видѣть Васъ въ 4 часа у Евг[еніи] П[етровны], отъ того конечно и отложилъ этотъ вопросъ. Мнѣ должно бы конечно притти въ голову и то, что можетъ быть Вамъ это нужно сегодня утромъ, и спросить, не будете ли Вы пораньше у Левицкаго²), чтобы до 11 часовъ я могъ зайти туда и тамъ отдать etc. Каюсь въ недостаткѣ дружбы и соображенія: но не до того и не другаго было мнѣ вчера, повторю опять. Дружба воротилась сегодня утромъ только ко мнѣ, а съ нею и соображенія. Вчера я былъ подъ вліяніемъ.... оперы, пожалуй. Итакъ хоть — до 4-хъ часовъ: скажите два слова, не болѣе, я сейчасъ иду на службу и человекъ нуженъ мнѣ.

Я простудился и не знаю доживу ли до обѣда, особенно если — выкупаюсь: здѣсь не Манилла. «Скоро, скоро, надъ моей могилой... и т. д.»

Одинъ фактъ такъ и остается необъяснимымъ для меня: какимъ образомъ очутился у Васъ Морской Сборникъ?

Еслибъ Вамъ понадобилось уже вечеромъ къ Бутцу или куда-нибудь зайти, до 9 часовъ, изъясните желаніе — и я къ Вашимъ услугамъ, а равно исполните Ваше намѣреніе воротиться пораньше домой, чтобы я могъ быть и у Краевского³).

Всегда Вамъ преданный *Гончаровъ*.

13 Окт. 55.

М-ме Якубинской — мое почтеніе.

XVIII.

⁴)

17 Окт.

Желаніе быть Вамъ пріятнымъ и заботливость о Вашихъ удовольствіяхъ сдѣлались моею господствующею обязанностію. Но вотъ случай, гдѣ не знаю, какъ и быть. Ложи есть, но Майковы

¹) Разсказъ о пребываніи на Ликейскихъ островахъ, дѣйствительно, напоминаетъ главы «Русскіе въ Японіи». Приписка, вѣроятно, сдѣлана утромъ 12-го октября, а Гончаровъ описался «ноября».

²) Петербургскій фотографъ.

³) А. А. Краевскій, издатель «Отеч. Записокъ».

⁴) Это письмо писано карандашомъ. П. С.

П. С.

П. С.

П. С.

опредѣлили обыкнов[енную] цѣну, а билеты стоятъ вдвое (10 и 15 р. сер.). Меня это не останавливаетъ, но какъ, даже въ глазахъ близкихъ друзей, не нарушая такъ назыв. приличія, купить себѣ право доставить Вамъ удовольствіе? Я сказалъ Старику однакомъ такъ, что если будетъ ложа, то Вы и я заѣдемъ за ними *не позже 6 часовъ* а если нѣтъ, то Вы проведете послѣдній вечеръ въ кругу друзей т.-е. у нихъ. Самъ-же я полагаю распорядиться такъ: заѣду къ Вамъ въ 5 часовъ узнать Ваше мнѣніе объ этомъ щекотливомъ вопросѣ и если Вы захотите ѣхать въ театръ, *не смотря ни на что*, я съѣзжу за билетомъ (билеты будутъ: ихъ неохотно покупаютъ, дороги, а спектакль неизвѣстенъ) и ворочусь за Вами въ экипажѣ, если же Вы пожелаете провести послѣдній вечеръ въ кругу друзей, то не угодно ли отправиться къ Ев[еніи] Петров[нѣ] часу въ седьмомъ: и позволить мнѣ проводить Васъ туда и обратно въ экипажѣ—погода нехороша. (На другой страницѣ) Sic).

Надѣюсь, Вы позволите мнѣ видѣть Васъ хоть четверть часа у Васъ, или въ каретѣ, по дорогѣ къ Ев[еніи] П[етровнѣ] — *нигдѣ больше*: не бойтесь—Богъ съ Вами. Ни умысловъ, *ни стѣи ни птицеловства*, о которыхъ Вы не постыдились намекнуть мнѣ вчера, а есть только одно неосделимое желаніе заслужить Ваше доброе мнѣніе и никогда не терять его, приобрести Вашу дружбу и быть ею счастливымъ.

У меня хандра, хандра. Я Васъ не узналъ вѣра и не понималъ: послѣобѣденная задумчивость, будто бы отъ избытка здоровья, и эти намеки... Утѣшаюсь, что это не Ваше, не въ Васъ выросло, а такъ, навѣяно со стороны, съ намѣреніемъ конечно добрымъ, но излишнимъ въ этомъ случаѣ. Прощайте. Какой у меня несчастный, мнительный характеръ. Не правда-ли? До 5 часовъ.

XIX.

Тотчасъ послѣ Вашего отъѣзда я послалъ къ М-ме Якубинской за салопомъ, но ея цѣлый день не было дома и она прислала салопа на другой день рано утромъ, а я въ ту же минуту отослалъ его къ Г. Соболевскому, который возвратилъ его мнѣ и отвѣчалъ, что «вещей очень много и взять салопа нельзя. Вотъ еслибъ прислали вчера»... Не взять Вашего салопа — гнуснѣе поступка не можетъ быть въ нравственной природѣ человѣка! Я отправилъ сегодня посылку къ Юліи Дмитріевнѣ съ просьбою отослать съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ инженерныхъ офицеровъ въ Москву и доставить къ Вамъ, въ домъ Г-жи Колошиной. Къ этому я приложилъ присланную изъ дома Олсуфьевыхъ какую-то наволочку и принесенныя отъ переплетчика Ваши книги (5 том.) Февалѣ¹⁾ (ужели Вы любите этого автора?) Юлія Дм[итріевна], по добротѣ своей, охотно взялась сдѣлать все, что можно.

Обо всемъ этомъ имѣю честь Васъ увѣдомить.

Всѣмъ безъ Васъ скучно, не скажу — кому болѣе всѣхъ; при всей моей *просвирѣ* къ Вамъ — не могу измѣнить чужому секрету.

¹⁾ Поль Феваль, второстепенный французскій романистъ, однако, пользовавшійся у насъ большою популярностью.

Онъ даже насильственно, почти посредствомъ преступленія, овладѣлъ Вашимъ портретомъ (въ позѣ заданной Николаемъ Ап.). Я сегодня цѣлый день былъ у Евгеніи Петр[овны] и присутствовалъ при этой сценѣ: презабавная. Онъ зашелъ къ Левицкому узнать о портретахъ: они были неготовы, кромѣ сказаннаго. Но подмастерье Левицкаго стеръ подлинникъ со стекла, думая, что онъ не нуженъ, такъ что теперь повторить его, безъ Васъ, нельзя. Онъ взялъ портретъ, принесъ его къ Николаю Аполл[оновичу] и объявилъ, что у него отнимутъ этотъ портретъ не иначе, какъ если «зарѣжутъ или отравятъ его самого, словомъ возьмутъ черезъ трупъ». Потомъ прибавилъ, что, для снятія копій масляными красками, онъ можетъ ссудить портретъ, подъ строгимъ честнымъ слесомъ на нѣкоторое время и потомъ возьметъ къ себѣ. Евг[енія] П[етровна] разсердилась на него, закричала, какъ «онъ смѣетъ брать чужую вещь», а Николай Ап[оллоновичъ] смѣялся и великодушно уступилъ. Евг[енія] П[етровна] замѣтила, что будутъ другіе портреты, зачѣмъ ему именно этотъ. «Этого ни у кого не будетъ,—замѣтилъ онъ,—а тѣ она раздаритъ другимъ»... «Какъ Вы смѣете думать, что она станетъ раздаривать...

(продолженіе впредь) ¹⁾

Я написалъ было на томъ листкѣ цѣлую сцену, но оторвалъ другую половинку и пришлю ее не прежде, какъ если Вы изъясните желаніе читать дальше и если увѣрите, что письма доходятъ до Вашихъ рукъ прямо и непосредственно. Это пужно знать потому, что въ описываемой мною сценѣ заключается, какъ Ваша характеристика, такъ и другихъ лицъ оставленнаго Вами небольшого кружка друзей, которые, можетъ быть, не захотѣли бы, чтобъ о разныхъ чертахъ ихъ характера знали другіе, кромѣ Васъ. Напишите же, долго ли Вы остаетесь въ Москвѣ, прислать ли Вамъ продолженіе письма и посылать ли по Московскому адресу?

Теперь скажу что было въ этомъ кружкѣ въ эти два дня послѣ Вашего отъѣзда. Я знаю, что всѣ мелочи и подробности о тѣхъ, кого Вы любите, интересны для Васъ и потому не боюсь писать о нихъ, и притомъ они такого рода, что не обнаруживаютъ никакихъ странностей и особенностей въ характерѣ Вашихъ друзей, такъ, что если о нихъ прочтутъ и другіе, кромѣ Васъ, то имъ обидѣться нельзя. Въ день Вашего отъѣзда вечеромъ я былъ у Н. ²⁾, гдѣ собралось человѣкъ пятнадцать литераторовъ; пришелъ Аполлонъ и прочелъ свое *Подражаніе Данту*. Вы помните это прекрасное стихотвореніе, но только тогда была одна половина, онъ прибавилъ другую, гдѣ сильно говорить о злоупотребленіяхъ, ворахъ и невѣжествѣ въ нашей родной странѣ и о томъ, какъ внѣшній видъ порядка и строгости прикрываетъ все это. Сказанное въ Дантовскомъ тонѣ — это выходитъ величаво-мрачно и правдиво. Жаль, что напечатать этого нельзя, но по рукамъ это стихотвореніе разоидется быстро. ³⁾ Я берусь взять эти стихи у Аполлона, лишь только онъ обработаетъ ихъ окончательно, велю переписать и пришлю Вамъ. А Вы мнѣ что за эту неуывающую память и мысль о Васъ, за непрестанное вниманіе,

¹⁾ Этотъ листокъ разорванъ пополамъ. «Продолженіемъ» служить «*Рoug и contre*» (см. дальше). П. С.

²⁾ Можетъ-быть, у Некрасова. П. С.

³⁾ Къ сожалѣнію, этого стихотворенія нѣтъ и въ послѣднемъ «полномъ» собраніи сочиненій А. Н. Майкова. Сохранилось ли оно? П. С.

за отеческую попечительность о Вашихъ удовольствіяхъ? — Хотѣлъ было я послать Вамъ свой портретъ и былъ у Левицкаго, но струсилъ: мысль, что будете смѣяться надо мной, да еще не однѣ..... По подобной же причинѣ не далъ и porte-cigare, хотя считаю ее Вашею.

Тургеневъ, у котораго я былъ вчера, спрашивалъ меня: «скажите, какая прекрасная женщина живетъ у Майн[овыхъ] и можно ли тамъ увидѣть ее?» Я показалъ ему шишъ. Вчера у Евг[еніи] Петр[овны] обѣдала Юлія Дм[итріевна], Старикъ съ женой (они вдвоемъ ушли въ оперу, въ Ломбардовъ), вечеромъ пришелъ Аполл[онъ] съ Анной Ивановной. Нужно ли говорить, какъ живо присутствовали вы въ воспоминаніяхъ, какъ говорили о Васъ, какъ вырывали у чудака Вашъ портретъ изъ рукъ и какъ онъ энергически защищалъ его.

Обратите вниманіе на оторванный листокъ: памятенъ-ли онъ Вамъ?

Прощайте. Зачѣмъ не могу сказать — до свиданія.

Всегда Вашъ *Гончаровъ*.

20 Октября 1855. Четв.

Браслетъ Вашъ и пряжку возьму сегодня и отдамъ Николаю Ап[оллоновичу].

У меня теперь составила, кажется, отчетливая идея о Васъ, но увы, съ какими недостатками! Идеаль мой сильно страдаетъ. Запишу эту идею, и если пожелаете, то пришлю.

XX.

25 Октября 1855. Вторникъ.

Какъ благодарить Васъ, изящнѣйшій, нѣжнѣйшій другъ, за торопливую, милую вѣсть о себѣ? Кинуться Вамъ въ ноги и въ умиленіи поцеловать одну изъ пихъ, а буде можно, то и обѣ — Вы не вселите, находите это униженіемъ, а я вижу тутъ только пониженіе, взять одну изъ Вашихъ рукъ и почтительно-страстно приложиться къ ней: пальцы закованы въ броню колець, которыя охлаждають пылъ поцалуя. Заплакалъ бы отъ радости, да кругомъ все чиновники, я на службѣ былъ (когда пришло письмо), подумаютъ, не рехнулся-ли я. Но Вы поймете и безъ всего этого, какъ я радъ: faut-il encore mettre les points sur lesii? Но не думайте однакожь, что Вы первая вспомнили обо мнѣ, а не я первый къ Вамъ: доказательство должно быть давно въ Вашихъ рукахъ — это мое письмо, другое доказательство на Вашихъ плечахъ — это салоппъ, третье — въ Вашихъ глазахъ: это книги. Вы не подозрѣвали конечно, что на встрѣчу Вашему письму неслось уже мое, не чувствовали, что за Вами помчалась моя неотступная мысль, летала, какъ докучливая муха, около поѣзда, врывалась нескромно въ семейный вагонъ, тревожно отыскивала Васъ среди узловъ, мѣшковъ, ребятъ, старыхъ и молодыхъ княгинь, успокоивалась подлѣ Васъ часъ, два, потомъ усталая, измученная летѣла въ столь любимый Вами Петербургъ и теперь ревниво допытывается, къ кому направлены Ваши, наиболѣе горькія сожалѣнія, о комъ были Ваши слезы?.. Нѣтъ, не догнать, не предупредить и не опере-

дить Вашей дружбѣ мою, не переспорить меня въ этомъ. Ваша дружба — какъ легкій, прохладный вѣтерокъ въ лѣтній день, нѣжить, щекочетъ нервы, пріятно шевелить ихъ, какъ струны, и производитъ музыку во всемъ организмѣ. Моя — какъ воздухъ проникаетъ всюду, всего касается, заходитъ въ легкія: надо уйти на дно морское, чтобъ защититься отъ него. Хорошо, еслибъ сна сдѣлалась такою же необходимостью для Васъ, какъ воздухъ, чтобъ Вы не пожелали, въ защиту отъ него, обратиться въ рыбу. «Вы плакали», пишете Вы, а о чемъ? Можетъ быть съ досады, что я, по эгоизму, не досталъ билета на спектакль въ прошлый понедѣльникъ?.... Des choses les plus sûres etc. Нѣтъ, прочь этотъ скептический девизъ, по крайней мѣрѣ теперь, когда мнѣ весело. Знаете, какъ мнѣ жаль, что я не видалъ Вашихъ слезъ никогда: мнѣ не достаеъ ихъ для полноты очерка всей Вашей физиономіи. Еслибъ Вы были здѣсь, я готовъ бы былъ разобидѣть Васъ, чтобъ Вы заплакали, чтобъ поглядѣть, какъ изъ Вашихъ глазъ «сыплются эти перлы» сказалъ бы поэтъ, и то восточный. Особенно хотѣлось бы видѣть эти слезы, о которыхъ Вы пишете, сосчитать, сколько ихъ пролито вообще, досталось ли на мою долю, и если досталось, то сколько именно. Смекните на досугъ и увѣдомьте объ итогѣ поаккуратнѣе. Вы отвѣчаете на это всегда, что «слезы портятъ лицо, глаза красны» etc. Да Боже мой: развѣ только хороши сухіе и ясные глаза? Рисовать — такъ, но чтобъ не забывать никогда такихъ глазъ, какъ Ваши, нужно изрѣдка видѣть ихъ плачущими. Вы знаете — къ чему проводникъ — слезы, но Вы не хлопотали о томъ, чтобъ я не забывалъ Вашихъ глазъ, отъ того конечно никогда и не показывали слезъ.

Не подозревали Вы и того, что Вы едва успѣли миновать Тверь, а у меня въ головѣ, не правда, въ душѣ созрѣлъ уже планъ прилагаемой при этомъ главы романа, Вы еще не оглядѣлись въ Москвѣ, а планъ былъ уже набросанъ на бумагу, теперь переписывается и завтра посылается къ Вамъ, — не того романа, который долженъ быть готовъ черезъ полтора года во имя Ваше, а того, который начался въ душѣ героя и, Богъ вѣсть, когда кончится ¹⁾. Это одна изъ больных,¹ жалкихъ страницъ романа: за что на Васъ ляжетъ печальная обязанность читать ее. Дружба героя тяжела. Я даже въ сомнѣніи, посылать ли эту исповѣдь героя; довольно безобразную, какъ рана, которую чловѣкъ рѣшается показать другу только потому, что надѣется возбудить ея не отвращеніе, а участіе. У героини много власти — во взглядѣ, въ голосѣ, въ словѣ: за отсутствіемъ двухъ первыхъ, благотворно можетъ дѣйствовать послѣднее и уже подѣйствовало. Посылаю еще и потому, что Васъ это можетъ позабавить, заставить не разъ улыбнуться, а мѣстами Вы не безъ участія увидите, какъ мучительно герой допытывается узнать героиню до самой маленькой веснушки на лицѣ, до крошечнаго пятнышка на совѣсти, чтобы любить ее, или безъ сомнѣній, или прояснить ихъ, и любить со всѣми пятнышками и веснушками. Ужели Вы безъ любопытства посмотрите на эту борьбу, изъ которой ему выйти поможетъ только — или забвеніе имъ героини, или ея горячее уча-

¹⁾ Романъ, «который долженъ быть готовъ черезъ полтора года во имя Ваше», это—«Обломовъ», а «планъ прилагаемый при этомъ главы романа», это—«Pour и contre», помѣщаемое нами ниже.

стіе. Я тоже принимаю участіе въ героѣ: мнѣ жаль его. Того участія, котораго ему недоставало въ жизни, онъ ужъ не найдетъ и ему предстоитъ одинокая и печальная старость. Позади у него мало добраго: онъ увлекался иногда безъ пути и толку и часто страдалъ отъ того, что черезъ чуръ добросовѣстно смотрѣлъ Богъ знаетъ на что. Вотъ источникъ его сомнѣній.

Прежде нежели скажете что-нибудь о самомъ отрывкѣ, не скажете ли, если можно поскорѣе, о томъ, что Вы его получили. Сегодня я взялъ Вашъ браслетъ и булавку: отдамъ ихъ Никол[аю] Апол[лоновичу] который будетъ отправлять портреты. Я ужъ писалъ, что я насильно взялъ одинъ изъ нихъ, но его на время отнимають у меня, чтобъ сдѣлать новую фотографію. Я возьму себѣ еще оттискъ съ послѣдняго портрета, онъ хорошъ, и все это спрячу въ глубину бюро.

Записку Вашу я получилъ не въ Пятницу, 21-го, какъ Вы думали, а сегодня, 24-го; пришла она 22-го, но вчера и третьяго дня, по случаю праздниковъ, я не былъ на службѣ и письмо ждало меня. Напрасно говорите, чтобъ я не показывалъ ее, я не покажу ни второй, ни третьей, ни сотой, если она будетъ. Поступайте такъ и съ моими письмами. За вѣрный адресъ благодарю, но вѣренъ ли онъ: прихода не означено. Мой адресъ, какъ я вижу, Вы, по обыкновенію своему, потеряли, да я бы и удивился, еслибъ онъ уцѣлѣлъ, а на память Вы Богъ знаетъ чего написали, много лишняго. Ни министерства, ни титула моего не нужно. Прилагаю особо на бумажкѣ, какъ надо писать.

Пришла моя очередь удивляться и восхищаться Вашими записками. Грація ли Вашего ума, или нѣкоторая, рѣдко проявляющаяся въ Васъ теплота чувства подкупають меня, только я не начитаюсь письма. Не избалуйтесь моимъ отзывомъ и пишите съ тою же искренностію и простотой, съ какой Вы вообще держите себя въ отношеніи въ друзьямъ Вашимъ.

Зачѣмъ это Вы уѣхали отсюда? Или бы Вы не пріѣзжали, а если пріѣхали, то не уѣзжали бы никогда. Это напомнить Вамъ немного уроки Степ. Сем., Римскую исторію и отзывъ Римлянъ объ Августѣ т.-е. извѣстную дилемму. — Вы общаете мнѣ письмо — сколько надеждъ и радостей! Потомъ, можетъ быть, отвѣтите на отрывокъ — отрывкомъ-же? Да? Буду ждать.

Здѣсь началась обыкновенная жизнь, какая была до Васъ: да что въ ней? Никуда и ничего не хочется. Я ужъ уклонился отъ нѣсколькихъ вечеровъ и обѣдовъ. Теперь вечеръ: я не выходилъ, пишу и не скучаю. Этого со мной давно, да, кажется, никогда не случалось.

У Майковыхъ все тоже. Вчера въ Воскр. особенно живо вспомнили Васъ. Были Кошевскій и Михайловъ. Пѣли между прочимъ *Птичку*, даже двухъ, старую и новую. Мих[айловъ] пѣлъ извѣстный Вамъ романсъ изъ *Риголетто*. Ко мнѣ время отъ времени подходили Евг[енія] П[етровна], Старушка, съ вопросомъ: отъ чего я мраченъ, апатиченъ, неподвиженъ, а другіе замѣчали просто, что я «толстъ»¹⁾. У меня вертѣлся на языкѣ каламбуръ, что я «толстъ»¹⁾ совсѣмъ, но я умолчалъ. Хотѣлъ быть Тург[еневъ], да обманулъ, были Лъховъ., Конст. Ап., Дудышкинъ,²⁾ Солониц.³⁾

¹⁾ Намекъ на фамилію Елизаветы Васильевны.

²⁾ С. С. Дудышкинъ.

³⁾ Вл. Андр. Солоницынъ, родственникъ Майковыхъ, игравшій въ ихъ семьѣ большую роль.

П. С.

П. С.

П. С.

и больше никого. Передъ ужиномъ я поссорился съ Евг[еніей] П[етровной], а за ужиномъ со Старушкой. Евг[енія] П[етровна] спросила меня «о чемъ она думаетъ». «Объ ужинѣ, не перегорѣло ли жаркое», сказалъ я, потому что въ это время накрывали на столъ. «Что я, кухарка, что-ли», возразила она. «Гостепріимная хозяйка», отвѣчалъ я и поспѣшилъ испросить прощенія, съ поцалованіемъ руки. А со Старушкой мы тихонько заспорили о томъ, гдѣ Вы сидѣли за ужиномъ: она говорила, что по лѣвую руку Евг[еніи] П[етровны], а я утверждалъ, что по правую. Обратились въ Евг[еніи] П[етровнѣ]. «Маменька забыла», сказала Старушка и вмѣсто того, чтобъ спросить, гдѣ сидѣла Е[лизавета] В[асильевна], спросила: «неправда ли, тата, она здѣсь сидѣла»? Евг[енія] П[етровна] согласилась съ ней. Такой вопросъ показался мнѣ недобросовѣстнымъ и я назвалъ это «кошачьимъ поступкомъ». А Старушка упрекнула меня, что въ моемъ характерѣ исчезла мягкость и доброта съ нѣкоторыхъ поръ, что я былъ очень хорошъ, а теперь нѣтъ. И человекъ мой тоже говорить. Но съ утра сегодня я опять подобрѣе. Вчера былъ еще Бенедиктовъ ¹⁾. Аполлонъ опять читалъ *Подражаніе Данту* и опять произвелъ большой эффектъ. Въ самомъ дѣлѣ — это очень хорошо. ²⁾

Что за погода: дождь льетъ, слякоть. Это право отъ того, что Вы уѣхали. Воспоминаніе о конфектахъ преслѣдуетъ меня до сихъ поръ: ложный стыдъ появиться съ коробочкой и навлечь нѣсколько насмѣшекъ удержалъ меня отъ удовольствія — угодить Вамъ. Нѣтъ, видно еще я мало люблю Васъ. Теперь не могу мимо кондитерской равнодушно пройти. Какъ-нибудь постараюсь прислать — да какъ? Съ Кладбищевымъ ³⁾ не пошлю — съѣсть: зачѣмъ это онъ туда ѣдетъ. Это все Вы виноваты.

Дайте ручку, объ — и прощайте пока. Вашъ вѣрный, вѣрный и преданный другъ

Гончаровъ.

Глупо письмо: гдѣ-жъ взять ума? вѣдь Васъ ужъ нѣтъ. При Васъ у меня были какія-то крылья, которыя отпали теперь.

XXI.

28 Октября 1855.

Я бы ни за что не рѣшился надоѣдать Вамъ этимъ, по счету третьимъ письмомъ, еслибъ Евг[енія] П[етровна], у которой я вчера провелъ вечеръ, и бывшія тамъ Екат[ерина] Паг[ловна] (старушка), Ю[лія] Д[митріевна] и Анна Ив[ановна] не осыпали меня вопросами, отъ чего отъ Васъ нѣтъ ни письма, ни вѣсти? «Не знаю», отвѣчалъ я. «Не получили ли Вы чего нибудь?» «Нѣтъ-дескать, не получилъ.» Всѣ заключили, что Вы вѣроятно отдаете письма на обыкновенную почту, отъ чего они и идутъ нѣсколько дней, почти не-

¹⁾ Поэтъ В. Г. Бенедиктовъ.

П. С.

²⁾ См. въ предыдущемъ письмѣ, отъ 20 окт. 1855 г.

П. С.

³⁾ «Другъ дѣтства» Елизаветы Васильевны; въ «Pour и contre» онъ также въ насмѣшку называется Мертвецовымъ.

П. С.

дѣлю, тогда какъ отдаваемые прямо на станцію желѣзной дороги — до половины одиннадцатаго — идутъ въ тотъ же день, а приходятъ на другія, много на третьи сутки. Я, на основаніи своего скептическаго девиза, подумалъ, или лучше сказать, не могъ не допустить въ головѣ своей другаго предположенія, и именно, что можетъ быть Московскіе друзья, о которыхъ Вы отзывались, съ такимъ добрымъ чувствомъ, исгладили (sic) нѣсколько изъ памяти здѣшнихъ, а можетъ быть и бѣжавшій какой-нибудь отсюда другъ отвлекаетъ Ваше вниманіе отъ этого, недавно еще Вамъ милаго Петербурга. Но все равно, что бы тамъ ни было, а это печальное обстоятельство т.-е. не полученіе отъ Васъ писемъ дало мнѣ поводъ вынуть изъ бюро Вашъ портретъ, поставить противъ себя и вотъ эдакъ съ Вами бесѣдовать. Доведя до свѣдѣнія Вашего, нѣжнѣйшій (по цвѣту лица, по крайней мѣрѣ) другъ нашъ Е[лизавета] В[асильевна], объ этомъ участіи небольшого кружка Вашихъ поклонниковъ и поклонницъ во всемъ, что до Васъ касается, упомяну между прочимъ и о томъ, что послѣдній, заказанный Вами портретъ уже готовъ, но только вчера утромъ могъ быть выданъ, за отсутствіемъ солнца, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ я, по данному Вами дозволенію, взялъ себѣ, а другой передалъ Николаю Ап[оллоновичу], который, по полученіи отъ Васъ письма, пришлетъ его къ Вамъ, вмѣстѣ съ отданнымъ мною вчера Евгенію П[етровнѣ] браслетомъ и большою булавкою. Сходства много, но Вы на портретѣ годами пятью старше—и потому гдѣ тутъ Вашъ, сіяющій умомъ и добротой взглядъ, гдѣ мягкость линий, такъ гармонически сливающихся въ волшебныхъ краскахъ румянца, бѣлизны лица и блеска глазъ? Этого нѣтъ, но все дополняется памятью сердца, многими неизгладимыми слѣдами Вашего присутствія, словомъ Вы живете здѣсь между друзьями и долго будете жить силою красоты наружной и внутренней. Аминь.

Мы оба съ Ник[олаемъ] Ап[оллоновичемъ] въ одно утро, только часомъ раньше одинъ другаго, заходили за портретами и обоимъ намъ Лев[ицкій] горько жаловался на «друга Вашего дѣтства», что онъ заѣзжалъ къ нему вечеромъ и «этотъ мальчишка, какой-то корнетикъ, фатъ, дрянъ» (его выраженія)... тутъ онъ называлъ такъ же его фамилію, какъ и я называю, «нашумѣлъ, накричалъ, чтобъ ему отдали портреты, заносчиво требовалъ, чтобъ прислали ночью, что работаютъ дурно, зачѣмъ это не готово, онъ ѣдетъ и т. п.» Лев[ицкій] отвѣчалъ, что еслибъ портреты и были готовы, то онъ ихъ не отдастъ, потому что, безъ приказанія, женскихъ портретовъ никому не отдаетъ, что онъ знаетъ только Майк[ова] да Г[ончарова], знакомыхъ съ нею, и отдастъ имъ, а не ему. «Я не хочу знать ни Май[кова], ни Г[ончарова], возопилъ другъ дѣтства, я ѣду, зачѣмъ не готово? Да скажите М[айкову], чтобъ онъ прислалъ мнѣ какой-то салопъ. Эти бабы!...» заключилъ онъ съ досадою. Это — подлинныя слова, переданныя Л—мъ мнѣ и Ник[олаю] Ап[оллоновичу].

«Напишите пожалуйста объ этомъ Лизѣ, если станете писать прежде насъ», сказала мнѣ вчера Евг[енія] П[етровна]. «Зачѣмъ? мнѣ бы не хотѣлось, лучше Вы сами, если находите нужнымъ». «Нѣтъ, Вы», настаивала она. «Я сама не скоро соберусь писать». «Такъ, по крайней мѣрѣ, нельзя ли къ этому присовокупить отъ Васъ какой-нибудь совѣтъ, чтобъ она была осторожнѣе въ выборѣ поручителей, или вообще друзей, что-нибудь такое, а иначе

зачѣмъ ей знать».... «Это само собой разумѣется». «Хорошо, я напишу, но прибавлю, что дѣлаю это по Вашему порученію». «Да». «Не прибавить ли и того, что въ дѣтствѣ можно шалить вмѣстѣ, играть, драть другъ друга за уши, и не имѣть ничего общаго, выросши?» «Не мѣшаетъ». «что надо вѣрить не въ титулъ друга, а въ личность его, что не надо любви и довѣрія къ друзьямъ дѣтства обращать въ *principes*, въ этомъ добродѣтели никакой нѣтъ, а удостоивать этихъ благъ достойныхъ, съ строгою разборчивостію, что иногда изъ друга дѣтства, котораго лѣтъ 10 (минусъ 10 же) не видишь, могъ выйти»..... «Хорошо, хорошо», говорила она. «что можно быть очень представительнымъ въ салонѣ, на парадѣ, казать себя лицомъ, какъ товаръ, и быть другимъ въ другомъ мѣстѣ?» «Да, да».

Сообщаю Вамъ объ этомъ единственно по желанію Евгеніи П[етровны] и еще болѣе потому, что, можетъ быть, по ея предположенію, Вы извлечете изъ этого для себя маленькій опытъ. Она, какъ и всѣ здѣсь друзья Ваши, не только любятъ Васъ, но и уважаютъ: иначе, ни одною любовью, безъ уваженія, ни однимъ конечно и уваженіемъ, безъ любви, такого общаго благопріятнаго впечатлѣнія сдѣлать нельзя, какое сдѣлали Вы. Всѣ тронуты Вашей красотой, изяществомъ, добротой и умомъ, всѣмъ, чѣмъ надѣлили Васъ такъ щедро *le hasard*, но вмѣстѣ не менѣе тронуты и достоинствомъ, съ какимъ это все Вами поддерживается. Отъ этого вѣроятно Евг[енія] П[етровна] и даетъ Вамъ эти, по ея мнѣнію, нелишніе совѣты и предостереженія.

Исполняя желаніе Евг[еніи] П[етровны], я излишнимъ считаю присовокуплять, по Вашему уму и такту (Вы однажды за такое предостереженіе, ужъ разсердились на меня), что обо всемъ сказанномъ по поводу «друга дѣтства» не надо рассказывать и писать никому и ничего, потому что Лев[ицкій] передавалъ это, не подозрѣвая нисколько, что это гдѣ-нибудь повторится. Не совѣтую спрашивать (*sic*) и даже подавать видъ и самому «другу» и кузинѣ тоже, а примите это только такъ, къ свѣдѣнію, а письмо это уничтожьте.

Не забудьте же написать Евгеніи П[етровнѣ], какъ и куда нужно прислать портретъ: если Вы не знаете ихъ адреса, то вотъ онъ: *На Большой Садовой, противъ Юсупова сада, въ домѣ бывшемъ Адама, нынѣ*—не знаю чей, (это все равно, найдутъ), *входъ съ Садовой*; не забудьте слово черкнуть Юліи Дм[итріевнѣ], полслова Старушкѣ, поклонъ Аннѣ Ив[ановнѣ] (это уже мои совѣты). Всѣмъ имъ это очень будетъ пріятно. Сдѣлаю даже маленькую сплетню, скажу Вамъ на ушко, что всѣ немного *удивились*, что росписка въ полученіи салопа прислана, а письма нѣтъ. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что кондукторъ съ салопомъ вѣроятно торопиль Васъ, что доказываетъ и росписка, данная на первомъ попавшемся клочкѣ.

Сдѣлать еще маленькую сплетню? извольте: для Васъ чего не сдѣлаю? Одна очень добрая особа замѣтила: «зачѣмъ это она ѣдетъ съ нимъ: мнѣ это не нравится?» Я, въ оправданіе, долженъ былъ сказать, что *онъ*, кажется, интересуется видѣть *другую*, а потомъ прибавилъ, что вѣдь она ѣздила иногда здѣсь съ другимъ домой, или изъ дома... «По городу, 2 версты, а не 100 верстъ, и потомъ не съ 20 лѣтнимъ мальчишкой и наконецъ»..... Тутъ этому другому сказанъ былъ комплиментъ, который скучно по-

вторять. Надѣюсь, Вы не разсердитесь на меня за это эхо, какъ и за всѣ другія эхи: Вы сами сказали — пишите все — и увѣрили, что я все-таки буду «пріятень». Посмотрю, такъ ли это. Надѣюсь, что если это письмо и не застанетъ Васъ въ Москвѣ, то его перешлютъ Вамъ въ деревню. Прощайте.

Что, если вдругъ отъ Васъ завтра письмо придетъ? Это ничего, что на него опять къ Вамъ скоро придетъ отвѣтъ? Вы скажите откровенно, если это Вамъ не нравится, я тотчасъ замолчу и какъ въ воду кану.

Семейство архитект. Штакельшн.¹⁾, которое Вы видѣли, пожелало, чтобы Евг[енія] П[етровна] привезла къ нимъ меня: она дала слово и Боже мой, какъ убѣждаетъ меня ѣхать въ ту субботу: кажется, я поѣду: что сказать отъ Васъ горбунѣ съ умнымъ лицомъ?

Тепл.²⁾ никакъ не можетъ добиться, чтобъ кто-нибудь пошелъ къ нему: Майк[овы] нейдутъ, звалъ меня съ Яз.³⁾ —нейдемъ, звалъ Дуд[ышкина], Кр[аевскаго] и меня —нейдутъ. — У Е[вгеніи] П[етровны] Воскресенья будутъ — черезъ Воскресенье: надоѣдаетъ каждый разъ. — Извините, что такъ пишу, да просто извините, что пишу: вполнѣ надѣюсь на Вашу снисходительную просвиру ю мнѣ. Сегодня взялъ перо единственно затѣмъ, чтобъ предупредить Васъ насчетъ ожидаемыхъ Майковыми писемъ. А то право рѣже буду писать, можетъ быть, и совсѣмъ не стану, чтобъ не наскучить.

Господинъ съ птичьимъ лицомъ (по Вашему злому замѣчанію) — былъ въ Воскресенье у М[айковыхъ], конечно въ надеждѣ видѣть кого-то, но увы! Что это, всѣ сокрушаются о Васъ: только я одинъ — ничего. Я сказалъ Евгеніи П[етровнѣ], что я такъ и къ Вамъ напишу т.-е. что мнѣ одному только не скучно. «Да, повѣритъ она Вамъ!» были ея слова.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

¹⁾ Архитекторъ А. И. Штакельштейдеръ. Съ его семьей былъ очень близокъ и В. Г. Бенедиктовъ.

²⁾ Можетъ-быть, Тепляковъ Алексѣй Григорьевичъ, братъ Виктора Григорьевича († 1842 г.), автора «Оракійскихъ элегій».

³⁾ Вѣроятно, Н. М. Языковъ.

П. С.

П. С.

П. С.

Матеріалы для исторіи руссской журналистики.

Архивъ В. А. Гольцева.

Наслѣдники В. А. Гольцева любезно предоставили намъ возможность ознакомиться съ обширнымъ архивомъ покойнаго редактора «Русской Мысли». Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями «Гол. Мин.» тѣми свѣдѣніями, которыя мы вынесли изъ этого ознакомленія.

Архивъ заключаетъ въ себѣ большое количество писемъ писателей, ученыхъ, публицистовъ и общественныхъ дѣятелей среди коихъ встрѣчаются имена: Н. Анненскаго, В. Ключевского, В. Короленка, Лесевича, Мачтета, Мельшина-Якубовича, Н. Михайловскаго, Вл. Соловьева, Гл. Успенскаго, Н. Чернышевскаго, А. П. Чехова, Н. Шелгунова, А. Эртель и др.

Нѣкоторая, весьма незначительная, часть писемъ была уже напечатана въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева». М. 1910 г. — большинство же до сихъ поръ не опубликовано.

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ, послѣ закрытія «Дѣла» и «Отечеств. Записокъ», — «Русс. Мысль» являлась наиболѣе подходящимъ журналомъ ¹⁾, гдѣ нашли себѣ временный пріютъ, оставшіеся не у дѣлъ Н. Михайловскій, Гл. И. Успенскій, Н. Шелгуновъ и гдѣ началъ свою литературную карьеру В. Короленко.

Но, все же, «Русс. Мысль», не смотря на то, что во главѣ ея стоялъ В. А. Гольцевъ, не могла замѣнить Гл. Успенскому, а тѣмъ болѣе Н. Михайловскому «Отечеств. Записокъ», не могла привлечь въ свою редакціонную семью В. Короленка. Во главѣ «От. Зап.» стояли люди, смотрѣвшіе на литературу, какъ на общественное служеніе. Само собой разумѣется, такого отношенія къ журналу нельзя было требовать отъ издателей «Русс. Мысли», людей почтенныхъ прогрессивнаго образа мыслей, но далекихъ отъ взглядовъ и традицій «Отеч. Записокъ». Такимъ образомъ, хотя В. А. Гольцевъ и состоялъ фактическимъ редакторомъ «Русс. Мысли», но все же долженъ былъ считаться съ намѣреніями и взглядами издателей, что не могло не отразиться на фізіономіи журнала. И тѣмъ не менѣе В. А. Гольцеву удалось привлечь къ участию въ журналѣ выдающихся писателей и ученыхъ, съ коими у него до самой смерти сохранились самыя теплыя и сердечныя отношенія.

«Надѣюсь, Викторъ Александровичъ, писалъ Гл. Ив. Успенскій 22 янв. 1890 г. — что мое огорченіе, высказанное при встрѣчѣ съ Вами у Н. К. М. ²⁾, о безжалостномъ поступкѣ со мной ред.

¹⁾ «Сѣв. Вѣстн.» возникъ въ 1885 г.

²⁾ Михайловскій.

«Русской Мысли», — не принято и не понято Вами как упрек, относящийся лично къ Вамъ. Нѣтъ, я отъ Васъ видѣлъ всегда только добро, только искреннее вниманіе къ моимъ просьбамъ, довольно часто, — весьма затруднительнымъ. Но тѣмъ не менѣе «Русская Мысль» — неразъ поступала со мной безъ малѣйшей церемоніи, разъ только въ ней въ отношеніяхъ къ писателямъ начиналъ по практическимъ причинамъ преобладать практическій элементъ. Имѣть имя писателя, и изуродовать содержаніе его произведенія, и дѣлать это виду подписки, — это испытано мною въ весьма достаточной степени. Вы сами знаете, что практическія соображенія, — рѣшительно Васъ не касаются, — по что они касаются другихъ дѣятелей «Русской Мысли» — это несомнѣнно. Въ видахъ того, чтобы мирно и тихо покончить непріятныя отношенія, возникшія между мной и «Русской Мыслью» въ настоящее время, а также и для того, чтобы снять съ редакціи журнала упрекъ читателей въ помѣщеніи безсмысленнѣйшихъ страницъ, только потому, что подъ ними подписано «извѣстное» имя, — я прошу Васъ обсудить слѣд. мое предложеніе.

Далѣе Глѣбъ Ивановичъ излагаетъ способъ погашенія долга «Русс. Мысли», который, кстати сказать, былъ обезпеченъ расписками Госуд. банка. Необезпеченнаго долга, по подсчету Успенскаго оставалось 252 р. 63 к. «Эти деньги, — пишетъ Г. И. — предполагаю я, зачтутся въ рассказъ «Выдался денекъ», и тогда я совсѣмъ не буду ничего долженъ. Но этихъ денегъ я не возьму, а прошу для общей пользы употребить ихъ такимъ образомъ. Необходимо отпечатать вновь тотъ 1 листъ, который занимает мой рассказъ ¹⁾ (отъ 203 до 218 стр.) въ исправленномъ и дополненномъ видѣ и приложить его къ февральской книжкѣ, сдѣлавъ такое примѣчаніе:

Для переплетчика. Въ виду поспѣшности печатанія 1-ой книжки въ нѣсколько страницъ 13 и 14 листа, вкралась весьма значительная корректурная ошибка. При настоящемъ № прилагаются тѣ же страницы, исправленные, — чтобы при переплетѣ замѣнить ими тѣ же страницы въ № 1 «Р. М.». Этимъ до крайности простымъ способомъ совершенно прекратится всякая возможность порицанія со стороны читателей, какъ меня такъ и редакціи... Писать теперь я не могу, но быть-можетъ, если только оживетъ мой больной мозгъ, — современемъ я и сдѣлаю что-нибудь».

Такія же огорченія пришлось испытать Гл. И. Успенскому и въ 1885 г., когда редакціей «Р. М.» была такъ же искажена статья его по поводу отчета тюремнаго вѣдомства. См. «Р. М.» 1885 г. № 9.

«У меня было начало, середина и конецъ. Чутаемъ въ письмѣ къ Гольцеву отъ 29 сентября 1885 г. Начало и середину можно напечатать, а конецъ почему то могъ все это разрушить. Раздѣлять этого я не могу»... Я остаюсь при своей аргументаціи, а изд. «Русс. М.» при своемъ правѣ вычеркивать то, что по ея мнѣнію слѣдуетъ вычеркнуть»...

Редакціей «Р. М.» была вычеркнута страница съ цифровыми выкладками Гл. Ив.—ча о составѣ тюремнаго населенія. Выкладки эти, по мнѣнію В. А. Гольцева, могли подорвать всю аргументацію статьи. Большое письмо Гл. Успенскаго, въ которомъ онъ отстаиваетъ правильность своей точки зрѣнія, будетъ напечатано въ от-

¹⁾ «Выдался денекъ!» Р. М. 1890 г. кн. I.

дѣльномъ изданіи «Архива» В. А. Гольцева. Замѣтимъ лишь, что вычеркнутая въ «Р. М.» сграница не была восстановлена въ огдѣльномъ изд. соч. Успенскаго.

Не яло огорченій испытывали сотрудники «Р. М.» изъ-за цензурныхъ соображеній редакціи.

«Простите, дорогой Викторъ Александровичъ, писалъ Н. Михайловскій въ 1891 г. г. Гольцеву, но мнѣ непонятенъ Вашъ упрекъ, что я «не хочу войти въ положеніе редакціи». Напротивъ, совершенно вхожу. Поэтому и статьи свои писалъ съ величайшей осторожностью... редакція же дѣйствительно не желаетъ войти въ мое положеніе.

Я самъ былъ редакторомъ и знаю, что когда авторъ живетъ въ двухчасовомъ разстояніи ¹⁾, то ему можно не дѣлать такихъ сюрпризовъ, какой редакція сдѣлала мнѣ. Затѣмъ Ваша мотивировка урѣзанія текста статьи ничего мнѣ собственно не уяснила особенно когда я получилъ этотъ отрѣзанный хвостъ. Въ статьѣ вѣдь оставались разсужденія о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ. Отрѣзаны же отрицательные, неодобрительные отзывы о литературѣ конца 60-хъ годовъ, о легкомыслии зайцевскихъ объ ребячествахъ «Русскаго Слова» и проч. Я увѣренъ, что этотъ хвостъ даже скрасилъ бы статью въ цензурномъ смыслѣ. За всѣ 15 лѣтъ моей работы въ «Отеч. Зап.», журналъ *ни разу* не получалъ неприятностей изъ за моихъ писаній, не смотря на общее неблагосклонное отношеніе ко мнѣ начальства вообще и цензуры въ частности. И я льстилъ себя очень въ сущности нелестною увѣренностью, что *умѣю* писать даже о щекотливыхъ вещахъ. Оказывается, что еще не выучился или разучился. Я бы и поучиться радъ, но, при всемъ стараніи не могу отыскать въ отрѣзанномъ хвостѣ ничего нецензурнаго. Значить, и на будущее время не думаю приладиться».

Въ то-же приблизительно время по поводу опасеній редакціи «Р. М.» за статью о книгѣ Скабичевскаго ²⁾, Н. К. Михайловскій писалъ Гольцеву: «Я не думаю, дорогой Викторъ Александровичъ, чтобы опасенія редакціи были основательны. Я говорю о Ч., Д. и П. въ связи съ книгой Скабичевскаго, благополучно просѣянной цензурой, говорю при томъ же исключительно объ ихъ отношеніи къ искусству. Но конечно я могу ошибаться, а редакціи дѣло виднѣе. Для меня же изъ всего этого выводъ такой: я затѣялъ невозможный планъ и потому прекращаю его выполненіе».

Такихъ писемъ, характеризующихъ въ одинаковой степени и русскую цензуру, и вынужденную приспособляться къ ней журналистику въ архивѣ Гольцева не мало. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что московская цензура, не смотря на всю свою «простоту» до ставляла гораздо больше хлопотъ издателю, чѣмъ цензура петербургская. Слишкомъ уже большое значеніе всегда имѣло въ Москвѣ личное усмотрѣніе. Дѣло доходило даже до того, что издатели, во избѣжаніе убытковъ, нѣкоторыя сомнительныя вещи представляли въ цензуру en forme. Такой, между прочимъ участі долженъ былъ подвергнуться разсказъ В. Короленко «Прохоръ и Студенты» ³⁾, который такъ и не былъ оконченъ главнымъ образомъ поцензурнымъ соображеніямъ.

¹⁾ Н. Михайловскій послѣ высылки изъ СПб. временно жилъ въ Клину.

²⁾ «Исторія новѣйш. русс. литературы».

³⁾ «Русс. Мысль» 86 ч. кн. 1. 2.

«Только из словъ Ивана Николаевича¹⁾), писалъ въ мартѣ 1887 г. Гольцеву Короленко, я понялъ, что мой рассказъ долженъ подвергнуться предварительной цензурѣ en forme. Но вѣдь тогда московская цензура, безъ сомнѣнія, вовсе его не пустить. Я Вамъ передавалъ приблизительно его идею. Вы видите, что въ сущности тутъ ничего нецензурнаго нѣтъ, но что же нужно сдѣлать, чтобы провести эту тему черезъ цензуру предварительную да еще московскую. Не напрасно ли я затрачу время, если нѣтъ надежды, что рассказъ пройдетъ. Пожалуйста, напишите, какъ дѣло. До сихъ поръ я работалъ и подвинулъ рассказъ, но теперь у меня совсѣмъ опускаются руки»...

Выше мы сказали, что «Русская Мысль» могла дать лишь временный пріютъ оставшимся не у дѣлъ ближайшимъ сотрудникамъ «Отечеств. Записокъ». Михайловскій, не смотря на дружескія отношенія съ Гольцевымъ всегда чувствовалъ себя «гостемъ» московскаго журнала.

Это объяснялось не только самымъ характеромъ издательства «Русская Мысль»,—но и личностью фактическикаго редактора журнала—В. А. Гольцева.

Демократическій либерализмъ В. А. Гольцева былъ слишкомъ далекъ не только отъ «правовѣрнаго» народничества 80 годовъ, но и оттого народно-соціалистическаго направленія мысли, теоретикомъ котораго былъ Н. Михайловскій.

В. Гольцевъ былъ человѣкъ иного психологическаго склада, иной «закваски». Русское идеологическое творчество 70 годовъ не подчинило его своему вліянію—для этого онъ былъ слишкомъ европеецъ и слишкомъ признавалъ самоцѣнность такихъ культурныхъ благъ, какъ наука и искусство. Идею личности онъ не пытался сочетать и примирить съ культомъ народа. Историческій и соціологическій романтизмъ Н. Михайловскаго ему былъ также чуждъ, какъ и экономическій матеріализмъ Плеханова.

Но поскольку русскіе морсисты очередной задачей дня считали борьбу за политическую свободу въ Россіи, постольку В. А. Гольцевъ готовъ былъ идти съ ними рука объ руку. Это пріобрѣтаетъ особое значеніе, если припомнить, что русскій морсизмъ въ началѣ 90 годовъ не имѣлъ пріюта въ легальной прессѣ и что противъ него въ цѣломъ выступилъ Н. Михайловскій.

«Съ людьми *вашего* направленія, читаемъ въ «открытомъ письмѣ» Плеханова къ В. А. Гольцеву, экономическіе матеріалисты могли бы сойтись во многомъ, хотя и не во всемъ» (Ушаковъ нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма. Р. М. 1896 г. № 9).

Съ характеристикой В. А. Гольцева и редакціи «Р. М.» встречаемся мы и въ письмахъ В. Г. Короленка.

Въ 1886 г. В. А. Гольцевъ по собственной инициативѣ сдѣлалъ предложеніе В. Г. Короленко вступить въ редакцію «Русс. Мысли».

«Признаться я очень мало еще знакомъ съ той ролью, какую мнѣ пришлось бы играть, и съ тѣмъ дѣломъ, какое пришлось бы дѣлать,—писалъ въ отвѣтъ на это предложеніе В. Г. Короленко Гольцеву.

Вы вѣроятно не сомнѣваетесь, что съ Вами лично я не задумался бы вступить въ товарищество по работѣ. Спѣлись бы мы окончательно или не спѣлись (я думаю, что спѣлись бы)—во вся-

¹⁾ И. Н. Сахаровъ, прис. повѣр., бывавшій наѣздомъ въ Н. Новгородъ.

комъ случаѣ мы бы знали, что каждому нужно, и сумѣли бы и сойтись и разойтись, какъ подобаетъ. Но вѣдь редація «Русской Мысли» не Вы одни. В. М. мнѣ кажется человѣкомъ симпатичнымъ, но и съ нимъ я знакомъ всетаки мало, а остальныхъ не знаю почти вовсе, то же, что я слыхалъ напр. о Н. Н.¹⁾—«наводитъ сильно на размышленіе». Т. обр. мнѣ кажется, что братья за дѣло, т. сказать, редакціоннаго характера при столь маломъ знакомствѣ съ товарищами—было бы не совсѣмъ хорошо даже въ отношеніи этихъ товарищей, потому что еслибы пришлось черезъ нѣкоторое время, не спѣвши окончательно, выйти изъ журнала,—то это всегда подастъ поводъ къ великимъ пересудамъ, для журнала невыгоднымъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29 марта, 1887 г. В. Г. высказывается уже болѣе опредѣленно: «я ишу работы, въ которой могъ бы чувствовать себя нужнымъ и полезнымъ безъ всякаго отношенія къ моему беллетристичѣ, и только такую работу возьму»... Отклоняя далѣе условіе писать только для «Рус. Мысли» и находя, что такое условіе поставило бы его и «Р. М.» въ двусмысленныя отношенія къ другимъ журналамъ, В. Г. заявляетъ, что могъ бы войти въ редакцію при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ. «Уже изъ того обстоятельства, что о моемъ будущемъ амплуа въ журналѣ не приходилось говорить при Ремизовѣ, я заключаю, что мое положеніе было бы крайне неопредѣленное и двусмысленное. Мое участіе сопряжено съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ со стороны одного изъ членовъ редакціи, я долженъ какъ бы вытѣснить его изъ его отдѣла, и это не много общаетъ для будущей солидарности въ общей работѣ. Наконецъ, отдавая справедливость М. Н.—чу²⁾ въ томъ, что онъ ведетъ свой отдѣлъ довольно умѣло и интересно (по моему сов. искреннему убѣжденію), — я долженъ сказать что по взглядамъ на большинство разобранныхъ имъ произведеній я очень сильно разошелся бы съ нимъ. Т. обр. вести одинъ и тотъ же отдѣлъ хотя бы въ теченіи полугода намъ невозможно, потому что можетъ выйти такъ, что я расхвалю въ отдѣльной книгѣ какъ разъ то, что, въ видѣ статей было въ пухъ разругано М. Н. Тутъ необходимо полное единство, или чье нибудь обезличеніе».

«Вотъ главнѣйшія причины, которыя не позволяютъ мнѣ рѣшительно принять предложеніе редакціи. Искреннѣйшее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы и Вы и Вуколъ Михайловичъ (которому прошу показать это письмо) оцѣнили мои мотивы, смогли стать на мою точку зрѣнія,—тогда Вы убѣдитесь, что я правъ совершенно и поступить иначе не могу».

Была еще одна причина, мѣшавшая В. Г.—чу войти въ редакцію «Русс. Мысли»; причина эта мы бы сказали,—психологическаго свойства.

Было у насъ когда то дѣленіе (на жаргонѣ интеллигентнаго пролетаріата),—на «радикаловъ» и «политиковъ» писалъ въ февралѣ 1888 г. Гольцеву Короленко. Если хорошенько покопаться, то тогда различіемъ средствъ и пріемовъ общ. дѣятельности тутъ скрывалось очень много сходства въ цѣляхъ. Русская жизнь сама опредѣляетъ эти цѣли, и на нихъ мы сойдемся всѣ. Поэтому су-

¹⁾ Бахметьевъ, секретарь редакціи.

²⁾ М. Н. Ремезовъ.

щественная разница кроется лишь въ настроеніяхъ, — и она то, эта разница, пробѣжала между нами черной кошкой. Вы — слишкомъ «политикъ». Вы очень умный человекъ и слишкомъ много полагаетесь на впередъ составленныя системы отношеній къ людямъ. А я мариновался шесть лѣтъ, и потому остался слишкомъ радикаломъ: говорю и пишу часто такое, что быть можетъ лучше бы оставить про себя. Можетъ быть и этотъ разъ я совершу тотъ же грѣхъ, — думаю однако, что оба мы настолько люди попросту и при томъ, право, люди недурные, что сумѣемъ понять другъ друга и изъ за тучи этой ерунды, — наконецъ установится между нами то, о чемъ мы, чокаясь, высказывали пожеланія. Давай Богъ. И то, — я дѣлаю нѣкоторые успѣхи и уже немного въ политикѣ искусился; это доказывается тѣмъ скромнымъ поведеніемъ, какое я проявилъ въ «Славянскомъ Базарѣ». Согласитесь, что мое положеніе было курьезное и требовало значительнаго самообладанія, особливо, когда на меня сыпался градъ упрековъ за отсутствіе солидарности въ той редакціи, гдѣ я работаю». ¹⁾ Направо — Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, налѣво — Вуколь Мих. Лавровъ, между ними Викторъ Александровичъ Гольцевъ, и наконецъ вверху, подъ высокими потолками «Слав. Базара» моему беллетристическому воображенію рисуется нѣсколько печальная (въ дантовскомъ стилѣ) фигура Н. Н. Бахметева, — невидимо простирающая надъ нами и не безъ укоровъ помавающая главой... А я сижу, какъ Асмодей подъ заклятіемъ, и Григорій Александровичъ ²⁾ бичуетъ меня за Южакова и за многое другое, при поддержкѣ и съ правой и съ лѣвой стороны... И я сіи бичеванія принялъ съ христіанскимъ смиреніемъ, хотя, признаюсь, бѣсъ шепталъ мнѣ таки на ухо, что вѣдь стоитъ сказать нѣсколько словъ на ту же тему о солидарности, чтобы оградить себя весьма успѣшно отъ этихъ ударовъ пламенной добродѣтели въ лицѣ Григорія Александровича.

В. Г. Короленко конечно легко могъ оградить себя отъ ударовъ «пламенной добродѣтели» Г. А. Мчтета, ибо той самой «солидарности» и «принципіальной выдержанности», за отсутствіе которой въ «Сѣв. Вѣстникѣ» громили въ «Славянскомъ Базарѣ» Короленко, — какъ разъ и недоставало «Русс. Мысли». Впервые на это указалъ Н. Михайловскій въ «Дневникѣ Читателя», напечатанномъ въ ноябрьской книжкѣ «Сѣв. В.» за 1887 г.

«Самое интересное для меня въ настоящую минуту то, пишетъ Михайловскій, что «Р. М.», удѣляющая столько мѣста романамъ Сенкевича, отнюдь не раздѣляетъ его шляхетскихъ тенденцій, а въ области критики исповѣдуетъ принципы, съ точки зрѣнія которыхъ эти романы и въ чисто художественномъ отношеніи несостоятельны. Зачѣмъ же они печатаются? Неужели только потому, что и на нихъ найдется читатель? Но вѣдь журналъ не лавочка, въ которой должны быть товары для всѣхъ покупателей и хозяевамъ и сидѣльцамъ которой не приходится думать объ исправленіи вкуса кліентовъ... Усиліями нашей критики и всѣхъ крупныхъ мастеровъ беллетристики, изъ нашей литературы, казалось бы, совсѣмъ изгнанъ тотъ лживый, ходульный, фольгой и сусальнымъ золотомъ разукрасенный романъ, представителемъ котораго на страницахъ «Р. М.» является Сенкевичъ... Къ счастью та же «Р. М.» при случаѣ примыкаетъ къ литературному теченію, до чиста смывшему хоdulную романтическую фальшь, и появленіе въ ней историческихъ романовъ Сенкевича есть только одно изъ выраженій того общаго хаоса, который царитъ въ журналистикѣ и которому, однако, пора кончиться. Проявленіе того же хаоса составляетъ и журнальное обозрѣніе «Р. М.» Когда принципы

¹⁾ Въ редакціи «Сѣв. Вѣстника».

²⁾ Маггетъ.

находятся въ хаотическомъ состояніи, то факты натурально стоятъ каждый особнякомъ, торчатъ въ разныя стороны безъ перспективы, безъ обобщенія... Остановливаясь «по порядку» на той или иной повѣсти или статьѣ, журн. Обзорѣватель «Р. М.» весьма мало интересуется ихъ общимъ значеніемъ... Онъ выдергиваетъ ихъ одно за другимъ, какъ рѣдку изъ грядки и тщательно описываетъ каждое...»

Дѣйствительно журнальныя сбозрѣнія одного изъ редакторовъ «Р. М.», М. Н. Ремезова, представляли собой или сплошныя въ нѣсколько страницъ текста перепечатки или пересказы своими словами тѣхъ или иныхъ беллетристическихъ произведѣній. «...Вѣдь положи руку на сердце, правда, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Короленко къ Гольцеву—эти громадныя выписки, эти продолженія пересказовъ вовсе не замѣчательныхъ вещей,—развѣ это критика, или хотъ рецензіи; вообще это Богъ знаетъ что».

Отвѣтъ Н. Михайловскому былъ напечатанъ въ декабрьской кн. «Р. М.» за 1887 г. и заключалъ въ себѣ не мало указаній на принципиальную невыдержанность петербургскаго журнала и въ отдѣлѣ теоретическихъ статей и въ области художественной литературы. Какое впечатлѣніе произвела эта статья В. А. Гольцева («Литература и Жизнь «Р. М.» 87. 12), на Гл. Успенскаго можно судить по слѣдующему письму его къ В. А. Гольцеву отъ 30 декабря 1887 г.

«Я конечно весьма не одобряю Михайловскаго за то, что онъ началъ придирается къ «Р. М.» Въ Петербургѣ надъ этой полемикой смѣются и говорятъ: точно Гражданинъ съ Москвскими Вѣдомостями. Но Ваша статейка, мнѣ кажется, поставила дѣло пререканія между двумя собратами сразу на борьбу съ личностью, именно Н. К. Михайловскаго. Это обстоятельство именно и ставитъ меня въ самое недобросовѣстное положеніе и по отношенію къ «С. Вѣст.» и главнымъ образомъ по отношенію къ Н. К. Мы съ нимъ работаемъ и живемъ 10 лѣтъ и теперь, когда Вы колите его грѣхами редакціи, (именно его а, а не редакцію), я долженъ писать для «Русской Мысли»... Я во многомъ безконечно Вамъ благодаренъ, въ этомъ Вы не можете сомнѣваться и въ томъ, что я высоко цѣню настойчивость вашихъ стремленій и благородство цѣлей; но поймите же мое положеніе, могъ ли я чувствовать себя по человѣчески, и искренно будучи лично знакомъ съ Вами обоими и видя непріятную начинающуюся только полемику. За кого жъ мнѣ тутъ стоять, кому сочувствовать и кому несочувствовать, повѣряю Вамъ *искренно*? Если Вы въ интересахъ Русской Мысли берете на себя трудъ обороны ея (Мих. не винилъ никакихъ лицъ, а прямо говорилъ о направленіи журнала, при чемъ конечно и я не согласенъ съ нимъ во многомъ) отъ нападковъ на ея сотрудниковъ и не предоставляете это дѣло имъ самимъ, (хотя бы г-ну библиографу), то въ какое положеніе становлюсь я, примыкая своимъ участіемъ къ журналу, который дѣлаетъ нападеніе на самое близкое мнѣ лицо, а не на журналъ, въ которомъ я простой работникъ... Вотъ мое положеніе, изъ котораго я не знаю выхода кромѣ того, что у меня положительно опускаются руки и тошно жить на свѣтѣ. Въ Вашихъ рукахъ была такая масса всевозможныхъ недостатковъ и ошибокъ и чепухи бывшей въ Сѣвер. Вѣстн., что Вамъ легко бы можно было полемизировать, не ставя насъ сотрудниковъ, лично знакомыхъ между собою людей, въ невозможное положеніе. Не обращая вниманія на наше рабочее положеніе... Мих. не нападалъ на Васъ и не Васъ считалъ виновникомъ недостатковъ Рус. Мысли, — вы жъ

прямо взялись за него. Между тѣмъ Вы сами знаете, что и у Васъ и въ Сѣв. Вѣстн. работаютъ люди общіе Вамъ обоимъ знакомые. Почему же Вы о насъ то не подумали и не пожалѣли?..

Извините меня многоуважаемый Викторъ Александровичъ за это письмо, но положеніе мое до того мучительно, что я положительно не знаю—что мнѣ дѣлать? Мнѣ просто совѣстно въ глаза смотрѣть людямъ—и ужъ какая тутъ будетъ работа!..

Необходимо, однако, замѣтить, что въ послѣдствіи между Гольцевымъ и Михайловскимъ установились вполне дружественныя отношенія и Михайловскій печаталъ въ «Р. М.» въ 91 и 92 гг. статей подъ общимъ заглавіемъ «Литература и Жизнь», хотя своего положенія «гости» въ московскомъ журналѣ онъ все-таки не забывалъ и принципиальныя разногласія съ В. А. Гольцевымъ такъ и не были изжиты. Лучше всего сказались эти разногласія на отношеніи къ Фету.

Въ своей рѣчи на празднествѣ 28 января 1889 г. въ честь Фета Гольцевъ высоко поставилъ его, какъ «свободнаго художника—гуманиста», «пѣвца челоѣческой красоты и непобѣдимой свободы духа...» («Вѣтринскій—В. А. Гольцевъ. Сбѣрн. памяти В. А. Гольцева. См. также Ст. Гольцева «Р. М.» 89 кн. 1). Этотъ отзывъ о Фетѣ вызвалъ принципиальныя возраженія со стороны Н. Михайловскаго. Вотъ что читаемъ между прочимъ въ письмѣ 1889 г. къ Гольцеву:

...«Я имѣлъ свое литературное отечество и лишень его. Худы ли, хороши ли тѣ нравы, обычаи, традиціи, вѣрованія, среди которыхъ я литературно выросъ, но я привыкъ къ нимъ. Теперь я вижу все иное, можетъ быть, и лучшее (хотя этого я, конечно, не думаю), но чужое. И оттого трудно. Привыкнуши чувствовать себя въ извѣстной атмосферѣ сотрудниковъ и читателей, я не могу теперь дописать какую нибудь статейку, потому что поневолѣ приходится въ голову: зачѣмъ это? Кому это нужно? Съ теченіемъ времени придется какъ нибудь приспособиться къ своему одиночеству. И если я докончу наконецъ, статью объ Иванѣ Грозномъ, то по всей вѣроятности предложу ее именно «Русской Мысли». Но признать «Р. М.» чѣмъ нибудь роднымъ къ сожалѣнію не могу. Вы сами это знаете и даже въ письмѣ своемъ объ этомъ говорите. Нс—вотъ тутъ то и приходится просить у Васъ прощенія—если бы дѣло было только въ тѣхъ сторонахъ журнала, которые Вы сами признаете не совсѣмъ правильными, я бы могъ только радоваться, рассчитывая, что Вы ихъ съ теченіемъ времени такъ или иначе прекратите. Къ огромному моему сожалѣнію, Вы сами вносите иногда въ журналъ такое, что меня, извините, отшибаетъ.

Вы не хуже меня знаете, какъ ужасенъ разбродъ русской мысли (строчныя буквы) въ наше время и какъ тяжело отзывается онъ на новыхъ поколѣніяхъ. Но Вы, кажется, думаете положить этому разброду конецъ, раздавая всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, и Фету. Я держусь совершенно противоположнаго мнѣнія. По поводу работы Фета я можетъ быть, ничего не сказалъ бы, — пусть его! а если бы сказалъ, такъ не только не простилъ бы ему его соловьиной поэзіи, а и припомнилъ бы его прозаическія статьи, въ которыхъ онъ является достойнымъ сотрудникомъ Каткова. Мы съ Вами достаточно взрослые люди, чтобы перекоряться объ такихъ вещахъ съ глазу на глазъ (другое дѣло въ печати). Вы—по своему, я—по своему. Не пытаюсь убѣдить

Васъ въ своей справедливости, говорю только, что Вашъ пріемъ представляется мнѣ глубоко вреднымъ, въ особенности при теперешнемъ смятеніи умовъ»...

Надо припомнить, что и статья, и рѣчь В. А. Гольцева о Фетѣ появились въ 1889 г.—какъ разъ въ то время, когда въ нашей журналистикѣ особенно шумно и пастойчиво раздавались голоса въ защиту свободы художества, при чемъ оказывалось, что подъ этой свободой весьма часто скрывались бѣдность мысли и общественный индеферентизмъ.

Быть можетъ по тактическимъ соображеніямъ В. А. Гольцеву и не слѣдовало выступать на празднествѣ 28 января съ апалогіей поэзіи Фета, но съ другой стороны В. А. Гольцовъ не могъ мириться и съ осмѣяніемъ поэзіи Фета, какъ не мирился съ очень распространенными въ то время обвиненіями Чехова въ бердейности, и камадоскопичности содержанія его произведеній.

Для характеристики издат. т-ва «Русс. Мысли» и отношенія къ нему Гл. Ив. Успенскаго, особый интересъ представляетъ письмо его къ В. А. Гольцеву 1888 г.

...«По отношенію г. Лаврова скажу Вамъ еще разъ...—Бойтесь Вы близкаго знакомства съ людьми такого рода—запутаютъ они Васъ, а съ Вами могутъ поставить и другихъ въ весьма непріятное положеніе. Госп. Лавровъ—издатель и ничего больше, никакихъ литературныхъ правъ онъ не имѣетъ; стихи его пошлы и глупы, а переводы написаны языкомъ Гуака...

О нашей добротѣ не разговариваютъ Г-да Лавровы, затрачивающіе лабазные деньги, когда мы затрачиваемъ душевную муку. Никакого одолженія онъ не могъ мнѣ сдѣлать потому, что на-противъ ему посчастливилось заполучить труды писателей, которыми дѣваться некуда. Вотъ и все. Мои статьи не могли приносить ему убытки... Я дѣлалъ ему честь, а никакъ не онъ дѣлалъ ее мнѣ или кому другому изъ честныхъ писателей. Обращаться ко мнѣ, какъ къ мошеннику, могъ только понятія не имѣющій о душѣ писателя и думающій, что все берется только изъ чернильницы. И между тѣмъ Лавровъ, точно Ильдизъ-Кіоскъ; постоянно тамъ что-то не ладятъ съ Лавровымъ или противъ Лаврова, постоянно выходить, уходятъ или выгоняютъ и т. д. Бахметьевъ, (котораго, чортъ знаетъ, какъ ругаютъ и чортъ знаетъ, что про него говорятъ)—увѣрялъ вѣдь, что Лавровъ отказывается отъ изданія, что онъ ушелъ, что Бахметьевъ принимаетъ на себя всѣ долги и обязательства. Наконецъ, некуда дѣваться, негдѣ и писать и Лавровымъ только разрѣшаютъ быть редакторами. Деньги, для изд. журнала есть, — сколько угодно, — но не добьетесь разрѣшенія и должны итти къ Лавровымъ, нужда заставляетъ и больше ничего. Мало переживаешь, Богъ знаетъ, какихъ мукъ, чисто нравственныхъ, постоянныхъ утратъ, постоянныхъ невозможностей вымолвить слово, высказаться, не можешь брать животрепещущихъ темъ, долженъ рыться, Богъ знаетъ, въ какихъ мусорныхъ кучкахъ,—а тутъ еще придетъ лабазникъ, бездѣльный человѣкъ и начнетъ мудрить! Довольно!..

Помимо матеріала для исторіи русской журналистики въ архивѣ В. А. Гольцева не мало писемъ, сообщающихъ новыя данныя для біографіи и литературной характеристики цѣлаго ряда писателей.

...Я хочу написать небольшую статейку въ объясненіе недоумѣнія почему, я не призывалъ къ чести — читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ къ Гольцеву,

повидимому, отъ декабря 1888 г.¹⁾ Я напишу ее съ удовольствіемъ и она будетъ поучительная, интересная для характеристики 25-ти лѣтъ прошлаго. Я даже писалъ объ этомъ, но не помѣстилъ въ сочиненіяхъ по забывчивости. Въ «Суд. Газетѣ» примѣтно 83 г. у меня были даже начаты очерки «Водка и честь»... я радъ и благодаренъ Михайловскому, что онъ даетъ право сказать многое, чего я не могъ бы сказать, если бы онъ не опредѣлилъ этого многого словомъ. Честь — слово пейтральное, и превосходно замѣняющее самыя нецензурныя опредѣленія изъ ничтоженной личности. Сдѣлайте милость, разрѣшите мнѣ это, а чтобы не замедлять дѣло, телеграфируйте одно слово «можно» г. Успенскій».

Повидимому Гл. Ив. имѣлъ въ виду предисловіе Михайловскаго къ собр. своихъ сочиненій въ изд. Павленкова. Сочиненія эти вышли въ свѣтъ въ ноябрѣ 1888 г. Посылая эти книги сейчасъ же по выходѣ ихъ въ свѣтъ Гольцеву, Гл. Ивановичъ писалъ, что статейку о «честь» доставить къ 3—5 января—несомнѣнно 1889 г. Никакихъ статей, насколько намъ извѣстно, Михайловскаго «о чести и совѣсти» въ это время не появлялось и т. о. рѣчь идетъ о предисловіи къ двухъ-томному собр. сочиненій Успенскаго въ изд. Павленкова.

«Работа совѣсти и работа чести отнюдь не исключаютъ другъ друга, писать Михайловскій въ этомъ предисловіи. Между ними возможно практическое соглашеніе, онѣ могутъ уживаться рядомъ, пополняя одна другую. Но онѣ все-таки типически различны. Совѣсть требуетъ сокращенія бюджета личной жизни и потому въ крайнемъ своемъ развитіи успокаивается лишеніями, оскорбленіями, мученіями; честь, напротивъ, требуетъ расширенія личной жизни и потому не мирится съ оскорбленіями и бичеваніями... Работѣ совѣсти соответствуютъ обязанности, работѣ чести — права... Успенскій, сосредоточивъ свое вниманіе на драмѣ совѣсти, почти совсѣмъ въ сторонѣ оставляетъ драму чести...

Желаніе Гл. Ив. Успенскаго объяснить, почему онъ не призывать къ чести—такъ и не осуществилось. По крайней мѣрѣ ни въ «Русс. Мысли» за 1889 г., ни въ «Русс. Вѣд.», гдѣ въ это время сотрудничалъ Успенскій, предполагаемая статья не появилась.

На этомъ мы и закончимъ свое извлеченіе изъ писемъ Гл. Ив. Успенскаго къ Гольцеву. Повторяемъ—письма эти имѣютъ весьма существенное значеніе, какъ для біографіи, такъ и для литературной характеристики писателя.

Изъ писемъ В. Г. Короленька къ Гольцеву наибольшій интересъ представляетъ письмо 1894 г., излагающее взгляды писателя на искусство и процессъ творчества. Письмо это было ужъ напечатано въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева». Какъ бы въ дополненіе къ этому письму приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ писемъ 1886 и 87 гг.

Какъ извѣстно, «Слѣпой Музыкантъ» первоначально печатался въ «Русс. Вѣдом.». Соглашаясь, ради цѣльности впечатлѣнія перепечатать его въ «Русс. Мысли», В. Г. писалъ Гольцеву въ апрѣлѣ 1886, между прочимъ слѣдующее:

...«Я хорошо понимаю, что «Музык.» нѣсколько скончанъ въ концѣ, но вести рассказъ также детально, какъ въ началѣ,—у меня совсѣмъ не было охоты. Такая чисто психологическая работа какъ то совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ, и потому, намѣтивъ вначалѣ основной процессъ во всѣхъ подробностяхъ и, какъ кажется, смотивировавъ его достаточно,—я развязалъ его нѣсколькими ударами.

¹⁾ Письмо это, напечатанное въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева» прошло незамѣченнымъ. Въ виду его несомнѣннаго интереса — мы позволили себѣ привести его вновь съ соответствующими комментаріями.

Добавить нѣсколько штриховъ, какъ Вы пишете и можно, и должно я такъ и сдѣлаю, но въ сущности для того, чтобы работа была вполне и во всей т. сказать строгости художественныхъ требований—соразмѣрна въ частяхъ,—тутъ бы нужно, не ограничиваясь нѣсколькими штрихами, развить ее детальнѣй.

«Кстати, буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы сообщите мнѣ свое мнѣніе и мнѣніе вообще свѣдущей публики о заключающейся въ главѣ «интуиція» психологической развязкѣ инстинктивныхъ стремлений слѣпого къ свѣту. Конечно возможность такой развязки—есть лишь гипотеза; но мнѣ лично кажется, что художникъ въ подобныхъ гипотезахъ можетъ чувствовать себя свободнѣе ученаго».

Среди рассказовъ В. Г. Короленка «Слѣпой Музыкантъ» стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Именно поэтому онъ и не былъ включенъ во вторую книгу рассказовъ, а выпущенъ отдѣльною книгой. Вл. Галактионовичу казалось, что нѣкоторыя главы «Сл. Музыканта» могутъ испортить всю книгу. «Пусть ужъ этотъ увѣчный ковыляетъ себѣ въ свѣтѣ одинъ. Въ немъ есть главы, которыя я писалъ, какъ слѣдуетъ, и которыя мнѣ тогда очень нравились и теперь, взявъ отдѣльно, тоже нравятся; поэтому я соглашаюсь его издать; но право, прочитавъ Ваше сообщеніе, что Музыкантъ будетъ изданъ, я почувствовалъ какое то разочарованіе. Я ждалъ, что Вы напишете «еще подождетъ». Ну, все же я сознаю, что это глупо, и что издать, такъ ужъ издать сейчасъ. Гадостей тамъ нѣтъ во всякомъ случаѣ.»

Въ этомъ же письмѣ (отъ 9 ноября 1887 г.) находимъ небезынтересныя свѣдѣнія о художественномъ темпераментѣ В. Г. Короленка.

«Совершенно согласенъ съ Вами, что чрезмѣрная рефлексія—вещь опасная, но что же дѣлать таковъ ужъ у меня «художественный темпераментъ».

Я пишу немного и главное—никакъ не могу овладѣть моимъ воображеніемъ настолько, чтобы заставить себя писать, когда надо. Иногда все это стоитъ въ головѣ,—сажусь, пишу... и затѣмъ все бросаю. Какъ будто и все написано, что надо, да не такъ, какъ я требовалъ отъ себя и отъ предмета. Мнѣ надо, чтобы каждое слово, каждая фраза попадала въ тонъ, къ мѣсту, чтобы въ каждой отдѣльной фразѣ, по возможности, даже взятой отдѣльно отъ другихъ—слышалось отраженіе главнаго мотива, центральное такъ сказать настроеніе. Иногда это мнѣ дается сразу съ одного размаха, иногда подолгу не могу выждать соответственнаго настроенія. Тогда я откладываю работу, пока основной мотивъ какъ нибудь не зазвучитъ въ душѣ. Вотъ почему у меня лежатъ нѣсколько рассказовъ частію написанныхъ до середины, частію почти законченныхъ,—остается кое гдѣ привести въ порядокъ, кое гдѣ дописать. Надѣюсь, что къ январю дамъ,—употреблю надъ собой всякія усилія и даже насилія. Но право же Викторъ Александровичъ, иногда я не могу ручаться вполне. Иногда, какая нибудь одна глава можетъ въ моихъ глазахъ уронить весь рассказъ и я тогда не могу спокойно подойти къ столу, въ которомъ этотъ рассказъ лежитъ.

Не всякому, быть можетъ, извѣстно, что перу В. Г. Короленка принадлежитъ нѣсколько публицистическихъ статей, въ «Р. М.» за 92 и 93 г. Статьи эти были обобщены названіемъ: «Текущая жизнь» (размышленія, наблюденія, замѣтки) и подписаны псевдонимомъ: Провинціальный наблюдатель.

«Дорогой Викторъ Александровичъ, писалъ 11 августа 1892 г. В. Г. Короленко изъ Нижняго Нѣвгорода ...крѣпко подумавши съ Н. ѳ. Анненскимъ надумати тако: будемъ Вамъ въ «Русскую Мысль» поставлять по статейкѣ въ мѣсяцъ по внутреннимъ вопросамъ сообща. Онъ вноситъ свои экономическія и иныя познанія, а я — легкость стили и еще что могу. Начинаемъ съ сентября, т.-е. къ 1-му октября ставимъ первую статью. Заглавіе придумаемъ, содержаніе — внутренние вопросы, главнымъ образомъ въ ихъ отраженіи въ прогиліи. Итакъ, — присылай газеты какъ общалъ когда-то, приглашая меня на эту работу. Пока — пусть коллективная личность наша останется въ тѣни анонима даже и для литерат. кружковъ. Газеты посылайте, если находите всю эту комбинацію удобной, — числа съ 25-го Августа.

Первая статья, подписанная псевдонимомъ «Провинціальный Наблюдатель», появилась въ декабрѣ 1892 г., а въ февралѣ 1893 г. публицистическая дѣятельность В. Г. Короленко и Н. ѳ. Анненскаго уже прекратилась. Поводомъ этому послужило неожиданное прекращеніе «Р. мыслью» печатаніе статьи В. Короленко о «Панамѣ».

«Дорогой Викторъ Александровичъ!

Вчера получилъ твое письмо, я тотчасъ же далъ телеграмму, которую Вы, конечно, уже получили. Надѣюсь, что содержаніе явится для редакціи неожиданностью: изъ пяти написанныхъ мною статей погибли двѣ, это почти половина, а если считать по количеству написаннаго, то и прямо половина. Согласитесь, что работать далѣе при 50% смертности своихъ литерат. дѣтищъ — совершенно не резонъ. Ну, значить не судьба, и только. Однако, есть обстоятельства, которыя огорчили меня сугубо. Это то, что я не могу понять причины такой строгости редакціи къ послѣдней статьѣ. Въ письмѣ твоѣмъ выставлено ихъ нѣсколько: 1) — *статья опоздала и редакція не можетъ печатать статей, которыя придутъ позже 3—4*. Подробно разбирая этотъ доводъ, В. Г. Короленко приходитъ къ заключенію, что первая причина — есть только поводъ 2) *неудобство говорить объ этомъ въ провинціальномъ обозрѣніи*? Но вѣдь у меня не провинціальное обозрѣніе, а «текущая жизнь», я это оговорилъ совершенно ясно. Псевдонимъ Провинц. Наблюдатель выражаетъ только *точку зрѣнія*, а не обусловливаетъ содержанія статей (какъ нѣкогда у Шелгунова псевдонимъ Провинц. философъ — не мѣшалъ говорить о чемъ угодно). Я писалъ объ этомъ и ты же мнѣ отвѣтилъ: *раздѣлывай нашихъ панамцевъ*. Въ прошедшей статьѣ говорилось ясно: продолженіе слѣдуетъ, и опять таки, если редакція находила, что продолженіе не слѣдуетъ, было бы великодушнѣе меня о томъ предувѣдомить заранѣе. Очевидно и эта причина — есть только предлогъ. 3) *Объ этомъ писалъ Протопоповъ*? Да, писалъ ¹⁾, страницу, но вы вѣдь видѣли, что я за этотъ предметъ принялся не мимоходомъ, а вплотную, съ согласіемъ редакціи, и значить вы могли бы сообщить объ

¹⁾ Въ 1892 г. во французской прессѣ было высказано предположеніе что «Нов. Вр.» прямо или косвенно принимало участіе въ панамскомъ грабежѣ. «Новое Время» обидѣлось не только за себя, но и за всю русскую печать. Сыгъ А. С. Суворина А. А. Суворинъ отправился въ Парижъ, гдѣ выступать и произносить рѣчи отъ имени всей руськой печати.

По этому поводу въ февр. кн. «Р. М.» за 1893 г. была напечатана статья Протопопова. Статья эта вызвала пріѣздъ въ Москву А. А. Суворина; кажется онъ требовалъ удовлетворенія...

этомъ Протопопову, вмѣсто того, чтобы изъ за его страницы обрывать у меня всю статью, о которой предупреждался читатель. Ты говоришь: *не много ли о Панамѣ?* Нѣтъ, не много. Люди нашумѣли на всю Европу и два печатныхъ листа въ отвѣтъ на эту всеевропейскую буффонаду—совсѣмъ не лишняя роскошь. Кроме того ты видишь, что для меня это только канва, на которой я беру тему значительно шире панамскаго эпизода. Тема эта живой и крикливый патріотизмъ, со всей его фальшью. По моему этого нельзя обойти публицисту никоимъ образомъ, и я совершенно согласенъ съ Арсеньевымъ, который писалъ, что наша пресса не достаточно энергично даетъ отпоръ этимъ самозваннымъ представителямъ русской націи и русской литературы. Но опять таки, отчего было не предупредить, зачѣмъ было допускать въ концѣ прошлой статьи фразу «продолженіе слѣдуетъ», если редація находить, что о Панамѣ это много и излишне. Игакъ, еще одна причина отпадаетъ. Остается то, что Суворинъ-сынъ требовалъ удовлетворенія. Я понимаю что въ статьѣ Протопопова были очень обидныя лично для Суворина вещи¹⁾. Но я не понимаю, какого удовлетворенія требовалъ этотъ представитель «Новаго Времени». Развѣ не достаточно было указать ему на статьи, которыя раньше писались въ «Нов. Времени» о редакціи «Русской Мысли» и которыя послѣ написалъ Буренинъ, называющій сотрудниковъ журнала лакеями? По моему оставалось только сказать: подождите, вотъ еще появится одна статья,—это и будетъ удовлетвореніе, хотя, быть можетъ, еще и не полное. Я не сторонникъ личныхъ оскорбленій въ печати. Но во 1-хъ люди, писавшіе о «Русской Мысли» такъ, какъ писали Нововременцы—не въ правѣ обижаться. А во 2-хъ въ моей то статьѣ нѣтъ нигдѣ личныхъ нападокъ на Сувориныхъ, на ихъ сыновнія, или отеческія чувства. Наоборотъ, я готовъ признать и признаю, что Суворинъ и хорошій отецъ, и добрый человѣкъ, и несомнѣнно честный въ денежныхъ дѣлахъ. Я беру исключительно только общественную сторону его дѣятельности и ни одного вывода не дѣлаю безъ соотвѣтственной ссылки на то, что напечатано. Суворинъ, напримѣръ, совѣтуетъ министру финансовъ—обходиться безъ Ціоновъ въ дѣлахъ рынка, а за недѣлю передъ тѣмъ Ціонъ распинался у него въ газетѣ *за честь печати!* И съ этомъ редація «Р. Мысли» считаетъ лишнимъ поговорить печатно, и это считается оскорбительнымъ для газеты, гдѣ Житель и Буренинъ обливали помоями всѣ органы печати вообще и «Русс. Мысль» въ частности! Не понимаю и никогда не пойму.

Остается еще одно предположеніе: статья плоха и ниже средняго уровня настолько, что «Р. Мысли» нельзя ее печатать. Неужели однако—настолько? Напомню слѣдующее. Ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ ты, Викторъ Александровичъ, обращался ко мнѣ

¹⁾ Отголосокъ этой исторіи находимъ въ письмѣ А. П. Чехова къ Суворину отъ 24/II 1893 г. Приводимъ отрывокъ изъ этого письма. Полностью оно будетъ помѣщено въ 4 т. писемъ А. П. Чехова... «Не отвѣчайте пожалуйста, Протопоповъ, во первыхъ не стоитъ, во 2-хъ Лавровъ и Гольцевъ въ писаніяхъ Протопопова такъ же виноваты, какъ вы въ писаніяхъ Буренина. Вы въ самомъ началѣ стали на певѣрную точку зрѣнія. Вы негодуете, что бранять вашего сына, но вѣдь бранять не вашего сына, а А. А. Суворина—журналиста... который выступалъ въ Парижѣ отъ имени всей русской печати... Клеветническая или, говоря мягко, неразборчивая статья Протопопова ничего не прибавитъ и не убавитъ: количество друзей и враговъ останется у Васъ то же...

отъ лица редакціи съ предложеніемъ взять на себя публицистическія статьи. Въ твоихъ письмахъ по этому поводу есть такая фраза: «пиши, что хочешь и какъ хочешь». Значить я только принялъ предложеніе редакціи, а никоимъ образомъ не навязывалъ свой статьи противъ вашего желанія. А если такъ (но это именно такъ), то, мнѣ кажется, можно бы прекратить это дѣло съ большою снисходительностью къ общей нашей ошибкѣ, а не прерывать на полусловѣ начатый уже печатно разговоръ. Это очень вѣжливо по отношенію къ газетѣ Суворина, но довольно жестоко по отношенію къ собственному сотруднику, котораго вы, послѣ разговора съ Суворинымъ-сыномъ,—на глазахъ у публики перебили на полусловѣ и выпроводили за дверь. А Суворинъ-сынъ указалъ, и въ газетѣ вашего сотрудника уже обругали лакеемъ. И погодите,—еще и не то напишутъ, потому что лишній разъ убѣдились, что имъ все можно, и что по ихъ требованію—обѣщанное уже продолженіе статьи внезапно исчезаетъ изъ журнала. Такъ и при такихъ условіяхъ—ничего писать въ публицистическомъ отдѣлѣ нельзя. Вы виѣдди, что я беру полемическій тонъ. Если вамъ это неудобно,—сказали бы сразу. А вы позволили зайти довольно далеко и вырываете у меня почву изъ подъ ногъ. Кромѣ срама—ничего значить и не вышло. Стоило начинать!

Многое, еще многое нужно сказать, чтобы окончательно выяснить взаимное наше положеніе. Но пока—кончаю просьбой: (письмо это назначаю вообще для редакціи). Убѣдительно прошу мою статью, въ рукописи или въ оттискѣ—выслать мнѣ по возможности скорѣе.

Пока жму руки и кланяюсь

Вл. Короленко.

Къ этому письму мы со словъ В. Г. Короленка считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее поясненіе. Послѣ того, какъ Вл. Г. окончательно примкнулъ къ «Русс. Бог.» (съ Михайловскимъ во главѣ),—отношенія его съ В. А. Гольцевымъ приняли характеръ болѣе личный и въ перепискѣ послѣ этого (т.-е. послѣ 1893 г.) шероховатости исчезаютъ. Что касается «Панамы», то оглянувшись теперь на свою размовку съ «Р. Мыслью» В. Г. признаетъ, что статья дѣйствительно была растянута.

«Дорогой Викторъ Александровичъ, истомилъ меня становой: до сихъ поръ проходного свидѣтельства не присылаетъ»...—писалъ Н. В. Шелгуновъ въ 1889 г. изъ с. Воробьева Смоленской губ. гдѣ находился подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Публицистъ, къ голосу котораго прислушивалась въ то время вся мыслящая Россія, не могъ безъ проходного свидѣтельства выѣхать изъ деревни въ Москву для лѣченія тяжелой болѣзни, которая годъ спустя свела его въ могилу.

Въ этомъ жуткомъ въ своей обыденности фактѣ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся нелѣпость русской жизни.

Собранныя въ архивѣ В. А. Гольцева письма Н. В. Шелгунова представляютъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для біографіи этого замѣчательнаго публициста, вся жизнь и литературная дѣятельность котораго—сплошной мортирологъ административныхъ воздѣйствій и репрессій.

«Вотъ такъ горе, дорогой мой другъ, писалъ Н. В. Шелгуновъ Гольцеву 11 ноября, 1890.—Павленковъ изъ осторожности представилъ только 1-й томъ моихъ сочиненій (онъ боялся за 2 томъ), и томъ арестованъ. Это совсѣмъ меня пришибло. Что тутъ дѣлать? А какъ я радъ, что этимъ изданіемъ сдать свой публичный экзаменъ за тридцатипятилѣтнюю публицистическую службу, и что служба эта будетъ безпрѣчной¹⁾. Теперь все прешло».

Приблизительно въ то же время въ одномъ изъ писемъ къ Гольцеву Гл. Ив. Успенскій сообщаетъ интересныя мотивы ареста книги... «Вотъ какъ искусно умѣютъ теперь пришибать человѣка: Ведровъ (цензоръ Н. К.) говорилъ Павленкову: мы уважаемъ Васъ какъ издателя, общественнаго дѣятеля и потому жалѣемъ Васъ... запрещая книгу недостойную почетнаго общественнаго дѣятеля»... Какъ извѣстно, Павленкову, все таки, удалось вырывать книгу изъ цензуры, при чемъ изъ «Воспоминаній» было вычеркнуто все о М. Михайловѣ, Серно-Соловьевичѣ и студентскіе безпорядки²⁾.

Не мало огорченій приходилось испытывать Н. В. Шелгунову и отъ цензуры самой редакціи «Р. М.», въ особенности отъ Ремезова и Лаврова. Ближайшій сотрудникъ «Современника», «Русс. Слова», «Дѣла», ученый и публицистъ, отдавшій всю свою жизнь литературѣ и умершій съ перомъ въ рукахъ, дописывая для «Р. М.» очередной «очеркъ» русской жизни, долженъ былъ подвергаться цензурѣ В. М. Лаврова и М. Н. Ремезова³⁾.

«Ужъ очень много, кажется мнѣ, писалъ Н. В. Шелгуновъ Гольцеву 26 марта 1887 г. вынула редакція изъ моего послѣдняго «Очерка», даже то, что я выписалъ изъ напечатаннаго въ «Русс. Вѣд.». Для характеристики Пушкина и для ясности мысли, въ чемъ преемственность теперешняго интеллигента съ Пушкинымъ, было бы лучше не дѣлать выемки. Мнѣ иногда думается, что официальная цензура въ «Сѣв. Вѣстникѣ» слабѣе чѣмъ домашняя цензура «Р. М.»⁴⁾ Эта «домашняя» цензура и вообще вмѣшательство В. М. Лаврова въ литературную часть дѣла приводило Н. В. Шелгунова въ полное отчаяніе.

Если бы, Вуколь Михайловичъ, писалъ онъ Гольцеву, думалъ цѣлый годъ, онъ не придумалъ бы ничего лучшаго, какъ разбить «Переходные характеры» на двѣ книжки. М.⁵⁾ волновался до того, что заболѣлъ. Ночь не спалъ. Вѣдь статья только цѣльной и имѣетъ смыслъ. Ну какъ мысль разбить на двѣ половины? Неужели Вук. Мих. думаетъ, что лучше давать читателямъ отрывки и лоскутки, чѣмъ цѣлое. Да вѣдь и насъ авторовъ, хотя бы поберегли, то отъ урѣзываній, то отрѣзываній...

Оказывается статья Шелгунова была разбита единственно потому, что «мартовская книжка, какъ говорилъ Лавровъ, очень распухла».

¹⁾ Напечатано въ сборникѣ «Память В. А. Гольцева». М. 1910, стр. 186.

²⁾ В. И. Семеvскій привелъ въ юбилейномъ сборн. Литер. фонда эти не пропущенныя цензурой страницы. По сличеніи этихъ страницъ съ текстомъ «Р. М.» за 1885 г. кн. XI и за 1886—1—3 гг. оказалось, что почти все, за малыми исключеніями, было пропущено московской цензурой.

³⁾ Впрочемъ, той же участи, какъ сообщилъ намъ одинъ извѣстный писатель, подвергался даже Чернышевскій, который показался Лаврову сумасшедшимъ единственно за то, что Н. Г. со свойственной ему манерой говорить посовѣтовалъ Лаврову отправить свою статью въ наборъ до редакціоннаго ея обсужденія. «Ну какая тамъ редакція—получили статью и посылайте въ типографію»—это показалось Лаврову безуміемъ.

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ очеркѣ, посвященномъ 50 лѣтію со дня смерти А. С. Пушкина. См. Р. М. 87 г. II и отд. изд. «Очерковъ» въ изд. О. Н. Поповой 1895 г. стр. 286.

⁵⁾ Михайловскій.

Не скрою отъ Васъ писалъ Н. В. Шелгуновъ В. Гольцеву 17 апрѣля 1886 г. что я вступилъ въ «Р. М.» съ традиціями прежней журналистики («Совр.» «Русс. Слово», «Дѣло»). Эти журналы давали большой просторъ своимъ сотрудникамъ (и «От. Зап.» держалась того же). Я радовался, что буду работать въ неподцензурномъ журналѣ, но увы! встрѣтилъ самое жестокое отношеніе къ моимъ статьямъ... Въ среду, 16 апрѣля, я выслалъ воспоминанія. Въ этой статьѣ мнѣ дорога вся послѣдняя (XVII) глава и въ особенности два мѣста: Костомаровское обвиненіе (и его записочка) и диспутъ, и значеніе диссертациі въ послѣдующемъ движеніи нашей журналистики. Попрошу Васъ убѣдительно сохранить статью въ цѣлости; урѣзки совсѣмъ обезцвѣтятъ. (Мнѣ почему то думается, что наибольшую жестокость къ моимъ статьямъ обнаруживаетъ Ремезовъ)...

Сотрудничество Н. В. Шелгунова въ «Р. М.» началось съ 1885 г. «Литературныя воспоминанія» «Переходныя характеры» и наконецъ, «Очерки русской жизни». пріобрѣли ему широкую популярность. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ онъ являлся выразителемъ взглядовъ и стремленій лучшей части русской передовой интеллигенціи.

Казалось бы, журналъ даже съ чисто коммерческой точки зрѣнія долженъ былъ бы держаться за такого сотрудника, а между тѣмъ редакція «Р. М.» въ лицѣ Лаврова и Ремезова относилась къ нему, какъ къ «юнцу, только что начавшему писать».

«...Какъ писатель ты самъ знаешь, читаемъ въ письмѣ къ Гольцеву отъ 23/iv 1888 г., какво спѣшить, хлопотать, стараться успѣть со статьей и пригонять ее къ сроку и затѣмъ все таки статью въ печати не увидишь. За тѣмъ, какъ человѣкъ желающій пить и ѣсть ты то же знаешь, что значить не имѣть цѣлый мѣсяцъ заработка, на который ты рассчитываешь и безъ котораго приходится дѣлать долгъ или ужъ я не знаю что.

Въ апрѣль мой очеркъ не попалъ, въ іюнь могъ то же не попасть. Я заложилъ въ Москвѣ билетъ, чтобы ѣхать въ С.-Петербургъ, сдѣлалъ въ Петербургѣ долгъ въ 100 р. и вся эта тягота была бы вполнину для меня легче, если бы въ апрѣлѣ напечатался мой очеркъ, а если бы и въ іюнѣ очерка не появилось, то до августа ужъ я и не знаю чѣмъ бы я существовалъ, потому что другого билета, что бы заложить у меня нѣтъ. Вотъ оно положеніе русскаго публициста!.. Совершенно спокойно и разсудочно я соображаю такъ. Если бы редакція придавала моему сотрудничеству и очеркамъ значеніе, то не могло бы встрѣтятся случая, чтобы книжка составлялась безъ нихъ. А если при составленіи книжки «очерки» могутъ не имѣться въ виду, то очевидно, что редакція въ нихъ особой нужды не чувствуетъ. Это соображеніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе безошибочнымъ, что я долженъ былъ просить очень убѣдительно Вук. Михайловича и Митр. Нил. (Ремезова), чтобы очеркъ вошелъ въ іюньскую книжку. Все это заставляетъ меня считать свое положеніе въ «Р. М.» далеко не упрочившимся и неустойчивымъ»...

Впослѣдствіи положеніе Н. В. Шелгунова въ «Р. М.» сдѣлалось болѣе устойчивымъ и сотрудничество его продолжалось безъ перерыва до самой смерти.

Мы знаемъ, какъ реагировалъ Гл. И. Успенскій на статью В. А. Гольцева о «Сѣв. Вѣстникѣ» и Михайловскомъ; знаемъ какого мнѣнія о «солидарности» «Р. М.» держался Короленко, небезынте-

ресно поэтому посмотрѣть теперь, какъ представлялъ себѣ будущее двухъ конкурирующихъ журналовъ Шелгуновъ. Вотъ что читаемъ въ письмѣ къ Гольцеву отъ 7 марта 88 г., «...Ты пишешь о мартовской книжкѣ, что въ ней слаба беллетристика и хорошъ серьезный отдѣлъ. Это же замѣтило «Нов. Обзор.» и въ январьской книжкѣ. Должно быть «Русс. Мысли» придется размежеваться съ «Сѣв. Вѣстникомъ» Они останутся при Короленко и Успенскомъ, а «Русс. Мысли» придется специализироваться на популярныхъ статьяхъ общаго характера. Ихъ публика ждетъ какъ манны небесной и ждетъ ихъ не меньше, чѣмъ въ 60 годахъ. Думаю, что можно подобрать соотвѣтственныя силы и если не гнаться за «новыми» словами... «Р. М.» создастъ себѣ очень почтенное, воспитательное руководящее положеніе».

Это желаніе Шелгунова придать «Р. М.» характеръ «Русс. Слова» 60-хъ годовъ такъ и не осуществилось, да и трудно было ожидать отъ издателей такой смѣлой реформы. Хотя, надо признать, что оцѣнка общественнаго настроенія конца 80-хъ годовъ и, главнымъ образомъ, настроенія молодежи, сдѣлана была Шелгуновымъ правильно: стремленіе къ самообразованію и серьезному научному изученію общественныхъ вопросовъ—характерная черта молодежи конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Навстрѣчу этому стремленію, какъ извѣстно, пошелъ Павленковъ изданіемъ популярно-научной литературы.

Не задаваясь цѣлью дать исчерпывающій обзоръ собраннаго въ «Архивѣ» В. А. Гольцева матеріала—къ этому мы надѣемся еще вернуться, когда матеріалъ этотъ будетъ разобранъ и систематизированъ для отдѣльнаго изданія—приведемъ въ заключеніе нашей статьи письмо П. Д. Якубовича-Мельшина.

«Многоуважаемый

Викторъ Александровичъ!

Я никогда не имѣлъ удовольствія знать Васъ лично; Вы также не знали меня, и я едва смѣю надѣяться, что самое имя мое что нибудь скажетъ Вашей памяти и Вашему Сердцу. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ одной просьбой довольно щекотливаго характера. Почти одновременно съ этимъ письмомъ (раньше или позже—не знаю) посылаю въ редакцію Вашего журнала (Леонтьевскій, 21) очеркъ «Дорога», представляющій начало очень большой вещи «Среди отпѣтыхъ и отверженныхъ», но имѣющій вполнѣ самостоятельный смыслъ и въ отдѣльности. Не мнѣ судить о цѣнности собственнаго произведенія, и я не думаю просить Васъ напечатать его во что бы то ни стало. Прошу одного: не пройдите его вниманіемъ на томъ только основаніи, что при немъ не указано адреса автора и что переписано оно не такъ четко и разглаголисто, какъ бы было желательно. Находясь все еще въ нѣдрахъ Мертваго Дома авторъ не могъ сдѣлать ни того, ни другого, не могъ даже придать очерку ту отдѣлку, къ какой, можетъ быть, былъ бы способенъ при другихъ условіяхъ работы.

«Если «Дорога» будетъ напечатана въ «Русской Мысли» и за нее будетъ причитаться мнѣ какой нибудь гонораръ (надо ли прибавлять—не лишнія для меня), то будьте добры отослать его въ Петербургъ моей сестрѣ, Марѣ Филипповнѣ Якубовичъ: Эргелевъ Переулокъ, д. № 2, кв. 19. Никакихъ письменныхъ комментарій не нужно. Если же почему-либо найдете неудобной мою «Дорогу»

НВ. она подпісана іменемъ П. Даниловича), тогда... будьте и тогда добры: отошлите рукопись по тому же адресу. Продолженіе пришло, конечно, въ томъ только случаѣ, если узнаю о годности начала. Исправлять свое произведеніе и крошить на всѣ лады предоставляю полное право.

Съ истиннымъ уваженіемъ П. Якубовичъ.

Какъ извѣстно, П. Д. Якубовичъ не нашель себѣ пріюта въ «Русской Мысли» и только благодаря Н. К. Михайловскому «Дорога» появилась въ «Русс. Богатствѣ», какъ одна изъ главъ большой работы: «Въ мірѣ отверженныхъ».

Затѣмъ въ «Архивѣ» В. А. Гольцева сохранилось нѣсколько неизданныхъ стихотвореній П. Д. Якубовича, присланныхъ въ «Русс. Мысль» изъ Кургана Тобол. губ. Къ одному изъ стихотвореній, посвященному памяти М. Л. Михайлова, П. Д. Якубовичемъ сдѣлано такое примѣчаніе:

Знаменитый поэтъ 60-хъ годовъ, лучший переводчикъ стиховъ Гейне на русскій языкъ, Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, умеръ, какъ извѣстно изъ «Исторіи новѣйшей литературы» А. М. Скабичевскаго, въ глухой деревушкѣ Забайкальской области Кадаѣ (гдѣ жилъ съ нимъ одно время и Г. Н. Чернышевскій) въ 1867 году. Несмотря на то, что у Мих. Лар. есть въ Сибири богатые и даже чиновные родственники, могила его долгіе годы стояла совсѣмъ безъ креста, послѣ того какъ первоначальный деревянный крестъ былъ снесенъ бурей и взятъ мѣстными крестьянами на дрова... Мы слышали, что только въ самое послѣднее время небольшимъ кружкомъ мѣстной интеллигенціи крестъ снова поставленъ, и такимъ образомъ могила, мѣсто которой уже начало было приходить въ забвеніе, спасена еще лѣтъ на десять, на пятнадцать. Могила эта находится не на общемъ крестьянск. кладбищѣ, а на отдѣльномъ утесѣ, рядомъ съ нѣсколькими могилами польскихъ повстанцевъ 31 года. Кажется уже послѣ смерти М. Л. въ Кадаю пріѣзжалъ его близкій другъ и товарищ Н. В. Шелгуновъ, нынѣ также уже покойный; съ тѣхъ поръ врядъ ли кто изъ почитателей поэта навѣщалъ его... Осматривая окружающую мѣстность, невольно вспоминаешь предсмертные стихи М. Л. Михайлова, напечатанныя въ «Отеч. Зап.» 71 г.:

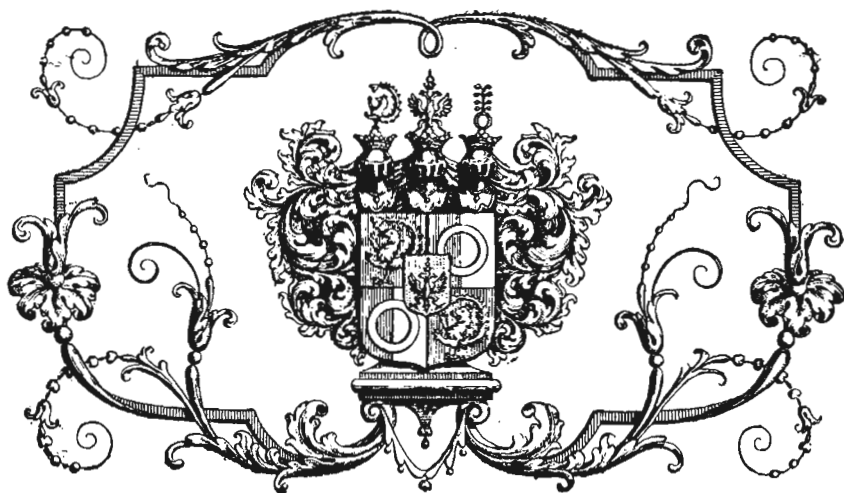
Вышелъ срокъ тюремный:
По горамъ броди!
Со штыкомъ солдата
Нѣтъ ужъ позади.
Воли больше... Что же
Стѣны этихъ горъ
Пуще стѣнъ тюремныхъ
Мнѣ тѣснятъ просторъ?

Тамъ, подъ темнымъ сводомъ,
Тяжело дышать,
Сердце уставало
Биться и желать.
Здѣсь падъ головою
Подъ лазурный сводъ
Жаворонокъ вьется
И поэтъ — зоветъ!..

П. Я.

Къ этимъ, сообщеннымъ П. Д. Якубовичемъ свѣдѣніямъ о М. Л. Михайловѣ, пользуемся случаемъ добавить, что всѣ стихотворенія и вообще рукописи погибшаго въ Сибири поэта, какъ видно изъ письма Н. В. Шелгунова къ Гольцеву отъ 21 января 1888 г.—завѣщаны въ наслѣдство сыну Н. В. Шелгунова—Михаилу Николаевичу.

Н. К—овъ.

Критика и библиографія.

Г. Винклеръ. «Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества». Переводъ Певзнера подъ редакціей Н. М. Никольскаго. Изд. «Фарестъ». 1913. Москва.

Въ предисловіи къ русскому переводу г. Никольскій признаетъ въ панвавилонизмѣ нѣкоторыя положительныя черты, считаетъ нѣкоторыя положенія панвавилонизма доказанными. А между тѣмъ тутъ-же рядомъ, слѣдуя западноевропейской критикѣ, онъ самъ урѣзываетъ ученіе Г. Винклера до скромныхъ размѣровъ безспорнаго вліянія вавилонской легенды и мѣта на преданія и вѣрованія сосѣднихъ народностей, сводитъ его заслугу къ разрѣшенію Винклеромъ нѣсколькихъ важныхъ проблемъ по исторіи вавилонскаго календаря и по хронологіи.

Однко, отвергая астральный характеръ міровоззрѣнія всѣхъ древнихъ народовъ и его позаимствование непременно у вавилонянъ, редакторъ перевода въ сущности отшатывается отъ панвавилонизма. Книжечка Г. Винклера излагаетъ, по его словамъ, и крайности, и цѣнные выводы панвавилонизма. Въ такомъ случаѣ въ обязанности г. Никольскаго входило отмѣтить въ собственныхъ примѣчаніяхъ подъ страницей всѣ главные случаи, когда Винклеръ въпадаетъ въ крайности. Только съ такими предостереженіями брошюра Винклера могла-бы дѣйствительно ознакомить читателя съ Вавилонской культурой и ея вліяніями, а не просто съ панвавилонизмомъ, какъ одностороннимъ, часто прямо таки ненаучнымъ увлеченіемъ даровитаго и авторитетнаго специалиста.

Къ сожалѣнію, такихъ поправокъ и оговорокъ редактора, которые помогли-бы читателю отличить общепризнанныя черты вавилонской культуры отъ субъективныхъ догадокъ Винклера, въ русскомъ переводѣ за предѣлами предисловія нѣтъ. Между тѣмъ, чтобы сразу дать знакомство и съ панвавилонизмомъ, и съ исторически установленной культурой Вавилона надо было изложить Г. Винклера хотя-бы сопоставлять съ выводами Ястрова (М. Jastrow, *Die Religion Babylonien und Assyriens* переработка съ англійскаго), и Ф. Куглера (Т. Kugler, *S. J., Sternkunde und Sterndienst in Babel*. В. I—II).

Напримѣръ: не доказано, что предвареніе равноденствія было извѣстно древнему Вавилону. Предположеніе Винклера, что въ мифологій вавилонянъ отразилось открытіе ими четырехъ фазъ планеты Венеры, опровергается у специалистовъ тѣмъ, что простымъ глазомъ ихъ нельзя было-бы открыть и предупредить этимъ Галилео Галилеи. Среди собственно созвѣздій эклиптики, то есть знаковь зодіака, нѣтъ птицъ, а потому нѣтъ и той области воздуха, о которой говоритъ Винклеръ. Къ тому же властителемъ воздуха долженъ считаться не Ану, а Бель (Enlil) Вавилонскій праздникъ Мардука, или Новый Годъ, въ дни Хаммураби приходился еще отнюдь не на мѣсяцъ мартъ, а на іюнь—іюль нов. ст.; только съ 700 г. д. Р. Х. этотъ праздникъ сталъ падать приблизительно на весеннее равноденствіе. Чтобы поставить карнавалъ въ связь съ праздникомъ Мардука и объяснить его изъ саго *navale*, т.-е. корабельной колесницы, Винклеръ произвольно предполагаетъ, что статуя Мардука везется въ кораблѣ, поставленномъ на колеса. Приуроченіе 4-хъ областей великихъ государствъ эпохи Саргона къ сторонамъ неба не отличается въ Вавилоніи постоянствомъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ даже простой переводъ общедоступной книжки Г. Винклера дастъ ясное понятіе о его напавилонизмѣ ¹⁾.

Евгеній Щепкинъ.

Исторія нашего времени. Современная культура и ея проблемы. Подъ редакціей профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К-о.—Выпуски I—II.

Новое гсандіозное изданіе, задуманное издательской фирмой Гранатъ тавитъреебѣ цѣлью, какъ говорится въ проспектахъ, «въ связи съ изложеніемъ важнѣйшихъ событій перваго десятилѣтія XX вѣка дать отчетливое представленіе объ очередныхъ задачахъ, надъ которыми работаетъ общественная и научная мысль культурнаго міра.» Вышедшіе въ свѣтъ первые 11 выпусковъ, занимающіе около 900 страницъ большо-го формата, не составляютъ еще и первой части, трактующей о политической и социальной исторіи Европы въ первое десятилѣтіе XX вѣка. (Слѣдующія части предполагается посвятить: вторую—Дальнему Западу и Дальнему Востоку, третью—современной Россіи, четвертую—литературѣ и искусству и пятую—современной наукѣ). Первая часть открывается статьей М. М. Ковалевскаго «Государство на Западѣ въ началѣ XX вѣка». Здѣсь отмѣчаются главные черты и новые факты внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній въ Западной Европѣ, которые успѣло обнаружить начало XX вѣка. Въ области внѣшней политики крупнѣйшимъ новымъ фактомъ является сближеніе Англіи съ Франціей и прекращеніе соперничества между Англіей и Россіей. Что касается внутреннего развитія Западной Европы, то прежде всего авторъ выдвигаетъ какъ характернѣйшую черту разсматриваемаго періода «развитіе и отчасти видоизмѣненіе той самой системы правленія, начало которой въ Англіи положено было еще въ средніе вѣка, а на континентѣ Европы съ 1791 года и первой писанной конституціи во Франціи; это—образъ правленія представительный и привоной». И въ дальнѣйшей эволюціи этого представительнаго образа правленія какъ логическій результатъ ея появляется дальнѣйшее упроченіе парламентаризма, которое въ монархическихъ государствахъ всюду «развивается на счетъ конституціонной монархіи». Извѣстныя измѣненія происходятъ и въ самомъ парламентаризмѣ; авторъ выдвигаетъ именно черту, особенно ярко отмѣченную Сиднеемъ Ло,

¹⁾ См. некрологъ Г. Винклера въ отдѣлѣ хроникки. № 10 «Гос. Мин.»

но сосредоточеніе власти въ рукахъ премьера, какъ того парламентскаго руководителя большинства, которому поручается образованіе кабинета. Проф. Ковалевскій касается и поднятыхъ въ послѣднее время вопросовъ о кризисѣ современнаго государства, кризисѣ парламентаризма и кризисѣ современнаго правосознанія, о попыткахъ излѣченія кризиса путемъ новой организаціи представительства (пропорціональная система) и т. п.; но авторъ не думаетъ, что бы этотъ органъ, эти или кризисы были слишкомъ серьезны, чтобы можно было говорить о банкротствѣ. Возможны только по его мнѣнію болѣе или менѣе существенныя модификаціи, но не крутой переломъ, не отступленіе съ пути, на который твердо уже встало современное государство.

Послѣ вступительной статьи слѣдуютъ очерки современной Франціи (П. С. Русанова), Бельгіи (Эм. Вандервальда), Италіи (М. А. Озоргина), Голландіи (А. де-Витъ), Англіи (Діонео), Австро-Венгріи (К. Реннера-Шпрингера), Германіи (Эд. Бернштейна и Р. С. Стрѣльцова), Швейцаріи (В. В. Водовозова), Италіи, Португаліи (А. Деречтала). О характерѣ и тенденціи статей уже самыя имена сотрудниковъ даютъ достаточное представленіе.

Вопервыхъ всѣ они люди, долго жившіе, или постоянно живущіе въ тѣхъ странахъ, политическую и общественную жизнь которыхъ они изображаютъ, и уже составившіе себѣ имя въ качествѣ наблюдателей современности. Что касается ихъ симпатій, то онѣ на сторонѣ растущихъ и крѣпнущихъ демократическихъ элементовъ; а нѣкоторые изъ авторовъ являются и видными угодниками и руководителями социалистическаго движенія. (Бернштейнъ, Вандервальдъ, Реннеръ-Шпрингеръ). Въ каждой изъ статей мы находимъ абсолютную трактовку современнаго экономического уклада, трактовку, сопровождаемую рядомъ цифръ, которыхъ иногда слишкомъ много для «легкаго чтенія»; но онѣ незамѣнимы, если смотрѣть на книгу, какъ на серьезный справочникъ для каждаго русскаго читателя, желающаго разбираться въ сложныхъ событіяхъ текущей жизни Западной Европы и лучше понимать тѣ свѣдѣнія, которые онъ каждый день вычитываетъ въ періодической печати. Определенныя тенденціи и симпатіи не исключаютъ стремленій къ объективности, и такая объективность едва ли больше всего проявляется у тѣхъ трехъ названныхъ авторовъ, которые сами принадлежатъ къ социалистическимъ партіямъ. Всѣ крупнѣйшія политическія событія послѣднихъ лѣтъ разсказаны живо; едва ли не съ наибольшимъ интересомъ будетъ читаться статья Діонео о современной Англіи, гдѣ политическая и общественная жизнь развивалась и развивается съ особенной стремительностью изобилуетъ рядомъ эпизодовъ, приковавшихъ къ ней въ послѣднее время напряженное вниманіе всего міра. Стоитъ только напомнить о борьбѣ съ палатой лордовъ и о проведеніи акта о парламентѣ, положившемъ предѣлъ неограниченному (юридически) праву veto верхней палаты на постановленія нижней.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на нѣкоторые недочеты (было бы, напр., желательно болѣе полное и болѣе безпристрастное изложеніе доктринъ современнаго либерализма, идеологіи синдикализма, выступающаго серьезнымъ конкурентомъ социализму среди рабочихъ), появленіе настоящаго изданія можно искренно привѣтствовать. Оно положительно является необходимымъ для каждаго, сколько-нибудь интересующаго современностью. Укажемъ также и на рядъ прекрасно выполненныхъ иллюстрацій (портреты современныхъ дѣятелей, типы населенія, виды, снимки съ характерныхъ зданій и т. п.), что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность изданія.

Н. Чубскій.

М. Я. Пинесъ. Исторія еврейской литературы (на еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ), авторизованный переводъ съ французскаго съ предисловіемъ и дополненіями С. С. Вермель. Универсальное к-во Л. А. Сголяръ. Москва, 1913 г., XV+372 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ еврейскихъ кругахъ въ настоящее время ведутся страстные пренія по вопросу о судьбѣ еврейскаго «жаргона», — т.-е. языка, образовавшагося изъ южно-германскаго нарѣчія, на которомъ говорили германскіе евреи при переселеніи въ Польшу и въ который въ теченіе вѣковъ, прожитыхъ евреями въ Польшѣ и Россіи, было включено немало польскихъ и русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. На разныхъ нарѣчіяхъ этого «жаргона» говоритъ и понынѣ подавляющее большинство еврейскаго населенія Россіи, Галиціи и Румыніи. Въ зависимости отъ общихъ политическихъ взглядовъ, представители разныхъ теченій въ еврействѣ относятся отрицательно или положительно къ будущности этого языка. Противники «жаргона» отрицаютъ за нимъ всякую будущность, полагаютъ, что онъ въ состояніи отражать только узкій кругъ мыслей отсталыхъ слоевъ еврейскаго народа, и ожидаютъ, что онъ будетъ замѣненъ либо древне еврейскимъ, либо языкомъ господствующаго въ странѣ народа, напр., въ Россіи русскимъ, въ Польшѣ польскимъ и т. д. Представители же другого теченія предсказываютъ, что усиленіе и развитіе національнаго самосознанія у евреевъ приведетъ въ то же время и къ духовному обогащенію разговорно-еврейскаго языка и дастъ возможность создать на немъ литературу, которая удовлетворяла бы требованіямъ также и интеллигентныхъ слоевъ еврейства, усвоившихъ европейскую культуру. Въ своей исторіи разговорно-еврейской литературы г-нъ Пинесъ, написавшій эту работу въ качествѣ диссертации въ Сорбоннѣ, избѣгаетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ воздерживается отъ предсказанія будущаго и излагаетъ полно и объективно всѣ этапы, которые прошло еврейское народное творчество съ начала 16-го вѣка до нашихъ дней. Но тѣмъ не менѣе, это объективное историческое изложеніе, свободное отъ всякой полемики политическаго характера, даетъ драгоцѣнный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о будущности жаргона и жаргонной литературы. Оно убѣждаетъ въ томъ, что споръ между сторонниками и противниками жаргона въ значительной степени вызванъ незнакомствомъ съ уровнемъ, на который жаргонная литература уже поднялась. Чтеніе этого труда, въ которомъ даны образцы творчества всѣхъ сколько нибудь крупныхъ жаргонныхъ писателей, показываетъ, что проф. Шарль Андлеръ былъ правъ, когда писалъ въ предисловіи къ книгѣ Пинеса: «Le peuple juif a des poètes et des romanciers, qui égalent en douceur et en force d'émotion ce que nous avons de plus rare et de plus fort dans l'Europe occidentale d'aujourd'hui». И дѣйствительно, отрывки, приводимые Пинесомъ; напр., изъ сочиненій Абрамовича (Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ), Переца, поэта-рабочаго Розенфельда и другихъ современныхъ писателей на разговорно-еврейскомъ языкѣ, вполне подтверждаютъ, что въ идейномъ содержаніи и художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ жаргонныхъ писателей поднялись да такую высоту, которая рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ массы прежнихъ бездарныхъ «сочинителей», писавшихъ для невѣжественныхъ слоевъ населенія еврейскихъ четто. Мы у нихъ уже находимъ идеи и переживанія, которыми проникнуто творчество современныхъ писателей на европейскихъ языкахъ. Такимъ образомъ жаргонъ показалъ, что онъ способенъ выражать не только мысли и чувства забытыхъ безправіемъ, нищетою и невѣжествомъ еврейскихъ массъ, но что на немъ возможна

и передача всѣхъ переживаній современнаго культурнаго человѣка. Книга Пинеса, которая дала возможность европейскому читателю познакомиться съ этимъ до сихъ поръ совершенно чуждымъ ему миромъ еврейской литературы, поэтому будетъ прочтена съ большимъ интересомъ. Русскому же читателю это ознакомленіе будетъ облегчено переводомъ тщательно и съ любовью сдѣланнымъ С. С. Вермелемъ.

И. О. Левинъ.

Malaguzzi Valeri: La corte di Lodovico il Moro, la vita privata e l'arte a Milano nella seconda metà del quattrocento. XIII+766. Milano. Hoepli. 1913. L. 48.

Вышелъ первый томъ капитальнаго изслѣдованія о бытѣ и искусствѣ эпохи Лодовико Сфорца. Видная роль въ исторіи Италіи XV в. Милана, одного изъ крупнѣйшихъ тогда въ Европѣ городовъ (300000 жит., 186000 домовъ, 14600 лавокъ), интересная фигура кондотьера-мецената Лодовика Моро, котораго слѣдуетъ поставить не только рядомъ, но, быть-можетъ, даже и выше Лоренцо Медичи, такъ какъ именно онъ угадалъ значеніе Леонардо да Винчи (Luzio e Renier: Le relazioni d'Isabella d'Este con Lodovico Sforza); праздничная пышность его двора, «самаго блестящаго послѣ исчезновенія бургундскаго» (Буркхартъ), высокій уровень миланскаго искусства, представленнаго такими именами, какъ Браманте, Леонардо, де Предисъ, Бельтраффио, Соларио, Кошти и др.—все это какъ нельзя болѣе оправдываетъ выборъ темы. Лежащій передъ нами первый томъ изображаетъ матеріальный бытъ Милана во второй половинѣ XV в. Авторъ, Малагуцци-Валери, извѣстный своими работами по разнымъ вопросамъ итальянскаго искусства, использовалъ для своего поваго труда не только огромную и часто очень специальную литературу своихъ предшественниковъ, но и массу неизданнаго архивнаго матеріала. Съ изумительной эрудиціей, съ кропотливѣйшей детальностью воспроизведены всѣ стороны частнаго и придворнаго быта Милана второй половины кватроценти: Экономическое положеніе герцогства и внутреннее устройство знаменитаго castello, дамскія моды и княжеская кухня, развлеченіе горожанъ и придворныя празднества, домашняя утварь и медицинскіе трактаты, благотворительныя учрежденія и княжескія охоты, приданое невѣстъ и учебники принцевъ, дѣтскія игрушки и салонныя игры, астрологи и шуты, законодательные акты и половые нравы, дачная жизнь и увлеченіе танцами и музыкой—все нашло себѣ мѣсто въ этой подробной бытовой картинѣ, похожей на огромную фреску. Быть-можетъ, авторъ иногда слишкомъ увлекается своимъ героемъ, точно пишетъ не историческій портретъ, а лѣпнитъ фигуру идеальнаго государя. Хотѣлось бы иногда видѣть и нѣсколько болѣе правильнаго соціологическаго освѣщенія отдѣльныхъ фактовъ и явленій (папр., законы противъ роскоши, имѣли въ виду, конечно, не роскошь вообще, а только извѣстныхъ слоевъ, служба однимъ изъ средствъ классового обособленія и т. д.). Слишкомъ мало мѣста удѣлено въ этой широкой бытовой картинѣ трудящимся классамъ, и нѣсколько очень интересныхъ, правда, миниатюръ и рисунковъ на эту тему только до извѣстной степени восполняютъ этотъ пробѣлъ. Впрочемъ, эта скупость вообще щедрого на подробности автора объясняется, быть-можетъ, тѣмъ, что весь первый томъ является только «рамкой» для болѣе важнаго втораго тома, который будетъ посвященъ разсмотрѣнію искусства и литературы, а они были, конечно, связаны преимущественно съ придворной и аристократической средой, были преимущественно ея порожденіемъ.

Излагаемый въ текстѣ фактический матеріалъ богато иллюстрированъ снимками съ картинъ, миниатюръ, медалей, предметовъ обихода и роскоши

и т. д., оригиналы которых хранятся не только въ публичныхъ музеяхъ, но и въ частныхъ коллекціяхъ и не только Италіи, но и всей Европы. Прекрасно выполненныя, эти иллюстраціи облачаютъ упоминаемые въ текстѣ факты въ плоть и кровь живой жизни и придаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ историческому изслѣдованію характеръ художественнаго произведенія. Когда выйдетъ второй томъ этого въ своемъ родѣ классическаго труда—издательство посвящаетъ его городу Милану на память о «быломъ величіи и блескѣ», —этотъ послѣдній будетъ въ правѣ гордиться такимъ же монументальнымъ изслѣдованіемъ, такимъ же грандіознымъ и роскошнымъ памятникомъ, какой Мольменти воздвигъ Венеціи. Трудъ послѣдняго охватываетъ, правда, всю исторію Венеціи до XVIII в. включительно, тогда какъ Малагуцци-Валери ограничился одной только эпохой кватроченто. Если угодно, можно найти и объективное оправданіе для такого ограниченія темы.

Пусть Миланъ сыгралъ еще разъ видную роль въ итальянской жизни въ качествѣ одного изъ главныхъ центровъ демократическаго движенія конца XVIII в., пусть на рубежѣ XX в. онъ сталъ одной изъ главныхъ цитаделей итальянскаго индустріализма, только въ эпоху Ренессанса, подъ скипетромъ Лодовико Моро, только въ дни, когда здѣсь жилъ и творилъ великій Леонардо, Миланъ былъ на самомъ дѣлѣ — какъ его окрестилъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ придворный поэтъ Беллинчиоши,—итальянскимъ «Афинами».

В. Фриче.

«Г. А. Замятинъ «Къ вопросу объ избраніи Карла Филиппа на русскій престолъ (1611—1616 г.)». Юрьевъ 1913 г. стр. 141+IV.

Вопросъ объ избраніи шведскаго королевича на русскій престолъ въ русской исторической литературѣ разработанъ съ одной стороны очень недостаточно, а съ другой съ методологической точки зрѣнія, если не считать статьи пр. Маркевича («Избраніе на цѣрство Михаила Ѳ. Романова» Ж. М. Нар. Пр. 1891 г.), односторонне. И это потому, что историки пользовались преимущественно извѣстіями лѣтописнаго характера, мало обращая вниманія на матерьялъ, сообщаемый грамотами, и оставляя въ сторонѣ извѣстія шведскихъ источниковъ. Пересмотръ этого вопроса въ русской литературѣ сталъ необходимымъ послѣ опубликованія Альмквистомъ въ 1907 году новыхъ архивныхъ документовъ на шведскомъ языкѣ («Le monde oriental»), а особенно послѣ опубликованія этихъ же документовъ въ русскомъ переводѣ въ V выпускѣ «Сборника Новгородскаго Общества Любителей Древностей». Пересмотръ этого вопроса и составляетъ цѣль изслѣдованія г. Замятина. Надо замѣтить, что такой же матерьялъ былъ въ распоряженіи и у Альмквиста, который въ своей работѣ «Царскіе выборы въ 1613 году. Карлъ Филиппъ и Михаилъ Романовъ», вышедшей въ 1908 г. на шведскомъ языкѣ, а позже на нѣмецкомъ Zeitschrift für osteuropäische Geschichte В. III Н. 2), во многомъ предвосхитилъ выводъ нашего изслѣдователя. Тѣмъ не менѣ работа г. Замятина носить вполне самостоятельный характеръ, а его матерьялъ обширнѣе, такъ какъ печатный матерьялъ онъ значительно расширилъ и дополнилъ привлеченіемъ ряда неопубликованныхъ документовъ изъ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Выводы автора таковы. Кандидатура шведскаго королевича была противопоставлена въ ополченіи Ляпуновъ кандидатурѣ Владислава, такъ какъ ополченіе рассчитывало на шведскую помощь противъ Поляковъ. Ополченіе Минина и Пожарскаго во время пребыванія своего въ Ярославлѣ тоже и по тѣмъ же соображеніямъ имѣло въ виду кандидатуру шведскаго королевича,

при чемъ предполагалось послѣ выясненія всѣхъ условій новгородскаго договора и подробнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла вмѣстѣ съ новгородцами отправить посольство къ Карлу IX «просить королевича». Это настроеніе въ пользу шведской кандидатуры держалось въ ополченіи Пожарскаго до конца 1612 года; существовала мысль объ этой кандидатурѣ и на соборѣ 1613 года. До сихъ поръ авторъ въ своемъ изложеніи мало расходится съ Альмквистомъ, но въ объясненіи причинъ отклоненія кандидатуры расходится съ нимъ. Онъ полагаетъ, что главной причиной отклоненія было опасеніе, чтобы приглашеніе это не заключилось тѣмъ же, чѣмъ приглашеніе Владислава, тѣмъ болѣе, что королевичъ не ѣхалъ въ Новгородъ, шведскіе войска разоряли новгородскую область, а вопросъ о принятіи королевичемъ православной вѣры не получалъ благопріятнаго разрѣшенія. Это обстоятельство, а не «казачья» воля обусловили отказъ отъ кандидатуры Карла Филиппа и привели къ избранію Михаила Феодоровича.

Не со всѣми выводами автора можно согласиться во всей ихъ полнотѣ. Значеніе кандидатуры шведскаго королевича на Ярославскомъ соборѣ напр. намъ кажется нѣсколько преувеличеннымъ: слишкомъ нерѣшительны, несмотря на вліяніе Пожарскаго, шаги совѣта ополченія въ этомъ направленіи; скорѣе предположить, что на немъ господствовало разногласіе мнѣній. Но во всякомъ случаѣ послѣ работы г. Замятина вопросъ о кандидатурѣ Карла Филиппа, оставшійся до сихъ поръ въ тѣни, получилъ болѣе правильное освѣщеніе, и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ по исторіи смуты шведской кандидатурѣ будетъ отведена болѣе значительная роль, чѣмъ до сихъ поръ. Въ заключеніе одна поправка. Послѣ статьи г. Любомирова «Одна изъ грамотъ князя Пожарскаго» (Ж. М. П. Пр. 1911 г. № 12) первую грамоту Пожарскаго нельзя уже датировать «не позднѣе начала февраля 1612 г.» какъ это дѣлаетъ вслѣдъ за пр. Платоновымъ авторъ (стр. 37), а надо относить къ 4—5 декабря 1611 г.

А. Гильгушевъ.

П. Пирлингъ. Историческіе статьи и замѣтки. СПб. 1912. Цѣна 1 руб. 25 коп. стр. 189.

Имя П. Пирлинга весьма уважаемое среди изслѣдователей русскаго историческаго прошлаго. Занимаясь преимущественно отношеніями Россіи къ папскому престолу, П. Пирлингъ опубликовалъ великое множество новыхъ данныхъ для русской исторіи, извлеченныхъ имъ изъ Ватиканскаго архива. Параллельно большимъ работамъ упомянутый изслѣдователь помѣщалъ въ разныхъ изданіяхъ отдѣльные небольшія статьи, которыя, однако, всегда обращали на себя вниманіе изслѣдователей, такъ какъ въ основу ихъ клался какой-нибудь новый документъ. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданія статей П. Пирлинга, совершенно необходимыхъ для историка. П. Пирлингъ католическій священникъ. Его симпатіи всегда на сторонѣ католицизма и папства, въ особенности когда ему приходится касаться дѣятельности лицъ, стремившихся осуществить унію Восточной церкви съ Западной. Однако онъ очень объективенъ въ своихъ построеніяхъ и никогда не прибѣгаетъ къ произвольнымъ выводамъ и обѣщаніямъ, если только въ источникѣ нѣтъ для этого данныхъ. Пользуясь исключительно Ватиканскимъ архивомъ, П. Пирлингъ прекрасно понимаетъ односторонность своихъ матеріаловъ, но благодаря критическому анализу, онъ несклоненъ каждое слово своихъ документовъ выдавать за непреложную истину. Всѣ эти качества трудовъ П. Пирлинга и дѣлаютъ его какъ изслѣдова-

теля очень замѣтной фигурой. Среди статей переизданныхъ заслуживаютъ вниманія замѣтки и статьи по поводу дѣятельности Поссевина, какъ дѣятеля на пользу религіозной уніи. Безъ данной статьи совершенно нельзя обойтись, хотя придется нѣсколько ослабить идеализацію Поссевина. Очень цѣнна статья о судьбѣ Марины Мнишекъ послѣ майскаго погрома. Авторъ правъ въ своихъ жалобахъ на недостатокъ матеріаловъ о Маринѣ. Тѣмъ не менѣе, ему удалось найти очень яркіе новые матеріалы и дать цѣльный очеркъ судьбы Марины и ея скитаній изъ Кремлевскаго дворца въ Ярославль, а оттуда вмѣсто Польши въ объятія Тушинскаго вора, а затѣмъ Заруцкаго, чтобы окончить свою жизнь въ Московской тюрьмѣ. Авторъ отказывается отъ разрѣшенія вопроса, какова была послѣдняя судьба Марины. Это—совершенно вѣрно, а для науки совершенно неважно. Заслуживаютъ вниманія его осторожныя замѣтки о Дмитріѣ II, необходимыя для историка «Смутной эпохи». Укажемъ еще на статьи о Николаѣ Мело, Альбертѣ Вилкога и Паисіи Лигаридѣ, пользовавшемся одно время большимъ вліяніемъ при дворѣ Ал. Мих. и оказывавшемъ немалое воздѣйствіе на религіозную политику Ал. Мих. Собранные Пирлингомъ данныя обнаруживаютъ, что московское правительство имѣло дѣло съ своимъ юристомъ большого калибра, который за деньги былъ готовъ стать чѣмъ угодно и какіе угодно мѣбнія выдавать за истину. Авторитетъ Паисія Лигаридѣ имѣлъ большое вліяніе въ дѣлѣ Никона. Этотъ продажный митрополитъ являлся голосомъ греческой церкви на соборѣ 1667 г., осудившемъ Никона.

В. Пичета.

Б. С. Эсадзе—*«Лѣтопись Грузіи. Юбилейный сборникъ къ 300-лѣтію царствованія Дома Романовыхъ, Державныхъ Покровителей грузинскаго народа»*. 1613—1913 г. В. І. Изд. кн. Т. І. Туманова., стр. 1—366.

Особенный интересъ представляетъ исторія Грузіи въ частности, и исторія Кавказа вообще за XIX в., для занимающихся русской исторіей. Грузія входитъ въ составъ Русской имперіи съ начала XIX в. и съ этихъ поръ ея жизнь неразрывна съ жизнью Россіи; Грузія попадаетъ подъ непосредственное воздѣйствіе русской власти и закона; изучая исторію Грузіи за XIX в., мы можемъ очень наглядно постигать общеперсидскую политику. Къ прискорбію, въ этомъ направленіи сдѣлано чрезвычайно мало. О существующей литературѣ серьезно говорить не приходится. Принимая во вниманіе все это, мы всякій разъ съ особеннымъ интересомъ относимся къ каждой новой публикаціи о Грузіи.

Книга, заглавіе которой мы выше выписали, представляетъ увѣситый томъ, выполненный не безъ изящества, особенно хороши снимки и гравюры на отдѣльныхъ листахъ. На всемъ изданіи лежитъ, однако, отпечатокъ полнаго незнанія дѣла, непониманіе элементарныхъ научныхъ требованій; Б. Эсадзе даетъ на 3 стр. «Очеркъ Кавказа»—это рядъ трескучихъ общихъ фразъ. За очеркомъ Кавказа слѣдуетъ историческій очеркъ грузинскаго царства. Изложенія по царствованіямъ въ лѣтописной послѣдовательности безъ критики, безъ исторической перспективы, но въ высокомъ стилѣ. Въ церковномъ отдѣлѣ нѣсколько статей неизвѣстныхъ авторовъ, большей частью скрывшихся подъ инициалами и ни одной статьи такихъ извѣстныхъ специалистовъ, какъ акад. Н. Я. Марръ, г. Бенешевичъ, проф. А. Цагарели. Еще меньше путнаго въ отдѣлѣ этнографическомъ; статья Картвельское племя заимствована изъ энциклопедическаго словаря, между тѣмъ ученый антропологъ А. Дисаваховъ специально этимъ вопросомъ занятъ въ настоящее время; здѣсь же по-

мѣщены статьи какихъ то «Аккордовъ», А. Е. и тому подобныхъ неизвѣстностей, а замѣчательныя работы М. Ковалевскаго, А. Ивановскаго оставлены безъ вниманія.

Къ отдѣльнымъ частямъ книги приложена библиографія, совершенно неудовлетворительная, не отмѣчены классическія работы Н. Я. Марра, г. Бенешевича, въ отдѣлѣ топографіи не отмѣчены многочисленныя работы М. Ковалевскаго, А. Хаханова, Г. Лопатинскаго, многихъ мѣстныхъ изслѣдователей, помѣщавшихъ цѣнныя статьи въ сборникахъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа.

Такимъ образомъ, настоящее изданіе ни въ коемъ случаѣ не удовлетворитъ специалистовъ, потому что всѣ серіозныя изслѣдованія извѣстныхъ авторовъ не удостоились вниманія; не пригодна и для неспециалистовъ, потому что подборъ статей совершенно случайный, безсистемный; статьи давно забытыя, абсолютно непаучныя. Хороши только портреты на отдѣльныхъ листахъ.

С. Аваіани.

Д. А. Скалонъ. *Мои воспоминанія 1877—1878 гг.* Т. I. Спб., 1913 г. 400 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Воспоминанія ген. Скалона, основанныя на записяхъ, веденныхъ авторомъ во время русско-турецкой кампаніи 1877—1878 гг., когда онъ состоялъ въ чинѣ полковника личнымъ адъютантомъ главнокомандующаго на Европейскомъ театрѣ войны Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, читаются съ большимъ интересомъ. Г. Скалонъ, по своему положенію, могъ видѣть очень многое, что было недоступно другимъ, и поэтому и историкъ войны съ Турціей, и историкъ русской жизни времени Александра II, несомнѣнно, найдутъ въ настоящей книгѣ немало интереснаго и поучительнаго. Но, сравнивая «воспоминанія» г. Скалона (кстати сказать уже печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» и теперь, въ отдѣльномъ изданіи лишь нѣсколько пополненныя), съ мемуарами и опубликованными письмами другихъ очевидцевъ событій на театрѣ войны (напр., М. А. Газенкампа — «Мой дневникъ», Спб., 1908 г., и С. П. Боткина — «Письма изъ Болгаріи», Спб., 1893 г.) нельзя не отмѣтить, что новаго и важнаго настоящая книга даетъ не такъ много. У г. Скалона очень много мелочныхъ подробностей, особенно относительно интимной жизни великаго князя и его окружавшихъ (начальника штаба А. А. Непокойчицкаго, помощника начальника штаба К. В. Левичкаго, ген. Д. И. Скобелева — отца «бѣлаго генерала» и др., по кругозору его весьма узокъ; наблюдательностью онъ не обладаетъ; критическое отношеніе къ тому, что видѣлъ, у него отсутствуетъ. Тамъ, гдѣ у Боткина и Газенкампа яркія, полныя живого интереса картины — у г. Скалона сухіе намеки; тамъ, гдѣ у названныхъ лицъ красочныя впечатлѣнія — у г. Скалона рассказывается мало любопытный и подчасъ сомнительнаго качества анекдотъ.

Главное содержаніе «воспоминаній» г. Скалона — описаніе смотровъ производившихся вел. княземъ-главнокомандующимъ войсками, объѣздовъ имъ позицій и войсковыхъ частей, раутовъ, вечеровъ, воспроизведеніе штабныхъ разговоровъ, рассказы о времяпрепровожденіи чиновъ штаба (любопытно, между прочимъ, описаніе, какъ генералы, подививъ, плясали русскую) и т. п.

Одну изъ интересныхъ частей книги составляетъ описаніе антагонизма между главною квартирою Имп. Александра II съ одной стороны и Штабомъ Главнокомандующаго — съ другой, и записи о глухой борьбѣ, которую вели между собой великій князь Николай и Д. А. Милютинъ.

и Н. А. Обручевъ, которыхъ вел. кн. съ горечью называлъ «чернокнижниками», указывалъ этимъ на ихъ сильное вліяніе на Императора, сдерживавшіе горячіе, но не всегда обоснованные порывы штаба арміи къ развитію опасныхъ военныхъ операцій. Однако все это гораздо полнѣе и обстоятельнѣе рассказано уже у Гезенкампа.

Любопытны также отношенія Главнокомандующаго къ канцлерамъ кн. А. М. Горчакову, трусившему передъ Англіей и рисующемуся въ неприглядномъ освѣщеніи.

Для личной біографіи вел. кн. Николая Николаевича Старшаго «воспоминанія» г. Скалона, бывшаго человѣкомъ крайне преданнымъ главнокомандующему, котораго послѣдній называлъ очень часто просто «Митькой», — даютъ особенно богатый матеріалъ: авторъ съ любовью записываетъ все, что дѣлалъ и говорилъ ему вел. князь; и какъ они вмѣстѣ читали во время войны романъ «Новъ» И. С. Тургенева, печатавшійся тогда въ «Вѣстникѣ Европы», и «Гамлета», и неблагоприятный отзывъ вел. князя о своей супругѣ вел. княгинѣ Александрѣ Петровнѣ (стр. 347), и антимилитаристическую фразу вел. князя: «Какъ отвратительна война, какъ подумаешь, что люди обращаются въ какихъ-то дикихъ звѣрей!...» (стр. 292) и отзывы его о «перелюстраціи» писемъ, которая, оказывается, была и тогда въ большомъ употребленіи (стр. 311). Безхитростныя и, повидимому, крайне правдивыя записи г. Скалона подобнаго рода весьма характерны.

Въ заключеніе нельзя не привести разсказа г. Скалона о томъ, какъ пытался выступить въ качествѣ военнаго корреспондента отъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова нашъ пзвѣстный философъ Вл. С. Соловьевъ. Соловьевъ пріѣхалъ въ штабъ главнокомандующаго 18 іюля 1877 г. и явился къ г. Скалону. Онъ произвелъ на автора впечатлѣніе «человѣка, взявшагося не за свое дѣло». Соловьевъ былъ «въ русскомъ нарядѣ, бархатныхъ шароварахъ, красной рубашкѣ и суконной растегнутой поддевкѣ». «Красивое продолговатое лицо его украшалось чудными глазами и длинной темной бородкой». Авторъ, по его словамъ, убѣждалъ Владимира Сергѣевича, что онъ не имѣетъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, и что «высказанныя имъ воззрѣнія на войну ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ, что было желательно отъ корреспондента». Въ концѣ-концовъ, Соловьевъ отказался отъ своего намѣренія быть корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и въ тотъ же день уѣхалъ.

Воспоминанія доведены до 18 ноября 1877 г.

Редактирована книга не особенно хорошо; отъ необходимыхъ частей примѣчаній, напр., о томъ, какое официальное положеніе занимали тѣ или другія лица, о которыхъ рассказываетъ авторъ; также нѣтъ личнаго указателя именъ, безъ чего книгой г. Скалона специалстамъ будетъ затруднительно пользоваться. Къ книгѣ приложено много рисунковъ, но исполнены они, по большей части, весьма плохо.

Н. П. Вишняковъ.

С. И. Родзевичъ, «Предшественники Печорина во французской литературѣ». Стран. 48. Кіевъ, 1913 г.

«На нашъ взглядъ, разсмотрѣніе отношенія поэзии Лермонтова къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея». Этимъ эпиграфомъ изъ Дашкевича начинается г. Родзевичъ свою статью о «Предшественникахъ Печорина во французской литературѣ». Въ своей небольшой работѣ авторъ идетъ по сто-

памь тѣхъ изслѣдователей, которые, со времени А. Милюкова ¹⁾, уже обнаруживали слѣды французскаго вліянія въ поэзіи Лермонтова. Но, такъ какъ и доселѣ этотъ вопросъ не достаточно обслѣдованъ, то брошюра г. Родзевича является далеко не лишнимъ добавленіемъ къ тому немногому, что мы по этому поводу уже знаемъ ²⁾.

Авторъ исходитъ изъ того положенія, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія Байрона, которое лишь отчасти ощутимо въ романѣ Лермонтова. По его мнѣнію, героямъ Байрона совершенно неизвѣстна та развѣдающая рефлексія, которой страдаютъ всѣ романтики, и въ числѣ ихъ Печоринъ, тотъ мучительный самоанализъ, который позднѣе достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего развитія въ «Запискахъ изъ подполья» (стр. 6). Именно эта черта, равно какъ сознаніе своей нравственной ненормальности, сомнѣніе въ своихъ силахъ и «скорбныя нотки самообличенія»,—все это характерныя особенности, которыя столь-же отдѣляютъ Печорина отъ самоувѣренныхъ, гордыхъ героевъ Байрона, какъ и приближаютъ его къ героямъ французскаго романтизма — Рене Шато-бриана, Адольфу Бенжамена Констана и Октаву Альфреда де-Мюссе.

Къ этому мнѣнію автора можно всецѣло присоединиться. Но осторожный изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Вѣдь еще акад. Котляревскій съ неопровержимой убѣдительностью показалъ («Лермонтовъ», изд. 3-е, стр. 19, 23, 27), что характерной чертой всего творчества Лермонтова, равно какъ и нравственнаго облика самого поэта, является именно та рефлексія, тотъ «мучительный самоанализъ», который, по словамъ г. Родзевича, объединяетъ романы Лермонтова и французскихъ романтиковъ. И это обстоятельство для насъ тѣмъ болѣе важно, что вѣдь авторъ говоритъ памь не только о сходствѣ сопоставляемыхъ произведеній, но и о генетической зависимости одного отъ другихъ. Конечно, если эта зависимость подкрѣпляется другими, болѣе точными, чисто-формальными данными, то мы противъ подобнаго утвержденія ничего возражать не можемъ. Но если авторъ будетъ пытаться установить вліяніе лишь на основаніи этого психологическаго сходства (а намъ придется иногда наблюдать именно это), то мы, въ противовѣсъ ему, выставимъ указаніе акад. Котляревскаго, такъ какъ полагаемъ, что у насъ нѣтъ надобности, болѣе того — мы не имѣемъ права говорить о литературномъ воздѣйствіи тамъ, гдѣ ту или иную особенность можно объяснить изъ основныхъ чертъ творчества и нравственнаго склада самого поэта. Пока-же отмѣтимъ въ этой главѣ одинъ небольшой недочетъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Авторъ указываетъ, что «встрѣча пресыщеннаго жизнью Печорина съ Бѣлой... напоминаетъ эпизодъ съ Гайдой въ «Донъ Жуанъ» (стр. 5). Быть можетъ, это и такъ. Но, прежде чѣмъ утверждать это, авторъ долженъ опровергнуть предположенія, высказанныя раньше его: онъ долженъ опровергнуть мнѣніе о зависимости схемы этого разсказа отъ «Кавказскаго Плѣнника» Пушкина (Южаконъ) и «Эды» Баратынскаго (Бѣлинскій). А это было-бы тѣмъ болѣе трудно, что чрезвычайно сильное вліяніе «Кавказскаго Плѣнника» на многія произведенія Лермонтова — фактъ общезвѣстный.

Вторая глава статьи г. Родзевича является какъ разъ той, съ которой мы, къ сожалѣнію, ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться.

¹⁾ Авторъ книжки «Очеркъ исторіи русской поэзіи (3-е изд. Спб. 1864). *Ред.*

²⁾ Впервые этотъ вопросъ подвергъ обстоятельному разсмотрѣнію А. Д. Галаховъ въ «Р. Вѣстникъ» за 1858 г. (№№ 13, 14 и 16). Извѣстное мѣсто удѣлилъ ему и авторъ французской монографіи о Лермонтовѣ, Е. Duchesne (Michel-Jourjiéitch Lermontov, sa vie et. ses oeuvres. Paris. 1910). *Ред.*

Въ ней авторъ говоритъ о близости къ герою Лермонтова Рене Шатобриана, который «способствовалъ созданію образа Печорина» (стр. 14). Но сходство это, въ самомъ дѣлѣ существующее, ограничивается только тѣми психологическими чертами, о которыхъ рѣчь шла выше. Поэтому усматривать здѣсь какую-то зависимость было-бы въ высшей степени рискованно, тѣмъ болѣе что тѣ же черты встрѣчаются и у героевъ другихъ произведеній, о вліяніи которыхъ авторъ ниже говоритъ съ несравненно болѣе убѣдительною. Правда, г. Родзевичъ приводитъ одну формальную черту сходства романовъ — бѣгство скучающихъ героевъ изъ Европы въ далекія страны, «съ цѣлью сбросить съ себя бремя культурности» (стр. 12). Но кому же неизвѣстно, что путешествіе Печорина на Кавказъ — лишь отраженіе «Евгенія Онѣгина», да, пожалуй, «Кавк. Плѣнника» (Южакъ); вопросъ о возможности вліянія того-же Шатобриана на Пушкина — дѣла, понятно, не мѣняеть). Что же касается сопоставленія отношеній индианки Селоты и Рене, съ одной стороны, а съ другой — Печорина и Бэлы, то значеніе его совершенно умалется какъ указаніемъ, сдѣланнымъ выше самими авторомъ на романъ Гарольда и Гайе (указаніемъ, впрочемъ, весьма проблематическимъ), такъ и нашими замѣчаніями по этому поводу.

Самой интересной, по нашему мнѣнію, является третья глава статьи, гдѣ говорится о вліяніи на «Героя нашего времени» романа Бенж. Констана «Адольфъ». Какъ оказывается, произведенія объединены не только общей автобіографической формой, свойственной, впрочемъ, и «Рене», и «Исповѣди сына вѣка» де-Мюссе, и нѣкот. другимъ романамъ, — но и сходствомъ предисловія. Схема этихъ предисловія такова: «дорожный случай сталкиваетъ двухъ путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ — будущій герой романа, другой — издатель его. Записки будущаго героя третьимъ лицомъ передаются будущему издателю ихъ. Черезъ нѣкоторое время обстоятельства складываются такъ, что записки могутъ быть опубликованы» (стр. 17). Однако сходство романовъ простирается нѣсколько дальше, при чемъ общія черты можно указать въ содержаніи произведеній, равно какъ и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, т.-е. Адольфа и Элленоры, которые «во многомъ близки къ характерамъ Печорина и Вѣры, при чемъ главный романическій мотивъ «Адольфа», проблема любви и свободы, нашелъ отголосокъ въ эпизодѣ съ Вѣрой, въ литературныхъ и психологическихъ его деталяхъ (стр. 26). Любопытно и то, что «и Констанъ и Лермонтовъ видятъ въ характерахъ своихъ героевъ явленіе патологическое, достойное осужденія, но еще болѣе сожалѣнія» (ibid.). Однако и здѣсь противъ кое-чего приходится возражать. Именно, мы не понимаемъ, почему авторъ видитъ застѣнчивость Адольфа въ томъ, что, «попавъ въ общество, онъ быстро разочаровывается въ немъ» (стр. 23) и прикрываетъ скуку молчаніемъ. Думается, что привычка «скрывать въ самомъ себѣ все, что испытывалъ» (ibid.), не есть то чувство, о которомъ говоритъ авторъ, и которое, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ было присуще Лермонтову. Но далѣе, — авторъ отмѣчаетъ эти черты Адольфа, (были-ли онѣ у него въ самомъ дѣлѣ — это другой вопросъ) для того чтобы показать, «что романъ Констана, если онъ былъ извѣстенъ... поэту, не могъ не произвести извѣстнаго впечатлѣнія, не могъ не заинтересовать Лермонтова» (стр. 24). Въ такомъ случаѣ, какъ намъ кажется, слѣдовало-бы эти замѣчанія помѣстить тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о знакомствѣ Лермонтова съ романомъ, а не въ серединѣ сравнительной характеристики героевъ. Впрочемъ, на этомъ не настаиваемъ.

Не такъ интересна 3-я глава статьи г. Родзевича. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи на «Героя нашего времени» «Исповѣди сына нашего вѣка»

де-Мюссе. Однако въ данномъ случаѣ авторъ былъ предвосхищенъ Duchesneomъ, котораго онъ, впрочемъ, во многомъ дополняетъ. Все-же кое съ чѣмъ и здѣсь приходится не соглашаться. Авторъ вспоминаетъ печоринское «сравненіе души женщины съ цвѣткомъ, который можно сорвать, вдохнувъ весь его ароматъ» (стр. 43). Ему кажется что это сравненіе находится въ генетической связи съ фразой Октава (героя романа Мюссе), которую тотъ говоритъ, «наблюдая за нарядными женщинами изъ уголка гостиной»: «Ахъ, что за садъ! что за цвѣты! какъ пріятно было-бы сорвать ихъ и понюхать» (стр. 44). Но, такъ какъ въ сравненіи Печорина характеренъ именно «элементъ не то какого-то демонизма, не то дѣланнаго цинизма» (ibid.), элементъ, у Мюссе отсутствующій, — то полагаемъ, что сопоставленіе это весьма рискованно. Слово Октава «сорвать» вовсе не имѣетъ того оттѣнка, которое оно приобрѣло у Лермонтова, а сравненіе женщинъ съ цвѣтами — чрезчуръ обще, чтобы на немъ основываться. Впрочемъ, и самъ авторъ не настаиваетъ на заимствованіи. — Еще одно замѣчаніе. Г. Родзевичъ вполнѣ правильно указываетъ на любопытнѣйшее сходство «Думы» Лермонтова и отрывка изъ предисловія де-Мюссе къ своему роману. Но почему г. Родзевичъ забываетъ общезвѣстный фактъ вліянія Barbier на ту же «Думу»? Быть-можетъ, правъ именно г. Родзевичъ, а не его предшественники. Но какъ-бы то ни было, а мы должны здѣсь сказать приблизительно то же, что говорили по подобному поводу и выше: для того, чтобы убѣдить насъ въ новомъ мнѣніи, авторъ долженъ опровергнуть старое.

Въ общемъ-же, если исключить указанные недочеты, брошюра г. Родзевича, въ особенности при ничетѣ лермонтовской литературы, представляетъ изъ себя довольно цѣнное явленіе.

Б. В. Нейманъ.

И. И. Замотинъ. *О. М. Достоевскій въ русской критикѣ.* Часть первая (1846 — 1881). Варшава. 1913. Стр. II+333. Цѣна 2 р.

Начиная съ «Бѣдныхъ людей», творчество Достоевскаго всегда было предметомъ усиленнаго вниманія нашей критики. По подсчету проф. И. И. Замотина, при жизни писателя появилось около 300 критическихъ статей и замѣтокъ о немъ. Достоевскій былъ настолько могучимъ и своеобразнымъ талантомъ, что очень часто его произведенія служили какъ бы оселкомъ, на которомъ испытывались высота и направленіе самой критики. Разобраться въ этой критической литературѣ, дѣйствительно, дѣло благодарное.

Какъ извѣстно, уже существуетъ «Критическій комментарий къ сочиненіямъ Достоевскаго», хрестоматія въ четырехъ частяхъ, составленная В. А. Зелинскимъ, и сборникъ историко-литературныхъ статей, изданный В. И. Покровскимъ подъ заглавіемъ «О. М. Достоевскій, его жизнь и сочиненія». И то и другое болѣе или менѣе удовлетворяетъ своему назначенію. Проф. Замотинъ поставилъ себѣ цѣлью «дать лишь возможно полный систематическій обзоръ всего сказаннаго о Достоевскомъ въ печати за данный періодъ времени (1846 — 1881) вмѣстѣ съ историко-литературнымъ осмысленіемъ этого сырого матеріала». Авторъ обратился къ первоисточникамъ, изучилъ журнальную и газетную литературу, не брезгая даже небольшими замѣтками, постарался, гдѣ возможно; раскрыть псевдонимы критиковъ ¹⁾, и, наконецъ, весь этотъ матеріалъ представилъ намъ въ систематическомъ видѣ, приводя обширныя ци-

¹⁾ На стр. 11—12 и 23—24 слѣдовало бы отмѣтить, что подъ псевдонимомъ «Имрекъ» писалъ К. С. Аксаковъ.

таты изъ статей, «какъ болѣе цѣнныхъ по содержанію, такъ и менѣе доступныхъ для непосредственнаго пересмотра ихъ самимъ читателемъ». Такой обзоръ критики, сдѣланный въ стройномъ и живомъ изложеніи, безъ сомнѣнія, очень полезенъ для всѣхъ интересующихся творчествомъ Достоевскаго, и облегчаетъ работу другимъ историкамъ литературы. Эта, ближайшая задача г. Замотинымъ достигнута вполне. Но авторъ идетъ дальше.

Изученіе критической литературы объ извѣстномъ писателѣ, говоритъ онъ въ предисловіи, помогаетъ рѣшить «отчасти и нѣкоторые другіе вопросы большого историко-литературнаго значенія», а именно: 1) «о движеніи общественнаго сознанія въ эпоху, представленную соотвѣствующими критическими матеріалами, 2) о характерѣ за то же время литературной критики, 3) о постепенномъ духовномъ ростѣ самого писателя, которому посвящена изучаемая группа отзывовъ критики и 4) о развитіи его литературной манеры».

Мы полагаемъ, что послѣдніе два вопроса рѣшаются не на основаніи критики, а на основаніи произведеній самого писателя. Обзорѣвателю лучше, чѣмъ кому-нибудь, видно, насколько разнообразны и противорѣчивы бывають отзывы современной критики, и, разумѣется, было бы ошибочно съ излишнимъ довѣріемъ относиться къ ней или искать «среднюю линію» и ее принимать за истину. Къ сожалѣнію, проф. Замотинъ склоненъ поступать именно такимъ образомъ. Естественно, конечно, что онъ хочетъ оставаться объективнымъ историкомъ, но, не видя его собственныхъ взглядовъ на Достоевскаго, читатель недоумѣваетъ, почему «итогъ» критики за извѣстный періодъ признается вѣрнымъ истолкованіемъ Достоевскаго и служитъ основаніемъ для квалификаціи цѣлаго періода. Напримѣръ, «подводя итогъ только что разсмотрѣннымъ разнообразнымъ сужденіямъ критики» о двухъ произведеніяхъ Достоевскаго начала 60-хъ годовъ — «Униженные и оскорбленные» и «Записки изъ Мертваго Дома», проф. Замотинъ говоритъ (74): «нужно согласиться, что всѣ они сходятся на одномъ, по крайней мѣрѣ, главномъ выводѣ: первоначальный гуманизмъ Достоевскаго, получившій въ сороковыхъ годахъ начало изъ иноземнаго источника, общаго съ русскимъ западничествомъ, кристаллизовался теперь въ болѣе конкретную форму гуманитарнаго анализа и освѣщенія русской дѣйствительности». Этотъ выводъ не оспаривается самимъ изслѣдователемъ, и въ названіи II главы стоятъ слова, обозначающія вѣху въ развитіи творчества Достоевскаго: «Отъ западническаго гуманизма къ гуманитарному освѣщенію русской жизни». То же самое и въ другихъ случаяхъ. Методъ едва ли удачный. Недостатокъ критики по отношенію къ самой критикѣ составляетъ слабую сторону обзора проф. Замотина. Его работа, дѣйствительно, могла бы познакомить читателей не только съ фактическимъ содержаніемъ тѣхъ или иныхъ статей о Достоевскомъ, но и съ «характеромъ» самой литературной критики отъ 40-хъ до 80-хъ годовъ и съ «движеніемъ общественнаго сознанія» за это время, но для этого необходимо, чтобы авторъ далъ отчетливую картину или, по крайней мѣрѣ, точную схему какъ общественной жизни, такъ и критики за весь изучаемый періодъ. Тогда читатель вмѣстѣ съ авторомъ поднялся бы надъ грудой сырого матеріала и повялъ бы, что «самымъ цѣннымъ» являются вовсе не «нейтральныя положенія, на которыхъ сходятся представители различныхъ общественныхъ направленій», и которыя въ сущности говорятъ очень мало, какъ всякое общее мѣсто (323), а какъ разъ то, что характеризуетъ разныя направленія критики и общественной мысли (322 — 323). Творчество Достоевскаго для насъ опредѣленный фактъ, познаваемый изъ него самого,

а отношеніе критики къ нему было бы другимъ фактомъ, весьма существеннымъ для пониманія самой критики и тѣхъ идейныхъ теченій, съ которыми она связана, какъ критика по преимуществу публицистическая.

Въ самомъ дѣлѣ, въ результатѣ хочется спросить себя, насколько современная Достоевскому критика сумѣла понять и оцѣнить автора «Братьевъ Карамазовыхъ». По нашему впечатлѣнію, въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма недостаточно. Это неудивительно: независимое и страстное творчество великаго художника и публициста должно было вызывать полемическое настроеніе въ критикѣ, при которомъ еще не было мѣста вдумчивому анализу его художественныхъ особенностей и идейнаго міровоззрѣнія. Къ такому заключенію мѣстами приходится и И. И. Замотинъ, напр., на стр. 286 и 321, но въ окончательныхъ своихъ выводахъ онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что, «рисую въ основныхъ чертахъ общественный и литературный фонъ русской жизни 40—80-хъ годовъ, критика о Достоевскомъ довольно рѣзко и детально вычерчиваетъ на этомъ фонѣ фигуру самого писателя какъ со стороны его идеологіи, такъ и со стороны приемовъ его художественнаго творчества» (324). Авторъ старается затѣмъ выжать изъ критическихъ отзывовъ «общепріемлемые, нейтральные, пункты», и читатель убѣждается, какъ скудны въ сущности эти «зерна истины». Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно назвать» знаменательнымъ» слѣдующій расплывчатый и даже странный выводъ, къ которому, по мнѣнію проф. Замотина, пришла критика «въ результатѣ своихъ наблюденій надъ литературной манерой Достоевскаго въ связи съ его идеологіей»: «въ художественномъ творествѣ Достоевскаго должны быть изучаемы не столько цѣлыя художественныя творенія, длительныя и развитыя драматическія дѣйствія, широкія картины жизни, сложные характеры и образы, сколько отдѣльные художественно-психологическіе этюды, эскизы, эпизоды, главы, миниатюры, разбросанные по его романамъ и другимъ произведеніямъ и заключающіе въ себѣ детальную работу художника психолога надъ той или другой изъ его величавыхъ идей, надъ тѣмъ или другимъ изъ попавшихъ въ поле его наблюденій явленіемъ душевной жизни, массовой или индивидуальной» (329)? Мы, по крайней мѣрѣ, отказываемся видѣть въ этомъ завѣтъ», который будто бы «оставила оцѣнивавшая Достоевскаго современная ему печать критикѣ, приступившей къ оцѣнкѣ писателя послѣ его смерти» (330).

Разсмотрѣнію этой «посмертной» критики вплоть «до нашихъ дней» проф. Замотинъ предполагаетъ отвести второй томъ своего труда. Съ интересомъ будемъ ждать его и надѣемся, что тогда, дѣйствительно, передъ нами обрисуется сложная фигура Достоевскаго «какъ со стороны его идеологіи, такъ и со стороны приемовъ его художественнаго творчества»,

П. Сакулинъ.

Русская періодическая печать 1703—1900 гг. (Библиографія и графическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Вып. III. Спб. 1913. Стр. 97—192, табл. л. 25—48.

Этимъ выпускомъ заканчивается основная часть капитальнаго библиографическаго изданія, первый выпускъ котораго вышелъ еще въ 1896 а второй въ 1901 г. Такимъ образомъ, мы въ настоящее время имѣемъ полный хронологическій списокъ всѣхъ повременныхъ русскихъ изданій, выходившихъ со времени возникновенія у насъ періодической печати по 1900 годъ. Настоящій выпускъ содержи́тъ въ себѣ хронологическій перечень повременныхъ изданій за періодъ 1881—1900 гг. Значеніе и

достоинство труда г. Лисовскаго было оцѣнено по достоинству критикой уже при появленіи первыхъ двухъ выпусковъ. Здѣсь нужно отмѣтить прежде всего полноту матеріала, который собралъ составитель, тщательно отмѣчающій даже такія случайныя изданія, которыя прекращались по выходѣ перваго номера. Кромѣ того, составитель, принимая въ самомъ широкомъ смыслѣ терминъ «повременныя изданія», вводитъ сюда и серіи разныхъ ученыхъ трудовъ и даже такія временныя изданія, какъ дневники съѣздовъ. Далѣе, весьма цѣнны тѣ краткія свѣдѣнія, которыя сообщаются о каждомъ изданіи; здѣсь мы находимъ точное указаніе на періодъ времени, когда выходило изданіе, даже съ указаніемъ перерывовъ, если такіе происходили; указаны редакторы и издатели, измѣненія въ названіи изданій, приложенія къ журналамъ и т. п.,—иначе говоря, сообщены важнѣйшія данныя, характеризующія внѣшнюю исторію изданія.

Наконецъ, остроумно составленныя г. Лисовскимъ графическія таблицы придаютъ его труду интересъ, выходящій за предѣлы специальной библиографической задачи; таблицы эти даютъ интересную и наглядную картину роста періодической печати, колебанія въ этомъ ростѣ, взаимоотношеніе изданій разныхъ типовъ въ различные періоды, степень долговѣчности изданій и т. д. Такъ, напримѣръ, въ графическихъ таблицахъ, приложенныхъ къ 3-му выпуску, наглядно отмѣчена картина постепеннаго паденія въ ростѣ періодической печати въ 80-хъ годахъ, а равно слабость развитія ежедневной прессы въ этомъ періодѣ. Вообще, эти таблицы даютъ богатый матеріалъ для статистики періодической печати.

Остается только ожидать, чтобы въ непродолжительномъ времени составителемъ были изданы обѣщанныя имъ необходимыя дополненія, а именно: алфавитный и систематическій списокъ изданій и алфавитъ именъ. Эти дополненія съ добавочными графическими таблицами за періодъ 1895—1900 гг. составятъ 4-й и послѣдній выпускъ этого цѣннаго изданія.

Трудъ г. Лисовскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ библиографическихъ изысканій, которыя представляютъ не только большой интересъ для библиографовъ, по существенно важны и для ученыхъ изслѣдователей русской литературы.

А. Калишевскій.

Сергей Глаголь. Очеркъ исторіи искусства въ Россіи.

Небольшая книжечка представляетъ собою отдѣльный оттискъ очерка исторіи русскаго искусства, написаннаго въ приложеніе къ переводу «Аполлона» С. Рейнака (см. рец. въ майской книжкѣ «Голоса Минувшаго»). Но такъ какъ этотъ очеркъ претендуетъ теперь на самостоятельное значеніе и является единственнымъ краткимъ руководствомъ по исторіи родного искусства для широкой публики, которая относительно многого можетъ быть имъ введена въ заблужденіе, то приходится остановиться на немъ отдѣльно.

Авторъ начинаетъ свой очеркъ заявленіемъ, что «въ допетровской Руси даже совсѣмъ не было живописи, какъ издѣлія картинъ» и почти не было «скульптуры, какъ изготовленія статуй». Повидимому, авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что въ періодъ развитія славяно-византійской культуры въ Московскомъ государствѣ не было свѣтской живописи и скульптуры, и это составляетъ нашу особенность; но онъ забываетъ, что вообще свѣтское искусство развивается изъ религіознаго, слѣдовательно, вопросъ можетъ идти только о томъ, что свѣтская живопись не полу-

часть у насъ развитія такого, какъ на Западѣ. Но С. Глаголь очень ошибается, если думаетъ, что ея совсѣмъ не было; она была, хотя трактовалась въ иконной манерѣ письма; кромѣ портретовъ, повидимому, многочисленныхъ, писались и картины, преимущественно моральнаго, учительнаго содержанія. Стѣнная живопись, гдѣ встрѣчаются постоянно отдѣльныя изображенія и сцены аллегорическаго характера, видимо, автору неизвѣстна. О миниатюрѣ, которая даетъ такой богатый и интересный матеріалъ для исторіи русскаго искусства, не упоминается совсѣмъ. Что касается до полной скульптуры, то авторъ забываетъ о религиозной скульптурѣ, о языческой мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ, но о христіанской мы не только имѣемъ свѣдѣнія, но и рядъ ея памятниковъ: Никола Можайскій, Параскева Пятница, старцы, Нилъ Столпникскій и др. деревянныя рѣзные изображенія; помимо ихъ, на стѣверѣ до сихъ поръ можно найти въ церквахъ деревянныя статуи, происхожденіе которыхъ едѣя ли всегда можно относить на счетъ западныхъ вліяній XVIII вѣка. С. Глаголь, повидимому, забылъ, что къ скульптурѣ относятся также и рельефы.

Тамъ, гдѣ у автора былъ подъ рукою И. Грабарь, т.-е. въ архитектурѣ, дѣло съ вѣшной стороны обстоитъ благополучнѣе. Строки, посвященныя прикладному искусству, церковному и домашнему быту, не идутъ далѣе констатированія его наличности; такія опредѣленія, — какъ «своеобразный русскій характеръ» или «своеобразная русская церковная художественная промышленность» не говорятъ ровно ничего. Въ отдѣлѣ о русской иконописи С. Глаголь пользовался Ровинскимъ, но передалъ его неудовлетворительно. Отличная статья В. Н. Щепкина о повгородской школѣ живописи, хорошо поясняющая и дополняющая Ровинскаго, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ миниатюры, осталась автору неизвѣстной. Не использованы и другіе труды по русской иконописи, даже ставшіе совершенно неизбѣжными работы Н. П. Лихачева.

Для русскаго искусства XVIII—XIX вѣковъ у автора было больше пособій, и они, очевидно, были ему болѣе доступны; поэтому съ фактической стороны этотъ отдѣлъ составленъ нѣсколько благополучнѣе «допетровскаго», но тоже страдаетъ отсутствіемъ необходимыхъ въ такихъ краткихъ очеркахъ обобщеній и существенныхъ характеристикъ.

Заключительное «слово» автора, сводящееся къ тому, что всѣ русскіе художники, кромѣ Иванова и Врубеля, только потому русскіе, что брали русскіе сюжеты, относится пока къ области личныхъ убѣжденій.

Е. Коршъ.

Ф. В. Баллодъ. «Древній Египетъ, его живопись и скульптура». (I — XX династій). Москва 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Почти половина книги занята краткимъ очеркомъ исторіи древняго Египта; вторая половина ея посвящена искусству страны Нила. Очень жаль, что авторъ не расширилъ вторую часть, прибавивъ къ описанію живописи и скульптуры такой же краткій популярный очеркъ архитектуры страны Нила. Отдѣленіе живописи и рельефной скульптуры отъ архитектуры особенно неудобно въ египетскомъ искусствѣ въ виду той служебной роли, которая отводилась въ немъ этимъ отраслямъ по отношенію къ архитектурѣ.

Говоря о развитіи египетскаго искусства, г. Баллодъ старается возможно ясно разграничить въ немъ два теченія: придворное официальное, условное, съ одной стороны, народно-реалистическое — съ другой, особенно выдѣляя и подчеркивая значеніе второго. Древнее царство онъ характеризуетъ какъ эпоху высшаго расцвѣта реализма, характернаго для

египетскаго генія (ст. 49). Въ среднемъ царствѣ отличаетъ черты вліянія народнаго искусства на придворное (51 стр.). Въ новомъ царствѣ останавливается особенно подробно на развитіи реализма въ искусствѣ Тель-Амарны. Такое раздѣленіе совершенно правильно и общепризнано; но у неподготовленнаго читателя можетъ получиться нѣсколько преувеличенное представленіе о реализмѣ у Египтянъ, тогда какъ о такомъ реализмѣ приходится всегда говорить оговорками, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается изображенія людей: египтяне никогда не могли даже въ лучшихъ художественныхъ произведеніяхъ отрѣшиться отъ условностей фронтальнаго изображенія статуй, отъ нѣкоторыхъ первобытныхъ приѣмовъ живописи и рельефа. Авторъ и самъ въ началѣ говоритъ о застывшихъ въ египетскомъ творествѣ чертахъ первобытности, но онъ слишкомъ слабо касается въ дальнѣйшемъ связи первобытности со стилизаціею, недостаточно освѣщаетъ основныя особенности этой стилизаціи, отраженіе которой можно найти однако и въ самыхъ реалистическихъ созданіяхъ мастеровъ страны Нила.

Къ лучшимъ страницамъ книги относится описаніе религіозной и художественной реформы Аменофиса IV.

Книга г. Баллода можетъ служить полезнымъ пособіемъ при изученіи исторіи древняго Востока. Изложеніе вполне популярно. Присутствіе краткаго историческаго очерка показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду широкіе круги читающей публики. Въ этой части наибольшее значеніе имѣетъ введеніе, знакомящее читателя съ исторіей изученія древняго Египта отъ сказокъ Геродота и фантазій Атаназіуса Кирхера до открытія Шамполліона и научной разработки исторіи Египта учеными XIX вѣка. Книга снабжена довольно большимъ числомъ иллюстрацій; подборъ ихъ очень удаченъ, зато выполненіе оставляетъ желать многого.

В. Степанова.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 30-й 1913 г.

Въ этомъ выпускѣ наибольшій интересъ представляютъ сообщенія г. Гераклитова «Обзоръ Пугачевскихъ дѣлъ Астраханскаго губернскаго архива»: между прочимъ сообщаются свѣдѣнія объ участіи въ бунтѣ помѣщиковъ. Ф. П. Коноваловъ въ статьѣ «Борьба съ сектанствомъ въ Балашовскомъ уѣздѣ» излагаетъ официальное дѣло (1869—1872 гг.) объ убійствѣ крестьянки Швецовой, въ которой фигурируютъ мѣстные сектанты, между прочимъ извѣстный Катасановъ. Это дѣло заслуживало бы внимательнаго изученія. С. Д. Соколовъ печатаетъ матеріалы для біографическаго словаря саратовскихъ писателей и ученыхъ.

Изъ текущей литературы.

Новыя свѣдѣнія о Пушкинѣ.

Въ только что изданномъ новомъ выпускѣ «Остафьевскаго архива» (т. V, вып. 2-й, п. ред. П. Н. Шеффера, С.-Петербургъ, 1913) помѣщены, между прочимъ, свыше семидесяти писемъ кн. В. О. Вяземской къ мужу, кн. П. А. Вяземскому изъ Одессы за лѣто 1824 года: матеріалъ первостепенной важности для біографіи Пушкина. Эти письма не проливаютъ свѣта на темную исторію высылки Пушкина изъ Одессы,

они вообще скудны въ отношеніи фактовъ, но они живо рисуютъ духовный обликъ Пушкина въ это время.

Княгиня давно знала Пушкина и, конечно, постоянно слышала о немъ отъ мужа; нѣтъ сомнѣнія также, что Вяземскій поручилъ женѣ приручить къ себѣ Пушкина въ Одессѣ и вліять на него: онъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ молодого поэта. И вотъ, въ первомъ же письмѣ изъ Одессы, 13 іюня, В. О. пишетъ мужу (всѣ ея письма — по-французски, здѣсь — переводъ): «О племянникъ Василія Львовича не могу сказать тебѣ ничего хорошаго. Это совершенно сумасбродная голова, его ничто не сможетъ укротить. Онъ снова надѣлалъ проказъ, вслѣдствіе которыхъ потребовалъ отставки. Во всемъ онъ виноватъ одинъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что отставки онъ не получитъ. Я дѣлаю все, что могу, чтобы успокоить его голову, браню его отъ твоего имени, увѣряя, что ты безъ сомнѣнія первый обвинялъ бы его, потому что его послѣднія продѣлки обнаруживаютъ крайнее легкомысліе. Онъ вздумалъ выставить въ смѣшномъ видѣ одно видное лицо (конечно, Воронцова), и сдѣлалъ это; объ этомъ узнали и, разумѣется, къ нему уже не могутъ относиться хорошо. Мнѣ его истинно жаль, но я никогда не видѣла такой вѣтренности и такой склонности къ злословію, какъ у него; въ то же время мнѣ кажется, что у него доброе сердце и большая доля мизантропіи; не то, чтобы онъ избѣгалъ общества, но онъ боится людей.. Можетъ-быть, его сдѣлали такимъ — несчастіе и ошибки родителей».

Пушкинъ сразу сталъ бывать у княгини ежедневно. Онъ очень скоро завоевалъ ея расположеніе; уже чрезъ недѣлю она находитъ, что онъ лучше, нежели какимъ кажется. Она пишетъ, что часто онъ ее огорчаетъ, но еще чаще заставляетъ ее смѣяться. Онъ читалъ ей и свои стихи. 27 іюня она пишетъ: «Пушкинъ рѣшительно не желаетъ писать на смерть Байрона (Байронъ умеръ въ апрѣлѣ этого года); я думаю, онъ слишкомъ занятъ и, въ особенности, слишкомъ увлеченъ, чтобы заняться чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ своего *Онъгина*, который, по моему, — другой Чайльдъ-Гарольдъ: молодой человѣкъ, ведущій дурную жизнь и котораго частью портретъ и исторія должны походить на (портретъ и исторію) автора. Онъ говорилъ мнѣ нѣсколько отрывковъ, потому что цѣликомъ этого нельзя слушать; говорятъ, поэма крайне неприлична; они (отрывки) полны эпиграммъ на женщинъ, но 10 многихъ описаніяхъ чувствуется изящество его первыхъ стиховъ. Онъ началъ еще какую-то «Цыганку», которой не хочетъ кончать»: рѣчь идетъ, конечно, о «Цыганахъ». Недѣли чрезъ три по пріѣздѣ она уже говоритъ о Пушкинѣ съ нѣжностью: «Я стараюсь усыновить его, но онъ непослушенъ какъ пажъ; будь онъ не такъ безобразенъ, я прозвала бы его херувимомъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ только и дѣлаетъ, что ребячества, но на этомъ онъ и сломаешь себѣ шею не сегодня, такъ завтра. Поговори о немъ съ Трубецкимъ и заставь рассказать тебѣ его послѣднія мистификаціи». Онъ говорилъ княгинѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ узналъ ее, онъ сталъ бояться Вяземскаго: «я всегда смотрѣлъ на вашего мужа какъ на холостого; теперь она для меня — власть, и первое письмо, которое я напишу ему, будетъ начинаться: «Ваше Сіятельство, Милостивый Государь», со всевозможными церемоніями и титулами». Между ними установился, очевидно, тонъ дружески-шутливый, съ большой теплотой; онъ былъ «забавенъ до крайности», она бранила его, «какъ если бы онъ былъ ея сынъ». Они гуляли вдвоемъ — цѣлый часъ стояли подъ дождемъ на берегу, глядя на судно, разбитое бурей, или втроемъ съ граф. Воронцовой ждали девятой волны, и она окатила ихъ такъ,

что пришлось мѣнять платье. Я начинаю любить его, какъ другъ, не пугайся. Мнѣ кажется, онъ добръ, но ожесточенъ невзгодами; онъ обнаруживаетъ ко мнѣ дружбу, и это меня трогаетъ. Онъ приходитъ ко мнѣ даже въ дурную погоду; притомъ похоже, что онъ скучаетъ со мною, и я нахожу очень милымъ съ его стороны, что все-таки у него не пропадаетъ охота бывать у меня. Впрочемъ, онъ чистосердечно говоритъ мнѣ и о своей скукѣ, и о своихъ влюбленностяхъ, и это меня развлекаетъ». О его «пассіяхъ» она говоритъ только вскользь; 15 іюля она приписываетъ его скуку тому, что «всѣ три женщины, въ которыхъ онъ влюбленъ, только-что уѣхали»; «къ счастью — прибавляетъ она — одна изъ нихъ на-дняхъ вернется»; и ей говоритъ она именно потому такъ легко съ нимъ, что онъ влюбленъ въ другую. Она отъ души жалѣетъ его: его положеніе очень тяжело. Онъ ждалъ изъ Петербурга отвѣта на свою просьбу объ отставкѣ; ежедневныя бесѣды съ нимъ были уже потребностью для Вяземской: онъ одинъ — ея общество, ея спутникъ на прогулкахъ и въ театрѣ, утѣшитель и собесѣдникъ (18 іюля). Ихъ близость такова, что она даетъ ему читать письма мужа, полныя непристойностей, — по ея требованію онъ читаетъ ихъ про себя, но когда онъ, читая, хохочетъ (по-дѣтски, говоритъ она), она смѣется вмѣстѣ съ нимъ. Пушкина томила неизвѣстность, и княгиня принимала близко къ сердцу его судьбу. 19 іюля она пишетъ мужу: «Почему ты такъ темно пишешь намъ о дѣлѣ Пушкина? Благодаря отсутствію графа Воронцова, мы ничего не знаемъ о томъ, что его касается. Какъ могло это дѣло принять столь дурной оборотъ? Онъ провинился лишь ребячествами, да еще тѣмъ, что вѣскольکو обнаружилъ справедливую досаду на то, что его послали искать мѣстопробываніе саранчи, — и то вѣдь онъ повиновался. Онъ былъ тамъ и по возвращеніи попросилъ отставки, потому что чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Вотъ и все. Когда государямъ будетъ извѣстно, что происходитъ, и когда перестанутъ представлять въ извращенномъ видѣ все, что дѣлается въ странѣ?» Нѣсколько дней спустя графъ Воронцова, бывшая въ отъѣздѣ вмѣстѣ съ мужемъ, вернулась въ Одессу. 27 іюля кн. Вяземская пишетъ: «Мы все еще ничего не знаемъ о судьбѣ Пушкина. Даже графиня знаетъ лишь то, что и ты, — что ему придется уѣхать изъ Одессы. Ея мужъ сказалъ только, что для Пушкина въ Одессѣ нѣтъ занятія, но мы не знаемъ, чѣмъ это кончится. Мнѣ будетъ очень жаль, если онъ уѣдетъ отсюда, пока я здѣсь, и еще болѣе, если мы здѣсь поселимся; я его очень люблю, и онъ позволяетъ мнѣ матерински выговаривать ему; сейчасъ это не помогаетъ, но всеже лучше, чтобы онъ пріучился слушать правду».

Слѣдующее за этимъ письмо писано уже послѣ отъѣзда Пушкина (онъ выѣхалъ изъ Одессы 30 іюля). Его высылка повергла княгиню въ «жалкое» душевное состояніе; «мнѣ его очень жаль, я сосредоточила на немъ всѣ мои одесскія привязанности». 4-го августа она уже посылаетъ ему письмо; и снова: «Бѣдный, обездоленный! какую жизнь онъ будетъ владить тамъ!»

Вотъ и всѣ свѣдѣнія о Пушкинѣ, содержащіяся въ письмахъ кн. Вяземской. Въ смыслѣ фактовъ эти письма важны, тѣмъ, что подтверждаютъ въ общемъ показаніе Вигеля о причинахъ высылки Пушкина изъ Одессы (за исключеніемъ легенды о роли въ этомъ дѣлѣ А. Н. Раевского): посылка Пушкина на сарапчу была вызвана не желаніемъ Воронцова дать ему случай отличиться, какъ утверждалъ Липранди и какъ вѣрилъ Анненковъ, — а какъ разъ наоборотъ, мстительнымъ желаніемъ Воронцова унижить поэта.

Н.

Герценъ и проф. Ив. Ивановъ.

(По поводу книги проф. Ив. Иванова «И. С. Тургеневъ». Мѣкинъ 1914.)

«Я человекъ больной... Я злой человекъ. Непривлекательный я человекъ. Я думаю, что у меня болитъ печень»... Такъ начинается свои «Записки изъ подполья» герой Достоевскаго. Если бы такимъ же вступленіемъ началъ свои трудъ о Тургеневѣ проф. Ив. Ивановъ, то ему можно было бы простить всѣ тѣ неприличные выходки, какими наполнена его объемистая (въ 755 стр.) книга о Тургеневѣ. Разумѣется, я не берусь на основаніи «трактата» проф. Ив. Иванова утверждать, что у него именно печень болитъ, можетъ не печень, а душа болить, но, что болить что-то, — несомнѣнно. Иначе нельзя объяснить, зачѣмъ понадобилось человеку писать такую огромную и сплошь истеричную книгу, какъ 2-ое изданіе сочиненія проф. Ив. Иванова о Тургеневѣ.

Съ первымъ изданіемъ, составившимся изъ статей, печатавшихся въ «Мірѣ Божіемъ», это новое изданіе ничего общаго не имѣетъ. «Мы были вполне ясны опасности, когда страницу за страницей мы пришлось писать новую книгу, а не исправлять страницы», — пишетъ проф. Ив. Ивановъ въ предисловіи. «Ясны были опасности, однако не удержался проф. Ив. Ивановъ, что-то толкало его и «страницу за страницей» писалъ онъ, наполняя эти страницы непристойными выходками по адресу Герцена, Толстого, Чернышевскаго, Карла Маркса и др. Даже Маркса умудрился изругать проф. Ив. Ивановъ въ книгѣ о Тургеневѣ.

Читаешь книгу проф. Ив. Иванова и дивишься, почему онъ съ такой злостью говоритъ о столькихъ великихъ людяхъ? Чѣмъ обидѣли великіе люди маленькаго профессора? Ничѣмъ не обидѣли, а просто закусилъ удила человекъ и сталъ разносить: — вы думаете, что Толстой — большой человекъ, а я вамъ докажу, что Толстой едва ли не самый обыкновенный, самый не — *огромный* человекъ среди великихъ русскихъ писателей (стр. 408), — вы привыкли Герцена уважать, а я вамъ докажу, что Герценъ былъ фразеръ, который только отлыпывалъ всю жизнь отъ дѣла, въ Россіи отлыпывалъ отъ службы, за границей отъ революціи, которую восхвалялъ... Герцену больше всего досталось отъ проф. Иванова. Цѣлыя двѣ главы своего объемистаго труда онъ посвятилъ Герцену, заполнены эти главы разсужденіями въ слѣдующемъ стилѣ.

«Герцена не перестаетъ одолѣвать героическая чесотка. Онъ успевается совершать подвиги и въ жизни, и въ идеяхъ... Въ томъ же туманѣ самолюбованія идетъ приступомъ на разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ, легкомысленно или даже брезгливо обходя окружающую жизнь, пережевывая только что вычитанную «палингенезію» человеческого рода и сводя къ забавнымъ анекдотамъ долетающіе до него голоса подлинной русской дѣйствительности. Это — не черта молодости, а свойство натуры,

Такимъ «орломъ» Герценъ останется до конца, безпрестанно будетъ хоронить и сочинять надгробные надписи — все одного и того же содержанія гибнущему, по его мнѣнію, человечеству, и ни разу ему не придетъ на умъ — отъ человечества спуститься къ «людямъ», отъ пророчества къ знанію, отъ грядущихъ вѣковъ — къ текущему дню. Рѣзвый Шучка только тогда сообразитъ, до какой степени были безцѣльны и кривы его полеты, — когда времени останется лишь на самоубиеніе и сознаніе ошибокъ» (стр. 268).

Вѣдь не можетъ же историкъ литературы не знать, что Герценъ въ «Колоколѣ» то и дѣло спускался къ «текущему дню», «какъ не можетъ не сознавать» онъ сего неприличія этого тона, неприличія такихъ эпитетовъ по адресу Герцена — эмигранта, какъ «рѣзвый Шушка». Конечно, онъ сознаетъ, но что-то толкаетъ его, заставляетъ выкрикивать неприличные фразы, извращать факты. Исторію освобожденія Герцена изъ вятской ссылки проф. Ив. Ивановъ излагаетъ такъ:

«Всѣми силами Герценъ стремился вырваться въ Москву, сумѣлъ достигнуть, что ненавистный ему губернаторъ, «звѣрь» и даже «особенный», засвидѣтельствовалъ передъ петербургскимъ начальствомъ его «образъ мыслей, свойственный вѣрноподданному, и всепокорнѣйше» просилъ перевести его въ Москву или Петербургъ. Какъ гражданинъ — Герценъ превратилъ, восточнаго сатрапа, «акробата», «бродягу», «почтеннаго ученика Аракчеева, въ поклонника своихъ чиновничьихъ и вѣрноподданическихъ добродѣтелей, — объ этомъ не говорится въ *Быломъ* (стр. 265).

Изъ этого изложенія выходитъ, что Герценъ чѣмъ-то заслужилъ милость губернатора Тюфяева, о чемъ скрылъ въ «Быломъ», и что благодаря этому, онъ получилъ возможность вернуться изъ Вятки. Между тѣмъ, это — сплошное извращеніе фактовъ. Герценъ очень подробно рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ губернатору Тюфяеву. Последний одно время былъ, дѣйствительно, расположенъ къ Герцену за то, что Герценъ составилъ статистическій отчетъ, съ которымъ ни Тюфяевъ, ни его канцелярія не могли справиться. Этимъ и объясняется лестный отзывъ, данный Тюфяевымъ о поднадзорномъ Герценѣ. Но Герценъ рассказалъ также и то, что очень скоро хорошія отношенія, которыя Герценъ вовсе не старался поддерживать и которыми онъ, наоборотъ, тяготился, прекратились. Тюфяевъ возненавидѣлъ Герцена, и послѣднему пришлось бы плохо, если бы Тюфяевъ не былъ смѣщенъ и замѣненъ Корниловымъ, при которомъ Герценъ и получилъ разрѣшеніе изъ Вятки перѣхать во Владимиръ. Помогъ Герцену случай: на него обратилъ вниманіе наслѣдникъ при посѣщеніи Вятки.

Все это, конечно, знаетъ проф. Ивановъ, но ему нужно опорочить гражданское мужество Герцена:

«Въ Вяткѣ произошелъ первый опытъ съ гражданскимъ мужествомъ Герцена, вышелъ крайне прискорбнымъ даже для николаевского времени, и — что еще прискорбнѣе, — остался знаменательнымъ для всей жизни Герцена. Въ будущемъ ему придется много разъ доказать, до какой степени робкимъ и слабымъ человекомъ создала его природа, снабдила дерзкимъ языкомъ — одна изъ его гражданскихъ гордостей и забыла одарить сердцемъ, соответствующимъ языку».

Конечно, проф. Ивановъ вспомнилъ здѣсь и «Вятскую рѣчь» Герцена и его «Замѣчанія о русскомъ законодательствѣ», совершенно не пытаясь дать имъ историческое освѣщеніе. Какъ мало церемонится съ историческимъ освѣщеніемъ событій проф. Ивановъ въ своемъ историческомъ трудѣ, можно судить по слѣдующимъ его разсужденіямъ:

«Кн. Кропоткинъ, напримѣръ, также впоследствии революціонеръ, въ молодости добровольно уѣхалъ на службу въ Сибирь, бросилъ, дѣйствительно, блестящую карьеру, на какую врядъ ли могъ разсчитывать Герценъ, — бросилъ ради черной работы въ глухомъ безправномъ краю и считалъ потомъ свое пребываніе въ Сибири незамѣнимой школой жизни; она дала ему возможность узнать всевозможныхъ людей и особенно простой народъ въ ежедневныхъ соприкосновеніяхъ съ нимъ. Герценъ, громогласнѣйшій изъ русскихъ народолюбцевъ и граждан-

скихъ страдальцевъ, обезумѣлъ бы при одной мысли о такой школѣ. Все его показаніе заключалось въ обязанности служить» (стр. 265).

Вѣдь проф. Ивановъ не можетъ не знать, что кн. Кропоткинъ поѣхалъ «служить» совершенно въ другую эпоху и при другихъ условіяхъ, чѣмъ Герценъ, и что, такимъ образомъ, параллель между Герценомъ и кн. Кропоткинымъ ровно ничего не доказываетъ и ничему не служить. Онъ знаетъ, конечно, съ какой искренностью разсказывалъ Герценъ и про свои попытки быть полезнымъ на службѣ, онъ знаетъ, что «Герценъ своимъ посмертнымъ хулителямъ могъ бы сказать то же, что отвѣчалъ клеветникамъ своимъ при жизни:

«Въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, живша не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толкѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченья, *но нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого бы то ни было. Если вы тоже можете сказать, поздравляю васъ»... (Письмо гг. Каткову и Леонтьеву).

Проф. Ив. Ивановъ все это знаетъ, однако, пишетъ страницу за страницей... И мнѣ думается, что не разъ послѣ одной изъ такихъ страницъ онъ говорилъ про себя словами «человѣка изъ подполья»: «Я ее написалъ, думая, что выйдетъ очень остро, а теперь какъ увидалъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!»

Но что же толкнуло проф. Ив. Иванова именно такъ «форсить», почему такая злость противъ Герцена? Быть-можетъ, здѣсь даже и злости нѣтъ, а то больное настроеніе, о которомъ говорить «человѣкъ изъ подполья»: «Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воровать пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу». И въ такомъ настроеніи писать трудъ въ 755 страницъ. Да, есть за что пожалѣть проф. Ив. Иванова.

Л. Козловскій.

Субъективизмъ и дилетантство въ историко-литературной критикѣ ¹⁾.

Въ наше время общественной разрухи и растерянности развится болѣзненный разсудочный и крикливый субъективизмъ, налагающій свою печать на всѣ отрасли мысли — на литературу, эстетику, философію, критику.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ переходныя эпохи, когда новое еще только создается, а старыя культурныя цѣнности уже не удовлетворяютъ общество, вмѣстѣ съ субъективизмомъ народилось и дилетантство. Это явленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что французы называютъ «дилетантизмомъ»

«Дилетантизмъ», какъ его опредѣляетъ Бурже, «особая способность интересоваться поочередно всѣми формами жизни, наслаждаться ими и вмѣстѣ съ тѣмъ не увлекаться ни одной изъ этихъ формъ»: наше же современное дилетантство это — способность разглагольствовать *de rebus*

¹⁾ А. Евлановъ. «Ввеоеніе въ философію художественнаго творчества». Т. I Варшава, 1910. VIII—537. Т. II. Варшава, 1907. IV—604.

omnibus et quibusdam aliis съ гораздо большей смѣлостью, чѣмъ знаніемъ дѣла.

Росту дилетантства въ наши дни способствуетъ самое теченіе жизни. Мы теперь за одинъ день переживаемъ гораздо больше, чѣмъ переживали наши дѣды за нѣсколько лѣтъ. Жизнь съ каждымъ днемъ идетъ все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ, ставитъ все новые и новые вопросы, на которые общество жадно ищетъ отвѣта. Самая обычная и для нашего времени характерная литературная форма — это фельетонъ. Онъ вытѣснилъ изъ газеты прежнія пространныя передовицы и статьи на литературныя, политическія и общественныя темы. Фельетонистъ нашихъ дней пишетъ рѣшительно обо всемъ, быть бѣлоручкой ему не приходится: сегодня «техника газеты» требуетъ, чтобы онъ написалъ о холерѣ, и онъ пишетъ о холерѣ, завтра онъ напишетъ о самоубійствахъ среди молодежи, а послѣ-завтра о новой выставкѣ картинъ.

Въ фельетонномъ стилѣ пишутся и популярныя брошюры.

Философіей, и особенно «экспериментальной психологіей» теперь занимаются всѣ. Тѣ «проклятые вопросы», которыхъ не разрѣшили великіе мыслители прошлаго, разрѣшаются нашими «философами» на 20—30 страницахъ.

Исторія литературы, психологія творчества и теорія искусства такъ же, какъ философія, сдѣлались добычей беззастѣнчивыхъ дилетантовъ.

Недавно г. Мишеевъ напечаталъ свой курсъ исторіи западно-европейскихъ литературъ ¹⁾. Свой свѣдѣнія г. Мишеевъ беретъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, біографію писателей, содержаніе ихъ сочиненій пересказываетъ по другимъ учебникамъ. Русскимъ языкомъ владѣетъ онъ плохо, связно излагать свои мысли не умѣетъ, но все это нисколько не мѣшаетъ ему трактовать о самыхъ сложныхъ вопросахъ исторіи литературы.

Не менѣе любопытны труды другого «спеціалиста» г-на Бокадорова. Его курсъ литературы Возрожденія напечатанъ «на правахъ литографированныхъ лекцій». Такія книги не принято критиковать, и мы ограничимся замѣчаніемъ, что г. Бокадоровъ поступилъ очень умно, отказавшись представить свой курсъ на судъ критики. Жаль только, что г. Бокадоровъ не догадался поступить также и тогда, когда печаталъ свои статьи о Руссо ²⁾. Говоря о трудахъ своихъ предшественниковъ, авторъ новѣйшей работы о «руссоизмѣ» — проф. Розановъ замѣчаетъ: «неоконченныя статьи Н. Бокадорова никакой помощи мнѣ не оказали». Еще бы! Кому и какую помощь могутъ оказать «Очерки критическихъ сужденій», въ которыхъ именно критика блещетъ своимъ отсутствіемъ? Кому нуженъ безформенный сводъ непровѣренныхъ «мнѣній» о Руссо?

Такое дилетантство, къ сожалѣнію, находитъ себѣ поддержку и чуть ли не оправданіе въ особомъ теченіи, развившемся у насъ за послѣдніе годы. Цѣлый рядъ критиковъ и притомъ далеко незаурядныхъ, способствуетъ развитію дилетантства, излагая такія теоріи, которыя проникнуты крайнимъ индивидуализмомъ и эстетизмомъ.

¹⁾ Н. Мишеевъ. «Очерки по исторіи всеобщей литературы». Часть I-я Греція и Римъ. Ч. II-я Средніе вѣка и эпоха Возрожденія. Ч. III. Литература новаго времени. (XVII—XIX в.), СПб. 1911.

²⁾ «Очерки критич. сужденій о Руссо». «Кіевск. унив. извѣстія» 1898 — 1901 гг.

I.

Хотя автору «Введенія въ философію художественнаго творчества» не совсѣмъ чуждо дилетантство,—все же его трудъ игнорировать ученому нельзя: «Введеніе» прежде всего заслуживаетъ вниманія, какъ смѣлая попытка создать новыя историко-литературныя цѣнности, найти новые пути.

Такую попытку нельзя не привѣтствовать: если, какъ нами было указано, наши популяризаторы грѣшатъ излишней смѣлостью, то, наоборотъ наши специалисты отличаются слишкомъ большою нерѣшительностью. Никто изъ насъ не дерзаетъ ступить за ту черту, до которой—дошли ученые предшествующаго поколѣнія, выйти изъ тѣхъ путей, которые они начертали. Поэтому всякое исканіе новыхъ цѣнностей въ исторіи литературы заслуживаетъ вниманія. Правда, «искатель» рискуетъ сломать себѣ шею: но утѣшеніемъ ему могутъ служить слова Овидія:

... Currus auriga paterni

Quem si non tenuit magnis tamen exitit ausis!

Г. Евлаховымъ подняты очень интересные и важные вопросы и если бы онъ разрѣшалъ ихъ посредствомъ детальнаго анализа литературныхъ произведеній, а не путемъ «сопоставленія мнѣній», книга его имѣла бы большое значеніе для исторіи литературы.

Когда г. Евлаховъ хочетъ, онъ умѣетъ быть проицательнымъ критикомъ. Но, къ сожалѣнію, хочетъ онъ этого довольно рѣдко. Индивидуальная страстность то и дѣло беретъ въ немъ верхъ надъ критикой, настроеніе надъ логикой. И несомнѣнные достоинства его книги какъ-то скрадываются, словно растворяются въ хаосѣ противорѣчій, произвольныхъ сужденій, крикливыхъ, а иногда даже рекламныхъ фразъ.

Переходя къ указанію дефектовъ книги г. Евлахова, считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: мы не хотимъ опровергать *точку зрѣнія* автора «Введенія» на литературу и ея исторію; мы не раздѣляемъ всѣхъ его взглядовъ на эти предметы, но считаемъ споры о точкахъ зрѣнія праздными: всякая точка зрѣнія пріемлема, если она фактически обоснована. Поэтому мы направимъ нашъ анализъ не на то, что хотѣлъ доказать г. Евлаховъ, а на то, какъ онъ это доказываетъ.

Чтобы методологическіе промахи автора «Введенія» стали болѣе наглядными, мы разберемъ его книгу параллельно съ сочиненіемъ, авторъ коего ставилъ себѣ тѣ же задачи и изслѣдовалъ тѣ же вопросы, что и г. Евлаховъ: мы разумѣемъ «Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка» П. Д. Боборыкина.

Эта книга, по нашему мнѣнію, не была въ свое время оцѣнена по достоинству ни критикой, ни публикой, и теперь несправедливо забыта.

Свое «Введеніе» г. Евлаховъ начинаетъ съ очень смѣлаго заявленія, что въ исторіи литературы пока почти ничего не сдѣлано (sic): «что такое исторія литературы? Наука ли она? Если наука, — то каковы ея задачи? Каковы ея моды? — Гдѣ отвѣты на всѣ эти вопросы? Ихъ нѣтъ, а между тѣмъ они должны быть»¹⁾. Г. Евлаховъ, вѣроятно, шутить. Если бы на эти вопросы не было отвѣтовъ, то какъ же самъ г. Евлаховъ посвящаетъ значительную часть своей книги разсмотрѣнію того, что разумѣли подъ исторіей литературы Веселовскій, Кирпичниковъ, Стороженко, какъ судили о ней Тэнъ, Пауль и другіе? Впрочемъ, самъ г. Евлаховъ признаетъ ошибочность своего крайне смѣлаго утвержденія:

¹⁾ Введеніе въ философію художественнаго творчества. Т. I. стр. 9.

«если я самъ цитирую моихъ предшественниковъ, ссылаясь на нихъ,—говорить онъ въ предисловіи ко второму тому,—то значить они есть». Дѣло въ томъ, что всѣ попытки дать отвѣты на упомянутые вопросы, по мнѣнію г. Евлахова, неудовлетворительны.

Съ этимъ мы также не можемъ согласиться. Въ названной нами книгѣ П. Д. Боборыкина есть пространная глава «художественно-литературная критика въ XIX-мъ столѣтіи», въ которой историко-литературные методы рассмотрѣны весьма обстоятельно. Во введеніи къ этой книгѣ и въ главѣ «Жизнь и творчество» вопросы, поставленные г. Евлаховымъ, разсматриваются болѣе систематично, чѣмъ во «Введеніи въ философію художественнаго творчества».

Но, быть-можетъ, г. Евлахову удалось дать этимъ вопросамъ новое освѣщеніе? Начнемъ съ опредѣленій науки вообще и исторіи литературы въ частности. По мнѣнію г. Евлахова, существуютъ науки въ *собственномъ смыслѣ* и науки въ *условномъ смыслѣ*. «Наука, какъ таковая, уже предполагаетъ наличность присущихъ ей методовъ, безъ которыхъ она не можетъ быть наукой; болѣе того: методологія есть какъ бы составная часть самой науки, ея необходимый признакъ... Иное дѣло «наука» во *второмъ смыслѣ*, т.-е. какъ всякая совокупность знаній въ опредѣленной области. Это послѣдняя отнюдь еще не есть наука въ собственномъ смыслѣ и потому вовсе не предполагаетъ наличности методовъ». Это утвержденіе г. Евлаховъ, повидимому, считаетъ аксіомой, такъ какъ не подкрѣпляетъ его никакими доказательствами. Между тѣмъ вся исторія культуры показываетъ намъ, что науки въ собственномъ, а не въ условномъ смыслѣ, не существуетъ, такъ какъ тѣ самые методы, безъ которыхъ по словамъ самого г. Евлахова, наука не можетъ быть самой собой, вовсе не являются чѣмъ-то разъ навсегда установленнымъ, абсолютнымъ: они мѣняются въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Это станетъ очевиднымъ, если взять исторію естествознанія, космографіи, астрономіи, физики.

Въ пору расцвѣта великихъ восточныхъ цивилизацій, ассирійской, египетской, наука была трансцендентальной: въ ней господствовалъ дедуктивный методъ, ей было чуждо эмпирическое изученіе міра. Универсальнымъ, всеобъемлющимъ закономъ считался законъ аналогіи. Законы, управляющіе видомъ, говорили тогдашніе ученые, — аналогичны законамъ управляющимъ родомъ: вселенная представлялась имъ треугольникомъ (священный треугольникъ Изиды); его вершина есть божественный разумъ, высшее абсолютное знаніе, лучи котораго отражаются въ каждомъ предметѣ, какъ солнце въ каплѣ росы. Поэтому восточный ученый изучалъ явленія внѣшняго міра не ради нихъ самихъ: онъ искалъ въ нихъ связи съ *Universum* оми.

Этотъ взглядъ на науку и ея задачи былъ усвоенъ и средневѣковыми учеными, благодаря Плотину. Плотинъ въ гораздо большей степени, чѣмъ Аристотель, былъ учителемъ средневѣковыхъ мыслителей и ученыхъ.¹⁾ Физика, ботаника служили одной цѣли — познанію того закона, «которымъ все живетъ отъ вѣка».

Намъ, быть можетъ, возразятъ, что наука среднихъ вѣковъ съ ея дедуктивнымъ методомъ — не наука «въ собственномъ смыслѣ» и что и у христіанскихъ народовъ, и у евреевъ, и у арабовъ,²⁾ — химія,

¹⁾ P i c a v e t. «Esquisse d'une histoire générale et comparée des philosophies medievales Paris, 1905, pp. 95 — 124.

²⁾ B e r t h e l o t. «Les origines de l'alchimie», 1885; «Science et Philosophie», 1886; «Introduction à la Chimie des anciens et du moyen âge; 1889; «Histoire des sciences, la Chimie au moyen âge, 1893.

истинная наука возникла только въ новое время. Но если методы современной позитивной науки представляются правильными *намъ*, то слѣдуетъ ли отсюда, что и будущія поколѣнія также будутъ смотрѣть на нихъ? Вѣдь и египетскіе мудрецы и средневѣковые ученые были убѣждены въ непреложности тѣхъ методовъ, которымъ они слѣдовали. Однако эти методы *теперь* считаются неправильными.

Кто-же можетъ поручиться, что методы нашихъ точныхъ наукъ безусловно правильны? Развѣ ужъ теперь не раздаются голоса, утверждающіе, что тѣ побѣды и завоеванія, которыми гордится современная наука, иллюзорны? И развѣ сами сторонники эмпирическаго изслѣдованія не сознаются, что слѣдуя методамъ современной науки, можно достигъ только частичнаго, относительнаго, неполнаго знанія? А разъ научные методы условны, имѣютъ *временную* цѣнность, то условна и самая наука. Приводя, такимъ образомъ, чисто произвольное дѣланіе наукъ, г. Евлаховъ заявляетъ, что возможна выработка методовъ, которые простую совокупность наній превратятъ въ науку, какъ таковую.

Можетъ ли произойти такое превращеніе съ исторіей литературы, которую г. Евлаховъ считаетъ пока только «самозванной наукой»? По-видимому, да, такъ какъ авторъ «Введенія», заявляетъ, что начало научной исторіи литературы положилъ Александръ Ник. Веселовскій «быть можетъ, единственный, кого будутъ помнить и съ кѣмъ будутъ считаться, когда исторія литературы *станетъ дѣйствительно наукой* ¹⁾ (курсивъ нашъ). Итакъ читатель совершенно спокоенъ насчетъ судьбы исторіи литературы. Пока еще она не наука «въ собственномъ смыслѣ», а наука «съ позволенія сказать». Но если, г. Евлаховъ или кто нибудь другой создастъ ея методологію, то она станетъ наукой «безъ кавычекъ». И вдругъ читатель, къ крайнему своему изумленію, узнаетъ далѣе, что не только исторія литературы, но и вообще всѣ науки о духѣ ни въ какомъ случаѣ науками безъ кавычекъ» стать не могутъ ²⁾.

Еще болѣе путаницы, еще болѣе противорѣчій находимъ мы въ попыткахъ г. Евлахова дать опредѣленіе исторіи литературы по существу. Доказавъ сперва, что субъективизмъ и художественность являются не признаками художественнаго произведенія, а его сущностью ³⁾, г. Евлаховъ дальше признаетъ ихъ признаками ⁴⁾. Курьезное противорѣчіе съ тѣмъ, что г. Евлаховъ писалъ въ началѣ своей книги, находимъ мы и въ слѣдующей его формулѣ: «исторія литературы — исторія произведений литературнаго творчества, т. е. только такихъ произведений слова, которые отличаются индивидуализмомъ и художественностью ⁵⁾».

Если принять такое опредѣленіе, то изъ исторіи литературы слѣдуетъ исключить изученіе тѣхъ произведеній, которыя индивидуализмомъ не отличаются. Въ исторію литературы не должно входить изученіе всѣхъ произведеній безличнаго, собирательнаго творчества. Но какъ согласовать это съ тѣмъ, что г. Евлаховъ говоритъ по поводу поэтики Веселовскаго? Вѣдь признаетъ же г. Евлаховъ, что Веселовскій, изучивъ народное творчество, «гдѣ *все коллективно, безлично*» ⁶⁾ (курсивъ нашъ), не только оправдалъ свой сравнительный методъ, но и положилъ начало истинно-научному изученію исторіи литературы. Какъ

¹⁾ Стр. 76.

²⁾ Тамъ же, стр. 81, см. также 182 — 186.

³⁾ Стр. 217, 219, 220, 222.

⁴⁾ Стр. 230 — 231.

⁵⁾ Тамъ же стр. 231.

⁶⁾ Стр. 77.

же могъ Веселовскій начертать пути историко-литературнаго изслѣдованія, основываясь на такомъ матеріалѣ, который согласно опредѣленію г. Евлахова, не принадлежитъ къ области литературы ¹⁾?

Предоставляемъ г. Евлаху самому разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ и ограничимся лишь указаніемъ на то, что авторъ «Введенія» не только не разрѣшилъ этихъ вопросовъ, но внесъ въ нихъ путаницу и сумбуръ. I-ая и II-ая главы «Введенія» — шагъ назадъ въ методологию исторіи литературы. Это станетъ очевиднымъ, если сопоставить упомянутыя главы съ соотвѣтственными мѣстами книги П. Д. Боборыкина, напечатанной еще въ 1900 году.

П. Д. Боборыкинъ исходитъ изъ того положенія, что эстетическое чувство есть самостоятельное отправленіе души человѣка ²⁾; историкъ литературы необходимо считается «съ особой областью душевной дѣятельности, въ которой мы имѣемъ дѣло не съ пользой, не съ отвлеченной истиной, не съ цѣлями моральнаго свойства, а съ чѣмъ-то другимъ, т.-е. съ удовлетвореніемъ потребности въ красотѣ. Задача всякаго мыслителя, — говорить онъ далѣе, выяснить какъ эстетическая потребность нашей души сказывается въ такъ называемомъ изящномъ творствѣ ³⁾. Съ этой цѣлью П. Д. Боборыкинъ устанавливаетъ понятія и термины ⁴⁾.

Творчество выражаетъ собою основную психическую способность человѣка, взятаго единолично или коллективно, къ созиданію *идей и образовъ*... Но творчество можетъ быть развито и не въ одной области красоты, оно можетъ быть также и *научное, чисто-идейное, философское* или относиться къ сферѣ *прикладнаго знанія*. Стало быть, надо всегда доходить до того *основного психическаго побужденія*, которое поддерживаетъ творческую способность. Если ея импульсъ состоитъ въ стремленіи къ осуществленію моментовъ красоты, то творчество есть изящное по преимуществу. Научное творчество состоитъ въ томъ, что человѣческій умъ открываетъ законы мірозданія въ его различныхъ областяхъ. Оно предполагаетъ большую мыслительную силу, но результаты его ведутъ только къ знанію и пониманію того, что уже существовало *отъ вѣка* или развивалось въ извѣстномъ направленіи. Художественное же творчество даетъ продукты, имѣющіе только общую связь съ тѣмъ, что уже существовало, но оно создаетъ новыя объекты, имѣющіе самобытное существованіе: оно гораздо богаче синтетической работой. И если оно, по содержанію, имѣетъ источникомъ наши воспріятія того, что уже существовало внѣ насъ и вошло въ наше сознаніе, то, конкретные образы, форма, получающая такое значеніе въ области красоты, принадлежитъ прямо творческому процессу нашей души ⁵⁾.

¹⁾ Въ концѣ I-го тома г. Евлаховъ еще усугубляетъ это противорѣчіе такимъ заявленіемъ: давно уже оставлена мысль, будто народная поэзія и народное искусство вообще есть результатъ творчества народной массы, народа въ цѣломъ. Раньше въ этомъ именно хотѣли видѣть характерное отличіе безличнаго творчества отъ творчества индивидуальнаго. Теперь для всѣхъ ясно, что *народнаго творчества въ этомъ смыслѣ* никогда не существовало и существовать не можетъ, ибо источникомъ его совершенно такъ же, какъ творчества индивидуальнаго всегда является опредѣленное лицо, опредѣленная личность. (стр. 486). Такимъ образомъ, если сопоставить эти слова съ тѣмъ, что говорилъ г. Евлаховъ на стр. 77., то мы придемъ къ слѣд. выводу: въ народномъ творствѣ *все коллективно, все безлично*, но такого творчества, хотя его изслѣдовалъ Веселовскій, не существуетъ и существовать не можетъ, ибо источникомъ народного творчества всегда является опредѣленная личность.

²⁾ «Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка». СПб. стр. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 4.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 35.

⁵⁾ Стр. 35 — 36.

Изъ вышеизложенныхъ взглядовъ П. Д. Боборыкина вытекаетъ и его опредѣленіе задачъ, которыя долженъ преслѣдовать историкъ литературы. Разсмотрѣвъ тѣ опредѣленія этой науки, которыя были даны русскими учеными, П. Д. Боборыкинъ находитъ ихъ неудовлетворительными¹⁾. Всѣ они основаны на взглядѣ, по которому художественное творчество оцѣнивается постольку, поскольку оно служитъ другимъ потребностямъ человѣка²⁾. По мнѣнію же П. Д. Боборыкина, исторія литературы должна прежде всего установить законъ развитія видовъ и формъ литературной дѣятельности и ихъ взаимнаго отношенія³⁾. Задача изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы «прослѣдить развитіе замысловъ и конкретныхъ образовъ на извѣстный періодъ, показывая какъ происходилъ все возрастающій захватъ жизни, т.-е. матеріала художественнаго произведенія, какъ все развивалось въ взаимодействіи авторскихъ художественно-творческихъ силъ и документальной дѣйствительности... Если признать неизбежность эволюціи и въ природѣ, и въ собирательной психи человѣка, то она должна быть указана критикой и въ построеніи художественныхъ произведеній, въ возрастающемъ богатствѣ языка, въ риѣмѣ фразъ, въ краскахъ, въ приѣмахъ портретной живописи, въ описаніяхъ природы и во всемъ, что относится къ участию личности автора, ея настроеній и намѣреній⁴⁾.

Но этимъ не исчерпываются задачи исторіи литературы. Художественное произведеніе не виситъ въ воздухѣ: оно находится въ тѣсной связи съ жизнью общества данной эпохи. Не принимая въ цѣломъ теоріи Тэна, П. Д. Боборыкинъ согласенъ съ тѣмъ, что и раса, и главное—элементы духовной жизни человѣка, и эпоха, и темпераментъ автора, его судьба, его бытовья и личныя особенности, должны непременно проявляться въ творчествѣ⁵⁾. И творчество есть часть жизни, а потому его нельзя разсматривать внѣ связи съ жизнью. Теперь уже нельзя не считаться съ тѣмъ взглядомъ, по которому вся душевная жизнь культурнаго человѣка, всѣ крупныя факты собирательной психики, обязаны теперешнимъ своимъ развитіемъ элементу социальному, являются результатомъ совмѣстной жизни — «общекитія» (la cité). И самое эстетическое чувство, потребность въ красотѣ и способность даже на т. наз. художественное творчество связаны съ этимъ социологическимъ моментомъ⁶⁾. Поэтому изслѣдованія, въ которыхъ разсматривается то, какъ извѣстныя идеи и стремленія — политическія и социальныя сказывались въ цѣлой серіи произведеній, П. Д. Боборыкинъ считаетъ «необходимыми даже и тѣмъ, кто преслѣдуетъ научно-философскую задачу, относящуюся прямо къ области изящнаго творчества⁷⁾. Такимъ образомъ, въ книгѣ П. Д. Боборыкина мы находимъ гораздо болѣе ясныя и болѣе фактически обоснованныя отвѣты на вышеуказанные вопросы, чѣмъ во «Введеніи» г. Евлахова.

Къ такому же выводу придемъ мы, если обратимся къ тому, какъ г. Евлаховъ и П. Д. Боборыкинъ рѣшаютъ вопросъ о реализмѣ въ искусствѣ. Отъ поэтическаго произведенія, говоритъ первый, — мы

¹⁾ Стр. 48 — 50. Г. Евлаховъ, разбирая взгляды тѣхъ же ученыхъ и дѣлая имъ приблизительно тѣ же возраженія, что и П. Д. Боборыкинъ, не счелъ нужнымъ почему-то сослаться въ данномъ мѣстѣ своего изслѣдованія на своего предшественника.

²⁾ Стр. 49.

³⁾ Стр. 50.

⁴⁾ Стр. 38.

⁵⁾ Стр. 104.

⁶⁾ Стр. 189.

⁷⁾ Стр. 166.

ждемъ «завѣдомо выдуманной исторіи, преднамѣреннаго т.-е. съ извѣстною цѣлью придуманной небылицы» (sic). Стало-быть тѣ чувства, тѣ настроенія, тѣ переходы отъ надежды къ отчаянію, которыя описываетъ Данте въ «Новой жизни», та писанная кровью сердца исповѣдь, какой являются «Ночи» Мюссе или «Книга Пѣсенъ» Гейне, все это — «преднамѣренно т.-е. съ извѣстной цѣлью придуманныя небылицы»? Но почему же въ такомъ случаѣ многіе великіе писатели признавали свои произведенія исповѣдью? «Мы хорошо описываемъ только свое собственное сердце — говоритъ Шатобріанъ, — и лучшая часть генія состоитъ изъ воспоминаній». Чѣмъ же г. Евлаховъ подтверждаетъ свой рискованный тезисъ?

«Это романъ, — говоримъ мы, когда желаемъ указать на невѣроятность чего-либо т.-е. *невозможность его существованія въ дѣйствительности*»¹⁾. Если бы г. Евлаховъ, преодолевъ свою нелюбовь къ «исторіи», заглянулъ въ любую исторію романа, хотя бы въ книгу Г. Кертинга²⁾, то онъ бы убѣдился, что слово *романъ* стало синонимомъ вымышленной исторіи въ ту пору, когда развился романъ приключеній. Романы г-жи Скюдери, Ла Кальпрепеда и Гомбервиля дѣйствительно состояли изъ ряда фантастическихъ приключеній, похищеній недоразумѣній (т. наз. *rescissions*) и т. п. По свидѣтельству Фюретьера, въ его время можно было слышать такой разговоръ: «вы читали новый романъ такого то?» «Да, я сегодня началъ его читать. — До котораго же похищенія героини вы дошли?» До восьмого». Въ ту пору терминъ *романический* употреблялся въ смыслѣ «вымышленный» и до второй половины XVIII-го столѣтія на романъ смотрѣли, какъ на низшій литературный жанръ, который недостойнъ вниманія серьезныхъ людей.

Но, вѣдь, съ тѣхъ поръ развились новые виды романа, — не имѣющіе ничего общаго съ романомъ приключеній, романъ психологическій, романъ-исповѣдь, экспериментальный романъ и т. п. Если же мы иногда употребляемъ слово романъ въ томъ смыслѣ, какой придавали ему въ XVII столѣтіи, то дѣлаемъ это по традиціи, а вовсе не потому, что считаемъ романъ чистымъ вымысломъ. Мало-ли остается въ обращеніи такихъ словъ и выраженій, содержаніе которыхъ давно «вывѣтрилось?»

Въ произведеніяхъ поэтическаго творчества, — говорится далѣе во «Введеніи», — насъ привлекаетъ къ себѣ прежде всего то, что они, — не жизнь, не дѣйствительность, на насъ воздѣйствуетъ сильнѣйшимъ образомъ именно этотъ вымышленный міръ, отрывающій насъ отъ будничной обстановки, отъ нашихъ мелочныхъ дразгъ и заботъ». ³⁾ Если бы это было такъ, то наибольшимъ упѣхомъ у публики пользовались бы такія сочиненія, какъ «Путешествіе на луну». Сирапо-де-Бержерака, и «La Vertu Suprême» Саръ Педадана. Но почему же сотни тысячъ, пожалуй даже милліоны читателей увлекались и продолжаютъ увлекаться «Человѣческой Комедіей», «г-жей Бовари», «Ругонъ-Макарами», рассказами Мопасана, въ которыхъ именно описываются тѣ самыя мелочныя дразги и заботы, тѣ самая будничная обстановка, отъ которой мы, по словамъ г. Евлахова, хотимъ оторваться? Какъ это блестяще доказалъ П. Д. Боборыкинъ, детально изучившій эволюцію романа, читающая публика во второй половинѣ XIX-го столѣтія требовала отъ художественныхъ произведеній какъ разъ обратнаго тому, чего требуетъ г. Евлаховъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 244.

²⁾ L. Koerting «Geschichte des französischen Romans im XVII lahrhunder, Leipzig. 1885.

³⁾ Евлаховъ. «Введение», стр. 246.

Самымъ яркимъ проявленіемъ дилетанскаго отношенія автора «Введенія» къ тѣмъ вопросамъ, которые онъ изучаетъ, является его экскурсъ въ область искусствъ египетскаго, итальянскаго и голландскаго. Доказывая, что художники всѣхъ временъ и народовъ всегда позволяли себѣ значительно отступать отъ реальной правды, что они допускали то частичное, то полное извращеніе «что» ради «какъ», ¹⁾ г. Евлаховъ приводитъ, напр., слѣдующее доказательство: у Джіотто люди больше домовъ, лошади — красныя, деревья — синія... Лучшіе живописцы Возрожденія не даютъ на своихъ картинахъ того, что мы называемъ *couleur locale*: дѣйствующихъ лицъ на нихъ они одѣваютъ въ современные костюмы Италіи Возрожденія, какъ то прекрасно видно на картинѣ Боттичелли. «Adorazione dei Magi» («и другихъ его современниковъ» ²⁾). Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей живописи, извѣстно, что Джіотто не потому изображалъ людей больше домовъ, что считалъ для себя позволительнымъ отступать отъ реальной правды, а потому, что ему и его современникамъ не были извѣстны законы перспективы. Если же онъ рисовалъ красныхъ лошадей и синія деревья, то это объясняется несовершенствомъ техники, живучестью въ Италіи традицій византійскаго искусства, а вовсе не намѣреніями художника. Если же Боттичелли и лучшіе живописцы Возрожденія не даютъ *couleur locale*, то это объясняется тѣмъ, что въ ту пору археологія была только въ зачаточномъ состояніи. О томъ, какъ одѣвались, въ какой обстановкѣ жили не только древніе ассирійяне, персы, евреи, кельты, но даже тѣ самые римляне и греки, чьи произведенія изучались въ школахъ, европейское общество узнало только въ концѣ XVIII-го столѣтія, послѣ появленія р.б. т. Винкельмана, Шуазеля Гюффе, аббата Бартеlemi, графа Кайлюса и друг. До конца XVIII-го столѣтія о «колоритѣ мѣста и времени» не имѣли и не могли имѣть никакого понятія не только художники, но и историки. Пусть г. Евлаховъ раскроетъ исторію Мезере и онъ увидитъ, что у самаго авторитетнаго изъ ученыхъ XVII столѣтія франкскіе короли изъ династіи Меровинговъ пишутъ мадригалы своимъ возлюбленнымъ ³⁾.

Такимъ же курьезомъ, какъ экскурсъ г. Евлахова въ область искусствъ, является и его экскурсъ въ область... Пушкинской поэзіи. «Пушкинъ превращаетъ Ленскаго, — говоритъ г. Евлаховъ, въ какого-то краснокожаго индѣйца (*sic*), который размышляетъ: «Паду ли я стрѣлой пронзенный, или мимо пролетитъ она?...» ⁴⁾.

Г. Евлаховъ, повидимому, не понялъ, что Пушкинъ въ данномъ мѣстѣ *высмываетъ* манеру писателей, слѣдовавшихъ кодексу «beau idéal». Согласно этому кодексу, поэту вѣнялось въ обязанность замѣнять названія предметовъ обихода «древними» терминами, брать вмѣсто слова «каска» — «шоломъ», вмѣсто «сабля» — «мечъ», вмѣсто «ружье» или «пистолеть» — «лукъ», вмѣсто «пуля» — «стрѣла» и т. д. (Вспомнимъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».) Доказательствомъ того, какъ отрицательно относился Пушкинъ къ такимъ «перифразамъ» въ ту пору, когда писался Онѣгинъ, служатъ слѣдующіе стихи, на которые не обратилъ вниманія г. Евлаховъ:

¹⁾ Стр. 254.

²⁾ Тамъ же, стр. 265.

³⁾ О колоритѣ мѣста и времени въ XVII ст. см. Louis Maigrón «Le roman historique à l'époque romantique. Essai sur l'influence de Walter Scott», ch I.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 262.

«Такъ онъ писалъ темно и вяло,
Что романтизмомъ мы зовемъ...

Авторъ «Введенія», самъ того не сознавая, привелъ аргументъ противъ себя, ибо въ цитируемыхъ имъ стихахъ Пушкинъ *протестуетъ* противъ отсутствія реализма у романтиковъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни не только не выясненъ г. Евлаховымъ, но представленъ имъ въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи. И въ этомъ отношеніи «Введеніе» — шагъ назадъ въ наукѣ по сравненію съ «Романомъ на Западѣ».

П. Д. Боборыкинъ исходитъ изъ того положенія, что жизнь всегда идетъ по своему содержанію *впереди* творческаго произведенія¹⁾. Культурно-историческій моментъ можетъ-быть очень крупнымъ и въ то же время вовсе не вызывать къ жизни произведеній такого-же значенія. П. Д. Боборыкинъ приводитъ тому очень вѣское доказательство — разладъ между литературой и жизнью въ пору Французской революціи: «жизнь клокотала кругомъ, а литературное творчество повторяло зады. Люди были проникнуты революціонными идеями, а стояли за условно-классическіе образцы и повторяли избитыя мѣста старомодной поэтики; разрушали основы стараго порядка, а въ своихъ вкусахъ, приемахъ и эстетическихъ принципахъ, нисколько не отличались отъ тѣхъ самыхъ петиметровъ, которымъ они рубили головы». *И тутъ жизнь дожидалась творческаго воспроизведенія, а не наоборотъ*²⁾.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всякое искусство не реально: напротивъ, по мнѣнію П. Д. Боборыкина, жизнь доставляетъ искусству тотъ матеріалъ, который въ данный моментъ творческое дарованіе отдѣльнаго писателя перерабатываетъ въ произведеніе изящной литературы³⁾.

Но для того, чтобы искусство стало вѣрно изображать жизнь, необходимы особыя условія. Искусство должно достигъ такой стадіи развитія, когда у него уже выработались приемы для изображенія жизни, когда оно освобождается отъ традиціи. Такъ, напр., съ самаго начала XVII в. и до первыхъ годовъ XIX-го преобладала т. наз. классическая теорія поэзіи, которая мѣшала и болѣе чуткимъ людямъ творчески обобщать свои ощущенія и воспріятія и стараться главнѣе всего о художественной правдѣ изображенія.⁴⁾ За то въ XIX столѣтіи происходитъ непрестанное и все болѣе и болѣе тѣсное сліяніе жизни и творчества. Въ горнилѣ общей собирательной работы создался «благородный металлъ — художественное воспроизведеніе жизни».⁵⁾

Подъ «художественнымъ воспроизведеніемъ жизни» П. Д. Боборыкинъ разумѣетъ изображеніе міра идей и высшихъ стремленій, наравнѣ съ областью страстей, аппетитовъ, беспощадной борьбы за чисто матеріальныя и всякіе другіе житейскіе интересы⁶⁾.

Въ III-ей главѣ г. Евлаховъ наконецъ переходитъ къ тому, съ чего, по нашему мнѣнію, ему слѣдовало начать, — онъ пытается дать опредѣленіе эстетической эмоціи. По его мнѣнію существуетъ двоякаго рода искусство: не эстетическое или доэстетическое и эстетическое. Первое возникаетъ въ до-историческія времена: это — пѣсня игра (теорія Ве-

¹⁾ «Романъ на Западѣ», стр. 168.

²⁾ Тамъ же, стр. 170 — 171.

³⁾ Тамъ же, стр. 178.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 185.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 596.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 190.

селовскаго), заклинаніе (теорія Аничкова), ритмъ, сопровождающій работу (теорія Бюхера).

Второе, т.-е. эстетическое искусство является неизвѣстно откуда, неизвѣстно какъ и невѣдомо зачѣмъ, Г. Евлаховъ сообщаетъ намъ только, что эстетическое чувство появляется поздно, въ пору высокой культуры. «Эстетическое искусство существуетъ и можетъ суще-ствовать лишь постольку поскольку существуетъ вызывающее его и вызываемое имъ эстетическое чувство, какъ особое состояніе сознанія. А это послѣднее отнюдь не есть чувство или эмоція въ собственномъ смыслѣ слова уже потому, что оно есть созерцаніе, т.-е. если можно такъ выразиться, умственное или воображаемое чувство»¹⁾. Этимъ опредѣленіемъ г. Евлаховъ не сказалъ ничего новаго. Всеобъемлющая, всепроникающая роль чувствованій въ искусствѣ давно доказана въ научной эстетикѣ психологическаго направленія. Искусство, по опредѣленію Фолькельта и Липпса есть *проникнутое чувствомъ созерцаніе* («fühhlende Schauen, gefühlserfüllte, gefühlsbescelte Schauen»²⁾). Но г. Евлаховъ не ограничился тѣмъ, что заимствовалъ свое опредѣленіе у нѣмецкихъ эстетовъ: онъ захотѣлъ сдѣлать его своимъ, прибавилъ отъ себя разсужденія объ «эгоистическомъ альтруизмѣ» и объ альтруизмѣ вполнѣ альтруистическомъ³⁾. Разбираться въ такого рода опредѣленіяхъ мы не будемъ, такъ какъ, напр., «эгоистическій альтруизмъ» для насъ явленіе столь же малопонятное, какъ «Великое Безликое Ничто» въ извѣстномъ стихотвореніи г. Бальмонта.

II.

Второй томъ «Введенія» г. Евлахова посвященъ разсмотрѣнію двухъ вопросовъ: взаимоотношенія творчества и морали, творчества и общественности.

Г. Евлаховъ выдвигаетъ старый тезисъ, столь полюбившійся Оскару Уайльдѣ, «искусство безнравственно» и пытается подкрѣпить его пвыми доказательствами. Къ сожалѣнію доказательства г. Евлахова гораздо менѣе убѣдительны, чѣмъ остроумные и блестящіе парадоксы Оскара Уайльда. Авторъ «Введенія» видитъ доказательство антиморальности искусства въ томъ, что великихъ моралистовъ не разъ упрекали въ безнравственности. «Когда Анна Каренина» — печаталась въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — говоритъ г. Евлаховъ, — извѣстный публицистъ Скабичевскій увидѣлъ въ этомъ произведеніи лишь «мелодраматическую дребедень»... а П. Ткачевъ писалъ, что цѣль и значеніе жизни согласно идеологіи этого романа, должна заключаться въ узкомъ эгоистическомъ улаженіи себя половыми отношеніями и въ ихъ вѣнцѣ — семейномъ счастьи, понимаемомъ при томъ въ самомъ грубомъ, почти циническомъ смыслѣ. Если къ этому прибавить, — замѣчаетъ г. Евлаховъ, — что Левъ Толстой ополчился на все современное искусство, какъ безнравственное... то не любопытное ли, — можно сказать, почти траги-комическое зрѣлище, представить этотъ моралистъ, книга котораго «Крейцера Соната» — этотъ гимнъ аскетической морали, была запрещена къ разсылкѣ главнымъ сѣверо-американскимъ почтъ-директоромъ, какъ произведеніе безнравственное.»⁴⁾

¹⁾ Евлаховъ, «Введение», I, стр. 447.

²⁾ Johannes Folkelt «System der Aesthetik», 1905 — 1910; Fh. Lipps (Grundlegung der Aesthetik», 1903 etc.

³⁾ Евлаховъ. «Введение», I, стр. 455.

⁴⁾ Евлаховъ, «Введение», т. II, стр. 23.

Что же все это доказывает? Только то, что г. Скабичевскій критикъ узкій, не понялъ «Анны Карениной», что также не понялъ ея и г. Ткачевъ, наконецъ, что въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ былъ глупый почти-директоръ. Г. Евлаховъ забываетъ, что всегда находились люди, считавшіе величайшихъ писателей — Шекспира, Байрона, Мольера, Пушкина, Гоголя не художниками. Но слѣдуетъ ли отсюда, что искусство — антихудожественно?

Далѣе г. Евлаховъ отмѣчаетъ тотъ «знаменательный фактъ», что даже безусловные защитники искусства, увѣревшіе въ благотворномъ его вліяніи, никогда не скрывали отъ себя опасности, заключенной въ самой его сущности. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что мыслители моралисты, считая искусство великой, облагораживающей силой, полагали, однако, что при неумѣломъ пользованіи этой силой, она въ извѣстныхъ условіяхъ можетъ причинить людямъ не пользу, а зло. Но въ правѣ ли мы заключать, что сила эта антиморальна по самой своей сущности?

Доказательство того, что искусство антиморально, г. Евлаховъ видитъ еще и въ томъ, что «художники въ цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія изображавшіе отрицательныя стороны жизни, часто не достигали цѣли». Если г. Евлаховъ хотѣлъ доказать это положеніе, ему слѣдовало обстоятельно изучить исторію вліянія на общество хотя-бы одного произведенія (напр. «Нана») Въмѣсто того, г. Евлаховъ сопоставляетъ безъ всякой системы явленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Чего-чего только нѣтъ во 2-мъ и 3-мъ параграфахъ I-й главы: «Санинъ» Арцыбашева и докладъ какого-то врача, разсужденіе объ эволюціи морали и двестишіе:

Дѣйствуйте ловко и шустро,
Такъ говорилъ Залатустра.

Гоголевскій кварталный и Людовикъ Орлеанскій, «Цвѣты Зла» и половая герепись московскаго студентства... Въ концѣ-концовъ г. Евлаховъ приходитъ къ такому выводу: если одно и то же художественное произведеніе можетъ быть одновременно и нравственнымъ и безнравственнымъ, въ зависимости отъ того, *кто и какъ* его воспринимаетъ, то отсюда прямой выводъ, что *всякое* художественное произведеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ *безнравственное*. А слѣдовательно, со строго-этической точки зрѣнія, пока есть безнравственные люди, нравственныхъ произведеній искусства не существуетъ и существовать не можетъ¹⁾. Г. Евлаховъ не замѣчаетъ, что изъ его предпосылокъ можно съ одинаковымъ правомъ сдѣлать выводъ какъ разъ обратный его выводу: если одно и то же произведеніе можетъ быть одновременно *нравственнымъ* и безнравственнымъ, въ зависимости отъ того *кто и какъ* его воспринимаетъ, то слѣдовательно *всякое* произведеніе можетъ разсматриваться, какъ *нравственное*. А потому со строго-этической точки зрѣнія, пока будутъ существовать *нравственные* люди, *безнравственныхъ* произведеній нѣтъ и быть не можетъ.

Авторъ «Введенія» попалъ въ *circulus viciosus*. Если примѣнять дальше его методъ, то мы придемъ къ цѣлому ряду самыхъ неожиданныхъ открытій, напр., одно и то же произведеніе можетъ быть одновременно художественнымъ и нехудожественнымъ, въ зависимости отъ того, *кто и какъ* его воспринимать, а потому пока будутъ существовать люди, одаренные чувствомъ прекраснаго, съ точки зрѣнія строгой эстетики, не-

¹⁾ Стр. 87.

художественныхъ произведеній не существуетъ и существовать не можетъ и т. д. и т. д.

Рѣшая далѣе вопросъ, поскольку стремленіе къ нравственному воздѣйствію на людей связано съ психической организаціей художника, г. Евлаховъ вѣрно замѣчаетъ, что если назначеніе и смыслъ художественнаго творчества заключается въ нравственномъ воздѣйствіи на людей, если такова, дѣйствительно, его сущность, то очевидно, что художникъ какъ носитель этой миссіи, выполняя ее именно въ этомъ направленіи, долженъ, такъ сказать, обрѣтать самого себя, какъ художника ¹⁾.

Здѣсь впервые вопросъ объ отношеніи морали и искусства поставленъ г. Евлаховымъ правильно. Установивъ три типа художниковъ, авторъ «Введенія» такъ характеризуетъ «художниковъ-моралистовъ»: вѣчно занятые моральными проблемами, они и на самое творчество смотрятъ, какъ на рѣшеніе вопросовъ морали, каждому своему произведенію придаютъ характеръ «поученія», такъ что ихъ міросозерцаніе есть въ тоже время и ихъ дидактика, которую не трудно воспроизвести. Характернымъ для нихъ является, однако, то, что эстетическое чувство и требованія моральнаго долга сочетаются въ ихъ природѣ въ своеобразной гармоніи, которая наполняетъ ихъ жизнь и творчество. Ихъ душа не знаетъ грозныхъ конфликтовъ, въ нихъ слиты воедино — моралистъ и художникъ ²⁾.

Съ этой характеристикой писателей-моралистовъ мы вполне согласны. Она служитъ доказательствомъ того, что если бы г. Евлаховъ не писалъ «на тезисъ», если бы у него не было предвзятыхъ мнѣній, а главное, если бы онъ не вторгался въ такія области, которыя ему чужды, то его изслѣдованіе могло-бы быть очень интереснымъ и цѣннымъ.

Прямой выводъ изъ сказаннаго авторомъ «Введенія» о мыслителяхъ моралистахъ и о художникахъ другого типа тотъ, что искусство *можетъ* существовать совершенно независимо отъ морали, но что у нѣкоторыхъ художниковъ мораль и искусство такъ слиты, что неотдѣлимы другъ отъ друга. Стало быть, искусство т. ск. нейтрально: оно можетъ соединяться съ моралью, либо существовать само по себѣ. Но г. Евлаховъ такого вывода не дѣлаетъ; у него своя idée fixe: искусство антиморально. И потому онъ, спохватившись, сводитъ на нѣтъ свои цѣнныя замѣчанія о писателяхъ-моралистахъ, не смущаясь тѣмъ, что противорѣчитъ самому себѣ. Толстой — пишетъ г. Евлаховъ, — сталъ «обличителемъ», но его отреченіе было куплено очень дорогой цѣной: если оно не стоило ему, какъ Гоголю жизни, то во всякомъ случаѣ, сильнѣйшимъ образомъ отразилось на его художественной продуктивности и на характерѣ его творческой дѣятельности. Художникъ постепенно исчезалъ, все болѣе заслоняясь обличителемъ-моралистомъ, пока окончательно не былъ поглощенъ имъ: остался человекъ, — художникъ умеръ ³⁾.

Какъ согласовать это съ тѣмъ, что г. Евлаховъ говорилъ о «полной нерушимой гармоніи», въ которой оставались художники моралисты и въ ихъ числѣ Толстой, «повѣдавшіе міру откровенія своей души въ глубоко-художественныхъ образахъ», пусть объяснитъ намъ самъ авторъ «Введенія». Мы же ограничимся указаніемъ на то, что далеко не всѣ тѣ эстетически развитыя личности, о которыхъ неоднократно говоритъ г. Евлаховъ, раздѣляютъ его взгляды на Толстого. У насъ нѣтъ никакого основанія считать эстетически-неразвитой личностью, напр., Эдуарда Рода, на котораго, впрочемъ, ссылается въ другомъ мѣ-

¹⁾ Стр. 89.

²⁾ Стр. 90.

³⁾ Тамъ же, стр. 109.

ствъ самъ г. Евлаховъ. И вотъ по мнѣнію Рода, обращеніе Толстого нисколько не уменьшило силы его творческаго таланта. Въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстой, — по словамъ Рода, — остался такимъ же гениальнымъ художникомъ, какъ во всѣхъ своихъ большихъ романахъ ¹⁾).

Разсматривая вопросъ имѣетъ ли нравственное чувство какое-нибудь отношеніе къ творческому дару, г. Евлаховъ исходитъ изъ вѣрнаго положенія, что талантливость или гениальность художника не можетъ измѣряться высотой нравственнаго совершенства. Къ сожалѣнію доказательства, приводимыя г. Евлаховымъ въ подтвержденіе этого положенія, мало убѣдительны. Такъ, напр., авторъ «Введенія» указываетъ на поэта Лассенера, о которомъ говоритъ г. Дорошевичъ въ своей книгѣ «О Сахалинѣ». Лассенеръ чувствительный поэтъ, время Второй Имперіи, оказался убійцей. Приводить его какъ доказательство того, что черты гениальности могутъ встрѣчаться у преступниковъ, не слѣдовало потому, что такихъ чертъ въ поэзіи Лассенера нѣтъ. Кромѣ того г. Евлахову надлежало бы, когда онъ беретъ цитату изъ вторыхъ рукъ, не переначивать ея, не разбавлять ея «отсебятиной», иначе онъ рискуетъ попасть въ весьма неловкое положеніе. Такъ оно и вышло въ данномъ случаѣ съ Лассенеромъ. О немъ г. Евлаховъ узналъ не непосредственно изъ книги г. Дорошевича, а изъ моего сочиненія о Шатобріанѣ ²⁾).

Г. Евлаховъ почему-то счелъ нужнымъ пересказать эту цитату «своими словами» и совершенно извратилъ слова г. Дорошевича, приписавъ ему то, чего онъ не говорилъ и не могъ сказать. «Любопытный примѣръ такого психологическаго сочетанія (гениальныхъ чертъ съ болѣзненнымъ измѣненіемъ нравственнаго чувства), — пишетъ г. Евлаховъ, приводитъ г. Дорошевичъ въ своей книгѣ «Сахалинъ», въ лицѣ одного преступника-поэта *котораго ему удалось видѣть на сахалинской каторгѣ* (курсивъ пашъ). Этотъ Лассенеръ ³⁾. и т. д.

Въ книгѣ г. Дорошевича нѣтъ ни слова о томъ, что онъ встрѣтилъ Лассенера на каторгѣ. И мудро было бы ему тѣмъ встрѣтить преступника-поэта, такъ какъ Лассенеръ былъ гильотированъ въ Парижѣ за много лѣтъ до того, какъ Дорошевичъ попалъ на Сахалинъ: если почтенный журналистъ — какъ увѣряетъ насъ г. Евлаховъ, — видѣлъ Лассенера на этомъ островѣ, то это былъ, несомнѣнно, его призракъ, явившійся на каторгу въ образѣ поэта — «безъ головы».

III.

Та часть изслѣдованія г. Евлахова, которая посвящена вопросу объ отношеніи искусства къ общественности, производитъ на читателя крайне тяжелое впечатлѣніе. Г. Евлаховъ имѣлъ, конечно, полное право не раздѣлять взглядовъ критиковъ-соціологовъ и экономистовъ и оспаривать ихъ доводы, но онъ не долженъ былъ при этомъ прибѣгать къ недопустимымъ съ точки зрѣнія научной этики полемическимъ приемамъ.

Вмѣсто того, чтобы приводить аргументы противъ утвержденія, что литература служить и должна служить общественности, г. Евлаховъ разражается грубой бранью по адресу тѣхъ, кого онъ называетъ представителями «публицистическаго метода».

¹⁾ E. Rod. «Les idées morales du temps présent», Paris, 1897, pp. 278—249.

²⁾ «Шатобріанъ и поэтика міровой скорби», Кіевъ, 1905 г. стр. 188—189.

³⁾ Евлаховъ. «Введеніе», II стр. 135.

Брандесъ, по словамъ г. Евлахова, въ концѣ-концовъ, не понимаетъ того, о чемъ говорить и писать ¹⁾, но «ему далеко до той *наглой развязности*, какая характеризуетъ, напримѣръ, русскую публицистику 60-хъ годовъ и ея достойное наслѣдіе—критику разныхъ «Литературныхъ распадовъ» и «Кризисовъ театра всѣхъ этихъ Базаровыхъ, Луначарскихъ, Стекловыхъ, Шулятиковыхъ, Фриче, перещеголявшихъ отца своего—Писарева» ²⁾.

Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ—«вотъ та знаменитая троица», та «небольшая, но теплая компанія», которая, примыкая непосредственно къ Бѣлинскому 40-хъ годовъ и продолжая его дѣло, развила намѣченные имъ принципы «эстетики безъ эстетики» ³⁾. Точка зрѣнія Добролюбова—говорить г. Евлаховъ,—«вопиюще нелѣпа въ научномъ отношеніи» ⁴⁾. «Всѣмъ существомъ чувствуешь убожество ихъ мысли, ихъ логики,—говорить г. Евлаховъ объ участникахъ «теплой компаніи», ясно видишь, что то, что они говорятъ,—абсурдъ». У современныхъ же критиковъ-публицистовъ нѣтъ ни таланта, ни вѣры въ то, что они говорятъ, ни искренности, ни убѣдительности» ⁵⁾.

Это уже напраслина. Нашихъ критиковъ-экономистовъ и социологовъ можно упрекать въ чемъ угодно, только не въ отсутствіи искренности ⁶⁾. Несогласны мы и съ тѣмъ, что въ сочиненіяхъ этихъ критиковъ вовсе нѣтъ убѣдительности. Пусть г. Евлаховъ прочтетъ брошюру г. Фриче о «Леонидѣ Андреевѣ» и онъ убѣдится въ томъ, что г. Фриче проводитъ свою точку зрѣнія очень послѣдовательно и систематично. Можно спаривать методъ Фриче, считать его критику односторонней, но нельзя отказать этому критику ни въ талантѣ, ни тѣмъ болѣе въ искренности.

Въ своей полемикѣ съ г. Коганомъ г. Евлаховъ совершенно игнорируетъ литературныя приличія. Эта часть «Введенія»—фельетонъ изъ «Русскаго знамени», «Кіевлянина» или «Вѣща». Тутъ и выпады противъ моральнаго кодекса евреевъ, который будто бы настолько безнравственъ, что предписываетъ жертвовать живымъ голосомъ совѣсти, тутъ и ссылки на Евангеліе, тутъ даже приводится «еврейскій» анекдотъ ⁷⁾. Недаромъ г. Евлаховъ апеллируетъ къ г. В. Розапову и къ «Новому времени» ⁸⁾.

Г. Евлаховъ до такой степени увлекся полемикой съ социологами, что желая ихъ обличить, сообщаетъ о самомъ себѣ такія вещи, о которыхъ лучше было бы умолчать. Онъ рассказываетъ намъ, что въ январѣ 1904 года отнесъ въ «Русское богатство» статью о пессимизмѣ Тургенева. Условіемъ появленія статьи редація поставила совершенное измѣненіе ея начала. «И мнѣ пришлось подчиниться,—сознается г. Евлаховъ,—я долженъ былъ кореннымъ образомъ измѣнить начало своей статьи—настолько, что это были уже почти не мои взгляды, а взгляды «Русскаго богатства» ⁹⁾. Если г. Евлаховъ позволилъ внести въ свою статью такіе взгляды, съ которыми онъ былъ несогласенъ, лишь бы она была напечатана, то ему все же не слѣдовало сообщать объ этомъ своему читателю.

¹⁾ Тамъ же, стр. 249.

²⁾ Тамъ же стр. 262.

³⁾ Стр. 268.

⁴⁾ Стр. 278.

⁵⁾ Стр. 299.

⁶⁾ См. нашу статью «Социализмъ въ литературной критикѣ», «Критическое Обозрѣніе», Октябрь, 1909.

⁷⁾ *Евлаховъ*, II, стр. 306.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 309.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 292—293.

Г. Евлаховъ долженъ былъ оставить этого послѣдняго въ томъ «пріятномъ заблужденіи», что «Введеніе» написано ученымъ, который если и не всегда уважаетъ чужое мнѣніе, то, по крайней, мѣрѣ дорожитъ своимъ собственнымъ. Мнѣ думается, что любой изъ тѣхъ критиковъ-соціологовъ, которыхъ г. Евлаховъ голословно обвиняетъ въ неискренности, на предложеніе редакціи внести въ статью взгляды, расходящіеся съ его убѣжденіями, отвѣтилъ бы такъ, какъ отвѣчаетъ Ростановскій Сирано: *Mon sang se coagule En songeant qu'on y peut changer une virgule!*

Выругавъ критиковъ, со взглядами которыхъ онъ несогласенъ, г. Евлаховъ, наконецъ, приступаетъ къ доказательству того, что искусство—антиобщественно. И въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ своего «Введенія» г. Евлаховъ считаетъ доказательствами свои собственные безапелляціонные приговоры и «мнѣнія» разныхъ «авторитетовъ». Г. Евлаховъ очень смѣло заявляетъ намъ, что «тенденціозная злободневная поэзія» Некрасова умираетъ на нашихъ глазахъ, и близокъ часъ ея окончательной смерти¹⁾. О томъ что станетъ съ поэзіей Некрасова въ будущемъ, мы судить не беремся. Но что она умираетъ на нашихъ глазахъ, этого мы вовсе не видимъ. Во всякомъ случаѣ, г. Евлаховъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе этого не приводитъ. Въ такомъ же родѣ и всѣ другіе «аргументы» г. Евлахова. Если г. Головинъ утверждаетъ, что «погибъ и огромный талантъ Салтыкова-Щедрина, весь ушедшій на борьбу со злобой дня, на такой узкій и односторонній видъ творчества, какъ общественно-политическая сатира»²⁾, то это только доказываетъ, что и г. Головинъ, и сославшійся на него г. Евлаховъ, превратно судятъ о Щедринѣ и объ общественно-политической сатирѣ. Сочиненія Щедрина до сихъ поръ сохранили все свое значеніе, созданные имъ типы живутъ и по сей часъ. Что же касается общественно-политической сатиры, то съ мнѣніемъ г. Головина и г. Евлахова, были несогласны такіе писатели какъ Данте³⁾, Раблэ, Сервантесъ⁴⁾, Свифтъ, Бомарше, Лесаажъ и друг.

Придя къ тому выводу, что эстетическое чувство находится въ конфликтѣ съ широкими социальными симпатіями, г. Евлаховъ силится затѣмъ доказать, что всѣ или почти всѣ міровые писатели отличались социально-политическимъ убожествомъ. Ссылаясь на двѣ-три шутки Гейне, на «Атта Троль», взявъ (безъ контекста) нѣсколько цитатъ изъ Шахова и Брандеса, г. Евлаховъ приводитъ какъ *ultima ratio* анти-общественности Гейне отзывъ нѣкоего гимназиста (sic), Г. Э. Петри, напечатанный въ «Отчетѣ гимназіи К., Мая» за 1907—8 г. Мнѣ думается, что этотъ юноша измѣнилъ бы свои взгляды на Гейне, если бы прочелъ его «*Zeitsgedichte*», если бы ознакомился, напр., съ поэмой «Германія» и въ особенности со знаменитымъ стихотвореніемъ.

Забытый часовой въ войнѣ свободы,
Я тридцать лѣтъ свой постъ не покидалъ:
Побѣды я не ждалъ, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцѣлѣю,—зналъ...

1) Тамъ же, стр. 329.

2) Тамъ же, стр. 330.

3) Вопреки мнѣнію г. Евлахова и Оветта, на котораго онъ ссылается, въ одной своей замѣткѣ, мы считаемъ «Божественную Комедію» не только религиозно-философской поэмой, но и общественно-политической сатирой. Объ общественно-политической и дидактической тенденціи «Божественной Комедіи», о ея связи съ «*De Monarchia*» и съ сочиненіями публицистовъ XIII-го вѣка. см.: К. Vossler «*Die göttliche Komödie*», I Band, II Teil; Heidelberg, 1907.

4) О сатирическомъ значеніи Донъ-Кихота см. Morel-Fatio «*Etudes sur l'Espagne*».

Все это имѣеть гораздо больше значенія для опредѣленія того, какъ Гейне относился къ общественности чѣмъ приведенная г. Евлаховымъ шутка Гейне, будто для него были равноцѣпны: «любовь, истина, свобода и раковый супъ». Не мѣшало бы и г. Евлахову, и г. Пэтри спросить себя: почему это Гейне уѣхалъ во Францію? Какъ относилась къ его сочиненіямъ тогдашняя цензура, считало ли прусское правительство его творенія вполне «невиннымъ» и подъ какимъ впечатлѣніемъ были написаны слѣдующія строки «Германіи»:

Говорять: насъ безвыходнымъ рабствомъ гнели;
 Это вздоръ совершенный: когда намъ
 Было плохо—могли мы себя умертвить
 Въ подражаніе римскимъ гражданамъ.
 И народъ—эта масса великая—могъ
 Мыслить все, что угодно. Стѣсненію
 Предавался лишь тотъ, кто задумалъ бы вдругъ
 Предавать эти мысли тѣсненію.
 Всеблагое начальство безъ формы суда
 Никого осудить не хотѣло,
 И враговъ своихъ даже судило,—но какъ...
 Ну, да это другое ужъ дѣло...

Доказавъ также убѣдительно, что и Пушкинъ, и Гоголь отличались общественно-политическимъ убожествомъ, г. Евлаховъ переходитъ къ писателямъ и художникамъ эпохи возрожденія.

Высказывая «свое» сужденіе о Петраркѣ, г. Евлаховъ беретъ у Корелина одну фразу, да еще цитату у Веселовскаго и заключаетъ, что Петрарка, подобно другимъ гуманистамъ, относился равнодушно къ общественнымъ дѣламъ и заботился болѣе всего о своей личной свободѣ. И въ данномъ случаѣ г. Евлаховъ намѣренно игнорируетъ все то, что служитъ опроверженіемъ его взгляда: отношеніе Петрарки къ Колоди Ріенци, мечты о единой Италіи, попытки пробудить въ итальянцахъ сознаніе племеннаго и національнаго единства (въ «Африкѣ») наконецъ знаменитую канцону «Italia mia».

Причисляя къ антиобщественникамъ Микель-Анджело, г. Евлаховъ все же считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «правда, онъ принималъ участіе въ защитѣ своего родного города Флоренціи». Однако, г. Евлаховъ этимъ не смущается: «Увы,—говоритъ онъ,—тайкомъ, незамѣтно отъ согражданъ, этотъ неисправимый художникъ убѣгалъ работать надъ статуей Лоренцо Медичи»¹⁾. Очень ужъ, видно, хочется г. Евлахову во что бы то ни стало превратить Микель-Анджело въ антиобщественника, если онъ приводитъ такіе аргументы! Статуя, о которой говоритъ г. Евлаховъ, была начата Микель-Анджело задолго до осады Флоренціи и то, что художникъ захотѣлъ окончить свое произведеніе, вовсе не доказываетъ его равнодушія къ судьбѣ своей родины. Но почему же г. Евлаховъ умалчиваетъ о «Ночи» Микель-Анджело и о знаменитыхъ стихахъ: *Grato mi e il sonno, e piu l'esser di sasso...*

Почему не касается онъ того, о какомъ такомъ «позорѣ и бѣдствіи» говорить въ этомъ стихотвореніи великій художникъ?

Рамки настоящей статьи не позволяютъ намъ слѣдовать дальше за г. Евлаховымъ въ его тщетныхъ попыткахъ доказать, что искусство антиобщественно. Ограничимся указаніемъ на то, что авторъ «Введенія» впадаетъ въ ошибку, въ которую впали и многіе изъ тѣхъ самыхъ сс-

¹⁾ Евлаховъ, «Введеніе» II, стр. 368.

цѣлоговѣ, съ которыми онъ полемизируетъ: онъ смѣшиваетъ общественныя симпатіи писателя съ партійностью, со стремленіемъ провести въ произведеніи ту или другую тенденціозную идею. Писатель можетъ не принадлежать ни къ одной изъ политическихъ партій, не слѣдовать въ своихъ сочиненіяхъ никакой «платформѣ», и все же его творчество можетъ быть тѣсно связано съ общественностью и проникнуто широкими общественными симпатіями. Разочаровавшись и въ гвельфахъ, и въ гиббелинахъ, Данте рѣшилъ быть «своею партіей»; но слѣдуетъ ли отсюда, что онъ оставался безучастнымъ къ судьбѣ Италіи?

Возражая г. Евлахову, мы не стапемъ утверждать, что всякій великій писатель неизмѣнно долженъ быть общественникомъ. Искусство, по нашему мнѣнію, также можетъ существовать независимо отъ чувства общественной солидарности, какъ можетъ оно существовать независимо отъ морали. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что искусство антиобщественно по существу. Напротивъ, есть великіе писатели, у которыхъ общественныя симпатіи находятся въ неразрывной связи и съ ихъ міровозрѣніемъ и съ ихъ художественнымъ творчествомъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, главнѣйшіе дефекты «Введенія» г. Евлахова. Не ограничиваясь историко-литературнымъ изслѣдованіемъ, съ которымъ онъ, вѣроятно, справился бы, авторъ «Введенія» захотѣлъ лавровъ философа и теоретика искусства. Но *n'est pas philosophe qui veut*.

Спеціально философской подготовки г. Евлаховъ, повидимому, не получилъ: сколько-нибудь внимательный читатель сразу чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ начетчикомъ, что тѣ сочиненія, на которыя ссылается г. Евлаховъ, были прочитаны имъ *ad hoc*. Можетъ-быть, мы ошибаемся, но на насъ книга г. Евлахова произвела впечатлѣніе работы, составленной по выпискамъ, которыя авторъ собралъ давно, въ пору студенчества.

Г. Евлаховъ, повидимому, очень торопился, когда писалъ свое Введеніе (особенно II ой томъ): оттого его положенія недостаточно обоснованы, методологическая часть его книги очень слаба, а нѣкоторыя главы ея написаны по-дилетантски.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Благовидовъ, О. В., проф. Четвертый годъ существованія перваго высшаго учебн. заведенія на Кавказѣ.

Бродскій, Н. Л., Поэты кружка Станкевича. Цѣна не обозначена.

Бушъ, Вл. Среди новыхъ изслѣдованій былинъ. Библиографическіе наброски. 1900—1912 г. ц. не обозначена.

Бѣлоконскій, И. П. Земское движеніе. 2-е изд. ц. 3 р. Кн.—во «Задруга».

Бюллетени литературы и жизни. 1912—13 г. т. I и II. ц. 4 р. 50 к. въ переплетѣ.

Гедройцъ, С. Вегъ. (1910—1913). Цехъ поэтовъ. Ц. 1 р.

Гернесъ, М. Проф. Культура доисторическаго прошлаго, ч. I. Каменный вѣкъ. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. Изд. «Фарось». Ц. 70 к.

Голубинскій, Е. Е. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. Изд. Имп. О-ва Исторіи и Древностей. Росс. при Моск. Унив. Ц. 1 р. съ пер.

Гунгеръ, I. и Ламеръ, Г. Культура древняго Востока въ картинахъ. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. М. С. Сергѣева. Изд. «Фарось». Ц. 1 р. 50 к.

Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 50 к.

Ждановъ, Л. Собраніе сочиненій. Т. I. Въ сѣтяхъ интриги. (Два потока). Кн.—во «Освобожденіе» Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Во дни смуты. 1610—1613 гг. Историч. Повѣсть. Кн.—во «Освобожденіе». Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Осажденная Варшава. Кн.—во «Прометей». Ц. 1 р. 50 к. Т. IV. Сгнѣбла Польша. (Fimio Poloniae!). Кн.—во «Прометей» Ц. 1 р. 50 к.

Въ стѣнахъ Варшавы. Т. I—II. «Прометей». Ц. 3 р. Т. VII—VIII. Былые дни Сибири. Кн. I и II Кн—во «Прометей». Ц. 2 р. 50 к. Наслѣдіе Грознаго. Изд. Семенова. Ц. 75 к.

Журавлевъ, Б. Нишняя царица. Ц. 50 к.
Игнатевъ, С. С. Э. Т. А. Гоффманъ. Личность и творчество. Ц. 1 р. 25 коп.
Мармазина, Е. Дарыны жилицы. Разсказы изъ студенческой жизни (конца 90-хъ г.г. Изд. «Трудъ». Ц. 1 р. 25 к.

Норшъ, В. «Националистическая 7-ука». Изд. «Украинск. Ж.» Ц. 15 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Экономическій ростъ русскаго государства за 300 лѣтъ. (1613—1913). Изд. Тва И. Д. Сытина. Ц. 50 к.

Мутеръ, Рихардъ, Исторія живописи съ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Т. III. Вып. I. Перев. В. Фриче. Кн—во «Печатникъ».

Наше прошлое. Разсказы по русской исторіи подъ ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыточковыхъ. Кн—во «Задруга». Ц. 1 р. 40 к.

Обольяниновъ, Н. Русскіе граверы и литографы. Добавленіе къ «Словарию русскихъ граверовъ Ровинскаго и «Описанію нѣсколькихъ гравюръ и литографій Тевяшова. Съ прилож. 43 снимковъ. Ц. 4 руб.

Павловъ, Ал. Грузинская легенда. Цѣна не обозн.

Петлюра, С. И. Франко-поэтъ національной чести. Изд. «Украинск. Ж.» Ц. 15 к.

Познанскій, Б. С. Воспоминанія. Изд. «Украинск. Ж.» Ц. 35 к.

Путешествіе въ Петербургъ аббата Жоржеля въ царствованіе имп. Павла I. Перев. Н. Соболевскаго съ предисл. А. А. Кизеветтера. Кн—во К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р. 20 к.

Русовъ, Н. Н. Повѣсти. Кн—во К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р.

Русскія Вѣдомости. 1863—1913 г. Сборникъ статей. Ц. 3 р.

Сборникъ статей въ честь Д. А. Норсанова. По поводу сорокалѣтія его ученой и пятидесятилѣтія учено-литературной дѣятельности. Изд. Кн. м. М. А. Голубева. Ц. 3 р. 90 к.

Семенниковъ, В. П. Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 г.г. Историко-литературное изслѣдованіе. Изд. «Русскаго Библюфила». Цѣна не обозначена.

Сиротининъ, А. Россія и Славяне. Изд. М. М. Стасюлевича. Ц. 2 р. 95 к.

Современные нѣмецкіе поэты въ переводѣ Владимира Эльснеръ. Кн—во К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р.

Соловьевъ, И. М. Русскіе Университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вып. I: Университеты до эпохи шестидесятихъ годовъ. Ц. 1 р. 25 к. Кн—во. «Энергія».

Ульяновъ, Н. А. Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематическій). Вып. I. Ц. 90 к.; вып. II. — 1 р. 50 к. Кн—во «Наука».

Ульяновъ, Н. А. Какъ покупать книги? Опытъ краткаго практическаго руководства. Ц. 10 к. Кн—во «Наука».

Хатченко, А. Юр. Юр. Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель. Изд. «Украинск. Жизни.» Ц. 20 к.

Череванскій, Вл. Первая русская царица. Повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 2 р. 50 к.

Чубинскій, М. П. проф. Украинская національная идея и ея правовые постулаты. Изд. «Украинской Жизни». Ц. 15 к.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Брандесъ, Г. Россія. Наблюденія и размышленія Литературныя впечатлѣнія.

Владимировъ, В. М. Старые архитектурные проекты плановъ, фасадовъ и профилей: церквей, домовъ и пр., собранные изъ изданій 1809, 1812 и 1824 г. Вып. II.

Волконская, М. Н. Кн. Записки Примѣчанія П. Е. Щеголева.

Гливенко, И. И. Чтенія по исторіи всеобщей литературы.

Глинскій, Б. Б. Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи.

Гутари, М. Д. Новѣйшая исторія Турціи и Персіи XVIII, XX! и XX стол., ч. I.

Долгорукой. Оедоръ, кн. Долгоруковы, Долгоруки и Долгоруки-Аргутинскіе.

Жирмунскій, В. Нѣмецкіе романтизмъ и современная мистика.

Извъковъ, Н. Д. Историческій очеркъ жизни и дѣятельности Моск. об.—ва любителей духовнаго просвѣщенія. (1863—1913 г.).

Исторія Московск. Купеческаго Об.—ва. 1863—1913. т. V.

Норелинъ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія.

Нузнецовъ, Н. А. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи. (XV—XVII в.).

Нурбатовъ, В. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ.

Лѣтопись историко - родословнаго об—ва въ Москвѣ. Вып. I и II.

Лященко, П. И. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Ч. I. Первоначальное надѣленіе и осуществленіе кр—ой собственности.

Акуличъ - Назаргонъ, Н. Ѳ. Спутникъ по древнему Пскову.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. III. (1740—1799 г.).

Розановъ, Н. П. Московскій митрополитъ Платонъ. 1737—1812 г.).

Рунневичъ, С. Г. Александро - Невская лавра. 1713—1913. Историческое изслѣдованіе.

Святловскій, В. В. Очерки по исторіи экономическихъ воззрѣній на Западѣ и въ Россіи. Ч. I.

Секстъ, Омпирикъ. При книги Пирроновыхъ положеній.

Синайскій, В. Н. Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ.

Скворцовъ, Н. А. Археологія и топографія Москвы.

Титвъ, А. Описаніе славянорусскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова, т. VI. Сборники рукописи Бодянского прот. Діева, Мельникова-Печерскаго.

Успенскій, А. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 2-й.

Фальковичъ, П. Картины жизни въ Москов. Государствѣ. Въ извлеченіяхъ изъ записокъ иностранцевъ о Россіи XVI—XVII в.

Смерть Пети Ростова. (Рис. Каразина).

Писатель и художники.

(«Война и миръ» въ иллюстраціяхъ).

I.

Одно изъ величайшихъ произведеній русской литературы—«Война и миръ»—вышло въ иллюстрированномъ изданіи лишь почти пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ своего появленія въ свѣтъ. Только въ прошломъ году Т-во Сытина выпустило этотъ романъ Л. Толстого въ видѣ роскошной книги ¹⁾ съ иллюстраціями художника А. П. Ансита.

Та роскошь, съ которой издана книга, и то стараніе, которое, по-видимому, было приложено художникомъ при иллюстрированіи ея, не могутъ не обратить вниманія поклонниковъ таланта Л. Толстого. Въдѣ «Война и миръ» въ такомъ видѣ разойдется въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и русское общество, особенно молодежь, будетъ находиться не только подъ впечатлѣніемъ этого великаго произведенія слова, но и подъ впечатлѣніемъ тѣхъ иллюстрацій, которыя въ такомъ изобиліи приложены къ книгѣ.

Никто не станетъ спорить противъ того, что иллюстрація, сопровождающая литературное произведеніе, имѣетъ и хорошую и дурную сторону. Иллюстрація вообще труднѣйшій родъ живописи,—конечно, не та

¹⁾ «Война и миръ». Подъ редакц. и съ примѣчан. П. И. Бирюкова. Съ рис. А. П. Ансита. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, I—III томы.

иллюстрація, которой снабжены большею частью русскія книги, особенно послѣднихъ лѣтъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду ту иллюстрацію, которая не только не ослабляетъ впечатлѣніе, получаемое отъ литературнаго произведенія, но, наоборотъ, усиливаетъ его, обращаетъ вниманіе читателя на то, чего онъ могъ бы не замѣтить, что ускользнуло бы отъ него по той или иной причинѣ.

Есть мнѣніе, что иллюстрація литературнаго произведенія не только не нужна, но и вредна, ибо она разбиваетъ впечатлѣніе, навязываетъ читателю такое толкованіе, которое если не невѣрно въ корнѣ, то во всякомъ случаѣ субъективно. Намъ кажется, что такое мнѣніе со-здалось, главнымъ образомъ, потому, что дѣло иллюстрированіе нашихъ литературныхъ произведеній часто попадало въ руки художниковъ мало талантливыхъ, необразованныхъ и нечуткихъ. Иллюстраторъ, мало образованный и литературно невоспитанный, будь онъ даже выдающимся художникомъ, дѣйствительно, не передастъ при помощи иллюстраціи того впечатлѣнія, которое получается при чтеніи великаго литературнаго произведенія, ибо мало еще передать въ рисунокъ буквальное содержаніе того или иного мѣста изъ него,—иллюстрація должна передать также и тотъ общій духъ и смыслъ, которые таятся въ произведеніи.

Иллюстраторъ литературнаго произведенія долженъ быть такъ же талантливъ въ своей области, какъ и писатель въ своей, ибо вѣрно понять мысли послѣдняго можетъ только тотъ, кто по своей интеллектуальности стоитъ на одномъ съ нимъ уровнѣ, или, по крайней мѣрѣ, приближается къ нему.

Если иллюстраторъ по степени своей талантливости близокъ къ писателю, то значеніе иллюстраціи чрезвычайно велико, ибо художникъ въ данномъ случаѣ есть такой же комментаторъ литературнаго произведенія, какъ и критикъ. Кто не отрицаетъ значенія Бѣлинскаго, Добролюбова или Чернышевскаго, тотъ не долженъ отрицать значенія такихъ выдающихся иллюстраторовъ, какъ Агинъ («Мертвыя души»), Боклевскій (Гоголевскіе «типы»), иллюстраціи къ комедіямъ Островскаго и т. д.), Вашиловъ («Горе отъ ума») и друг.

Особенно велико значеніе иллюстраціи въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, рисующимъ болѣе или менѣе отдаленную эпоху. Археологическія и бытовыя особенности, будучи изображены наглядно талантливымъ и свѣдущимъ художникомъ, только усилятъ впечатлѣніе, получаемое отъ литературнаго произведенія.

При такомъ взглядѣ на роль иллюстратора, иллюстрированіе даже такого гениальнаго произведенія, какъ «Война и миръ» имѣетъ свое основаніе, а дѣло, выполненное художникомъ Апситомъ, должно вызвать самое серьезное къ себѣ отношеніе.

II.

Если бы въ наши дни какой-либо литераторъ или ученый пожелалъ сдѣлать новую оцѣнку романа Толстого, то онъ долженъ былъ бы произвести огромную подготовительную работу. Онъ долженъ былъ бы основательно ознакомиться не только съ имѣющимся подъ его руками текстомъ «Войны и мира», но и съ исторіей этого текста, съ его первоначальной редакціей, которая, какъ извѣстно, даже въ печатномъ видѣ значительно разнится отъ той, которая обыкновенно помѣщается въ собраніяхъ сочиненій Л. Н. Толстого. Затѣмъ онъ долженъ былъ бы изучить тѣ мемуары, письма, научныя сочиненія и т. д., которые по-

служили писателю матеріаломъ для его произведенія. Наконецъ, онъ обязанъ былъ бы прочесть хотя бы главнѣйшіе труды тѣхъ писателей, которые до него занимались изслѣдованіемъ «Войны и мира», какъ литературнаго произведенія. Произведя только такую работу, современный изслѣдователь могъ бы имѣть извѣстную увѣренность въ томъ, что его собственный трудъ не будетъ совершенно бесполезенъ.

Подобную работу, можетъ-быть въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ, долженъ произвести и тотъ художникъ, который захотѣлъ бы въ наше время дать толкованіе «Войнѣ и миру» при помощи иллюстрацій, ибо это толкованіе было бы вѣрно и объективно только въ томъ случаѣ, когда онъ изучилъ бы этотъ романъ всесторонне. Но кромѣ указанной выше работы, обязательной и для литератора и для художника, послѣдній долженъ былъ бы произвести еще двѣ, притомъ для него весьма важныя работы. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ бы подробно ознакомиться (въ натурѣ или по рисункамъ) съ матеріальной культурой эпохи, изображенной въ «Войнѣ и мирѣ» (архитектура, костюмъ, оружіе и т. д.), чтобы не погрѣшить противъ дѣйствительности въ той области, которая является важнѣйшей съ точки зрѣнія живописи. Наконецъ, во-вторыхъ, онъ обязанъ былъ бы изучить тѣ иллюстраціи къ «Войнѣ и миру», которыя ранѣе появились, или относительно которыхъ извѣстно, что онѣ хранятся въ томъ или иномъ музеѣ или галлерей. Эти иллюстраціи дали бы художнику извѣстный матеріаль, показали бы, чего слѣдуетъ избѣгать и на что нужно обращать особое вниманіе.

Указанная выше подготовительная работа, которую обязанъ, по нашему мнѣнію, произвести иллюстраторъ всякаго литературнаго произведенія, дало бы ту канву и тотъ матеріаль, при помощи котораго талантливый художникъ вышилъ бы уже свой собственный узоръ. Посмотримъ же, что дала бы иллюстратору «Войны и мира» упомянутая подготовительная работа и какія ошибки онъ легко допустилъ бы, если бы не произвелъ ея.

III.

Обратимся прежде всего къ тому, что дало бы художнику сравнительное изученіе текста этого романа. Извѣстно, что онъ началъ печататься подъ заглавіемъ «1805 годъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (кончая описаніемъ Шенграбенскаго боя), затѣмъ въ переработанномъ и законченномъ видѣ въ изданіи 1868—1869 гг. и, наконецъ, въ болѣе или менѣе окончательно отдѣланномъ видѣ въ изданіи 1873 года. Однако почти во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ Толстой дѣлалъ довольно существенныя измѣненія чуть не на каждой страницѣ романа. Конечно, иллюстраторъ долженъ считаться больше всего съ тѣмъ текстомъ, который онъ иллюстрировалъ; однако онъ обязанъ изучить и текстъ, напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ изданіяхъ 1868 и 1873 гг., такъ какъ эти тексты (особенно помѣщенный въ «Русск. Вѣстн.») даютъ художнику очень важный матеріаль при изображеніи того или иного героя романа. Такъ, въ наиболѣе распространенномъ текстѣ «Войны и мира» мы не найдемъ подробнаго описанія наружности и характерныхъ особенностей ни Николая Ростова, ни Анатоля Курагина, ни Шереръ, ни Бориса Друбецкого, а между тѣмъ въ первоначальномъ текстѣ («Русск. Вѣстн.») даны исчерпывающія, даже слишкомъ подробныя описанія упомянутыхъ лицъ. Анатолий Курагинъ, напримѣръ, обрисованъ слѣдующимъ образомъ: «Анатолий былъ красавецъ: высокій, полный, румяный; грудь у него была такъ высока, что голова откидывалась назадъ, что придавало

ему гордый видъ. У него былъ прекрасный свѣжій ротъ, густые, русые волосы, на выкатѣ черные глаза и общее выраженіе силы, здоровья и добродушія свѣжей молодости. Но прекрасные глаза его съ чудесными, правильными черными бровями какъ будто были сдѣланы не столько для того, чтобы смотрѣть, сколько для того, чтобы на нихъ смотрѣли». Художникъ, дававшій изображеніе Анатоля только по общераспространенному тексту «Войны и мира», несомнѣнно, былъ бы поставленъ

въ большое затрудненіе при выполненіи своей задачи, легко впалъ бы въ ошибку и нарисовалъ бы его, какъ и Николая Ростова, Друбецкого и другихъ, не такими, какими ихъ представлялъ себѣ Толстой. Это, конечно, нарушило бы впечатлѣніе, и чуткій читатель замѣтилъ бы, что между героями, изображенными писателемъ, и тѣми же героями въ изображеніи художника существуетъ извѣстная разница. Итакъ, знакомство съ первоначальнымъ текстомъ «Войны и мира» для худож-

ника не только не излишне, но, наоборотъ, совершенно необходимо. Чтеніе хотя бы главнѣйшихъ матеріаловъ (мемуаровъ, научныхъ сочиненій, писемъ и т. д.), которыми пользовался Толстой при обработкѣ своего произведенія, чрезвычайно облегчило бы художнику его задачу. Извѣстны слова Толстого: «Я многимъ обязанъ Стендалю. Онъ научилъ меня понимать войну. Перечтите въ «Chartreuse de Parme» рассказъ о битвѣ при Ватерлоо. Кто до него описалъ войну *такою*, т.-е. такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ?» Итакъ, *война* изображена Толстымъ подъ вліяніемъ Стендаля, а потому, если художникъ хотѣлъ изобразить ее такою, какою ее изобразилъ Толстой, онъ долженъ былъ непременно ознакомиться съ взглядами Стендаля по этому вопросу. Извѣстны затѣмъ также слѣдующія слова Толстого: «Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая бібліотека книгъ»... Эти книги уже изучены однимъ изслѣдователемъ¹⁾, который показалъ намъ, какая большая связь существуетъ между многими изъ нихъ и романомъ Толстого. Иллюстраторъ не можетъ обойтись безъ этихъ книгъ, такъ какъ творецъ «Войны и мира» часто лишь въ нѣсколькихъ словахъ рисовалъ цѣлую картину, правильно изобразить которую художникъ можетъ только по ознакомленіи съ первоисточниками, гдѣ эта картина нарисована подробно. Эти подробности могутъ быть найдены только въ тѣхъ источникахъ, которыми пользовался самъ Толстой. Если бы они даже ввели писателя въ заблужденіе, то и тогда художникъ обязанъ придерживаться ихъ, такъ какъ иное, хотя бы и болѣе правильное изображеніе, будетъ несогласно съ тѣмъ, что нарисовалъ намъ Толстой въ своемъ романѣ.

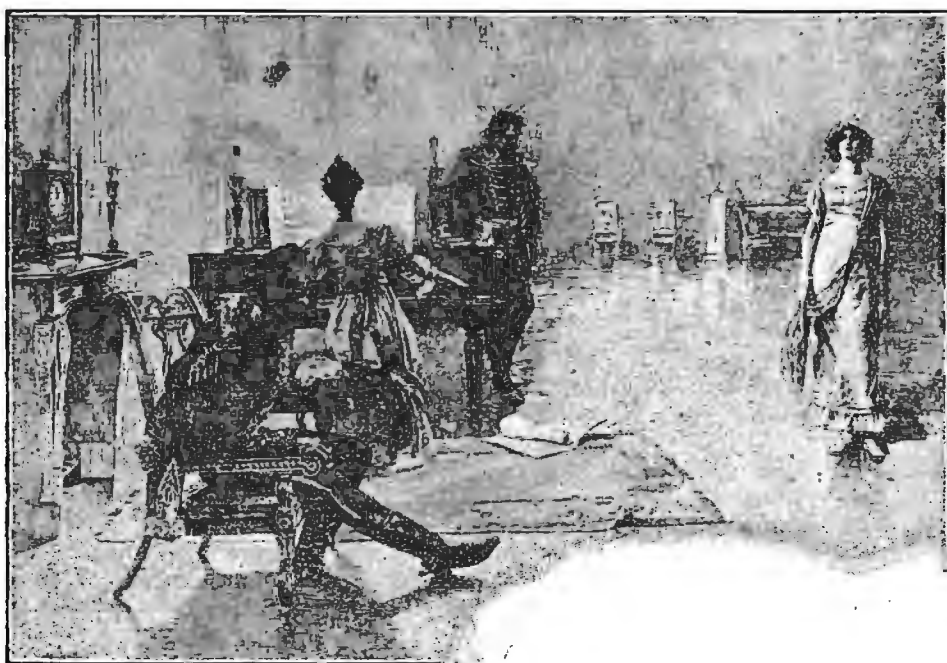
Изученіе біографической, критической и исторической литературы о Л. Толстомъ и его романѣ тоже необходимо для художника. Возьмемъ, напримѣръ, біографію Толстого, составленную П. И. Бирюковымъ. Тамъ мы встрѣтимъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ, незнаніе которыхъ ввело бы иллюстратора «Войны и мира» въ большое заблужденіе. Чѣмъ долженъ руководствоваться художникъ, изображая Илью Ростова, графиню Ростову, генералъ-аншефа Болконскаго, Соню и т. д.? Въ упомянутой біографіи онъ найдетъ бы отвѣтъ на эти вопросы, такъ какъ тамъ приведено собственное признаніе Толстого, что Илья Ростовъ—это дѣдъ писателя, графъ Илья Андреевичъ Толстой; графиня Ростова—это бабка писателя, Пелагея Николаевна; Соня—Татьяна Александровна Ергольская и т. д. Это признаніе писателя налагаетъ на иллюстратора обязанность воспользоваться фамильными портретами семьи Толстыхъ и придать изображаемымъ героямъ сходство съ соответствующими членами этой семьи.

Критическая и историческая литература о «Войнѣ и мирѣ» дала бы художнику ключъ къ пониманію этого произведенія и указала бы источники, пользуясь которыми, онъ могъ бы найти отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ. «Война и миръ»—это произведеніе, окрашенное извѣстнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, понять которое художникъ обязанъ, ибо оно должно отразиться и на иллюстраціяхъ къ этому роману.

Такова должна быть литературная подготовка иллюстратора «Войны и мира». Но этого недостаточно. Онъ не можетъ приступить къ выполненію своей задачи только съ этой подготовкой,—ему необходимо про- извести еще двѣ другія работы, о которыхъ мы говорили выше.

¹⁾ К. В. Псковскимъ. См. его статью въ сборникъ «Война и миръ». Историко-литературной комментари, подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера.

Прежде всего онъ долженъ ознакомиться съ матеріальной культурой эпохи «Войны и мира». За сто лѣтъ эта культура настолько измѣнилась, что вѣрное изображеніе ея требуетъ основательнаго изученія по остаткамъ ея въ натурѣ, въ музеяхъ и въ тѣхъ иллюстрированныхъ научныхъ трудахъ, которые посвящены этому вопросу. Костюмъ, мебель, архитектура, вооруженіе должны быть изображены художникомъ съ педантичной точностью, а не произвольно, какъ это дѣлали художники еще въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Это ознакомленіе съ матеріальной культурой начала прошлаго вѣка должно быть дополнено изученіемъ художественныхъ матеріаловъ, относящихся специально къ Отечественной войнѣ и вообще къ войнѣ съ Наполеономъ. Извѣстенъ цѣлый рядъ зарисовокъ отдѣльных моментовъ этой войны очевидцами—Адамомъ, Фаберже, Дюфоромъ и др. Эти зарисовки даютъ современному

Наташа поетъ. (Рис. Салокшъ Судковская).

художнику весьма богатый матеріаль. Пользуясь имъ, онъ можетъ точно изобразить даже малѣйшія подробности изъ эпохи, изображенной Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ».

Другая работа, которую необходимо продѣлать современному иллюстратору этого романа, заключается въ томъ, что онъ долженъ ознакомиться съ уже существующими иллюстраціями къ «Войнѣ и миру». Мы признаемъ, что это, пожалуй, самая трудная и, можетъ-быть, наименѣе производительная часть подготовительной работы, но она необходима, ибо этого требуетъ процессъ подобной работы,—если такъ можно выразиться, ея техника.

Русская иллюстрація еще мало изучена. Только въ послѣдніе пять лѣтъ появилось нѣсколько работъ, которые посвящены этому специальному роду живописи. Но среди этой литературы бесполезно было бы

искать труда, касающагося иллюстрацій къ «Войнѣ и миру»,—такого труда еще нѣтъ. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ коснуться, хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ, предшественниковъ г. Апсита въ интересующей насъ области.

IV.

Пионеромъ въ дѣлѣ иллюстрированія «Войны и мира» былъ художникъ М. С. Башиловъ, имѣвшій близкое отношеніе къ Московскому училищу живописи, ваянія и зодчества. У него были всѣ данныя для того, чтобы взяться за такое трудное и отвѣтственное дѣло. Онъ уже прославилъ себя прекрасными иллюстраціями къ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина (вышли въ видѣ альбома литографій въ 1868—70 г.). Еще лучше были его иллюстраціи къ комедіи «Горе отъ ума» въ изданіи Тиблена (СПБ., 1862 г.). Последнія иллюстраціи безъ преувеличенія можно назвать классическими. Онѣ-то и создали Башилову репутацію прекраснаго иллюстратора.

Иллюстрировать «Войну и миръ» Башиловъ задумалъ подъ вліяніемъ Толстого. Исторія взаимоотношеній между ними изложена П. И. Бирюковымъ въ сентябрьской книжкѣ Голоса Минувшаго, поэтому здѣсь мы изложимъ ее вкратцѣ, дополнивъ нѣкоторыми новыми данными. Толстой, рѣшивъ издать свой романъ отдѣльнымъ изданіемъ, обратился къ Башилову съ просьбой изготovitъ къ нему до 65 иллюстрацій. Художникъ охотно принялъ предложеніе и посвятилъ своей работѣ зиму 1866—1867 гг., при чемъ черновики рисунковъ предварительно посылалъ Толстому для просмотра. Изъ писемъ, приложенныхъ къ упомянутой статьѣ П. И. Бирюкова, видно, что великій писатель былъ очень доволенъ иллюстраціями Башилова и лишь относительно нѣкоторыхъ высказалъ критическія замѣчанія. Въ сужденіяхъ относительно присланныхъ набросковъ онъ то и дѣло употребляетъ эпитеты: очень хорошъ, *chef d'oeuvre*, прекрасенъ, прелесть и т. д., но не стѣсняется указывать недостатки. Такъ, относительно Багратіона говоритъ: «не хорошъ», Децисовъ—«сидитъ дурно», «въ Данилѣ Купорѣ»—нельзя ли убавить карикатурности и т. д. Все это показываетъ, что Толстой живо интересовался работой Башилова и радовался, что рисунки удавались. Въ перепискѣ по поводу этихъ иллюстрацій обращаетъ вниманіе та особенная забота писателя о приданіи нѣкоторымъ героямъ романа сходства съ членами семьи Толстыхъ. Это подтверждаетъ справедливость высказаннаго нами мнѣнія, что иллюстраторъ «Войны и мира» не имѣетъ права изображать героевъ романа произвольно, но непременно придавая нѣкоторымъ изъ нихъ опредѣленное сходство.

Не касаясь даже художественной стороны иллюстрацій Башилова къ «Войнѣ и миру», слѣдуетъ признать, что онѣ представляютъ огромный интересъ уже потому, что несутъ на себѣ слѣды вліянія самого Л. Н. Толстого. Нашъ знаменитый ученый и первый изслѣдователь русской литературной иллюстраціи—Буслаевъ,—въ своемъ очеркѣ ¹⁾ «Иллюстрація стихотвореній Державина» высказываетъ слѣдующее мнѣніе объ иллюстраціи, сдѣланной при томъ или иномъ участіи самого писателя: «Иллюстрація,—говоритъ онъ,—становится предметомъ первой важности для литературной критики, когда рисунки къ литературному произведенію составлены самимъ авторомъ его, или подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и сообществѣ съ друзьями и единомышленниками.

¹⁾ «Мои досуги». ч. 2-я.

Въ такой иллюстраціи поэтъ какъ бы продолжаетъ свою творческую идею, дополняетъ очерками то, чего не могъ выразить словами, собираетъ въ окончательно установившемся опредѣленномъ образѣ тѣ улѣтучивающіяся мечты, которые онъ не успѣваетъ схватить столько же летучею и такою же прозрачною формою стиха, вводитъ, наконецъ, въ самое святылище своей фантазіи, выясняя и для себя самого и для читателей въ осязательныхъ очеркахъ тѣ идеалы, которые только по частямъ и намекамъ могъ онъ описывать въ своемъ стихотвореніи, или къ которымъ онъ относится, какъ поэтъ, только въ изліяніяхъ своихъ чувствованій. Давая такимъ образомъ новый матеріалъ для опредѣленія самого акта поэтического творчества, иллюстрація вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ для критика точку зрѣнія, которую самъ поэтъ ему указываетъ въ рисункѣ къ своему произведенію. Общій характеръ или стиль поэзіи уясняется до очевидности, будучи выраженъ въ соответствующемъ ему стилѣ живописи».

Нельзя не согласиться съ этимъ глубоко вѣрнымъ мнѣніемъ Буслаева. Руководствуясь имъ, мы должны признать, что иллюстраціи Бапилова къ «Войнѣ

Пьеръ изгоняетъ свою жену. (Рис. А. Богданова).

и миру» представляютъ большой интересъ и для критики и для художника. Послѣдній, если хочетъ дать къ «Войнѣ и миру» иллюстраціи, соответствующія духу и стилю этого произведенія, не можетъ обойтись безъ упомянутыхъ иллюстрацій Бапилова. Къ этому надо прибавить, что онъ прекрасно зналъ эпоху (это онъ доказалъ своими великолѣпными иллюстраціями къ «Горю отъ ума»), а потому его иллюстраціи къ «Войнѣ и миру» даютъ хорошій матеріалъ художнику, желающему получить вѣрныя свѣдѣнія о костюмѣ, архитектурѣ и т. д. эпохи, изображенной въ романѣ Л. Толстого.

V.

Лишь пятнадцать лѣтъ спустя послѣ Башилова выпустилъ въ свѣтъ иллюстраціи къ «Войнѣ и миру» художникъ Н. Н. Каразинъ, написавшій до этого массу батальныхъ и этнографическихъ картинъ изъ жизни нашихъ средне-азиатскихъ окраинъ и нерѣдко посвящавшій себя иллюстрированію чужихъ и собственныхъ литературныхъ произведеній.

Иллюстраціи Каразина къ роману Толстого вышли въ 1881 году въ извѣстномъ тогда журналѣ «Всемирная Иллюстрація» и изображали шесть моментовъ, изъ которыхъ только три имѣли непосредственную и тѣсную связь съ «Войной и миромъ»; остальные касались общезвѣстныхъ историческихъ сюжетовъ (Бородинская битва, Отступление французовъ, Гр. Растопчинъ наканунѣ оставленія Москвы), а потому и не имѣютъ прямого отношенія къ интересующему насъ вопросу. Впослѣдствіи Каразинъ далъ (въ альбомѣ акварелей, приложенномъ къ журналу «Сѣверъ» за 1893 г.) еще три иллюстраціи къ «Войнѣ и миру»: «Смерть Пети Ростова», «Поѣздка Ростовыхъ къ Мелюковымъ» и «Батарея Тушина».

Достоинство Каразина, какъ художника, извѣстно: онъ былъ довольно талантливъ, но не обладалъ достаточнымъ художественнымъ образованіемъ; не отличался онъ также ни особенной вдумчивостью, ни чуткостью. Однако въ разсматриваемой нами области онъ представляетъ извѣстный интересъ хотя бы уже потому, что онъ былъ не только художникъ, но и писатель, притомъ лично иллюстрировавшій свои произведенія. Это сочетаніе художника и писателя въ одномъ лицѣ могло бы дать блестящіе результаты, если бы Каразинъ былъ хоть въ одной изъ этихъ областей болѣе крупной величиной.

Какъ это ни странно, но крупнѣйшимъ недостаткомъ Каразина было или неумѣніе выбрать сюжетъ для иллюстраціи или поверхностное использование его. Мы уже упоминали выше, что изъ семи рисунковъ къ «Войнѣ и миру» четыре не имѣютъ прямого отношенія къ этому роману. А вотъ сюжетъ остальныхъ иллюстрацій: 1) гостиная у Шереръ, 2) Принятіе Безухова въ масоны; 3) Свиданіе Наташи съ Андреемъ въ Мытищахъ и 4) Поѣздка къ Мелюковымъ, 5) Смерть Пети Ростова. Литературной, въ прямомъ смыслѣ, можетъ быть признана только одна изъ этихъ иллюстрацій—«Свиданіе Наташи съ Андреемъ», ибо только здѣсь чувствуется тѣсная связь рисунка съ литературнымъ произведеніемъ. Въ остальныхъ иллюстраціяхъ эта связь отсутствуетъ въ большей или меньшей степени. Возьмемъ, напримѣръ, рисунокъ «Смерть Пети Ростова». Въ томъ мѣстѣ «Войны и мира», гдѣ рассказывается это событіе, все вниманіе читателя сосредоточивается на трагической смерти Пети: остальное писателемъ затушевано, отодвинуто на задній планъ. Иначе поступилъ Каразинъ: онъ далъ большую батальную картину съ массой людей, стрѣляющихъ, колющихъ, рубящихъ, умирающихъ, отдыхающихъ и т. д., а среди нихъ, въ глубинѣ картины, изобразилъ миниатюрнаго офицера, падающаго съ лошади. Словомъ, Каразинъ, показалъ намъ, какъ падаютъ съ лошади, но никто не чувствуетъ въ этомъ рисунокѣ смерть Пети Ростова, ничье сердце не сожмется при видѣ этой смерти. А какъ сжимается сердце, когда читаешь описаніе этой смерти у Толстого! Обратимся еще къ одной иллюстраціи Каразина, изображающей принятіе Пьера въ масоны. Это обрядъ принятія въ масоны кого угодно, но не Пьера, ибо на рисунокѣ Каразина онъ затушеванъ, потерялъ свою индивидуальность и превратился въ обще-

человѣческій типъ. То же пужно сказать и про «гостиную Шереръ»,— это просто «какая-то богатая гостинная въѣ времени»...

Крупные недостатки иллюстрацій Каразина объясняются больше всего тѣмъ, что онъ совершенно не готовился къ такому важному дѣлу, какъ иллюстрированіе «Войны и мира», и безъ достаточныхъ знаній, на основаніи только текста романа, но безъ надлежащаго углубленія въ смыслъ его, онъ далъ свои поверхностныя иллюстраціи. Впрочемъ, нельзя особенно обвинять за это Каразина, такъ какъ въ его время даже наиболѣе выдающіеся историческіе художники писали свои картины по вдохновенію, дѣлая грубѣйшіе промахи противъ исторіи и археологій.

Послѣ того, что было сказано выше, напрашивается самъ собою выводъ, что у Каразина, пожалуй, не чему учиться современному ил-

люстратору. Достаточно только просмотрѣть его иллюстраціи, чтобы избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которыми онѣ преспопосны.

Если бы мы рѣшили продолжать обзоръ иллюстрацій къ «Войнѣ и миру» въ хронологическомъ порядкѣ, то мѣръ ихъ выхода въ свѣтъ, то намъ пришлось бы говорить о произведеніяхъ Штейна («Нива», №№ 37 и 47—1884 г. №№ 21 и 30—1885 г.), много лѣтъ помѣщавшаго иллюстраціи на разные темы въ различныхъ журналахъ и книгахъ. Но пройдемъ мимо этихъ работъ, весьма слабыхъ не только съ литературной, но и художественной точки зрѣнія. Не будемъ разбирать также произведенія Шарлеманя («Нива», № 41—1889 г.) и Земцова («Нива», № 3—1892 г.) по тѣмъ же причинамъ.

Гораздо интереснѣе сейчасъ обратиться къ двумъ альбомамъ, специально посвященнымъ «Войнѣ и миру».

Первый изъ этихъ альбомовъ вышелъ въ 1892 году въ видѣ приложенія къ журналу «Осколки» и заключалъ въ себѣ 24 рисунка, исполненныхъ различными художниками и иллюстрирующихъ «Войну и миръ», «Анну Каренину», «Дѣтство и отрочество». Интересующему насъ произведенію посвящено всего четыре иллюстраціи. Качество самого журнала были таковы, что нельзя было ждать особенно вдумчиваго отно-

шенія къ такому серьезному дѣлу, какъ иллюстрированіе произведеній Л. Толстого. Дѣйствительно, альбомъ этотъ представляетъ собою собраніе случайныхъ рисунковъ чаще всего мало извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ художниковъ. Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ именъ была художница Самокишъ-Судковская, давшая недурную иллюстрацію, изображающую поющую Наташу. Остальныя иллюстраціи значительно слабѣе. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются колоссальнымъ невѣжествомъ художниковъ. Такъ, нѣкій Богдановъ, иллюстрируя моментъ, когда Пьеръ выгоняетъ свою жену, нарядилъ ее въ платье и прическу восьмидесятихъ годовъ, а Пьера сдѣлалъ похожимъ на опернаго артиста, изображающаго Евгенія Онѣгина.

Альбомъ этотъ слѣдуетъ считать явленіемъ исключительно отрицательнымъ. Къ сожалѣнію, онъ разошелся въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и распространилъ среди русскаго общества неправильное и невѣжественное толкованіе великаго произведенія Л. Толстого.

Другой альбомъ былъ значительно удачнѣе. Онъ былъ тоже изданъ въ видѣ приложенія къ журналу «Сѣверъ» (за 1893 годъ) и состоялъ изъ репродукцій въ краскахъ съ акварелей. О трехъ изъ этихъ иллюстрацій, принадлежащихъ Каразину, мы говорили выше. Въ большей части остальныхъ рисунковъ видна вдумчивость художниковъ, извѣстное знаніе эпохи и даже литературная образованность. Хорошъ, на примѣръ, рисунокъ худ. Кившенко—«Ростовы на псовой охотѣ», но остальные три довольно банальны. Особо нужно сказать хоть нѣсколько словъ о рисункахъ художника Пастернака, который далъ извѣстныя иллюстраціи къ «Воскресенію» и цѣлый рядъ рисунковъ изъ жизни Л. Толстого. Частыя посѣщенія Ясной Поляны и извѣстная близость къ великому писателю, быть-можетъ, даже бесѣды по интересующему насъ вопросу должны были оказать нѣкоторое вліяніе на Пастернака, какъ на иллюстратора произведеній Толстого. Но когда писалась упомянутая выше акварель, Пастернакъ, повидимому, еще не былъ достаточно близокъ къ Толстому, и эти иллюстраціи являются едва ли не первымъ опытомъ этого художника въ области иллюстрированія литературныхъ произведеній. Это обстоятельство отразилось на нѣкоторыхъ изъ этихъ иллюстрацій. Особенно слабой намъ кажется иллюстрація, изображающая Наташу на первомъ балу. Будучи по компановкѣ очень удачной, она слаба тамъ, гдѣ требуется, такъ сказать, портретное сходство. Портретъ князя Андрея Болконскаго, нарисованный Толстымъ, совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который данъ Пастернакомъ. У послѣдняго онъ скорѣе напоминаетъ пѣвца итальянской оперы. Это не русское лицо, съ прилизанными чертами которыя совсѣмъ не соответствуютъ душевному строю князя Андрея, русскаго по рожденію и по духу. Лицо Наташи тоже не блещетъ портретнымъ сходствомъ съ тѣмъ лицомъ, которое рисуетъ наше воображеніе при чтеніи «Войны и мира». Но, повторяю, все-таки эта иллюстрація гораздо интереснѣе многихъ и многихъ ранѣе описанныхъ: она создаетъ настроеніе, она будитъ мысль, а это уже заслуга. Еще лучше иллюстрація «Встрѣча Наташи съ Болконскимъ въ Мытищахъ». Интересенъ также рисунокъ «Разстрѣливаніе французами поджигателей», но «Наполеонъ и Лаврушка» положительно слабъ. Повидимому, «конскій жанръ» вовсе не удастся этому художнику.

Нашъ обзоръ главнѣйшихъ иллюстрацій къ «Войнѣ и миру», не былъ бы полонъ, если бы не вспомнили еще о двухъ художникахъ, которые заинтересовались этимъ произведеніемъ и пытались иллюстрировать его.

Такую попытку сдѣлать лѣтъ тридцать тому назадъ извѣстный иллюстраторъ П. М. Боклевскій. Среди оставшихся послѣ него рисунковъ и набросковъ найдены начатыя работы по иллюстраціи «Войны и мира». Наиболѣе законченнымъ оказался акварельный рисунокъ, изображающій Пьера. Оригиналъ его находится въ Московскомъ Толстовскому Музеѣ. Репродукцію въ краскахъ мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ. Здѣсь Пьеръ изображенъ въ тотъ періодъ, когда онъ уже былъ женатъ и «по приказанію жены отпустилъ волоса и одѣлся по-модному». На нашъ взглядъ этотъ рисунокъ довольно удаченъ и даетъ намъ вѣрное представление о героѣ романа Толстого. Къ сожалѣнію, портреты другихъ героев «Войны и мира» только набросаны.

Наташа въ гостяхъ у дядюшки. (Рис. Апсита).

Гораздо больше иллюстрацій къ «Войнѣ и миру» оставилъ послѣ себя извѣстный художникъ-баталистъ П. О. Ковалевскій. Только одна изъ нихъ была воспроизведена въ печати¹⁾, а остальные впервые появились на выставкѣ въ Петербургѣ въ 1911 году. Исполнены же онѣ были, судя по помѣткамъ, еще въ 1898 году.

Достоинство и недостатки иллюстрацій Ковалевскаго опредѣляются и вытекаютъ изъ его специальности. Будучи баталистомъ, онъ обращалъ главное вниманіе на «Войну», а «Миръ» отошелъ у него на второй планъ, между тѣмъ въ самомъ романѣ обѣ части представлены гармонично.

¹⁾ «Искъ и худ. пром.» 1899 г.

Зато данныя имъ военныя сцены полны жизни, особенно тѣ, въ которыхъ участвуетъ кавалерія. Одну изъ этихъ иллюстрацій мы помѣщаемъ ниже.

Для современнаго иллюстратора «Войны и мира» знакомство съ иллюстраціями Ковалевскаго было бы, несомнѣнно, полезно, такъ какъ у него каждая сцена разработана чрезвычайно подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Онъ былъ хорошимъ знатокомъ русской военной жизни, особенно начала 19-го вѣка, а потому у него нельзя встрѣтить погрѣшностей противъ исторіи или археологіи. Приходится лишь сожалѣть, что съ этими иллюстраціями русское общество могло познакомиться до сихъ поръ только на выставкѣ.

VI.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора иллюстрацій къ «Войнѣ и миру» до появленія иллюстрированнаго изданія Т-ва Сытина видно, что лучшія изъ нихъ еще не использованы и ждутъ своего издателя. Иллюстраціи Башилова и Ковалевскаго вполне удовлетворяютъ своему назначенію и дополняютъ другъ друга: первый далъ картинки мира, а второй войны. Что касается опубликованныхъ иллюстрацій, то, какъ мы видѣли, онѣ не блещутъ ни талантомъ, ни эрудиціей, ни литературнымъ чутьемъ исполнившихъ ихъ художниковъ. Такимъ образомъ, появленіе иллюстрацій г. Апсита было своевременно и не могло не заинтересовать поклонниковъ великаго нашего писателя. Обратимся же къ разсмотрѣнію этихъ иллюстрацій.

Иллюстрація въ наше время въ смыслѣ приемовъ воспроизведенія въ печатномъ видѣ поставлена въ лучшее положеніе, чѣмъ это было лѣтъ тридцать тому назадъ. Тогда еще требовалось гравюрное клише, которое большей частью исполнялось специалистомъ граверомъ. Въ виду этого въ работу художника граверъ часто вносилъ такія черты и особенности, которыя кореннымъ образомъ мѣняли характеръ иллюстраціи. Въ наше время это обстоятельство устранено автоматическимъ производствомъ клише на цинкѣ или мѣди. Уменьшается, если нужно, размѣръ рисунка, но всѣ даже малѣйшія подробности рисунка воспроизводятся съ поразительной точностью. Однако хорошее цинкографическое клише не есть то единственное обстоятельство, которое обуславливаетъ хорошее полученіе оттиска на бумагѣ. Необходима еще необыкновенна тщательная «приправка» клише къ печатному станку, а также хорошая типографская краска, которая ложилась бы ровнымъ слоемъ. Если эти условія соблюдены, то можно надѣяться, что рисунокъ и его печатная копія весьма близки другъ къ другу.

При печатаніи иллюстрацій г. Апсита эти условія соблюдены, по видимому, достаточно хорошо. Бумага въ изданіи дорогая, краска высшаго качества, «приправка» клише исполнена тщательно. Такимъ образомъ, воспроизведеніе получилось близкимъ къ оригиналу, и мы въ правѣ по этимъ репродукціямъ судить объ оригиналахъ.

При разсмотрѣніи работъ г. Апсита прежде всего возникаетъ вопросъ, продолжалъ ли онъ ту подготовительную работу, которую мы считаемъ необходимой для всякаго иллюстратора «Войны и мира» и о которой мы говорили въ началѣ нашей статьи. Есть доказательство, что въ извѣстной степени эта работа продолжена, ибо авторъ иллюстрацій нигдѣ не допустилъ очень ужъ грубыхъ промаховъ. По видимому, онъ понималъ и общій духъ произведенія. Впрочемъ, если мы вспомнимъ, что романъ въ нынѣшнемъ видѣ издавался подъ редакціей такого знатока

жизни и произведений Л. Толстого, какимъ является П. И. Бирюковъ, то мы можемъ допустить, что нужная художнику эрудиція могла быть замѣнена непосредственнымъ руководствомъ редактора изданія. Однако намъ кажется, что и художникъ и редакторъ упустили изъ виду первоначальный текстъ изданія «Войны и мира»,—тотъ текстъ, который, какъ мы указывали выше, изобилуетъ описаніемъ внѣшности героевъ. На эту мысль наводитъ насъ несходство, напримѣръ, наружности Анатолія Курагина съ тѣмъ описаніемъ, которое мы приводимъ въ своемъ мѣстѣ нашей статьи. Мы думаемъ также, что художникъ не заботился о сходствѣ героевъ съ фамильными портретами въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстно, съ кого Толстой писалъ того или другого героя. Впрочемъ, несходство можетъ быть до извѣстной степени объяснено тѣмъ, что фигуры по необходимости вышли очень маленькія, вслѣдствіе чего черты лица едва замѣтны.

Общее впечатлѣніе отъ иллюстрацій г. Апсита скорѣе благопріятное. Въ 1-мъ томѣ есть иллюстраціи хорошія, но есть и плохія. По странной случайности хуже тѣхъ ихъ нѣхъ, которыя воспроизведены въ краскахъ особенно плохъ рисунокъ (къ стр. 39-й) «Наташа цѣлуетъ Бориса». Фигура послѣдняго довольно комична, руки обѣихъ фигуръ производятъ прямо курьезно впечатлѣніе. Но что особенно плохо, такъ это подборъ красокъ, точъ въ точъ, какъ на бонбоньерахъ кондитерскихъ фабрикъ. Грубъ и безвкусенъ рисунокъ (къ стр. 29-й) «Долоховъ съ бутылкой на подоконникѣ». Гораздо лучше использовалъ этотъ моментъ Башиловъ. Нехорошо выполненъ также акварельный рисунокъ (къ стр. 70-й) «Въ пріемной гр. Безухова въ ожиданіи соборованія». Дамы такъ разряжены, какъ будто онѣ прибыли не на печальный обрядъ, а на балъ. Дама, уступающая мѣсто Пьеру, одѣта, напримѣръ, въ бѣлое платье съ красной шалью. Другая дама—въ голубомъ съ «цвѣтистой» шалью. Несомнѣнно, что ни одна дама «изъ общества» не позволила бы себѣ такъ нарядиться. Вѣдь въ этой средѣ особенно слѣдять за тѣмъ, чтобы быть одѣтыми comme il faut, а не такъ, какъ и нарядилъ г. Апсита. Рисунокъ, изображающій батарею Тушина (къ стр. 182-й), не производитъ должнаго впечатлѣнія. Фигуры убитыхъ и раненныхъ неестественны. Кн. Андрей на лошади даже комиченъ. Гораздо лучшее, почти хорошее впечатлѣніе производитъ рисунокъ въ двѣ краски—«Пьеръ въ масонской ложѣ» (стр. 335-й). Въ немъ есть мысль и настроеніе.

Во второмъ томѣ поразительно плохъ черный рисунокъ (къ стр. 11-й), изображающій Аракчеева и кн. Андрея: фигуры мертвыя, отсутствуетъ перспектива, письменный столъ виситъ въ воздухѣ. Крайне слабъ и рисунокъ къ стр. 163. Нельзя не упомянуть здѣсь о прекрасной репродукціи какъ этого, такъ и другихъ карандашныхъ рисунковъ—полная иллюзія карандашнаго оригинала. Изъ хорошихъ рисунковъ въ этомъ томѣ—лучшій къ стр. 225—«Наташа въ церкви». Цвѣтные рисунки во второмъ томѣ очень ярки, получается впечатлѣніе, отъ лубочныхъ картинокъ.

Въ третьемъ томѣ много слабыхъ иллюстрацій, но есть и прекрасныя, какъ напримѣръ, къ стр. 96 «Наташа и Андрей въ Мытищахъ», или къ стр. 148, изображающій послѣднія минуты кн. Андрея. Многіе изъ цвѣтныхъ рисунковъ излишне ярки, а изъ одной онныхъ, наоборотъ, излишне мрачны.

Лучше удались, какъ было сказано выше, иллюстрацій однотонныя, особенно тѣ, которыя разбросаны среди текста и которыя скорѣе являются набросками, чѣмъ законченными произведеніями. Такъ, хороша фигура Пьера на стр. 9-ой, но на другихъ она чаще всего излишне

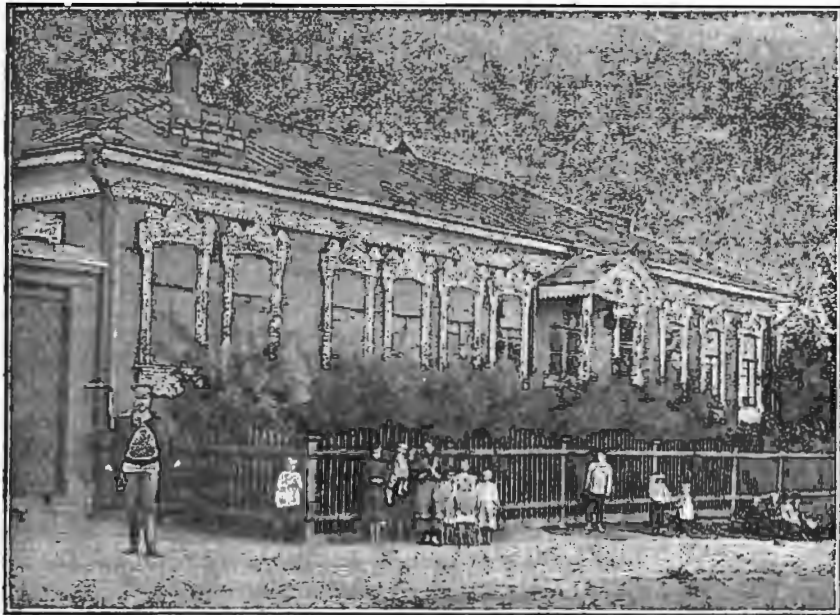
безобразна. Красивъ набросокъ на стр. 35-й—«Наташа съ матерью». Еще лучше на стр. 43-й—«Анна Михайловна съ сыномъ». Довольно интересенъ рисунокъ перомъ, изображающій кабинетъ кн. Болконскаго и его самого за токарнымъ станкомъ. Впрочемъ, интересныхъ и даже хорошихъ рисунковъ довольно много, и перечислять ихъ было бы скучно.

Нельзя не обратить вниманіе на одну особенность иллюстраціи г. Апсита, ибо она производитъ особенно неблагоприятное впечатлѣніе. Это какая-то прилизанность, вылощенность, излишняя отдѣланность большинства иллюстрацій, что не соответствуетъ стилю разсматриваемаго нами литературнаго произведенія. Это главный недостатокъ. Но есть и второстепенныя. У г. Апсита лучше иллюстрированы «Миръ», чѣмъ война. Это, какъ мы видѣли, общій недостатокъ всѣхъ иллюстраторовъ «Войны и мира»,—каждый изъ нихъ далъ лучшія иллюстраціи къ какой-либо одной части романа—либо къ «Войны», либо къ «Миру», но «Войну и миръ» въ цѣломъ никто изъ нихъ не иллюстрировалъ, какъ слѣдуетъ. Повидимому, эта задача, не выполнимая для одного художника, ибо онъ не можетъ быть въ одно и то же время и жанристомъ и баталистомъ.

Къ числу заслугъ г. Апсита слѣдуетъ отнести его литературность. Онъ понималъ иллюстрируемое произведеніе и проникся имъ. Онъ сумѣлъ выбрать соответствующіе моменты для иллюстрированія и добросовѣстно выполнилъ свою задачу. Не его вина, если эта задача не всегда выполнена удачно—онъ сдѣлалъ то, что былъ въ состояніи сдѣлать...

Но можемъ ли мы сказать, что съ выходомъ въ свѣтъ иллюстрацій г. Апсита великій романъ Л. Толстого надлежищемъ образомъ иллюстрированъ? Отнюдь нѣтъ. Мы говорили въ началѣ нашей статьи, что иллюстраторъ великаго литературнаго произведенія долженъ быть такъ же талантливъ въ своей области, какъ писатель въ своей. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что г. Апсита, какъ художникъ, по своему таланту не подлежитъ сравненію съ «великимъ писателемъ земли русской». Остается надѣяться, что такой художникъ, рано или поздно, появится. Но для этого нужно прежде всего, чтобы въ средѣ художниковъ выросло сознаніе, что иллюстрированіе великихъ литературныхъ произведеній есть дѣло важное, къ которому надо серьезно готовиться. Иллюстрировать литературное произведеніе, подобное «Войнѣ и миру», можетъ только тотъ художникъ, который соединилъ въ себѣ талантливость вмѣстѣ съ образованностью и литературнымъ чутьемъ...

Конст. Кузьминскій.

Двудки. Училище, въ которомъ библіотека имени Н. П. Огарева.

Публичная библіотека имени Н. П. Огарева.

Въ с. Верхнемъ-Бѣлоомутѣ Рязанск. губ., бывшей вотчинѣ Н. П. Огарева, 27 декабря 1906 г. при двухклассномъ мужск. училищѣ Мин. Нар. Пр. открыта публичная библіотека «имени Н. П. Огарева».

О возникновеніи библіотеки такъ разсказывается въ отчетѣ за пергый годъ ея существованія: «въ послѣдніи 25 лѣтъ передъ открытіемъ б-ки въ Верхнемъ - Бѣлоомутѣ существовало мужское двухкл. училище, подготовившее значительный контингентъ осмысленныхъ читателей; между тѣмъ объ открытіи б-ки не возникало вопроса». Мысль объ открытіи б-ки возникла среди членовъ педагогическаго совѣта двухкл. училища. Въ 1906 г. исполнилось 25 лѣтъ существованія училища; желая отмѣтить этотъ годъ въ жизни училища, преподаватели рѣшили открыть при училищѣ бесплатную народную библіотеку. Это рѣшеніе учителей было встрѣчено сочувственно мѣстнымъ населеніемъ послѣ того, какъ вновь открываемой б-кѣ постановили присвоить имя Н. П.

Огарева, бывшаго владѣльца с. Верхне-Бѣлоомута, такъ много сдѣлавшаго для своихъ крѣпостныхъ. (Н. П. Огаревъ еще въ 1840 г. отпустилъ на свободу за очень скромный выкупъ кр-нѣ Бѣлоомута, предоставивъ имъ богатѣйшія земли и угодья). «Общество кр-нѣ откликнулось, ассигновавъ ежегодно выдавать пособие б-кѣ по 40 руб.», читаемъ въ томъ же отчетѣ. На первыхъ порахъ при 40-рублевомъ бюджетѣ матеріальное положеніе б-ки было незавидное; но съ 1911 г. «по ходатайству Совѣта б-ки, въ который входятъ: учителя двухкл. училища, волостной старшина, представитель об-ва кр-нѣ с. Верхне-Бѣлоомута и библіотекаръ, Зарайское Уѣздп. Земское Собраніе постановило выдавать въ пособие б-кѣ по 110 руб. ежегодно». Матеріальное положеніе б-ки еще болѣе улучшилось въ 1912 г., когда об-во кр-нѣ въ 35-лѣтнюю годовщину смерти Н. П. Огарева постановило выдавать на содержаніе б-ки по 100 р. вмѣсто прежнихъ 40 р. Бюджетъ б-ки въ настоящее время такимъ образомъ вмѣстѣ съ частными пожертвованіями составляетъ 250—260 руб. въ годъ.

Съ самаго возникновенія б-ки мѣстное населеніе очень тепло относилось къ ней: на свой счетъ оно сдѣлало весь библиотечный инвентарь, а равно и въ отдѣльных случаяхъ при обращеніи къ нему Совѣта б-ки, не отказывало ему: такъ, въ 1909 г. выдало 82 р. на переплетъ книгъ, обложивъ каждый участокъ надѣльной земли 5 коп. Немалую роль въ развитіи б-ки сыграли и пожертвованія какъ деньгами, такъ и книгами: среди жертвователей нельзя не отмѣтить бывшихъ учениковъ школы, отдававшихъ въ б-ку свои наградныя книжки.

Что-же даетъ б-ка мѣстному населенію, которое такъ сочувственно относится къ ней? Библиотека въ настоящее время располагаетъ 1586 названіями по разнымъ отраслямъ знанія. Этотъ составъ б-ки по отдѣламъ распределенъ далеко неравномѣрно: преобладающее мѣсто, больше половины, занимаютъ книги беллетристическаго содержанія: преимущественно сочиненія русскихъ писателей; количество - же книгъ по естествознанію, общественнымъ наукамъ и др. крайне незначительно. Надо сказать, что только въ 1912 г. б-ка имени Н. П. Огарева получила возможность приобрести стихотворенія Н. П. Огарева, хотя Совѣтъ б-ки съ первыхъ же дней ея существованія неоднократно возбуждалъ передъ инспекторомъ нар. училищъ ходатайство о разрѣшеніи приобрести стихотворенія поэта. (Всѣ книги въ б-ку приобретаются съ разрѣшенія инспектора нар. училищъ). Имѣются въ б-кѣ и періодическія изданія—журналы.

Изъ отчетовъ б-ки за послѣдніе годы можно довольно точно установить и число читателей; такъ въ 1911 г. б-ка удовлетворяла такъ или иначе запросы 400 слишкомъ читателей, а въ 1912 г. число читателей уже превысило 500. Такое сравнительно большое количество читателей объясняется съ одной стороны тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуется б-ка въ глазахъ населенія, а съ другой — упорной работой Совѣта б-ки, который со дня основанія б-ки настойчиво при-

влекаетъ читателей изъ числа бывшихъ учениковъ училища.

Редакція «Голоса Минувшаго», выражая глубокую признательность учителю-библиотекарю В. Назарову, доставившему матеріалъ о библиотекѣ, вмѣстѣ съ Совѣтомъ б-ки увѣрена, что «день 10-е ноября 1913 г. въ жизни б-ки не пройдетъ незамѣченнымъ».

И. Я. Фойницкій,

(† 19 сентября 1913 г.).

Въ историческомъ журналѣ нельзя сбить молчаніемъ смерти проф. И. Я. Фойницкаго уже потому, что имя Фойницкаго означаетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ этаповъ въ исторіи науки уголовного права.

И. Я. Фойницкій впервые выступилъ съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на «уголовное право, его предметъ, его задачи» въ 1873 г. въ своей вступительной лекціи, которою онъ началъ курсъ уголовного права въ Петербургскомъ университетѣ. Въ это время не только въ русской, но и въ западно-европейской наукѣ уголовного права еще нераздѣльно царили воззрѣнія такъ называемой «классической школы», считавшей своей единственной задачей изслѣдованіе преступленія и наказанія, какъ юридическихъ понятій, отвлеченныхъ отъ конкретныхъ явленій общественной жизни и оторванныхъ отъ той индивидуальной психологіи, которая въ преступленіи проявляется и которая для наказанія служитъ предметомъ воздѣйствія. Безплотное и безправное технико-юридическое понятіе преступленія заслоняло отъ взора криминалиста классической школы преступника человека. «L'huomo delinquente» Ломброзо, впервые внесшаго замѣшательство въ сомкнутые ряды представителей классической школы, еще не появлялось. Поэтому И. Я. Фойницкій былъ новаторомъ въ полномъ смыслѣ слова, когда провозгласилъ, что не преступленіе, а «преступность, т.-е. состояніе лица, вызывающее нарушеніе юридическихъ отношеній, охраняемыхъ карой»—вотъ

подлинный предмет науки уголовного права.

Не то важно, насколько такой взгляд, как теперь сказали бы, «методологически правилен», важна та борьба съ «Weltfremdheit», съ отчужденностью науки отъ дѣйствительности, которую началъ Фойницкій, и то стремление къ сближенію уголовного права съ жизнью, которое нашло въ И. Я. талантливаго провозвѣстника.

Когда позднѣе на Западѣ это же стремление привело къ созданію международнаго союза криминалистовъ, Фойницкій взялъ на себя организацио русскою группы союза, которая и конституировалась въ 1895 г.

Изъ числа ученыхъ трудовъ И. Я. Фойницкаго безспорно первое мѣсто принадлежитъ его «Курсу уголовного судопроизводства». И здѣсь на переднемъ планѣ—идея личности съ ея правами и потребными для нея гарантіями. Посвященный научному изслѣдованію тѣхъ началъ, которыя положены въ основу Судебныхъ Уставовъ, «Курсъ Фойницкаго» первый въ нашей юридической литературѣ трудъ, достойный этого великаго памятника освободительной эпохи.

Не говоря о томъ, что во всѣхъ своихъ болѣе крупныхъ работахъ И. Я. Фойницкій удѣляетъ много мѣста историческому изученію изслѣдуемыхъ вопросовъ, есть среди его работъ одна, которая имѣетъ преимущественно историческій характеръ—это его докторская диссертация «Ссылка на западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи» (СПб. 1881 г.).

Много способствовавшій успѣхамъ нашей науки уголовного права, проф. Фойницкій сыгралъ видную роль и въ работахъ по реформѣ нашего уголовного законодательства. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи по составленію Уголовнаго Уложенія 1903 г. При чтеніи объяснительной записки къ Уголовному Уложенію можно не разъ встрѣтить указанія на его возраженія противъ проектированныхъ постановленій, при чемъ онъ неизмѣнно отстаиваетъ сравнительно болѣе прогрессивныя положенія

и точки зрѣнія. Въ частности, какъ искренній другъ свободной печати, онъ протестовалъ противъ внесенія въ Уголовное Уложеніе статей, которыми уничтожаются «границы между мыслью, не подлежащей уголовной ответственности, и вѣшнимъ дѣйствіямъ, на которыя она можетъ распространяться»; по поводу постановленій о храненіи преступныхъ сочиненій, онъ выражалъ опасеніе, что подъ формою запрета храненія преступныхъ сочиненій будетъ возстановленъ средневѣковой запретъ чтенія такихъ сочиненій.

Съ тѣмъ большимъ недоумѣніемъ читатель объяснительной записки къ Уголовному Уложенію не встрѣчаетъ особаго мнѣнія проф. Фойницкаго по вопросу о смертной казни. Увы, онъ скрѣпилъ своей подписью соображенія комиссіи, которая привела весьма краснорѣчивые аргументы противъ этого наказанія, «признала болѣе цѣлесообразнымъ..... въ лѣстницу проектируемыхъ наказаній внести и смертную казнь». Въ этомъ случаѣ проф. Фойницкій присоединился къ остальнымъ членамъ комиссіи, укрывшейся отъ упрековъ въ непоследовательности за «весьма важную политическую сторону вопроса». Несмотря на то, что этотъ компромиссъ въ дѣятельности проф. Фойницкаго не остался не отмѣченнымъ, былая слава продолжала слѣдовать за нимъ, пока не измѣнила ему на шумномъ Киевскомъ сѣздѣ русской группы криминалистовъ въ январѣ 1905 г.

На этомъ сѣздѣ повторилась старая исторія «отцовъ и дѣтей». Родное дѣтище проф. Фойницкаго, имъ поставленное на ноги, русская группа отеклась отъ своего отца, когда въ той смѣлости, съ которой группа развернула знамя борьбы за общественное оздоровленіе въ широкую политическую программу, онъ увидѣлъ только вредный молодой задоръ, вызывающій необходимость въ мѣрахъ родительской строгости.

Только незадолго до смерти проф. Фойницкаго разсѣялась атмосфера отчужденія, отдѣлявшая его со времени кievскаго сѣзда отъ прогрессивной части общества, съ которою связывали его и его научное средо и его обществен-

ныя убѣжденія. Когда кафедра, которую онъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ честію занималъ, и на которой онъ стяжалъ себѣ громкое европейское имя была замѣщена профессоромъ по назначенію и проф. Фойницкій самъ сдѣлался жертвой произвола; русская интеллигенція, чуткая ко всякому насилию и чуждая злорадству, вернула старому профессору былыя симпатіи и свое сочувствіе.

Н. Полянский.

Диспутъ П. Н. Сакулина.

Въ октябрѣ въ богословской аудиторіи новаго зданія московскаго университета П. Н. Сакулинъ защищалъ диссертацию «Князь В. О. Одоевскій. Мыслитель — писатель. Томъ I, кн. 1 и 2», представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности. Въ своемъ вступительномъ словѣ П. Н. Сакулинъ указалъ, что одно изъ интереснѣйшихъ и привлекательныхъ литературныхъ направленій, — романтизмъ, — до сихъ поръ не изучено, бѣдно изслѣдовано. Частію потому, что мы недавно приступили къ изученію новой литературы, частію оттого, что и на Западѣ цѣнныя работы по этому вопросу появились не такъ давно, мы мало знаемъ о русскомъ романтизмѣ. Лишь неоромантическое движеніе нашего времени оживило интересъ къ прошлому, но въ трудахъ о романтизмѣ сразу обнаружилось и много спорнаго и неяснаго. Такъ, Жуковскій, потребовавшій о себѣ specialнаго изслѣдованія академикъ А. Н. Веселовскаго, оказался вычеркнутымъ изъ числа романтиковъ и отнесенъ къ старой сантиментальной школѣ. Но, какъ пришлось указывать въ своихъ статьяхъ, такой взглядъ неточенъ, и Жуковского можно считать близкимъ къ одному изъ теченій романтизма, въ немъ слѣдуетъ видѣть представителя сантиментальнаго романтизма. Были и другія развѣтвленія въ русскомъ романтизмѣ: байронизмъ, романтический націонализмъ и философскій романтизмъ. Хотя имѣются изслѣдова-

нія о первыхъ двухъ теченіяхъ, но вопросъ далеко не исчерпанъ, и русскій романтизмъ, опредѣляемый въ своихъ особенностяхъ психологіей русскаго человѣка и нашей общественной жизнью, продолжаетъ манить къ себѣ изслѣдователя. Сравнительно съ нѣмецкимъ, русскій романтизмъ отличается реализмомъ. «Слѣдуя Вундту, мнѣ кажется неизбежнымъ торжество реализма, какъ метафизической системы надъ романтическомъ идеализмомъ. Пожалуй исторія русской мысли можетъ служить яркой иллюстраціей этому: если въ 20-хъ годахъ у насъ было господство идеализма, въ 30-хъ осложненное мистикой, когда вырабатывались разнообразныя идеологіи народности (напр., славянофильства), то въ 40-хъ годахъ рѣзко замѣтенъ поворотъ въ сторону реализма (напр., литературная дѣятельность А. И. Герцена), усилившагося въ своемъ значеніи еще болѣе въ 60-хъ годахъ. Но это не значитъ, что идеализмъ умеръ: его не отрицаетъ и наука; то возвышенное, что таится въ немъ, такъ возбуждающе дѣйствуетъ на человѣка, окрыляетъ мечтами, заставляетъ съ такимъ волненіемъ прислушиваться къ чаяніямъ идеалиста-романтика, уносить въ такія красивыя дали, что нельзя думать, что романтика окажется когда-либо недействительной. Избавшему для своей работы философскій романтизмъ, приходилось подавлять въ себѣ то особенное волненіе, что исходило отъ него и что могло бы помѣшать изучить его, какъ опредѣленное историческое явленіе. Князь В. О. Одоевскій — самый яркій представитель этого теченія, давно уже обратилъ на себя вниманіе ученыхъ, но съ благодарностью вспоминая о всѣхъ ихъ, начиная съ проф. Сумцова и кончая проф. Замотиннымъ, долженъ сказать, что ихъ выводы меня не удовлетворяли. Рукописный матеріалъ, хранящійся въ петербургской Публичной и другихъ бібліотекахъ, оказался столь значительнымъ, что трудъ мой сталъ много полнѣе ихъ работъ. Кропотливая работа надъ рукописями, часто съ лупой въ рукахъ, доставляла большое удовле-

твореніе, и нерѣдко приходилось жалѣть, что не обладаешь сказочной живою водой, чтобы воскресить образъ Одоевского. Я старался понять его исканія, его внутреннюю жизнь, и, думаю, мнѣ удалось отмѣтить, что душевный міръ Одоевского гораздо богаче, сложнѣе, чѣмъ это представлялось на основаніи работъ прежнихъ изслѣдователей, — напр., проф. Замотина, сведшаго всѣ его настроенія къ романтическому универсализму.

«Поиски цѣльнаго міросозерцанія, попытки разрѣшить три основныхъ проблемы,—гносеологическую, метафизическую и этическую, вскрываемыя на фонѣ увлеченія Шеллингомъ, не даютъ права считать кн. Одоевского только шеллингианцемъ: въ его міровоззрѣніи имѣли мѣсто и элементы научнаго реализма, отразившіеся въ его литературныхъ работахъ на тяготѣніи къ художественному реализму. Обращаясь къ методу своей работы, долженъ сказать, что мнѣ дорога жила индивидуальность писателя, не расчлененная въ своей подлинной сущности, что я признаю художественное слово главнымъ, но писатель и созданные имъ образы обычно заключаютъ въ себѣ столько философскихъ, общественныхъ элементовъ, что остаются въ изученіи кн. Одоевского только какъ художника беллетриста я не могъ, и въ своей книгѣ стремился показать его и какъ мыслителя.

«Русскій Фаустъ, кн. Одовскій, былъ столь многограненъ, что изобразить его во всей полнотѣ мнѣ казалось необходимымъ. Какъ я выполнилъ свою работу,—судить не мнѣ...»

Первый официальный, оппонентъ проф. М. Н. Сперанскій призналъ трудъ П. Н. Сакулина капитальнымъ, выполненнымъ съ рѣдкой отчетливостью, съ громадною эрудиціей, на такихъ широкихъ основаніяхъ, на какихъ рѣдко строятся спеціальныя монографіи. Не въ видѣ возраженія, а какъ пожеланіе, чтобы хорошее стало лучшимъ, проф. Сперанскій высказалъ нѣсколько соображеній по поводу частныхъ вопросовъ диссертации: слѣдовало бы больше сказать о социаль-

ныхъ взглядахъ кн. Одоевского въ примѣненіи ихъ къ его дѣятельности, выдѣлить личный элементъ въ его меланхоліи, которую диссертантъ опредѣляетъ какъ психологическій эквивалентъ социальной грусти, и указать черты подражательности въ формальномъ ея выраженіи: точнѣе опредѣлить степень вліянія пансіона на выработку литературной манеры Одоевского, гдѣ не только главенствовали формы «писемъ», «разговоровъ» и «рѣчей», а писались и стихотворенія: трудно установить тѣсную связь школьныхъ тетрадей Одоевского и самостоятельныхъ произведеній позднѣйшаго времени; лучше было бы указать на формальную связь сочиненій Одоевского съ традиціей XVIII в.; слѣдовало подчеркнуть значеніе кружка Раича для Одоевского, откуда онъ могъ черпать возбужденія увлеченія классиками; на основаніи собраннаго самимъ же диссертантомъ фактовъ отмѣтить, что кн. Одовскій не только былъ тѣсно связанъ съ Веневитиновымъ, но прямо вліялъ на послѣдняго, отчего еще болѣе бы выиграло значеніе Одоевского какъ центральной фигуры русскихъ Любомудровъ; необходимо было сказать о болѣе раннихъ годахъ жизни Одоевского, не начиная прямо съ пансіонскаго періода, и, наконецъ, въ смыслѣ большей цѣльности впечатлѣнія отъ диссертации слѣдовало бы не загромождать книги неизданнымъ матеріаломъ и библиографическими разысканіями, а отнести ихъ во II томъ. Заканчивая свои замѣчанія, проф. Сперанскій еще разъ отмѣтилъ, что трудъ П. Н. Сакулина, несомнѣнно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по изученію литературнаго и вообще культурнаго движенія первой половины XIX в., и сказалъ, что появленіе такого труда должно быть сочтено научнымъ праздникомъ Россіи.

П. Н. Сакулинъ сказалъ, что его интересовала внутренняя біографія Одоевского, и потому онъ не касался внѣшнихъ фактовъ жизни Одоевского, какъ чиновника, какъ дѣятеля Общества посѣщенія бѣдныхъ, но социальные взгляды Одоевского имъ до-

статочны вскрыты и въ школьномъ возрастѣ, и особенно въ отношеніи къ декабризму; что для рѣшенія вопроса о семейномъ воздѣйствіи на кн. Одоевскаго нѣкоторые матеріалы имѣются въ книгѣ, а другихъ, какъ извѣстно и оппоненту, не имѣется вообще; что литературныя вліянія на Одоевскаго достаточно рельефно очерчены у него, что доказательства въ пользу незначительнаго вліянія на Одоевскаго кружка Раича приведены; что же касается обилія матеріала въ книгѣ, онъ признаетъ себя въ этомъ повиннымъ, но счелъ необходимымъ ввести обширный матеріалъ, какъ потому, что онъ чаще всего недоступенъ читателю, какъ рукописный, такъ и потому, что о цѣлыхъ теченіяхъ мысли у насъ ничего въ изслѣдованіяхъ не было сказано,—напр., о мистикѣ 30 г. Второй официальный оппонентъ, проф. М. Н. Розановъ, привѣтствовалъ диссертанта, какъ достойнѣйшаго ученика незабвеннаго Тихонравова, и отмѣтилъ высокія научныя качества его труда—почти исчерпывающую полноту матеріала, объективность, осторожность въ выводахъ, величайшую добросовѣстность, широкую освѣдомленность и изслѣдовательскій талантъ,—позволяющій сказать, что «ученая совѣсть П. Н. Сакулина поистинѣ неподкупна». Читая работу, не разъ приходило въ голову одно выраженіе Вольтера въ «Исторіи Карла XII»: прославляя своего героя, знаменитый остроумецъ добавилъ: «единственный его, Карла XII, недостатокъ заключается въ томъ, что онъ свои достоинства доводилъ иногда до крайней степени». Къ числу дефектовъ труда проф. Розановъ отнесъ приведеніе иногда въ большихъ выдержкахъ печатныхъ, не только рукописныхъ сочиненій кн. Одоевскаго, отнесеніе оправдательныхъ документовъ во II томъ, когда дѣлаются ссылки на вновь найденныя сочиненія Одоевскаго, что иногда заставляетъ сомнѣваться; насколько догадки диссертанта основаны на фактахъ; иногда представляются неубѣдительными аргументы въ защиту тѣхъ или иныхъ приписываемыхъ кн. Одо-

евскому сочиненій (напр., повѣсть «Мостъ»); многочисленные экскурсы о второстепенныхъ дѣятеляхъ эпохи нѣрѣдко заслоняютъ кн. Одоевскаго,—такъ, слишкомъ много удѣлено вниманія Соболевскому, хотя онъ не имѣлъ ничего общаго съ «любомудріемъ»; можно было бы сократить обзоръ русскихъ работъ по эстетикѣ и этикѣ, разъ мало общаго между кн. Одоевскимъ и Никитенко или Розбергомъ; пропустить главы о С.-Мартенѣ и Пордечѣ, замѣнивъ изложеніемъ ученія болѣе вліятельнаго мистика Бема. Жаль, что опущены біографическія данныя, а вѣдь современники кн. Одоевскаго прежде цѣнили его какъ человѣка, и не охарактеризована нравственная сторона его личности: это пренебреженіе иногда не даетъ яснаго представленія о кн. Одоевскомъ.

П. Н. Сакулинъ отвѣтилъ, что документальныя данныя, приложенныя ко II тому, разсвѣютъ всѣ недоумѣнія оппонента, и повѣсть «Мостъ» по всѣмъ признакамъ (сходство образовъ, мотивовъ, даже именъ съ другими сочиненіями кн. Одоевскаго) принадлежитъ кн. Одоевскому, щедро приведенныя данныя о любомудрахъ объясняются тѣмъ, что объ этомъ кружкѣ мы очень мало знаемъ; «обширные экскурсы о мистикѣ дали мнѣ поводъ утверждать, что кн. Одоевскій примыкаетъ къ могучему теченію русской и европейской мистики, что его мысли не были одинокими; обзоръ трудовъ русскихъ эстетиковъ 30-хъ гг. уяснилъ степень оригинальности кн. Одоевскаго; отсутствіе біографическаго матеріала объясняется тѣмъ, что виѣшнія событія жизни Одоевскаго были бѣднѣе, что внутреннія переживанія кн. Одоевскаго ярче рисуютъ обликъ кн. Одоевскаго».

Послѣ возраженія П. Н. Сакулина проф. М. Н. Розановъ еще указалъ на его неопредѣленность взгляда на отношенія кн. Одоевскаго и Гофмана; то какъ-будто отрицается вліяніе нѣмецкаго романтика, то приписывается кн. Одоевскому «нѣчто отъ Гофмана», но П. Н. Сакулинъ отвѣтилъ, что онъ продолжаетъ не считать кн. Одо-

скаго вторымъ Гофманомъ, и, приведя фактическія указанія, сказалъ, что вопроса о подражаніи кн. Одоевскаго Гофману быть не можетъ въ силу глубокаго различія между ними.

Неофициальный оппонентъ, проф. Р. Ф. Брандтъ, указалъ на желательность замѣны приведенныхъ текстовъ на иностранныхъ языкахъ переводомъ ихъ по-русски и отмѣтилъ, что одно выраженіе о «воротахъ изъ слоновой кости», которое П. Н. Сакулинъ считаетъ любимымъ романтическимъ образомъ, имѣется у Гомера.

Деканъ историко-филологическаго факультета прочелъ слѣдующее постановленіе факультета отъ 10 сент. 1913 г.:

Обширная по объему и богатству собраннаго въ ней и проанализированнаго матеріала работа П. Н. Сакулина, несомнѣнно, рѣдкое по полнотѣ и весьма цѣнное по своему значенію сочиненіе по исторіи русской литературы начала XIX вѣка въ современной научной литературѣ. Широта фона, на которомъ рисуетъ авторъ жизнь, міросозерцаніе и дѣятельность одного изъ замѣчательныхъ мыслителей эпохи русскаго идеализма, одного изъ творцовъ русскаго художественнаго и научнаго реализма, ручается за глубокое и правдивое возсозданіе личности кн. В. О. Одоевскаго, вполне заслужившаго такой образцовой работы.

«Работа П. Н. Сакулина выполнена, дѣйствительно, образцово: точность, полнота анализа, его общественная правильность, составляють достоинства работы, показавшія въ П. Н. Сакулинѣ не только знатока русской общественной и литературной жизни первой половины истекшаго столѣтія, но и опытнаго работника на полѣ исторіи литературы.

«Безусловно точный и полный анализъ обширнаго, разсѣяннаго частею по мелкимъ, малоизвѣстнымъ изданіямъ печатнаго матеріала придаетъ работѣ характеръ, исчерпывающій вопросъ. Но не въ этомъ только цѣнность сочиненія П. Н. Сакулина: еще въ большей степени оказалъ онъ услугу русской исторической наукѣ и исторіи литературы;

имъ впервые использованъ и (научно разработанный) пущенъ въ оборотъ обширный, неизданный рукописный матеріалъ изъ архива кн. Одаевскаго, обнимающаго свыше ста томовъ, сохранныхъ И. Публ. Библіотекой. Это дало возможность автору представить дѣятельность научную, философскую и литературно-художественную избраннаго имъ писателя съ такой полнотой, какой не достигали до сихъ поръ его предшественники: имъ открытъ рядъ, и довольно длинный, такихъ сочиненій В. О. Одоевскаго, о существованіи коихъ мы до сихъ поръ и не знали; имъ же, при помощи этого матеріала, доказана принадлежность В. О. Одоевскому такихъ печатныхъ трудовъ, которые до сихъ поръ не считались въ его литературномъ наслѣдіи. Поэтому понятно, что послѣ работъ П. Н. Сакулина личность кн. Одоевскаго предстала предъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ; мало того: широкій и глубокий анализъ эпохи, современной Одоевскому, въ значительной степени освѣтилъ и всю нашу общественную и литературную жизнь въ цѣломъ ея направленіи съ яркостью, съ которой до сихъ поръ сдѣлать это не удавалось историку русской культуры, и это—въ знаменательную эпоху созданія русскаго художественнаго реализма подъ перомъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго.

«Составляя цѣнный вкладъ въ изученіе дѣятельности кн. В. О. Одоевскаго книга П. Н. Сакулина, какъ захватывающая съ замѣчательной полнотой эту знаменательную эпоху какъ обильная новымъ матеріаломъ и старымъ, мастерски разработаннымъ, книга П. Н. Сакулина становится источникомъ не только для интересующихся кн. Одоевскимъ, но и для изслѣдователей и историковъ русской жизни первой половины прошлаго вѣка вообще.

«Отмѣченныя достоинства труда П. Н. Сакулина безусловно заставляютъ признать ее весьма цѣннымъ и крупнымъ вкладомъ въ русскую науку, а тѣмъ самымъ даютъ право признать П. Н. Сакулина достойнымъ

высшей ученой степени — доктора русского языка и словесности».

Нынѣ 13 окт. послѣ защиты диссертанта истор.-филологической факультетъ единогласно постановили: «признать магистранта П. Н. Сакулина достойнымъ высшей степени доктора русского языка и словесности и ходатайствовать передъ Совѣтомъ Ун-та объ утвержденіи въ означенной степени».

Замѣчательное евангеліе.

Въ составъ обширной Антиохійской патриархіи входитъ одинъ небольшой приморскій городокъ, портъ Антиохія, Латтакія, древняя Лаодикия. когда-то оживленный центръ христіанской жизни, городъ помѣстныхъ соборовъ (Лаодикійскій).

Лаодикия сохранила одну изъ древнѣйшихъ реликвій христіанства, древнее евангеліе, соприкасающееся, по времени своего появленія, съ вѣкомъ Константина и Елены.

Молва о замѣчательномъ евангеліи наполняетъ Сирію.

«Въ Хамѣ, — рассказываетъ въ «Археологическихъ памятникахъ Сиріи» (1902) Э. И. Успенскій, — мы получили нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Передавали, что въ Лаодикеѣ находится въ митрополіи евангеліе, найденное въ развалинахъ Фаруса и относящееся, о чемъ гласитъ записъ, ко времени игумена монастыря Феодора. Говорятъ, что ему болѣе 1500 лѣтъ... Эти свѣдѣнія мы не могли проверить».

Не могли ихъ проверить также Ватюзъ, Жюльенъ и др. ученые изслѣдователи Сиріи потому, что въ своемъ движеніи по странѣ держались одного опредѣленнаго пути, большого сирійскаго тракта: Бейрутъ, Баальбекъ, Дамаскъ, Хомсъ, Хама, Алеппо, Александретта.

Сворачивать въ стороны, въ медвѣжьи углы Сиріи, куда рѣдко ступаетъ нога европейца, они избѣгали или не имѣли возможности. Латтакія поэтому оставалась для нихъ недоступной.

Въ Латтакію попасть скорѣе всего можно случайно. И пишущему эти строки удалось посѣтить таинственный городъ именно такимъ образомъ.

Загадочное евангеліе оказалось хранящимся въ арабской церкви св. Георгія, въ специальномъ шкапу, подъ замкомъ, какъ большая святыня.

Русскому оно было показано охотно.

Палеографическій анализъ памятника оказался говорящимъ въ пользу легендарной его древности. По внѣшности евангеліе представляетъ объемистую книгу, почти квадратную, формата мелкаго, типа нашего Изборника 1076 г.

Переплетено въ доску, покрытую малиноваго цвѣта кожей. На кожѣ никакого тисненія или металлическихъ бляхъ, но приделаны къ переплету заставки.

Заглавнаго листа евангеліе не имѣетъ.

Греческій евангельскій текстъ, сплошной, во всю ширину страницы, писанъ весьма тщательно, на прекрасномъ, пожелтѣвшемъ отъ времени, тогда только что, съ IV в., входившемъ въ широкое употребленіе, пергаментѣ, отнюдь не палимпсестѣ.

Письмо съ обѣихъ сторонъ. Нумерація какъ въ Александрійскомъ кодексѣ (Vv.): греческія буквы поставлены посрединѣ каждой строки вверху.

На листахъ пергамента видны слѣды линовки какимъ-то остріемъ; линовки полей не видно. Чернила поразительной свѣжести; можетъ-быть, они были желѣзистыя.

Характеръ письма, — майюскулъ униціальный (квадратный), — простой, суровый. Какъ и въ Синайскомъ кодексѣ (IV — V вв.), инициаловъ (заглавныхъ буквъ) нѣтъ, орнаментъ отсутствуетъ совершенно: ни заставокъ, ни тѣмъ болѣе миньятюръ. Смысли почерковъ, на бѣглый взглядъ, не видно, нѣтъ также греческой записи, а слѣлана на послѣднемъ листѣ рукописи записъ арабская, объясняющая время написанія и послѣдующія судьбы евангелія.

Въ переводѣ записъ гласитъ слѣдующее:

«Никифоръ, митрополитъ Латтакійскій. Наипервѣйшимъ своимъ долгомъ полагаю заботу о церквахъ Божіихъ и св. евангеліи, которое есть вода жизни и орудіе спасенія для впавшихъ въ погибель.

Благодареніе Богу, которому подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ.

Возобновленіе сего евангелія, сего свѣтильника вѣры, евангелія церкви *Фаруса*, при содѣйствіи духовнаго брата и священника Мусы, совершилъ сынъ покойнаго богомольца Констан-

тинъ, именуемый Ибнъ-Крешъ изъ Латтакіи, православный. Послѣ настоячивыхъ поисковъ обнаружена дата священной сей книги, писанной рукою *Св. Θεοδοσία*, настоятеля монастыря, въ 492-мъ году.

Исправлено подъ руководствомъ митрополита Никифора въ 1727 году.

Писатель сихъ строкъ — священникъ Антоній, сынъ священника Мусы изъ Латтакіи».

Къ записи приложена церковная печать митрополита Никифора.

Игн. Стеллецкій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ
ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

*А. К. Живелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина
и В. И. Семевского.*

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Историческая беллетристика.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Различныя матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размеромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **7 р. 50 к** (безъ № 1), на 9 мѣсяцевъ (съ апрѣля до конца года) **6 руб. 50 коп.**, на $\frac{1}{2}$ года **4 руб.**, на одинъ мѣсяць **1 руб.**, за границу **10 руб**
===== Перемѣна адреса **20 коп.** =====

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала **1 руб.**

Подписка принимается:

въ **МОСКВѢ**: въ конторѣ журнала (Тверская, д. № 48). Телеф. № 5-39-39;
въ **ПЕТЕРБУРГѢ** и въ другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина.

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ: 75 руб. за страницу; 40 руб. — $\frac{1}{2}$ стр.; 25 руб. — $\frac{1}{4}$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колон.) 60 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ и суббота отъ 3 до 4 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**